This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

СОВРЕМЕННИКЪ

XVIII, 1

1849

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СОВРЕМЕННИКЪ

XVIII, 1

СВРЕМЕНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XVIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1849

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
AUG 1 1975
AP50
S695
[n.s.] V. 18:1
1849

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

ationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974

О ПЕРЕМѢЩЕНІИ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНТОРЫ
СОВРЕМЕННИКА

Контора Языкова и Ко., дѣятельность которой развивается и принимаетъ обширные коммерческіе размѣры, непредвидитъ возможности, по множеству собственныхъ дѣлъ, удѣлять впредь должное количество времени занятіямъ конторою журнала. Поэтому мы находимъ нужнымъ перемѣнить помѣщеніе конторы Современника. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ принести Конторѣ Языкова и Ко. нашу искреннюю благодарность за примѣрную дѣятельность и исправность ея во время трехлѣтняго завѣдыванія нашею конторою. Петербургская контора «Современника» съ слѣдующаго года будетъ находиться:

на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгардъ, при книжномъ магазинѣ Ѳедора Васильевича Базунова (бывшемъ Смирдина).

Чтобъ отклонить однакожъ отъ г. Базунова лишнія безпокойства и переписку по журналу, мы считаемъ нужнымъ увѣдомить нашихъ подписчиковъ, что *контора Современника* не имѣетъ ничего общаго *съ магазиномъ г. Базунова*, кромѣ помѣщенія, которое по своему положенію (въ лучшей части Невскаго проспекта, въ нижнемъ этажѣ, окнами на проспектъ) представляетъ всѣ условія, выгодныя для журнальной конторы. *Контора же Современника находится подъ личнымъ управленіемъ редакціи.*

Итакъ съ подпискою на Современникъ 1850 года мы просимъ обращаться кромѣ С. Петербургской Газетной Экспедиціи и нашей московской конторы (остающейся въ прежнемъ мѣстѣ), уже не въ контору Языкова и Ко., а **въ НОВУЮ ПЕТЕРБУРГСКУЮ КОНТОРУ СОВРЕМЕННИКА** (*), адресуя свои требованія такимъ образомъ:

Въ Контору Редакціи Современника, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгардъ, при книжномъ магазинѣ Ѳ. В. Базунова.

Равнымъ образомъ и во всемъ, касающемся Современника 1850 года, подписчики должны будутъ адресоваться въ эту контору, какъ прежде адресовались они въ контору Языкова. Принявъ на себя лично управленіе конторою и имѣя людей, *исключительно* опредѣленныхъ для принятія подписки, раздачи и разсылки экземпляровъ, сношеній съ Гг. иногородными, отвѣтовъ на ихъ запросы, справокъ по ихъ жалобамъ, и т. п., — редакція можетъ обѣщать публикѣ въ этомъ отношеніи полную исправность.

Во всемъ же, что относится до Современника 1849 года, подписчики благоволятъ адресоваться въ старую контору, которая до конца года будетъ исполнять все касающееся ея обязанностей по журналу (**).

---

*) Это однакожъ не должно внушать опасенія тѣмъ, которые уже послали свои требованія и деньги въ старую контору: эти требованія, вмѣстѣ съ деньгами, будутъ переданы въ новую контору, и ни малѣйшей остановки въ высылкѣ журнала не произойдетъ.

(**) Такъ, напримѣръ, если при случившейся раза два въ нынѣшнемъ году просрочкѣ въ доставленіи къ намъ модныхъ картинокъ изъ Парижа (просрочкѣ, объяснимой непредвидѣнными остановками и замедленіями пароходовъ), — если при этомъ кто-либо изъ подписчиковъ не получилъ которой-нибудь модной картинки, то благоволитъ объ этомъ увѣдомить *старую* контору. Картинка будетъ тотчасъ выслана. Равнымъ образомъ, если кто изъ имѣющихъ право не получилъ еще почему-нибудь «*Литературнаго Сборника съ иллюстраціями*» или первыхъ частей романа «*Три страны свѣта*», то за этимъ должно также обращаться въ *старую* контору. Какъ «Сборника», такъ и первыхъ частей означеннаго романа довольно еще есть въ Редакціи, и такія требованія будутъ немедленно удовлетворены. Въ случаѣ какого-нибудь замѣшательства можно обращаться прямо въ Редакцію: — *на Невскомъ проспектѣ, близъ Грязной, въ домѣ Вильде, на имя Николая Алексѣевича Некрасова.* *Ред.*

ОБЪ ИЗДАНІИ

СОВРЕМЕННИКА

въ 1850 году

Кому не извѣстно, что достоинства и недостатки журнала тѣсно связаны съ бо́льшимъ или мѣньшимъ количествомъ талантовъ, дѣйствующихъ на литературномъ поприщѣ въ данную эпоху и т. д. Истекающій годъ не былъ особенно богатъ въ литературномъ отношеніи. Несмотря на это, слѣдующій перечень главныхъ статей, напечатанныхъ въ одиннадцати нумерахъ Современника на 1849 годъ покажетъ, что Современникъ въ этомъ году не только не былъ бѣднѣе прежнихъ годовъ хорошими статьями, но даже, по нѣкоторымъ отдѣламъ, богаче. А это, въ свою очередь, лучше всякихъ возгласовъ и пышныхъ фразъ, засвидѣтельствуетъ, что редакція дѣлала свое дѣло, не упуская ничего, чтобъ поддержать журналъ, удостоившійся вниманія просвѣщенныхъ русскихъ читателей съ перваго же года своего преобразованнаго существованія.

Въ XI до нынѣ вышедшихъ книжкахъ Современника напечатаны:

ПО ОТДѢЛУ СЛОВЕСНОСТИ.

Жюли. Романъ въ двухъ частяхъ *А. В. Дружинина.*

Три страны свѣта. Романъ въ осьми частяхъ *Н. А. Некрасова и Н. Н. Станицкаго.*
(Части IV, V, VI, VII и VIII; первыя три части, напечатанныя въ 1848 году, выданы новымъ подписчикамъ безденежно.)

Записки охотника. Три разсказа: I. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. II. Чертопхановъ и Недопюскинъ. III. Лѣсъ и степь. *И. С. Тургенева.*

Признанія Ламартина (XII книгъ.) Перев. *А. И. Кронеберга.*

Выгодное предпріятіе. Драматическая фантазія *П. Н. Мекшикова.*

Маскарадная быль. *Ипполита П—ва.*

Неутѣшная вдова. Романъ *Мери* (въ двухъ частяхъ).

Похожденія Нанатова или недолгое богатство. Двѣ части, *Д. В. Григоровича.*

Маленькій братецъ. Комедія для домашняго театра. *А. Д.*

Искатель приключеній. Романъ *Жюля Сандъ.*

Варинька. Повѣсть *М. Авдѣева.*

Цыганъ. Романъ Джемса, переводъ съ англійскаго *А. И. Кронеберга.*
(Части I, II, III и IV.)

Ошибка, повѣсть *Евгенія Тур.*

Пасѣка, повѣсть *Н. Н. Станицкаго.*

ПО ОТДѢЛУ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ:

Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ. *С. М. Соловьева* (четыре статьи).

Письма объ Испаніи. *В. П. Боткина* (двѣ статьи).

О русскихъ солдатахъ до Петра Великаго. *П. И. Небольсина.*

О назначеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи.

Богатства древняго Рима и знакомство его съ Грецією и Востокомъ. *А. И. Кронеберга.*

Четыре мѣсяца въ обществѣ золотопромышленниковъ верхней Калифорніи. Дневникъ путешественника *Теренція Брукса.*

Пріиски золота въ Калифорніи и значеніе драгоцѣнныхъ металловъ въ промышленномъ обращеніи вообще. *И. А.*

Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія профессора Шлейдена. X, XI и XII (послѣднее) чтенія.

Ам[illegible]ческій лагъ урари *М. Х.*

Смерть Ярополка Изяславича (въ 1086 году.)
Отрывки изъ физической географіи. О волканахъ. *Д. М. Перевощикова.*
Матеріялы для исторіи Петра Великаго *князя Вл. К—ва.*
Гумбольдтъ и его Космосъ. Статья пятая *Н. Г. Фролова.*
Очеркъ нашихъ знаній объ электричествѣ.
О механическихъ изобрѣтеніяхъ.
Выставка въ Академіи Художествъ въ 1849 году.

ПО ОТДѢЛУ КРИТИКИ И БИБЛІОГРАФІИ:

Здѣсь мы можемъ указать только на главнѣйшія статьи:

a) РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Замѣтки о русской литературѣ 1848 года.
Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства. Статья *К. Д. Кавелина.*
Руководство отчетливо и выгодно заниматься Сельскимъ Хозяйствомъ, или бесѣды о частныхъ доходахъ и удовлетвореніи нуждъ всего государства, о направленіи избытковъ за границу, соч. помѣщика А. И Жукова. Статья *А. Н. Енукова.*
Исторія русской церкви, сочин. Рижскаго Епископа Филарета (двѣ статьи) *А. Афанасьева.*
Покореніе Сибири. Историческое изслѣдованіе *П. Небольсина.*
Статья о Кавказѣ по поводу двухъ брошюръ полковника Неверовскаго. Соч. *Н. Ф.*
Сочиненія Капниста.
Сочиненія Нахимова, Милонова и Судовщикова.

b) ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Исторія завоеванія Перу, съ предварительнымъ взглядомъ на образованность инковъ. Соч. Вильяма Прескота (пять статей.)
Духовидецъ, новый святочный разсказъ Диккенса.
Переписка Гораса Вальполя съ графиней Оссори.
Драма Скриба и критика Планша.
Дневникъ генерала Гордона, изданный кн. Оболенскимъ и докторомъ Постельсомъ.
Американская экспедиція въ пустыни Новой Мексики.
Жизнь Карла Ламба.
Путешествіе къ источникамъ рѣки Санъ-Франциско и въ провинцію Гоянъ, Огюста де Сентъ-Илера.
Путешествіе въ южную Африку, Адульфа Дельгорга.

ПО ОТДѢЛУ СМѢСИ:

Картины Миссисипи. Свѣтлыя и темныя стороны американской жизни. Четыре разсказа. I. Семь дней на американскомъ пароходѣ. II. Докторъ Миддльтонъ. III. Охотникъ Стеффенсъ и собака его Поппи. IV. Месть. Соч. *Фридриха Герштекера.*

Исторія растительности британскихъ острововъ.
Кризисъ. Драматическая повѣсть *Октава Фельё*.
Русскій Монте Кристо, разсказъ дурного тона.
Жена часового мастера. Расказъ *Н. Н. Станицкаго*.
Призракъ дѣда. Разсказъ *Н. А. Головкова*.
Приложеніе электрическихъ телеграфовъ къ метеорологическимъ изслѣдованіямъ.
Дѣйствіе хлороформа на растеніе мимозу.
Новыя замѣчанія о распространеніи звука.
О глубинѣ посѣва. Ст. *И. Рѣшетникова*.
Рафаэль, страницы двадцатаго года жизни. Соч. Ламартина (въ двухъ книжкахъ).
Дворецъ крымскихъ хановъ въ Багчесараѣ (двѣ статьи) *Ф. А. Домбровскаго*.
Приключенія охотника Культера въ Калифорніи и Тихомъ Океанѣ.
Искуственное разведеніе устрицъ.
Новыя разложенія зернового хлѣба и мякины.
Замѣчанія на опытъ ломанія овса. *И. Рѣшетникова*.
Поэзія и правда моей жизни. Записки Гёте (четыре части.)
Охотничьи похожденія въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (четыре части). Соч. *Фридриха Гершгеккера*.
О болѣзни картофеля. *И. Рѣшетникова*.
Картофель въ Россіи.
Провинціяльныя письма. Письма первое и второе. *И. А—ва*
Опыты надъ плавленіемъ самыхъ огнеупорныхъ тѣлъ.
О количествѣ углекислоты въ атмосферѣ.
Записки русскаго моряка. I. Переходъ изъ Портсмута въ Капштадтъ.
Какъ на что̀ взглянешь, такъ и увидишь. Пословица *Октава Фельё*.
Старая зала. Повѣсть.
Племя негровъ съ хвостами.
Теща, повѣсть Шарля Бернара.
Борнео и Сараваксій, роджа мистеръ Брукъ.
Землетрясеніе въ новой Зеландіи. Журналъ очевидца.
Психологическая задача, быль.

Современныя Замѣтки (одиннадцать статей. Подъ этой рубрикой ежемѣсячно сообщались подробные отчеты о русской журналистикѣ, всѣ новости въ мірѣ наукъ, искусствъ, литературы, театровъ, общественной жизни и т. п., какъ въ Россіи, такъ и за-границей).

МОДЫ (съ парижскими картинками).

Сверхъ того выданъ въ мартѣ 1849 года «Литературный [illegible]ник съ иллюстраціями», въ-замѣнъ «Иллюстрированнаго

Альманаха», обѣщаннаго редакціей въ 1848 году, но невыданнаго по причинамъ уважительнымъ, какъ уже о томъ было упомянуто въ Современникѣ (см. № IV, отд. III, стр. 96). Этимъ «Сборникомъ» редакція, по возможности, заплатила своимъ подписчикамъ долгъ, лежавшій на ней и много ее тяготившій, и заплатила, смѣемъ думать, безъ ущерба для нихъ, помѣстивъ въ «Сборникѣ» между прочимъ два произведенія, составляющія едва ли не самое капитальное пріобрѣтеніе русской литературы 1849 года: мы говоримъ о драмѣ графа Соллогуба «Мѣстничество» и эпизодѣ изъ романа г. Гончарова «Сонъ Обломова». Публика знаетъ, что редакція въ этомъ случаѣ сдѣлала все, чтобъ ни одинъ изъ ея подписчиковъ не понесъ ущерба отъ замедленія въ выходѣ Сборника: этотъ «Сборникъ» выданъ *всѣмъ* подписчикамъ 1848 года, *новымъ* подписчикамъ на 1848 годъ и даже подписчикамъ 1847 года, переставшимъ въ слѣдующіе годы выписывать журналъ.

Въ слѣдующемъ году Современникъ будетъ издаваться по той же программѣ. Объемъ журнала и время выхода остаются тѣже. Современникъ будетъ выходить перваго числа каждаго мѣсяца книжками отъ 20 до 25 и болѣе печатныхъ листовъ, съ гравированною на мѣди и раскрашенною въ Парижѣ картинкою (изъ журнала Les Modes Parisiennes) при каждой книжкѣ.

Окончивъ между прочимъ въ послѣднихъ книжкахъ нынѣшняго года уже начатыя статьи, съ слѣдующаго года мы будемъ печатать новыя произведенія тѣхъ же русскихъ ученыхъ и литераторовъ, которыхъ труды публика привыкла встрѣчать въ Современникѣ (и часто въ одномъ только Современникѣ) въ теченіи трехъ лѣтъ. Разумѣется, въ журналѣ нашемъ будетъ попрежнему открыто мѣсто и для новыхъ талантовъ, такъ-какъ посредничество между ними и публикою есть одна изъ главнѣйшихъ обязанностей журнала, добросовѣстно исполняющаго свое дѣло. За тѣмъ въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ мы будемъ руководствоваться тѣми же соображеніями, какими руководствовались до-нынѣ: не увлекаться тѣмъ, что имѣетъ мимолетный эфектъ, производитъ минутный шумъ, но въ сущности лишено истинныхъ литературныхъ достоинствъ, а представлять своимъ читателямъ произведенія, дѣйствительно заслуживающія перевода, и знакомить публику, по возможности, съ тѣми

Исторія растительности британскихъ острововъ.
Кризисъ. Драматическая повѣсть *Октава Фельё*.
Русскій Монте Кристо, разсказъ дурного тона.
Жена часового мастера. Разсказъ *Н. Н. Станицкаго*.
Призракъ дѣда. Разсказъ *Н. А. Головкова*.
Приложеніе электрическихъ телеграфовъ къ метеорологическимъ изслѣдованіямъ.
Дѣйствіе хлороформа на растеніе мимозу.
Новыя замѣчанія о распространеніи звука.
О глубинѣ посѣва. Ст. *И Рѣшетникова*.
Рафаэль, страницы двадцатаго года жизни. Соч. Ламартина (въ двухъ книжкахъ).
Дворецъ крымскихъ хановъ въ Багчесараѣ (двѣ статьи) *Ф. А. Домбровскаго*.
Приключенія охотника Культера въ Калифорніи и Тихомъ Океанѣ.
Искуственное разведеніе устрицъ.
Новыя разложенія зернового хлѣба и мякины.
Замѣчанія на очытъ ломанія овса. *И. Рѣшетникова*.
Поэзія и правда моей жизни. Записки Гёте (четыре части.)
Охотничьи похожденія въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (четыре части). Соч. *Фридриха Герштеккера*.
О болѣзни картофеля. *И. Рѣшетникова*.
Картофель въ Россіи.
Провинціяльныя письма. Письма первое и второе. *И. А—ва*.
Опыты надъ плавленіемъ самыхъ огнеупорныхъ тѣлъ.
О количествѣ углекислоты въ атмосферѣ.
Записки русскаго моряка. I. Переходъ изъ Портсмута въ Капштадтъ.
Какъ на что̀ взглянешь, такъ и увидишь. Пословица *Октава Фельё*.
Старая зала. Повѣсть.
Племя негровъ съ хвостами.
Теща, повѣсть Шарля Бернара.
Борнео и Сараваксій, роджа мистеръ Брукъ.
Землетрясеніе въ новой Зеландіи. Журналъ очевидца.
Психологическая задача, быль.

Современныя Замѣтки (одиннадцать статей. Подъ этой рубрикой ежемѣсячно сообщались подробные отчеты о русской журналистикѣ, всѣ новости въ мірѣ наукъ, искусствъ, литературы, театровъ, общественной жизни и т. п., какъ въ Россіи, такъ и за-границей).

МОДЫ (съ парижскими картинками).

Сверхъ того выданъ въ мартѣ 1849 года «Литературный Сборникъ съ иллюстраціями», въ-замѣнъ «Иллюстрированнаго

Альманаха», обѣщаннаго редакціей въ 1848 году, но невыданнаго по причинамъ уважительнымъ, какъ уже о томъ было упомянуто въ Современникѣ (см. № IV, отд. III, стр. 96). Этимъ «Сборникомъ» редакція, по возможности, заплатила своимъ подписчикамъ долгъ, лежавшій на ней и много ее тяготившій, и заплатила, смѣемъ думать, безъ ущерба для нихъ, помѣстивъ въ «Сборникѣ» между прочимъ два произведенія, составляющія едва ли не самое капитальное пріобрѣтеніе русской литературы 1849 года: мы говоримъ о драмѣ графа Соллогуба «Мѣстничество» и эпизодѣ изъ романа г. Гончарова «Сонъ Обломова». Публика знаетъ, что редакція въ этомъ случаѣ сдѣлала все, чтобъ ни одинъ изъ ея подписчиковъ не понесъ ущерба отъ замедленія въ выходѣ Сборника: этотъ «Сборникъ» выданъ *всѣмъ* подписчикамъ 1848 года, *новымъ* подписчикамъ на 1848 годъ и даже подписчикамъ 1847 года, переставшимъ въ слѣдующіе годы выписывать журналъ.

Въ слѣдующемъ году Современникъ будетъ издаваться по той же программѣ. Объемъ журнала и время выхода остаются тѣже. Современникъ будетъ выходить перваго числа каждаго мѣсяца книжками отъ 20 до 25 и болѣе печатныхъ листовъ, съ гравированною на мѣди и раскрашенною въ Парижѣ картинкою (изъ журнала Les Modes Parisiennes) при каждой книжкѣ.

Окончивъ между прочимъ въ послѣднихъ книжкахъ нынѣшняго года уже начатыя статьи, съ слѣдующаго года мы будемъ печатать новыя произведенія тѣхъ же русскихъ ученыхъ и литераторовъ, которыхъ труды публика привыкла встрѣчать въ Современникѣ (и часто въ одномъ только Современникѣ) въ теченіи трехъ лѣтъ. Разумѣется, въ журналѣ нашемъ будетъ попрежнему открыто мѣсто и для новыхъ талантовъ, такъ-какъ посредничество между ними и публикою есть одна изъ главнѣйшихъ обязанностей журнала, добросовѣстно исполняющаго свое дѣло. За тѣмъ въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ мы будемъ руководствоваться тѣми же соображеніями, какими руководствовались до-нынѣ: не увлекаться тѣмъ, что̀ имѣетъ мимолетный эфектъ, производитъ минутный шумъ, но въ сущности лишено истинныхъ литературныхъ достоинствъ, а представлять своимъ читателямъ произведенія, дѣйствительно заслуживающія перевода, и знакомить публику, по возможности, съ тѣми

иностранными писателями, которые пользуются въ Европѣ заслуженною извѣстностію, но еще не были переводимы на русскій языкъ (*). Замѣтимъ кстати, что съ цѣлію ближайшаго ознакомленія публики съ иностранными литературами, мы предположили себѣ постоянно печатать біографіи знаменитыхъ писателей, и, окончивъ въ настоящее время «Записки Гёте», мы уже имѣемъ въ-виду біографію Байрона и біографію Данта, изготовляемыя для будущихъ книжекъ Современника.

Вотъ все, что̀ находимъ мы нужнымъ сказать, объявляя о продолженіи Современника въ 1850 году. Черезъ трехлѣтнее посредничество ежемѣсячнаго журнала, публика, надѣемся, хорошо ознакомилась съ нашимъ образомъ дѣйствія, при изданіи Современника: пріобрѣтая для нашего журнала хорошіе матеріялы, даже иногда печатая вещи, которыхъ достоинства, слишкомъ яркія, не подлежатъ никакому сомнѣнію, мы однакожь не считаемъ нужнымъ сами обращать на нихъ глаза публики, твердо увѣренные, что хорошее будетъ замѣчено и безъ нашихъ возгласовъ; еще менѣе прибѣгаемъ мы къ этимъ средствамъ, чтобъ оправдать помѣщеніе статей сомнительнаго достоинства, которыхъ мы вообще стараемся всѣми мѣрами избѣгать. Пусть каждый пересмотритъ годичное изданіе Современника и укажетъ хоть одну статью, помѣщеніе которой не оправдывалось бы какими-нибудь достоинствами, возможностью полезнаго примѣненія и т. п. Можно сказать: зачѣмъ нѣтъ того, зачѣмъ нѣтъ другого, зачѣмъ то и то сдѣлано не такъ, какъ бы можно было сдѣлать? Но въ такомъ случаѣ нужно обвинить всю литературу. Что̀ касается до недостатковъ, безъ которыхъ не обходится ни одно дѣло рукъ человѣческихъ, то мы сами хорошо видимъ ихъ въ нашемъ журналѣ, и уменьшеніе числа ихъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ нашей дѣятельности.

Переходя къ разсылкѣ журнала — вопросу весьма важному для нашихъ иногородныхъ подписчиковъ, мы съ удовольствіемъ замѣтимъ, что эта часть въ нынѣшнемъ году окончательно приведена въ надлежащее устройство, судя по чрезвычайно незначительному числу жалобъ на неисправность доставки, получен-

(*) Въ этомъ отношеніи обращаемъ вниманіе читателей на печатающійся теперь въ Современникѣ романъ «Цыганъ», соч. Джемса, писателя замѣчательнаго, но которыя произведенія еще не были переводимы на русскій языкъ.

ныхъ нами въ этомъ году. Бываютъ еще (впрочемъ также нечасто) жалобы на *поздную доставку*, именно, что книжка, выходящая въ Петербургѣ въ началѣ мѣсяца, приходитъ на мѣсто только въ концѣ его; но это уже непріятность, съ которою гг. иногородные должны примириться, по невозможности отстранить ее. Выходя въ Петербургѣ въ первыхъ числахъ, книжки журнала сдаются въ Газетную Экспедицію не ранѣе какъ черезъ недѣлю (употребляемую на заклейку пакетовъ, надписаніе адресовъ и проч.), откуда они отправляются *по тяжелой почтѣ*. Вотъ причины нескорой доставки. Но читатели не должны забывать, что книжки Современника, какъ и нѣкоторыхъ другихъ журналовъ, выходятъ собственно *почти мѣсяцемъ впередъ* именно съ тою цѣлію, чтобъ замедленіе въ ихъ доставкѣ не было слишкомъ ощутительно для гг. иногородныхъ. Въ отношеніи къ полученію журнала, мы по прежнему просимъ подписчиковъ нашихъ *расписываться на картахъ*, а въ случаѣ неполученія тотчасъ увѣдомлять редакцію, чтобъ она могла розыскать дѣло и удовлетворить жалующагося. Въ случаѣ неудачъ въ розыскѣ, редакція по-прежнему обѣщаетъ удовлетворять всѣхъ, кто не получитъ какой-либо книжки журнала, *вторичной* высылкой книжки, для чего, по примѣру нынѣшняго года, будетъ печататься нѣсколько лишнихъ экземпляровъ. Такимъ образомъ (повторимъ здѣсь слова прошлогодней программы), если, при огромности пространства Россіи, и можетъ иногда случиться неисправность или задержка въ доставкѣ какой-либо книжки, то по-крайней-мѣрѣ мы можемъ положительно ручаться, что *ни одинъ изъ нашихъ подписчиковъ не будетъ имѣть экземпляра Современника не полнаго*.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе Современника, состоящее изъ двѣнадцати книжекъ (отъ 20 до 25 печ. листовъ въ каждой), съ двѣнадцатью гравированными на мѣди и раскрашенными въ Парижѣ картинками модъ — **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ** безъ пересылки; за пересылку и доставку на домъ прилагается особо **ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ**.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, *на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго Моста, въ домѣ г-жи Энгельгардъ, при книжномъ магазинѣ Вед. Вас. Базунова.*

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, *на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Университетской типографіи, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Контору Современника, въ С. Петербургѣ, или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.*

За *непремѣнное* и *немедленное* исполненіе *такимъ образомъ адресованныхъ* требованій редакція *можетъ вполнѣ ручаться*, и потому проситъ иногородныхъ подписчиковъ, во избѣженіе неисправности, жалобъ и переписки, обращаться *исключительно* въ одну изъ конторъ журнала или въ Газетную Экспедицію Спб. Почтамта. О выходѣ каждой книжки будетъ публиковано въ газетахъ обѣихъ столицъ....

Въ заключеніе, редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ доставлять свои требованія на журналъ заблаговременно, чтобъ можно было знать, сколько экземпляровъ печатать на слѣдующій годъ.

Редакторъ и издатель И. ПАНАЕВЪ.
Издатель Н. НЕКРАСОВЪ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, октября 1-го дня 1849 года.
Цензоръ *А. Крыловъ.*

Печатано въ типографіи Эдуарда Праца.

I.

ПАСѢКА.

повѣсть.

(М—лу Н—чу Л—ву.)

ГЛАВА I.

Въ одинъ изъ томительныхъ жаркихъ лѣтнихъ дней, въ чащѣ огромнаго лѣса южной губерніи, на свѣжо сломанномъ бурею деревѣ, отдыхали два охотника; у ногъ ихъ лежала красивая лягавая собака; она тяжело дышала, высунувъ свой красный, сухой языкъ. Несмотря на то, что время клонилось къ вечеру, жаръ не спадалъ. Такъ было тихо кругомъ ихъ, какъ-будто все замерло въ лѣсу. Ни травка, ни одинъ листикъ не шелохнулись. Лѣсъ такъ былъ густъ, что охотниковъ окружала со всѣхъ сторонъ плотная, высокая стѣна зелени, отнимавшая всякую возможность прохлады.

Одинъ изъ охотниковъ, щеголевато одѣтый, покрой платья котораго скорѣе былъ красивъ, чѣмъ удобенъ, снялъ бархатную небольшую фуражку и, тряхнувъ своими длинными, взмокшими волосами, съ сердцемъ сказалъ:

— Ну все по твоей милости, я умираю отъ жажды и задыхаюсь отъ усталости. Я говорилъ, взять провожатаго! Нѣтъ, не согласился! Вотъ теперь и блуждай по лѣсу.

И, взглянувъ на часы, онъ еще раздражительнѣе продолжалъ:

— Скоро солнце сядетъ, а ужь ночью трудно по этому глухому лѣсу пробираться; я и такъ себѣ ноги всѣ разбилъ и все лицо перецарапалъ.

— Останемся ночевать, равнодушно замѣтилъ его товарищъ въ картузѣ съ козырькомъ, походившимъ на бекасиный носъ.

— Ночевать! что ты, съ ума сошелъ! Не ты ли мнѣ разсказывалъ, что здѣсь бездна медвѣдей и волковъ? въ негодованіи воскликнулъ охотникъ въ бархатной фуражкѣ.

— Экой трусъ! насмѣшливо замѣтилъ его товарищъ. — Сейчасъ видно, что недавно изъ столицы. Деревенскому жителю тутъ только и раздолье, какъ дѣло дойдетъ до звѣря.

— Ну, запѣлъ свою старую пѣсню. Но я сегодня не намѣренъ спорить съ тобой о преимуществахъ столичной жизни. Да и чѣмъ тутъ хвалиться, что ты не боишься дурацкой смерти отъ звѣря?

— Ну, а чѣмъ же умнѣе смерть — застрѣлиться, напримѣръ, отъ любви, какъ ты хотѣлъ-было годъ тому назадъ? а?

И охотникъ въ картузѣ съ бекасинымъ носомъ тихо засмѣялся.

Веселость его еще больше раздражила охотника въ бархатной фуражкѣ, и онъ спросилъ грубо:

— Ну, чему тутъ смѣяться?

— Да какже не смѣяться: у васъ тамъ влюбятся, и если женщина разлюбила или не полюбила — бацъ! и ноги протянулъ... ха, ха, ха.... А знаешь, все это отчего происходитъ?

— Ну-ка, скажи? съ пресарѣніемъ возразилъ охотникъ въ бархатной фуражкѣ.

— Отъ душнаго воздуха и сидячей жизни мозгъ приходитъ въ болѣзненное состояніе, вслѣдствіе чего вы готовы изъ всякой глупости лишить себя жизни. Живи въ деревнѣ, ты бы въ два дня выздоровѣлъ отъ всякой такого рода болѣзни.

— Да ты былъ ли боленъ отъ любви, что такъ смѣло ручаешься за цѣлебность вашего деревенскаго воздуха? перебилъ его охотникъ въ бархатной фуражкѣ.

Товарищъ его призадумался на минуту и потомъ отвѣчалъ:

— Все равно, хоть и не былъ влюбленъ до такой глупой [illegible]ни, а навѣрное знаю, что и не влюблюсь. Ну, а еслибы

такое дурачество и нашло на меня, то ручаюсь тебѣ, что молодцомъ показалъ бы себя.

— Не горячись, мнѣ одна старуха говаривала, что есть добрые и недобрые часы: въ послѣдніе очень опасно за что-нибудь ручаться; ужь *дѣдушка* непремѣнно подшутитъ, смѣясь сказалъ охотникъ въ бархатной фуражкѣ.

Но вдругъ смѣхъ его замеръ, и онъ, вздрогнувъ, сталъ прислушиваться.

— Что съ тобой, Камышовъ? быстро спросилъ его товарищъ и тоже сталъ прислушиваться.

— Мнѣ.... послы....шалось, протяжно началъ охотникъ, но вдругъ смолкнулъ и указалъ на собаку, которая насторожила уши и тихо завизжала.

— Шершъ! крикнулъ охотникъ въ картузѣ.

Собака съ лаемъ кинулась между деревьями, охотникъ въ картузѣ за ней, а въ бархатной фуражкѣ тревожно закричалъ вслѣдъ:

— Ну, куда кинулся: можетъ быть, медвѣдь близко!

Взведя курки, охотники осторожно стали раздвигать вѣтви деревъ и красться. Лай собаки пронесся по лѣсу и нарушилъ его величественную тишину. Около огромнаго дуба была небольшая площадка. Собака, закинувъ голову на дерево, заливалась лаемъ. На верхушкѣ дуба слышенъ былъ шелестъ, и она слегка покачивалась.

При видѣ вооруженныхъ охотниковъ, собака какъ бы одушевилась; она царапалась на дерево, но лапы ея скользили, и она дико продолжала лаять.

— Что это за неслыханный звѣрь, что по деревьямъ лазитъ? съ удивленіемъ замѣтилъ охотникъ въ картузѣ.

И, привставъ на цыпочки, онъ старался разсмотрѣть, что производило шелестъ въ листахъ.

— Смотри! крикнулъ весело охотникъ въ бархатной фуражкѣ и указалъ туда, гдѣ мелькнуло что-то бѣлое.

— Подстрѣлить, а? что ли? Ну, что это можетъ быть? Гусь или лебедь; впрочемъ тутъ воды верстъ на двадцать нѣтъ.

— Что за странная птица! замѣтилъ охотникъ въ картузѣ и сталъ обходить около дуба въ сопровожденіи своей собаки, которая, уставъ лаять, выла на дерево.

Вдругъ, на страшной высотѣ, широкіе листья дуба раздвинулись — выставилось дѣтское личико и съ любопытствомъ смотрѣло на охотника въ бархатной фуражкѣ.

— Сюда! сюда! радостно закричалъ онъ.

Товарищъ его кинулся къ нему съ поднятымъ ружьемъ и, готовый выстрѣлить, спросилъ:

— А что, птица?

— Да, птица! смѣясь отвѣчалъ Камышовъ и отвелъ его ружье. Указавъ на-верхъ, онъ прибавилъ: исчезла!

— Что? поспѣшно спросилъ его товарищъ.

— Какой-то ребенокъ. Я видѣлъ одно лицо.

— Ну, что ты городишь! съ сердцемъ перебилъ его товарищъ. — И какому ребенку взлѣзть на такое толстое дерево и такъ высоко!

И онъ сталъ пробовать обнять дубъ.

— Божусь, я видѣлъ! горячась сказалъ Камышовъ.

— Полно, тебѣ показалось, замѣтилъ его товарищъ.

— Позовемъ его.

Охотникъ въ картузѣ, закинувъ голову, закричалъ:

— Эй! кто тамъ? слѣзь!

Охотники съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на дубъ, листья котораго зашумѣли: кто-то ползъ все выше и выше.

— А что? самодовольно замѣтилъ Камышовъ.

Товарищъ его грозно крикнулъ:

— Эй, кто тамъ? слѣзай, нето убью!

Ни одинъ листокъ не шелохнулся.

Это разсердило охотника въ картузѣ, онъ началъ кричать и грозить.

— Это скучно, оставь его, замѣтилъ Камышовъ.

— Да помилуй, что за дуракъ, сидитъ какъ звѣрь и не откликается! Къ тому же я навѣрно знаю, что на нѣсколько верстъ здѣсь и жилья нѣтъ. Если это точно ребенокъ, его надо спасти: скоро ночь, онъ заблудится, да еще на нору медвѣдя набредетъ.

— Спрячемся! можетъ, онъ отъ испугу не откликается, сказалъ Камышовъ.

Они отошли въ сторону за деревья и легли на траву, призвавъ собаку, которая все еще рвалась къ дубу.

Долго они лежали, не сводя глазъ съ дерева; вдругъ листья зашумѣли, и на большомъ сучкѣ, отдѣлившемся немного отъ другихъ, показалась дѣвочка и, покачиваясь на немъ, стала робко озираться во всѣ стороны. Черезъ минуту она начала спускаться, ловко цѣпляясь за сучки. Члены ея невѣроятно выгибались; дикое дитя природы не уступало въ гибкости звѣрю. Голова ея была иногда внизу, а ногами она держалась вверху за сучокъ и раскачиваясь ловила другой сучокъ; поймавъ его, она вдругъ быстро спускалась внизъ.

Въ первую минуту охотники не могли опредѣлить, точно ли это человѣкъ, или какой-нибудь невиданный звѣрь. Дѣвочка поминутно скрывалась вся въ зелени, а если и показывалась, то такъ изогнувшись, что охотники совершенно терялись.

Не переводя духу, слѣдили они за движеніями страннаго ребенка. Наконецъ Камышовъ спросилъ:

— Что это за звѣри у васъ?

Но онъ не получилъ отвѣта отъ своего товарища, который продолжалъ съ изумленіемъ глядѣть на дерево; при каждомъ опасномъ скачкѣ дѣвочки, черты его изображали ужасъ.

Въ зубахъ у дѣвочки появилась плетеная изъ прутьевъ корзинка съ грибами, что придавало странный видъ ея маленькому лицу. Она уже опустилась на послѣдній сучокъ и, измѣряя вышину, хотѣла спрыгнуть на землю, какъ вдругъ охотникъ въ картузѣ вскочилъ и, кинувшись къ дубу, съ испугомъ сказалъ:

— Упадетъ, надо ее снять!

Завидѣвъ охотниковъ, дѣвочка съ крикомъ кинулась снова цѣпляться за сучки и въ одну секунду исчезла въ густотѣ листьевъ.

Охотники въ недоумѣніи переглянулись.

— Слѣзь, пожалуйста слѣзь; мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ, крикнулъ охотникъ въ картузѣ.

Въ эту самую минуту другой охотникъ вскрикнулъ и схватилъ себя за носъ; за тѣмъ онъ поднялъ грибъ, упавшій у его ногъ, и, показавъ его своему товарищу, сказалъ:

— Да она славное оружіе изобрѣла!

Товарищъ же его, весь въ поту, силился взлѣзть на дубъ; руки и ноги его скользили, и онъ только царапалъ себѣ ихъ, не достигая цѣли.

— Ну, какъ не стыдно тебѣ... и стоитъ ли она, чтобъ ты себѣ всѣ руки перецарапалъ... смотри, всѣ въ крови; оставь ее, видишь, что она изъ смѣлыхъ, замѣтилъ Камышовъ, чистя свою бархатную фуражку.

— Тьфу пропасть! Ужь не русалка ли это? воскликнулъ измученный охотникъ, въ картузѣ съ бекасинымъ носомъ.

— Да, это чистая бѣлка, въ видѣ дѣвочки, замѣтилъ его товарищъ.

При этомъ словѣ, листья раздвинулись, и дѣвочка, выставивъ свое личико, вопросительно смотрѣла на охотниковъ, которые, обрадовавшись, спросили въ одинъ голосъ:

— А какъ выбраться изъ лѣсу?

— Изъ лѣсу? насмѣшливо, звонкимъ голосомъ повторила дѣвочка.

— Да, мы охотники! отвѣчали ей.

— Охотники.... а какіе?

И дѣвочка, спрыгнувъ на нижній сучокъ, устремила на охотниковъ свои большіе и совершенно темно-зеленые глаза, выраженіе которыхъ не согласовалось съ ея миньятюрнымъ и дѣтскимъ личикомъ.

Камышовъ попятился назадъ, а его товарищъ покойно отвѣчалъ, глядя пристально на дѣвочку:

— Мы кутуловскіе!

— А, а, а! весело воскликнула дѣвочка: — идите все прямо, все прямо.

И дѣвочка протянула свою руку, необыкновенной бѣлизны, съ маленькой кистью, и указала влѣво.

— Проводи насъ, сказалъ охотникъ въ картузѣ, стараясь унять кровь, которая текла изъ его руки.

Дѣвочка сдѣлала большіе глаза и съ испугомъ спрашивала у другого охотника, указывая на раненую руку его товарища:

— Руку убилъ?

И, цѣпляясь съ сучка на сучокъ, она вдругъ спрыгнула съ страшной высоты на землю и какъ вкопаная стала противъ охотника въ картузѣ, который отъ такого неожиданнаго и смѣлаго скачка отступилъ на нѣсколько шаговъ.

Дѣвочка ростомъ была довольно велика для ея миньятюрнаго личика. Станъ ея былъ пропорціонально тонокъ, но худобы въ ней не было видно, потому-что открытыя руки и плечи были

круглы; особенно поражала ихъ бѣлизна. Нарядъ ея былъ несложенъ: довольно толстая рубашка съ открытымъ воротомъ и широкими коротенькими рукавами, коротенькая затрапезная полинялая юбочка. Длинныя, совершенно золотистыя косы ложились на ея грудь и, обхватывая талію, завязаны были назади какой-то травой. Вообще, эта бѣлизна, эта стройность стана и эти глаза, то свѣтло-зеленые, то темные, мѣнявшіеся поминутно отъ густыхъ темныхъ рѣсницъ, до такой степени поразили охотниковъ, что они молча глядѣли на дѣвочку.

— Чья ты? откуда? быстро спросилъ ее охотникъ въ картузѣ.

Дѣвочка, поглядывая робко на собаку, отвѣчала:

— Я.... здѣшняя, изъ пасѣки.

— Не бойся ея! замѣтилъ охотникъ въ картузѣ, взявъ собаку за ошейникъ.

Дѣвочка улыбнулась, выказала рядъ маленькихъ, но необыкновенно бѣлыхъ и граціозныхъ зубовъ и, вытащивъ изъ-за пазухи корку хлѣба, смѣло протянула руку проголодавшейся собакѣ, которая радостно кинулась къ ней. Охотники думали, что дѣвочка испугается, но она, преспокойно давъ собакѣ кусокъ хлѣба, стала ее гладить по головѣ и заглядывать ей въ глаза.

— Ты знаешь дорогу домой?... къ себѣ?... спросилъ охотникъ въ картузѣ.

— Знаю.

— Ну такъ проведи и насъ.

— Мы устали, подхватилъ другой.

— Къ дѣдушкѣ? спросила дѣвочка.

— Къ какому дѣдушкѣ? спросили охотники.

Дѣвочка съ удивленіемъ посмотрѣла на нихъ и опять повторила:

— Къ дѣдушкѣ?

— Къ кому хочешь, сказалъ охотникъ въ картузѣ.

Дѣвочка молча пошла впередъ, собака побѣжала за ней: вѣрно, думала еще получить что-нибудь. Охотники тоже послѣдовали за ними. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, охотникъ въ картузѣ спросилъ дѣвочку:

— А какъ тебя зовутъ?

— Бѣлка! не поворачиваясь отвѣчала дѣвочка, занятая подразниваніемъ собаки: собака припрыгивала, стараясь достать корзинку съ грибами, которую дѣвочка держала высоко.

— [illegible] охотники.

— [illegible] протяжно выговорила дѣвочка.

Охотники выразительно переглянулись между собою; замѣтили ей: дѣвочка повторила: Бѣлка, Бѣлка!

— Ей Маня, а далеко ли твой дѣдушка? спросилъ охотникъ въ картузѣ.

— Недалеко: только пройдемъ дубы, будутъ липы,—вотъ и дѣдушка.

— А есть ли здѣсь вода? я пить хочу.

— Куда? всклинкнула дѣвочка.

Она остановилась будто что-то припоминая и вдругъ, быстро повернувшись назадъ, повелительно сказала охотникамъ:

— Пойдемъ сюда.

— Вѣдь ужь близко, подожди, замѣтилъ Камышовъ.

— Воображаешь! у лѣсныхъ жителей все близко, если они въ своемъ лѣсу, а мнѣ пить страшно хочется, отвѣчалъ охотникъ въ картузѣ.

Охотники послѣдовали за дѣвочкой. Лѣсъ былъ густъ, но пни и сухіе сучья ни на минуту не пріостановили дѣвочку; она шла какъ-будто по гладкому полу.

— Какъ это она себѣ ногъ не переломаетъ! замѣтилъ Камышовъ, споткнувшись объ пень и съ гримасами потирая ногу.

Бѣлка точно летѣла, а не шла; ея зоркіе зеленые глаза быстро бѣгали по сторонамъ; она успѣвала собирать грибы въ корзинку, а въ ротъ ягоды, и между тѣмъ усталые охотники не могли за ней поспѣвать. Она скрылась у нихъ изъ виду съ собакой, которая, забывъ своихъ хозяевъ, бѣжала возлѣ нея.

— Ну, она, кажется, пропала? замѣтилъ охотникъ въ картузѣ.

Но звонкое а-ууу! раздалось въ лѣсу, и онъ улыбнулся. Его товарищъ сказалъ:

— Знаешь, что? ужь не сыграли бы съ нами шутки эти зеленые глаза: они что-то странны; да и голосъ-то у ней не дѣтскій.... слышишь!

Дѣвочка продолжала кричать: ау, ау!

— Полно, куда нашимъ дуракамъ хитрить; она вѣдь не въ столицѣ воспитывалась, а въ лѣсу, отвѣчалъ охотникъ въ картузѣ.

И они пошли на голосъ дѣвочки. Большія кочки — признакъ болотистой почвы, замедляли путь, и охотникъ въ бархатной фуражкѣ замѣтилъ:

— Смотри, скоро болото, чтобъ она не утопила насъ.

— Утопитъ, не утопитъ, а защекочетъ, смѣясь отвѣчалъ его товарищъ и прибавилъ шагу.

Охотники завидѣли дѣвочку, манившую ихъ къ себѣ. Подойдя къ ней, они были поражены хитростью обитательницы лѣсовъ. Дѣвочка стояла плотно обѣими своими бѣлыми маленькими ножками въ тонкой изумрудной зелени, по которой тихо струилась узенькой, едва замѣтной полоской чистая вода: отъ давленія ея ногъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣлались углубленія, и въ нихъ набѣгала чистая вода.

Приподнявъ юбочку, съ раскраснѣвшимися слегка щеками, дѣвочка своими зелеными глазами лукаво глядѣла на собаку, которая съ жадностью хлѣбала воду у ея ногъ.

— Пей скорѣе, ато убѣжитъ, сказала дѣвочка, и присѣвъ начала черпать горстью воду и пить ее.

Охотники послѣдовали ея примѣру и, утоливъ жажду, поблагодарили ее. Дѣвочка самодовольно улыбнулась и гордо приняла благодарность. Она повелительно указала охотникамъ итти назадъ, а сама осталась на томъ же мѣстѣ. Утоливъ жажду; охотники пошли бодрѣе. Дѣвочка между тѣмъ вымыла себѣ лицо и руки, и принялась вытирать своею юбочкой.

Камышовъ оглянулся и сказалъ своему товарищу, указывая на дѣвочку:

— Смотри-ка, чего добраго, она собирается кокетничать передъ нами.

Въ эту минуту дѣвочка, какъ нарочно, развязавъ свои косы у пояса, откинула ихъ назадъ и стала мочить ихъ водой и гладить.

— Какія длинныя косы! воскликнулъ съ изумленіемъ охотникъ въ картузѣ: — я думаю, ее всю можно запутать въ нихъ!

Дѣвочка, занятая своимъ туалетомъ, и не замѣтила, что охотники смотрятъ на нее. Смочивъ волосы водой, она снова обвила ими свою талію и завязала ихъ назади, потомъ взяла корзину съ грибами и, припрыгивая, побѣжала къ охотникамъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ? такимъ вопросомъ встрѣтилъ ее Камышовъ.

Дѣвочка странно посмотрѣла на него.

— Ты большая! за-мужъ хочешь? перебилъ его товарищъ.

— За-мужъ! радостно воскликнула дѣвочка, и прибавила: — хочу, хочу.

— А женихъ есть?

— Женихъ?... нѣтъ, у меня нѣтъ еще жениха! съ тяжелымъ вздохомъ отвѣчала дѣвочка.

— Почему?

— Дѣдушка сказалъ, что мнѣ нужно такой, такой вырости.

И дѣвочка вытянула руку кверху и привстала на цыпочки.

Охотники улыбнулись, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ :

Долго же ей ждать жениха.

Дѣвочка продолжала :

— Мнѣ дѣдушка пообѣщалъ подарить три улья: они ужь мои будутъ.

— Ага! однако, твоя дикарка понимаетъ наслажденіе правъ собственности, замѣтилъ насмѣшливо Камышовъ.

Продолжая дорогу, они болтали съ дѣвочкой, которая разсказывала имъ про своего дѣдушку и про пчелъ.

Лѣсъ начиналъ рѣдѣть и солнце садилось. Огненный свѣтъ мелькалъ между деревьями, зелень которыхъ такъ была ярка, что дѣлалось больно глазамъ.

По мѣрѣ того, какъ охотники подвигались впередъ, становилось душнѣе ; воздухъ пропитанъ былъ ароматомъ. Дѣвочка припрыгивая повторяла весело :

— Дѣдушка, дѣдушка!

— Развѣ близко? спросили ее.

— А вонъ, вонъ летитъ пчелка! закричала дѣвочка, звонко засмѣявшись, и стала махать, чтобъ загнать пчелу назадъ

Охотники пришли въ небольшую липовую рощу.

— Сюда, сюда! привѣтливо маня ихъ рукою, сказала дѣвочка, и вдругъ скрылась.

Черезъ минуту между двумя липами растворилась плетеная небольшая калитка; дѣвочка, впустивъ охотниковъ, проворно захлопнула ее, звонко засмѣялась и пустилась бѣжать впередъ.

— Чему она такъ смѣется? вздрогнувъ спросилъ Камышовъ.

— Отъ радости, что дома, отвѣчалъ покойно его товарищъ, втриваясь кругомъ

Довольно большое пространство, окруженное плетнемъ, по которому росли кругомъ липы; по плетню внутри вился душистый горохъ; клеверъ покрывалъ всю траву. Уродливые ульи были разбросаны между огромными липами. Дѣвочка мелькала между ними, дико крича:

— Дѣдушка! дѣдушка!

— Здѣсь, здѣсь! послышался невдалекѣ отъ охотниковъ дрожащій голосъ.

Охотники увидѣли дѣвочку, тащившую за руку какую-то уродливую старческую фигуру. Овчинный тулупъ былъ надѣтъ на старикѣ шерстью вверхъ. Вѣроятно, отъ сильнаго жара, лицо покрыто было сѣткой, изъ-подъ которой виднѣлась желтовато-сѣдая длинная борода. На рукахъ были рукавицы. Въ этомъ-то нарядѣ притащила его дѣвочка къ охотникамъ, при видѣ которыхъ старикъ снялъ рукавицы и сѣтку, открылъ лысую голову съ небольшимъ ободочкомъ сѣдыхъ волосъ и, низко кланяясь, спросилъ: «чего ихъ милости угодно?» Охотники отвѣчали, что они сбились съ дороги и, встрѣтивъ дѣвочку, просили ее провести ихъ къ нему отдохнуть.

— Милости просимъ, милости просимъ, радушно сказалъ старикъ и въ тоже время бросилъ грозный взглядъ на дѣвушку, которая, прислонясь небрежно къ липѣ, насмѣшливо поглядывала на него.

— Это твоя внучка, дѣдушка? спросилъ охотникъ въ картузѣ, указывая на дѣвочку, которая, срывая листы, громко щелкала.

— Моя, батюшка, моя сродная, кланяясь отвѣчалъ старикъ.

— А сколько ей лѣтъ? перебилъ его щеголеватый охотникъ.

Старикъ тревожно поглядѣлъ на внучку, потомъ на охотниковъ и, принявъ глупое выраженіе, съ поклономъ отвѣчалъ:

— А Господь знаетъ, кажись, не то 10, не то 12.... память плоха, все забывать сталъ.

— Мать и отецъ живы у ней? спросили старика, который пугливо отвѣчалъ:

— Нѣту, батюшка, нѣтъ, — сиротка круглая, — и быстро прибавилъ: — а чай отдохнуть желательно вашей милости?

Дѣвочка ни минуты не стояла: она вертѣлась, выгибалась, будто нарочно стараясь изумить охотниковъ своей гибкостью и ловкостью.

Охотники отвѣчали, что давно того желаютъ. Тогда старикъ повелъ ихъ въ шалашъ, сдѣланный изъ свѣжихъ дубовыхъ сучьевъ. Откинувъ рогожу, охотники вошли въ тѣнистый и прохладный шалашъ, полъ котораго былъ устланъ дубовыми листьями. Тѣнь и мягкость шалаша плѣнили охотниковъ, но голодъ не далъ имъ долго наслаждаться отдыхомъ, и они попросили у старика чего-нибудь поѣсть.

— Бѣлушка! а Бѣлушка! крикнулъ старикъ: — сбѣгай-ка къ геткѣ Настасьѣ да спроси молока.

И, обратясь къ нимъ, прибавилъ:

— Извините, чѣмъ богатъ!

— Какъ зовутъ твою внучку? спросилъ охотникъ въ картузѣ.

— Бѣлушка-съ!

— Что́ это за имя?

— Да такъ... знать ее... она, видите, съизмала больно прыткая была: ее вотъ и зовутъ Бѣлкой; да и съ лица бѣла, такъ оно....

— Ну, хорошо, а настоящее ей имя-то какое?

Старикъ, не отвѣчая на этотъ вопросъ, сердито крикнулъ на Бѣлку:

— Ну, что́ же, иди, коль говорятъ; господа кушать хотятъ.

Надъ головами охотниковъ послышались шаги и мурлыканье нѣжнаго голоса.

— Экъ, куда забралась! замѣтилъ щеголеватый охотникъ, высунувъ голову изъ шалаша и заглядывая на крышу.

— Рѣзвушка! еще молода! Эй, Бѣлка! я те говорю, иди на гору за молокомъ!

— Сейчасъ! капризнымъ голосомъ отвѣчала Бѣлка и вдругъ спрыгнула на землю. На головѣ ея красовался вѣнокъ, сдѣланный изъ дубовыхъ листьевъ, перемѣшанныхъ съ душистымъ горошкомъ.

— Одинъ или два горшка, дѣдушка? лукаво улыбаясь, спросила Бѣлка, и, замѣтивъ, что охотники глядѣли на нее, она покраснѣла и быстро сорвала съ головы вѣнокъ.

— Иди, ужь тетка знаетъ.

Бѣлка пустилась бѣжать, замелькала между ульями и липами и скрылась.

Охотники, снявъ съ себя всѣ принадлежности охоты, сѣли у входа шалаша. Старикъ, оставивъ охотниковъ на нѣсколько времени, вернулся вскорѣ, неся на широкомъ листѣ папоротника кусокъ меду.

— Прошу на здоровье! сказалъ онъ кланяясь.

— Спасибо, старинушка, спасибо! отвѣчалъ охотникъ въ картузѣ: — а сколько у тебя ульевъ?

— Да что́, батюшка, весной пять пропало, да вотъ, если Богъ дастъ теплыхъ деньковъ, какъ сегодня, то можетъ статься и поверстается изъянъ-то.

— Давно ты въ пасѣкѣ живешь?

Старикъ призадумался и медленно отвѣчалъ:

— Годовъ чай съ двадцать будетъ.

— А тебѣ-то самому сколько?

— Да Богъ знаетъ: кажись, за девятый десятокъ перевалило.

— Зимой гдѣ живешь?

— На горѣ, батюшка.

— Съ внучкой?

— А какже! съ ней.

— Отъ дочери, что́ ли, она?

— Да́, отъ дочери, батюшка!.... Да не хотите ли испить чего? спроси́лъ старикъ и пошелъ отъ охотниковъ.

— Нѣтъ, спасибо.

— Сейчасъ, сейчасъ! пробормоталъ старикъ и поплелся далѣе, какъ-будто не разслышавъ охотниковъ.

Бѣлка показалась между ульями, неся бережно горшокъ молока, прикрытый деревяннымъ кружкомъ, на которомъ лежали два толстыхъ ломтя хлѣба. Поставивъ кринку передъ охотниками, она вынула изъ-за пояса воткнутыя двѣ деревянныя ложки, тщательно вытерла ихъ своей юбкой и, давъ каждому охотнику въ руку по ложкѣ и по ломтю хлѣба, сняла деревянный кружокъ и пригласила охотниковъ ѣсть, а сама отошла и, ставъ поодаль, обмахивала вѣнкомъ своимъ мухъ отъ меду. Проголодавшіеся охотники съ большимъ апетитомъ принялись ѣсть.

Утоливъ голодъ, они вспомнили о своей собакѣ, которая пристально смотрѣла имъ въ глаза, облизываясь за каждымъ ихъ глоткомъ, и обратились къ Бѣлкѣ съ вопросомъ, какъ бы

накормить ее. Бѣлка кивнула головой; въ одну минуту вырыла яму поодаль шалаша, обложила ее листьями, покрошила туда хлѣба, налила молока и пригласила ѣсть собаку, которая не заставила долго себя просить.

— Ай да умница! воскликнулъ охотникъ въ картузѣ и, съ гордостію обращаясь къ своему товарищу, прибавилъ: — что, каковы наши дикарки?

Пришелъ старикъ и, поворчавъ на внучку, сталъ поодаль отъ шалаша и принялся доѣдать молоко, оставшееся послѣ охотниковъ.

Солнце сѣло; охотники легли спать. Стемнѣло вдругъ. Воздухъ, пропитанный запахомъ душистаго гороху и липъ, былъ густъ и ароматенъ.

Охотники начинали уже дремать, какъ вдругъ услышали легкіе шаги надъ головой. Охотникъ въ картузѣ быстро вскочилъ и проговорилъ:

— Это она, бѣсенокъ, ходитъ по крышѣ.

— Да, чего добраго, еще провалится намъ на голову! недовольнымъ голосомъ замѣтилъ Камышовъ.

— Тс! произнесъ охотникъ въ картузѣ и сильно сжалъ руку своему товарищу.

— Слѣзь добромъ, эй, слѣзь! послышался шопотъ старика у шалаша.

— Не хочу! рѣшительно отвѣчала Бѣлка.

— Дура! слѣзь и иди спать на гору!

— Не хочу, не пойду! настойчиво и довольно громко сказала внучка.

— Ну, погоди, ужь я тебя отучу бѣгать по лѣсамъ да заводить чужихъ въ пасѣку! не знаешь, что ли, дороги въ избу?

— Я ихъ не заводила, я собирала грибы, заслышала шорохъ, испугалась, думала, что волкъ аль медвѣдь и взлѣзла на дерево, да вонъ они убить меня хотѣли.

— Ну, смотри, ужь я тебя! такая стала озорница, что удержу нѣтъ!

Сказавъ это, старикъ отошелъ, а ему вслѣдъ раздался тихій смѣхъ.

— Кажется, дѣдъ-то начинаетъ побаиваться за свою внучку, замѣтилъ Камышовъ.

— Немудрено; онъ, кажется, поубавилъ ей года, ворочаясь съ боку на бокъ, отвѣчалъ его товарищъ.

Какъ они ни устали, но все-таки не могли заснуть. Густой и влажно-ароматическій воздухъ волновалъ ихъ кровь.

— Уфъ, какъ жарко и душно здѣсь! надо улечься подальше отъ цвѣтовъ, наконецъ сказалъ охотникъ въ картузѣ.

— Да куда итти! вишь, какъ темно! возразилъ другой охотникъ, отдергивая рогожу и всматриваясь въ черную даль.

— А Бѣлка? ее разбудить можно! радостно сказалъ охотникъ въ картузѣ.

И, выглянувшись изъ шалаша, онъ крикнулъ:

— Бѣлка, а Бѣлка!

— А? раздался нѣжный голосокъ сверху.

— Здѣсь душно; нельзя ли положить насъ въ другое мѣсто?

— На гору? хочешь?

И Бѣлка спрыгнула на землю и, наказавъ охотникамъ итти осторожнѣе, чтобъ не разбудить дѣдушку, повела ихъ. Охотники ощупью побрели за ней. Ночь была мрачная: охотники поминутно спотыкались на деревья и стукались лбами. Наконецъ они уперлись въ крутую гору, на которую Бѣлка приказала имъ лѣзть, помогая то одному, то другому карабкаться. Охотники долго бились, наконецъ взлѣзли на какую-то площадку, гдѣ свѣжій воздухъ пахнулъ имъ въ лицо. Бѣлка сказала:

— Здѣсь можно спать. Только не вертись, ато упадешь.

И она хотѣла итти, но охотникъ въ картузѣ удержалъ ее за руку, сказавъ:

— Останься съ нами, я боюсь.

Бѣлка засмѣялась и спросила:

— А чего ты боишься?

— Дѣдушки.

— Онъ здѣсь тебя не найдетъ; я только одна знаю это мѣсто.

— Кажется, гора высока?

— Нѣтъ.

Камышовъ почувствовалъ непреодолимое желаніе спать и задремалъ подъ говоръ своего товарища съ Бѣлкой. Въ ночномъ воздухѣ голосъ Бѣлки какъ-то особенно былъ звученъ, и она долго болтала....

Ночь стала рѣдѣть, воздухъ все болѣе и болѣе дѣлался прохладнымъ. Вѣтерокъ слегка перебиралъ листьями, производя какіе-то убаюкивающіе звуки.

Камышовъ пугливо проснулся и, привставъ на своемъ мѣстѣ, съ удивленіемъ сталъ озираться кругомъ.

Первые дневные лучи, проникнувшіе сквозь густые листья зелени, представили ему слѣдующую картину:

Необыкновенно высокая и крутая гора, покрытая мелкимъ кустарникомъ и огромными деревьями; нѣкоторыя изъ нихъ, прихотливо изгибаясь, падали совершенно внизъ или торчали паралельно къ землѣ. На двухъ изъ такихъ корней лежало нѣсколько досокъ, покрытыхъ рогожей и устланныхъ травой и листьями. То была постель охотниковъ. Камышовъ засталъ своего товарища бодрствующимъ, и, по его блѣдному лицу и усталымъ глазамъ, можно было догадаться, что онъ не спалъ во всю ночь. Онъ пристально смотрѣлъ на Бѣлку, спавшую на сучьяхъ того же дерева, свернувшись какъ червякъ на листкѣ. Зелень придавала ея миленькому личику какую-то мертвенность. Ея золотистыя длинныя косы слегка колыхались внизу, упавъ между сучьями. Камышовъ долго смотрѣлъ на Бѣлку и, обратясь къ своему товарищу, спросилъ:

— Что ты не спишь?

Охотникъ въ картузѣ вздрогнулъ и недовольнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Я ужь выспался.

Бѣлка въ это время что-то пробормотала сквозь сонъ, вытянулась, закинула руки на голову; ея лицо и вообще вся фигура приняла такое плѣнительное выраженіе, что охотники замолкли и глядѣли на нее съ удивленіемъ.

— Я готовъ голову прозакладовать, что старикъ скрылъ много ей лѣтъ! шопотомъ замѣтилъ Камышовъ.

— Не думаю: она еще совершенное дитя. Вчера, какъ ты спалъ, я долго съ ней говорилъ, и убѣдился, что она замѣчательный ребенокъ. Но я боюсь за нее: она погибнетъ здѣсь, съ ея дѣтскою довѣрчивостію, одна, безъ всякой защиты противъ грубаго и холоднаго разврата, какой она каждую минуту можетъ встрѣтить!

Въ голосѣ его было столько состраданія и участія къ беззаботно-спящей дѣвочкѣ, что Камышовъ пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Ну вотъ прекрасный случай разсѣять деревенскую скуку.

— Вырвать ее изъ этой жизни! быстро перебилъ его охотникъ въ картузѣ.

— Воспитай ее, сдѣлай изъ нея женщину хорошую.... къ тому-жь ты такъ недоволенъ воспитаніемъ нашихъ женщинъ.

— А потомъ? язвительно спросилъ охотникъ въ картузѣ.

— Ну, потомъ женись, спокойно отвѣчалъ Камышовъ.

Его товарищъ принужденно засмѣялся и сказалъ:

— Чтобъ осуществить глупаго доктора Бартоло.

Бѣлка пугливо вскочила и слабо вскрикнула; одна ея коса зацѣпилась за сучокъ. Охотники кинулись-было помогать ей; но Бѣлка, раздвинувъ сучья, скользнула внизъ и исчезла.

Охотники переглянулись, и Камышовъ замѣтилъ:

— Ей скучна будетъ наша жизнь.

— Я спать хочу, отрывисто отвѣтилъ ему охотникъ въ картузѣ и какъ бы въ изнеможеніи легъ на доски.

Камышовъ послѣдовалъ его примѣру, и оба они погрузились въ сонъ.

Солнце, проникая сквозь зелень, жгучими своими лучами пробудило Камышова, который не нашелъ уже возлѣ себя своего товарища. Спускаясь по крутой горѣ, онъ дивился, какъ это они, взбираясь сюда ночью, не сломили себѣ шеи.

Было уже около десяти часовъ. Старикъ сидѣлъ у шалаша, грѣясь на солнышкѣ и задумчиво пощипывая свою сѣдую бороду. При видѣ охотника, старикъ всталъ и низкимъ поклономъ встрѣтилъ его. Охотникъ подсѣлъ къ старику и сталъ разспрашивать его о житьѣ и объ ульяхъ. Разсказывая о пчелахъ, старикъ одушевился и съ любовью передавалъ біографію каждаго улья.

Бѣлка наверху, напѣвая на какомъ-то странномъ языкѣ, какъ въ люлькѣ, покачивалась на рогожѣ, привязанной къ двумъ липамъ, росшимъ у шалаша, позади околицы. Вдругъ она замолкла и, всматриваясь въ-даль, дико закричала:

— Рой, рой!

Старикъ закопошился. Бѣлка съ рѣшетомъ въ рукахъ спрыгнула на землю, бросила въ лицо старику рукавицы и маску и

пустилась бѣжать. Камышовъ пошелъ за старикомъ, который чуть не бѣжалъ, творя молитву. Бѣлка уже была на липѣ, съ полнымъ ртомъ воды, и стерегла минуту спрыснуть и накрыть рѣшетомъ рой пчелъ, летавшихъ около липы. Въ ея позѣ было столько лукавства, что страшно стало щеголеватому охотнику; была ли то любовь къ пчеламъ, или одна выгода, трудно было опредѣлить. Старикъ одушевился, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Посадивъ пчелъ въ порожній улей, Бѣлка радостно потирала руками, дико смѣялась, била въ ладоши. Ея зеленые глаза полны были дикаго лукавства; блѣдныя щеки раскраснѣлись и ея высокая, но еще не сформировавшаяся грудь высоко подымалась. Въ эту минуту въ ней выказывалась какая-то гордость. Старикъ прижался около новаго улья, заботливо затыкая травой малѣйшее отверстіе въ немъ, крестился и что-то бормоталъ про себя.

Сдѣлавъ все, что требовалъ дѣдушка, Бѣлка опять взлѣзла на шалашъ и помѣстилась на висячей койкѣ.

Камышовъ украдкой долго смотрѣлъ на дикарку и наконецъ спросилъ:

— Ну, чего бы ты больше всего хотѣла теперь?

— Чтобъ у насъ всякій день много роевъ вылетало.

— Нѣтъ, а изъ платья?

— Бусъ на шею! быстро отвѣчала она.

— А еще чего?

— Вырости вотъ какъ.

И Бѣлка, поднявъ руку, привстала на цыпочки и указала на замѣтку на деревѣ.

— Зачѣмъ?

— А мнѣ дѣдушка сказалъ, что онъ меня тогда отдастъ замужъ.

Камышовъ улыбнулся хитрости старика и спросилъ внучку:

— А что, тебя не бьютъ? любитъ тебя дѣдушка?

— Теперь не достанетъ: я сейчасъ на дерево; прежде такъ привязывали меня; ну да я всякую веревку перегрызу, съ увѣренностью сказала Бѣлка.

— Зимой гдѣ вы живете?

— На горѣ: тамъ у насъ тетка Настасья есть—такая злая и хромая: она было побѣжала за мной съ горы, чтобъ высѣчь меня, да упала и ногу сломила; теперь вотъ какъ ходитъ.

И Бѣлка стала передразнивать хромую тетку и такъ искусно сморщила свое лицо и вытянула подбородокъ, что Камышовъ невольно засмѣялся.

Бѣлка покраснѣла и сдѣлала серьёзный видъ

— Ну, а злая тетка тебя не бьетъ?

— Она?...

И Бѣлка призадумалась и, сдѣлавъ грозное лицо, продолжала.

— Она разъ меня привязала моими косами къ скамьѣ: на, говоритъ, перегрызи.

— Что́ же, ты перегрызла? съ любопытствомъ перебилъ ее Камышовъ.

— Нѣтъ.

— Почему?

— Да... такъ... въ недоумѣніи отвѣчала Бѣлка и потомъ съ гордостью прибавила: — зато какъ меня отвязали, я убѣжала въ лѣсъ и три дня не шла домой.

Бесѣда ихъ была прервана приходомъ охотника въ картузѣ, который былъ очень мраченъ и на вопросъ, куда онъ ходилъ, отрывисто отвѣчалъ, что охотился; но его ружье даже не было заряжено, а забытая пороховница валялась въ шалашѣ.

Камышовъ началъ собираться домой, но его товарищъ упрашивалъ подождать вечера, потому-что очень жарко будетъ въ дорогѣ. Они легли въ шалашѣ, и охотникъ въ картузѣ началъ мечтать объ идеальной пасѣкѣ, какую онъ намѣренъ былъ устроить на будущій годъ для себя. Бѣлка набрала къ обѣду грибовъ и ягодъ. Когда жаръ спалъ, охотники простились со старикомъ и дали ему денегъ, которыя произвели въ немъ страшную перемѣну. Старикъ униженно кланялся, усмѣхался, звалъ ихъ почаще посѣщать его пасѣку и крикнулъ нѣжно:

— Бѣлушка! а Бѣлушка! проводи-ка гостей.

Бѣлка предупредила старика: она уже ожидала охотниковъ за калиткой.

Старикъ долго еще стоялъ у калитки, заслонивъ рукою глаза отъ заходящаго солнца, и безпрерывно низко кланялся спинѣ удалявшихся охотниковъ.

Отойдя отъ пасѣки, Камышовъ далъ Бѣлкѣ нѣсколько мелкихъ серебряныхъ денегъ, сказавъ, чтобъ она купила себѣ бусы.

Она вся вспыхнула и задыхающимся робкимъ голосомъ спросила:

— Все мнѣ? дѣдушкѣ не отдавать?

Охотникъ отвѣчалъ, что ей одной.

Бѣлка запрыгала, завертѣлась и, махнувъ охотникамъ рукой, чтобъ они продолжали путь, кинулась бѣжать въсторону; остановясь у одной липы, прихотливо выгнувшейся, она стала отъ нея отсчитывать деревья и у пятаго принялась рыть яму.

— Что она хочетъ дѣлать? спросилъ Камышовъ, слѣдя за Бѣлкой.

— Деньги хочетъ спрятать, недовольнымъ тономъ отвѣчалъ его товарищъ: — зачѣмъ ей давать деньги? Это ее испортитъ, прибавилъ онъ.

Бѣлка, выкопавъ яму и завернувъ въ листъ деньги, положила ихъ въ нее и, засыпавъ землею, долго утаптывала ее своими ножками; наконецъ, накидавъ на яму сухихъ листьевъи сучьевъ, она побѣжала къ охотникамъ.

— Зачѣмъ ты спрятала деньги? строго спросилъ охотникъ въ картузѣ.

— А тетка Настасья отниметъ, отвѣчала Бѣлка.

— Бѣдное дитя! съ участіемъ произнесъ охотникъ въ картузѣ.

Охотники лѣниво пошли дальше. Бѣлка съ увлеченіемъ разсказывала имъ про свое житье-бытье у дѣдушки, и, по словамъ ея, видно было, что у старика и Бѣлки были какія-то сношенія съ жидами, которые останавливаются у нихъ. Бѣлка пѣла жидовскія пѣсни и даже танцовала.

— Однако, скоро стемнѣетъ, а мы ее заведемъ далеко: она можетъ тоже заблудиться, какъ мы вчера! пугливо поглядывая на небо, сказалъ охотникъ въ картузѣ.

— Ну зачѣмъ же дѣло стало, отпустимъ ее домой. Мы, кажется, теперь не собьемся съ дороги, отвѣчалъ Камышовъ.

— Одну? да она не успѣетъ пройти полдороги, какъ смеркнется, съ жаромъ перебилъ его товарищъ.

— Такъ иди ее провожать, а я пойду домой, насмѣшливо возразилъ Камышовъ.

— Бѣлка, иди скорѣе домой, сказалъ охотникъ въ картузѣ, обращаясь къ Бѣлкѣ, которая, присѣвъ на землю, рылась въ травѣ.

— Я гулять еще хочу, отвѣчала она.

— Смеркнется скоро, заблудишься, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я вижу хорошо.

— Пожалуйста, иди домой, чуть не умоляющимъ голосомъ повторилъ онъ.

— Не хочу! настойчиво сказала Бѣлка и отскочила далеко отъ охотника.

— Я куплю тебѣ бусы, только иди домой! съ жаромъ продолжалъ охотникъ.

Бѣлка выпрямилась и недовѣрчиво поглядѣла на него.

— Вотъ охота возиться! ну, пусть ее гуляетъ, равнодушно замѣтилъ Камышовъ.

— Какъ можно! она глупа, можетъ встрѣтить и звѣря и Богъ знаетъ кого.

Бѣлка засмѣялась и сказала:

— И, я ничего не боюсь, меня дѣдушка училъ сейчасъ на дерево, чуть завижу медвѣдя или барина.

— Твой дѣдушка уменъ! смѣясь сказалъ Камышовъ и прибавилъ: — прощай, иди съ Богомъ.

Бѣлка заболтала очень скоро, какъ имъ выбраться изъ лѣсу, кивнула головой и пустилась бѣжать, испустивъ пронзительный крикъ въ подражаніе какой-то птицѣ. Потомъ она звучно стала окликать охотниковъ, которые еще не успѣли опомниться отъ перваго ея крика. Наконецъ голосъ Бѣлки смолкъ; но охотникъ въ картузѣ долго еще стоялъ на одномъ мѣстѣ, напрягая свой слухъ и время отъ времени окликая Бѣлку. Неполучивъ отвѣта, онъ пошелъ за своимъ товарищемъ, храня глубокое молчаніе во всю дорогу.

Съ этого дня, подъ предлогомъ охоты, онъ не жилъ дома. Часто его можно было встрѣтить гуляющаго въ лѣсу съ Бѣлкой, или въ пасѣкѣ. Камышовъ, подозрѣвая, гдѣ его товарищъ проводитъ время, удивлялся и смѣялся надъ нимъ. Однако онъ не рѣшался нарушить тайну товарища, пока непредвидѣнный случай не заставилъ его ѣхать въ пасѣку, въ которой онъ небылъ съ того дня, какъ заблудился въ лѣсу. Пріѣхавъ съ нагорной стороны, по большой дорогѣ, онъ увидѣлъ одинокую избу, изъ которой выглядывала безобразная старуха. Въ ней щеголеватый охотникъ тотчасъ узналъ злую тетку Настасью. Давъ ей денегъ, чтобъ она присмотрѣла за ло-

шадью, и разспросивъ о своемъ товарищѣ, онъ сталъ спускаться съ крутой горы, по пробитой тропинкѣ, между мелкимъ кустарникомъ. Сердце замерло у него, когда онъ взглянулъ внизъ: такъ гора была крута и высока. Онъ невольно вспомнилъ о Бѣлкѣ, какъ она скоро сбѣгала за молокомъ. Онъ скатился, а не сошелъ съ горы. Подходя къ шалашу, онъ увидѣлъ слѣдующую картину. Товарищъ его, похудѣвшій и блѣдный, сидѣлъ на шалашѣ съ книгою въ рукахъ, а Бѣлка, качаясь на веревкахъ, говорила на распѣвъ:

— Б–а — ба!

— Ну, а в–а, какъ будетъ? спросилъ охотникъ въ картузѣ.

Бѣлка задумалась.

— Ва! засмѣясь сказалъ Камышовъ и подошелъ къ шалашу.

Его товарищъ вздрогнулъ, нахмурилъ брови и поспѣшно спряталъ книгу въ карманъ. Онъ холодно встрѣтилъ своего пріятеля, но, узнавъ причину его посѣщенія, тотъ же часъ измѣнилъ свое обращеніе и сталъ съ участіемъ его разспрашивать.

Бѣлка была ужасно рада щеголеватому охотнику; она принесла ему меду, угощала его, разспрашивала, почему его такъ долго не было видно. Костюмъ ея совершенно измѣнился. На ея бѣлой шеѣ красовалось нѣсколько рядовъ бусъ. Ножки ея обуты были въ красивыя полуботинки; юбка была ситцевая, и въ ея золотистыхъ косахъ развѣвались голубыя ленты. Она принесла Камышову небольшой ящикъ, и съ гордостью высыпавъ оттуда разные бусы и кольца, показала ихъ ему.

По тревожному и взволнованному лицу охотника въ картузѣ, можно было догадаться, что все это онъ ей подарилъ. Онъ завелъ посторонній разговоръ, чтобы отвлечь вниманіе своего товарища отъ Бѣлки, которая спрятала свои вещи, усѣлась подъ липу съ азбукой въ рукахъ и важно складывала вслухъ. Камышовъ разсмѣялся ея серьёзному виду.

— Ну, чему ты смѣешься, съ сердцемъ спросилъ его товарищъ. — Да у этой дѣвочки необыкновенныя способности! съ жаромъ прибавилъ онъ.

— Очень можетъ быть, но она удивительно хороша съ книгой. Посмотри, какъ граціозно она наклонила свою головку! отвѣчалъ Камышовъ. — Бѣлка, поди-ка ко мнѣ, почитай-ка, прибавилъ онъ громко.

Бѣлка радостно кинулась къ нему: видно было, что она горѣла давно желаніемъ похвастать своими познаніями. Она сѣла возлѣ него, положила ему на колѣни азбуку и, прислонясь къ его плечу, начала читать. Чѣмъ труднѣе было для нея сложить буквы, тѣмъ ближе жалась она къ Камышову, который самъ не замѣчалъ, какъ обхватилъ рукою ея гибкую талію и жалъ къ себѣ. Бѣлка время отъ времени вопросительно смотрѣла своими зелеными глазами на него, если сама не могла найтись, какъ сложить буквы. Камышовъ такъ былъ погруженъ въ это занятіе, что не замѣчалъ волненія своего товарища, который ходилъ скорыми шагами мимо ихъ и наконецъ сердитымъ голосомъ крикнулъ:

— Довольно!

Бѣлка скользнула изъ рукъ щеголеватаго охотника. Только тутъ онъ замѣтилъ блѣдность и волненіе своего товарища. Досада вспыхнула въ немъ, и онъ нарочно сталъ играть съ Бѣлкой, которая, ничего не подозрѣвая, какъ дитя послѣ ученья, бѣгала, прыгала и вертѣлась. Когда Камышовъ усталъ и усѣлся, Бѣлка тихонько подкралась къ нему сзади и, схвативъ его руками за глаза, прижала крѣпко къ себѣ. Камышовъ сталъ ловить ее, но проворная Бѣлка пряталась за ульи и липы. Наконецъ она была поймана, и Камышовъ поцаловалъ ее съ большимъ жаромъ.

Охотникъ въ картузѣ пасмурно глядѣлъ на ребяческія ихъ игры. Наконецъ подъ какимъ-то предлогомъ, онъ удалилъ Бѣлку и сдѣлалъ страшную сцену своему пріятелю....

Камышовъ сначала было тоже разгорячился, но, увидя, что товарищъ его не въ своемъ умѣ, почувствовалъ къ нему жалость и сталъ его успокоивать, что онъ вовсе не имѣлъ дурного намѣренія, играя съ Бѣлкой. Они пошли домой, и дорогой охотникъ въ картузѣ разсказалъ исторію Бѣлки, выпытанную имъ у какого-то жида за нѣсколько золотыхъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одинъ зимній вечеръ, жидъ везъ въ своей кибиткѣ иностранцевъ: мужчину, женщину и съ ними грудного ребенка. Поднялась жестокая мятель, съ сильнымъ вѣтромъ и морозомъ. Тощая лошадь стала, не будучи въ силахъ вытащить кибитку изъ сугроба; долго жидъ и мужчина возились съ кибиткой, которую начинало заносить снѣгомъ. Другъ друга они не понимали; наконецъ жидъ, какъ умѣлъ, разумѣется, болѣе жестами, далъ знать иностранцу, что онъ отпряжетъ лошадь и поскачетъ за помощью. Былъ ли тутъ разсчетъ жида,

чтобъ самому не погибнуть, неизвѣстно, но только онъ возвратился нескоро; кибитка едва была видна въ снѣгу, въ ней нашли только женщину полузамерзшую, съ ребенкомъ на груди, закутаннымъ во все теплое, что̀ было на матери; а отца нашли замерзшаго уже на другое утро съ версту отъ кибитки: вѣрно, несчастный погибъ, отыскивая помощи. Женщину съ младенцемъ привезли въ избу, что̀ на горѣ. Женщина скоро умерла. Самъ жидъ признался, что было жаль несчастной. Умирая, она жалостно молила о чемъ-то на непонятномъ для окружающихъ языкѣ: вѣроятно, просила сострадапія къ несчастной дѣвочкѣ, которая оставалась на произволъ судьбы. Какъ только дѣвочка подросла, старикъ взялъ ее къ себѣ въ пасѣку, въ помощницы. По бѣлизнѣ, онъ назвалъ ее Бѣлушкой, а потомъ, по проворству, Бѣлкой. До сихъ поръ она не подозрѣваетъ печальной исторіи своего отца и матери. А старикъ боится обнаружить тайну и тѣмъ лишить себя подъ старость искуснаго помощника.

По разсчету жида, ей есть ужь 16 лѣтъ.

Выслушавъ разсказъ, Камышовъ почувствовалъ сильное участіе къ сиротѣ и съ чувствомъ пожалъ руку своему взволнованному товарищу, который замѣтилъ:

— Она дитя не по годамъ; теперь-то самое страшное врéмя для нея: она можетъ погибнуть отъ всякаго бродяги. Я даже боюсь ея мнимаго дѣда и тетки, которые за деньги стали слѣпы и глухи ко мнѣ. Нѣтъ, она погибнетъ, погибнетъ, несчастная! съ ужасомъ повторялъ охотникъ въ картузѣ.

До самого дома они все разсуждали объ участи Бѣлки. На другой день Камышовъ уѣхалъ въ Петербургъ, по важнымъ дѣламъ, дружески простившись съ своимъ пріятелемъ и товарищемъ по охотѣ.

ГЛАВА II.

Возвратясь въ Петербургъ, Камышовъ скоро забылъ не только дикарку, но даже и своего товарища, съ которымъ вмѣстѣ росъ и воспитывался.

Дружба ихъ, какъ многихъ другихъ, была основана больше на привычкѣ. Съ дѣтства они почти жили вмѣстѣ, потому-что ихъ отцы были сосѣди по имѣнію и страстные охотники. Ста-

рикъ Камышовъ былъ вдовецъ и часто по цѣлымъ мѣсяцамъ гостилъ съ сыномъ у своего сосѣда Зеновскаго.

Учились они вмѣстѣ, а по семнадцатому году ихъ отвезли въ университетъ.

Когда стали опредѣляться ихъ характеры, то частыя несогласія во мнѣніяхъ и вкусахъ порождали между ними ссоры, которыя, однако, всегда оканчивались скорымъ примиреніемъ; кончивъ курсъ въ университетѣ, они продолжали жить вмѣстѣ, хотя образъ ихъ жизни совершенно былъ розенъ. Камышова бѣсилъ холодный и даже апатичный характеръ его товарища, котораго, въ свою очередь, иногда выводили изъ терпѣнія его болтливость, безпечность и вѣтренность. Камышовъ былъ недуренъ собою, но имѣлъ слабость думать, что онъ болѣе чѣмъ красивъ, вслѣдствіе чего въ немъ развилась претензія на любовь женщинъ.

Петербургская жизнь молодыхъ людей, имѣющихъ состояніе, очень однообразна. Театры, прогулки, карты, скучные визиты и шумные ужины до разсвѣта скоро надоѣли Зеновскому; онъ сталъ скучать, извѣдавъ взаимную любовь, разочарованіе и опять любовь и обманъ. Около того времени пришло извѣстіе, что отецъ его боленъ: онъ поскакалъ въ деревню и—схоронилъ старика, а вскорѣ и свою мать. Имѣніе досталось ему въ долгахъ; онъ сталъ его устроивать; любя страстно природу, онъ развлекалъ однообразную деревенскую жизнь прогулками и охотой, и черезъ нѣсколько лѣтъ такъ привыкъ къ деревнѣ, что не чувствовалъ никакой охоты возвратиться къ столичной жизни. Камышовъ же продолжалъ жить въ Петербургѣ, ничего не дѣлая, и скучалъ. Столичная жизнь тѣмъ хороша, что тамъ праздность принимаетъ какой-то особенный колоритъ, который лѣнтяи считаютъ за что-то дѣльное и успокоиваются, воображая, что они тоже исполняютъ назначеніе человѣка въ обществѣ.

Побывавъ у своего пріятеля въ деревнѣ, Камышовъ, по возвращеніи въ Петербургъ, принялся за прежній образъ жизни. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Камышовъ былъ уже нѣсколько разъ влюбленъ и обманутъ, и начиналъ немного скучать, убѣдясь, что его красивая наружность ничто передъ деньгами. Его жизнь вообще, какъ множества другихъ, текла ровно, безъ сильныхъ ощущеній; деньги же избавляли его отъ всякаго рода непріятностей.

Въ одинъ вечеръ, возвратясь домой ранѣе обыкновеннаго, онъ нашелъ письмо отъ своего товарища, давно забытаго имъ. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Если ты еще не забылъ нашей старой дружбы, то «позволь мнѣ обратиться къ тебѣ съ просьбой. Найми «мнѣ квартиру какъ можно уединеннѣе. Я женатъ, и «жена моя тебѣ нѣсколько знакома. Мы ждемъ съ женой «съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта, чтобъ въ тотъ же день «выѣхать изъ Москвы» и проч.

Камышовъ много разъ перечитывалъ письмо пріятеля и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Онъ зналъ его недовѣрчивый характеръ, невыгодное мнѣніе о женщинахъ вообще и отвращеніе къ семейной жизни, — и ломалъ голову: на комъ бы онъ могъ жениться? и кто та, которая ему знакома въ тѣхъ краяхъ? Забывъ свою лѣнь и привычку поздно вставать, съ 9 часовъ утра онъ уже ѣздилъ по петербургскимъ улицамъ, отыскивая квартиру. А черезъ двѣ недѣли ровно по полученіи письма отъ товарища, Камышовъ въ волненіи выглядывалъ изъ оконъ сѣренькаго, чистенькаго домика въ отдаленной части города, и при стукѣ дорожнаго экипажа, загрохотавшаго въ тихой улицѣ, какъ безумный выскочилъ на крыльцо и, раскрывъ дверцы кареты, принялъ въ объятія своего товарища, котораго онъ едва узналъ: такъ постарѣлъ и похудѣлъ Зеновскій. Зато, несмотря на щеголеватый нарядъ, Камышовъ тотчасъ узналъ дикарку съ зелеными глазами, которую всего два раза видѣлъ въ пасѣкѣ. Пока ошеломленный Камышовъ обнимался съ своимъ товарищемъ, Бѣлка дружески улыбалась ему; но когда мужъ подвелъ его къ дверцамъ кареты и сказалъ:

— Вотъ рекомендую тебѣ мою жену,—тогда она гордо и холодно едва наклонила голову.

Камышовъ не много сконфузился отъ такого привѣтствія и протянулъ руку, чтобъ высадить ее изъ кареты. Бѣлка, бросивъ взглядъ на мужа, толковавшаго съ ямщикомъ и лакеемъ, сняла перчатку и положила въ его руку свою бѣленькую ручку, а потомъ, смѣясь, сама поднесла ее къ губамъ его. Когда растерявшійся Камышовъ поцаловалъ руку Бѣлки, она быстро выдернула ее и, кинувшись въ уголъ кареты, стала какъ-будто чего-то искать.

Камышовъ былъ пораженъ хлопотливостью своего товарища, который вносилъ съ горничной узлы, несессеръ, подушки, въ то время, какъ его жена бѣгала по комнатамъ, осматривая квартиру.

— Саша, не устала ли ты? лягъ отдохнуть! спросилъ ее мужъ, заботливо укладывая подушки на кушетку.

Бѣлка, поправляясь у зеркала, капризнымъ голосомъ отвѣчала:

— Я вовсе отдыхать не хочу.

Этотъ голосъ живо напомнилъ Камышову ароматную ночь пасѣки и дикую дѣвочку. Вообще фигура ея мало измѣнилась; хотя она значительно выросла, но станъ ея также былъ строенъ и гибокъ, а миніатюрное личико все также было блѣдно и нѣжно, только въ ея зеленыхъ глазахъ прибавилось огня и лукавства. Пока былъ въ комнатѣ мужъ, она обнаруживала тысячу капризовъ и желаній и съ Камышовымъ была очень холодна; но лишь только мужъ ушелъ, она бросилась на кушетку, приняла небрежную позу и, указывая Камышову на кресты, стоявшія возлѣ кушетки, нѣжнымъ голосомъ спросила:

— Скажите, пожалуйста, вы тотчасъ меня узнали? и не дождавшись отвѣта, продолжала: — вамъ странно? неправда ли, я очень измѣнилась? О! да зато сколько они меня мучили!!

И Бѣлка грозно указала головой на дверь, куда вышелъ ея мужъ.

Каждое ея движеніе, каждое ея слово поражали Камышова; онъ отвѣчалъ, что въ ту же минуту ее узналъ.

— Значитъ я мало измѣнилась? быстро и какъ бы съ испугомъ перебила его Бѣлка.

— Нисколько....

И Камышовъ замялся: онъ замѣтилъ неудовольствіе на ея лицѣ и не зналъ, что ей сказать.

— Къ лучшему ли это? мнѣ одно нужно знать, повелительно спросила Бѣлка, дерзко глядя ему прямо въ глаза.

Камышовъ улыбнулся и отвѣчалъ, что онъ еще ничего не можетъ сказать.

— Почему? нетерпѣливо спросила Бѣлка.

— Потому-что вы, — извините меня, если я васъ назову прежнимъ именемъ, — были слишкомъ хороши и Бѣлкой.

Она звонко засмѣялась; но вдругъ смѣхъ ея замеръ, и она приняла серьёзный видъ. Въ комнату вошелъ ея мужъ съ чашкою въ рукахъ и, подавая ее женѣ, сказалъ:

— Вотъ и чай..... ты такъ торопила ѣхать, чтобъ поскорѣй напиться чаю.

— Я желала тогда, а теперь не имѣю никакого расположенія его пить, сказала насмѣшливо Бѣлка; но вдругъ лицо ея измѣнилось, она схватила изъ рукъ мужа чашку и дружески кивнула ему головой. Попробовавъ чай, она сдѣлала гримасу и жалобно замѣтила:

— Мало сахару, и мнѣ хочется варенья.

Мужъ побѣжалъ исполнить желаніе своей супруги, которая, проводивъ его глазами, небрежно поставила чашку на столъ и, обратясь къ Камышову, быстро сказала:

— Я хочу, я буду стараться, чтобъ быть прежней Бѣлкой для васъ.

Камышовъ какъ ни былъ самолюбивъ, однако слегка вспыхнулъ и молча поклонился Бѣлкѣ. Она лукаво смотрѣла на него, будто чего-то ожидая, и наконецъ съ упрекомъ сказала:

— А, а, а, значитъ вы совершенно забыли прежнюю Бѣлку.

— Какъ забылъ! испуганно воскликнулъ Камышовъ.

— Да, забыли! съ грустью подхватила Бѣлка и, подставивъ ему свой лобъ, прибавила съ [illegible]: — вы [illegible] прежнюю Бѣлку!

Камышовъ радостно кинулся, чтобъ поцаловать ее и едва [illegible] ея глазами, какъ она быстро упала въ [illegible] и закрыла лицо. Въ это время вошелъ ея мужъ съ вареньемъ, [illegible], что оно [illegible]. Онъ подсѣлъ къ супругѣ и [illegible] разсказывать.

Камышовъ [illegible] отъ Бѣлки: [illegible] — [illegible]. [illegible]

и разнообразія. Вдругъ она смолкла и закрыла глаза. Мужъ остановился на половинѣ начатой фразы и поманивъ за собой Камышова, на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. Осторожно запирая дверь, онъ сказалъ Камышову :

— Одна осталась въ ней изъ прежнихъ привычекъ : это способность засыпать мгновенно.

И онъ повелъ его къ себѣ въ кабинетъ.

Когда они усѣлись и закурили сигары, мужъ Бѣлки спросилъ Камышова :

— Тебѣ, я думаю, странно видѣть меня женатымъ, а тѣмъ болѣе на ней?

Камышевъ горѣлъ нетерпѣніемъ узнать исторію женитьбы своего пріятеля, и вотъ что Зеновскій разсказалъ ему :

«Когда ты уѣхалъ въ Петербургъ, посѣщенія мои въ пасѣку сдѣлались для меня необходимостью. Живое и умное дитя (я иначе не смотрѣлъ тогда на нее) съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывало меня къ себѣ. Я болталъ съ ней по цѣлымъ днямъ, и меня удивлялъ ея здравый взглядъ на вещи, которыя не должны бы, кажется, быть доступны ребенку, воспитанному въ дикомъ лѣсу. Часто она задавала мнѣ такіе вопросы, требуя на нихъ яснаго отвѣта, что я терялся въ изложеніи. Память у ней изумительная, особенно на стихи : она ихъ скоро запоминала и читала такъ выразительно, какъ будто ей были доступны чувства и мысли, выраженныя въ стихахъ. Отъ басенъ Крылова она была въ восторгѣ, особенно ей нравилась басня : Ворона и Лисица, которую она читала съ неподражаемымъ лукавствомъ, совершенно осуществляя лисицу. Бѣлка примѣняла эту басню къ себѣ и своей хромой теткѣ, которую старалась при случаѣ также обмануть лестью.

«Время для меня шло быстро. Если была хорошая погода, рано утромъ я ѣхалъ въ лѣсъ съ ружьемъ. Бѣлка встрѣчала меня тамъ и мы съ нею проводили цѣлый день въ лѣсу, готовили сами себѣ обѣдъ изъ дичи, убитой мною, ягодъ и грибовъ, собранныхъ Бѣлкой. Ея находчивость поражала меня; только дитя, выросшее въ лѣсу, могло такъ приспособить все къ своему удобству. У насъ былъ и ледникъ для провизіи и кладовая для посуды. Въ пасѣку я избѣгалъ часто ѣздить, потому-что на меня непріятно дѣйствовали жалобы и ворчанье старика на Бѣлку, зачѣмъ она мало работаетъ, тогда-какъ я

далъ ему денегъ, чтобъ онъ нанялъ себѣ помощника и не стѣснялъ своей внучки.

«Настала осень, къ тому же дождливая, и мы должны были прекратить наши прогулки по лѣсу, да и сама пасѣка съ каждымъ днемъ оказывалась менѣе надежной защитницей отъ дождя и вѣтру. Въ избу, наполненную грязными жидами, я не могъ безъ отвращенія входить; но привязанность моя къ несчастному ребенку такъ была сильна, что я иногда по два часа просиживалъ въ ней. Наконецъ жадность старика и гнусные виды тетки Настасьи на внучку и мой карманъ такъ однажды возмутили меня, что я далъ себѣ слово прекратить свои посѣщенія. Три дня я не видалъ Бѣлки, но на четвертый поскакалъ къ ней, несмотря на грязь и дождь.

«Подъѣзжая къ пасѣкѣ, которой я уже не видалъ давно, потому-что ѣздилъ въ избу съ большой дороги, я былъ пораженъ печальнымъ зрѣлищемъ. Изъ зеленѣющаго и ароматнаго садика она превратилась во что-то грязное. Деревья печально торчали голыя или съ желтыми листьями. Неуклюжіе ульи, закутанные въ рогожи и солому, какъ безобразныя чудовища, были разбросаны по всей пасѣкѣ; гора съ своими прихотливовыгнутыми деревьями вся обнажилась, и неуклюжіе корни деревъ торчали, готовые рухнуться внизъ. Шалашъ, это тѣнистое убѣжище, гдѣ я такъ часто наслаждался полнымъ и тихимъ счастьемъ, весь обнажился, и одни только прутья торчали.

«Я свистнулъ, — то былъ нашъ условный знакъ, — и въ нетерпѣніи глядѣлъ на гору. Вдругъ я замѣтилъ будто мелькнуло что-то между ульями; соскочилъ съ лошади и кинулся къ тому мѣсту. Я на-силу нашелъ ее, мою рѣзвую Бѣлку: такъ она искусно спряталась за рогожу улья. Глаза ея были красны отъ слезъ и она закрывала лицо руками. Я сталъ ее разспрашивать, о чемъ она плачетъ. Бѣлка долго мнѣ ничего не говорила; наконецъ, указавъ на деревья и ульи, спросила:

— А развѣ тебѣ не хочется плакать?

«Я не понялъ ея вопроса, и отвѣчалъ: нѣтъ.

— Ну, а я такъ всегда плачу, когда листья падаютъ съ деревъ; ульи дѣдушка закроетъ, и я должна итти жить на гору, къ злой теткѣ, которая все бранится.

«Рыданіемъ заключила Бѣлка послѣднія свои слова.

«Я былъ тронутъ до глубины души слезами дикой дѣвочки, плачущей о поблекшей природѣ. Я сталъ ее утѣшать, но Бѣлка еще больше расплакалась. Стало смеркаться, дождь полилъ, но я не рѣшался итти въ избу, а разстаться съ Бѣлкой мнѣ тоже не хотѣлось. Вдругъ въ головѣ моей блеснула странная мысль увезти Бѣлку къ себѣ. Я спросилъ ее, хочетъ ли она, и тотчасъ получилъ согласіе. Въ одну минуту я уже сидѣлъ на лошади, Бѣлка возлѣ меня. Я поѣхалъ рысью; покачнувшись, Бѣлка ухватилась одной рукой за гриву лошади, а другой обхватила мою шею и крѣпко жалась ко мнѣ. Не знаю, что со мною сдѣлалось, сердце у меня сильно застучало, я далъ шпоры лошади и помчался по частому лѣсу, словно какой-нибудь похититель, укрывающійся отъ погони. Несмотря на совершенную мглу въ лѣсу, лошадь скакала не останавливаясь, изучивъ хорошо эту дорогу.

«Инстинктивный ли страхъ женщины, или дѣтскій испугъ отъ скорой ѣзды, — только Бѣлка неожиданно скользнула изъ моихъ рукъ и кинулась на-земь на всемъ скаку лошади, которую я съ дикимъ крикомъ едва могъ остановить.

«Темнота мѣшала мнѣ видѣть что-нибудь. Соскочивъ съ лошади, ощупью сталъ я искать на землѣ Бѣлку, и напуганное воображеніе рисовало уже мнѣ окровавленный ея трупъ. Мной овладѣлъ такой страхъ, что я метался какъ помѣшанный изъ стороны въ сторону, дико крича о помощи и поминутно произнося ея имя. Бѣлки не было! Вдругъ мнѣ послышался топотъ моей лошади, вертящейся на одномъ мѣстѣ. Я вздрогнулъ и кинулся къ ней, — схватилъ ее подъ уздцы. Крикъ Бѣлки раздался, и, желая спрыгнуть съ лошади, на которую она опять вскочила, пока я искалъ ее на землѣ, — она въ темнотѣ упала прямо мнѣ на руки. Долго она не соглашалась ѣхать ко мнѣ. Я умолялъ ее, обѣщая ей разныхъ игрушекъ. Соблазненное дитя сѣло опять на лошадь. Только теперь Бѣлка уже обѣими руками держалась за гриву и при всякомъ толчкѣ припадала къ шеѣ лошади. Но дѣтская рѣзвость скоро побѣдила женскую осторожность. Бѣлка взяла поводъ, желая сама управлять лошадью, и стала дергать ее и понукать. Почуявъ слабую руку сѣдока, лошадь помчалась; испуганная Бѣлка бросила поводья, крѣпко обхватила мою шею и, спрятавъ голову на моей груди, молила меня остановить лошадь....

«Несмотря на дождь, вѣтеръ и темноту, дорога мнѣ показалась такъ коротка, что я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія, завидѣвъ огни своей деревни. Подъѣзжая къ дому, я какъ бы очнулся: мнѣ сдѣлалось страшно и стыдно. Я спрашивалъ самого себя, зачѣмъ я привезъ ее къ себѣ ночью? Совѣсть заговорила, что мой поступокъ хоть и не умышленный, все-таки низокъ, что я погублю бѣдную дѣвочку на-вѣкъ, что я отниму у ней честное имя, единственное ея достояніе. Но дѣлать было нечего. Лошадь моя измучилась дальней дорогой. А пустить ее одну я не рѣшился; къ тому же въ избѣ вѣрно всѣ уже улеглись, не сомнѣваясь, что Бѣлка дома и спитъ, забившись гдѣ-нибудь; приходомъ своимъ она только перебудитъ всѣхъ, потому-что ворота заперты. А возвратясь рано утромъ, она еще можетъ скрыть, что она была у меня. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, я спряталъ ее въ кустахъ сада у самыхъ оконъ своего кабинета и вошелъ въ домъ. Наскоро переодѣвшись, я велѣлъ развести огонь и подать чаю. Пока все это дѣлалось, я выходилъ изъ себя и приводилъ въ недоумѣніе лакея, привыкшаго видѣть меня вѣчно спокойнымъ. Наконецъ я почти выгналъ его изъ комнаты, и заперъ ее на ключъ, приказавъ не безпокоить меня ничѣмъ больше.

«Черезъ окно я впустилъ Бѣлку въ комнату.

«Ничего не видя прежде, кромѣ своей избы, и очутясь теперь въ первый разъ въ убранной комнатѣ, она долго стояла на одномъ мѣстѣ, робко озираясь кругомъ. Когда же увидала въ трюмо себя и меня, лицо ея выразило испугъ: она кинулась ко мнѣ и, схвативъ меня за руку, умоляющимъ голосомъ сказала:

— Пусти меня къ дѣдушкѣ!

«Я сталъ ее спрашивать, чего она испугалась. Она отвѣчала, что не знаетъ, но ей страшно въ комнатѣ: такъ много всего, а особенно большое зеркало. Я успокоилъ ее и подвелъ къ трюмо. Она была поражена дотронувшись до стекла: дикое дитя природы, она воображала, что только вода можетъ ясно отражать лицо и вообще всѣ предметы. Трюмо ее прельстило: она не могла оторваться отъ него, дѣлала передъ нимъ разныя гримасы и весело смѣялась, что оно все передавало. Черезъ полчаса Бѣлка у меня въ комнатѣ была какъ у себя въ пасѣкѣ. Я вспомнилъ, что она оставалась въ измокшемъ платьѣ; но сухого

платья не было и я ее усадилъ въ креслы у камина, чтобъ она пообсушилась.

Она стала жаловаться на холодъ въ ногахъ; я снялъ съ нихъ измокшіе башмаки, взялъ рому и сталъ ей тереть ноги. Долго она шалила, выдергивая ихъ, но вдругъ задумалась, устремивъ глаза на огонь и оставивъ свои ножки въ моихъ рукахъ. Я взглянулъ на нее, и кровь бросилась мнѣ въ голову. Красноватое отраженіе огня на ея нѣжномъ лицѣ придало ея чертамъ что-то страстное; вся ея фигура какбы возмужала, и въ одну секунду изъ ребенка она превратилась для меня въ женщину. Я не могъ оторвать своихъ глазъ отъ ея маленькихъ ножекъ и невольно наклонился, чтобъ поцаловать ихъ. Она быстро выдернула ихъ и, поджавъ подъ себя, какъ-то пугливо смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Въ головѣ у меня все закружилось, въ вискахъ застучало, и я едва всталъ съ колѣнъ. Мной овладѣлъ страхъ; я какъ сумасшедшій выскочилъ изъ окна въ садъ.

«Долго ли я пробылъ тамъ, не знаю; но когда, поуспокоившись, возвратился въ комнату, я нашелъ ее крѣпко спящею на моей постели. Въ маленькихъ ея ручкахъ было сжато по нѣсколько кусковъ сахару, которые она, вѣрно, взяла полакомиться передъ сномъ.

«Ночь я провелъ на колѣняхъ возлѣ нея. И мнѣ кажется, что я состарѣлся десятью годами отъ борьбы, какая происходила во мнѣ. Долгъ чести взялъ верхъ надъ чувствомъ, которое до той минуты было для меня непонятнымъ. Глядя на дѣтскій и тихій ея сонъ, я далъ себѣ слово болѣе ея не видать, въ изнеможеніи кинулся на кушетку и заснулъ.

«Подъ утро я проснулся отъ холоднаго вѣтра, пахнувшаго мнѣ въ лицо. Окно было открыто; я кинулся къ постели: она была пуста! Первое мое движеніе было бѣжать за нею; но вдругъ я вспомнилъ страшную ночь, которую провелъ, и свое слово.

«Затворивъ окно, я въ какомъ-то отчаяніи упалъ на постель, гдѣ еще былъ слѣдъ Бѣлки, и, уткнувъ въ подушки голову, скрежеталъ зубами отъ тоски, которая душила меня. Я пролежалъ въ такомъ положеніи до самого вечера, наконецъ вскочилъ какъ сумасшедшій и поскакалъ въ пасѣку, успокоивая себя прелло гомъ, что ѣду только затѣмъ, чтобъ узнать, возвратилась ли она домой и не случилось ли чего съ ней на дорогѣ.

«Долго я свисталъ; но за вѣтромъ она, вѣрно, меня не слыхала и я поѣхалъ къ избѣ.

«Я не вошелъ въ нее. Мнѣ было совѣстно взглянуть на старика и старуху, хотя я былъ убѣжденъ, что деньги сдѣлали бы ихъ нѣмыми. Подкравшись къ освѣщеннымъ окнамъ избы, я увидѣлъ Бѣлку подающею ужинъ жидамъ. Долго я стоялъ у окна и смотрѣлъ на нее. Мнѣ опять она казалась ребенкомъ, и я краснѣлъ, припоминая прошедшую ночь. Я убѣдился, что то была только минутная вспышка. И какія отношенія могли быть между мною и дикимъ ребенкомъ, для котораго недоступна не только любовь, но даже привязанность? Я припоминалъ все мое знакомство съ нею и не нашелъ въ ея поведеніи ни одного признака малѣйшаго ко мнѣ участія. Всѣ эти размышленія поуспокоили меня, и я поѣхалъ домой съ твердымъ намѣреніемъ уже никогда не видать Бѣлки. Дома я сѣлъ читать, но невольно все думалъ о своемъ рѣшеніи и пріучалъ себя къ мысли, что уже не увижу ея болѣе; я даже рѣшился ѣхать въ Петербургъ, при всемъ моемъ отвращеніи къ столичной жизни.

«Наконецъ я задремалъ; шорохъ у окна пробудилъ меня; не безъ удивленія услышалъ я нетерпѣливый стукъ въ стекло; подошелъ къ окну, открылъ его — и отскочилъ. Бѣлка спрыгнула ко мнѣ въ комнату и встревоженнымъ голосомъ прошептала:

«— Спрячь, спрячь меня!

«Я поспѣшно заперъ окно и былъ пораженъ блѣдностью и жалкимъ видомъ несчастной дѣвочки. Зубы ея стучали отъ холоду, она вся превратилась въ слухъ, а глаза ея были дико устремлены на окна.

«Я окликнулъ ее, тогда она, упавъ ко мнѣ въ ноги, умоляющимъ голосомъ простонала:

«— Я не хочу быть жидовкой, спрячь меня, меня прод....

«Обильныя слезы и рыданія мѣшали ей говорить.

«Никогда еще слезы не производили на меня такого страшнаго впечатлѣнія, какъ слезы этой дѣвочки. Я весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и чувствовалъ невыносимую боль въ груди, пока она не перестала рыдать. Собравъ силы, я спросилъ, что съ ней сдѣлалось. Бѣлка, сидя на полу, въ отчаяніи проговорила:

«— Жиду, меня жиду продали!

«И, вскочивъ на ноги, она съ крикомъ спряталась за меня и, дрожащею рукою указывая на окно, шептала:

«— Вонъ онъ!... онъ меня возьметъ... спрячь, спрячь меня!...

«Я такъ самъ былъ настроенъ ея испугомъ, который походилъ на помѣшательство, что взялъ пистолетъ, открылъ окно и долго смотрѣлъ на всѣ стороны. Тьма была страшная, дождь лилъ проливной.

«Погасивъ свѣчу, я взялъ испуганнаго и полузамерзшаго ребенка на руки, положилъ на постель, закуталъ въ одѣяло, а самъ сѣлъ возлѣ нея на постели съ пистолетомъ въ рукахъ, поджидая жида. Бѣлка, спрятавъ голову въ одѣяло, поминутно пугливо выглядывала, увѣряя, что она слышитъ топотъ жидовской лошади. Точно, лай собакъ поднялся страшный по деревнѣ, и у моего дома составился цѣлый концертъ. Я такъ былъ настроенъ, что, клянусь, не задумался бы влѣпить пулю въ лобъ первому, кого бы я завидѣлъ у окна.

«Лишь только начало свѣтать, мнѣ стало смѣшно своего страха. Бѣлка тоже успокоилась; она осыпала меня самыми нѣжными ласками за свое спасеніе и требовала, чтобъ я далъ слово никому не выдавать ея, ни даже дѣдушкѣ.

«Потомъ она разсказала мнѣ всѣ свои похожденія, послѣ разлуки со мной.

«Какъ я пришла отъ тебя, у насъ ужь всѣ встали. Тетка «стала браниться, гдѣ я была; я и скажи, что была у тебя. Тогда «она сказала дѣдушкѣ, и они оба начали спрашивать, гдѣ у меня «деньги, что ты мнѣ далъ; я сказала, что у меня ихъ нѣтъ, что «ты мнѣ не давалъ. Тетка замахнулась на меня. Я и скажи ей: «только ударь, я вотъ скажу, что ты въ землѣ бутылки и узлы «съ жидомъ закапываешь. У, у, у, какъ она затрясется да за«шипитъ! Я, говоритъ, убью тебя, только скажи. Я ее и ну под«дразнивать: скажу, скажу! Она стала шептаться съ дѣдушкой, «тотъ все мотнулъ головой и сказалъ:

«— Она съ-дуру.... не скажетъ!

«— Да, скажу! подхватила я.

«Дѣдушка погрозилъ мнѣ пальцемъ, а тетка крикнула:

«— Ну, хорошо же, я тебя!

«Она такая была страшная, что я испугалась ея и убѣжала къ «себѣ въ чуланъ. Пріѣхали жиды. Я подала имъ ужинъ. Тетка «все съ ними шепчется, и всѣ глядятъ на меня. Мнѣ стало стра«шно, я сѣла къ дѣдушкѣ, которому за ужиномъ тетка съ жи«домъ Исаакомъ все льетъ да льетъ вина. А дѣдушка такъ

«его любитъ, что весь дрожитъ, какъ льютъ его. Я знаю, что «если онъ много выпьетъ, такъ ничего не слышитъ и не видитъ. «Я и ну его просить: дѣдушка, голубчикъ, не пей, тетка что-то «хочетъ дѣлать со мной. А онъ и въ-усъ не дуетъ и такъ напил- «ся, что елва на печь взлѣзъ. Я за нимъ и легла возлѣ него. Всѣ «жилы уѣхали, остался одинъ Исаакъ — ты его знаешь, такой ста- «рый, злой. Они, вѣрно, думали, что я въ чуланѣ, и ну говорить «по-жидовски; я немного-то знаю по-ихнему, только никому не «говорила. Тетка ему жаловалась на меня и все твердила: ее ну- «жно увезти, увезти. Потомъ жидъ далъ ей денегъ. Я ну тол- «кать дѣдушку и прошу его: дѣдушка, встань, меня продаютъ «жиду; а онъ бормочетъ, бранитъ меня. Я заплакала: такъ мнѣ «стало тоскливо. Тетка, узнавши, что я на печи, велѣла мнѣ итти «въ чуланъ, и меня они стащили отъ дѣдушки и заперли въ чу- «ланѣ. Ужь я плакала, плакала, такъ-что все заболѣло у меня. Я «думала зарѣзаться, да не было ножа. Вотъ ужь пропѣлъ нашъ «рыжій пѣтухъ, все тихо, никто нейдетъ за мною. Я все не сплю «да слушаю. Вдругъ дверь скрипнула, у меня все заныло. Стали «телѣгу запрягать, слышу: она выѣхала изъ воротъ. Я ну пры- «гать: знать, меня жиду не дадутъ. Анъ тетка стукъ въ дверь, «да точно въ сказкѣ, что ты мнѣ разсказывалъ, какъ волкъ при- «творился козлихой и стучался къ маленькимъ козленкамъ

«— Встань, Бѣлушка, да запри ворота за Исаакомъ.

«Я съ-дуру и побѣги: такъ была рада, что телѣга выѣхала, «что только я выскочила на дворъ, какъ жидъ схватилъ меня «на руки, ротъ мнѣ зажалъ и, положивши меня на телѣгу, поѣ- «халъ рысью отъ избы. Я стала кричать и рваться изъ телѣги; «увидѣла какъ кто-то отворилъ окно и думала: дѣдушка. Но то «была тетка, которая кричала по-жидовски: завяжи ей ротъ! Я «замолчала, вижу, что нечего дѣлать. Жидъ крѣпко держитъ ме- «ня одной рукой, а другой правитъ. Вдругъ онъ съѣхалъ съ до- «роги и поѣхалъ лѣсомъ: вѣрно, боялся, чтобъ ему кто не встрѣ- «тился. Я такъ обрадовалась, что какъ засмѣюсь. Жидъ еще крѣп- «че ухватилъ меня и спросилъ, чего я смѣюсь. Я ему и говорю: «отъ радости, что злую тетку не буду больше видѣть. Жидъ и по- «вѣрилъ, обѣщалъ мнѣ сшить жидовское платье и жениться на «мнѣ, если я буду хорошо продавать товаръ господамъ въ горо- «дѣ. Я про себя думаю: какъ же? я лучше задавлюсь, чѣмъ за «такого скверная жида пойду за-мужъ. Онъ много, много меня

«спрашивалъ о тебѣ, я ему все говорю и притворилась дурочкой «ну пѣть жидовскія пѣсни, какія знала; жидъ такъ и смѣется. «Вотъ мы въѣхали въ густое мѣсто. Я и ну его просить: дай по«править; онъ не давалъ. Я ну его цаловать, какъ мнѣ ни тошно «было. Жидъ разсмѣялся и далъ, а все-таки одной рукой дер«житъ меня.

«Вотъ мы ѣдемъ, я ему пою, пою, да какъ вдругъ закричу: «ай, уронила вожжу! Жидъ и скокъ съ телѣги. А я какъ ударю «по лошади, да сама съ телѣги скокъ — и тягу въ лѣсъ. Жидъ «бѣжитъ за лошадью: думаетъ, вѣрно, что я хочу въ телѣгѣ уѣ«хать отъ него, а я давно ужь сижу на деревѣ... мнѣ и плакать и «смѣяться хочется; а ноги и руки такъ и дрожатъ. Телѣга на «что-то упала, наѣхала, и жидъ слышу, началъ отпрягать лошадь, «а самъ все бранится по-своему. Я себѣ думаю: куда же мнѣ «итти? къ теткѣ? она меня завтра же опять продастъ... я и вспом«нила о тебѣ, тихонько спустилась съ дерева и побѣжала. Въ лѣ«су темно, темно, я и сбилась съ дороги, зашла въ болото, ноги «едва тащу, какъ слышу кто-то скачетъ прямо на меня. Господи! «я такъ испугалась, что вскрикнула и пустилась бѣжать. Жидъ, «вѣрно, услышалъ мой крикъ и поскакалъ за мной. Болото стано«вилось все топче, и жидъ съ лошадью вязъ: ужь какъ онъ бра«нилъ ее!.. я успѣла выбраться на дорогу и побѣжала, что было «духу. Вѣрно, жидъ долго барахтался въ болотѣ, что только до«гналъ меня у самого твоего дома. Заслышавъ топотъ его лоша«ди, я бросилась на землю и какъ мертвая лежу. Жидъ скоро «проскакалъ мимо меня. Я вскочила да въ садъ, увилѣла огонь и «тебя — вотъ какъ обрадовалась! стучусь, а сзади слышу шо«рохъ въ кустахъ: вѣрно, жидъ, увидѣлъ огонь и тоже пошелъ «на него».

«Разсказъ дикарки произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что я далъ себѣ слово замѣнить ей отца и мать, такъ печально погибшихъ въ нашихъ снѣгахъ. Сдавъ ее своей нянькѣ и приказавъ за ней смотрѣть какъ за моей дочерью, я былъ покоенъ, потому-что мои приказанія были для нея закономъ.

«Черезъ нѣсколько дней, явился ко мнѣ дѣдушка и, упавъ въ ноги, молилъ меня отдать его внучку. Откинувъ всякія церемоніи съ жаднымъ старикомъ, я велѣлъ его выгнать, давъ ему знать, что всѣ ихъ гнусныя продѣлки мнѣ извѣстны, и погрозивъ даже жаловаться на него. Старикъ явился на другой день и

А у ней былъ такой характеръ — все новое занимало ее, и она быстро воспринимала, что́ ей нравилось. Еще одно меня страшило: старая болтунья вбила себѣ въ голову, что я воспитываю Бѣлку для того, чтобъ впослѣдствіи сдѣлать ее своей женой, тогда-какъ я былъ далекъ отъ этой мысли. Мои опасенія оправдались. Старуха передала Бѣлкѣ свои предположенія... Съ этой поры Бѣлка стала держать себя какъ-то странно со мной, и если иногда увлекалась своею врожденною дѣтскою рѣзвостью и веселостью, обнимала меня и цаловала какъ отца, то я замѣчалъ, что на другой день она краснѣла въ моемъ присутствіи и не глядѣла на меня прямо. Я догадался, въ чемъ дѣло, и рѣшился объяснить ей, что я столько же думаю жениться на ней, какъ думалъ бы ея отецъ, если бы онъ былъ живъ; къ тому-жь, (я сказалъ ей) ты такъ еще мало образована, что никто не согласился бы имѣть тебя своей женой.

«Когда я говорилъ ей это, меня поразили блѣдность ея и волненіе, которое она едва могла скрытъ; слезы ручьями потекли по ея щекамъ, и она, рыдая, убѣжала въ свою комнату.

«Самолюбіе часто ослѣпляетъ человѣка: эту блѣдность, эти слезы и рыданія я приписалъ оскорбленію чувства, которое она питала ко мнѣ.

«Перемѣна обращенія со мной, постоянно задумчивое лицо, усиленное прилежаніе съ каждымъ днемъ укрѣпляли во мнѣ это предположеніе. Я сталъ замѣчать за собой и съ ужасомъ увидѣлъ, что чувства мои къ ней стали принимать совершенно другой характеръ. Но я такъ былъ слабъ, что не сдѣлалъ никакого усилія, чтобъ удалиться, или подавить ихъ въ началѣ. Я, напротивъ, цѣлые дни занимался съ ней, а во время отдыха мы ходили гулять, и она уже не лазила по деревьямъ, не бѣгала за бабочками, а шла какъ женщина, разговаривая очень серьезно. Я былъ вполнѣ счастливъ, слушая ея здравыя сужденія, не зараженныя никакими предразсудками общества. Одинъ разъ, увлеченные разговоромъ, мы зашли далеко отъ дому; она очень устала, я предложилъ ей руку. Не знаю почему, она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня и не вдругъ рѣшилась взять ее. Съ нѣкотораго времени я всегда чувствовалъ легкую дрожь, прикасаясь къ ея рукѣ. Тутъ я совершенно растерялся, разговоръ былъ забытъ, я пробовалъ возобновить его, но онъ не вязался, и наконецъ мы шли молча. Вдругъ она вырвала свою руку и по-

бѣжала впередъ. Я кинулся за ней и догналъ ее, спрашивая, зачѣмъ она убѣжала отъ меня. Вся вспыхнувъ, она закрыла лицо руками и стояла какъ вкопаная. Я тихонько отвелъ ея руки отъ лица и, самъ не знаю какъ, поцаловалъ ее съ большимъ жаромъ, но это не былъ поцалуй братскій....

«Не давъ мнѣ еще опомниться, она повелительнымъ голосомъ спросила:

«— Ага! такъ ты женишься на мнѣ? и залилась торжествующимъ смѣхомъ.

«Я такъ оторопѣлъ въ первую минуту, что едва устоялъ на ногахъ; но ея смѣхъ образумилъ меня, и, принявъ строгій видъ, я очень серьёзно отвѣчалъ:

«— И не думалъ! съ чего ты это взяла?

«Бѣлка задрожала отъ гнѣва; губы у ней помертвѣли; грозно окинувъ меня съ ногъ до головы своими блестящими глазами, она какъ стрѣла пустилась бѣжать.

«Ея взглядъ ошеломилъ меня; я было побѣжалъ за нею, но силы меня оставили; я упалъ на траву и пролежалъ съ часъ въ какомъ-то отупеніи.

«Возвратясь домой, я не нашелъ ея. Въ страшной тревогѣ я провелъ нѣсколько часовъ, ожидая ея возвращенія и желая объясниться съ нею. Но, явившись наконецъ домой, она заперлась у себя наверху. На другой день, когда она сошла внизъ, я не узналъ ея. Насмѣшливая и презрительная улыбка не сходила съ ея губъ. Она была какъ-то величава въ каждомъ своемъ движеніи, не отходила отъ старой болтуньи и видимо избѣгала даже говорить со мной. Я былъ возмущенъ презрительною улыбкою, какой она меня награждала. А черезъ нѣсколько дней мнѣ донесли, что она дѣлаетъ приготовленія къ побѣгу. Для меня это былъ такой сильный ударъ, что я не зналъ что̀ дѣлать, какъ взяться, чтобъ остановить ея безразсудное намѣреніе. Но, поразсудивъ, я убѣдился, что препятствовать ея побѣгу значитъ заставить ее сдѣлать что-нибудь страшное. Я зналъ, что денегъ у ней не можетъ быть много, знакомыхъ никого, и она должна скоро почувствовать свое безразсудство. Вѣрно, любовь къ ней мнѣ придала благоразумія, и я подавилъ въ себѣ весь страхъ. Я тихонько самъ сталъ помогать ея побѣгу, выбралъ ей надежнаго человѣка, велѣлъ взять покойный экипажъ, и рѣшился ждать, что̀ будетъ. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить торжества ея, когда все было

улажено къ побѣгу. Она приписывала все своей ловкости и, кажется, заранѣе наслаждалась моимъ ужасомъ и отчаяніемъ, когда я узнаю о ея побѣгѣ.

«Наканунѣ своего побѣга, вечеромъ, она измѣнилась, отбросила несвойственную ей презрительную улыбку. Я почувствовалъ, что и мое благоразуміе меня оставляетъ: я поспѣшилъ уйти, сказавъ, что мнѣ нужно заняться. Она пришла въ такое волненіе, что не могла скрыть его и, кинувшись мнѣ на шею, крѣпко поцаловала меня и выбѣжала изъ комнаты. Утромъ рано комната ея была пуста, и я нашелъ на ея столѣ письмо ко мнѣ. Вотъ его содержаніе.

«Благодарю васъ за всѣ ваши попеченія о моемъ вос-
«питаніи, какая бы ни была его тайная цѣль. Побѣгъ
«мой и думаю, вамъ понятенъ. Въ мои лѣта, въ моемъ
«совершенномъ одиночествѣ, неблагоразумно было бы
«оставаться долѣе въ вашемъ домѣ, гдѣ единственное
«положеніе, какое, можетъ быть, вы мнѣ готовили, было
«слишкомъ для меня унизительно, а другое слишкомъ
«высоко. Итакъ, я рѣшилась искать себѣ мѣста гувер-
«нантки и ѣду для этого въ Москву. Прощайте, позволь-
«те мнѣ еще разъ отъ полноты души благодарить васъ за
«все, что́ вы для меня сдѣлали. Мы, вѣрно, больше не
«увидимся», и проч. и проч.

«Тутъ только я понялъ весь ея гнѣвъ на меня. Вѣрно, старая болтунья навела ее на мысль, что я хочу ее держать у себя на правахъ любовницы. Я съ ужасомъ видѣлъ, что трудно мнѣ будетъ оправдаться передъ ней. Разъ оскорбивъ, хотя неумышленно, такую женщину, нелегко выкупить ея снисхожденіе.... Она солгала, что поѣхала въ Москву, вѣрно, чтобъ я не могъ ее отъискать. У меня было уже готово все къ отъѣзду, и я поѣхалъ вслѣдъ за нею. Она остановилась въ Одессѣ. Я взялъ комнату въ гостинницѣ, возлѣ нея, перемѣнивъ свою фамилію.

«Первые дни своей свободы она была совершенно счастлива. Выходила разъ по пяти изъ дому, а если возвращалась, то пѣла, прыгала. Я зналъ, что денегъ не на долго хватитъ ей, если она будетъ продолжать брать себѣ ложи и покупать наряды, какъ она это дѣлала. И точно, черезъ недѣлю она замолкла, не выходила цѣлый день, а на другое утро къ ней явился жидъ и я слы-

шалъ звукъ отсчитанныхъ денегъ и видѣлъ, какъ жидъ, уходя, унесъ узелъ подъ мышкой. Опять пѣніе и прыганье начались въ ея комнатѣ. Жидъ почти всякій день являлся къ ней, и я часто слышалъ жаркіе разговоры, а потомъ отсчитываніе денегъ.

«Сидя одинъ по цѣлымъ днямъ въ комнатѣ и прислушиваясь къ движенію въ ней, я опредѣлилъ ясно самъ себѣ чувства, какія я питалъ къ этой странной женщинѣ. Да, я выстрадалъ довольно. Во мнѣ пробудилась ревность. Къ стыду своему, я ревновалъ ее даже къ грязному и жадному жиду, у котораго она занимала деньги. Только ночью я былъ покоенъ, зная, что она дома и одна. Я уже и не думалъ о взаимности: я готовъ былъ занять хоть роль жида, чтобъ утѣшаться мыслью, что дѣлаю ея жизнь покойною и веселою.

«Жидъ пересталъ давать ей деньги, обобравъ у нея все бѣлье, платье, всѣ вещи, такъ-что она почти не могла выйти со двора. Онъ сталъ требовать уплаты, грозилъ тюрьмой и наконецъ сдѣлалъ ей такое предложеніе, что она рыдала цѣлую ночь. Слушая ея рыданія, я было хотѣлъ кинуться къ ней, успокоить ее, что не допущу ее до позора. Но страхъ испортить дѣло остановилъ меня. Рано утромъ пришелъ жидъ. Я не вытерпѣлъ, кинулся за нимъ къ ней въ комнату, за шиворотъ вытолкнулъ ошеломленнаго мерзавца въ коридоръ и заперъ дверь. Сдѣлавъ все это необыкновенно быстро, я остановился, не смѣя поднять на нее глазъ, какъ провинившійся школьникъ. Она молчала, я посмотрѣлъ на нее и вскрикнулъ. Бѣлая какъ полотно, она едва стояла на ногахъ, держась за столъ, и съ ужасомъ смотрѣла на меня.

«Вынувъ деньги и положивъ ихъ передъ ней на столъ, я поклонился и хотѣлъ итти. Тогда она, какъ бы получивъ вдругъ возможность двигаться, съ крикомъ кинулась ко мнѣ на грудь и горько зарыдала.

«Долго, долго мы оба плакали. Я все высказалъ, чѣмъ была переполнена моя душа. Она слушала меня съ большимъ вниманіемъ. Когда я замолчалъ, она твердо, но съ грустью сказала:

«— Теперь я еще сильнѣе убѣдилась, что бракъ между нами невозможенъ. Я слишкомъ вамъ обязана, чтобъ обмануть такого благороднаго человѣка. Я не питаю къ вамъ того чувства, какого вы достойны.

«Я сталъ просить и молить ее, чтобъ она по-прежнему позволила мнѣ заботиться о ея спокойствіи и счастіи.

«— Мнѣ и такъ тяжело, что я не могу отплатить вамъ за прежнія ваши благодѣянія. Я рѣшилась жить своими трудами, и ничто меня не заставитъ перемѣнить моего рѣшенія, отвѣчала она.

«Я уже былъ счастливъ тѣмъ, что она хоть поручила мнѣ искать себѣ мѣста и была со мной очень ласкова и внимательна. Сначала я видѣлъ ее разъ въ день по нѣскольку минутъ, потомъ все чаще и чаще; мы даже гуляли вмѣстѣ, ѣздили въ театръ; а потомъ и цѣлыи дни просиживали вдвоемъ.

«Всѣ ея расходы оплачивалъ я; но она была увѣрена, что нисколько не обязана мнѣ. Мягкость и веселость ея характера при довольствѣ снова проявились, и я былъ бы счастливъ, если-бы не подавляемая страсть. Мы прожили такъ съ мѣсяцъ, и она уже не вспоминала о своемъ намѣреніи итти на мѣсто.

«Въ одинъ день мнѣ было особенно тяжело: мое положеніе казалось мнѣ невыносимымъ, и я близокъ былъ къ самоубійству. Замѣтивъ мою тоску, она старалась меня развлечь, и попросила, чтобъ я прочелъ ей что-нибудь. Я взялъ первую попавшуюся книгу, — то былъ Пушкинъ, — развернулъ на-удачу и прочелъ эту строфу, такъ сходную съ моимъ положеніемъ:

Когдабъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни
И все, что выразить бы могъ,
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооруживъ и рѣчь и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!...

«На послѣднемъ стихѣ я закрылъ лицо книгой и чуть не зарыдалъ. Она быстро вскочила съ своего мѣста и въ волненіи стала ходить по комнатѣ. Успокоившись, я снова сталъ читать; но она все продолжала задумчиво ходить. Наконецъ, будто уставъ, она бросилась на свое прежнее мѣсто, выхватила у ме-

ня книгу и кинула ее на полъ. Я робко взглянулъ на нее — и встрѣтилъ такой взглядъ, что кровь хлынула мнѣ въ голову; я весь задрожалъ отъ восторга, упалъ передъ ней на колѣни и зарыдалъ какъ ребенокъ. Она тихо взяла мою голову въ обѣ руки, подняла и, поцаловавъ меня въ лобъ, сказала:

«— Когда же наша сватьба?...

ГЛАВА III.

Тронутый разсказомъ Зеновскаго, Камышовъ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ противъ его жены. Онъ готовъ былъ даже мстить ей за своего друга. Вспомнивъ, какъ она съ нимъ кокетничала, онъ далъ себѣ слово отвѣчать ей равнодушіемъ, еслибъ даже она полюбила его. Однако, строгій Камышовъ всю ночь только и видѣлъ, что зеленые глаза жены своего товарища. Онъ былъ пробужденъ запиской, которую она прислала къ нему. Она напоминала ему условіе ѣхать въ магазинъ выбирать шляпу, и подписалась «Бѣлка». Долго Камышовъ любовался красивымъ почеркомъ письма и не безъ волненія поѣхалъ къ своему пріятелю. Бѣлка встрѣтила Камышова необыкновенно привѣтливо.

— А вашъ мужъ? спросилъ сконфуженный Камышовъ.

— Не знаю, отвѣчала она.

— Вы ему позволяете такъ рано уѣзжать изъ дому. Здѣсь не деревня.

— Но вы, кажется, желаете сдѣлать меня ревнивой деревенской женой. Это невозможно. Я ему дала полную свободу.

— Не совѣтую: здѣсь очень много соблазна и столько хорошенькихъ женщинъ, возразилъ Камышовъ, вспомнивъ свое намѣреніе мстить гордой дикаркѣ.

— Я ничего и никого не боюсь, надменно отвѣчала она.

— Это дѣлаетъ честь вашему мужу, что онъ успѣлъ пріобрѣсть такую слѣпую довѣренность къ своей супружеской вѣрности. Но все это хорошо въ деревнѣ.

Бѣлка вдругъ быстро окинула взглядомъ Камышова съ ногъ до головы и язвительно улыбнулась, какъ-будто понявъ, въ чемъ дѣло.

— Извините меня, я оставлю васъ на полчаса, сказала она, кокетливо кланяясь ему: — мнѣ нужно перемѣнить платье..

Въ ту минуту вбѣжалъ впопыхахъ Зеновскій, съ картонкою въ рукахъ. Бѣлка невольно вскрикнула:

— Это что значитъ?...

— Я шляпку тебѣ купилъ, отвѣчалъ мужъ, и, осторожно вынувъ шляпку, поднесъ ее къ женѣ.

Глаза заблистали у Бѣлки; она на одну минуту вспыхнула и, закусивъ губы, долго осматривала шляпку со всѣхъ сторонъ. И вдругъ, взявъ ее, она подошла къ Камышову и спросила его:

— Нравится ли вамъ?

— Да, но нужно видѣть на васъ, отвѣчалъ онъ.

Бѣлка примѣряла шляпку; держа за ленты, повернула голову къ Камышову и, смотря ему прямо въ глаза, тихо прошептала:

— Теперь?

Камышовъ улыбнулся и кивнулъ одобрительно головой.

Бѣлка, поблагодаривъ своего мужа за шляпку, требовала, чтобъ Камышовъ велъ ее гулять, и ушла одѣваться. Черезъ полчаса она вышла уже готовая. Туалетъ ея былъ простъ, но съ большимъ вкусомъ. Мужъ заботливо оглядывалъ свою жену, и она, натягивая перчатки, подошла къ Камышову и сказала вкрадчивымъ голосомъ:

— Поклянитесь мнѣ всѣмъ, что для васъ дорого—дружбой, любовью.... о, вы, вѣрно, любите!... такъ клянитесь любовью этой женщины....

— Саша! перебилъ мужъ.

— Pierre, не мѣшай! строго сказала Бѣлка и обратилась къ Камышову, который отвѣчалъ:

— Я могу всѣмъ клясться, только не любовью.

— Почему? быстро спросила Бѣлка.

— Потому, что я никого не люблю.

— Это невозможно.

— Честное слово!

— Ну, хорошо, я вѣрю вамъ и требую, чтобъ вы дали такое же честное слово сказать мнѣ правду о чемъ я васъ спрошу.

— Извольте.

Бѣлка поставила посреди комнаты стулъ и, вскочивъ на него, сказала:

— Хорошо ли я одѣта? и непохожа ли на провинціялку?

И, не дождавшись отвѣта, она съ легкостью соскочила со стула и стала смѣяться.

Они хотѣли уже итти, какъ Бѣлка нашла, что платье у ней спадаетъ съ головы, разсердилась и, распустивъ огромную свою косу, потребовала ножницы.

— Саша! умоляющимъ голосомъ сказалъ мужъ: — ради Бога, не дѣлай глупостей.

Но она слышать не хотѣла и настаивала, чтобъ обрѣзать косу. Камышовъ, любуясь распущенной косой, невольно сказалъ:

— Нестыдно ли вамъ портить такіе прекрасные волосы?

— Вамъ жаль ихъ? спросила лукаво Бѣлка.

— Да! отвѣчалъ Камышовъ.

— Ну, хорошо, я ихъ оставлю, — только для васъ, тихо прибавила она.

Камышовъ покраснѣлъ, а Бѣлка долго смѣялась.

Когда они доѣхали до Невскаго проспекта и вышли изъ коляски, мужъ предложилъ ей руку, но она сказала:

— Нѣтъ, Pierre, мы съ тобой и такъ много гуляли въ деревнѣ. Вы должны учить меня, какъ жить въ столицѣ, прибавила она, взявъ подъ руку Камышова: — я буду васъ слушаться.

И она слегка прижалась къ его рукѣ.

— Я строгъ: я не буду васъ баловать, какъ вашъ мужъ, съ легкимъ пожатіемъ руки отвѣчалъ Камышовъ, забывъ совершенно свой планъ мщенія.

Много вырвалось похвалъ у гуляющихъ дамъ Камышова, который съ гордостью кланялся своимъ пріятелямъ. Все это не укрылось отъ зоркой Бѣлки, и она спросила Камышова:

— Скажите, пожалуйста, за кого меня принимаютъ всѣ ваши знакомые?

— За хорошенькую женщину!

Бѣлка засмѣялась и сказала:

— Вотъ хорошій отвѣтъ!... Я хотѣла знать, не принимаютъ ли они меня за вашу жену?

— О, нѣтъ!!

— Это почему? обидчиво подхватила Бѣлка.

— Потому-что мои пріятели знаютъ, что я не могу жениться на самой первѣйшей красавицѣ въ Петербургѣ, отвѣчалъ Камышовъ.

— А, вы, вѣрно, любите замужнюю женщину! перебила Бѣлка.

— Ошиблись! я потому не могу жениться, что слишкомъ мало довѣряюсь кокетству женщинъ, я мало уважаю ихъ. Да, мнѣ трудно даже на минуту увлечься. Мнѣ все кажется, что онѣ уже торжествуютъ, что одной жертвой больше. Главное ихъ наслажденіе — мучить и уничтожать тѣхъ, кто ихъ любитъ.

Бѣлка невольно потянула руку и тѣмъ дала почувствовать Камышову, что она поняла его колкость.

— Такъ вы увѣрены, что не можете не только любить, но даже влюбиться?

— Да.

— И очень увѣрены?

— Къ несчастію, слишкомъ.

Камышовъ лгалъ: еще никогда онъ не встрѣчалъ женщины, которая сдѣлала бы на него такое впечатлѣніе.

Бѣлка какъ-будто почувствовала это и съ легкой краской въ лицѣ, прищуривъ глаза, тихо спросила:

— Въ меня вы могли бы влюбиться?

— Нѣтъ! пугливо отвѣчалъ Камышовъ.

— А въ Бѣлку, дикую Бѣлку на березѣ?

И она приняла страстное выраженіе лица и жалась къ его рукѣ.

Камышовъ задыхался отъ волненія и сердито отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ни въ кого!

Бѣлка бросила на Камышова злобный и насмѣшливый взглядъ и съ той минуты о любви не говорила ни слова. Зато Камышовъ былъ предметомъ ея постояннаго и тонкаго кокетства. Она какъ-будто изъ капризу желала его влюбить въ себя. Камышовъ защищался мужественно и упорно; но наконецъ самолюбіе взяло верхъ, и онъ поддался ловкому кокетству. Бѣлка такъ опутала его, что онъ влюбился какъ безумный. По слабости характера, онъ то радовался, то пугался своей любви, которая съ каждымъ днемъ росла и принимала очень серьёзный характеръ. Онъ забылъ о своемъ несчастномъ товарищѣ, даже о себѣ самомъ (что случилось съ нимъ въ первый разъ жизни), и только жилъ чувствомъ, котораго онъ и не понималъ прежде. Бѣлка же какъ-будто утомилась своимъ кокетствомъ и, казалось, отвѣчала ему взаимностью. Она иногда даже была грустна. Будущее ли ее

гало? или говорило въ ней состраданіе къ мужу, на котораго она смотрѣла, какъ на своего наставника или отца? Во всей этой исторіи мужъ Бѣлки велъ себя съ необыкновеннымъ благородствомъ. Замѣтивъ расположеніе своей жены къ Камышову, онъ не только словомъ, но даже ни однимъ движеніемъ не обнаружилъ страданій, какія испытывалъ при одной мысли, что долженъ будетъ разстаться съ ней. Страсть его не уменьшилась, а напротивъ, темный страхъ потерять Бѣлку разжигалъ ее. Но онъ тщательно скрывалъ свои чувства даже отъ жены, потому-что видѣлъ невозможность взаимности, и, какъ благоразумный человѣкъ, былъ готовъ къ страшной катастрофѣ; однако, страсть побѣдила наконецъ разсудокъ, и онъ отъ душевныхъ тревогъ слегъ въ постель; съ каждымъ днемъ болѣзнь его усиливалась и вела къ печальному концу. Даже Камышовъ не подозрѣвалъ причины настоящей болѣзни своего друга. Послѣднее время онъ былъ, казалось, даже равнодушенъ къ своей женѣ, за тайну объявилъ своему другу, что ему очень нравится одна женщина, и подъ этимъ предлогомъ часто не бывалъ дома. Докторъ, лечившій его, былъ очень умный и опытный человѣкъ. Онъ бывалъ часто у нихъ въ домѣ и видѣлъ все, и когда больной становился опасенъ, онъ пріѣхалъ къ Камышову и объяснилъ ему настоящую причину болѣзни его товарища. Камышовъ пришелъ въ отчаяніе; онъ не повѣрилъ доктору и думалъ, что другъ его страдаетъ отъ мысли, что его супружеская честь замарана. Онъ рѣшился успокоить его, увѣривъ, что жена его не измѣнила ему, и объясниться съ нимъ какъ съ братомъ о своей любви.

Больной тоже видимо желалъ говорить съ нимъ и былъ радъ приходу Камышова; не они долго молчали, въ то время, какъ у обоихъ на губахъ дрожали слова признанья. Больной пришелъ въ такое волненіе, что Камышовъ рѣшился отложить до другого раза свое объясненіе, и всталъ, чтобъ итти.

— Куда? пугливо спросилъ больной.

— Домой, отвѣчалъ Камышовъ.

— Жену.... видѣлъ? она.... она дома? едва внятно пробормоталъ больной.

— Не знаю! отвѣчалъ Камышовъ, весь покраснѣвъ.

Онъ лгалъ: передъ своимъ приходомъ къ больному, онъ съ съ сидѣлъ у ней въ комнатѣ.

Тягостное молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Больной, съ большимъ усиліемъ, сѣлъ и дрожащимъ голосомъ началъ:

— Послушай.... я давно....

Онъ остановился.

Камышовъ сѣлъ на прежнее мѣсто и съ участіемъ спросилъ его:

— Ты хочешь что-то мнѣ сказать?

Больной, весь задрожавъ, схватилъ руку Камышова и, припавъ къ ней и обливая ее горькими слезами, задыхаясь, прошепталъ:

— Люби ее, хоть ты сдѣлай ее счастливой....

Колѣни у Камышова подогнулись; онъ опустился передъ кроватью своего друга и принялъ его къ себѣ на грудь. Долго оставались они въ такомъ положеніи.

Больной рыдалъ, надрывая грудь Камышова, который въ отчаяніи сказалъ:

— Все, все, что ты хочешь, я все сдѣлаю для тебя! я уѣду отсюда....

Больной съ ужасомъ схватилъ за плечи Камышова и грустнымъ голосомъ сказалъ:

— Сохрани тебя Богъ! я не хочу быть палачомъ. Я женился на ней, когда она никого не знала! нѣтъ! не уѣзжай! я застрѣлюсь, живите только счастливо!

И онъ въ изнеможеніи упалъ на подушки.

Что происходило въ душѣ Камышова, трудно передать; любовь и состраданіе къ умирающему другу боролись въ немъ.

Больной опять началъ:

— Я радъ, я покоенъ, что выборъ ея палъ на тебя: ты благороденъ, ты поймешь, она добра, но.... Боже, я не знаю, что я говорю.... Нѣтъ, уѣзжай, уѣзжай отсюда! она, можетъ быть, забудетъ тебя!

И онъ застоналъ и сталъ метаться на постели.

— Завтра же меня не будетъ здѣсь, твердо произнесъ Камышовъ, весь поблѣднѣвъ и сжавъ руку своего товарища, на страдальческомъ лицѣ котораго блеснула радостная улыбка; онъ быстро привсталъ и недовѣрчиво глядѣлъ на Камышова.

— Да, я ѣду завтра же, повторилъ также рѣшительно Камышовъ.

Слезы ручьями потекли по блѣднымъ и впалымъ щекамъ больного; онъ хотѣлъ говорить, но не могъ, и, раскрывъ свои объятія, упалъ почти безъ чувствъ на руки къ Камышову.

Долго они жали въ объятіяхъ другъ друга. Прійдя въ себя, больной вынулъ изъ-подъ подушки бумагу и, подавая ее Камышову, сказалъ:

— Вотъ, сохрани мою духовную; если я умру, замѣни ей меня.

И, вдругъ, нахмуривъ брови, онъ съ грустію сказалъ:

— Какъ приготовить ее къ твоему отъѣзду? Ну, если.... она....

И въ его чертахъ изобразился страхъ.

— Успокойся: я все улажу; женщины самолюбивы! подхватилъ Камышовъ.

— Оскорбленіе! грозно сказалъ больной..

— О, нѣтъ! не бойся, положись на меня: я все устрою.

Камышовъ, говоря это, самъ не зналъ, что онъ дѣлаетъ и что обѣщаетъ; онъ не былъ увѣренъ самъ, можетъ ли принести такую жертву своему другу.

Камышовъ обдумывалъ всю ночь, какъ объясниться съ Бѣлкой на-счетъ своего отъѣзда. Когда же на другой день онъ увидѣлъ ее, то ясно почувствовалъ, что не въ его силахъ исполнить слово, данное ея мужу. Да и она както была блѣдна, брови ея хмурились. Камышовъ былъ такъ потрясенъ, что не замѣтилъ язвительной улыбки, блеснувшей раза два на ея губахъ, и презрительныхъ взглядовъ, которые она кидала на него. Бѣлка первая начала разговоръ о томъ, что надо положить всему конецъ, что она глубоко уважаетъ мужа и не рѣшится его обманывать, и требовала, чтобъ Камышовъ ѣхалъ съ ней за-границу. Она такъ нѣжно, въ такихъ радужныхъ краскахъ описала ихъ жизнь за-границей, что Камышовъ скрылъ весь разговоръ свой съ ея мужемъ, и полный восторга и надежды, возвратился домой. Но какъ онъ былъ пораженъ, заставъ у себя на столѣ письмо отъ нея. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Очень жаль, что болѣзнь моего мужа помѣшала мнѣ продолжать мою шутку. Бѣдный, разочарованный молодой человѣкъ! вы неспособны были любить; нужно было польстить вашему самолюбію, уничтожиться передъ вами. Но знаете ли, что неравенство въ любви непрочно? Простите, что ваше самолюбіе

уязвлено дикаркой. Въ утѣшеніе ваше, я сдѣлаю вамъ маленькую исповѣдь. Ваше лицо глубоко врѣзалось въ моей памяти, а частыя воспоминанія моего мужа о васъ, о вашей съ нимъ дружбѣ поддерживали мое любопытство видѣть васъ. Это было ребячество; но, едва владѣя карандашомъ, я нарисовала на-память вашу фигуру въ охотничьемъ платьѣ, и такъ сходно, что мужъ мой узналъ васъ. Вышла я за-мужъ изъ благодарности за вашего друга; любить его какъ мужа не въ моей власти, и онъ самъ это хорошо знаетъ; но пока онъ живъ, я буду ему вѣрна. Прощайте; мы скоро ѣдемъ за-границу»....

Это письмо такъ сразило Камышова, что нѣсколько минутъ онъ близокъ былъ къ помѣшательству. Отчаяніе его усилилось, когда послѣ всевозможныхъ попытокъ увидѣть Бѣлку и поговорить съ ней, онъ не достигъ своей цѣли.

По выздоровленіи мужа, Бѣлка уѣхала съ нимъ за-границу, и Зеновскій, для котораго развязка этой исторіи оставалась тайною, черезъ нѣсколько времени писалъ къ своему другу, что жена его очень худѣетъ, груститъ и вообще такъ измѣнилась характеромъ, что узнать ее трудно.

Поступокъ Бѣлки съ Камышовымъ былъ слѣдствіемъ случайности. Во время жаркаго своего объясненія, Камышовъ и Зеновскій не замѣтили, какъ вошла въ комнату Бѣлка и прослушала весь ихъ разговоръ. Она была поражена любовью и самоотверженіемъ своего мужа. Любовь же ея къ Камышову, начавшаяся прихотью и вообще желаніемъ, свойственнымъ неопредѣлившимся женщинамъ — узнать силу своей красоты, была возмущена слабостью Камышова: ея самолюбивый и гордый характеръ не могъ простить Камышову, что онъ такъ легко отказался отъ любви къ ней и далъ ея мужу слово оставить ее.

Слѣдствіемъ этого было письмо, такъ поразившее Камышова. Не будь этого, неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось.

ГЛАВА IV.

По возвращеніи изъ-за-границы, Бѣлка перемѣнилась. Въ ней уже не было прежней дѣтской живости и веселости. Напротивъ, что-то грустное и тоскливое постоянно выражалось въ ея лицѣ, въ ея движеніяхъ. Ее томила тоска—губительная причина

лежность всѣхъ женщинъ средняго круга, сколько-нибудь развитыхъ и опредѣлившихся. Праздная и безполезная жизнь ужасала ее, тѣмъ болѣе, что она привыкла съ дѣтства къ труду и сознанію о пользѣ, какую она приноситъ другимъ. Наружно она усвоила всѣ общественныя условія, но въ душѣ тяготилась ими. Часто, сидя одна, она вспоминала свое житье въ пасѣкѣ, своихъ пчелъ, своего мнимаго сѣдого дѣдушку, даже злую тетку, на которую теперь взглянула бы не безъ удовольствія; воображеніе переносило ее въ дикій лѣсъ съ его огромными, тѣнистыми деревьями, съ изумрудной травой, съ едва замѣтными ручьями, съ его роскошными болотами, покрытыми пышными бѣлыми лиліями. Все прошлое казалось ей такъ прекрасно, что она одушевлялась ненавистью къ лишившему ее такой роскошной жизни, въ-замѣнъ которой онъ далъ ей вѣчную пустоту и однообразіе. Дѣятельная ея натура искала пищи въ разнаго рода занятіяхъ, но ихъ безполезность скоро охлаждала ее къ нимъ, и Бѣлка впала еще въ бо́льшую тоску.

Послѣ исторіи съ Камышовымъ, на которую она уже смотрѣла какъ на что-то ребяческое, Бѣлка считала невозможнымъ полюбить кого-нибудь. Выросшая въ лѣсу, въ одиночествѣ, она часто подвергалась опасностямъ, и всегда обязана была спасеніемъ собственному присутствію духа, зная, что нечего ждать чужой помощи; вслѣдствіе этого въ ней была развита слишкомъ большая самоувѣренность; она съ презрѣніемъ и гордостью шла на-встрѣчу опасностей новой жизни, не понявъ, что въ лѣсу ей нужна была болѣе физическая сила, чѣмъ моральная.

Несмотря на твердое рѣшеніе принести свои лучшіе годы въ жертву для спокойствія другого, Бѣлка безсознательно развивала въ себѣ жажду любви своей одинокой жизнью. Чтеніе романовъ разжигало въ ней страсти, которыя были принадлежностью ея впечатлительнаго и живого характера. Тотъ, для кого она всѣмъ жертвовала, ужаснулся бы такого напряженнаго состоянія; но онъ слишкомъ былъ занятъ тою же цѣлію. Всѣ перемѣны, происшедшія въ ней, онъ приписывалъ неугасшей еще любви къ Камышову, который въ пылу отчаянія уѣхалъ путешествовать вокругъ свѣта. Опасаясь докучать своей любовью, Зеновскій предоставилъ женѣ своей прежнюю свободу, жилъ съ ней какъ братъ съ сестрой. Бѣлка такъ еще была неопытна, что не обращала на это большого вниманія: она думала,

что такія вещи дѣлаются легко и мало стоятъ. Итакъ, молодость обоихъ гибла въ невысказанныхъ и безполезныхъ жертвахъ другъ для друга.

Воротившись въ Россію, Бѣлка хотѣла ѣхать тотчасъ въ деревню: она скучала по своимъ роднымъ лѣсамъ. Но важныя дѣла мужа заставили ихъ пожить въ Петербургѣ. Они стояли въ одной гостинницѣ на главной улицѣ.

Разъ вечеромъ, зимой, сидя дома, они были встревожены шумомъ, бѣготней, криками и стукомъ въ коридорѣ. Они съ испугомъ кинулись изъ комнаты, думая, что домъ горитъ, и увидѣли весьма странную сцену: у сосѣднихъ дверей, окруженный толпою трактирной прислуги и содержателемъ гостинницы, молодой человѣкъ небольшого роста, плечистый, съ увлеченіемъ рубилъ плотную дверь, приговаривая: «я васъ проучу быть акуратными». Содержатель гостинницы, на ломаномъ русскомъ языкѣ, молилъ его подождать; авось, сыщутъ ключъ или слѣсаря. Молодой человѣкъ былъ глухъ къ его мольбамъ и, продолжалъ рубить дверь.

Когда прошелъ первый испугъ, Бѣлка захохотала, узнавъ въ молодомъ человѣкѣ своего шумнаго сосѣда, комната котораго была рядомъ съ ея спальной, и котораго она не разъ видала въ коридорѣ. Его шумныя пляски, пѣсни и школьныя выходки не разъ смѣшили ее, и она не безъ любопытства разглядывала его лицо.

Зеновскій же былъ взбѣшенъ такимъ взбалмошнымъ поступкомъ и, растолкавъ толпу, подошелъ къ молодому человѣку, чтобъ наказать ему грубостей; но вдругъ сердитое выраженіе исчезло съ лица его, и онъ радостно вскрикнулъ:

— Атавинъ! какими судьбами?

Молодой человѣкъ, къ которому относилось восклицаніе, также не менѣе радостно воскликнулъ:

— Зеновскій!

И они стали обниматься.

— Давно ты здѣсь, спросилъ Зеновскій, пожимая ему руку.

— Съ недѣлю какъ возвратился съ Кавказа, отвѣчалъ Атавинъ и заботливо прибавилъ: — сейчасъ, дай мнѣ отворить дверь; намъ удобнѣе будетъ говорить въ комнатѣ.

И онъ было хотѣлъ опять рубить дверь, но Зеновскій удержалъ его, сказавъ:

— Ты, какъ я вижу, все такой же школьникъ, какъ былъ.

— Извини, братъ, дѣло, видишь, нешуточное, отвѣчалъ Атавинъ.

— Пожалуйста, уймись, сказалъ Зеновскій: — ты мою жену испугаешь.

Бѣлка спряталась за дверь.

— А развѣ ты женатъ? и здѣсь живешь? съ удивленіемъ спросилъ Атавинъ.

— Мы даже сосѣди, какъ я вижу, и — вотъ судьба! — жили цѣлую недѣлю вмѣстѣ и не знали.

— Да, очень могло быть, что такъ бы я и уѣхалъ.

— Куда?

— Да опять на Кавказъ.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ.... да такъ.... впрочемъ, я самъ еще не знаю, что сдѣлаю.

— Пойдемъ лучше ко мнѣ, да переговоримъ; мы такъ давно не видались, сказалъ Зеновскій, взявъ за руку Атавина.

— Я.... я не могу.

Атавинъ замялся.

— Ну, полно, неужели ты одичалъ на — —? шутливо спросилъ его Зеновскій.

— Нисколько, но, признаюсь, мнѣ совѣстно твоей жены. Я такія глупости....

— Да, ужь точно правда, она-таки посмѣивалась надъ тобой, а разъ ты ужь такъ было расходился, что я хотѣлъ итти унимать тебя, да она удержала.

— Мнѣ совѣстно, замѣтилъ Атавинъ.

— Пойдемъ; ну, хоть извинись самъ передъ ней.

И Зеновскій взялъ Атавина подъ руку и повелъ къ двери. Атавинъ пріостановился и, погрозивъ содержателю гостинницы, сказалъ:

— Благодарите, что здѣсь дама, ато неустоялабъ ваша дверь.

Когда они вошли въ залу, Бѣлка уже сидѣла на кушеткѣ за книгой, показывая, что не замѣчаетъ ихъ прихода.

— Саша! окликнулъ ее мужъ.

Она быстро подняла голову, какъ-будто съ испугу, но покраснѣла отъ своей невинной хитрости.

Мужъ продолжалъ, указывая на Атавина :

— Рекомендую тебѣ моего хорошого пріятеля и твоего сосѣ....

Атавинъ не далъ ему досказать и, поклонясь Бѣлкѣ, перебилъ его, сказавъ небрежно :

— Мнѣ, право, совѣстно, я не хотѣлъ даже быть вамъ представленнымъ, я такъ виноватъ....

— Въ чемъ вы виноваты? улыбаясь перебила Бѣлка.

— Я думаю, часто васъ безпокоилъ; но я не зналъ, что возлѣ меня дама.

Атавинъ лгалъ: онъ очень часто слышалъ женскій голосъ, но и не думалъ стѣснять себя.

— Вы напрасно извиняетесь : ваша сосѣдка, напротивъ, очень была довольна, что у нея такой веселый сосѣдъ.

И Бѣлка насмѣшливо указала ему на стулъ.

Атавинъ поклонился слегка и сѣлъ.

Разговоръ на минуту пріостановился. Бѣлка съ любопытствомъ разглядывала своего сосѣда, къ которому она уже сама, не зная какъ, была расположена, можетъ, по сходству ихъ живыхъ характеровъ. Атавину на-лицо было лѣтъ 27; росту онъ былъ небольшого; но широкіе его плечи придавали ему что-то мощное. Смугло-блѣдный цвѣтъ лица, правильный носъ. тонкія губы, съ которыхъ не сходила насмѣшливо-небрежная улыбка, черные волосы, высокій соразмѣрный лобъ произвели довольно пріятное впечатлѣніе на Бѣлку, которая ненавидѣла женообразныхъ мужчинъ.

Что было оригинальнѣе всего въ лицѣ Атавина, это огромные блестящіе глаза, опушенные черными, длинными рѣсницами. Въ нихъ что-то было жестокое и столько электричества, что когда они упали на Бѣлку, она вздрогнула. Съ ней Атавинъ говорилъ мало, но поминутно бросалъ на нее свои проникающіе на-сквозь взгляды.

Подали чай. Бѣлка не вмѣшивалась въ ихъ разговоръ, который весь состоялъ изъ воспоминаній о прошедшемъ и частью изъ непонятныхъ ей намековъ.

Разговоръ Атавина былъ остроумно-блестящъ; но когда дѣло коснулось женщинъ, въ его тонѣ проявилось какое-то презрѣніе, и онъ жолчно отозвался о нихъ. Бѣлкѣ все это очень не понравилось, а больше всего его довольно дерзкіе взгляды, и, чтобъ

избавиться отъ нихъ, она перемѣнила мѣсто и сѣла такъ, что взгляды Атавина не безпокоили ея. Но онъ, казалось, замѣтилъ это и, не докончивъ начатой фразы, сказалъ, обратившись къ ней:

— Однако, мы, я думаю, утомляемъ васъ нашимъ разговоромъ.

И, не дождавшись ея отвѣта, продолжалъ начатую фразу.

Все это кололо самолюбіе Бѣлки, и она почувствовала непреодолимое желаніе привлечь къ себѣ его вниманіе. Она вмѣшалась въ разговоръ, говорила съ одушевленіемъ и старалась также жолчно и съ презрѣніемъ отзываться о мужчинахъ. Атавинъ слушалъ довольно одобрительно, и когда Бѣлка уже начинала торжествовать, онъ взглянулъ на часы, скрылъ зѣвоту и сказалъ разсѣянно:

— Однако, ключа все нѣтъ.

— Это ужасно! насмѣшливо замѣтила Бѣлка и вдругъ радостно воскликнула: — хотите, вы очутитесь безъ вашего ключа въ вашей комнатѣ?

— Это какъ? въ одинъ голосъ спросили ее Атавинъ и Зеновскій.

— Это мой секретъ, не скажу.

— Вы, можетъ быть, заставите меня влѣзть въ окно; но я отказывался отъ этого даже въ такія минуты, когда былъ увѣренъ въ значительной наградѣ, сказалъ Атавинъ.

— Нѣтъ, вамъ это не будетъ стоить ни малѣйшаго труда.

— Такъ вы велите выломать дверь?

— Я такихъ глупостей не дѣлаю, отвѣчала Бѣлка и тотчасъ покраснѣла, потому-что Атавинъ насмѣшливо ей поклонился. Она стала оправдываться, но мужъ замѣтилъ ей:

— Напрасно ты оправдываешь его сумасбродную выходку, его надо проучить немного.

— Если женщины берутся наказывать, такъ онѣ только балуютъ, а не исправляютъ человѣка.

— Ну, моя жена не изъ чувствительныхъ и не совѣтую тебѣ когда-нибудь испытать ея наказан....

Зеновскій замялъ послѣднія слова, встрѣтивъ тревожно вопросительный взглядъ своей жены.

Проницающіе глаза Атавина быстро перебѣжали отъ мужа къ женѣ, и онъ самодовольно улыбнулся. Отъ Бѣлки не укры-

лась эта улыбка, и она съ принужденной веселостью сказала Атавину:

— Хотите пари, что вы сейчасъ же очутитесь въ своей комнатѣ.

— Пожалуй; какое же пари? какъ бы нехотя отвѣчалъ Атавинъ.

— Цвѣты! моя жена страстная до нихъ охотница, замѣтилъ Зеновскій.

Въ это время вошелъ лакей и объявилъ Атавину, что дверь отворена слѣсаремъ.

— Чтобъ опять заперъ, повелительно сказалъ Атавинъ, потомъ обратился къ Бѣлкѣ и, смотря прямо ей въ глаза, сказалъ:

— Если я выиграю, чтобы.... поцаловать.... нѣтъ, лучше прощеніе вашему сосѣду.

— Извольте, я согласна, отвѣчала Бѣлка, вспыхнувъ отъ пренебреженія, съ какимъ онъ отозвался о ея поцалуѣ. — За тѣмъ она сказала что-то на-ухо своему мужу, который засмѣялся и, покачавъ головой, сказалъ:

— Вотъ выдумщица!

И онъ вышелъ, оставивъ ее одну съ Атавинымъ, который молчалъ и не спускалъ съ нея своихъ пронзающихъ глазъ. Въ нихъ было что-то наглое, отчего Бѣлка совершенно потерялась. Стоя въ небольшомъ разстояніи отъ него, она походила на кролика или голубя, окованнаго электрическимъ взглядомъ огромнаго боа.

— Вы были за-границей? небрежно спросилъ Атавинъ, заслышавъ шаги въ другой комнатѣ.

— Да, отвѣчала радостно Бѣлка, какъ бы освободясь отъ чего-то тяжелаго.

Шаги замолкли, и Атавинъ по-прежнему сталъ глядѣть и молчалъ.

— А вы съ Кавказа? и долго тамъ пробыли? говорятъ, тамъ много красавицъ? скороговоркой спросила Бѣлка.

— Два года, какъ бы нехотя отвѣчалъ Атавинъ, и, замѣтивъ, что кто-то идетъ къ двери, онъ продолжалъ: — но азіятскія красавицы скоро надоѣдаютъ своей рабской привязанностью и покорностью. Мнѣ все это надоѣло.

Въ это время вошелъ мужъ и объявилъ женѣ, что все готово. Бѣлка такъ обрадовалась приходу мужа, что чуть не запрыгала. Снявъ небольшой платокъ, которымъ была повязана у ней шея, она свободно подошла къ Атавину и сказала :

— Позвольте мнѣ вамъ завязать глаза.

— Извольте.

И Атавинъ вдругъ упалъ передъ ней на колѣни.

Бѣлка такъ испугалась, что чуть не вскрикнула и съ трудомъ завязала кое-какъ ему глаза, потому-что руки и ноги у ней задрожали, когда она прикоснулась къ его головѣ и почувствовала на своихъ рукахъ его жаркое дыханіе.

— Готово. вы можете встать, сказала Бѣлка, видя, что Атавинъ продолжалъ стоять на колѣняхъ.

Мужъ смѣясь приподнялъ его ; Атавинъ вытянулъ руки впередъ и шелъ-было къ столу. Бѣлка закричала ему :

— Огонь, огонь !

Завязавъ ему глаза, она какъ бы чувствовала себя свободнѣе.

— Однако, я могу упасть или разбить себѣ лобъ, замѣтилъ Атавинъ, приподнимая платокъ.

Бѣлка съ крикомъ кинулась къ нему. Она совсѣмъ забылась; придерживаясь за его плечо, она поправила ему платокъ, и взявъ его за руки, начала со смѣхомъ кружить его по комнатѣ; но вдругъ смѣхъ ея замеръ, и она быстро вырвала свои руки изъ рукъ Атавина. Но онъ схватилъ ихъ опять и, крѣпко сжавъ, сказалъ :

— Если завязали глаза, то вы должны меня вести.

Бѣлка почти бѣгомъ кинулась съ Атавинымъ изъ залы и привела его въ свою спальню, въ которой дверь къ Атавину, обыкновенно запертая, была раскрыта. Толкнувъ его туда, она быстро захлопнула дверь, повернула ключъ и, притянвъ дыханіе, приложила ухо къ двери. Очутившись одинъ въ своей комнатѣ, Атавинъ сорвалъ платокъ съ глазъ и по звуку ключа, вынутаго изъ замка, тотчасъ догадался, какимъ образомъ онъ попалъ въ свою комнату. Приложивъ тоже ухо къ двери, онъ услышалъ шорохъ платья и поспѣшно сказалъ :

— Я проигралъ.

— Надѣюсь, смѣясь отвѣчала Бѣлка.

— Зеновскій ! сказалъ Атавинъ.

— Его нѣтъ здѣсь, наивно отвѣчала Бѣлка.

Атавинъ началъ качать дверь.

— Что́ вы дѣлаете? съ испугомъ спросила Бѣлка.

— Отворите, отворите! повелительно отвѣчалъ Атавинъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ васъ видѣть. смѣясь сказалъ Атавинъ.

Бѣлка тоже принужденно засмѣялась.

— Чему вы смѣетесь? вы сами хорошо знаете, если кто васъ увидѣлъ разъ, то....

— То.... передразнивая его повторила Бѣлка.

— То захочетъ васъ видѣть каждую минуту, скороговоркой продолжалъ Атавинъ.

— Я въ первый разъ слышу такія пошлости! Прощайте, сердито сказала Бѣлка.

На минуту воцарилась тишина, среди которой ясно слышался шорохъ платья удаляющейся Бѣлки. Атавинъ громко крикнулъ:

— Вы испугались?

— Чего? спросила Бѣлка, забывъ свое намѣреніе уйти.

— Своего мужа, насмѣшливо отвѣчалъ Атавинъ.

— Я его не боюсь, обидчивымъ тономъ отвѣчала Бѣлка.

— Да, всѣ женщины такъ храбрятся, когда ихъ мужья за дверью.

— Можетъ, есть такія женщины, но я не боюсь своего мужа: вы можете его спросить.

— Чувство деликатности не позволитъ ему въ этомъ признаться. А если справедливо, что вы его не боитесь, такъ отворите мнѣ дверь.... пожалуй, хоть и сейчасъ.

— О, вы слишкомъ... Бѣлка не могла договорить: гнѣвъ душилъ ее.

Дверь затрещала и Атавинъ закричалъ:

— Я сломаю дверь, если вы не выслушаете меня.

Бѣлка горячо сказала:

— Что́ вамъ угодно?

— Я.... я на колѣняхъ простою всю ночь и своими слезами не дамъ вамъ заснуть... Вы, кажется, разсердились, а?... нѣжнымъ голосомъ спрашивалъ Атавинъ.

— Съ чего это вы взяли? мнѣ, просто....

— Надоѣло говорить со мной? подхватилъ Атавинъ.

— Да! радостно воскликнула Бѣлка и прибавила: — прощайте, не забудьте вашего пари.

И она выбѣжала изъ комнаты. Атавинъ долго еще оставался у двери, прислушиваясь, не тутъ ли она; но Бѣлка уже сидѣла возлѣ мужа и готовилась слушать разсказъ о разныхъ похожденіяхъ Атавина.

Атавинъ былъ одинъ изъ людей, рѣзко выдающихся изъ толпы по своему жолчному уму, по взбалмошному и смѣлому характеру, а особенно по своему таланту, который, несмотря на пустую жизнь Атавина, не заглохъ въ немъ, а постепенно развивался, какъ-будто о немъ заботились, хотя Атавинъ имѣлъ претензію казаться невѣждой и стыдился признаваться, что онъ любитъ искусство. Съ дѣтства еще, въ школѣ, жолчный его характеръ выказывался въ злыхъ выходкахъ съ товарищами. Казалось, для него были самыми пріятными минутами тѣ, когда онъ могъ оскорбить кого-нибудь или разстроить игру. Зато онъ рѣдко былъ принятъ въ игры, съ нимъ никто не былъ друженъ, и только съ лѣтами онъ пріобрѣлъ себѣ пріятелей, единственно потому, что самолюбіе его страдало при мысли быть отвергнутымъ товарищами. Поступивъ въ военную службу, онъ велъ жизнь разгульную и праздную, видимо тяготился ею, но не избиралъ другого рода жизни. Принадлежа къ хорошему кругу, онъ смѣялся надъ нимъ и презиралъ его и въ тоже время гнушался какимъ-либо другимъ кругомъ знакомства. Часто онъ оскорблялъ порядочныхъ людей своими глупыми высокомѣрными выходками, безъ всякой цѣли, а такъ, чтобъ сдѣлать что-нибудь непріятное ближнему. Стихи, которые онъ иногда писалъ, точно замѣчательныя по мысли и таланту, приняты были съ большимъ восторгомъ, что, казалось, еще больше развило въ немъ злобу и ядовитость противъ людей. Онъ былъ страшно самолюбивъ, и характеръ его вполнѣ высказывался съ женщинами. Онъ не могъ выносить никакого превосходства въ кругу ихъ, и имѣлъ бы на это полное право, по своему уму и любезности; но часто самолюбіе его было уязвляемо столкновеніемъ съ богачами, которые перебивали у него дорогу, разсыпая золото. Состоянія отъ отца онъ не имѣлъ никакого. Всѣ деньги, имъ проживаемыя, давала ему единственная его родственница, богатая старушка, которая въ немъ души не слышала. По вѣтренности характера много приносилъ онъ ей горя.

Еще въ училищѣ,онъ сдѣлалъ такую шалость,что ему угрожало неизбѣжное и строгое наказаніе, которое могло имѣть вліяніе на всю его жизнь. Гордая старушка въ первый разъ преклонила свою сѣдую голову, и на колѣняхъ вымолила прощеніе внуку; но онъ не замедлилъ скоро выкинуть новый фарсъ, за что былъ наказанъ, если не слишкомъ строго, то опять-таки благодаря престарѣлой родственницѣ. Впрочемъ, надо сказать, это, кажется, было единственное существо во всемъ мірѣ, къ которому онъ былъ привязанъ. Изъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ друзей, онъ никого не любилъ и не щадилъ для своего жолчнаго остроумія, не исключая женщинъ, къ которымъ онъ видимо питалъ какую-то злобу. Можетъ быть, случайно оскорбленный одною, онъ мстилъ всѣмъ. Онъ смѣялся надъ любовью женщинъ, не щадилъ ихъ репутаціи и не разъ имѣлъ за это дуэли, что, казалось, составляло его гордость. Онъ влюблялся также скоро, какъ и разлюблялъ; можетъ быть, и были на то причины. Его деспотическій характеръ не встрѣтилъ женщины, которая бы силою своего характера покорила его. Онъ видѣлъ одно лицемѣрство, слабость характера, разсчетъ; и подобныя связи такъ развратили его сердце, что онъ стыдился порядочныхъ своихъ чувствъ; если они въ немъ и пробуждались къ какой-нибудь женщинѣ, достойной ихъ, онъ душилъ ихъ при самомъ зародышѣ и съ торжествомъ смѣялся надъ страданіями бѣдной жертвы, которая гибла потомъ въ омутѣ сплетень и семейныхъ упрековъ.

Съ лѣтами, при другомъ образѣ жизни, Атавинъ, можетъ быть, измѣнился бы; но Бѣлка встрѣтилась съ нимъ въ самый страшный періодъ его жизни, когда онъ, усталый, метался тоскливо, тяготясь жизнью, которую готовъ былъ кончить изъ всякихъ пустяковъ. Избрать новый образъ жизни онъ ужасался, потому что былъ уже достаточно развращенъ.

Стихи Атавина, которые Бѣлка читала еще до знакомства съ нимъ, разсказы о немъ Зеновскаго коротко познакомили ее съ Атавинымъ. Онъ нравился ей по живости характера, по таланту, и въ то же время она ненавидѣла его за его злобу и разныя претензіи, которыя оскорбляли ея женское самолюбіе.

Въ спальнѣ своей она была какъ связанная; ей казалось, что проницающіе глаза Атавина видятъ сквозь двери, къ которымъ опять приставлена была небольшая шифоньерка. Долго Бѣлка

не спала, припоминая взгляды, угрозы Атавина, и едва успѣла задремать, какъ вдругъ пугливо вскочила на своей постели и съ ужасомъ стала прислушиваться. Тихое повертываніе замочной ручки и шорохъ у двери оковали ее ужасомъ; но вскорѣ послышались шаги, которые монотонно раздавались въ-тиши. Бѣлка, мучимая любопытствомъ, осторожно встала съ постели, на цыпочкахъ подкралась къ двери и, скользнувъ между дверью и неплотно приставленной шифоньеркой, приложила глазъ къ замочной скважинѣ.

Комната Атавина ярко была освѣщена, какъ-будто для бала. Огромный черный медвѣдь, лежавшій у дивана, можетъ быть, недавній трофей Атавина, поразилъ и напугалъ Бѣлку своими большими стеклянными глазами; на немъ торчало сѣдло, и подлѣ, на богатомъ персидскомъ коврѣ, валялись его принадлежности. Ружья, пистолеты, черкесскія шашки, кинжалы висѣли на стѣнахъ и были разбросаны по столамъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими гравюрами. Атавинъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, пристально разсматривая платокъ, который онъ держалъ въ рукахъ. Бѣлка чуть не вскрикнула: она узнала свой платокъ, которымъ вечеромъ завязала ему глаза. Сердце у ней такъ сильно застучало, что ей казалось, онъ можетъ услышать его біеніе. Она бросилась въ постель и завернулась съ головой въ одѣяло, будто боясь привидѣнія. Къ утру она заснула крѣпко и была пробуждена приходомъ горничной, которая подала ей огромный букетъ цвѣтовъ, присланный Атавинымъ.

Оставшись одна, Бѣлка долго сидѣла на постели и разсматривала букетъ; ей было такъ весело, что не хотѣлось вставать; положивъ возлѣ себя букетъ, какъ ребенокъ игрушкой, она любовалась имъ. Мысль, что можетъ притти Атавинъ съ визитомъ, заставила ее оставить постель и одѣться. Цѣлый день прошелъ въ ожиданіи, и другой также. На третій она была возмущена его невѣжествомъ и рѣшилась не выходить, если онъ вздумаетъ притти.

Зеновскій уѣхалъ по дѣламъ. Было часовъ шесть вечера. Бѣлка читала На стукъ въ двери она отвѣчала «войдите», думая, что возвратилась горничная, посланная въ магазинъ, и осталась въ томъ же положеніи. Стукъ сабли заставилъ ее вздрогнуть. Она съ ужасомъ вскочила и остолбенѣла. Атавинъ стоялъ передъ ней.

Разговоръ ихъ както не клеился. Атавинъ какъ бы въ разсѣянности спросилъ:

— А вашъ мужъ, вѣрно, спитъ? это, кажется, необходимость всѣхъ женатыхъ.

— Его нѣтъ дома; меня удивляетъ, какъ вы не встрѣтились, отвѣчала Бѣлка.

Атавинъ, не слушая ея, оглядывалъ комнату, наконецъ остановилъ на ней проницательные свои глаза и сказалъ:

— А, я думаю, вамъ очень скучно?

— Почему вы такъ думаете? спросила Бѣлка.

— По разнымъ соображеніямъ.

— Вы такъ мало меня знаете, что ваши соображенія не могутъ быть основательны.

— Вашего характера я точно не знаю, хотя мнѣ стоитъ разъ видѣть женщину, чтобъ разгадать ее; но зато я знаю очень хорошо характеръ вашего мужа.

— Такъ изъ этого вышли и ваши соображенія? нельзя ли ихъ узнать?

— Современемъ, когда мы покороче познакомимся, отвѣчалъ съ увѣренностью Атавинъ и, указавъ на букетъ и пытливо глядя на Бѣлку, спросилъ: — вы довольны букетомъ?

— Да.

— Вы, вѣрно, знаете значеніе цвѣтовъ?

— Ни одного.

— Не можетъ быть! Всѣ русскіе барышни знаютъ эту науку.

— Вездѣ есть исключенія.

Атавинъ взялъ букетъ и, указывая на розу, сказалъ, глядя прямо на Бѣлку:

— Это значитъ коварство.

— А, а! произнесла Бѣлка.

Атавинъ засмѣялся и продолжалъ:

— Вамъ, кажется, точно не знакомъ «языкъ цвѣтовъ»?... странно! Гдѣ вы воспитывались, что не знаете этой науки? А вѣдь это иногда облегчаетъ разговоръ. Хотите, я вамъ составлю цѣлыя фразы изъ этого букета?

— Вы меня опять обманете, замѣтила Бѣлка и, видя, что Атавинъ задумался надъ букетомъ, продолжала: — ну, что́ же?

— Я боюсь, что вы разсердитесь.

— За что? удивленнымъ голосомъ спросила Бѣлка.

— За то, что̀ скажутъ вамъ цвѣты.

— За это нельзя сердиться.

— Хорошо, веселымъ голосомъ подхватилъ Атавинъ и, вырывая по цвѣтку, продолжалъ, нагло глядя на Бѣлку: — это означаетъ пламенную любовь, это мольбы....

Бѣлка вся вспыхнула и, не давъ ему докончить фразы, выхватила изъ его рукъ букетъ и, бросивъ его съ досадою на столъ, сказала строго:

— Это очень пошло! и, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, она продолжала: — да, вчера остался мой платокъ у васъ.

И она устремила на него свои зеленые глаза.

— Какой? съ удивленіемъ спросилъ Атавинъ.

— Какъ какой! которымъ были завязаны ваши глаза!

Атавинъ подумалъ, пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Виноватъ; я, право, не знаю; я спрошу у своего человѣка и пришлю его вамъ.

И поклонясь онъ вышелъ.

ГЛАВА V.

Прошла недѣля, въ продолженіи которой Бѣлка не видала Атавина. Случайно прочитавъ въ афишѣ извѣстіе о маскарадѣ, она вздумала поѣхать интриговать его. Заранѣе обдумывала она, что̀ будетъ съ нимъ говорить, и вполнѣ была довольна своими колкостями, вопросами и отвѣтами. Пригласительное письмо быть въ маскарадѣ, безъ подписи было послано къ Атавину по городской почтѣ, и Бѣлка съ трепетомъ ждала маскарада; мужъ зналъ ея намѣреніе и разсказалъ ей нѣкоторые секреты Атавина, чтобъ она могла удачнѣе интриговать его.

Когда Бѣлка пріѣхала, зала Большаго Театра была еще пуста. Вдали, по длиннымъ рядамъ стульевъ, кой-гдѣ разбросаны были небольшія группы мужчинъ съ такими сонными и безсмысленными лицами, что ихъ скорѣе можно было принять за куколъ. Музыка уныло гудѣла въ пустой залѣ, и подъ звуки ея важно расхаживали взадъ и впередъ нѣсколько особъ, которыхъ

неподвижныя лица скорѣе годились для похоронной процессіи, чѣмъ для маскарада.

Бѣлка бѣсилась на себя за свою поспѣшность и хотѣла ѣхать домой; но въ коридорѣ попалось ей нѣсколько масокъ, и она успокоилась. Мало-по-малу коридоры начали наполняться. Лѣстница, ведущая въ залу, скрипѣла подъ тяжестью собравшихся на ней масокъ, которыя, однако, не рѣшались сойти внизъ, какъ-будто у ногъ ихъ разверзалась пропасть. Наконецъ нашлись смѣлыя маски, спустились внизъ, и вслѣдъ за ними все хлынуло въ залу.

Бѣлка, сидя у ложи, на назначенномъ мѣстѣ, не спускала глазъ съ лѣстницы, по которой сходила вновь прибывающая публика. Условленный часъ свиданія съ Атавинымъ прошелъ, а его еще не было въ залѣ. Бѣлка принимала равнодушный видъ, но не на-долго: чуть толпа мѣшала ей видѣть лѣстницу, она привставала на цыпочки и черезъ каждыя пять минутъ глядѣла на часы. Прошелъ еще томительный часъ. Оскорбленная Бѣлка, полная негодованія, рѣшилась ѣхать домой. Но, бросивъ разсѣянный взглядъ на ложи, она увидѣла въ бель-этажѣ Атавина, прильнувшаго къ плечу одной маски, которая что-то ему горячо говорила. Въ минуту Бѣлка очутилась у ложи, сама не зная, что̀ дѣлаетъ; но, одумавшись, она опять кинулась въ залу и стала противъ самой ложи, не спуская глазъ съ Атавина. Небрежно взглянувъ на часы, онъ вышелъ изъ ложи и лѣниво, какъ бы нехотя, сталъ спускаться съ лѣстницы. Бѣлка дрожала отъ злости и, не вытерпѣвъ, первая подошла къ нему. Дома она приготовилась чѣмъ начать разговоръ, но, вѣрно, утомленная ожиданіемъ и досадой, а, можетъ быть, смущенная пронзительнымъ взглядомъ Атавина, ненашлась сказать ничего, кромѣ вопроса:

— Отчего такъ поздно?

— Какъ поздно? лукаво улыбаясь и осматривая ее, спросилъ Атавинъ:— я всегда такъ пріѣзжаю въ маскарадъ. А ты, вѣрно, давно здѣсь?

— Нѣтъ! я тоже сейчасъ пріѣхала, спохватясь, отвѣчала Бѣлка.

— Однако, твой букетъ успѣлъ завянуть, замѣтилъ Атавинъ небрежно, вырвавъ изъ него цвѣтокъ и воткнувъ его въ бутоньерку.

Молчаніе длилось съ минуту. Бѣлка чувствовала всю глупость своего положенія и рѣшилась говорить прямо. Она спросила:

— Ты меня узналъ?

— Смѣшной вопросъ!

— И вы догадались, кто писалъ къ вамъ, спросила Бѣлка, все болѣе и болѣе волнуемая пренебреженіемъ Атавина, который, пожавъ ея руку, нѣжнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Еще бы!

Гнѣвъ душилъ Бѣлку; она покраснѣла отъ стыда, что первая подошла къ нему.

Атавинъ, какъ-будто догадываясь, что происходило съ нею, восторженнымъ голосомъ сказалъ:

— Я очень доволенъ!

— Чѣмъ? сердито спросила Бѣлка.

Атавинъ съ силою сжалъ ея руку, которую Бѣлка вылернула, и грозно сказала:

— Если вы желаете ходить со мною, то прошу васъ не жать мнѣ такъ руки.

— Вы и подъ маской все также строги ко мнѣ! грустно сказалъ Атавинъ, и въ его голосѣ столько было чистосердечія, что Бѣлка довѣрчиво взяла опять его подъ руку и кокетливо сказала:

— Вы сами виноваты. Впрочемъ, здѣсь неумѣстно читать вамъ мораль; давайте болтать, говорите мнѣ пошлыя маскарадныя любезности, я буду терпѣливо ихъ слушать.

И Бѣлка стала болтать, движенія ея сдѣлались быстры, она какъ-будто переродилась. Атавинъ, также забывъ свой небрежный тонъ, былъ любезенъ и веселъ. Долго они кружились по залѣ.

— Я желала бы сѣсть гдѣ-нибудь, замѣтила Бѣлка, почувствовавъ усталость.

Но пустого стула не было.

— Пойдемте въ ложу, безпечно сказалъ Атавинъ.

— Развѣ мы не можемъ въ залахъ отдохнуть?

— Очень!

Бѣлка засмѣялась и сказала:

— Мнѣ нравится ваше смиреніе сегодня.

— Я такъ радъ, что вы добры ко мнѣ, что боюсь вамъ противорѣчить.

Когда они вошли въ фойе и нашли пустые стулья, Атавинъ усадилъ Бѣлку, сѣлъ возлѣ нея и, снявъ шляпу, провелъ рукой по лбу и пробормоталъ:

— Вы не смѣетесь надо мной.... я чувствую, что я страшно глупъ въ эту минуту.

И, взявъ руку Бѣлки, онъ крѣпко сжалъ ее, устремивъ на нее свои сверкающіе глаза, которые полны были огня. Долго, долго онъ глядѣлъ на Бѣлку, у которой грудь высоко подымалась; она быстро отвернула голову.

— Заѣмъ ты отворачиваешься? нѣжно, умоляющимъ голосомъ спросилъ Атавинъ и вдругъ холодно прибавилъ: — я надѣюсь, что въ маскарадѣ я имѣю право говорить *ты*?

— Даже должно, отвѣчала Бѣлка: — иначе насъ примутъ за супруговъ, которые только тогда не говорятъ *ты* другъ другу, когда не нарушаютъ приличія.

Бѣлка замолчала; Атавинъ продолжалъ все еще смотрѣть прямо ей въ глаза.

— Что вы смотрите на меня?

— Вы такъ хороши!

— О, вы правду сказали сейчасъ про себя.

— Какую? что?

— Что?... что вы сегодня....

Бѣлка засмѣялась и кокетливо продолжала:

— Подъ маской и въ маскарадѣ все можно говорить? не правда ли?

— И выслушивать, подхватилъ Атавинъ.

— Да! сомнительно отвѣчала Бѣлка и продолжала весело:— однако, мы никакъ не можемъ говорить какъ должно.

— Это отъ тебя зависитъ.

— Почему?

— Ты такая строгая: не даешь мнѣ слова сказать, не позволяешь даже глядѣть на себя.

— Въ самомъ дѣлѣ?... ну, говори, говори, я буду слушать.

— Я могу все говорить?

И лицо Атавина все вспыхнуло. Онъ тихо взялъ руку Бѣлки и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Я....

Сердито онъ оставилъ ея руку, потомъ тотчасъ опять взялъ ее и, наклонясь къ ней, едва слышно сказалъ:

— Ты одна изъ женщинъ....

— О, я знала, что безъ объясненія не обойдется дѣло. Если же это любезность, то я освобождаю васъ; я ненавижу любезности и смѣюсь надъ китайскими вѣжливостями.

Атавинъ гордо взглянулъ на Бѣлку и съ досадою рванулъ свою шляпу.

— Что̀ съ вами? насмѣшливо спросила Бѣлка.

— Жарко! язвительно отвѣчалъ Атавинъ, встряхнувъ волосами, и его лицо приняло такое страшное выраженіе, что Бѣлка невольно отодвинула свой стулъ и проговорила:

— Да, а какъ жарко подъ маской!

— Этому можно сейчасъ пособить.

— Какъ?

— Пойти въ ложу.

— Нѣтъ, я не пойду.

— Атавинъ засмѣялся и язвительно сказалъ:

— Вы, кажется, страшно боитесь ложи, и все потому, что вашъ мужъ, отпуская васъ въ маскарадъ, наговорилъ вамъ ужасовъ.

— Никакихъ не дѣлалъ мнѣ наставленій мой мужъ, съ досадою отвѣчала Бѣлка.

— Ну, такъ въ вашей жизни былъ какой-нибудь случай, отчего вы такъ боитесь ложи.

— Вотъ видите, какъ вы ошибаетесь. Я въ первый разъ въ моей жизни въ маскарадѣ.

— Неужели? ха, ха! значитъ вы должны итти въ ложу, чтобы имѣть хоть точное понятіе о маскарадѣ. Вы можете снять маску, отдохнуть, посмотрѣть на толпу сверху, и мы опять сойдемъ внизъ.

И Атавинъ взялъ подъ руку Бѣлку и почти силою увлекъ ее на лѣстницу.

Въ четвертомъ ярусѣ оставалась единственная пустая ложа и, когда они вошли въ нее, Бѣлка почувствовала какую-то робость. Оглядывая скудную и довольно истертую мебель, она сказала:

— Какъ здѣсь нехорошо.

Атавинъ молчалъ; онъ какъ бы въ изнеможеніи бросился на одинъ изъ стульевъ, стоявшихъ у перилъ ложи. Бѣлка сѣла на

другомъ концѣ; она не могла оторвать своихъ глазъ отъ лица Атавина, которое поминутно то блѣднѣло, то вспыхивало. Онъ закинулъ голову и закрылъ глаза.

— Что̀ съ вами? робко спросила Бѣлка.

Атавинъ пугливо посмотрѣлъ на нее и грустно отвѣчалъ:

— Не знаю, что́ со мною дѣлается! посмотрите, какъ у меня сердце бьется!

И Атавинъ почти силою взялъ руку у Бѣлки и приложилъ къ своему сердцу.

У Бѣлки не менѣе его билось сердце; но, чтобъ скрыть свое смущеніе, она смѣясь сказала:

— Очень просто: вы — вбѣжали на лѣстницу.

И она старалась отнять свою руку, которую Атавинъ жалъ къ сердцу и умоляющимъ голосомъ, закрывая глаза, шепнулъ:

— Оставьте, мнѣ такъ хорошо, ради Бога, оставьте!

Этотъ голосъ такъ обезоружилъ волю Бѣлки, что она оставила свою руку въ-покоѣ, и, стараясь скрыть свое волненіе, она какъ-будто съ любопытствомъ смотрѣла внизъ. Атавинъ, пользуясь этимъ, прикладывалъ ея руку къ головѣ, и лишь только было поднесъ къ губамъ, какъ Бѣлка неожиданно вырвала ее, съ досадою сказавъ:

— Это наконецъ скучно!

И она стала ходить по ложѣ. Атавинъ, скрестивъ руки, сидѣлъ, задумавшись. Уставъ, Бѣлка опять подошла къ периламъ и смотрѣла внизъ. Ярки́й свѣтъ отъ огромныхъ люстръ падалъ на черную массу, толпившуюся подъ ея ногами. Громъ музыки то замиралъ отъ говора толпы, то съ силою потрясалъ своды театра. Все это произвело на Бѣлку странное впечатлѣніе. Атавинъ между тѣмъ приблизился къ ней, дѣлалъ замѣчанія насчетъ масокъ; но голосъ его такъ былъ нѣженъ и страстенъ, что Бѣлка почувствовала, какъ огонь началъ пробѣгать по ея тѣлу; она молчала и безсмысленно глядѣла внизъ. Ей стало такъ душно, что она едва стояла; вдругъ ей показалось, что перила покачнулись; она пугливо кинулась въ уголъ ложи и, сорвавъ маску, дико глядѣла на Атавина. Онъ радостно вскрикнулъ, увидѣвъ Бѣлку безъ маски; но она, однакожь, тотчасъ надѣла ее.

— Зачѣмъ? умоляющимъ голосомъ сказалъ Атавинъ: — я васъ умоляю еще секунду побыть безъ маски.

— Для чего? спросила Бѣлка и откинула капишонъ.

Атавинъ вмѣсто отвѣта хотѣлъ снять маску. Бѣлка разсердилась.

— Не сердитесь, смѣясь сказалъ Атавинъ и взявъ ее за руку, притянулъ къ себѣ и нѣжнымъ голосомъ продолжалъ:—зачѣмъ такъ сердиться на меня? Сядьте возлѣ меня, утѣшьте меня; я, право, несчастливъ.

Бѣлка сѣла на диванъ въ другой уголъ. Атавинъ приблизился къ ней и задумчиво говорилъ:

— Послушайте, я не хочу вамъ лгать, что я не любилъ и не былъ любимъ; но одно я знаю, что не былъ счастливъ, можетъ быть потому, что я сталкивался съ женщинами слабыми, бездушными, для которыхъ условія свѣта выше всего. Да вообще женщины не понимаютъ жизни: онѣ какъ автоматы, которыхъ по произволу приводятъ въ движеніе. Онѣ безъ ропота выносятъ униженіе отъ тѣхъ, кого онѣ не любятъ, если тутъ замѣшано ихъ самолюбіе,—и неумѣстно строги за малѣйшій проступокъ къ тѣмъ, кто имъ истинно преданъ; пока онѣ еще свѣжи, ими играютъ всѣ какъ куклой, а потомъ бросаютъ ихъ какъ испорченную игрушку. Но вы, вы мнѣ кажетесь женщиной съ характеромъ, вы понимаете жизнь, для васъ нѣтъ препятствій, и изъ одного своего каприза вы можете пожертвовать счастьемъ всей жизни человѣка. Впрочемъ, вы это хорошо дѣлаете: мы живемъ одинъ разъ....

И Атавинъ обхватилъ талію Бѣлки, которая такъ заслушалась его, что не вдругъ опомнилась. Атавинъ прижалъ ее къ себѣ.

Бѣлка высвободилась изъ его рукъ и, гордо выпрямясь, сказала:

— Вы слишкомъ дерзки въ вашихъ шуткахъ, и я очень раскаяваюсь, что пошла съ вами въ ложу.

И Бѣлка стала оправлять капишонъ. Атавинъ пожалъ плечами и прежнимъ небрежнымъ тономъ сказалъ:

— Извините меня, если я васъ чѣмъ-нибудь оскорбилъ.... право, вы такъ строги, я въ жизнь не видалъ такой женщины. А ваши глаза противорѣчатъ холодной маскѣ, которую вы накидываете на себя. Сядьте... я виноватъ, я ошибся, думая, что говорю съ женщиной, а не съ ребенкомъ.

Бѣлкѣ сдѣлалось, въ-самомъ-дѣлѣ, совѣстно, что она такъ странно все принимала, и, не желая показаться смѣшной, она сѣла на прежнее мѣсто. Атавинъ молчалъ: долго они просидѣли

такъ, наконецъ Атавинъ придвинулся къ ней, онъ ничего не говорилъ, зато глаза его столько выражали, что Бѣлка какъ околдованная глядѣла на него.... вдругъ она почувствовала прикосновеніе его губъ къ своей раскаленной щекѣ. Въ-мигъ мрачная и душная ложа превратилась для нея въ ароматную ночь ея родины, гремѣвшая музыка—въ пѣнье соловья. Въ глазахъ у ней все помутилось; она почувствовала еще другой поцалуй.....

Бѣлка дико вскрикнула и упавъ на колѣни передъ нимъ, молила о пощадѣ, какъ слабый ребенокъ. Не изъ такихъ былъ Атавинъ, чтобъ тронуться беззащитностью: онъ преклонялся передъ одной силой.

— Я васъ молю, оставьте меня, оставьте меня! твердила Бѣлка, слабо защищаясь.

Отчаяніе ея наконецъ такъ усилилось, что она вырвалась изъ рукъ Атавина и кинулась къ перилямъ ложи.

— Какъ вамъ нестыдно! что вы дѣлаете! весь дрожа, сказалъ Атавинъ, остановивъ ее за руку.

— Ваше желаніе будетъ исполнено! прибавилъ онъ прерывисто дыша, и подалъ ей маску.

Бѣлка, прислонясь къ стѣнѣ и блѣдная какъ мраморъ, твердила одно:

— Уйдите отсюда, уйдите!

И она зарыдала.

Атавинъ кусалъ губы, какъ бы все-еще не рѣшаясь выттн изъ ложи. Бѣлка продолжала рыдать. Атавинъ, бросивъ презрительный взглядъ на нее, подалъ ей руку и вывелъ ее изъ ложи.

Чуть не падая, она сошла съ лѣстницы. Приведя ее въ залу, Атавинъ молча, насмѣшливо поклонился ей и пошелъ въ сторону, оставивъ ее одну.

Зала была уже пуста; кое-гдѣ мелькали запоздавшія маски. Бѣлка тотчасъ нашла свою горничную, замаскированную, и поспѣшно пошла къ выходу. Удаляясь, она не могла не бросить взгляда на Атавина, который очень покойно разговаривалъ съ какимъ-то старикомъ, не обращая на нее ни малѣйшаго вниманія....

ГЛАВА VI.

Нѣсколько дней послѣ маскарада Бѣлка находилась въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Она то горѣла, то вздрагивала отъ холоду. Сны ея были тревожны и мрачны, ложа и Атавинъ безпрестанно были у ней передъ глазами. При его имени, она вся вспыхивала. Цѣлые дни сидѣла она дома, въ волненіи подбѣгала къ окнамъ, смотрѣла на улицу, а при малѣйшемъ стукѣ въ дверь вздрагивала и мѣнялась въ лицѣ. По вечерамъ она впадала въ апатію и если брала книгу, то не читала ея, а устремивъ на одну точку глаза, то хмурила брови, то кусала губы. Видно было, что сцена въ ложѣ потрясла ее сильно. Въ первый разъ она видѣла такого мужчину; его дерзость она ничѣмъ не могла иначе объяснить, какъ безуміемъ пламенной любви. А его поцалуи бросали ее въ жаръ, и она задыхалась отъ волненія. Она такъ мало видѣла и знала мужчинъ, и мужъ такъ мало говорилъ ей о нихъ, что она воображала, что всѣ они больше или меньше благородны какъ ея мужъ. Но каково было ея негодованіе, когда Атавинъ не только не являлся къ нимъ, но, встрѣчаясь съ ней и ея мужемъ, избѣгалъ даже кланяться. И такъ-какъ онъ вѣчно сопровождалъ дамъ, то Бѣлка еще сильнѣе чувствовала оскорбленіе. Ея гордый и самолюбивый характеръ, притомъ избалованный мужемъ, не могъ вынести такого униженія. Она стала страдать отъ зависти къ богатымъ и знатнымъ дамамъ, тратила бездну денегъ на наряды, стала выѣзжать по театрамъ, по концертамъ, появлялась на всѣхъ гуляньяхъ, и не хотѣла слушать благоразумныхъ замѣчаній мужа, что такая жизнь не по ихъ состоянію. Слезы, колкости и иногда ласки обезоруживали несчастнаго мужа. Раздражительность ея характера смягчилась успѣхомъ, какой она произвела своимъ появленіемъ въ публикѣ. Ее замѣтили, всѣ заговорили о ней.... Лорнеты мужчинъ и даже дамъ направлялись на ложу Бѣлки, когда она появлялась. Кокетство въ ней дошло дотого, что ей хотѣлось нравиться безъ исключенія, старику и молодому, красавцу и уроду. Она уже съ ужасомъ думала о деревенской жизни и требовала отложить поѣздку еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Мужъ охотно согласился, потому-что ему

льстилъ также успѣхъ его жены. Казалось, разговоры въ публикѣ о Бѣлкѣ напомнили о ней и Атавину. Онъ сталъ кланяться съ ней, старался попасть ей на глаза и разъ подошелъ къ ней при разъѣздѣ въ театрѣ. Въ этотъ вечеръ Бѣлка какъ-то особенно обращала на себя вниманіе, и толпа мужчинъ окружала ее на лѣстницѣ, любуясь ею. Зеновскій былъ очень радъ Атавину и сталъ ему выговаривать, зачѣмъ онъ давно у нихъ не былъ.

— Я былъ очень занятъ, небрежно отвѣчалъ Атавинъ на дружескіе упреки своего пріятеля, который, мигнувъ женѣ, сказалъ:

— Да, мы слышали, какъ ты былъ занятъ.

Въ это время много говорили о любви Атавина къ одной княгинѣ, которую онъ всюду сопровождалъ.

Бѣлка покраснѣла и быстро повернулась въ сторону.

Атавинъ замѣтилъ это и спросилъ ее:

— Вы не будете ли дома завтра?

— Нѣтъ! рѣзко отвѣчала Бѣлка.

— Какъ! ты.... началъ-было ея мужъ.

Но остановился, замѣтивъ неудовольствіе на лицѣ Атавина, который, однако, скоро оправился и навелъ разговоръ на другой предметъ.

Бѣлка торжествовала: похвалы ея красотѣ долетали не только до нея, но даже и Атавинъ могъ слышать ихъ. На вѣчно-блѣдномъ ея лицѣ показался легкій румянецъ, глаза горѣли, и что-то могущественное было въ каждомъ движеніи ея головы. Атавинъ слѣдилъ за ней. Бѣлка какъ бы чего-то искала въ толпѣ.

— Вы, кажется, кого-то ищете, не могу ли я вамъ помочь? язвительно замѣтилъ ей Атавинъ.

— Опоздали: я ужь отыскала кого мнѣ нужно, торопливо отвѣчала Бѣлка и еще пристальнѣе стала глядѣть въ толпу.

На ея губахъ дрожала ядовитая улыбка, и, когда подали карету, она какъ бы нехотя пошла, поминутно поворачивая голову и забывъ даже отвѣтить на поклонъ Атавину.

Сѣвъ въ карету, Бѣлка залилась смѣхомъ.

— Что съ тобой? спросилъ удивленный мужъ.

— Такъ, я вспомнила послѣдній куплетъ; очень смѣшонъ.

Помолчавъ немного, Зеновскій сказалъ:

разспрашиваютъ, кто вы, откуда вы? У васъ ужь явилось ми жество поклонниковъ.

Атавинъ все это говорилъ, злобно глядя на Бѣлку, котор небрежно слушала его, самодовольно улыбаясь. Атавинъ с бо́льшей жолчью продолжалъ:

— Жаль, что вы не сидите подъ окномъ: мимо васъ прох живаются ваши жертвы по-нѣскольку часовъ, несмотря на м розъ.

Бѣлка засмѣялась: она вспомнила, что сама не разъ видѣ молодыхъ людей, гуляющихъ взадъ и впередъ мимо ея окон

— Я увѣренъ, что даже въ эту минуту какой-нибудь юно дрожитъ отъ холоду у вашихъ оконъ.

— Какіе вы пустяки болтаете! перебила Бѣлка Атавина.- Скажите лучше, какъ вамъ понравился вчерашній спектакль.

— Я его не видалъ! вздыхая отвѣчалъ Атавинъ.

— Однако, вы были въ театрѣ!

— Дѣйствительно, я былъ, но все мое вниманіе было за нято....

— Чѣмъ? спросила его Бѣлка.

— Вашей ложей! насмѣшливо отвѣчалъ Атавинъ.

— Что́ такого вы нашли страннаго въ нашей ложѣ? сердито спросила Бѣлка.

— Страннаго ничего, развѣ только странна была ваша красота!

Бѣлка сдѣлала нетерпѣливое движеніе головой. Атавинъ быстро прибавилъ:

— Это всѣ говорятъ; разумѣется, я тоже вполнѣ раздѣляю...

— А, а, а, вы вѣрно изъ числа мерзнущихъ у моихъ оконъ! не совѣтую. вы замерзнете:

На послѣднія слова Бѣлка сдѣлала особенное удареніе.

— Извините меня, я очень лѣнивъ и притомъ ненавижу хоходъ, отвѣчалъ Атавинъ все тѣмъ же шутливымъ тономъ.

Съ часъ онъ пробылъ у Бѣлки и уходя, какбы мимоходомъ спросилъ:

— А у васъ ужь есть ложа на сегодняшній спектакль?

— Нѣтъ еще; а что́? спросила Бѣлка.

— Я ѣду въ кас[illegible]веслами, позвольте мнѣ вамъ взять.

И не [illegible], онъ поклонился и вышелъ.

Бѣлка, проводивъ его глазами, оставалась нѣсколько минутъ [illegible] какомъ-то раздумьи, и вдругъ, поднявъ гордо голову, она язви[illegible]льно улыбнулась и бросила злобный взглядъ на дверь, въ ко[illegible]рую удалился Атавинъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Бѣлка получила ложу.

[illegible]кто особенно долго она занималась туалетомъ въ этотъ [illegible]нь и поздно пріѣхала въ театръ. Атавинъ сидѣлъ въ креслахъ и [illegible] на минуту не заходилъ въ ложу къ княгинѣ, у которой прежде [illegible]просиживалъ по цѣлымъ спектаклямъ. Бѣлка торжествовала... [illegible]послѣ спектакля Атавинъ пилъ у нихъ чай, по приглашенію [illegible]ужа, былъ простъ, остроуменъ и веселъ:

Когда онъ ушелъ, Зеновскій замѣтилъ женѣ.

— Ну, я сегодня слѣдилъ за Атавинымъ и нашелъ, что ты совершенно несправедлива къ нему.

Насмѣшливой улыбкой отвѣчала Бѣлка на замѣчаніе своего мужа.

Съ этого дня Атавинъ всюду сопровождалъ Бѣлку. Посѣщенія его сдѣлались ежедневными. Бѣлка какъ бы стала равнодушнѣе къ удовольствіямъ и просиживала иногда вечера дома, бесѣдуя съ Атавинымъ, къ выходкамъ котораго она, казалось, привыкла, можетъ быть потому, что въ ней самой стала проявляться какая-то надменность, и она иногда не уступала ему въ ядовитыхъ и злыхъ насмѣшкахъ надъ всѣми. Бесѣды ихъ становились продолжительны, но нисколько не сближали ихъ, а, напротивъ, удаляли. Наперерывъ они старались казаться другъ передъ другомъ какими-то бездушными существами, для которыхъ всякое порядочное чувство было противно и смѣшно. Малѣйшая откровенность или увлеченіе какъ съ той, такъ и съ другой стороны были безпощадно казнены насмѣшками. Они дошли до-того, что оба лгали другъ передъ другомъ безъ всякой цѣли, очень часто противорѣчили себѣ, но не хотѣли сознаться, что взятая ими роль не нравится имъ. Разсказы Атавина были бы увлекательны, еслибъ онъ не старался выказать себя въ нихъ какимъ-то злодѣемъ. Въ Бѣлкѣ все еще оставалась злоба противъ Атавина за его пренебреженіе къ ней, и она, какъ могла, мстила ему. Во тоже время, не видавъ одинъ день Атавина, она скучала, и тотъ день ей казался длиннымъ до безконечности. Впрочемъ, по вѣтренности своего характера, Бѣлка сама не по-

нимала ни своей злобы къ Атавину, ни тоски, когда его не видала долго.

Прошло два мѣсяца, съ тѣхъ поръ, какъ Атавинъ безвыходно былъ у Бѣлки. Его товарищи и знакомые поздравляли его съ успѣхомъ; онъ не разувѣрялъ ихъ, но даже самъ подавалъ поводъ къ разнымъ предположеніямъ насчетъ близкихъ сношеній его съ Бѣлкой. Повидимому, онъ не любилъ Бѣлки, а волочился за ней просто для того, чтобъ другіе думали, что онъ счастливъ, и завидовали ему. Онъ не щадилъ честь женщины для своего пустого самолюбія. Хотя Бѣлка и поразила его съ перваго раза своей оригинальной красотой, веселостью и живостью характера, смѣлостью мыслей; но встрѣтивъ другихъ женщинъ въ тоже время, успѣхъ и волокитство за которыми обѣщали больше шуму, онъ не задумался пренебречь ею, пока наконецъ успѣхъ Бѣлки не заставилъ его бросить всѣхъ и обратиться туда, гдѣ самолюбію его было больше пищи. Съ нѣкотораго времени въ немъ начало даже проявлятся что-то похожее на любовь къ ней.

Разъ Атавинъ явился къ Бѣлкѣ очень встревоженный. Она была одна и съ искреннимъ участіемъ стала его разспрашивать.

— Мнѣ даютъ порученіе, по которому на-дняхъ я долженъ ѣхать на Кавказъ, мрачно отвѣчалъ Атавинъ.

— И вы ѣдете? пугливо просила Бѣлка.

Атавинъ бросилъ вопросительный взглядъ на Бѣлку: краски, разлившейся по ея лицу, достаточно было для Атавина, и онъ поспѣшно произнесъ:

— Нѣтъ, я останусь!

Въ этотъ вечеръ онъ былъ какъ-то особенно грустенъ и нѣженъ. Ни одного изъ его обычныхъ жосткихъ словъ или взглядовъ не вырвалось у него. Бѣлка, сама не понимая какъ почувствовала какое-то странное участье къ Атавину. Разговоръ ихъ былъ простъ и откровененъ. Они оба какбы переродились: глаза ихъ встрѣчаясь не выражали ни надменности, ни гордости, а напротивъ, они какъ-то особенно успокоительно смотрѣли другъ на друга. Кругомъ ихъ тоже все какъ-то было тихо и покойно. Лампа, горѣвшая на столѣ, посреди комнаты, подъ матовымъ шаромъ, бросала мягкой свѣтъ на кушетку, гдѣ сидѣли они. Разговоръ ихъ становился все тише и тише: они, ка-

залось, боялись своимъ голосомъ нарушить тишину. Наконецъ они замолчали и какъ-то странно посмотрѣли другъ на друга. Рука Бѣлки очутилась въ рукѣ Атавина, который медленно опустился на колѣни и въ какомъ-то восторгѣ глядѣлъ на Бѣлку. Но она вдругъ вся измѣнилась: краска исчезла съ ея пылающихъ щекъ, которыя въ-мигъ покрылись блѣдностью; глаза ея странно заблистали, и на дрожащихъ ея губахъ появилась надменная улыбка, страшно измѣнившая ея лицо, за минуту кроткое и счастливое.

На лицѣ Атавина въ первую минуту показался ужасъ, потомъ негодованіе, скоро смѣнившееся такой же презрительной улыбкой. И они оба, смотря пристально въ глаза другъ другу, медленно и гордо встали. Бѣлка первая сказала язвительно:

— Видите, какіе я сдѣлала успѣхи: я больше неплачу, когда мнѣ изъясняются въ любви. И если бы вы не спѣшили такъ скоро сдѣлать повтореніе, кажется, довольно искусно заученной вами сцены, то, вѣрно, осталась бы еще довольнѣе.

И Бѣлка, казалось, полна была торжества.

Атавинъ слушалъ ее съ возрастающимъ негодованіемъ, и когда она замолчала, онъ насмѣшливо поклонился ей и, едва удерживая себя, сказалъ:

— Я и такъ доволенъ: отдаю вамъ полную справедливость, что комедія разъиграна была вами въ совершенствѣ. Вы превзошли мои ожиданія. Только мнѣ очень жаль, что вы избрали меня героемъ вашей комедіи, потому-что я долженъ ѣхать скоро изъ Петербурга. Прощайте, прибавилъ онъ жарко, и вышелъ.

Бѣлка оставалась нѣсколько минутъ какъ ошеломленная. Наконецъ ужасъ и отчаяніе изобразились на ея блѣдномъ лицѣ, и она въ волненіи забѣгала по комнатѣ, ломая себѣ руки. Потомъ она кинулась къ столу, на которомъ лежало все нужное для письма. Много было исписано бумаги.... то слезы падали на незасохшія чернила, то она дѣлала ошибки. Наконецъ письмо было готово, сложено, и она задумалась надъ нимъ. Радостная улыбка разливалась по ея тревожному лицу; она побѣжала въ спальню и нерѣшительно остановилась посреди ея. Черезъ минуту она тихо подкралась къ двери за шифоньерку, и поднявъ руку, съ минуту оставалась въ такомъ положеніи, прислушиваясь къ скорымъ шагамъ Атавина, расхаживавшаго по своей

комнатѣ. Робкою рукою она стукнула слегка въ дверь. Шаги смолкли. Бѣлка повторила ударъ и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Вы здѣсь?

— Здѣсь, я одинъ! отворите, молю васъ, отворите! съ жаромъ воскликнулъ Атавинъ, подскочивъ къ двери и рванувъ за ручку.

Бѣлка просунула въ щель свою записку и выбѣжала изъ спальни; упавъ на кушетку, она закрыла лицо, вспыхнувшее какъ зарево.

Въ запискѣ своей Бѣлка клялась ему, что если оскорбила его, то неумышленно, и что она желаетъ съ нимъ переговорить.

Атавинъ пришелъ; но мужъ возвратился домой и помѣшалъ ихъ объясненію, которое, однако, можно было прочесть въ глазахъ у Бѣлки: они ясно говорили, что она желала безусловнаго мира и вполнѣ разскаявается. Между разговоромъ мужъ Бѣлки сказалъ:

— А скажи-ка, Атавинъ, правда ли, что ты ѣдешь на дняхъ?

Бѣлка съ ужасомъ ждала отвѣта, устремивъ умоляющій взглядъ на Атавина. Онъ твердо произнесъ:

— Все вздоръ!

Улыбка озарила лицо Бѣлки, и она свободно вздохнула.

Во весь остальной вечеръ Атавинъ былъ необыкновенно веселъ и такими странными глазами глядѣлъ на Бѣлку, что она краснѣла и конфузилась. Уходя, Атавинъ успѣлъ тихо шепнуть ей:

— Вы все еще желаете говорить со мной!

— Да, непремѣнно, отвѣчала Бѣлка.

И они разстались.

Бѣлка находилась въ такомъ положеніи, что не знала сама, что̀ дѣлаетъ, что̀ говоритъ. Страхъ больше не видѣть Атавина уничтожилъ въ ней злобу противъ него, и она сознавалась, что была несправедлива къ нему; не только его достоинства, но даже недостатки приняли другой колоритъ въ глазахъ ея, и съ этими-то мыслями она заснула, рѣшась откровенно объясниться съ нимъ.

Спальня Бѣлки была небольшая комнатка о двухъ окнахъ, противъ которыхъ у стѣны стояла кровать подъ кисейными за-

авѣсками. Туалетъ, трюмо, диванъ и нѣсколько стульевъ до-олняли меблировку комнаты. Полъ былъ устланъ мягкимъ овромъ, а полусвѣтъ, бросаемый небольшой лампой съ транс-арантомъ, стоявшей въ углу на этажеркѣ, придавалъ комнатѣ то-то необыкновенное, несмотря на простую уборку. Бѣлка пала покойно, утонувъ въ мягкихъ подушкахъ, какъ вдругъ ороxъ за дверью, гдѣ стояла шифоньерка, нарушилъ тишину. то-то тихо вложилъ ключъ, осторожно повернулъ, и дверь рипнула. Все это дѣлалось съ большими разстановками. Че-езъ минуту голова Атавина высунулась изъ-за шифоньерки и ъ тревожно оглядѣлъ комнату. Все было покойно кругомъ: огда Атавинъ осторожно вошелъ въ спальню, внимательно смотрѣлъ дверь, ведущую въ залу, заперъ на задвижку, и оста-овился какъ бы въ нерѣшительности. На его лицѣ замѣтно ыло страшное волненіе; если бы кто его увидѣлъ въ эту ми-уту, то счелъ бы его не за влюбленнаго, а за преступника. На ыпочкахъ подкрался онъ къ постели и остановился, печально ядя на Бѣлку, въ которой было что-то дѣтское, когда она ала. Брови нахмурились у Атавина; но вдругъ самодовольная ыбка озарила его лицо; онъ увидалъ свои стихи, лежавшіе на очномъ столѣ. Казалось, это придало ему смѣлости; онъ на-ылся къ лицу Бѣлки. Бѣлка пугливо раскрыла глаза и слабо скрикнула.

Атавинъ выпрямился, а Бѣлка сѣвъ на постели, глядѣла на его, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Не бойтесь: меня никто не видалъ, тихо и дрожащимъ олосомъ произнесъ Атавинъ.

Бѣлка, какъ бы увѣрясь, что это не сонъ, съ ужасомъ за-рыла лицо руками и замотала головой.

Атавинъ упалъ на колѣни и умоляющимъ голосомъ продол-алъ:

— Простите, молю васъ, простите меня; я сознаюсь, что мой ступокъ безумно дерзокъ, но выслушайте меня, поймите мое асное положеніе. Не одну ночь я выстоялъ у вашихъ дверей ъ страшной борьбѣ, но теперь, когда мы наконецъ объясни-ись и поняли другъ друга, я рѣшился.... да, я знаю, что я ви-оватъ, я уйду, но скажите мнѣ хоть одно слово; скажите то, го я прочелъ въ вашихъ глазахъ, разставаясь съ вами.

И Атавинъ хотѣлъ взять руку Бѣлки, которая слушала его, какъ-будто ничего не понимая; но при его прикосновеніи, она кинулась въ уголъ кровати и, дико глядя на него, сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Не прикасайтесь ко мнѣ!

Атавинъ всталъ съ колѣнъ, отошелъ отъ постели и сказалъ:

— Клянусь, я не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній, любовь моя къ вамъ...

Но, не докончивъ фразы, онъ попятился назадъ, потому-что Бѣлка быстро соскочила съ постели.... Ея ночной, бѣлый и длинный костюмъ, распущенные волосы, блѣдность лица и сверкающіе глаза такъ измѣнили ее, что Атавинъ испугался.

— Я уйду, поспѣшно прибавилъ онъ: — но прошу васъ всѣмъ, что́ для васъ дорого, простите меня. Любовь моя....

— Замолчите, не смѣйте благородными чувствами маскировать вашъ грязный, низкій и давно обдуманный поступокъ, грозно и громко сказала Бѣлка.

Атавинъ сдѣлалъ отчаянный жестъ и указалъ на дверь, ведущую въ залу.

— А, а, а! вы расчитали на мой страхъ! Вы ошиблись, я презираю все, и вашъ подлый поступокъ не заставитъ меня молчать.

— Клянусь вамъ, что мной руководила сильная, безумная страсть. Я люблю и уважаю васъ. Неужели мой безразсудный поступокъ уничтожитъ все между нами? неужели у васъ не достанетъ столько состраданія....

— Къ низостямъ — никогда! рѣшительнымъ голосомъ перебила его Бѣлка и, указывая на дверь, въ которую онъ вошелъ, повелительно продолжала: — я требую, чтобъ вы удалились; завтра ваша комната должна быть пуста. Я еще надѣюсь, что у васъ достанетъ столько гордости, чтобъ болѣе не показываться на глаза женщинѣ, которая, кромѣ глубокаго презрѣнія, ничего не питаетъ къ вамъ. Идите скорѣе, или я позвоню!

Съ уничтожающимъ презрѣніемъ глядѣла она на Атавина, который слушалъ ее съ ужасомъ.

— Такъ между нами все кончено? спросилъ онъ быстро.

— Что́ можетъ быть между вами и женщиной, которая счи[illegible]тъ васъ за....

Атавинъ повелительнымъ жестомъ остановилъ Бѣлку и, весь задрожавъ, сказалъ:

— Мой поступокъ совсѣмъ не стоитъ такихъ названій, за которыя вы дорого заплатили бы, еслибъ были не женщина. Считайте всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно меня: я также презираю все. Но знайте, что неблагородно и съ вашей стороны было разыгрывать влюбленную, поощрять мои желанія. Не со всѣми можно безнаказанно играть. Ключъ отъ двери вы получите завтра и можете показать его вашему мужу: я всегда готовъ удовлетворить его.

И Атавинъ скрылся за шифоньеркой, довольно сильно захлопнувъ дверь и повернувъ ключомъ.

Бѣлка со стономъ упала на постель, заглушая свои рыданія въ подушкѣ. А въ комнатѣ Атавина раздалось насвистываніе веселаго вальса.

Дня черезъ три, поздно вечеромъ, изъ комнаты Атавина долеталъ шумный говоръ пирующихъ гостей; между ними были и женскіе голоса. Гости провожали его на Кавказъ. Говоръ, смѣхъ и тосты, даже поцалуи долетали до Бѣлки, лежавшей уже въ постели. Голосъ Атавина рѣзче всѣхъ раздавался, каждое его слово какъ нарочно явственно слышала Бѣлка. Онъ былъ веселъ, любезничалъ съ дамами и поминутно предлагалъ тосты. Въ комнатѣ настала тишина. Вдругъ Бѣлка услышала рыданія. Она не вытерпѣла и, кинувшись къ двери, приставила глазъ къ замочной щели. Передъ столомъ, покрытымъ скатертью, уставленнымъ бутылками, тарелками и рюмками и освѣщеннымъ огромной канделяброй, свѣчи которой уже догорали, сидѣлъ Атавинъ, задумчиво опершись головой на руку. Напротивъ него сидѣла женщина, роскошно одѣтая и очень красивая; она горько плакала.

— Какъ ты скучна своей чувствительностью! не подымая головы, замѣтилъ Атавинъ.

— Да, я глупа, вытирая глаза, сказала женщина и сквозь слезы продолжала: — послушай, скажи мнѣ одно слово, и я поѣду за тобой; я забуду всю твою несправедливость ко мнѣ.

— Вотъ весело: чтобъ и тамъ плакать!

— Я плачу теперь, разставаясь съ тобой.

И Атавинъ хотѣлъ взять руку Бѣлки, которая слушала его, какъ-будто ничего не понимая; но при его прикосновеніи, она кинулась въ уголъ кровати и, дико глядя на него, сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Не прикасайтесь ко мнѣ!

Атавинъ всталъ съ колѣнъ, отошелъ отъ постели и сказалъ:

— Клянусь, я не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній, любовь моя къ вамъ...

Но, не докончивъ фразы, онъ попятился назадъ, потому-что Бѣлка быстро соскочила съ постели.... Ея ночной, бѣлый и длинный костюмъ, распущенные волосы, блѣдность лица и сверкающіе глаза такъ измѣнили ее, что Атавинъ испугался.

— Я уйду, поспѣшно прибавилъ онъ: — но прошу васъ всѣмъ, что̀ для васъ дорого, простите меня. Любовь моя....

— Замолчите, не смѣйте благородными чувствами маскировать вашъ грязный, низкій и давно обдуманный поступокъ, грозно и громко сказала Бѣлка.

Атавинъ сдѣлалъ отчаянный жестъ и указалъ на дверь, ведущую въ залу.

— А, а, а! вы расчитали на мой страхъ! Вы ошиблись, я презираю все, и вашъ подлый поступокъ не заставитъ меня молчать.

— Клянусь вамъ, что мной руководила сильная, безумная страсть. Я люблю и уважаю васъ. Неужели мой безразсудный поступокъ уничтожитъ все между нами? неужели у васъ не достанетъ столько состраданія....

— Къ низостямъ — никогда! рѣшительнымъ голосомъ перебила его Бѣлка и, указывая на дверь, въ которую онъ вошелъ, повелительно продолжала: — я требую, чтобъ вы удалились; завтра ваша комната должна быть пуста. Я еще надѣюсь, что у васъ достанетъ столько гордости, чтобъ болѣе не показываться на глаза женщинѣ, которая, кромѣ глубокаго презрѣнія, ничего не питаетъ къ вамъ. Идите скорѣе, или я позвоню!

Съ уничтожающимъ презрѣніемъ глядѣла она на Атавина, который слушалъ ее съ ужасомъ.

— Такъ между нами все кончено? спросилъ онъ быстро.

— Что̀ можетъ быть между вами и женщиной, которая считаетъ васъ за....

Атавинъ повелительнымъ жестомъ остановилъ Бѣлку и, весь задрожавъ, сказалъ:

— Мой поступокъ совсѣмъ не стоитъ такихъ названій, за которыя вы дорого заплатили бы, еслибъ были не женщина. Считайте всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно меня: я также презираю все. Но знайте, что неблагородно и съ вашей стороны было разыгрывать влюбленную, поощрять мои желанія. Не со всѣми можно безнаказанно играть. Ключъ отъ двери вы получите завтра и можете показать его вашему мужу: я всегда готовъ удовлетворить его.

И Атавинъ скрылся за шифоньеркой, довольно сильно захлопнувъ дверь и повернувъ ключомъ.

Бѣлка со стономъ упала на постель, заглушая свои рыданія въ подушкѣ. А въ комнатѣ Атавина раздалось насвистываніе веселаго вальса.

Дня черезъ три, поздно вечеромъ, изъ комнаты Атавина долеталъ шумный говоръ пирующихъ гостей; между ними были и женскіе голоса. Гости провожали его на Кавказъ. Говоръ, смѣхъ и тосты, даже поцалуи долетали до Бѣлки, лежавшей уже въ постели. Голосъ Атавина рѣзче всѣхъ раздавался, каждое его слово какъ нарочно явственно слышала Бѣлка. Онъ былъ веселъ, любезничалъ съ дамами и поминутно предлагалъ тосты. Въ комнатѣ настала тишина. Вдругъ Бѣлка услышала рыданія. Она не вытерпѣла и, кинувшись къ двери, приставила глазъ къ замочной щели. Передъ столомъ, покрытымъ скатертью, уставленнымъ бутылками, тарелками и рюмками и освѣщеннымъ огромной канделяброй, свѣчи которой уже догорали, сидѣлъ Атавинъ, задумчиво опершись головой на руку. Напротивъ него сидѣла женщина, роскошно одѣтая и очень красивая; она горько плакала.

— Какъ ты скучна своей чувствительностью! не подымая головы, замѣтилъ Атавинъ.

— Да, я глупа, вытирая глаза, сказала женщина и сквозь слезы продолжала: — послушай, скажи мнѣ одно слово, и я поѣду за тобой; я забуду всю твою несправедливость ко мнѣ.

— Вотъ весело: чтобъ и тамъ плакать!

— Я плачу теперь, разставаясь съ тобой.

— А тамъ будешь плакать, что живешь со мной. Да ты знаешь, что я не могу тебѣ дать столько денегъ, какъ твой старикъ.

— Развѣ я ихъ просила у тебя когда-нибудь? съ упрекомъ спросила женщина.

— Не просила, такъ желала, замѣтилъ Атавинъ.

— Я ничего не желала, кромѣ твоего хоть маленькаго снисхожденія. Ну, скажи мнѣ теперь, когда мы разстаемся, можетъ быть, навсегда, скажи: за что ты меня оставилъ?

И она глотала слезы, ожидая отвѣта. Атавинъ поднялъ голову и равнодушно отвѣчалъ:

— Чтобъ не ты первая меня оставила.

Женщина закрыла лицо руками, потомъ въ негодованіи вскочила.

— Домой? равнодушно спросилъ ее Атавинъ.

— Да! холодно отвѣчала она и, накинувъ горностаевую мантилью, пошла-было къ двери, но остановилась, глядя на Атавина, который оставался въ прежнемъ положеніи. Она сдѣлала отчаянный жестъ, подошла къ нему и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Прощай!

— А.... прощай, поднявъ голову сказалъ Атавинъ и пожалъ ей руку. Она зарыдала и упала къ нему на грудь. Съ минуту она оставалась такъ, потомъ быстро подняла голову, поцаловала его въ лобъ и выбѣжала изъ комнаты. Атавинъ поглядѣлъ ей въ-слѣдъ, пожалъ плечами и снова сѣлъ и задумался.

Эта сцена такъ потрясла Бѣлку, что она какъ окаменѣлая оставалась у двери. Долго еще Атавинъ сидѣлъ, потомъ началъ ходить по комнатѣ. Лицо его было мрачно. Лишь только туманный утренній свѣтъ началъ бороться съ ярко-догаравшими свѣчами, какъ посреди глубокой тишины загрохотала телѣга съ едва-слышнымъ колокольчикомъ и остановилась подъ окнами. Бѣлка вся задрожала, прислушиваясь къ замиранію стука. Явился лакей и доложилъ, что телѣга пріѣхала.

— Все ли готово? сердито спросилъ Атавинъ.

— Все-съ.

— Укладывай, произнесъ медленно Атавинъ, а самъ, бросясь на стулъ, закинулъ голову и смотрѣлъ на потолокъ. Лакей

входилъ и выходилъ съ поклажей нѣсколько разъ и наконецъ, остановясь на порогѣ, протяжно сказалъ:

— Готово-съ.

Атавинъ вскочилъ, съ минуту постоялъ, какъ бы что-то думая, потомъ засвисталъ, накинулъ фуражку и напѣвая вышелъ изъ комнаты.

Бѣлка съ ужасомъ кинулась къ окну, приподняла стору и прильнула къ холодному стеклу. Утро было туманное, рѣдкій снѣгъ леталъ въ воздухѣ. Атавинъ проворно сѣлъ въ телѣгу, плотно закутался въ шинель, и тройка поскакала. Бѣлка вся задрожала и слабо вскрикнула; когда же телѣга скрылась, она тихо опустилась на колѣни и, склонивъ блѣдное лицо на подъоконницу, произнесла отчаяннымъ голосомъ:

— Уѣхалъ!

Только тогда очнулась Бѣлка и поспѣшила лечь въ постель, когда все проснулось вокругъ нея.

Черезъ недѣлю они оставили Петербургъ.

ГЛАВА VII.

Ровно́ черезъ шесть лѣтъ послѣ того, какъ мы въ первый разъ встрѣтились съ Бѣлкой, подъ вечеръ іюльскаго жаркаго дня, въ знакомой уже читателю пасѣкѣ, мало измѣнившейся, тотъ же старикъ, но болѣе дряхлый, сидѣлъ у шалаша и апетитно ужиналъ чернымъ хлѣбомъ и молокомъ.

Въ пасѣкѣ и кругомъ ея такая была тишина, что еще издали слышалось жужжанье пчелы, спѣшившей къ своему улью. Старикъ, чавкая хлѣбъ, грозилъ ложкой вслѣдъ запоздавшей пчелѣ. Ужинъ его, несмотря на скудность, былъ продолжителенъ; наконецъ старикъ кряхтя всталъ и началъ молиться.

Солнце уже начинало садиться, обливъ огненнымъ свѣтомъ все небо, и грѣло прощальными лучами лысую голову старика, припавшаго къ землѣ.

Рогожа у шалаша тихо поднялась, и женщина, еще молодая, но болѣзненная и блѣдная, показалась у входа. Ея бѣлое платье, тоскливое и задумчивое лицо не гармонировали съ дикимъ, но мирнымъ жилищемъ старика. При видѣ молящагося старика,

грустная улыбка мелькнула на ея блѣдныхъ губахъ, и она съ тяжелымъ вздохомъ принялась поливать цвѣты — единственная новость, появившаяся въ пасѣкѣ съ той поры, какъ мы ее оставили.

Выстрѣлъ, раздавшійся въ лѣсу, заставилъ ее бросить свою работу.

— Скажи, что я ушла въ лѣсъ, поспѣшно сказала она старику и скрылась въ шалашъ.

Старикъ продолжалъ молиться, кивнувъ ей утвердительно головой.

Кончивъ молитву, старикъ остался на томъ же мѣстѣ и глядѣлъ сердито на тучу комаровъ, летавшихъ вокругъ него. Приходъ Зеновскаго вывелъ его изъ неподвижности, и старикъ низко поклонился ему.

— Дома? спросилъ Зеновскій, кивнувъ ему головой.

— Сейчасъ въ лѣсъ ушла, батюшка, отвѣчалъ раболѣпно старикъ.

— Какъ въ лѣсъ? Я только изъ него, сердито замѣтилъ Зеновскій.

— Почемъ мнѣ знать, недовольнымъ голосомъ отвѣчалъ старикъ. — Лѣсъ великъ.

— Не говорила, что скоро вернется? въ недоумѣніи спросилъ Зеновскій.

— Богъ ее знаетъ, ничего не сказывала.

— Я подожду ее, произнесъ Зеновскій, ставя свое ружье къ дерево.

Старикъ бросилъ тревожный взглядъ на шалашъ, рогожа у котораго быстро откинулась, и блѣдная женщина, сдѣлавъ повелительный жестъ старику, чтобъ онъ удалился, остановилась у шалаша. Увидѣвъ ее, Зеновскій вспыхнулъ и бросилъ гнѣвный взглядъ въ-слѣдъ старику, который, ворча что-то подъ носъ себѣ, махалъ съ неудовольствіемъ рукой

— Виноватъ: я, кажется, не во время пришелъ, съ дурно скрытою досадою сказалъ Зеновскій и взялся за ружье.

— Вамъ нужно что-нибудь мнѣ сказать? покойно спросила она.

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ Зеновскій, немного смѣшавъ.

Женщина, прислонясь къ шалашу, задумчиво слѣдила за старикомъ, мелькавшимъ между ульями.

— Какъ твое здоровье? спросилъ наконецъ Зеновскій.

Не поворачивая головы, она разсѣянно отвѣчала:

— Очень хорошо.

Зеновскій горько улыбнулся, посмотрѣвъ на болѣзненное выраженіе всей ея фигуры. Она, какъ-будто уставъ, сѣла у входа шалаша, пригласивъ и его сѣлать тоже.

Они оба молчали, разсѣянно глядя по сторонамъ. Зеновскій первый заговорилъ:

— Сегодняшній вечеръ, мнѣ кажется, также будетъ душенъ, какъ шесть лѣтъ тому назадъ.

Она тревожно посмотрѣла на Зеновскаго, подумала и тихо сказала, какъ бы припоминая что-то:

— Да, точно, да, сегодня!

И она грустно улыбнулась и покачала головой.

Слѣдя за выраженіемъ ея лица, Зеновскій нетвердымъ голосомъ спросилъ:

— Ты, кажется, недовольна, что я тебѣ напомнилъ день, который, можетъ быть, былъ несчастн....

Онъ не договорилъ, потому-что она съ ужасомъ устремила на него свои глаза, лишенные всякаго блеска, и сказала:

— Мнѣ скорѣе слѣдуетъ предложить тебѣ такой вопросъ.

Зеновскій хотѣлъ-было говорить, но она остановила его, прибавивъ:

— Я слишкомъ хорошо чувствую, что не на радость ты меня встрѣтилъ.

— Не говори мнѣ этого.... я былъ счастливъ, совершенно счастливъ, до той минуты.... съ горячностью началъ-было Зеновскій и замолчалъ, потому-что Бѣлка (то была она), съ прежнимъ выраженіемъ веселаго лукавства, положила свою руку ему на губы, сказавъ:

— Я не хочу, чтобъ мы ссорились сегодня.

Зеновскій измѣнился въ лицѣ и произнесъ:

— Я, право, счастливъ, я....

— Дай Богъ, дай Богъ! съ странной улыбкой перебила его Бѣлка.

Зеновскій, замѣтивъ эту улыбку, продолжалъ:

— Если я горячился, приходилъ въ отчаяніе, то единственно оттого, что я страдалъ при мысли, что дѣлаю тебя несчастной. Но теперь, когда наконецъ ты выслушиваешь меня терпѣливо, скажи, объясни мнѣ мою вину, за что ты оставила мой домъ? Клянусь тебѣ, если я виноватъ, я покорюсь твоей волѣ: я уѣду отсюда на-всегда, предоставивъ тебѣ все, что я имѣю. Я не хочу, чтобъ ты вела прежнюю жизнь; она уже для тебя невозможна. Можетъ быть, между нами произошло какое-нибудь недоразумѣніе?

Зеновскій чуть не рыдалъ. Бѣлка въ волненіи слушала его и когда онъ замолчалъ, ожидая отвѣта, она закрыла лицо руками и задыхающимся голосомъ прошептала:

— Въ-самомъ-дѣлѣ, надо же положить конецъ.

И, отнявъ руки отъ лица, на которомъ слегка выступила краска, она въ ту же минуту еще сильнѣе поблѣднѣла.

— Я больна, сказала она едва слышно: — я несчастна; но не ты виноватъ во всемъ этомъ, а мой характеръ. Если я избѣгала тебя въ послѣднее время, такъ потому, что мнѣ тяжело тебя видѣть....

Зеновскій вздрогнулъ и съ ужасомъ посмотрѣлъ на Бѣлку, которая, сжавъ свои руки такъ, что они хрустнули, и потупивъ глаза, дрожащимъ голосомъ продолжала:

— Можетъ быть, мы прожили бы съ тобою много лѣтъ и состарѣлись бы мирно, еслибъ одинъ случай не открылъ мнѣ глаза. Не удивляйся тому, что тебѣ будетъ говорить женщина, столько лѣтъ любимая тобою и уважаемая. Я скажу тебѣ все, какъ мнѣ ни страшно; но этимъ, можетъ быть, я еще успѣю исправить твое будущее.

— Говори, скорѣе, Бога ради! въ отчаяніи воскликнулъ Зеновскій.

Отъѣздъ Атавина произвелъ сильное впечатлѣніе на Бѣлку, которая думала, что всѣ мужчины должны любить ее, какъ любилъ ее мужъ, робко и покорно. Оскорбленная гордость, сожалѣніе и любовь поперемѣнно волновали ее. То она думала, что слишкомъ жестоко обошлась съ Атавинымъ, то, вспоминая гордыя и надменныя его выходки, радовалась, что не унизилась передъ нимъ. Но чаще приходили ей на память тѣ его слова, которыя дышали нѣжностью и любовью, и тогда она глубоко

страдала, думая, что оскорбила и оттолкнула человѣка, который любилъ ее и съ которымъ, можетъ быть, ожидало ее счастье. Позже она поняла, что Атавинъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не могутъ никому, не исключая и самихъ себя, дать счастія, что не любовь влекла его къ ней, а капризъ.... Но долгіе дни и ночи, проведенные ею въ воспоминаніяхъ о немъ, въ тоскѣ и сожалѣніяхъ, заставили ее невольно обратиться къ самой себѣ, пробудили въ ней сознаніе. Ея собственная жизнь вдругъ представилась ей во всей страшной наготѣ истины. Разъ проснувшееся сознаніе не дремало, и Бѣлка каждую минуту открывала новый источникъ мученій въ своемъ прошедшемъ. Припоминая, сколько страданій доставила своему мужу, она содрогалась, и его благородство, его неизмѣнное великодушіе сдѣлались неотступнымъ и невыносимымъ упрекомъ ей Скоро она дошла до-того,что не могла его видѣть безъ непріятнаго чувства, которое, наконецъ, такъ усилилось, что моглобъ назваться ненавистью, еслибъ она въ тоже время не сознавала вполнѣ благородства своего мужа и всего, чѣмъ ему обязана. Но она не могла надѣяться загладить свою вину передъ нимъ любовью, потому-что не любила его, и можетъ быть любила другого, не могла притворяться и обманывать.... и жить съ нимъ было ей невыносимо и невозможно. Посѣтивъ разъ пасѣку, она пожелала переѣхать въ нее жить. Ни слезы, ни мольбы мужа не могли перемѣнить ея рѣшенія. Онъ заклиналъ ее сказать, почему она оставляетъ его домъ; она отвѣчала, что ей на нѣкоторое время нужно совершенное уединеніе и спокойствіе. Ничего болѣе не говорила она ему въ оправданіе страннаго своего поведенія до той минуты, когда наконецъ рѣшилась раскрыть ему свою душу.

Зеновскій мрачно слушалъ исповѣдь своей несчастной Бѣлки, и не разъ его вопли, исторгаемые отчаяніемъ и ужасомъ, прерывали страшный разсказъ, въ которомъ Бѣлка не щадила себя.

— Теперь ты видишь, заключила она: — что я должна оставить тебя.... ты свободенъ....

— Я тебѣ все, все прощаю! воскликнулъ онъ съ рыданіемъ: — ты еще молода, любовь твоя пройдетъ.

— Любовь... можетъ быть... съ сомнѣніемъ отвѣчала Бѣлка: — а стыдъ, угрызеніе совѣсти?

И, взрогнувъ, она произнесла рѣшительнымъ и торжественнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, это невозможно! это выше силъ моихъ жить съ человѣкомъ, котораго я столько обманывала, и который теперь все знаетъ!

— Такъ мы должны разстаться? съ воплемъ воскликнулъ Зеновскій.

— Да, шопотомъ произнесла Бѣлка.

Настало мертвое молчаніе. Медленно поднимавшійся вечерній паръ съ зелени, согрѣтой жгучимъ солнцемъ, какъ-будто поспѣшилъ скрыть сидѣвшихъ у шалаша.

Въ ту ночь въ лѣсу раздался выстрѣлъ....

Не здѣсь еще конецъ приключеніямъ Бѣлки. Вторая половина ея жизни составляетъ другую повѣсть, которую я, можетъ быть, когда-нибудь разскажу.

Н. СТАНИЦКІЙ.

ЦЫГАНЪ.

РОМАНЪ Л. П. Р. ДЖЕМСА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА X.

Мы оставили полковника Маннерса у дверей библіотеки, когда онъ только-что взялся за рѣзную мѣдную ручку замка. Вы помните, конечно, что Маннерсъ, желая избавиться отъ внутренней борьбы двухъ чувствъ — сочувствія къ печали друга и любопытства узнать ея причину, искалъ уединенной комнаты; но, отворивши дверь библіотеки, онъ увидѣлъ, что комната не пуста. На него взглянула изъ-за столика, стоявшаго по лѣвую руку, пара прекрасныхъ глазъ; голова, которой принадлежали эти глаза, была прикрыта шляпкой съ перьями, какія носили въ то время, и на лицѣ Изидоры Фальклендъ выразилось что-то въ родѣ досады и вопроса: «кто это вздумалъ мѣшать мнѣ?»

Маннерсъ остановился. Изидора же, догадавшись, что лицо ея высказало мысль слишкомъ ясно, засмѣялась и попросила его войти.

— Нѣтъ, я не хочу вамъ мѣшать, миссъ Фальклендъ, сказалъ Маннерсъ. — Глаза ваши сказали мнѣ очень внятно: *дома ли вы*.

— Въ такомъ случаѣ они ошиблись, возразила Изидора. — Я не приказывала имъ отказывать полковнику Маннерсу.... Это вышло оттого, что я пришла сюда успокоиться.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! сказалъ Маннерсъ. — Очень жалѣю, что васъ что-нибудь потревожило.

— Можете ли вы это сказать, возразила она смѣясь: — когда вы сами отчасти этому причиною.

Маннерсъ удивился еще больше. Но, замѣтивши, что Изидора не встревожена ничѣмъ серьёзнымъ, онъ подошелъ къ ней еще на два шага ближе.

— Если я въ чемъ виноватъ, сказалъ онъ: — такъ требую, по праву англичанина, чтобы мнѣ объявили, въ чемъ меня обвиняютъ. Иначе я не стану и оправдываться.

— Извольте, отвѣчала Изидора. — Васъ обвиняютъ въ томъ, что сегодня по-утру, прогуливаясь верхомъ съ дамами, вы скакали, какъ-будто несетесь въ атаку съ полкомъ, и условились съ Эдвардомъ де Во растрести мозгъ Изидоры Фальклендъ. Послѣ этой ѣзды мысли мои, которыя и безъ того никогда не бываютъ въ порядкѣ, пришли въ такое броженіе, что я принуждена была посвятить четверть часа чтенію какой-нибудь порядочной книги, прежде нежели рискну явиться въ общество. Не чувствуете ли вы того же?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ Маннерсъ улыбаясь. — Я больше васъ привыкъ къ верховой ѣздѣ, миссъ Фальклендъ. Если бы вы проѣхали столько же, сколько я за осемьнадцать лѣтъ моей службы, то мысли ваши были бы послѣ самой продолжительной скачки также ясны, какъ въ ту минуту, когда вы садились въ сѣдло.

Маннерсъ дошелъ между тѣмъ до средины залы; дверь за нимъ была заперта; въ двухъ шагахъ отъ него у окна стояла софа, и передъ ней столикъ съ двумя-тремя книгами, недалеко отъ миссъ Фальклендъ. Чтó отвѣчала ему Изидора, все равно, только слѣдствіемъ ея словъ было то, что онъ сѣлъ на софу, взялъ въ руки книгу, которой и не думалъ читать, и между ними завязался разговоръ, неимѣвшій особенной цѣли и постояннаго предмета, но между тѣмъ продолжавшійся три четверти часа. Эта бесѣда была очень пріятна — бесѣда умнаго человѣка съ умной женщиной собственно ни о чемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обо всемъ. Впрочемъ, собесѣдники должны быть для этого убѣж-

дены, подобно Изидорѣ и Маннерсу, что имъ невозможно другъ въ друга влюбиться. Одна капля любви портитъ все дѣло, и бесѣда уже перестаетъ быть бесѣдой. Маннерсу и Изидорѣ этого и во снѣ не снилось; они разговаривали, перебѣгая отъ предмета къ предмету, отъ мысли къ мысли. И мысли ихъ не выступали шеренгами, нога въ ногу, а рѣзвились какъ красно-щекія дѣти при выходѣ изъ школы: то выскочитъ одинъ, то пара подъ руку, то цѣлая кучка, толкая и тѣсня другъ друга. Надо было обладать въ извѣстной степени, такъ сказать, умственнымъ проворствомъ, чтобы не отстать въ этой игрѣ отъ собесѣдника; Изидора, если она не знала, какъ выразить свою мысль на одинъ манеръ, тотчасъ же выражала ее на другой, вдвое цвѣтистѣе и причудливѣе, и будь умъ Маннерса увѣсистѣе, онъ непремѣнно бы отъ нея отсталъ

Три четверти часа мелькнули какъ одна минута, и ни Изидора, ни Маннерсъ не замѣтили бы этого, если бы не ударили часы въ сосѣдней комнатѣ. Изидора тотчасъ подумала, что кто-нибудь, — это ужасное пугало *Кто Нибудь*, — найдетъ пожалуй страннымъ, что она бесѣдуетъ наединѣ съ Маннерсомъ, когда всѣ прочіе собрались, вѣроятно, въ гостиной. Она вспомнила, что ей надо еще снять верховое платье, и извинилась подъ этимъ предлогомъ, что должна оставить Маннерса. Правду сказать, она очень неохотно прекратила эту бесѣду и готова была причислить эти минуты къ пріятнѣйшимъ въ гирляндѣ времени, — гирляндѣ, начинающейся почками и цвѣтами и кончающейся сухими листьями.

Маннерсъ, съ своей стороны, убѣдился между тѣмъ, что кромѣ красоты Изидора обладаетъ замѣчательнымъ умомъ и сердцемъ гораздо въ бо́льшей степени, нежели какъ показалось ему съ самого начала. Невольный вздохъ, вылетѣвшій изъ груди его послѣ ухода, сказалъ ему, что не мѣшаетъ поскорѣе уѣхать.

Когда Изидора ушла, онъ посвятилъ минуту думѣ о только-что случившемся, другую — воспоминанію о давно прошедшемъ, повертѣлъ еще въ рукѣ книгу и отправился потомъ, перемѣнивши сапоги, въ гостиную. Тамъ засталъ онъ одну мистриссъ Фальклендъ; скоро вошла Изидора, и почти вслѣдъ за ней де Во, спросившій, какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, о Маріаннѣ. Ни тетка, ни кузина не замѣтили въ немъ никакой перемѣны; но отъ глазъ Маннерса, уже кое-что знавшаго, не ус-

кольнуло, что безпокойство, причиненное письмомъ цыгана, нисколько не утихло отъ размышленія о его содержаніи. Маннерсъ чувствовалъ, что не можетъ разспрашивать, но съ безпокойствомъ ожидалъ развязки.

Время до предобѣденнаго туалета прошло безъ особенныхъ приключеній. Мистриссъ Фальклендъ объявила только Маннерсу, что сегодня будетъ у нихъ обѣдать дама, тоже имѣвшая счастіе знать въ молодости его мать. Изидора назвала ее скучною дурою, и Маннерсъ, узнавши, о комъ идетъ рѣчь, сказалъ, что встрѣчался уже съ нею нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и не смѣетъ спорить съ миссъ Фальклендъ.

Мистриссъ Фальклендъ улыбнулась и молча согласилась съ ихъ мнѣніемъ, прибавивши, что пригласила ее только затѣмъ, чтобы она не оскорбилась, узнавши, что полковникъ Маннерсъ былъ въ Морлей Гоузѣ, а она его не видала. «А безъ крайней нужды я не желаю оскорблять ни чьихъ чувствъ», прибавила она въ заключеніе.

Переодѣвшись, Маннерсъ явился въ гостиную въ числѣ первыхъ и съ безпокойствомъ ждалъ прихода де Во, желая узнать, все ли еще тревожатъ его полученныя извѣстія. Но Эдвардъ явился уже совсѣмъ не тѣмъ. Разговоръ его съ Маріанной подѣйствовалъ такъ, какъ слѣдовало ожидать. Результатъ былъ успокоительный, не отравленный ни однимъ изъ тяжелыхъ ощущеній, пробужденныхъ въ груди его всѣмъ, что онъ считалъ себя обязаннымъ сообщить Маріаннѣ. Письмо цыгана и вызванныя имъ догадки встревожили Эдварда и разрушили основаніе его надеждъ на будущее счастіе; но разговоръ съ невѣстой возстановилъ все въ прежнемъ видѣ и утвердилъ его надежды прочнѣе прежняго. Онъ вошелъ торжественнѣе и тверже, нежели какъ входилъ, воображая себя наслѣдникомъ богатаго имѣнія и титла лорда, и когда вскорѣ потомъ вошла въ комнату и Маріанна, лицо его просіяло блаженствомъ, какъ вершина горы въ лучахъ утренняго солнца. Маріанна покраснѣла при входѣ въ гостиную, потому-что разоблаченіе сердечныхъ чувствъ передъ Эдвардомъ заронило въ ея душу какое-то безпокойное сознаніе, вызвавшее краску на ея лицѣ. Но ни въ ней, ни въ немъ не было замѣтно и слѣда горя, и Маннерсъ успокоился тѣмъ, что каково бы ни было содержаніе письма, дурное впечатлѣніе его было только мимолетно.

Наконецъ явилась леди Барбара Симпсонъ съ мужемъ и очень скучно выразила свое удовольствіе видѣть полковника Маннерса. Это была почтенная дама пятидесяти лѣтъ, съ увѣсистымъ тѣломъ и не менѣе увѣсистымъ умомъ. Пошлость, къ несчастію, не рѣдкость во всѣхъ сословіяхъ, — къ несчастію, говорю я, потому-что въ высшихъ классахъ, гдѣ есть всѣ средства отъ нея избавиться, она свидѣтельствуетъ о врожденной пошлости души. Леди Барбара Симпсонъ принадлежала къ числу знатныхъ пошлостей, и если бы въ ея жилахъ текла даже кровь всѣхъ Говардовъ, то чистый потокъ по-неволѣ превратился бы въ болото, запруженный тиною ея натуры. Родители не жалѣли денегъ, чтобы украсить ее всѣмъ, чѣмъ украсить могли, и такъ какъ музыка, рисованье и языки такія вещи, которыя до извѣстной степени можно прицѣпить къ человѣку какъ ожерелье или браслетъ, то и душевныя способности леди Барбары были увѣшаны всѣми подобными украшеніями. Но души пересоздать было нельзя, и бремя съ трудомъ заученныхъ искусствъ висѣло на ней какъ брильянты на безобразной особѣ, какъ прекрасныя вещи въ дурномъ свѣтѣ. Недостатокъ вниманія къ чужимъ чувствамъ, или, вѣрнѣе, недостатокъ *такта*, считала она за качество положительное, а не отрицательное, и называла его непринужденностью и юморомъ; она была женщина добрая, но грубость чувствъ и понятій дѣлали ее для всѣхъ невыносимою не хуже злой Тизифоны.

За обѣдомъ Маннерсъ точно какъ-будто сидѣлъ возлѣ человѣка, одѣтаго въ шетину, которая то-и-дѣло зацѣпляетъ его за платье. Леди Барбара избрала его предметомъ своего особеннаго вниманія. Противъ него сидѣла Изидора, и ему пріятно было любоваться ея красивымъ лицомъ, но на лицѣ этомъ было замѣтно выраженіе насмѣшливаго состраданія къ жертвѣ любезной леди, вовсе для него непріятное.

Леди Барбара начала съ того, что произнесла панегирикъ красотѣ матери Маннерса, и сослалась на свидѣтельство мистриссъ Фальклендъ. Мистриссъ Фальклендъ подтвердила слова ея какъ можно короче; леди же Барбара чокнулась съ Маннерсомъ и объявила, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ матерью, при чемъ очень внимательно разглядывала его лицо.

Это больше забавляло, нежели досадовало Маннерса; онъ

зналъ, что онъ не красивъ собой, и что слѣдовательно это и для другихъ не тайна. Онъ засмѣялся и отвѣчалъ:

— Когда-то говорили, что я очень на нее похожъ, но оспа уничтожила сходство.

— Да, это ужасная болѣзнь, продолжала леди Барбара:—она дѣлаетъ страшныя опустошенія! У васъ, должно быть, была очень сильная оспа.

— Это правда, возразилъ Маннерсъ, бросивши смѣющійся взглядъ на Изидору: —и хуже всего то, что она пожаловала ко мнѣ въ гости именно въ тотъ періодъ жизни, когда только-что научаешься цѣнить красоту и еще не научился презирать ее.

— Это ужасно! воскликнула леди Барбара, дѣйствительно о немъ сожалѣвшая: — вы, вѣроятно, страшно измѣнились. Какая жалость!

Маріанна страдала за Маннерса и попробовала перемѣнить разговоръ; но леди Барбара походила на карре пѣхоты, которое даетъ отпоръ во всѣ стороны, и Маріанна только обратила огонь на себя. Леди Барбара отвѣчала на ея вопросъ, и продолжала:

— Такъ черезъ двѣ недѣли, слышно, ваша сватьба? Желаю вамъ отъ всего сердца счастія... только вѣдь супружество рискъ; не правда ли, мистеръ Симпсонъ?

— Разумѣется, душа моя, отвѣчалъ мистеръ Симпсонъ, спокойный, маленькій человѣкъ съ здравымъ смысломъ, скрываемымъ подъ незначительною наружностью, и съ наклонностью къ ѣдкимъ шуткамъ, обыкновенно вызываемымъ пошлостью его супруги.

— А при всемъ томъ, продолжала леди Барбара:—супружество доброе, хорошее дѣло; собственно, можно сказать, счастіе.

— Очень радъ, если это вамъ такъ кажется, сказалъ мистеръ Симпсонъ, но леди Барбара продолжала, не обращая, по своему обыкновенію, вниманія на его слова:

— Я совѣтую всѣмъ молодымъ людямъ вступать въ бракъ, только не слишкомъ рано (сама она вышла 35 лѣтъ),—не слишкомъ рано, ато заведется такое семейство, что не знаешь, что съ нимъ и дѣлать. Отчего вы не женаты, Маннерсъ? Вамъ бы ужь пора.

Читатель знаетъ, что она коснулась опаснаго предмета; но Маннерсъ былъ слишкомъ тонкій политикъ и не далъ замѣтить

го этотъ вопросъ ему непріятенъ. Онъ рѣшился высказать въ идѣ шутки то, что было для него горькою истиной.

— Не забывайте, что я очень дуренъ собою, сказалъ онъ: – кто за меня выйдетъ?

— Пустяки, пустяки! возразила леди Барбара. — До лица тъ нѣтъ никакого дѣла. Многія согласятся лучше выйти за ерзѣйшаго урода, нежели остаться въ дѣвкахъ. Кромѣ того, ы богаты, Маннерсъ; а это важное обстоятельство. Только я мъ скажу: не искавши, вы во вѣки не найдете жены.

Пилюля была горька, но Маннерсъ продолжалъ отвѣчать ей весело.

— Нѣтъ, нѣтъ, леди Барбара, сказалъ онъ: — я такъ мало овѣряю своимъ достоинствамъ и такъ увѣренъ, что никакая женщина въ меня не влюбится, что не женюсь, пока кто-нибудь е предложитъ мнѣ своей руки добровольно. Иначе я не повѣрю, тобы меня можно было полюбить.

— И если бы женщина предложила вамъ руку, вы дѣйствительно женились бы? продолжала безпощадная леди Барбара.

— Я думаю, это зависѣло бы отъ обстоятельствъ, отвѣчалъ аннерсъ съ серьезной улыбкой: — потому-что, къ моему нестію, вы уже за-мужемъ.

— О, Боже мой, я вамъ не помѣха, подхватилъ мистеръ мпсонъ съ другой стороны стола.

Де Во едва не захохоталъ; а леди Барбара, начавшая догаываться, что дѣло неладно, замолчала на минуту и принялась ть.

Какъ ловко и мужественно ни борется человѣкъ съ непріятнымъ чувствомъ, когда оно въ немъ уже установилось, но, выжденный избрать его предметомъ обыкновеннаго разговора, ъ невольно высказываетъ въ едва замѣтныхъ словахъ и михъ, что происходитъ у него въ душѣ. Женскій глазъ подчаетъ это всегда. Горечь замѣшивается въ его шутки; вздохъ летаетъ вслѣдъ за улыбкой; минутный смѣхъ смѣняется заичивостью и даетъ возможность различать истинное отъ приорнаго. Женщины, болѣе насъ одаренныя тактомъ, принужденныя скрывать свои собственныя чувства и разгадывать другихъ по внѣшнимъ мелочамъ, гораздо лучше насъ умѣютъ ликать покровъ, которымъ мы принуждены иногда завѣть наши чувства. Маріанна и Изидора тотчасъ же разга-

дали тайну Маннерса и различили въ его отвѣтахъ шутку отъ серьёзнаго. Имъ стало его жаль. Маріанна, вмѣшавшись въ разговоръ для его спасенія, уже получила на свою долю любезныя выходки о супружествѣ и не рѣшалась снова выступить на поле битвы; ее смѣнила Изидора, стараясь сдѣлать диверсію въ пользу Маннерса. Ей это удалось по-поламъ съ грѣхомъ, и дамы встали изъ-за стола раньше обыкновеннаго, потому-что мистрисъ Фальклендъ хотѣла поддержать старанія своей дочери.

Де Во, думавшій только о завтрашнемъ днѣ, который разрѣшитъ всѣ его сомнѣнія, охотно послѣдовалъ бы за дамами. Но, увы! то было время сильныхъ выпивокъ, и мистеръ Симсонъ, не любившій невоздержности, также какъ де Во и Маннерсъ, имѣлъ, однако же, особенную методу вознаграждать себя за споры съ женою по-утрамъ тѣмъ, что просиживалъ до ночи за сверкающими графинами, которые никогда ему не противорѣчили и не надоѣдали. Онъ выпивалъ свое вино понемногу, съ истиннымъ наслажденіемъ, призадумывался надъ каждымъ глоткомъ, какъ скряга надъ гинеей, игралъ рюмкой, отпускалъ шуточки и разсказывалъ анекдоты, когда было кому слушать, или, если никого не было, смотрѣлъ въ огонь и забавлялся, воображая, что видитъ въ немъ разныя картины и лица.

Де Во безъ всякаго человѣколюбія желалъ ему при каждой рюмкѣ захлебнуться, а Маннерсу хотѣлось въ гостиную; но *leges conviviales* были въ то время гораздо строже теперешняго: общество за столомъ было немногочисленное, и оба сочли своею обязанностью не вставать, пока наконецъ мистеръ Симпсонъ не замѣтилъ, что собесѣдники его уже съ полчаса какъ не прикасались къ рюмкамъ. Онъ понялъ, что это значитъ. Было около десяти часовъ; до дому было далеко, и леди Барбара жалѣла свѣтлогнѣдой четверки, заказанной къ этому времени. Такимъ образомъ полковникъ Маннерсъ могъ обойтись безъ маневровъ, которые было уже придумалъ для избѣжанія новой бесѣды съ леди Барбарой. Карета была подана; де Во проводилъ гостей съ лѣстницы, и всѣ обрадовались, когда колеса загремѣли въ воротахъ.

Есть много людей, которые наводятъ скуку особеннаго рода: вытерпѣвши ихъ присутствіе, смѣешься послѣ надъ своимъ страданіемъ. Но скука, наводимая леди Барбарою, была очень тягуча и не ограничивалась временемъ ея личнаго присутствія. Ми-

стриссъ Фальклендъ, Изидора и Маріанна чувствовали, что имъ нельзя говорить объ уѣхавшей гостьѣ при Маннерсѣ, не нарушая, подобно ей, деликатности. Маріаннѣ не хотѣлось говорить о рискѣ замужства, и потому она не могла упомянуть о разговорѣ своемъ съ мистриссъ Симпсонъ. Въ общихъ выраженіяхъ рѣшили, что леди Барбара несносная гостья, и потомъ занялись своимъ дѣломъ.

Маріанну тревожило завтрашнее свиданіе де Во съ цыганомъ; самъ де Во обдумывалъ, какъ вести ему себя съ этимъ человѣкомъ; и всѣ, какъ-будто условившись, разошлись раньше обыкновеннаго.

Но мы послѣдуемъ за де Во въ его комнату. Пришедши туда, онъ позвонилъ и приказалъ слугѣ подать себѣ шлафрокъ и туфли.

— Ты меня не жди, Вильямъ, сказалъ онъ ему: — я сяду писать.

Слуга вышелъ, и де Во началъ записывать для памяти, о чемъ спросить цыгана и вообще какъ повести это дѣло, чтобы, не торопясь и не вѣря на-слово, узнать въ точности свое положеніе.

Кончивши это занятіе, онъ хотѣлъ лечь; но голова его сильно болѣла отъ тревоги этого дня, завершеннаго бесѣдою съ леди Симпсонъ и ея мужемъ. Онъ подошелъ къ окну, откинулъ занавѣсъ, отворилъ ставни и выглянулъ. Мѣсяцъ еще свѣтилъ, и де Во растворилъ окно, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Луна стояла высоко; небо было чисто и прекрасно; только кое-гдѣ носились бѣлыя облака, застилая на мгновеніе свѣтлый дискъ, катившійся среди сверкающихъ точекъ. Въ концѣ парка виднѣлась какъ топленое серебро рѣка, кое-гдѣ заслоняемая величественными вязами. Маленькій лѣсистый мысъ, примыкавшій къ парку, и другая, болѣе высокая гора, къ которой вела дорога черезъ перешеекъ, возносились двумя исполинскими уступами къ блестящему небу. Все было безмолвно; только вѣтерокъ шелестѣлъ въ верхушкахъ деревъ, да въ паркѣ блеяла коза.

— Если бы я зналъ, что они уѣдутъ такъ скоро, подумалъ Эдвардъ: — я сходилъ бы въ таборъ еще сегодня. Цыгане, сколько мнѣ извѣстно, просиживаютъ у огней половину ночи, и я могъ бы успокоиться, не дожидаясь завтрашняго дня.

образовались маленькія озера и сверкали тамъ, гдѣ
ьзя было ожидать свѣту; лучи, казалось, нарочно отъ-
отражающіе ихъ предметы и, какъ благотворитель-
скромною заслугой, слѣдовали за ними въ низкія и тем-
тѣ ихъ пребыванія.
ѣчаномъ углубленіи, однако же, гдѣ цыгане раскинули
тки, не было такихъ озеръ. Единственная вода, кото-
находилась, вытекала изъ родника, открытаго работ-
съ скатѣ углубленія; она стремилась оттуда въ бассейнъ
аго песку и скоро была бы всосана въ землю, если бы
кала себѣ истока подъ гладкими камнями и не продол-
бѣжать въ тысячѣ извилинахъ по неровной мѣстности,
онецъ, стремясь съ горы, не приносила, въ соединеніи
ми ручьями, значительной дани рѣкѣ въ долинѣ. Лучи
тражались на полосѣ этого ключа, струившейся изъ
на маленькомъ бассейнѣ его въ песку. На водѣ отра-
ще другой, не столько чистый, красноватый свѣтъ:
а двадцать отъ ключа, подъ защитою откоса ямы и
съ на его закраинѣ кустарниковъ, цыгане раскинули
тки. Несмотря на то, что была уже полночь, они весе-
какъ нерѣдко веселятся объ эту пору въ лѣсахъ старой
когда окрестность спитъ глубокимъ сномъ. Ночь была
сильный вѣтеръ проносился надъ ямой, не касаясь су-
дыханіемъ своимъ угла, гдѣ раскинули свой станъ цы-
отъ вѣтра и холодѣ ночи, огонь былъ тѣмъ пріятнѣе;
мѣстахъ въ таборѣ пылали, треща и хлопая, дрова;
съ огня горшки, разбросанные тамъ и сямъ фляги, и
переходящія изъ рукъ въ руки оловянныя, роговыя и
ныя чарки (*) возвѣщали, что день кончается веселымъ

отдѣльныя группы собрались вокругъ этихъ трехъ
У средняго лежалъ Фарольдъ, облокотясь на выступъ
й стѣны; возлѣ него были: съ одной стороны женщина
ъ лѣтъ, съ другой красивая дѣвушка, о которой мы уже

(*) ...но (и, я думаю, во всѣхъ странахъ), что каждый цыганъ старается
...ду изъ благороднаго металла; онъ отказываетъ себѣ въ необхо-
...женія этой цѣли и хранитъ пріобрѣтенное съ необыкновеннымъ
которые писатели утверждаютъ, что такія чарки, или украшенія,
...тыя и серебряныя вещи переходятъ по наслѣдству изъ рода въ
...ими разстаются только изъ послѣдней крайности.

говорили. Его окружали два или три рослыхъ цыгана, лѣтъ сорока или пятидесяти; смѣло и свободно вмѣшивались во все происходившее вокругъ, они, очевидно, внимали его словамъ съ уваженіемъ, должнымъ опытности и власти, но безъ малѣйшаго слѣда угрюмости, замѣченной нами въ молодыхъ членахъ общины. Нѣсколько другихъ женщинъ дополняли эту группу; несмотря на ихъ веселость, видно было, что здѣсь собрались старшины табора.

Другой огонь, у входа въ палатку по-дальше, среди яны, былъ окруженъ обществомъ другого рода. У входа сидѣла старуха, предсѣдательствовавшая, какъ вы вѣроятно помните, въ лѣсу за котломъ и выказавшая тогда наклонность возстать противъ власти Фарольда. Ее окружали человѣкъ шесть молодыхъ людей, лѣтъ по двадцати-пяти и тридцати, и пять или шесть женщинъ; двумъ изъ этихъ послѣднихъ было по-видимому лѣтъ по осьмнадцати или девятнадцати, остальнымъ лѣтъ по тридцати-пяти или шести. Почтенная старуха была на этотъ разъ въ хорошемъ расположеніи духа; она отпускала разныя шуточки и потѣшала молодежь; только по временамъ у нея подергивало ротъ, и сверкающіе глаза ея устремлялись на общество у другого огня, какъ-будто болѣе серьёзный разговоръ его былъ предметомъ ея насмѣшекъ.

У третьяго огня собралась молодежь, мальчики и дѣвочки всѣхъ возрастовъ; смѣхъ и рѣзкія шутки смѣшялись по временамъ громкимъ споромъ за картами, — и тутъ предсѣдательствовалъ статный юноша лѣтъ девятнадцати или двадцати, настоящее мѣсто котораго было, очевидно, у второго костра. Но здѣсь онъ находился ближе къ первой группѣ, и потому могъ изрѣдка поглядывать черезъ плечо на прекрасную дѣвушку, Лену, сидѣвшую, какъ уже сказано, возлѣ Фарольда и слушавшую его со вниманіемъ.

Вокругъ этихъ трехъ огней собралось гораздо больше цыганъ, нежели сколько было ихъ въ лѣсу, и они могли бы дать сильный отпоръ лѣснымъ сторожамъ, констаблямъ и полицейскимъ, если бы они вздумали ихъ потревожить. Тутъ было четырнадцать здоровяковъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и съ десятокъ мальчиковъ, могущихъ оказать немаловажную помощь, также какъ и нѣсколько женщинъ, которыя тоже не положили бы охулки на руку, а тѣмъ болѣе на языкъ.

По многимъ причинамъ, не излишне будетъ показать читателю образчикъ цыганской бесѣды. Подойдемте же ко второму огню, вокругъ котораго быстро вращалась чарка съ жидкостью, похожею на ромъ.

— Оставь это, оставь, Дикконъ, сказала старуха одному изъ статныхъ молодцовъ: — намъ не слѣдъ затѣвать въ таборѣ ссору, — того и смотри, что шпіоны нападутъ на нашъ слѣдъ. Фарольдъ славный малый, хоть и смотритъ иногда, разсердившись, какъ-будто слова у него вязнутъ въ горлѣ, — точь-въ-точь какъ индѣйскій пѣтухъ, которому я сдавила шею, чтобы не кричалъ, когда подтибрила его давича на фермѣ.

Сравненіе понравилось слушателямъ. Они захохотали, и старуха продолжала:

— Онъ славный малый, и ссору затѣвать не годится. Онъ и знаетъ больше нашего, да и по закону этого нельзя. Оставь это, Дикконъ; я тебѣ дамъ за то пару монетъ.

— Пожалуйста! вотъ добрая душа! возразилъ молодой цыганъ. — Мнѣ, право, нѣтъ охоты ссориться съ Фарольдомъ, но божусь, если я пойду стрѣлять кроликовъ или зайцевъ, или другихъ звѣрьковъ, давши слово не трогать лани, которая выбѣжитъ мнѣ на-встрѣчу.

— Нѣтъ, нѣтъ, Дикконъ, не трогай чужихъ ланей, сказала старуха: — хотя вонъ Билль, прибавила она, понижая голосъ и указывая глазами на другой огонь: — хотя вонъ Билль что-то очень поглядываетъ на лань Фарольда.

Тихій смѣхъ, доказывавшій, что они коснулись опаснаго предмета, былъ отвѣтомъ на это замѣчаніе, и старуха продолжала:

— Все равно, ты только, Дикконъ, не связывайся и не трогай чего не позволено, пока тотъ, который не позволяетъ, еще не очистилъ тебѣ дороги, — слышишь?

— Понимаю, тетка Грей, отвѣчалъ Дикконъ. — Завтра мы должны, кажется, раздѣлиться; одни пойдутъ туда, а другіе туда, и если меня ушлютъ не слишкомъ далеко, и я найду пару добрыхъ товарищей, такъ ручаюсь, что приведу двухъ-трехъ такихъ жирныхъ козловъ, какихъ не видано; Фарольду не выкинуть такой штуки.

— Хорошо, хорошо, Дикконъ, сказала старуха. — Будь только спокоенъ до завтра и притворись, что и не думаешь объ

этомъ; я уговорю Лену сманить Фарольда подальше, если онъ самъ не вздумаетъ уйти. Цѣлая ночь будетъ въ твоемъ распоряженіи, — а на другой день сторожа пусть себѣ считаютъ дичь, если угодно.

— А если меня ушлютъ? сказалъ молодой цыганъ. — Лучше бы пойти сегодня.

— Ты знаешь, что этого нельзя, возразила старуха. — Часть нашихъ перейдетъ только за десять миль, и я позабочусь, чтобы ты былъ въ числѣ ихъ. Веди себя только какъ слѣдуетъ: дичи къ намъ въ таборъ приносить незачѣмъ. Намъ нужно только золото. Гарри Саксонъ самъ сказалъ мнѣ объ этой дичи и купитъ ее для лондонскаго лорда-майора. Завтра по-утру я покончу торгъ; телѣга съ лошадью будутъ въ готовности.

Дикконъ радостно потеръ руки, какъ человѣкъ, которому представляется случай выказать свой талантъ.

Въ эту самую минуту, невдалекѣ по направленію къ мысу, вблизи Морлей-гоуза послышались два выстрѣла, и многіе въ таборѣ встревожились. Фарольдъ пахмурился, а Диккопъ сказалъ:

— Этотъ Галлетъ забрался къ мистриссъ Фальклендъ и надѣлаетъ намъ хлопотъ съ своимъ ружьемъ. Могъ бы подождать еще часа два.

Фарольдъ слушалъ, но не сдѣлалъ никакого замѣчанія, а окружавшіе его не хотѣли, казалось, высказать своего мнѣнія о выстрѣлахъ первые. Между тѣмъ Дикконъ и старуха, которую онъ называлъ теткою Грей, продолжали сговариваться и почти условились, какъ удалить Фарольда и украсть дичь для королевскаго сановника. Общество у ея огня толковало съ жаромъ, въ какомъ паркѣ ее украсть, когда одинъ изъ товарищей Диккона, не сводившій глазъ съ кружка Фарольда, тронулъ его за плечо и сказалъ: «сейчасъ будутъ дѣлить деньги.»

— Завтра, у насъ, дѣлежъ будетъ побогаче; за это я ручаюсь, отвѣчалъ Дикконъ.

— Кто знаетъ, кто знаетъ! сказала старуха: — Фарольдъ хитеръ и всегда достаетъ больше другихъ. Какъ это ему удается, не знаю; право, подумаешь, что онъ чеканитъ гинеи изъ собственной кожи.

Сама старуха и окружавшіе ея цыгане были желты какъ нельзя желтѣе; но это не помѣшало имъ найти эту шутку очень

острою,—можетъ быть потому, что лицо Фарольда было нѣсколько бѣлѣе. Нѣкоторые изъ нихъ встали и подошли къ другому огню, гдѣ собирались приступить къ дѣлежу; въ ихъ таборѣ сохранились, по-видимому, старинные обычаи, забытые въ другихъ. Цыгане одинъ за другимъ сложили свою добычу въ общую кассу; серебро и мѣдь играли тутъ главную роль, хотя блестѣли между ними и золотыя монеты въ семь шиллинговъ и въ полгинеи. Сумма была довольно значительна. Но когда Фарольдъ взялъ шляпу, въ которую собраны были всѣ деньги, и, вынувши кошелекъ, самъ высыпалъ туда десятка четыре золотыхъ монетъ, ропотъ удовольствія раздался въ толпѣ цыганъ.

За тѣмъ приступили къ дѣлежу. Деньги дѣлили не поровну, но по справедливости. Женатому давали вдвое противъ холостого. Мать семейства и вдова получали по числу своихъ дѣтей, а сироты, которыхъ было немало, пользовались правами холостыхъ. Дѣлежъ производилъ Фарольдъ; цыгане слѣдили за нимъ сверкающими глазами, но никто не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія, потому-что не только всѣ были убѣждены въ его правосудіи, но и стыдно было бы роптать на рѣшеніе человѣка, принесшаго въ общую кассу больше прочихъ, но взявшаго изъ нея не больше другихъ.

Окончивши дѣлежъ, Фарольдъ сказалъ по этому случаю нѣсколько словъ: что обычай этотъ ведется отъ праотцевъ, что патріархальная жизнь ихъ достойна всякихъ похвалъ. Но онъ жаловался, что многіе цыгане забываютъ старинные обычаи, что они даже сдѣлались осѣдлыми и подчинились чужимъ законамъ. Онъ увѣщевалъ слушателей жить, какъ жили ихъ предки, и говорилъ, что отъ этого они будутъ постоянно такъ счастливы, какъ счастливы въ эту ночь.

— Будь прокляты наши дѣти! подхватила женщина среднихъ лѣтъ: — если они отступятъ отъ обычаевъ отцовъ и смѣшаются съ блѣднолицыми жителями этой земли. Да покривится линія ихъ жизни, и да приведетъ она ихъ въ геенну!

Ропотъ одобренія утвердилъ это проклятіе; цыгане разошлись къ своимъ огнямъ, и пиръ начался снова. Фарольдъ продолжалъ говорить своему кружку о томъ, что цыгане вырождаются и дѣлаются осѣдлыми, и говорилъ такъ увлекательно, что вокругъ него незамѣтно собралась цѣлая толпа молодыхъ цыганъ. Но онъ, по-видимому, этого не желалъ; онъ замолчалъ,

этомъ; я уговорю Лену сманить Фарольда по
самъ не вздумаетъ уйти. Цѣлая ночь будетъ
женіи, — а на другой день сторожа пусть с
если угодно.

— А если меня ушлютъ? сказалъ молод
бы пойти сегодня.

— Ты знаешь, что этого нельзя, возрази
нашихъ перейдетъ только за десять миль, и
ты былъ въ числѣ ихъ. Веди себя только
къ намъ въ таборъ приносить незачѣмъ. Н
лото. Гарри Саксонъ самъ сказалъ мнѣ об
ее для лондонскаго лорда-майора. Завт
торгъ; телѣга съ лошалью будутъ въ гот

Дикконъ радостно потеръ руки, какъ
представляется случай выказать свой та

Въ эту самую минуту, невдалекѣ по н
вблизи Морлей-гоуза послышались два
таборѣ встревожились. Фарольдъ нах
сказалъ:

— Этотъ Галлетъ забрался къ мист
дѣлаетъ намъ хлопотъ съ своимъ ружь
еще часа два.

Фарольдъ слушалъ, но не сдѣлал
окружавшіе его не хотѣли, казалось,
выстрѣлахъ первые. Между тѣмъ Дик
онъ называлъ теткою Грей, продолжа
условились, какъ удалить Фарольда
левскаго сановника. Общество у ея с
въ какомъ паркѣ ее украсть, когда
кона, не сводившій глазъ съ кружк
плечо и сказалъ: «сейчасъ будутъ

— Завтра, у насъ, дѣлежъ буде
юсь, отвѣчалъ Дикконъ.

— Кто знаетъ, кто знаетъ! с
хитеръ и всегда достаетъ больше
ся, не знаю; право, подумаешь,
бственной кожи.

Сама старуха и окружавшіе
нельзя желтѣе; но это не

оглянулся и сказалъ такъ громко, что его могли слышать у всѣхъ огней:

— У насъ сегодня что-то невесело. Это не годится. Вилль! продолжалъ онъ, обращаясь къ юношѣ, предсѣдательствовавшему у третьяго огня: — спойка что-нибудь!

Вильямъ повиновался, и, между тѣмъ какъ онъ пѣлъ, старуха продолжала разговаривать потихоньку съ Диккономъ.

— Ты измѣнилъ пѣсню, сказалъ Фарольдъ, когда Вилль кончилъ. — Ты и прибавилъ и убавилъ.

Молодой цыганъ покраснѣлъ и сказалъ, что забылъ нѣсколько стиховъ, и потому принужденъ былъ замѣнить ихъ другими. Фарольдъ, не сдѣлавши дальнѣйшихъ замѣчаній, продолжалъ разговаривать съ своими собесѣдниками. Между тѣмъ и разговоръ старухи съ Диккономъ еще не кончился.

— Хорошо, хорошо, Дикконъ, сказала старуха въ отвѣтъ на что-то, сказанное имъ подъ шумъ пѣсни: — подержи только языкъ, — увидимъ, что можно будетъ сдѣлать. Срамъ и стыдъ, что онъ имѣетъ средства пріобрѣтать столько денегъ и мѣшаетъ тебѣ дѣлать тоже. Видѣлъ ты, съ какою гордостью высыпалъ онъ свое золото?

— Да, да, сказалъ цыганъ: — будь онъ проклятъ! Дай онъ мнѣ волю, такъ и я доставалъ бы не меньше его!

— И никто не знаетъ, откуда онъ его беретъ, продолжала старуха: — онъ никому не говоритъ ни слова. Чтожь! Дѣлай и ты тоже. Если спроситъ, скажи, что это не его дѣло. Тс! Онъ смотритъ на насъ. Скажи Виллю, чтобы спѣлъ еще что-нибудь.

— Вилль! сказалъ Дикконъ: — спойка еще пѣсню. Спой о старомъ Доббинѣ да потомъ приходи сюда выпить чарку.

Вилль былъ не-прочь и, не заставляя себя просить, затянулъ другую пѣсню. Эта вторая пѣсня была веселѣе и живѣе и понравилась цыганамъ гораздо больше первой. Только Фарольдъ смотрѣлъ какъ-то угрюмо; внутри его происходила борьба природныхъ чувствъ съ утонченнымъ вкусомъ, пріобрѣтеннымъ совершенно въ иной сферѣ. Кто-то сказалъ: *malheureux celui qui est en avant de son siècle*; съ такимъ же правомъ можно сказать: *malheureux celui qui est au dessus de son état*. Фарольда особенно огорчило то, что прекрасная сосѣдка его наслаждалась этою пѣснью не менѣе прочихъ.

— Я, казалось мнѣ, научилъ тебя презирать эти вещи, Лена, шепнулъ онъ ей.

— Да, да, отвѣчала она краснѣя; — я и презираю ихъ, когда подумаю.... а все-таки....

Въ это время послышалось ржаніе одной изъ цыганскихъ лошадей, пасшихся вокругъ табора. Все мгновенно умолкло, и цыгане услышали шелестъ отъ торопливаго движенія стреноженнаго коня. Тонкое ухо Фарольда различило даже шаги идущаго по дорогѣ человѣка.

— Бѣги, Вилль, сказалъ онъ: — бѣги скорѣе, посмотри, кто тамъ. Пусть не идетъ дальше. Если онъ спроситъ меня, свисни два раза; если нужна помощь, разъ.

Вилль въ одну минуту очутился на закраинѣ ямы. Прошло довольно времени, пока не услышали новыхъ звуковъ, и цыгане уже подумали, что обманулись. Всѣ, однако же, хранили глубокое молчаніе. Черезъ минуту послышался говоръ и потомъ тихій, протяжный свистъ. Всѣ вскочили; но раздался второй свистъ, и Фарольдъ сказалъ спокойно:

— Это ко мнѣ. Я отлучусь на часъ, а можетъ быть и на дольше. Онъ пришелъ сегодня, такъ завтра на зарѣ мы въ дорогу.

Онъ сказалъ это одному изъ старшихъ, сидѣвшихъ у его огня, но такъ, что всѣ могли его слышать. Дикконъ и старуха переглянулись, и когда Фарольдъ пошелъ, она показала ему вслѣдъ языкъ.

Вскорѣ послѣ того воротился Вилль; цыгане начали разспрашивать его, кто пришелъ къ нимъ въ такую позднюю пору. Но Вилль могъ только сказать, что пришедшій — молодой человѣкъ, вооруженный саблею, и что они пошли куда-то вмѣстѣ съ Фарольдомъ. Цыгане должны были удовольствоваться этимъ и снова принялись за пирушку.

ГЛАВА XII.

Пусть любитель возвышенныхъ ощущеній надѣнетъ шляпу, возьметъ палку и взойдетъ на высокую гору въ лунную ночь. Съ каждымъ шагомъ спадаетъ тогда съ души частица земного праха, тяжело насѣдающаго на насъ въ продолженіи дня, отъ

прикосновенія съ грязнымъ міромъ. Самое восхожденіе какъ-то облагораживаетъ человѣка; болѣе чистый воздухъ и возвышеннѣйшее мѣсто пробуждаютъ въ душѣ чувство силы и легкости, какъ-будто она стряхнула съ себя часть персти, гнетущей ее долу. Когда вокругъ царствуетъ уединеніе, — глубокое уединеніе ночи, — когда мы возносимся высоко надъ спящимъ міромъ, и намъ сопутствуютъ только ясныя звѣзды, и свѣтитъ только тихій мѣсяцъ, — когда глазъ погружается въ неизмѣримую глубину пространства и созерцаетъ неугасающія свѣтила, — когда мы обнимаемъ взоромъ далекій горизонтъ и всюду видимъ могущество Бога, — тогда безсмертное торжествуетъ надъ смертнымъ, и мы ясно сознаемъ въ себѣ его присутствіе. Земныя заботы, горе и треволненія являются намъ песчинками въ сравненіи съ вещами болѣе важными, и величайшее земное честолюбіе, которое когда либо завоевывало міры и плакало отъ жажды новыхъ побѣдъ, чувствуетъ себя ниже праха передъ лицомъ безмолвія, уединенія, пространства и милліоновъ вѣчныхъ солнцъ.

Холодный ночной воздухъ прогналъ головную боль, — слѣдствіе душевнаго волненія Эдварда де Во. Когда онъ вышелъ изъ парка и началъ взбираться на гору къ Морлей-доуну при свѣтѣ звѣздъ на чистомъ небѣ и сверканіи камешковъ на дорогѣ, у него стало гораздо спокойнѣе на душѣ, и земныя заботы показались ему очень ничтожны. Это чувство проникло его до такой степени, что, услышавши два выстрѣла въ сторонѣ Морней-гоуза, которые въ другое время возбудили бы въ немъ сильное негодованіе, онъ только остановился на минуту, и потомъ пошелъ своею дорогой, считая убіеніе двухъ зайцевъ или фазановъ неважнымъ дѣломъ. На высотѣ Морлей-доуна онъ былъ пораженъ красотою луннаго вида, съ его рѣзкою свѣтотѣнью и торжественнымъ впечатлѣніемъ тишины, уединенія и ночи; онъ взглянулъ въ небо, почувствовалъ все величіе вселенной, — и людскія заботы пали при этомъ сравненіи такъ низко, что онъ созналъ въ себѣ силы спокойно выслушать всякое открытіе.

Онъ пошелъ скорѣе, сожалѣя, можетъ быть, что не распросилъ Маннерса обстоятельнѣе о мѣстѣ цыганскаго табора: всходя на гору, онъ согрѣлся и вздрагивалъ теперь отъ холоднаго вѣтра надъ равниной. Маленькій холмъ представилъ ему, также какъ и его другу, возможность окинуть взоромъ окрестность,

онъ взошелъ на его вершину и началъ разсматривать волнистую равнину. Онъ тотчасъ же замѣтилъ свѣтъ въ сторонѣ песчаной ямы, — и звучный голосъ поющаго извѣстилъ его, что цыгане не только тутъ, но и не спятъ. Онъ прошелъ около четверти пути отъ холма до табора, когда старая стреноженная лошадь, поковшаяся на травѣ, вскочила при его приближеніи и заржала, какъ-будто понимая, что хозяева ея не любятъ, когда ихъ застаютъ въ-расплохъ. Свѣтъ отъ огня, разливавшійся изъ-за острой закраины ямы, и тайные силуэты росшихъ на ней кустарниковъ указали де Во мѣстопребываніе цыганъ. Вдругъ зачернѣла на закраинѣ человѣческая фигура, и минуты черезъ двѣ статный молодой человѣкъ заслонилъ ему дорогу.

— Куда вы и зачѣмъ? спросилъ онъ, оглядывая де Во съ ногъ до головы.

Де Во отвѣчалъ ему такъ, чтобы прекратить всѣ дальнѣйшіе разспросы:

— Я пришелъ къ Фарольду, сказалъ онъ. — Можешь ты меня къ нему провести?

— Нѣтъ, отвѣчалъ цыганъ: — но я могу привести его къ вамъ.

Онъ свиснулъ тихо и протяжно разъ и потомъ другой. На свистъ тотчасъ же явился Фарольдъ. Приближаясь, онъ старался разглядѣть пришедшаго, сколько позволялъ лунный свѣтъ. Подошедши, онъ, не спрашивая о причинѣ прихода Эдварда, сказалъ цыгану:

— Ты можешь итти, Вилльямъ.

— Цыганъ мѣшкалъ, и онъ повторилъ болѣе повелительнымъ голосомъ:

— Иди.

Юноша повиновался. Фарольдъ, обратившись къ де Во, сказалъ:

— Вы, вѣроятно, капитанъ де Во, — да, это вы.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ де Во: — хотя я и не знаю, гдѣ могли вы меня видѣть. По-крайней-мѣрѣ я васъ нигдѣ не встрѣчалъ.

— Я видѣлъ васъ, правда мелькомъ, третьяго дня, отвѣчалъ цыганъ. — Вы меня не замѣтили. Впрочемъ, я васъ знаю не только по этой встрѣчѣ. Вы очень похожи на отца; я его пом-

нію; а еще больше похожи вы на дѣда и дядю, какими были они въ то время, когда Димденъ Галль былъ полонъ веселыхъ лицъ, какихъ не найти ни во дворцѣ, ни въ хижинѣ.

Цыганъ вздохнулъ; Эдвардъ тоже вздохнулъ, потому-что никогда не видѣлъ въ домѣ отца своего веселаго лица. Слова цыгана напомнили ему, какъ скоро проходятъ и забываются дни счастія; онъ естественно перенесся мысленно къ тому времени, когда онъ, и близкіе ему люди, и все ихъ счастье превратятся только въ воспоминаніе.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ де Во, послѣ минуты печальнаго раздумья: — въ такомъ случаѣ я думаю, что вижу передъ собою Фарольда, и имѣю, кажется, основаніе догадываться, что онъ тотъ самый мальчикъ, котораго хотѣлъ воспитать мой дѣдъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ и дядею, но который не могъ сдружиться съ нашимъ образомъ жизни и черезъ два года убѣжалъ къ своимъ соплеменникамъ.

— Раньше, раньше, сказалъ Фарольдъ.—Но я нерѣдко посѣщалъ васъ и потомъ, былъ всегда ласково принимаемъ и забавлялся, разъигрывая сегодня джентльмена въ гостиной, а завтра цыгана въ полѣ. Съ теченіемъ времени, продолжалъ онъ, увлекаясь своимъ предметомъ:— я забылъ, чѣмъ могъ бы я быть, и становился все болѣе и болѣе тѣмъ, чѣмъ мнѣ быть слѣдовало.... впрочемъ, что объ этомъ говорить! Это только наводитъ на меня грусть.—Такъ вы все это слышали? А кто же вамъ разсказывалъ? Конечно, не отецъ вашъ; тетушкѣ вашей было тогда всего года два или три; а дядя вашъ.... да его вы не помните.

— Нѣтъ, отвѣчалъ де Во: — всѣ эти свѣдѣнія почерпнулъ я, помнится, изъ разсказовъ старой ключницы, умершей нѣсколько лѣтъ тому назадъ; она упоминала имя Фарольда съ большимъ уваженіемъ.

— Такъ она умерла? сказалъ Фарольдъ. — Бѣдная мистриссъ Диккинсонъ! Я этого не зналъ. Она была ко мнѣ всегда такъ ласкова... и вотъ она прахъ и земля! Чтожь! и прекрасный, и сильный, и благородный всѣ обращаются въ землю, наровнѣ съ листьями деревъ. Но умрутъ ли и сгніютъ ли любовь и великодушіе? Можете вы мнѣ это сказать? Я думаю, что нѣтъ.

— Я тоже думаю, отвѣчалъ де Во.— Но не дай Богъ питать такія мысли! да, такъ я вамъ говорю, что слышалъ о васъ отъ нашей ключницы.

Де Во съ намѣреніемъ заговорилъ опять объ этой ключницѣ. Онъ ожидалъ встрѣтить въ цыганѣ противника, съ которымъ надо обдумывать каждое слово и ничему не вѣрить безъ доказательствъ, и былъ очень радъ, что разговоръ ихъ принялъ оборотъ, дававшій возможность понять истинный характеръ цыгана и проникнуть въ болѣе глубокія побудительныя причины его поступковъ. Желая узнать, не подстрекаетъ ли его какая-нибудь страсть къ обману или оскорбленію, де Во старался заставить цыгана говорить о прошедшемъ; но Фарольдъ, всегда дѣйствовавшій по указанію собственной воли, круто поворотилъ разговоръ къ предмету ихъ свиданія.

— Если вы знаете обо мнѣ такъ много, капитанъ де Во, сказалъ онъ:—то должны знать и то, что я обладаю касательно вашей фамиліи свѣдѣніями, какими обладаютъ весьма не многіе; должны вы знать также и то, что я не стану лгать и не захочу вредить вамъ даже мысленно. Что вы повѣрили до извѣстной степени моему письму, это я вижу изъ вашего прихода; а что вы довѣряете мнѣ лично, это видно изъ того, что вы пришли сюда одни и въ такое время. Это заставляетъ меня быть съ вами какъ можно откровеннѣе, и я устраню всѣ сомнѣнія на-счетъ истины того, что́ я вамъ писалъ.

— Вы заслужите этимъ мою благодарность, отвѣчалъ де Во: —хотя я и не скрою отъ васъ, что трудно благодарить того, кто волей или неволей на-всегда разрушаетъ наши надежды и счастье.

— Да, трудно, отвѣчалъ цыганъ. Я знаю, это трудно; но вы должны мнѣ повѣрить, если я вамъ скажу, что глубоко чувствую каждую наносимую вамъ рану, и что если бы меня не побуждали къ этому долгъ и обѣщаніе, если бы результатомъ всего этого не было ваше же счастье, я не сказалъ бы вамъ того, что скажу. Вѣрьте этому, капитанъ де Во: это правда.

Де Во повѣрилъ, если не вполнѣ, то по-крайней-мѣрѣ отчасти. Въ манерахъ цыгана было что-то торжественное, въ голосѣ его столько чувства, что оно не могло быть притворно. Де Во былъ не очень высокаго мнѣнія о людяхъ вообще и цыганахъ въ особенности, но недовѣрчивость его не могла уничтожить убѣжденія звуковъ и словъ, истинно откровенныхъ.

— Я готовъ вамъ вѣрить, отвѣчалъ онъ: — во-первыхъ, потому, что никогда не обижалъ никого изъ вашихъ соплеменниковъ, и оби-

дѣть или огорчить меня было бы съ вашей стороны безполезною низостью; а во-вторыхъ, потому, что все слышанное мною о васъ въ дѣтствѣ и поведеніе ваше въ настоящую минуту доказываютъ, что вы неспособны на такой поступокъ. Тѣмъ не менѣе, однако же, вы согласитесь, что я не могу повѣрить на-слово исторіи, которая бросаетъ тѣнь на нашу фамилію; я долженъ требовать отъ васъ доказательствъ и сомнѣваться въ каждомъ словѣ, не подтвержденномъ фактами.

— За доказательствами дѣло не станетъ, отвѣчалъ Фарольдъ. — Я позволяю вамъ не только распрашивать о каждомъ сомнительномъ обстоятельствѣ, но и сердиться, пока все не будетъ доказно. Только, ради самого себя, не забудьте, что разсказъ мой огорчитъ васъ глубоко, и что для вѣрности сужденія о его истинѣ вы должны подавить въ себѣ страсти и задушить чувство. Обѣщайте также, капитанъ де Во, простить тому, кто разоблачаетъ передъ вами истину. Обѣщаете ли вы мнѣ, прибавилъ онъ, торжественно касаясь его руки: простить меня, когда увѣритесь, что разсказъ мой справедливъ, и что меня не побуждаетъ къ нему никакая земная выгода?

— Обѣщаю, хотя бы вы ясно доказали незаконность моего происхожденія, отвѣчалъ де Во. Разумѣется я долженъ простить васъ, если вы говорите правду безъ всякаго личнаго интереса.

— То, что́ я вамъ скажу, гораздо хуже, сказалъ Фарольдъ. —Только здѣсь я не могу разсказывать. Вѣтеръ холоденъ; я замѣтилъ, что вы дрожите; но кровь ваша похолодѣетъ еще больше, прежде нежели я кончу мой разсказъ. Кромѣ того, мои люди хитры, и слухъ у нихъ тонокъ. Мы отъ нихъ слишкомъ близко, а я не хочу, чтобы слова мои услышалъ кто-нибудь кромѣ васъ. Вы отважились притти ночью сюда — вы не откажетесь пойти со мною нѣсколько дальше. Пойдемте на опушку вонъ того лѣса, около полумили отсюда. Тамъ мы можемъ укрыться отъ вѣтра стѣною горы, сѣвши на ея скатѣ. Оттуда вамъ и домой ближе.

— Знаю, отвѣчалъ де Во, посмотрѣвши на него пристально:— но знаете ли вы, что оттуда не больше ста шаговъ до того мѣста, гдѣ былъ убитъ мой дядя?

— Очень знаю, отвѣчалъ Фарольдъ: — только васъ не убьютъ подобно ему, капитанъ де Во.

— А почему нѣтъ? возразилъ де Во. — Что случилось съ нимъ, то можетъ случиться и со мною.

— Разсказъ мой объяснитъ мои слова, отвѣчалъ Фарольдъ.— Я безоруженъ, вы вооружены. Товарищи мои здѣсь, я отъ нихъ удаляюсь и веду васъ ближе къ вашему дому. Если бы я замышлялъ противъ васъ что-нибудь дурное, мнѣ было бы удобнѣе исполнить это здѣсь.

— Ведите, ведите! сказалъ де Во. — Я вамъ вѣрю.

Не говоря ни слова, цыганъ пошелъ черезъ равнину, съ каждымъ вершкомъ которой былъ такъ знакомъ, что шелъ среди кустовъ, рытвинъ и возвышеній не оглядываясь ни вправо, ни влѣво. Онъ молчалъ; де Во слѣдовалъ за нимъ съ любопытствомъ, возбужденнымъ теперь въ высшей степени. Менѣе нежели въ четверть часа они прошли часть степи, лежащую между окраиной песчаной ямы и опушкою лѣса, къ тому мѣсту, гдѣ гора, на вершинѣ которой находился Морлей-доунъ, примыкала къ главной цѣли горъ, образуя выступившій впередъ и покрытый лѣсомъ мысъ. Мысъ возвышался здѣсь надъ поворотомъ дороги рѣкою; и шаговъ за двѣсти дальше отъ Морлей гоуза было то мѣсто, гдѣ, какъ говорилъ де Во Маннерсу, убили его дядю. Де Во и Фарольдъ стояли на крутомъ откосѣ футовъ двѣсти или риста надъ дорогою, покрытомъ свободно лежащими камнями, рѣдкимъ кустарникомъ и двумя или тремя широковѣтвистыми деревами, выступившими впередъ изъ массы лѣса, черпѣвшаго влѣво. Мѣсяцъ озарялъ дорогу и рѣку.

— Сойдемте по этой дорожкѣ, шаговъ на тридцать, сказалъ цыганъ. — Тамъ, подъ кустами, мы можемъ укрыться отъ вѣтру. Оттуда видно все вокругъ, и намъ не помѣшаютъ.

Де Во пошелъ за нимъ, и они въ минуту достигли мѣста. Здѣсь сѣлъ онъ на спиленномъ дубѣ, который оставалось только скатить внизъ; отсюда была видна деревня близь дома его тетки и кровля самого Морлей-гоуза, хотя видъ на долину по ту сторону заслоняла обросшая лѣсомъ гора. Цыганъ стоялъ возлѣ него, и де Во попросилъ его не медля доказать ему истину непріятныхъ извѣстій, сообщенныхъ въ письмѣ.

— Я привелъ васъ сюда не безъ цѣли, Эдвардъ де Во, сказалъ цыганъ. — Здѣсь я могу разсказать вамъ мою исторію лучше, нежели гдѣ-нибудь. Скажите мнѣ, что помните вы о ва-

шемъ дѣтствѣ, и что слышали вы о жизни вашего отца, — о его фамильной исторіи.

— Я пришелъ къ вамъ не за тѣмъ, чтобы разсказывать вамъ то, что знаю, но узнать, чего не знаю. Вы должны доказать ваши слова или отказаться отъ нихъ.

— Хорошо, хорошо! Будьте осторожны, сколько вамъ угодно. Если вы не хотите разсказать, что знаете, я разскажу за васъ, капитанъ де Во. Я знаю, что вамъ извѣстно, и если ошибусь, прошу остановить меня.

«Дѣдъ вашъ, двѣнадцатый лордъ Дьюри, оставилъ двухъ сыновей и дочь, дѣвицу лѣтъ семнадцати. Старшему сыну было около двадцати-шести лѣтъ, и онъ наслѣдовалъ титло отца; второй сынъ, вашъ отецъ, былъ тогда въ коллегіи и вскорѣ потомъ отправился въ Лондонъ приготовляться къ каррьерѣ адвоката. Они оба были очень красивы собою. О жизни и поведеніи вашего отца въ столицѣ я знаю весьма немногое достовѣрно, и потому не буду о ней распространяться....

— А мнѣ кажется, прервалъ его де Во: — что объ этомъ-то и слѣдуетъ вамъ говорить. Я родился въ Лондонѣ. Если вы не можете сказать ничего достовѣрнаго о поведеніи отца моего въ Лондонѣ, то не о чемъ и толковать.

«Будьте терпѣливы, прошу васъ, возразилъ цыганъ. — Я могу разсказать вамъ многое, хотя и желаю избавить васъ, сколько возможно, отъ подробностей жизни вашего отца въ Лондонѣ. Дядя вашъ, лордъ Вильямъ Дьюри, былъ рѣдкій человѣкъ. Великодушный, добрый, незлопамятный, благородный, способный одушевляться до той степени, которую люди холодные называютъ глупостью, человѣколюбивый до слабости, по мнѣнію людей безъ души и сердца. Онъ былъ непоколебимъ въ своихъ правилахъ, какъ этотъ дубъ, и горячее сердце увлекало его только къ доброму и справедливому. Получивши наслѣдство, онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ холостымъ, и вообще предполагали, что онъ никогда не намѣренъ жениться. Но знавшіе его лучше были увѣрены, что если случай сведетъ его съ достойною женщиной, полной такихъ же чувствъ, какъ и онъ, съ такимъ же благороднымъ образомъ мыслей, то онъ не только предложитъ ей руку, но и будетъ любить ее, какъ рѣдко любятъ на этомъ свѣтѣ женщину, посвятитъ ей всю свою жизнь, сосредоточитъ на ней весь пылъ своего сердца. И онъ нашелъ

акую женщину, полную благородныхъ чувствъ, прекрасную обою, образованную, равную ему по званію и состоянію. Онъ остарался овладѣть ея свободнымъ еще сердцемъ, и качества, робудившія въ немъ любовь, плѣнили и предметъ его любви. Онъ женился и былъ счастливъ, какъ нельзя счастливѣе. Онъ былъ не только счастливъ, онъ былъ доволенъ! Супруга его дока оказалась лучше, нежели онъ ожидалъ,. и ему нечего было желать больше. Всѣ его мысли, всѣ чувства обратились къ ней; го доброта, благотворительность, человѣколюбіе удвоились, — о въ сравненіи съ его любовью они были ничто. Полтора года нъ былъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ. Но вдругъ все измѣнилось. Жена подарила его дочерью, оворятъ, такою же прекрасной, какъ сама, и доброй, какъ отецъ; но прежде нежели пробудившіяся умственныя способности дитяти могли увеличить счастье родителей или утѣшить отца въ минуты скорби, мать ея заболѣла и черезъ пять дней умерла».

Цыганъ замолчалъ и, казалось, глубоко вздохнулъ, вспоминая прошедшее. Де Во, интересовавшійся всѣмъ, что касалось о Маріанны, столько же, какъ и своими личными дѣлами, съ етерпѣніемъ ждалъ продолженія разсказа. Исторія эта была му извѣстна; но теперь онъ услышалъ ее въ новомъ свѣтѣ. Минуты черезъ двѣ цыганъ продолжалъ:

«Какъ измѣнился онъ послѣ этого событія! Свѣтъ былъ забытъ. Онъ какъ-будто внезапно ослѣпъ; окружавшая его красота смѣнилась тьмою. По нѣскольку часовъ сряду бродилъ онъ на конѣ одинъ, даже безъ слуги. Встрѣчая друзей, онъ проѣзжалъ мимо ихъ какъ чужой, и если они съ нимъ заговаривали, онъ съ трудомъ ихъ узнавалъ. Онъ забылъ всѣ удовольствія, оставилъ всѣ занятія и жилъ на свѣтѣ какъ-будто не тутъ его мѣсто. Такъ прошло мѣсяца два. Однажды по-утру онъ выѣхалъ, по-своему обыкновенію, одинъ; онъ рѣдко говорилъ, куда онъ ѣдетъ, но въ этотъ разъ объявилъ, что ѣдетъ въ городъ. Знали, что при немъ значительная сумма денегъ; проѣзжая мимо дома сестры своей, мистриссъ Фальклендъ (онъ жилъ постоянно въ Димденѣ), онъ остановился тамъ на нѣсколько минутъ».

— Вы знаете, кажется, подробности такъ обстоятельно, какъ-будто слѣдили за нимъ, замѣтилъ де Во, когда цыганъ на минуту остановился.

«Да, отвѣчалъ Фарольдъ: — и вы узнаете, какъ я все это узналъ. Мужъ мистриссъ Фальклендъ, благородный, прямой человѣкъ, — онъ былъ тогда еще въ-живыхъ, — проводилъ его пѣшкомъ до конца деревни и простился. Лордъ Дьюри поѣхалъ дальше одинъ. Его видѣли нѣсколько мальчиковъ, игравшихъ вонъ на томъ полѣ—видите—съ полмили отъ деревни. Но послѣ этого никто его не видѣлъ, и онъ не возвращался домой. Слуги, любившіе его, встревожились и дали знать объ этомъ мистриссъ Фальклендъ; она послала отыскивать его въ городѣ и окрестныхъ деревняхъ. Но лорда Дьюри нигдѣ не видѣли. Вечеръ прошелъ въ томительномъ ожиданіи; настала ночь, и жители Морлей-гоуза собирались уже лечь спать, какъ вдругъ явился къ мистеру Фальклендy посланный отъ судьи Ардена съ извѣстіемъ, что цыганъ, — замѣтьте это, — что цыганъ, арестованный за побои, нанесенные на-канунѣ одному крестьянину, объявилъ добровольно, что сегодня въ десять часовъ утра видѣлъ, какъ лордъ Дьюри былъ убитъ вотъ тамъ, внизу. Мистеръ Фальклендъ въ ту же минуту сѣлъ на коня и поскакалъ къ Ардену; они рѣшили немедленно дать знать объ этомъ вашему отцу и до его пріѣзда не допрашивать цыгана ни о чемъ, кромѣ мѣста, гдѣ можно найти тѣло лорда Дьюри. Цыганъ сказалъ, что тѣло найдутъ въ рѣкѣ, что въ тростникѣ на берегу найдется его шляпа, а лошадь, вѣроятно, въ ближнемъ лѣсу или въ полѣ. Тотчасъ же приступили къ розыску, и кое-что изъ показаній цыгана оправдалось. Въ тростникѣ найдена прострѣленная, окровавленная шляпа, а лошадь паслась на другомъ берегу, мили за четыре. Курьеръ скакалъ между тѣмъ день и ночь въ Лондонъ и, пріѣхавши, засталъ брата убитаго въ театрѣ. Печальная вѣсть поразила его очень сильно; онъ тотчасъ же пріѣхалъ сюда съ нѣкоимъ Вильямомъ Рейдеромъ, человѣкомъ, говорятъ, очень добрымъ, но страшнымъ игрокомъ, проигравшимъ все свое состояніе. Когда новый лордъ прибылъ, ему представили цыгана. Вотъ въ чемъ состояло его показаніе: крестьянинъ, котораго онъ приколотилъ, оскорбилъ цыганку, и цыганъ наказалъ его за это. Онъ оставилъ его на мѣстѣ за-мертво и разсудилъ не возвращаться въ таборъ, потому-что если крестьянинъ умретъ, такъ это надѣлаетъ имъ много хлопотъ. Онъ укрылся въ лѣсу и утромъ того дня, когда совершено убійство, лежалъ тѣни деревъ, вонъ тамъ, на той вершинѣ. Тамъ провелъ онъ,

по его словамъ, все утро; крестьяне ходятъ обыкновенно кратчайшей дорогой, черезъ гору; но онъ не видалъ никого. Часовъ въ девять показался человѣкъ верхомъ и укрылся съ лошадью подъ двумя старыми вязами, шаговъ за пятьсотъ туда дальше, къ рѣкѣ. Цыганъ лежалъ смирно, желая узнать, что́ будетъ дальше; черезъ четверть часа послышался топотъ быстро бѣгущей лошади, и лордъ Дьюри обогнулъ мысъ. Цыганъ говоритъ, что хотѣлъ выскочить и предостеречь его: сердце говорило ему, что тутъ что-то неладно. Но въ эту самую минуту всадникъ выѣхалъ изъ-подъ деревъ и очень спокойно вступилъ въ разговоръ съ лордомъ Дьюри, продолжая ѣхать съ нимъ рядомъ. Потомъ разговоръ ихъ сдѣлался, казалось, живѣе и превратился въ споръ. Лордъ Дьюри пришпорилъ лошадь, но другой, продолжая ѣхать съ нимъ рядомъ, выхватилъ вдругъ пистолетъ и выстрѣлилъ ему въ голову. Въ ту минуту, когда лордъ падалъ изъ сѣдла, лошадь, испугавшись, бросилась въ рѣку; онъ, запутавшись въ стременахъ, пошелъ въ воду, а шляпа его упала въ тростникъ. Неизвѣстный смотрѣлъ ему въ слѣдъ съ минуту; но прежде, нежели лошадь убитаго выплыла на противоположный берегъ, убійца пустился вскачь по дорогѣ, но на поворотѣ встрѣтилъ другого всадника. Цыганъ видѣлъ, какъ пожали они другъ другу руки; но они не остановились для разговора: второй поворотилъ свою лошадь въ ту же сторону, куда ѣхалъ первый, и они ускакали какъ молнія. Цыганъ бросился въ воду, въ надеждѣ вытащить тѣло, освободившееся отъ стремянъ; но тѣла не отъискалось; усталый, онъ воротился въ лѣсъ.

«Мистеръ Арденъ сказалъ, что исторія эта очень невѣроятна, но спросилъ цыгана, можетъ ли онъ узнать убійцу. Цыганъ отвѣчалъ, что узнаетъ его, если увидитъ, и готовъ присягнуть, если ему представятъ убійцу. Тогда мистеръ Арденъ объявилъ, что, по его мнѣнію, лучше всего немедленно отдать цыгана подъ судъ за другія его преступленія; показаніе же свое онъ можетъ сдѣлать, когда его потребуютъ. Между тѣмъ молодой человѣкъ, прибитый цыганомъ, оправлялся съ каждымъ часомъ и сознался, что заслужилъ побои; добрый чиновникъ не могъ найти никакого предлога къ заключенію цыгана въ темницу и вздумалъ было́ опираться на то, что онъ бродяга; но его не допустилъ до этого лордъ Дьюри, новый лордъ Дьюри. Онъ сказалъ, ласково глядя на цыгана, что жестоко было бы лишить свободы чело-

вѣка за то, что онъ добровольно сдѣлалъ важное показаніе, и что кромѣ того онъ знаетъ этого цыгана, воспитаннаго отчасти въ домѣ его отца, съ хорошей стороны. Мистеръ Арденъ высказалъ мысль, что, можетъ быть, самъ цыганъ убилъ лорда; лордъ Дьюри возразилъ, что это вздоръ; но упрямый чиновникъ все-таки продержалъ цыгана подъ стражею до тѣхъ поръ, пока слѣды отъ конскихъ копытъ и многія другія вещи не доказали, что онъ сказалъ правду. Лордъ Дьюри и серъ Вильямъ Рейдеръ обходились съ нимъ, между тѣмъ, очень ласково и заботились, чтобы онъ ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка. Наконецъ его освободили, и онъ возвратился въ свой таборъ, давши обѣщаніе явиться по первому требованію. Никто не сомнѣвался, что онъ сдержитъ слово: всѣ знали, что онъ выросъ вмѣстѣ съ убитымъ и очень его любилъ. Нечего вамъ говорить, что цыганъ этотъ былъ я.

«Отецъ вашъ—продолжалъ Фарольдъ—принялъ тѣло лорда и вступилъ во владѣніе помѣстьями брата. Нашли духовное завѣщаніе покойнаго, и никто не удивился, что въ немъ ни слова не упоминалось о братѣ; всему свѣту было извѣстно, что они между собою не ладили. Опека надъ дочерью покойнаго, миссъ де Во, и богатымъ наслѣдствомъ, доставшимся ей отъ матери, была поручена мистриссъ Фальклендъ, ея мужу и еще одному дальнему родственнику.

«Убитый не забылъ въ своемъ завѣщаніи ни одного слуги, ни одного пріятеля, ни одного знакомаго. Только о братѣ не было ни слова. Всѣ удивились поэтому, когда братъ его великодушно отказался въ пользу своей племянницы отъ многаго, что по закону доставалось наслѣднику мужескаго пола, и устроилъ свои дѣла съ нею, что̀ касается до имѣнія, съ безпримѣрною щедростью. Устроивши всѣ дѣла и удержавши при себѣ часть прислуги покойнаго, онъ приказалъ привести въ порядокъ Дьюри Галль; ему не хотѣлось жить вблизи того мѣста, гдѣ убитъ былъ братъ. Туда-то, покончивши дѣла свои въ Лондонѣ, пріѣхалъ онъ съ мальчикомъ лѣтъ семи, своимъ единственнымъ сыномъ, предполагаемымъ наслѣдникомъ его имѣнія».

— А мать моя? спросилъ Эдвардъ, поднявши голову, которую склонилъ на руки, слушая разсказъ цыгана. Его волновали странныя, неопредѣленныя ощущенія. Исторія объ убіеніи его дяди съ самого дѣтства наводила на него ужасъ; онъ слышалъ ее,

и довольно часто, но ни разу съ такими подробностями, извѣстными только очевидцу, который готовился, казалось, связать ее съ тѣмъ, что̀ сказалъ о его сомнительномъ положеніи. Съ каждымъ словомъ ожидалъ онъ, что цыганъ откроетъ ему что-то ужасное, и это его сильно тревожило; имя Вильяма Рейдера, который былъ, казалось, въ то время очень близокъ съ его отцомъ, но послѣ того, очевидно, сдѣлался предметомъ его ненависти, придало его ожиданіямъ какой-то таинственный ужасъ. Что̀ все это значитъ? къ чему все это ведетъ? чѣмъ все это кончится? Эти вопросы мучили его во время разсказа цыгана. Ему даже стало какъ-будто легче, когда послѣднія слова цыгана обратили его мысли отъ новаго, ужаснаго предмета къ его первоначальной догадкѣ и подозрѣнію.

— А мать моя? сказалъ онъ.

— О ней я знаю немногое, отвѣчалъ Фарольдъ, по-видимому съ нѣкоторымъ изумленіемъ: — она была испанка и вышла за вашего отца тайно, нарушивши обѣтъ монашества.

— Такъ они были обвѣнчаны! воскликнулъ де Во.

— Разумѣется, отвѣчалъ цыганъ: — никто въ этомъ и не сомнѣвается, хотя онъ всегда удалялъ ее отъ родныхъ и обходился съ нею дурно. Это была одна изъ причинъ его ссоры съ братомъ. Но ея уже не было въ-живыхъ, когда онъ вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ брата. Дайте мнѣ, однако же, досказать.

Де Во снова опустилъ голову на руки; снова все вокругъ него помутилось.

— Продолжайте, продолжайте, сказалъ онъ:— только, ради Бога, не мучьте меня неизвѣстностью.

— Я разсказалъ вамъ исторію вашего семейства, такъ, какъ она извѣстна свѣту, и какъ вы, вѣроятно, ее уже слышали. Картина мрачная и невеселая; но въ ней есть мѣста еще мрачнѣе, и, прежде нежели вы на нихъ взгляните, соберитесь съ духомъ, молодой человѣкъ; вы честны и благородны, и разсказъ мой сокрушитъ ваше сердце.

Де Во махнулъ рукой въ знакъ того, чтобы онъ продолжалъ, и цыганъ сказалъ:

«Вы слышали, какъ разсказываютъ эту исторію въ народѣ; послушайте, какъ знаетъ ее цыганъ. Дѣтство мое вамъ извѣстно; годъ и девять мѣсяцевъ воспитывался я вмѣстѣ съ вашимъ

отцомъ и дядею. Дядя вашъ меня любилъ, — отецъ не любилъ; но онъ не обижалъ меня — изъ гордости, и когда я сбросилъ оковы общества и возвратился къ своимъ, мы были съ нимъ друзья.

«Я часто посѣщалъ вашего дядю; но посѣщенія мои становились все рѣже и рѣже, а презрѣніе къ золоченымъ палатамъ и наемнымъ слугамъ въ ливреяхъ все глубже и глубже. Впрочемъ, я находилъ тайное удовольствіе замѣчать и изучать поступки человѣка, котораго любилъ больше всѣхъ на свѣтѣ. Нелюбовь моя къ изящнымъ жилищамъ и наглымъ лакеямъ превратилась въ рѣшительное отвращеніе; я не могъ заставить себя переступить черезъ порогъ Дименъ Галля, но часто встрѣчалъ вашего дядю въ паркѣ и бесѣдовалъ съ нимъ подъ открытымъ небомъ. Возвратившись въ эту сторону послѣ двухлѣтняго отсутствія, я засталъ его въ сильномъ унынiи отъ утраты жены. Я искалъ случая съ нимъ повидаться, и въ это время одинъ изъ крестьянъ обидѣлъ бѣдную цыганку. Это вызвало меня на месть; я принужденъ былъ скрываться, ожидая результата. Я спрятался, какъ уже говорилъ вамъ, въ этомъ лѣсу. Все, что́ я объявилъ Ардену, была истина; но я сказалъ не все, что́ зналъ. Я видѣлъ, какъ всадникъ укрылся подъ вязами; я видѣлъ, какъ онъ съѣхался съ лордомъ Дьюри; я слышалъ, о чемъ они говорили; я видѣлъ, какъ поѣхали они дальше, хотя мнѣ и не снилось, чѣмъ это кончится; я видѣлъ, какъ онъ досталъ изъ-запазухи пистолетъ; я видѣлъ, какъ онъ его поднялъ и выстрѣлилъ по лорду; и этотъ человѣкъ, выстрѣлившiй по лорду Дьюри, былъ — его братъ».

— Это ложь! воскликнулъ Эдвардъ, вскакивая и хватаясь за шпагу. Это ложь, чернѣе самого ада!

— Это истина, яснѣе этихъ звѣздъ на небѣ, спокойно возразилъ цыганъ.

Послѣдовало долгое молчаніе. Фарольдъ стоялъ спокойно передъ сыномъ того, кого обвинилъ въ такомъ страшномъ преступленіи, а де Во смотрѣлъ на него такими глазами, въ которыхъ ясно выражалось убійственное впечатлѣніе вѣсти.

— Хотите вы выслушать меня до конца? спросилъ наконецъ цыганъ.

— Да, отвѣчалъ де Во, снова садясь на дерево; — только не

думайте ускользнуть отъ меня. Вы произнесли ужасное обвиненіе; и, какъ святъ Богъ, я заставлю васъ доказать его!

Онъ снова опустилъ голову на руки и устремилъ взоръ на цыгана, какъ-будто опасаясь, чтобы онъ не бѣжалъ.

— Я докажу вамъ, что сказалъ правду, отвѣчалъ цыганъ:— затѣмъ я и пригласилъ васъ сюда. Но будьте спокойнѣе и выслушайте, какія обстоятельства могли довести его до такого ужаснаго поступка.

— Онъ его не дѣлалъ! пробормоталъ де Во; но цыганъ продолжалъ, какъ-будто не слыша возраженія:

«Я слышалъ всѣ эти подробности отъ человѣка, которому онѣ хорошо были извѣстны. Эдвардъ де Во, младшій изъ двухъ братьевъ, былъ очень неумѣренъ въ жизни. Онъ рано посѣтилъ другія страны, надѣлалъ тамъ шалостей и освоился съ пороками, которые стоятъ много денегъ. Мнѣ не хотѣлось бы васъ огорчать, но я долженъ сказать, что онъ велъ сильную игру и моталъ, тогда-какъ мать ваша терпѣла крайнюю нужду. Отъ отца ему досталось немного; самъ онъ ничего не пріобрѣлъ и могъ бросать деньги единственно благодаря щедрости брата. Однако, требованій его не могла удовлетворить никакая щедрость. Лордъ Дьюри увѣщевалъ его и грозилъ ему, но напрасно; онъ обѣщалъ сдѣлать для него многое, если онъ пріѣдетъ въ деревню и будетъ лучше обходиться съ вашею матерью. Она умерла, и съ этой стороны поводъ къ несогласію былъ уничтоженъ. Но это сняло послѣднюю узду съ ея мужа. Онъ пустился въ игру сильнѣе прежняго; все проигралъ; обратился къ брату, получилъ отказъ, и поставилъ на карту сумму, которой у него не было. Онъ проигралъ. Сэръ Вильямъ Рейдеръ, его короткій пріятель, обязался вмѣстѣ съ нимъ внести эту сумму въ опредѣленный срокъ; но не задолго до его истеченія Рейдеръ нигдѣ не могъ отыскать Эдварда де Во. Рейдеръ подумалъ, что онъ бѣжалъ, съ умысломъ оставить весь долгъ на его шеѣ, узналъ, по какой дорогѣ онъ отправился, и пустился за нимъ въ погоню. Онъ слѣдилъ за нимъ шагъ за шагомъ и настигъ его — въ минуту убійства брата. Ужаснувшись, но не успѣвши хорошенько обдумать, что онъ дѣлаетъ, сэръ Вильямъ сдѣлался соучастникомъ въ преступленіи, давши слово хранить его въ-тайнѣ. Они пришпорили лошадей и умчались въ Лондонъ разными проселочными дорогами такъ быстро, что невозможно почти было повѣрить, чтобы

они были отъ него такъ далеко. Зная, что скоро за нимъ пришлютъ, наслѣдникъ убитаго лорда не забылъ, на всякій случай, показываться въ такихъ мѣстахъ въ Лондонѣ, гдѣ присутствіе его было бы замѣчено, и посланный засталъ его, какъ я уже вамъ сказалъ, въ театрѣ. Что́ за адъ былъ у него въ душѣ, когда онъ смотрѣлъ на сценическія пошлости и шутки, не умѣю вамъ сказать».

— Разсказъ вашъ хромаетъ, сказалъ де Во мрачно: — какъ могъ онъ знать, на какомъ именно мѣстѣ застанетъ своего брата? Какъ могъ онъ....

— По этому письму, отвѣчалъ цыганъ, подавая Эдварду старый, но хорошо сохранившійся листъ бумаги, съ ясно означенными на немъ почтовыми отмѣтками.

— Я не могу читать при этомъ полусвѣтѣ, сказалъ де Во, заглянувши въ бумагу: — въ чемъ она состоитъ?

— Я вамъ скажу, отвѣчалъ цыганъ, доставая кремень и огниво и вырубивши огня: — я вамъ скажу, хотя вы сейчасъ и сами будете въ состояніи прочесть его. Въ этомъ письмѣ дядя вашъ увѣдомляетъ вашего отца, что у него нѣтъ въ настоящую минуту требуемой имъ суммы, но что если онъ явится въ полдень осьмнадцатаго мая (день убійства) въ гостинницу города ***, то получитъ отъ него 5,000 фунтовъ, т.е. все, что̀ онъ можетъ удѣлить ему, не стѣсняя себя ради чужихъ шалостей. Вотъ вамъ огонь, прибавилъ онъ, зажигая сухую лучинку.

Де Во прочелъ письмо. Сдержаніе его было точь-въ-точь какъ разсказалъ цыганъ. Онъ узналъ почеркъ дяди, знакомый ему по другимъ бумагамъ. Оно было написано за четыре дня до его смерти, подписано его именемъ, запечатано его печатью и адресовано на имя его брата. По почтовымъ отмѣткамъ, было очевидно, что отецъ Эдварда его получилъ. Де Во не могъ сомнѣваться, но утопающій хватается за соломенку; и онъ надѣялся еще найти въ ужасномъ разсказѣ что-нибудь подозрительное. Онъ отдалъ письмо назадъ и, скрестивши на груди руки, просилъ цыгана продолжать. Брови его нахмурились, глаза устремились какъ-то неопредѣленно въ пространство, и мысль блуждала въ хаосѣ мучительныхъ думъ.

«По этому письму — продолжалъ цыганъ — онъ зналъ въ точности, когда братъ его отправится въ городъ ***, и привычки [illegible] были ему извѣстны [illegible] [illegible]ошо, что онъ [illegible]гко могъ

устроить все остальное. Но преступникъ никогда не бываетъ спокоенъ: самый хладнокровный и рѣшительный всегда оставляетъ за собою хоть какой-нибудь слѣдъ, по которому его можно найти. Дядя вашъ явился позже, нежели онъ его ожидалъ, и онъ досталъ изъ кармана это письмо, желая увѣриться, не опоздалъ ли онъ. Въ эту минуту послышался топотъ лошади лорда Дьюри; братъ его торопливо сунулъ письмо въ карманъ, но оно проскользнуло мимо. Онъ этого не замѣтилъ, но я замѣтилъ. Когда дѣло было сдѣлано, онъ посмотрѣлъ въ-слѣдъ плывущей лошади и видѣлъ, какъ тѣло убитаго, высвободившись изъ стремянъ, камнемъ пошло ко дну. Я увѣренъ, — это также вѣрно, какъ то, что надъ нами есть небо, — въ ту минуту убійца готовъ былъ отдать и почести, и богатство, и самую жизнь, лишь бы воротить невозвратное. Онъ не могъ дольше выдержать этого зрѣлища, кольнулъ лошадь шпорами какъ бѣшеный и помчался назадъ по дорогѣ. На самомъ поворотѣ встрѣтился онъ съ сэромъ Вильямомъ Рейдеромъ. Что́ онъ ему сказалъ, не знаю, но онъ пожалъ ему руку, и они ускакали. Душевная тревога прошла, однако же, скоро: прежде нежели онъ возвратился сюда, онъ уже рѣшилъ, какъ себя вести. Онъ распросилъ посланнаго и узналъ отъ него о сдѣланномъ мною показаніи. Я сказалъ, что могу подъ присягой указать убійцу, но не указалъ его; изъ этого онъ заключилъ, что я или не узналъ его, или рѣшился не выдавать. Впрочемъ, ему больше ничего и не оставалось, какъ итти на-встрѣчу опасности смѣло и рѣшительно. Онъ такъ и сдѣлалъ. Когда меня ввели въ судейскую комнату, я увидѣлъ, что онъ слегка поблѣднѣлъ и приложилъ къ губамъ палецъ, но такъ, что я могъ принять и не принять это за знакъ молчанія. Я повторилъ мое показаніе и даже въ точности описалъ наружность убійцы; но эти примѣты никогда ни къ чему не ведутъ, и никто не спросилъ меня, нѣтъ ли преступника между присутствующими».

— А что́ бы вы сказали, если бы вамъ предложили этотъ вопросъ? спросилъ де Во.

— Не знаю, право, отвѣчалъ цыганъ: — думаю, впрочемъ, что я не указалъ бы на него. Что́ мнѣ было пользы губить сына того, кто меня такъ любилъ? Онъ совершилъ страшное преступленіе, это правда, — но не я былъ мститель. Кромѣ того я зналъ, что месть, вдесятеро жесточе людской, свирѣпству-

етъ уже въ его сердцѣ,—что его грызетъ змѣя раскаянья,—что его уже коснулся перстъ Всемогущаго мстителя за всѣ преступленія,—и что каждый часъ его остальной жизни будетъ предсмертною мукой. Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь жизнью! Я не ненавидѣлъ, я жалѣлъ его. Ночью, послѣ допроса, дверь моей темницы отворилась, и вошелъ сэръ Вильямъ Рейдеръ, со свѣчею въ рукѣ. У него было прекрасное сердце, хотя онъ и сбился съ прямого пути. Онъ всѣми силами старался смягчить стараго Ардена. Ко мнѣ онъ пришелъ съ цѣлью развѣдать, что̀ мнѣ извѣстно и на сколько можно на меня положиться. Задача была трудная, и возьмись онъ за нее лукаво, какъ сдѣлалъ бы другой, онъ промахнулся бы. Онъ былъ, однако же, для этого слишкомъ встревоженъ. Онъ заговорилъ со мною ласково, и сказалъ, что лордъ Дьюри принимаетъ во мнѣ живое участіе и постарается мнѣ помочь: я отвѣчалъ ему прямо, что лучше пусть лордъ Дьюри заботится о себѣ, потому-что опасность грозитъ не мнѣ, а ему. Тогда онъ сказалъ, что я очевидно знаю больше, нежели показалъ передъ судомъ, и что лордъ Дьюри за это очень мнѣ обязанъ. «Не чествте его чужимъ титломъ, отвѣчалъ я:—въ дворянской грамотѣ ихъ сказано, что если кто-нибудь изъ членовъ фамиліи будетъ осужденъ закономъ какъ уголовный преступникъ, то онъ и дѣти его считаются мертвыми, линія ихъ пресѣкшеюся, и права ихъ переходятъ къ ближайшему наслѣднику, какъ-будто ихъ вовсе не существуетъ на свѣтѣ.» Сэръ Вильямъ Рейдеръ отвѣчалъ, что это нейдетъ тутъ къ дѣлу, потому-что пріятель его не обвиненъ и не будетъ обвиненъ судомъ ни въ какомъ преступленіи; но что если я согласенъ оставить королевство и не возвращаться сюда до тѣхъ поръ, пока не получу отъ него позволенія, то онъ дастъ мнѣ тысячу фунтовъ сейчасъ же, и кромѣ того пожизненную пенсію. Я сказалъ, что подумаю и дамъ отвѣтъ, когда получу свободу. Вскорѣ потомъ меня выпустили. Сэръ Вильямъ отыскалъ меня, видно уловились, что я оставлю королество, и что онъ сойдется со мною въ гавани, гдѣ и вручитъ мнѣ деньги при моемъ отплытіи.

«Прошло, однако же, довольно времени, пока я съ таборомъ прикочевалъ къ гавани; многіе изъ моихъ товарищей не хотѣли туда итти, не зная причины. Мы раздѣлились: одни пошли со мною, другіе своею дорогою. Я часто видѣлся съ сэромъ Виль-

момъ Рейдеромъ, и когда я извѣстилъ его, что мы стали вблизи одной гавани въ Валлисѣ, онъ немедленно явился въ таборъ. Тутъ онъ объявилъ мнѣ, что и онъ намѣренъ отправиться въ Америку и провести остальную жизнь въ колоніяхъ. «Попробую, сказалъ онъ: — посвятить себя добрымъ дѣламъ и изгладить изъ памяти много проступковъ и одно великое преступленіе, въ которомъ я не былъ соучастникомъ, но которое помогъ утаить.» На другой день послѣ его пріѣзда лошадь его испугалась обезьяны, бывшей у насъ въ таборѣ, и сбросила его съ сѣдла. Онъ переломилъ себѣ ключицу и нѣсколько реберъ; мы отнесли его въ палатку и начали за нимъ ухаживать. Я узналъ его короче и полюбилъ его; онъ выздоровѣлъ у насъ скорѣе, нежели выздоровѣлъ бы на рукахъ сотни докторовъ. Тутъ то я узналъ, какъ все случилось; онъ старался увѣрить себя и меня, что убійство было совершено въ минуту страсти, а не замышлено напередъ, — что пріятель его самъ не помнилъ, что онъ дѣлаетъ. Когда онъ отправился въ Америку, я уѣхалъ въ Ирландію. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ много другихъ странъ, жилъ въ Шотландіи, но въ Англію возвратился только три недѣли тому назадъ».

Цыганъ замолчалъ. Де Во оставался въ томъ же положеніи: голова его склонилась почти до колѣнъ, глаза были закрыты руками. Онъ долго молчалъ, подавленный отчаяньемъ. Чего не далъ бы онъ теперь, чтобы оправдалось его подозрѣніе на-счетъ матери и уничтожилась вѣроятность вины отца! Подробности въ разсказѣ цыгана такъ между собою ладили, слова его подтверждались такими неопровержимыми фактами и такъ хорошо объясняли нѣкоторыя черты въ характерѣ и поведеніи отца, — его мрачность, отчужденіе, раздражительность, волненіе при имени сэра Вильяма Рейдера, — что Эдвардъ могъ питать въ себѣ только пустую, безумную надежду, угасающую въ человѣкѣ только съ его жизнью. Въ настоящую минуту вопросъ о достовѣрности разсказа замолкъ передъ другимъ, болѣе тягостнымъ вопросомъ: что же будетъ изъ него, изъ Эдварда де Во, если все это правда? Какъ взглянуть ему на родного отца? Какъ вести себя съ нимъ? Что ему дѣлать? Передъ нимъ явился образъ Маріанны, во всемъ блескѣ красоты, озаренной великодушнѣйшею любовью, — и онъ чувствовалъ, что она не можетъ принадлежать ему, что кровь отца ея полагаетъ между ними неразрушимую преграду, которой не устранятъ никакія усилія, никакія событія, — что

онъ долженъ отказаться отъ нея въ ту самую минуту, когда благородный поступокъ ея превратилъ его страстную любовь почти въ обожаніе! И какъ ему отъ нея отказаться? какъ вести себя въ этомъ случаѣ? онъ не могъ, онъ не имѣлъ права хоть однимъ словомъ указать на причину своего отреченія, онъ не могъ сообщить ей своей тайны, не могъ даже оплакать вмѣстѣ съ нею свои погибшія надежды. Всюду видѣлъ онъ вокругъ себя ужасъ и уничтоженіе. Онъ не говорилъ, можно даже сказать, онъ не мыслилъ въ эти минуты; онъ былъ объятъ видѣніемъ невыразимаго бѣдствія. Онъ чувствовалъ, что счастье его рушилось навсегда; а между тѣмъ мозгъ его осаждали тысячи смутныхъ призраковъ и неясныхъ мыслей о будущемъ. Что ему дѣлать? Онъ думалъ немедленно явиться къ отцу, сказать ему все и тутъ же лишить себя жизни, сбросить съ себя невыносимое бремя мыслей и ощущеній; но вспомнилъ о томъ, что выстрадалъ уже его отецъ; вспомнилъ его мрачную задумчивость, его никогда неулыбающіяся уста, вспышки дикой, нетерпѣливой страсти, блѣдныя щеки, впалые глаза,—всѣ признаки раздираемаго угрызеніемъ совѣсти сердца, и мысль о самоубійствѣ смѣнилась скорбью сына. Онъ думалъ удалиться въ пустыни Америки, пристать къ какому-нибудь племени индѣйцевъ и скрыть свое имя и покрывшій его позоръ въ странахъ, куда не проникали еще европейцы; но его осиливала мысль о Маріаннѣ, мысль вѣчной съ нею разлуки. Онъ не зналъ, куда ему обратиться, какъ ему дѣйствовать; все вокругъ было безнадежно. Долгое, ужасное молчаніе его разрѣшилось наконецъ глубокимъ, горькимъ вздохомъ.

Цыгану стало его жаль. Посмотрѣвши на него нѣсколько минутъ, онъ сказалъ:

— Жалѣю отъ всего сердца, что огорчилъ васъ. Но не унывайте, молодой человѣкъ; на свѣтѣ есть лекарство противъ всѣхъ несчастій.

Слова утѣшенія, произнесенныя тѣми же устами, которыя на-вѣки разрушили его счастье, возмутили Эдварда до глубины души, и онъ воскликнулъ:

— Или все, что вы сказали, ложь, или вы должны знать, что утѣшеніе для меня невозможно. О какомъ лекарствѣ вы говорите?

— О лекарствѣ времени, отвѣчалъ цыганъ: — я знаю, по собственному опыту, что оно залечиваетъ глубочайшія раны.

Де Во посмотрѣлъ на него, какъ-будто хотѣлъ придавить его къ землѣ; но бѣдствіе бываетъ иногда такъ велико, что человѣкъ не можетъ ни понять его, ни повѣрить ему съ разу; и Эдвардъ отвѣчалъ;

— Я думаю, что вы меня обманули: тогда горе вамъ! Есть у васъ другія доказательства? гдѣ они?

— Я не обманулъ васъ, молодой человѣкъ, возразилъ цыганъ: — и прощаю вамъ вашъ гнѣвъ.

— Но доказательство, доказательство! продолжалъ де Во:— есть у васъ еще доказательства?

— Есть, отвѣчалъ цыганъ: — и я представлю ихъ, хотя письма этого уже достаточно. Мнѣ васъ жаль, но я прошу васъ, меня не обижать.

— Письмо вы могли украсть, гордо возразилъ де Во:— или найти черезъ нѣсколько лѣтъ. — Какія у васъ еще доказательства? представьте ихъ, и я повѣрю.

— Внутренно вы и теперь мнѣ вѣрите, сказалъ цыганъ. — Вотъ другое доказательство: я сказалъ, что убійца нѣсколько минутъ смотрѣлъ на свою жертву, и что душу его раздирало страшное раскаянье; а знаете ли, почему я въ этомъ увѣренъ? Когда выстрѣлъ былъ сдѣланъ и лордъ упалъ съ лошади, пистолетъ выпалъ изъ руки убійцы, и онъ остался недвижимъ какъ истуканъ; убійство превратило его, казалось, въ камень. Онъ не шевельнулъ ни однимъ членомъ, пока наконецъ не ринулся вдругъ прочь, какъ-будто за нимъ гонится цѣлый легіонъ демоновъ. Счастье для него, что пистолетъ и письмо попали въ руки человѣка, который тщательно ихъ скрылъ; найди ихъ другой, такъ отецъ вашъ умеръ бы на эшафотѣ, уже лѣтъ двадцать тому назадъ. Вы требуете еще доказательствъ. Смотрите же! Вотъ этотъ пистолетъ; вы знаете гербъ младшихъ братьевъ вашей фамиліи и не можете долѣе сомнѣваться.

Де Во взялъ пистолетъ изъ рукъ цыгана. На рукояткѣ съ серебряною насѣчкою былъ вырѣзанъ его фамильный гербъ. Однажды онъ видѣлъ точь-въ-точь такой же пистолетъ, и притомъ только одинъ, въ рукѣ отца, вошедши нечаянно въ его комнату. Отецъ торопливо спряталъ его въ ящикъ, поблѣднѣлъ и сдѣлалъ ему выговоръ, что онъ входитъ безъ спросу. Теперь

онъ долженъ отказаться отъ нея въ ту самую минуту, когда благородный поступокъ ея превратилъ его страстную любовь почти въ обожаніе! И какъ ему отъ нея отказаться? какъ вести себя въ этомъ случаѣ? онъ не могъ, онъ не имѣлъ права хоть однимъ словомъ указать на причину своего отреченія, онъ не могъ сообщить ей своей тайны, не могъ даже оплакать вмѣстѣ съ нею свои погибшія надежды. Всюду видѣлъ онъ вокругъ себя ужасъ и уничтоженіе. Онъ не говорилъ, можно даже сказать, онъ не мыслилъ въ эти минуты; онъ былъ объятъ видѣніемъ невыразимаго бѣдствія. Онъ чувствовалъ, что счастье его рушилось навсегда; а между тѣмъ мозгъ его осаждали тысячи смутныхъ призраковъ и неясныхъ мыслей о будущемъ. Что ему дѣлать! Онъ думалъ немедленно явиться къ отцу, сказать ему все и тутъ же лишить себя жизни, сбросить съ себя невыносимое бремя мыслей и ощущеній; но вспомнилъ о томъ, что выстрадалъ уже его отецъ; вспомнилъ его мрачную задумчивость, его никогда неулыбающіяся уста, вспышки дикой, нетерпѣливой страсти, блѣдныя щеки, впалые глаза,—всѣ признаки раздираемаго угрызеніемъ совѣсти сердца, и мысль о самоубійствѣ смѣнялась скорбью сына. Онъ думалъ удалиться въ пустыни Америки, пристать къ какому-нибудь племени индѣйцевъ и скрыть свое имя и покрывшій его позоръ въ странахъ, куда не проникали еще европейцы; но его осиливала мысль о Маріаннѣ, мысль вѣчной съ нею разлуки. Онъ не зналъ, куда ему обратиться, какъ ему дѣйствовать; все вокругъ было безнадежно. Долгое, ужасное молчаніе его разрѣшилось наконецъ глубокимъ, горькимъ вздохомъ.

Цыгану стало его жаль. Посмотрѣвши на него нѣсколько минутъ, онъ сказалъ:

— Жалѣю отъ всего сердца, что огорчилъ васъ. Но не унывайте, молодой человѣкъ; на свѣтѣ есть лекарство противъ всѣхъ несчастій.

Слова утѣшенія, произнесенныя тѣми же устами, [illegible] на-вѣки разрушили его счастье, возмутили Эдвар[illegible] души, и онъ воскликнулъ:

— Или все, что вы сказали, ложь, или вы [illegible] что утѣшеніе для меня невозможно. О какомъ [illegible] говорите?

— О лекарствѣ времени, отвѣчалъ цыганъ: — я знаю, по
бственному опыту, что оно залечиваетъ глубочайшія раны.

Де Во посмотрѣлъ на него, какъ-будто хотѣлъ придавить его
землѣ; но бѣдствіе бываетъ иногда такъ велико, что чело-
къ не можетъ ни понять его, ни повѣрить ему съ разу; я
вардъ отвѣчалъ;

— Я думаю, что вы меня обманули: тогда горе вамъ! Есть
васъ другія доказательства? гдѣ они?

— Я не обманулъ васъ, молодой человѣкъ, возразилъ цы-
нъ: — и прощаю вамъ вашъ гнѣвъ.

— Но доказательство, доказательство! продолжалъ де Во:—
ть у васъ еще доказательства?

— Есть, отвѣчалъ цыганъ: — и я представлю ихъ, хотя
сьма этого уже достаточно. Мнѣ васъ жаль, но я прошу васъ,
еня не обижать.

— Письмо вы могли украсть, гордо возразилъ де Во:— или
айти черезъ нѣсколько лѣтъ. — Какія у васъ еще доказатель-
ва? представьте ихъ, и я повѣрю.

— Внутренно вы и теперь мнѣ вѣрите, сказалъ цыганъ. —
отъ другое доказательство: я сказалъ, что убійца нѣсколько
инутъ смотрѣлъ на свою жертву, и что душу его раздирало
трашное раскаянье; а знаете ли, почему я въ этомъ увѣренъ?
огда выстрѣлъ былъ сдѣланъ и лордъ упалъ съ лошади, пи-
толетъ выпалъ изъ руки убійцы, и онъ остался недвижимъ какъ
стуканъ; убійство превратило его, казалось, въ камень. Онъ не
шевельнулъ ни однимъ членомъ, пока наконецъ не ринулся
другъ прочь, какъ-будто за нимъ гонится цѣлый легіонъ демо-
овъ. Счастье для него, что пистолетъ и письмо попали въ руки
ловѣка, который тщательно ихъ скрылъ; найди ихъ другой,
акъ отецъ вашъ умеръ бы на эшафотѣ, уже лѣтъ двадцать тому
азадъ. Вы требуете еще доказательствъ. Смотрите же! Вотъ
тотъ пистолетъ; вы знаете гербъ младшихъ братьевъ вашей
амиліи и не можете долѣе сомнѣваться.

Де Во взялъ пистолетъ изъ рукъ цыгана. На [illegible]ъ
серебряною насѣчкою былъ вырѣзанъ его фами[illegible].
Однажды онъ видѣлъ точь-въ-точ[illegible]е пис[illegible]ри-
томъ только одинъ, въ рукѣ [illegible]
комнату. Отецъ т[illegible]
и сдѣлалъ ему [illegible]

де Во видѣлъ парный пистолетъ; послѣдній лучь надежды въ душѣ его угасъ, и, ударивши себя рукою въ грудь, онъ со стономъ, какъ сумасшедшій, упалъ на сырую землю.

ГЛАВА XIII.

Удивительно, что человѣкъ можетъ улыбаться: въ неизвѣстности судьбы его, въ атмосферѣ мрака и измѣнчивости, окружающей его существованіе, въ тучахъ опасностей, грозящихъ его спокойствію и жизни, и невидимо несущихся съ каждою минутою времени, — столько ужаснаго и непостижимаго, что человѣкъ похожъ на слѣпца среди битвы. Надежды и радость, самая жизнь его могутъ кончиться ежеминутно, неизвѣстно какъ и отчего, а онъ улыбается какъ на пиру.

И будь эта улыбка улыбкою вѣры и упованія на великое, всеблагое существо, взирающее на борьбу и готовящее награду, она была бы понятна. Но, увы! это случается, кажется, очень рѣдко.

Едва ли можетъ быть что-нибудь непріятнѣе, какъ видѣть человѣка, которому долженъ сообщить ужасную вѣсть, веселымъ, счастливымъ и наслаждающимся настоящею минутою, какъ-будто въ мірѣ не было и не будетъ горя. Это ужасно! Это напоминаетъ намъ самимъ, что въ минуту высочайшаго счастья невидимыя силы готовятъ намъ, можетъ быть, глубочайшую скорбь. Въ этомъ есть что-то таинственное; въ ту самую минуту, когда мы въ сущности уже погибли, мы нерѣдко предаемся шумному веселью, единственно потому, что слуха нашего еще не коснулось нѣсколько условныхъ звуковъ, непонятныхъ для жителя другой страны, но *насъ* низвергающихъ въ бездну отчаянія.

На третій день послѣ пріѣзда Маннерса въ Морлей-гоузъ, онъ ожидалъ полученія писемъ, которыя извинятъ его отъѣздъ. Онъ всталъ рано, но сошелъ внизъ нѣсколько позднѣе обыкновеннаго. Проходя мимо концертной залы, дверь которой была полуотворена, онъ услышалъ звуки клавикордъ и чей-то веселый разговоръ. Пользуясь правомъ входить въ полурастворенныя двери, онъ вошелъ, и засталъ миссъ Фальклендъ весело

разговаривающею съ Маріанной, которая стояла за ея стуломъ.

Онѣ оглянулись на легкій визгъ двери; Изидора улыбнулась; но по лицу Маріанны разлился легкій румянецъ: она ждала, можетъ быть, вовсе не Маннерса, и потому-то именно сочла себя обязанною сказать ему что-нибудь пріятное.

— А Изидора только-что объ васъ говорила, сказала она, глядя на кузину, какъ-будто предоставляя ей досказать остальное.

— На этотъ случай есть поговорка, отвѣчалъ Маннерсъ улыбаясь. — Во всякомъ случаѣ радуюсь, что обо мнѣ говорятъ люди, которыхъ я столько уважаю. Можно узнать, что́ вы говорили?

— О, безъ сомнѣнія, отвѣчала Изидора. — Де Во измѣнилъ вамъ, Маннерсъ: вчера вечеромъ онъ сказалъ мнѣ, и даже не по секрету, что вы превосходно поете.

— Это клевета, возразилъ Маннерсъ: — и я во всякое время могу доказать мою невинность въ искусствѣ пѣнія.

— Докажите сейчасъ, продолжала Изидора. — До завтрака еще цѣлыхъ полчаса, а нѣтъ ничего несноснѣе, какъ ждать такихъ вещей. Хотите спѣть что-нибудь?

— Помнится мнѣ, отвѣчалъ Маннерсъ: — что суевѣріе налагаетъ какое-то наказаніе за пѣніе передъ завтракомъ. Впрочемъ, я готовъ рискнуть, если у васъ есть знакомыя мнѣ ноты; грѣха аккомпанимента я не хочу взять на свою душу.

— Знаете вы вотъ это? или это? или это? спросила Изидора.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Маннерсъ. — Но вотъ этотъ напѣвъ мнѣ знакомъ; только я знаю на него другія слова, одной дамы съ замѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Постараюсь вспомнить, хотя и жаль вырывать ихъ изъ драмы, въ которой они находятся, и прилаживать къ старому напѣву.

— О, это ничего, продолжала Изидора. — Ты будешь аккомпанировать, Маріанна, или я?... Извольте, я готова... *Тетро* какъ?

— Не слишкомъ скоро, прошу васъ, сказалъ Маннерсъ и пропѣлъ пѣснь, слова которой теперь, безъ сомнѣнія, уже затеряны.

— Я думаю, что я не устояла бы противъ этихъ стиховъ, хорошо пропѣтыхъ, сказала Изидора, — хоть будь я самою гор-

дою красавицей, которая когда-либо держала на своей рукѣ сокола. А ты какъ, Маріанна?

— Я за себя не ручаюсь, отвѣчала Маріанна, — а только мнѣ хотѣлось бы узнать остальное. Вы сказали, кажется, что это изъ драмы; нельзя ли ее достать?

— Едва ли, отвѣчалъ Маннерсъ. — Это сочиненіе одной дамы, и оно не было напечатано, по-крайней-мѣрѣ сколько мнѣ извѣстно.

— Все равно, разскажите намъ судьбу влюбленнаго, сказала Изидора. — Вы обязаны удовлетворить возбужденному *любопытству*.

— О, разумѣется онъ былъ счастливъ, отвѣчалъ Маннерсъ: — какъ бываютъ или должны быть всѣ влюбленные.

— Скажите: *истинно влюбленные*, замѣтила Изидора: — я съ вами соглашусь. Но если женщина захочетъ *осчастливить*, (какъ выражаетесь вы до сватьбы) всякаго, кто явится къ ней съ низкимъ поклономъ и спроситъ: «не угодно ли вамъ выйти за меня за-мужъ?» какъ-будто приглашаетъ ее на менуэтъ, такъ ей было бы немало хлопотъ.

— Вѣрю, отвѣчалъ Маннерсъ. — Что это звонокъ такъ громокъ? Звонитъ онъ каждый день такъ передъ завтракомъ? Вчера я его не слышалъ.

— Потому-что вы въ то время были заняты гаданіемъ, возразила миссъ Фальклендъ. Онъ звонитъ каждый день въ этотъ часъ, и если мистриссъ Фальклендъ нѣтъ еще въ столовой, такъ я должна налить чай; пойдемте.

Они ушли. Блестящій самоваръ былъ поставленъ на свое мѣсто, и Изидора начала приготовлять завтракъ. Дворецкій между тѣмъ ходилъ все взадъ и впередъ отъ одного стола къ другому, и посматривалъ то на дѣвушекъ, то на Маннерса, то на каминъ. Наконецъ ему нечего было дѣлать, и онъ принужденъ былъ удалиться.

— Джибсонъ смотритъ, какъ-будто у него на душѣ страшная тайна, сказала Изидора Маріаннѣ. — Замѣтила ты, какъ онъ тутъ лавировалъ? Вы должны знать, Маннерсъ, что Джибсонъ у насъ особа привилегированная: онъ часто благоволитъ разсказывать намъ деревенскія тайны, несмотря на наше сопротивленіе.

— Жаль же, что онъ не благоволитъ къ вамъ сегодня, сказалъ Маннерсъ. — На свѣтѣ немного вещей лучше хорошо разсказанной сельской исторіи.

— Кажется, вы ему помѣшали, замѣтила миссъ Фальклендъ. — У него свои понятія о приличіи, и гость можетъ всегда быть увѣренъ въ его уваженіи. Но, судя по его лицу, я думаю, что онъ разрѣшился бы и при васъ, если бы только къ нему обратились хоть съ однимъ словомъ. Мнѣ стоило только сказать: «Джибсонъ, принеси еще масла», и онъ сейчасъ бы отвѣчалъ: «да, вотъ я вамъ разскажу: сестра мужа дочери нашего садовника....» и такъ далѣе, цѣлый часъ.

Маннерсъ не могъ удержаться отъ смѣху, и даже Маріанна улыбнулась выходкѣ Изидоры. Но на лицѣ ея выражалось вмѣстѣ съ тѣмъ и безпокойство, которое могъ уничтожить своимъ присутствіемъ только де Во. Но онъ еще не являлся.

Вошла мистриссъ Фальклендъ, и первымъ вопросомъ ея послѣ обыкновенныхъ привѣтствій было:

— А Эдварда еще нѣтъ? Неужели онъ такъ разлѣнился на войнѣ?

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ дворецкій съ блюдомъ куропатокъ; онъ остановился посреди комнаты и подхватилъ:

— Нѣтъ, мистеръ Эдвардъ не разлѣнился, а не пришелъ только потому, что вовсе не вставалъ.

— Не вставалъ! повторила мистриссъ Фальклендъ, не понимая истиннаго смысла его словъ. — Такъ пошли разбудить его, Джибсонъ. Что ты такъ блѣдна, Маріанна? Что съ тобою?

— Ничего, ничего, подхватилъ дворецкій, взявши на себя обязанность отвѣчать за всѣхъ. — Мистеръ де Во сегодня и не ложился; слуга его мнѣ говорилъ. Постель какъ-будто сейчасъ послана, туфли стоятъ у креселъ, а шляпы, шпаги и плаща нѣтъ въ комнатѣ.

— Не безпокойся, Маріанна, сказала Изидора, взявши ее за руку. — Все это пустяки. Пойдемъ лучше со мною; пусть матушка съ полковникомъ развѣдаютъ дѣло. Тебя это только растревожитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу слышать все, отвѣчала Маріанна спокойнымъ голосомъ, хотя блѣдность лица и говорила, что на душѣ у нея неспокойно. — Вы бы послали за слугою Эдварда, тетушка.

Слуга де Во, старый солдатъ, вошелъ и сталъ передъ бывшимъ тутъ обществомъ.

— Полковникъ Маннерсъ, будьте такъ добры.... сказала мистриссъ Фальклендъ.

— Да, да, извольте, отвѣчалъ онъ, совершенно поняв-ши, что она хочетъ сказать, — Когда ты видѣлъ де Во въ послѣдній разъ, Вильямъ?

— Вчера ввечеру, въ двадцать минутъ двѣнадцатаго, отвѣчалъ Вильямъ.

— Собирался онъ лечь спать?

— Нѣтъ. Онъ велѣлъ подать себѣ шлафрокъ и туфли, но приказалъ мнѣ уйти и сказалъ, что сядетъ писать.

Лицо Маріанны просвѣтлѣло; она вообразила себѣ, что де Во просидѣлъ, можетъ быть, за письмомъ до утра и потомъ отправился въ таборъ.

Маннерсъ продолжалъ:

— Въ какое время встали другіе слуги?

— Я и конюхъ въ пять часовъ, отвѣчалъ Вильямъ: — на самой зарѣ. Проходя по коридору, я увидѣлъ, что дверь въ комнату мистера Эдварда отворена, и притворилъ ее тихонько.

— Лошади всѣ дома? спросилъ Маннерсъ.

— Всѣ.

— Что же ты нашелъ въ его комнатѣ? спросила мистриссъ Фальклендъ.

— Ничего; видно только, что на постель никто не ложился. Халатъ и туфли онъ снялъ, и надѣлъ сапоги и сюртукъ; занавѣсъ у одного окна былъ откинутъ, и окно растворено.

— Въ такомъ случаѣ онъ, разумѣется, ушелъ по-утру и скоро воротится, сказалъ Маннерсъ. — Прикажете еще что-нибудь спросить?

Мистриссъ Фальклендъ не сочла этого нужнымъ, и слуга былъ отпущенъ. Маннерсъ зналъ, что де Во очень будетъ досадно узнать, что отсутствіе его надѣлало пустой тревоги, и онъ сказалъ:

— Лучше всего не поднимать изъ-за этого шуму, хотя, признаюсь, мнѣ странно, что де Во вышелъ такъ рано, никѣмъ незамѣченный, и не ложился спать. Впрочемъ, миссъ де Во сказала, кажется, что онъ намѣренъ былъ выйти рано по-утру.

— Да, отвѣчала Маріанна слегка покраснѣвши отъ замѣшательства и опасаясь, чтобы ей не пришлось открыть причины его отлучки. Онъ хотѣлъ пойти повидаться съ кѣмъ-то, отъ котораго вы доставили ему вчера письмо, полковникъ Маннерсъ.

Маннерсъ тоже не былъ спокоенъ на-счетъ своего друга. Но онъ видѣлъ, что Маріанна встревожена еще больше, и старался успокоить ее.

— О, если онъ пошелъ къ нему, сказалъ онъ: — такъ намъ совершенно нечего опасаться. Только онъ воротится, можетъ быть, не раньше, какъ часа черезъ два: онъ ушелъ далеко, и они должны переговорить о многомъ. Однако же, мистриссъ Фальклендъ, я просилъ бы васъ приказать позвать дѣвушку, которая моетъ крыльцо: я спросилъ бы ее кое о чемъ.

— Извольте, отвѣчала мистриссъ Фальклендъ. — Позвоните.

Служанка явилась, держа въ рукахъ концы своего передника. Мистриссъ Фальклендъ предложила ей два-три неважныхъ вопроса, и потомъ Маннерсъ спросилъ ее:

— А что, по-утрамъ теперь, кажется, морозъ?

— Да, отвѣчала служанка. — Сегодня все было бѣло, какъ-будто ночью шелъ снѣгъ.

— А не замѣтила ли ты на ступеняхъ слѣдовъ? спросилъ Маннерсъ.

— Нѣтъ.

— Навѣрное?

— Какже, навѣрное. Вѣдь я собственными руками ихъ мыла; я увидѣла бы, если бы были слѣды.

Ее отпустили. Она отвѣсила довольно граціозный поклонъ и удалилась.

— Онъ скоро воротится, сказалъ Маннерсъ, когда она вышла. — Во всякомъ случаѣ, если онъ пошелъ къ тому, который прислалъ ему письмо, такъ онъ внѣ всякой опасности.

Мистриссъ Фальклендъ и дочь ея замѣтили, что Маннерсъ говоритъ о письмѣ и писавшемъ его съ какою-то таинственностью; но онѣ, разумѣется, не стали его распрашивать, а увѣреніе его въ безопасности Эдварда успокоило нѣсколько Маріанну. Завтракъ, какъ можно себѣ вообразить, былъ не веселъ; всѣ были обезпокоены гораздо больше нежели показывали, и каждая минута усиливала это безпокойство. При каждомъ звукѣ шаговъ

или отворяющихся дверей, сердце Маріанны вздрагивало, а Изидора невольно оглядывалась; но Эдвардъ не являлся, и наконецъ прошло столько времени въ тщетномъ ожиданіи, что нельзя было не встревожиться.

Часы ударили одинадцать, и отсутствіе Эдварда напомнило мистриссъ Фальклендъ нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія смерть ея брата. Изидора утратила всю свою веселость и молчала; но происходившаго въ груди Маріанны нельзя выразить словами. Маннерсъ, ощущенія котораго были, разумѣется, существенно отличны отъ чувствъ женщинъ, былъ обезпокоенъ отсутствіемъ своего друга сильнѣе, нежели хотѣлъ себѣ въ томъ сознаться, и не зналъ, что̀ ему дѣлать. Ему хотѣлось пойти отъискивать Эдварда, и не хотѣлось итти слишкомъ рано, чтобы не надѣлать ложной тревоги; кромѣ того онъ думалъ, что во время его отсутствія можетъ притти какая-нибудь вѣсть, которая потребуетъ его присутствія въ Морлей-гоузѣ. Наконецъ онъ не могъ дольше сдерживать своего нетерпѣнія. Онъ позвонилъ и сказалъ, сколько могъ равнодушнѣе:

— Я думаю, мнѣ не помѣшаетъ пойти за Эдвардомъ. Миссъ де Во знаетъ, вѣроятно, въ какую сторону онъ отправился. Опасаться тутъ нечего, но мнѣ хочется только поскорѣе васъ успокоить.

— Да, подите, подите, сказала Маріанна, вскочивши съ своего мѣста и всплеснувши руками. — Извините, что я васъ утруждаю; но это насъ успокоитъ.

— Помилуйте, что̀ за трудъ, если только это вамъ пріятно, отвѣчалъ Маннерсъ. — Позови моего слугу, прибавилъ онъ, обращаясь къ вошедшему дворецкому.

Слуга явился въ ту же минуту; безпокойство, царствующее въ гостиной, быстро сообщается прихожей: всѣ слуги въ Морлей-гоузѣ были на ногахъ, какъ гарнизонъ осажденной крѣпости.

— Осѣдлай мнѣ сію минуту сѣраго, сказалъ ему Маннерсъ. — Самъ ты садись на Амгерста, и чтобы Вильямъ былъ тоже готовъ ѣхать со мною.

Слуга удалился.

— Я пойду одѣться и сейчасъ возвращусь сюда, сказалъ Маннерсъ.

Онъ оставилъ дамъ, тоскливо глядящихъ въ окна, и ушелъ въ свою комнату. Лошади еще не были осѣданы, когда онъ уже воротился въ столовую.

— Три старые солдата, сказалъ онъ мистриссъ Фальклендъ: — ѣдутъ отыскивать вашего племянника, и вы можете быть увѣрены, что они скоро привезутъ вамъ благопріятныя вѣсти.

Въ это время дворецкій опять вошелъ въ комнату. Ужасъ изображался у него на лицѣ, и первое восклицаніе его: «ахъ, мистриссъ Фальклендъ!» заставило Маріанну поблѣднѣть какъ полотно. Маннерсъ хотѣлъ бы остановить и звѣстіе, очевидно дурное, но было уже поздно; дворецкій продолжалъ:

— Джонъ Гарвудъ, что̀ живетъ по ту сторону мыса, пришелъ сказать, что сегодня ночью, часу въ первомъ, онъ слышалъ въ лѣсу выстрѣлы, и что тутъ, вѣроятно, не безъ грѣха.

Маріанна упала, какъ пораженная молніей. Всѣ бросились помогать ей. Маннерсъ помогъ отнести ее въ ея комнату, сдалъ ее тамъ на руки тетки и кузины и вышелъ распросить дворецкаго и Гарвуда, принесшаго роковое извѣстіе. Но изъ допроса оказалось, что любовь Джибсона къ ужасному преувеличила значеніе словъ Гарвуда.

Онъ, просто, слышалъ выстрѣлы и, предполагая, что кто-нибудь стрѣлялъ дичь, счелъ своею обязанностью увѣдомить объ этомъ мистриссъ Фальклендъ. Несмотря на это, Маннерсъ послалъ сказать, чтобы поспѣшили съ лошадьми, и, возвратившись въ столовую, написалъ мистриссъ Фальклендъ карандашемъ, что извѣстіе преувеличено. Въ эту минуту вошла Изидора и сказала ему, что Маріаннѣ лучше.

Въ минуту скорби, опасности и страха люди забываютъ холодныя условія свѣта; Изидора подошла къ Маннерсу и взяла его за руку, какъ-будто знала его съ самого дѣтства. Въ серьёзномъ взглядѣ ея свѣтилось что-то неотразимо-нѣжное.

— Полковникъ, сказала она: — эта неизвѣстность ужасна, особенно для насъ, женщинъ: мы плохо знаемъ свѣтъ, и потому не можемъ судить, основателенъ ли нашъ страхъ, или нѣтъ. Я видѣла, что вы удерживали себя въ присутствіи Маріанны; но мнѣ, если вы питаете какую-нибудь дружбу къ женщинѣ, которую знаете такъ недавно, скажите мнѣ, что̀ вы думаете? Имѣемъ мы причины опасаться?

— Въ вашемъ семействѣ, отвѣчалъ Маннерсъ: — узналъ я, какъ скоро можно привязаться къ людямъ, достойнымъ уваженія и дружбы. Но что̀ касается до Эдварда, то я не вижу причинъ опасаться на-счетъ его отсутствія.

— Нѣтъ, нѣтъ, Маннерсъ, продолжала Изидора: — я не повѣрю вашей дружбѣ, если вы успокоиваете меня пустою надеждой. Въ глазахъ вашихъ я вижу безпокойство, котораго не было бы, если бы де Во былъ въ безопасности.

— Повѣрьте, миссъ Фальклендъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, вовсе невеселою: — повѣрьте, я уважаю васъ слишкомъ глубоко и не захочу васъ обманывать. Отсутствіе де Во, конечно, странно. Странно, что онъ не ложился. Но что̀ касается до слышанныхъ въ лѣсу выстрѣловъ, то это, конечно, кто-нибудь охотился за дичью, и я не вижу никакого повода думать, чтобы эти выстрѣлы состояли въ связи съ отсутствіемъ Эдварда.

Маннерсъ увѣрялъ ее въ своемъ уваженіи такъ торжественно, что щеки ея слегка покраснѣли и сердце забилось сильнѣе, хотя онъ вовсе этого не желалъ. Это было одно изъ тѣхъ ощущеній, которыя шевелятъ иногда сердце такъ, что мы сами не знаемъ почему, какъ легкая рябь на водѣ отъ движенія воздуха, незамѣтнаго для зрителя на берегу. Впрочемъ, что̀ бы ни вызвало этотъ румянецъ, онъ исчезъ въ ту же минуту, и Изидора отвѣчала:

— Всего больше смущаетъ насъ, можетъ быть, то, что мы помнимъ, какъ мой дядя, отецъ Маріанны, былъ убитъ недалеко отсюда, много лѣтъ тому назадъ. Извѣстіе о его смерти матушка получила совершенно неожиданно, точь-въ-точь какъ теперь Маріанна.

— Этимъ, я увѣренъ, и ограничиться сходство судьбы Эдварда съ судьбою его дяди, отвѣчалъ Маннерсъ.—Однако же, я не стану терять времени и постараюсь доставить вамъ вѣрныя свѣдѣнія. Я отъищу его, если бы даже это стоило мнѣ жизни.

— Нѣтъ, я прошу васъ, берегите вашу жизнь, сказала Изидора.—Она, конечно, драгоцѣнна для многихъ, и ею недолжно рисковать.

— Она не драгоцѣнна ни для кого, сколько мнѣ извѣстно, миссъ Фальклендъ, отвѣчалъ Маннерсъ съ грустною улыбкой — а для меня всѣмъ менѣе. Впрочемъ, я не шучу ею, потому-что считаю ее даромъ Божіимъ, который вправѣ отнять у меня

только даровавшій его. Я не вижу никакой опасности посѣтить цыганскій таборъ.

— Такъ вы туда ѣдете искать Эдварда? спросила Изидора съ очевиднымъ удивленіемъ. — Боже мой! мнѣ этого и въ голову не приходило.

— Письмо для передачи де Во получилъ я отъ цыгана, сказалъ Маннерсъ: — и могу вамъ прибавить, что, по впечатлѣнію, произведенному этимъ письмомъ, я могу заключить, что отъ цыганъ скорѣе всего можно узнать, гдѣ Эдвардъ.

— Это очень странно, сказала Изидора. — Извѣстно вамъ содержаніе письма?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Маннерсъ: — знаю только, что оно сильно поразило и встревожило Эдварда. Я получилъ его отъ цыгана, котораго, конечно, нельзя сравнить съ остальными, хотя я и нашелъ его въ обществѣ первѣйшихъ негодяевъ.

— Такъ ради Бога возьмите съ собою побольше людей, сказала Изидора: — васъ могутъ убить, и тогда....

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не опасаюсь, отвѣчалъ Маннерсъ. — Да вотъ и лошадей уже подвели. Трое смѣлыхъ людей верхомъ на добрыхъ коняхъ могутъ поспорить съ цѣлымъ легіономъ цыганъ.

— Неужели просьбы мои будутъ напрасны? сказала Изидора, не въ шутку опасаясь за Маннерса и краснѣя отъ сознанія, что боится за него, какъ не боялась еще ни за кого другого. — Подумайте, что будетъ съ нами, если мы лишимся вашей помощи въ такихъ обстоятельствахъ. Возьмите съ собою еще двухъ или трехъ.

— Для васъ, миссъ Фальклендъ, я готовъ бы сдѣлать и больше. Но выслушайте, почему я вамъ отказываю: я потеряю много времени, пока осѣдлаютъ еще нѣсколько лошадей. Во многихъ случаяхъ все зависитъ отъ поспѣшности; я ито потерялъ уже много времени, и увѣряю васъ, что съ такими людьми, какъ мои сопутники, рѣшительно нечего бояться. Прощайте; я увѣренъ, что скоро, очень скоро, явлюсь къ вамъ съ добрыми вѣстями.

Онъ вышелъ и сѣлъ на лошадь; Изидора возвратилась въ комнату Маріанны, которая легла въ постель, по приказанію деревенскаго аптекаря, предписавшаго ей успокоительное лекарство. Изидора сообщила своей матери шопотомъ все, что

ли по-крайней-мѣрѣ, что поступка его не сопровождали
стоятельства, увеличивающія его виновность. Подъ гнетомъ
олга, котораго онъ не въ состояніи былъ уплатить, обманутый
ъ ожиданіи помощи отъ того, кто никогда ему въ ней не отка-
ывалъ, мистеръ де Во выѣхалъ изъ Лондона въ отчаяніи, почти
ъ безумін. Закоснѣвши въ порокахъ, онъ забылъ почти всѣ
ристіянскія правила, внушенныя ему въ дѣтствѣ, и въ немъ
сталось такъ мало доблестнаго, что избавиться отъ стыда са-
оубійствомъ не показалось ему позорно и малодушно. Онъ рѣ-
лся или достать у брата потребную сумму денегъ какими бы
ни было средствами, смотря по обстоятельствамъ минуты —
грозами, просьбами, убѣжденіемъ, — или тутъ же лишить себя
зни, чтобы избѣжать стыда встрѣчи съ кредиторами въ Лон-
нѣ, и отчасти изъ желанія отравить жизнь брата горькими
грызеніями совѣсти за жестокій его отказъ.

Мы уже знаемъ, какое мѣсто избралъ онъ для исполненія
его плана; тутъ-то лукавый, не дававшій ему покоя за всю
орогу, удесятерилъ свои старанія натолкнуть его на черное
ѣло. Мистеръ де Во видѣлъ передъ собою богатыя земли лорда;
нъ видѣлъ, какъ улыбаются онѣ надеждой; весь міръ,
ромѣ него, былъ, казалось, счастливъ; особенно братъ, несмо-
ря на его недавнюю потерю, показался ему счастливцемъ; а
рагъ спрашивалъ его между тѣмъ: справедливо ли, что братъ
его владѣетъ этими землями потому только, что родился прежде
его, тогда-какъ половина его имѣнія, принадлежи она ему,
оградила бы его отъ пороковъ и бѣдствія?

Въ это время показался на дорогѣ братъ его. Прежде всего
мистеръ де Во началъ просить и убѣждать; потомъ, когда это
не помогло, онъ прибѣгнулъ къ угрозамъ. Лордъ Дьюри отвѣ-
тилъ ему упрекомъ, и онъ, въ минуту безумной горячности, на-
влекъ на главу свою проклятіе Каина.

Первымъ слѣдствіемъ убійства было страшное угрызеніе со-
вѣсти; но скоро очнулось въ немъ чувство самохраненія; онъ
вспомнилъ, что надо же воспользоваться тѣмъ, что куплено
такъ дорого, и напрягъ къ этой цѣли всѣ силы своего духа.
Онъ покорилъ своей волѣ всѣ ощущенія души и тѣла, и возвра-
тившись въ Лондонъ съ такою поспѣшностью, что загналъ ло-
шадь, пересилилъ въ себѣ усталость и страхъ и явился въ
самый вечеръ своего пріѣзда въ двухъ частныхъ домахъ и

одномъ публичномъ собраніи, гдѣ и былъ очень веселъ и развязенъ. Но когда все миновало, когда слѣдствіе было кончено, самъ онъ введенъ во владѣніе, люди, могшіе его выдать, удалены, тогда крѣпость духа, вызванная опасностью, исчезла, надежда на счастье безъ чистоты душевной лопнула какъ мыльный пузырь, и сердце его сдѣлалось жертвою безконечныхъ угрызеній совѣсти.

Зная, что ему часто придется видѣть дочь своего брата, онъ сначала дѣлалъ надъ собой нѣкоторыя усилія; но потомъ привычка уничтожила тяжелое впечатлѣніе этихъ встрѣчъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, изъ остатка благороднаго чувства, старался искупить вину свою великодушнымъ и ласковымъ обращеніемъ съ дочерью убитаго.

Вотъ какіе факты руководили лорда въ его поведеніи послѣднія двадцать лѣтъ. Нѣсколько времени онъ притворялся веселымъ, хотя на душѣ у него было вовсе не весело, и являлся въ обществѣ, потерявшемъ для него всю свою привлекательность. Но червь въ глубинѣ сердца не засыпалъ, и мало-по-малу новый лордъ удалился отъ свѣта, заключился въ великолѣпномъ уединеніи, забылъ, что́ такое улыбка, и изливалъ на другихъ желчь, свирѣпствовавшую въ его собственной груди.

Но и страхъ терзалъ его душу. Онъ былъ храбръ физически; онъ не зналъ, что́ такое тѣлесный страхъ; но страхъ душевный совсѣмъ другое явленіе въ сложномъ существѣ, называемомъ *человѣкомъ*. Тѣлеснаго страданія и смерти онъ не боялся; но въ немъ еще оставались кое-какіе слѣды прежнихъ вѣрованій, смутныя понятія о возмездіи за грѣхи, пробуждавшія въ немъ мысль, что страданія его будутъ, можетъ быть, приняты вмѣсто раскаянья и заслужатъ ему прощеніе послѣ смерти. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, онъ не чувствовалъ особеннаго страха даже передъ смертью. Но мучительная неизвѣстность положенія была для него пыткою. Онъ зналъ, что на свѣтѣ есть еще два человѣка, которые могутъ покрыть его позоромъ и уничтожить, или если, благодаря его предосторожности, успѣхъ такой попытки для нихъ и сомнителенъ, то тѣмъ не менѣе честь его, богатство, санъ и самая жизнь очень непрочны, покамѣстъ другіе обладаютъ его тайной. Онъ видѣлъ, что живетъ въ золотомъ снѣ, могущемъ исчезнуть съ слѣдующей минутой.

Сначала, когда онъ могъ еще выдать цыгана за убійцу сво-
его брата и уничтожить одного свидѣтеля своего преступленія,
его удержали отъ этого двѣ причины. Онъ зналъ, что сэръ Виль-
ямъ Рейдеръ, случайный соучастникъ дѣла, человѣкъ слишкомъ
благородный, не согласится на новое преступленіе для скрытія
перваго; да и самъ онъ, надо отдать ему справедливость, ужа-
ался этой мысли. Онъ не очерствѣлъ еще до такой степени.
Онъ чувствовалъ, что на душѣ у него ито уже довольно крови.

Совѣсть говорила въ немъ тогда сильнѣе страха, и не будь
даже сэра Вильяма, онъ предпочелъ бы опасность новому пре-
ступленію.

Время измѣнило всѣ эти чувства. Онъ привыкъ къ угрызе-
ніямъ совѣсти. Но къ страху сердце не привыкаетъ, и первою
мыслью его, когда онъ, по прошествіи двадцати лѣтъ, опять
встрѣтилъ цыгана, было — погубить его. Читатель помнитъ,
вѣроятно, разговоръ въ началѣ романа, гдѣ Фарольдъ подробно
разсказываетъ о свиданіи своемъ съ лордомъ Дьюри. Лордъ
видѣлъ изъ этого свиданія, что настала минута, когда онъ дол-
женъ всѣми силами постараться уничтожить опасныхъ для него
людей или на-всегда покориться своей участи. Тревожимый
страхомъ, онъ принялъ, однако же, твердое намѣреніе раздавить
враговъ, если только этого возможно достигнуть хитростью,
богатствомъ, властью и смѣлостью.

Вотъ въ какомъ положеніи былъ онъ, когда неожиданно
пріѣхалъ къ мистриссъ Фальклендъ и въ разговорѣ съ Маннер-
омъ нашелъ новыя причины опасеній. Но онъ пріѣхалъ туда
не только повидаться съ сыномъ Онъ узналъ, послѣ свиданія
съ Фарольдомъ, что многочисленный таборъ цыганъ располо-
жился недалеко отъ Морлейскаго лѣса, вѣроятно съ цѣлью по-
кишиться дичью въ худо охраняемыхъ окрестныхъ помѣстьяхъ,
и, заключивши изъ разговора съ Фарольдомъ, что Вильямъ Рей-
деръ можетъ, послѣ его отказа, возвратиться въ Англію, поспѣ-
шилъ въ домъ сестры, отстоявшій отъ его резиденціи на пять
миль по дорогѣ къ Димдену; лордъ хотѣлъ высмотрѣть средства
къ уничтоженію свидѣтеля его преступленія прежде нежели во-
ротится другой, только подозрѣвавшій его въ немъ.

Лордъ Дьюри не отступилъ бы теперь ни передъ какимъ
средствомъ для достиженія своей цѣли; но не думайте, чтобы
онъ ясно, спокойно и равнодушно предложилъ своему сердцу

задачу — убить цыгана. Нѣтъ! злое начало слишкомъ хорошо знаетъ, какъ ужасны его внушенія, и не выказываетъ ихъ наголо, а прикрываетъ одеждой, довольно легкой, но достаточной для того, чтобы скрыть отталкивающее уродство. Лордъ Дьюри задумалъ, — по-крайней-мѣрѣ въ такомъ видѣ представилъ онъ самъ себѣ это дѣло, — онъ задумалъ только поймать Фарольда съ его товарищами на какомъ-нибудь противозаконномъ поступкѣ, который могъ бы послужить предлогомъ для удаленія ихъ изъ графства и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить всякое довѣріе къ ихъ показаніямъ, если они вздумаютъ обвинять его.

Онъ не сомнѣвался, что строгіе законы противъ браконьеровъ и самовольство цыганъ не замедлятъ доставить ему случай къ исполненію этого плана. Задача состояла въ томъ, чтобы открыть и доказать проступокъ довольно важный, оправдывающій строгую мѣру. Въ головѣ его мелькнула, можетъ быть, мысль, что во время поимки цыганъ можетъ случиться убійство: падетъ кто-нибудь изъ браконьеровъ или сторожей; тогда преступленіе будетъ уголовное и навсегда избавитъ его отъ нарушителя его покоя. Онъ думалъ объ этомъ, можетъ статься, не безъ удовольствія; но онъ не сознавался себѣ въ этомъ. «Нѣтъ, Боже сохрани! говорилъ онъ. Но если что случится, такъ я воспользуюсь случаемъ на-вѣки замкнуть уста свидѣтеля *несчастнаго случая*.

Вотъ какія мысли шевелились въ головѣ лорда Дьюри, когда онъ ѣхалъ къ мистриссъ Фальклендъ въ день пріѣзда своего сына. Онѣ же зашевелились снова, какъ скоро затихло въ немъ волненіе страсти, съ которою онъ оставилъ домъ своей сестры.

«Съ однимъ Рейдеромъ — думалъ онъ дорогою, ѣдучи въ Дилденъ — съ однимъ Рейдеромъ я легко управлюсь, лишь бы избавиться отъ его союзника. Рейдеръ человѣкъ простой, прямодушный и недалекій; только надо держать его подальше отъ Эдварда. Сынъ мой уже замѣтилъ, что тутъ что-то кроется; легкій намекъ можетъ пробудить въ немъ подозрѣнія, которыя я готовъ устранить цѣною моей жизни. Но Фарольдъ, вотъ о комъ надо позаботиться прежде всего, а потомъ уже запастись доказательствами, что во время смерти брата я былъ въ Лондонѣ. [illegible]а они мнѣ ничего не сдѣлаютъ, если вздумаютъ болтать.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ обдумывать, какъ достигнуть вто[illegible]ли. Но прежде нежели онъ успѣлъ рѣшиться на что-ни-

удь, ему отвѣсила глубокій поклонъ старуха, отворившая во-ота въ Димденъ-паркъ, и онъ принужденъ былъ заняться дру-имъ.

Димденъ былъ любимымъ мѣстопребываніемъ его брата; дѣсь протекли дни его счастія, здѣсь жилъ онъ, любимый всѣми осѣдями. Съ этимъ жилищемъ было связано много воспомина-ій, тяжелыхъ для лорда; онъ посѣщалъ изрѣдка этотъ домъ и ъ продолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ даже оставался въ емъ раза два на цѣлый день, но никогда не могъ поселиться ъ немъ на-дольше. Теперь онъ нашелъ его въ запустѣніи, уве-ичивавшемъ непріятное впечатлѣніе воспоминаній. Домъ не ылъ собственно раззоренъ, потому-что лордъ отпускалъ ежего-одно значительную сумму на поддержаніе помѣстья и усадьбы; о смотрителя были увѣрены, что онъ не станетъ повѣрять ихъ ѣйствій. Дороги и дорожки заросли травою, хотя кое-гдѣ и за-ѣтны были лѣнивыя усилія скрыть работою двухъ часовъ не-режность многихъ дней. Деревья, спиленныя уже нѣсколько ѣтъ тому назадъ, гнили, лежа въ сырой травѣ; плетни, назна-енные для удержанія дичи въ надлежащихъ предѣлахъ, обва-ились; дорога, по которой ѣхалъ лордъ, была изрыта глубо-ими рытвинами, и старый домъ съ затворенными окнами и без-ымными трубами глядѣлъ монументомъ запустѣнія и безлюдія. ордъ Дьюри закусилъ губу и проворчалъ довольно громко: «это адо измѣнить. Негодяи не ожидали, чтобы я сюда заглянулъ, и ичего не дѣлаютъ. Надо ихъ прогнать».

Но тутъ онъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи и почувство-алъ, что если онъ желаетъ вовлечь своихъ сторожей въ дѣло, в совсѣмъ чистое, то не долженъ взыскивать съ нимъ за упу-ѣнія по службѣ. Это принужденіе было тяжело для такого адменнаго человѣка. Когда онъ подъѣзжалъ къ дому, окна и вери начали торопливо растворяться, въ доказательство, что ріѣздъ его замѣченъ, и такъ-какъ старые слуги, которымъ по-учено было смотрѣть за порядкомъ въ домѣ, были для его редпріятія не нужны, то онъ и выместилъ на нихъ свое него-ованіе. Потомъ онъ приказалъ позвать къ себѣ главнаго сторожа началъ ходить, въ ожиданіи его, по печальнымъ комнатамъ, въ рачномъ расположеніи духа. Наконецъ онъ потребовалъ перо бумагу; они были отысканы не безъ труда, и онъ написалъ вѣстное намъ письмо къ Маріаннѣ.

ъ, что онъ попалъ въ настоящее время.
о замѣтить и возбудить подозрѣніе, онъ
но:
, что они-то и переловили дичь около

акого сомнѣнія, отвѣчалъ сторожъ: —
они опять ходили на промыселъ: я слы-
лъ ружейный выстрѣлъ; ихъ-то я, про-
обарвалъ всѣ кусты, а выстрѣлъ слышалъ.
, сказалъ лордъ: — надобно бы поста-
уличить. Когда-то они убили сторожа,
ные люди не въ безопасности, пока они
тамъ.
сторожъ: — за убійствомъ у нихъ дѣло
чуть однажды не убили. Не мѣшало бы

этого хотѣлось бы, отвѣчалъ лордъ Дю-
пріятно думать, что жизнь и имущество
единственно потому, что этимъ цыганамъ
королевству. Я далъ бы пятьдесятъ ги-
бы ихъ въ такомъ дѣлѣ, за которое ихъ
люди вѣчно отъ нихъ въ опасности.
, отвѣчалъ сторожъ: — и если вы дѣй-
дать пятьдесятъ гиней, такъ я увѣрюсь
одцовъ, которые помогутъ ихъ переловить.
го надо имѣть возможность уличить ихъ въ
.
тутъ напроказили! возразилъ сторожъ.
пятьдесятъ гиней, такъ охотниковъ много

минуты двѣ и потомъ отвѣчалъ:
хотѣлъ сказать, Гарвей: пятьдесятъ гиней
оставить случай потянуть ихъ къ суду; впро-
давать всѣхъ, которые помогутъ схватить
Знаешь, они стрѣляли тутъ дичь? прибавилъ
олчанія.
отвѣчалъ сторожъ, опасаясь, чтобы его не
присмотръ: — за это я отвѣчаю, — здѣсь

— Жаль, сухо возразилъ лордъ Дьюри.

Сторожа это озадачило, но лордъ продолжалъ:

— Жаль, потому-что вотъ видишь ли, Гарвей, этотъ проступокъ былъ бы довольно важенъ, и мы могли бы избавиться отъ нихъ на-всегда. А за простое воровство, особенно на первый разъ, ихъ прогонятъ только на-время, а потомъ они вернутся злѣе прежняго.

— Это правда, отвѣчалъ сторожъ, смекнувшій, что лорду очень не-понутру цыгане, но приписавшій эту нелюбовь тѣмъ же причинамъ, которыя дѣйствовали бы и въ немъ, будь онъ на мѣстѣ лорда, именно: гнѣву за вмѣшательство ихъ въ дѣла охоты и досадѣ, что они перехитрили его зоркихъ сторожей. Дальше, онъ не размышлялъ о побудительныхъ причинахъ цѣлей лорда, но, будучи самъ способенъ къ сильной ненависти, догадался, что онъ не будетъ очень разборчивъ на-счетъ средствъ къ осуществленію его желаній.

— Это правда, сказалъ онъ:—и, знаете ли, меня не удивитъ, если они въ одну лунную ночь вздумаютъ подстрѣлить жирнаго козла: я даже думаю, что ихъ нетрудно будетъ на это навести.

— Нѣтъ, нѣтъ, Гарвей, отвѣчалъ лордъ: — надо затѣвать дѣло, да оглядываться. Если узнаютъ, что ты ихъ научилъ, тебя пожалуй сошлютъ въ ссылку. Я, конечно, позабочусь, чтобы мои люди не остались въ убыткѣ отъ своего усердія, но все-таки лучше не лѣзть въ петлю.

— На-счетъ петли не извольте безпокоиться, возразилъ сторожъ. — Я не проболтаюсь никому, кромѣ васъ. Я знаю, какъ устроить это дѣльцо. Надо только отыскать молодцовъ, которые помогли бы переловить ихъ, а ужъ потомъ нетрудно будетъ выжить ихъ отсюда.

— Ты, кажется, что-то не жалуешь этихъ цыганъ, замѣтилъ лордъ Дьюри, улыбаясь.

— Мнѣ ихъ жаловать? отвѣчалъ сторожъ. — Да за что? Я на нихъ ужь давно зубы точу; надо покончить съ ними старый счетъ. Одинъ изъ нихъ чуть меня не убилъ, когда я былъ еще молодъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, за то, что я слишкомъ ухаживалъ за одной цыганкой. Я отомстилъ бы ему тогда же; да [illegible]нь помѣшала: негодяй приколотилъ меня слишкомъ крѣп-

ко, а я съ-дуру позволилъ ему уйти. Въ другой разъ такъ не отдѣлается.

— Но скажи пожалуйста, Гарвей, какимъ способомъ думаешь ты узнать, гдѣ и когда можно будетъ ихъ схватить? — вѣдь ихъ надо застать на дѣлѣ, не забудь этого, — иначе не зачѣмъ и ловить. Знаешь ты кого-нибудь изъ нихъ лично?

— Я никого не знаю; а вотъ у насъ въ селѣ живетъ Гарри Сонсонъ; онъ много якшается съ такого рода людьми: такъ я научу его, чтобы онъ....

— Тс! тс! прервалъ его лордъ голосомъ, невыражавшимъ особеннаго неодобренія. — Не разсказывай мнѣ, что ты хочешь сдѣлать, а скажи только, какимъ способомъ узнаешь ты, гдѣ и когда ихъ схватить?

— *Онъ* скажетъ мнѣ это, отвѣчалъ сторожъ. — Онъ славный малый, онъ мнѣ въ этомъ не откажетъ.

— Что это за человѣкъ? чѣмъ онъ занимается? спросилъ лордъ.

— Продаетъ дичь лондонскимъ купцамъ, отвѣчалъ сторожъ, но, вдругъ вспомнивши, что сталъ на край пропасти, прибавилъ: — то есть, если кто-нибудь изъ сосѣднихъ помѣщиковъ прикажетъ застрѣлить козла, другого, такъ онъ ихъ покупаетъ и отсылаетъ въ Лондонъ. Слышалъ я, продолжалъ онъ, замѣтивши, что лордъ принимаетъ это какъ вещь самую обыкновенную: — слышалъ я, что онъ отсылаетъ иногда въ городъ и рябчиковъ, и фазановъ, и зайцевъ. А вообще хорошій человѣкъ; если знакомъ со сторожемъ, такъ никому не дастъ воровать дичи. Оттого-то у насъ ея и развелось такъ много. Здѣсь за ней присматриваютъ лучше, нежели гдѣ бы то ни было.

Лордъ не сдѣлалъ на это никакого замѣчанія, но заключилъ мысленно, и не безъ основанія, что сторожъ его долженъ быть величайшій мошенникъ. Онъ не далъ ему, однако же, замѣтить этого ни словомъ, ни взглядомъ, ни жестомъ, но положилъ отпустить его, какъ-скоро онъ не будетъ ему нуженъ для поимки цыганъ.

Притворство, какъ и всѣ прочія искусства, удивительно шагнуло впередъ и усовершенствовалось со времени появленія первой мысли о немъ въ человѣческой головѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если человѣкъ хочетъ скрыть свое мнѣніе отъ другого, то первое, естественное побужденіе его — высказать про-

тивное; надо было много опытности, чтобы убѣдиться въ томъ, что дѣла этого рода должно вести хитрѣе, т. е. если считаешь кого негоднемъ, то не высказывать на-голо, а только намекнуть, что считаешь его честнымъ человѣкомъ. Съ теченіемъ времени, когда искусство притворства усовершенствовалось еще болѣе, оказалось, что должно умѣть различать случаи, когда надо скрыть свое мнѣніе только легкимъ намекомъ на противоположное, и когда, возвращаясь къ первобытной, простой методѣ, высказывать совершенно не то, что думаешь, и обманывать простодушною внѣшностью.

Лордъ Дьюри избралъ послѣднее средство и заключилъ разговоръ свой со сторожемъ словами:

— Хорошо, Гарвей, хорошо! Ты, я думаю, честный малый. Вотъ тебѣ десять гиней для найма людей, въ задатокъ, разумѣется. Если ты съумѣешь переловить этихъ цыганъ и уличить ихъ въ воровствѣ, то можешь расчитывать на пятьдесятъ гиней и мою благодарность, кромѣ того, что я заплачу за всѣ твои издержки *bona fide*.

Сторожъ поклонился низко, хотя и не зналъ, что такое *bona fide*. Лордъ пошелъ къ своей коляскѣ. Старикъ и старуха, смотрѣвшіе за порядкомъ въ домѣ, шли за нимъ, обращаясь къ нему безпрестанно съ разными вопросами касательно своей должности; они знали свои обязанности очень хорошо, но распрашивали лорда только затѣмъ, чтобы намекнуть, будто небрежность съ ихъ стороны зависѣла оттого, что они не получили надлежащей инструкціи.

Лордъ отвѣчалъ имъ коротко и строго. Когда дверцы экипажа захлопнулись и коляска покатилась по дорогѣ, онъ впалъ въ раздумье. Часть его плана пошла въ ходъ, но въ тоже время онъ сознавалъ глубоко и тяжело, — тѣмъ тяжеле, что старался заглушить это сознаніе, — сознавалъ, говорю я, что одно преступленіе влечетъ его ко многимъ другимъ.

Домъ, который онъ посѣтилъ, и поля, по которымъ онъ проѣзжалъ, также сдѣлали свое впечатлѣніе. Они напомнили ему брата, когда-то предметъ его зависти, а теперь — раскаянья. Добродѣтель брата, его доброта и великодушіе, приходили ему на память горькимъ упрекомъ. Всѣ добрыя дѣла, казавшіяся ему пустяками, покамѣстъ въ немъ самомъ кипѣли страсти, получили въ глазахъ его страшное значеніе съ той минуты, когда

собственная рука его поставила между нимъ и братомъ его неразрушимую преграду смерти. Видъ дома пробуждалъ въ его памяти все, что только могло усилить угрызенія совѣсти и раздуть неугасимый огонь въ его сердцѣ до яростнаго пламени.

Здѣсь выросъ и былъ воспитанъ онъ самъ; на этой травѣ игралъ онъ, будучи еще невиннымъ ребенкомъ; сколько разъ сиживалъ онъ подъ этими деревьями съ покойнымъ, въ тихіе, ясные, теплые дни молодости! сколько разъ ходили они, обнявшись, въ часы отдыха, по тѣнистымъ аллеямъ этого парка, или садились подъ высокимъ дубомъ читать какую-нибудь веселую книгу! Все это было еще живо въ его памяти; многіе дни выступали отдѣльно и ясно изъ вереницы воспоминаній, какъ-будто еще не сдѣлались достояніемъ минувшаго. Онъ помнилъ даже чувства этихъ дней, помнилъ, какимъ восторгомъ бились ихъ сердца при разсказѣ о великодушномъ подвигѣ, о самопожертвованіи, о великой дружбѣ, о смерти за отечество; а теперь, что сталось съ этими чувствами? Въ братѣ они уснули вмѣстѣ съ жизнью, или, вѣрнѣе, озаряютъ его въ новой жизни; а въ немъ они перешли въ воспоминаніе, замерли въ душѣ за-живо. Сердце его не могло глумиться надъ этими воспоминаніями. Будь его проступки легче, достигни они только степени пороковъ, принадлежи они къ тому разряду событій, которыя эгоизмъ человѣка можетъ еще наряжать въ приличное платье или прикрывать такъ называемой философіей, — онъ посмѣялся бы, можетъ статься, надъ невинными днями, насильно воскресавшими въ его памяти, и разогналъ бы тяжелое чувство шутками и остротами. Но ужасный, невозвратный поступокъ его былъ такъ тяжелъ, что раздавилъ въ немъ всѣ пружины веселости, и дни дѣтской невинности, ласкавшіе его мыслью, что не всегда же былъ онъ низокъ и жестокъ, были еще самымъ отраднымъ изъ его воспоминаній. Его отравляло, однако же, угрызеніе совѣсти, тѣмъ болѣе ужасное, что сердце его еще не притерпѣлось къ этой казни.

Онъ оттолкнулъ отъ себя мысль о прошедшемъ; она была для него тяжела, и настоящее требовало его вниманія. Онъ рѣшился устранить часть опасности новымъ преступленіемъ; но ему слѣдовало разсмотрѣть свое положеніе со всѣхъ сторонъ, чтобы принять надлежащія мѣры противъ всѣхъ возможныхъ случаевъ. Тутъ опять нельзя было позавидовать его чувствамъ.

Первое, что представилось его воображенію, была личная опасность, позоръ и всеобщее презрѣніе. Сдѣлаться предметомъ общей ненависти, явиться передъ лицомъ суда, итти на эшафотъ при кликахъ грубой черни, слышать эпитеты оратоубійцы и злодѣя, испытать всѣ ужасы тюремнаго заключенія, допросовъ, процесса, приговора и казни, и явиться на тотъ свѣтъ запятнаннымъ кровью брата и другими преступленіями—вотъ что ожидало его впереди, если не удастся задуманный имъ планъ.

Не удивительно, что теперь онъ чувствовалъ все это гораздо сильнѣе, нежели тотчасъ послѣ убійства брата, хотя теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, положеніе его было, можетъ быть, не такъ опасно. Но тогда ему нѣкогда было разсуждать. Опасность была слишкомъ близка, и воображеніе не могло разыгрываться надъ ея ужасами.

Онъ припалъ къ спинкѣ коляски и, закрывши глаза, думалъ о прошедшемъ и будущемъ. Состояніе его было ужасно. Раскаянье, горькое, глубокое раскаянье, было въ эту минуту главнымъ его ощущеніемъ. Если бы онъ увидѣлъ возможность избѣжать позора и смерти безъ новаго преступленія, онъ пожертвовалъ бы всѣмъ на свѣтѣ для этой цѣли. Но не было другаго средства: онъ долженъ былъ уничтожить или себя, или тѣхъ, кого страшился, — то есть ему оставалось избрать одно изъ двухъ великихъ преступленій; но страхъ передъ безконечной будущностью не допустилъ его до мысли о самоубійствѣ. Онъ не боялся собственно смерти; не разъ, въ минуты глубокаго унынія, онъ думалъ, что если бы кто-нибудь убилъ его также, какъ онъ убилъ брата, то это, вмѣстѣ съ долгимъ раскаяньемъ, искупило бы, можетъ быть, его вину; но убить самого себя значило только удвоить ее. Въ этомъ положеніи онъ избралъ то преступленіе, казнь за которое казалась ему болѣе отдаленною.

Мы представили только блѣдную картину волновавшихъ его ощущеній. Тысячи оттѣнковъ ускользаютъ отъ пера; въ душѣ его совершаются тысячи внезапныхъ переходовъ, въ которыхъ трудно отдать отчетъ. Не думайте только, чтобы таково было обыкновенное состояніе духа лорда Дьюри, когда внѣшнія обстоятельства не вызывали въ душѣ его противорѣчій. Напротивъ того, онъ былъ твердъ и мужественъ въ своемъ отчаяньи. Раскаянье было господствующимъ въ немъ чувствомъ, но въ то же время онъ твердо отстаивалъ все купленное такою дорогою цѣною, и

готовъ былъ защищаться до послѣдней крайности. Только когда воспоминаніе о дняхъ молодости трогало нѣжныя струны его сердца и пробуждало отъ сна болѣе благородные помыслы, буря налетала на жилище его духа и грозила снести его съ зыбкаго песчанаго фундамента. Это никогда, впрочемъ, не продолжалось долго; иначе оно довело бы его до безумія.

Доѣхавши до другого своего владѣнія, онъ ободрился, отогналъ сомнѣнія, страхъ и нерѣшительность, и воскресилъ въ себѣ дѣятельность, уже не разъ выручавшую его изъ бѣдъ.

— Ребячество! подумалъ онъ: — надо быть твердымъ! Ничего.... минута слабости, я не забудусь въ другой разъ.

Черезъ день онъ опять поѣхалъ въ Димденъ, рано по-утру, и имѣлъ удовольствіе узнать отъ сторожа, что планъ о поимкѣ цыганъ приводится мало-по-малу въ исполненіе. Впрочемъ, это его не успокоило: онъ чувствовалъ, что планъ этотъ не слишкомъ хорошо обдуманъ, и можетъ рушиться отъ тысячи неожиданныхъ обстоятельствъ. Цыгане могутъ остеречься, и во всякомъ случаѣ невѣроятно, чтобы Фарольдъ принялъ участіе въ воровствѣ. Если же схватятъ его товарищей, а онъ самъ останется на свободѣ, то естественнымъ слѣдствіемъ этого будетъ то, что онъ отомститъ ему доносомъ о его преступленіи. Такимъ образомъ замыселъ можетъ обратиться ему во вредъ. Но что́ было дѣлать? Если бы онъ могъ прибавить еще одно кольцо къ цѣпи, которою хотѣлъ опутать цыгана, тогда жертва отъ него не ускользнула бы. Но какое же это кольцо? Этого вопроса онъ не могъ рѣшить, хотя и думалъ о немъ много, ѣдучи обратно домой.

Подъѣзжая къ крыльцу, онъ замѣтилъ, что конюхъ его водитъ по двору верховую лошадь, очевидно пробѣжавшую дальную дорогу. Но такъ-какъ подобное явленіе было дѣло очень обыкновенное, и лошадь могла принадлежать какому-нибудь фермеру или путешественнику, изъ любопытства заѣхавшему къ нему въ домъ, то онъ и не обратилъ на это особеннаго вниманія. Въ комнатѣ ему доложили, что какой-то господинъ ждетъ его въ библіотекѣ. Онъ слегка поблѣднѣлъ; сознаніе шаткости своего положенія смущало его при всякомъ неожиданномъ посѣщеніи, цѣль котораго была ему неизвѣстна. Онъ побранилъ слугу за то, что онъ принимаетъ посѣтителей во время его отсутствія, и приказалъ, чтобы впредь этого не было.

Слуга отвѣчалъ въ свое оправданіе, что пріѣзжій *непремѣнно* хочетъ его видѣть, и это разумѣется, не примирило лорда съ его пріѣздомъ. Но не выказывая своего волненія, онъ пошелъ тихими, мѣрными шагами въ библіотеку, растворилъ дверь и приблизился къ столу, рѣшившись не садиться и тѣмъ самымъ не дать и гостю повода сѣсть.

Фигура пріѣзжаго стоитъ описанія. Это былъ человѣкъ годами пятью моложе лорда, худощавый, высокій, вертлявый, съ сверкающими, сѣрыми, нѣсколько влажными глазами, отъ угловъ которыхъ расходилось лучами множество морщинъ. Лицо его было бѣло, какъ бываетъ оно у людей, ведущихъ разсѣянную, шумную, но впрочемъ трезвую жизнь. Во взглядѣ его было что-то острое, пронзающее; улыбка отзывалась подобострастіемъ, странно противорѣчившимъ наглому выраженію лица.

Платье на немъ было поношено и сшито не изъ дорогой матеріи; но покрой его былъ ловокъ и скрывалъ его древность и малоцѣнность. На гостѣ былъ кафтанъ съ серебряными галунами, верховые кожаные штаны, шолковые чулки, выглядывавшіе только въ томъ мѣстѣ, гдѣ они примыкаютъ къ штанамъ, и пара тяжелыхъ сапоговъ; манжеты и жабо изъ кружевъ, которые можно штопать сколько угодно, украшали его руки и грудь.

Лордъ Дьюри смотрѣлъ на него такими глазами, въ которыхъ выражалось если не удивленіе при видѣ лица совершенно незнакомаго, то по-крайней-мѣрѣ недоумѣніе. Пріѣзжаго однако же трудно было смутить; пріемы настоящаго джентльмена сглаживали какъ-то наглость его осанки. Не будь онъ джентльменъ, не привыкни онъ къ обществу джентльменовъ, его безстыдство было бы невыносимо; но и теперь оно было очень непріятно, особенно для такого человѣка, какъ лордъ Дьюри. Пріѣзжій тотчасъ же замѣтилъ, что лордъ не очень доволенъ его посѣщеніемъ; вышедши изъ-за стола, онъ поклонился и сказалъ ему:

— Я вижу, что время, протекшее отъ послѣдняго нашего свиданія, и заботы, сопряженныя съ высокимъ саномъ и богатствомъ, изгладили изъ вашей памяти лицо стариннаго пріятеля. Я долженъ, слѣдовательно, рекомендоваться: сэръ Роджеръ Миллингтонъ.

Лордъ отвѣчалъ ему гордымъ поклономъ и сказалъ:

— Я дѣйствительно былъ когда-то знакомъ съ сэромъ Роджеромъ Миллингтономъ; но современи нашего послѣдняго сви-

данія прошло, какъ вы справедливо замѣтили, столько времени, что я никакъ не ожидалъ ни внезапнаго возобновленія этого знакомства, ни посѣщенія вашего въ такое время, когда оно, можетъ быть, вовсе не-въ-пору.

— Очень радъ, продолжалъ гость, ни сколько не смущаясь:— что вы помните по-крайней-мѣрѣ о нашемъ знакомствѣ; я могъ бы еще болѣе освѣжить его въ вашей памяти, показавши вамъ нѣсколько вашихъ же ко мнѣ писемъ, изъ которыхъ одни начинаются словами: «любезный другъ», другіе: «любезный Миллингтонъ», третьи: «Миллингтонъ», и такъ далѣе, на разныя манеры, какими вамъ угодно было выражать вашу ко мнѣ дружбу.

Лордъ Дьюри покраснѣлъ отъ стыда и гнѣва. Ради прежней дружбы онъ вовсе не былъ расположенъ принять сэра Роджера, и теперь какъ пріятеля. Онъ не забылъ, что они были въ Лондонѣ товарищами шалостей, но желалъ забыть прошедшее, также какъ сэръ Роджеръ старался припоминать его. Сэръ Роджеръ Миллингтонъ расчелъ всѣ шансы своей игры. Увидѣвши, что воспоминаніе о старинной дружбѣ было для лорда непріятно; онъ понялъ, что вѣжливостью тутъ ничего не возьмешь, и рѣшился добиться до своей цѣли другимъ путемъ. Вотъ почему привелъ онъ съ такою ѣдкою злостью нѣсколько выраженій изъ писемъ лорда и остался доволенъ, когда они вызвали краску на лицо его слушателя.

Отвѣтъ лорда, послѣдовавшій немедленно на эту выходку, пришелся, однако же, не совсѣмъ ему по вкусу. Лордъ тоже велъ свою игру недурно. Онъ скрылъ свой гнѣвъ и отвѣчалъ сэру Роджеру холодно и надменно:

— Вы припоминаете мнѣ дни, которыхъ я стыжусь, сцены, которыми ни мнѣ, ни вамъ не пристало гордиться, и выраженія, которыя я очень желалъ бы взять назадъ.

— Очень сожалѣю, что вы желаете невозможнаго, отвѣчалъ непоколебимый сэръ Роджеръ:— но если вамъ угодно будетъ взять на себя трудъ подумать минуту, другую, такъ я увѣренъ, что вы измѣните нѣсколько ваши мысли. Я могъ измѣниться не меньше лорда Дьюри, и въ такомъ случаѣ вы не захотите оттолкнуть стараго пріятеля за то только, что онъ когда-то шелъ по одной съ вами дорогѣ. Я слышалъ, что нашъ общій пріятель собирается, а можетъ быть уже и ѣдетъ изъ Америки въ Англію: я говорю о сэрѣ Вильямѣ Рейдерѣ. Мнѣ будетъ жаль

сказать ему, что вы забываете старыхъ друзей. Подумайте объ этомъ.

— Мнѣ не о чемъ тутъ думать, возразилъ лордъ:— и некогда терять время на пустые разговоры, которые ни къ чему не ведутъ. Имѣю честь пожелать вамъ добраго утра.

Сказавши это, лордъ простоялъ на мѣстѣ минуты полторы, ожидая, что сэръ Роджеръ выйдетъ; но сэръ Роджеръ не трогался, и лордъ вышелъ изъ библіотеки съ сверкающими глазами, оставивши дверь за собою открытою.

Минуты двѣ сэръ Роджеръ былъ въ замѣшательствѣ, но нужда и безстытство одержали верхъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — нѣтъ! Идя на приступъ, не должно отступать. Паду не хуже другихъ героевъ! Если мнѣ не удастся стянуть съ него сотню-другую, такъ я погибъ. Нѣтъ, нѣтъ! не отступлю ни шагу назадъ!

Онъ бросился опять въ кресла, взялъ книгу и началъ читать.

ГЛАВА XV.

— Терпѣть наглости отъ этакого негодяя, и въ такое время! думалъ лордъ, идя поспѣшно къ себѣ въ кабинетъ. Это невыносимо! Я готовъ приказать этимъ негодяямъ лакеямъ, имѣвшимъ глупость впустить его, выгнать его вонъ плетьми. Они меня съ ума сведутъ.

Онъ топнулъ ногою, что всегда дѣлалъ въ-сердцахъ, и сжалъ кулакъ, какъ-будто хотѣлъ ударить имъ по предмету своего негодованія. Но вдругъ, среди взрыва страсти, онъ впалъ въ глубокую думу и минуты три неподвижно простоялъ среди комнаты. Потомъ подошелъ онъ къ колокольчику и позвонилъ. Слуга, прислуживавшій исключительно въ кабинетѣ, явился на зовъ скорѣе обыкновеннаго.

— Гость, котораго я оставилъ въ библіотекѣ, уѣхалъ? спросилъ лордъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ лаконически слуга.

— Я обѣдаю сегодня въ парадной залѣ, продолжалъ лордъ. Скажи мистеру Скотту, чтобы столъ накрыли на два куверта, и чтобы кушанье было отличное.

Слуга поклонился и вышелъ. Лордъ, подождавши минуту, отворилъ дверь и пошелъ по галлереѣ къ комнатѣ, откуда могъ

видѣть дверь библіотеки, въ которой оставилъ сэра Роджера. Здѣсь онъ опять остановился на нѣсколько минутъ, потомъ, поднявши голову, пошелъ спокойной, величественной поступью къ комнатѣ, изъ которой четверть часа тому назадъ вышелъ въ такомъ гнѣвѣ. Сэръ Роджеръ сидѣлъ на томъ же креслѣ и былъ глубоко погруженъ въ чтеніе. Онъ расположился тутъ, казалось, такъ спокойно, что лордъ Дьюри, совершенно противъ своего намѣренія, причины котораго мы скоро изложимъ, чуть не выбросилъ его за окно. Однакожъ, онъ успѣлъ задавить въ себѣ это желаніе, и голосомъ, совершенно отличнымъ отъ того, которымъ говорилъ онъ четверть часа тому назадъ, но и довольно холоднымъ и гордымъ, чтобы переходъ не показался слишкомъ рѣзокъ, снова обратился къ своему гостю.

— Сэръ Роджеръ Миллингтонъ, сказалъ онъ:—я очень радъ, что вы еще не уѣхали. Я сожалѣю, что обошелся съ старинным знакомымъ не совсѣмъ ласково; это случилось оттого, что вы пріѣхали въ такое время, когда я не только очень занятъ, но и раздраженъ разными обстоятельствами, заставившими меня забыть правила вѣжливости.

— А, дѣло идетъ на-ладъ! подумалъ сэръ Роджеръ. Иной дуракъ ушелъ бы, пожалуй, на моемъ мѣстѣ, сгорѣвши отъ стыда. Великое дѣло знать, когда устоять, когда отступить! — Очень сожалѣю, сказалъ онъ вслухъ:—что пріѣхалъ не во-время, но я готовъ исправить мою ошибку и удалиться. Только прошу васъ назначить мнѣ часъ, когда я могу переговорить съ вами завтра о важныхъ дѣлахъ.

— Важныхъ для васъ или для меня, сэръ Роджеръ? спросилъ лордъ, насильно улыбаясь. — Упорство гостя пробудило въ немъ опасеніе, что дѣло, по которому онъ пріѣхалъ, можетъ непріятно касаться до него.

Если бы сэръ Роджеръ имѣлъ хоть какой-нибудь поводъ намѣкнуть, что дѣло касается лорда, онъ бы это сдѣлалъ; но дѣло касалось только его, и онъ разсудилъ, основываясь на хорошемъ расположеніи духа лорда, что лучше говорить откровенно.

— Дѣло это, сказалъ онъ: — важно для меня, я думаю, больше, нежели для васъ.

Отвѣтъ былъ удачный. Онъ не только успокоилъ лорда Дьюри, но и польстилъ его видамъ въ другихъ отношеніяхъ.

— Очень радъ это слышать, сэръ Роджеръ, сказалъ онъ. Сказать правду, такъ я и безъ того не знаю, куда дѣваться отъ своихъ дѣлъ, и гораздо охотнѣе поговорю о чужомъ. Останьтесь у меня; только прошу извинить меня на нѣсколько часовъ. Надѣюсь, что вы проведете у меня не одинъ день; я сейчасъ прикажу отвести вамъ комнату. Займитесь до вечера чѣмъ вамъ угодно. Если вы любите чтеніе, такъ вотъ тутъ довольно книгъ; если вы, по-прежнему, любите охоту, такъ мой сторожъ покажетъ вамъ, гдѣ водится дичь. Распоряжайтесь, прошу васъ, какъ дома. А меня прошу на нѣсколько часовъ извинить.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ сэръ Роджеръ съ низкимъ поклономъ: — но....

— Да, понимаю, прервалъ его лордъ. — Вы пріѣхали верхомъ, и съ вами нѣтъ другого платья. Пожалуйста, оставьте церемоніи.

— Нельзя ли послать кого-нибудь въ Баргольмъ? сказалъ сэръ Роджеръ. Я оставилъ мой чемоданъ въ гостинницѣ.

— Разумѣется, разумѣется, отвѣчалъ лордъ, дѣлаясь все ласковѣе и ласковѣе. — Я сейчасъ пошлю.

Онъ позвонилъ.

— Ричардъ! сказалъ онъ вошедшему слугѣ: — пошли сейчасъ верхового въ Баргольмъ за вещами сэра Роджера Миллингтона, въ гостинницу. Конюху прикажи присмотрѣть за лошадью сэра Роджера, и потомъ проводи его въ желтую комнату Ты будешь прислуживать сэру Роджеру: смотри, чтобы все было какъ слѣдуетъ... Теперь, сэръ Роджеръ, прошу извинить меня на нѣсколько часовъ; я буду имѣть удовольствіе увидѣть васъ за обѣдомъ.

Сэръ Роджеръ низко поклонился. Лордъ ушелъ, и слуга, сказавши: «я возвращусь сію минуту проводить васъ въ комнату», поспѣшилъ исполнить приказанія лорда.

Сэръ Роджеръ бросился въ кресла и подумалъ:

— Онъ, кажется, славный малый! Немножко горячъ, очень гордъ, но въ сущности лучше, нежели кажется. Что мудренаго, что эта послѣдняя карта, которую я держу еще въ рукѣ, превратится вдругъ въ козыря. Вотъ было бы славно!

Слуга возвратился и предложилъ проводить его въ его комнату. Сэръ Роджеръ всталъ и пошелъ за нимъ по анфиладѣ великолѣпныхъ комнатъ, въ которыхъ золотые карнизы, штоф-

ныя матеріи, картины, шкафы, бронза, черепаха и мраморъ представляли самое блестящее убранство. Поднявшись по красивой лѣстницѣ въ слѣдующій этажъ и идя по коридорамъ, отдѣланнымъ не хуже другихъ комнатъ, онъ говорилъ въ полголоса: «что́ за великолѣпіе!» Наконецъ онъ вошелъ въ просторную комнату съ желтыми штофными занавѣсками, уставленную всѣмъ, что́ только было придумано роскошью того времени. Спросивши, не будетъ ли какихъ приказаній, слуга вышелъ, и сэръ Роджеръ бросился на софу, думая: «что́ нужно ему отъ меня? А что-нибудь да нужно; это ясно. Все равно; тѣмъ лучше для меня. За деньги я готовъ на всякую услугу и, клянусь Юпитеромъ, не стану разбирать, чѣмъ тутъ кормятъ.

Оставимъ сэра Роджера за разрѣшеніемъ этого очень естественнаго для него вопроса; пойдемъ въ кабинетъ лорда и постараемся узнать причины внезапной и полной перемѣны въ его обращеніи съ гостемъ.

Вошедши въ комнату, лордъ заперъ за собою дверь на задвижку и подошелъ къ небольшому желѣзному ящику, прикрѣпленному къ полу и стѣнѣ. Онъ отомкнулъ его ключемъ, висѣвшимъ у него на шеѣ на толстой золотой цѣпочкѣ, раскрылъ, сложилъ руки на груди, и смотрѣлъ на него съ минуту такими глазами, какъ-будто ему стоило большихъ усилій продолжать свое дѣло. Потомъ онъ досталъ изъ ящика большой, богато выложенный серебромъ пистолетъ, точь-въ-точь такой, какъ тотъ, который былъ данъ Фарольдомъ Эдварду; съ минуту держалъ онъ его въ рукѣ, глядя въ сторону, въ окно, но не видя ровно ничего. Умъ его былъ занятъ въ это время такъ сильно, что связь между душою и ея слугами, тѣлесными чувствами, была прекращена. Глаза его не видѣли внѣшнихъ предметовъ, какъ-будто были ослѣплены молніей. Мысли его блуждали далеко — въ прошедшихъ годахъ и въ другомъ мѣстѣ. Онъ положилъ пистолетъ возлѣ себя на стулъ и проговорилъ тихо: «онъ *не могъ* не упасть въ воду; иначе его нашли бы вмѣстѣ съ шляпою».

Потомъ онъ началъ рыться въ бумагахъ и досталъ одну изъ нихъ. Онъ сложилъ все обратно въ ящикъ, возвратился къ столу, и началъ разсматривать бумагу, исписанную замѣтками и цыфрами, смыслъ которыхъ былъ доступенъ только для него. Для него содержаніе этой бумаги было, по-видимому, чрезвы-

чайно важно; онъ перечитывалъ ее нѣсколько разъ и нѣсколько разъ погружался въ глубокую думу.

— Дѣло можно уладить, сказалъ онъ наконецъ. — Надо только обдумать хорошенько. Сэра Роджера опасаться нечего. За золото онъ всегда готовъ продать свою душу, и теперь, кажется, едва ли не нищій. Другіе ничего не могутъ ему дать. Я могу дать ему средства къ безбѣдной жизни и даже роскоши. Ничто не можетъ побудить его измѣнить мнѣ; напротивъ того, его собственная выгода требуетъ, чтобы онъ хранилъ мою тайну до конца жизни. Однако же, не надо отдаваться ему вполнѣ въ руки. Пусть лучше онъ останется у меня въ рукахъ, нежели я у него. Лишь бы Фарольду замкнуть уста на-вѣки и опасность миновала; а для этого надо рискнуть чѣмъ-нибудь. — надо рискнуть многимъ.

Вотъ какія мысли ворочались въ умѣ лорда Дьюри. Онъ не ошибался на-счетъ личности сэра Роджера. Лучшимъ качествомъ этого человѣка была дерзость, или, лучше сказать, совершенное равнодушіе къ смерти и къ тому, что́ за нею слѣдуетъ. Кромѣ того, онъ всегда готовъ былъ ограбить отца семейства и въ то же время раздѣлить пріобрѣтенное такимъ образомъ со всякимъ нуждающимся. Черта эта проявлялась еще больше въ расточеніи денегъ съ такими же, какъ онъ, людьми безъ правилъ; онъ не считалъ безчестнымъ никакое средство пріобрѣтать и проживать деньги.

Онъ происходилъ отъ хорошей фамиліи, съ молоду привыкъ къ хорошему обществу и, какъ военный человѣкъ, находился въ такомъ положеніи, которое должно бы было утвердить въ немъ, а не усыпить правила чести; сначала, во время войны, онъ отличался какъ солдатъ; но едва только заключенъ былъ миръ, какъ нѣсколько карточныхъ исторій заставили его выйти въ отставку. Аттестатъ его не былъ замаранъ, но съ этого времени онъ началъ нищать и падать во мнѣніи общества. Сначала онъ водился съ джентльменами и держалъ себя на одной съ ними ногѣ; онъ не отставалъ тогда отъ лорда Дьюри и своихъ знакомыхъ ни въ мотовствѣ, ни въ шалостяхъ. Онъ часто выигрывалъ, и хотя поговаривали, что онъ не стѣсняется неопытностью или нетрезвымъ положеніемъ тѣхъ, кого обыгрывалъ, однако же, никто не отказывался отъ его роскошнаго угощенія. Иногда онъ и проигрывалъ; раза два или три онъ проигралъ людямъ не

олько храбрымъ, сколько богатымъ, и повивался съ ними, оворятъ, тѣмъ, что отслужилъ имъ шпагою въ спорахъ, нерѣд о встрѣчающихся въ разгульной жизни.

Все это подозрѣвали; но сэра Роджера не изгоняли за это въ общества. Многіе знали, что найдутъ въ немъ человѣка всег да *готоваго услужить;* другіе не имѣли никакой охоты ссо риться съ человѣкомъ, пользовавшимся большею славою въ Іаркѣ и за Монтэгъ-гоузомъ, двумя мѣстами, гдѣ происходили быкновенно дуэли, нежели въ Сентъ-Джемсъ-Стритѣ. Игра, прочемъ, всегда разворительна; сэръ Роджэръ Миллингтонъ ѣдѣлъ и терялъ репутацію все больше и больше. Хорошъ че овѣкъ, котораго бѣдность дѣлаетъ осмотрительнѣе; но этого льзя было сказать о сэрѣ Роджерѣ. Всѣ средства пріобрѣтен ія, которыя не вели въ Тибурнъ, казались ему честны. Нако нецъ онъ дошелъ до-того, что готовъ былъ драться за кого и ротивъ кого угодно, за самую бездѣлицу. Этимъ способомъ, и еще при помощи бизстыдства, онъ поддерживалъ себя нѣ колько времени, пока, наконецъ, одинъ изъ его противниковъ, умнѣе прочихъ, не отказался скрестить шпаги съ шутомъ, звѣчалъ на вызовъ сэра Роджера хлыстомъ и заставилъ его ставить кругъ своего прежняго знакомства.

Это случилось года за два до его пріѣзда къ лорду Дьюри. Разсказать исторію этихъ двухъ лѣтъ было бы не поучительно. Наконецъ у него блеснула въ головѣ счастливая мысль, которую онъ и привелъ, какъ мы видѣли, тотчасъ же въ исполненіе. Онъ ѣлъ на коня, уложилъ въ чемоданъ весь свой гардеробъ, взялъ съ собой всю свою казну: три гинеи и нѣсколько серебра, запас ся письмами лорда и безстыдствомъ, и отправился попытаться, а удастся ли ему стянуть что-нибудь съ человѣка, у котораго въ старые годы онъ выигрывалъ немало денегъ.

Онъ пріѣхалъ къ лорду въ такое время, когда помощь чело ѣка, не очень разборчиваго на-счетъ присяги и опасности, очень огда ему пригодиться. При первой встрѣчѣ лордъ Дьюри не ообразилъ всѣхъ выгодъ, которыя можетъ извлечь изъ его по ѣщенія и далъ волю своему сердцу; но послѣднія слова сэра оджера о Вильямѣ Рейдерѣ тронули его за такую струну, на оторую отозвался цѣлый аккордъ мыслей. Не дошедши еще до абинета, лордъ понялъ всю пользу, какую можетъ принести му сэръ Роджеръ.

Надо было, однако же, сперва обдумать планъ, еще смутный и неопредѣленный; надо было отъискать средства оградиться отъ человѣка, котораго онъ хочетъ употребить орудіемъ, чтобы не впасть въ новую опасность, желая избѣжать старой. Люди, запутавшіеся въ преступленіяхъ, принуждены, подобно кующимъ раскаленное желѣзо, браться за свои дѣла помощью стальныхъ щипцовъ, чтобы не обжечься оружіемъ собственнаго издѣлія. Подумавши, лордъ Дьюри нашелъ средство не только склонить сэра Роджера на что ему угодно, но и заставить его не нарушать своей вѣрности. Планы, для исполненія которыхъ онъ хотѣлъ употребить сэра Роджера, должно было, конечно, еще хорошенько обдумать; но передъ нимъ открылась уже такая пріятная перспектива, что при звукѣ обѣденнаго колокола онъ почувствовалъ какую-то бодрость и увѣренность въ побѣдѣ надъ тѣми, кто до сихъ поръ внушалъ ему смертельный страхъ.

Лордъ Дьюри былъ хитеръ и уменъ; онъ всегда дѣйствовалъ по зрѣло обдуманному плану, сколько позволяли ему его неукротимыя страсти. Вообще удивительно, какъ часто человѣкъ дѣйствуетъ по системѣ, самъ того не зная. Мы просто куклы въ рукахъ нашихъ желаній. Лордъ Дьюри приказалъ отвести полунищему сэру Роджеру одну изъ великолѣпнѣйшихъ комнатъ въ своемъ домѣ, изготовить роскошный, изящный обѣдъ и накрыть на столъ въ богатой залѣ; самъ онъ облекся въ свое лучшее платье и нисколько не подозрѣвалъ, что дѣлаетъ все это по системѣ, съ цѣлью пробудить въ груди бездомнаго гостя жажду богатства, которая сдѣлаетъ его послушнымъ орудіемъ того, кто даетъ ему средства утолить эту жажду. Гордость тоже нашептывала лорду, что, при видѣ великолѣпія, гость его будетъ скромнѣе; но главная цѣль состояла все-таки въ томъ, чтобы показать ему, сколько хорошаго и пріятнаго можетъ пріобрѣсть тотъ, кто захочетъ служить лорду Дьюри.

Если бы лордъ посвятилъ цѣлый часъ размышленію о лучшемъ способѣ произвесть выгодное впечатлѣніе на сэра Роджера, онъ не выдумалъ бы ничего лучшаго. Въ дни своего счастья сэръ Роджеръ привыкъ наслаждаться всѣми благами міра, а въ дни несчастья научился завидовать другимъ и преклоняться предъ тѣмъ, что самому ему доставляло нѣкогда столько наслажденія. Мягкіе турецкіе ковры, штофные занавѣсы, золотые карнизы, запахъ кухни, даже софа, на которой онъ сидѣлъ, —

все убѣждало его согласиться на требованія лорда; и когда онъ получивши изъ Баргольма свой чемоданъ, досталъ изъ него лучшую пару платья, одѣлся, сколько могъ, прилично, и сошелъ въ гостиную, то почувствовалъ глубокое уваженіе къ талантамъ, чувствамъ, образу мыслей, идеямъ и доблестямъ своего хозяина.

Вскорѣ потомъ явился и лордъ; ему хотѣлось бы сейчасъ же заговорить о дѣлѣ; но онъ рѣшился выждать удобнѣйшую минуту. Не выказывая никакого нетерпѣнія, онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о погодѣ, о политикѣ, объ увеличивающемся числѣ преступленій въ столицѣ и о многомъ другомъ, до чего ему не было никакого дѣла. Потомъ онъ распространился о висѣвшихъ по стѣнамъ картинкахъ съ ученостью артиста.

— Да, говорилъ онъ: — это превосходная картина, хотя на первый взглядъ и нельзя этого подумать. Ее писалъ одинъ изъ учениковъ Рубенса, и знатоки полагаютъ, что головы работы самого Рубенса. Но я вамъ покажу истинное сокровище.

И, подошедши къ углубленію въ противоположной стѣнѣ, закрытому двумя рѣзными золочеными дверцами, онъ отворилъ ихъ, отдернулъ шолковую занавѣсъ и указалъ на удивительную мадонну.

— Это оригинальное произведеніе Корреджіо, сказалъ онъ: — одно изъ лучшихъ его твореній. Замѣтьте этотъ наклонъ головы, полный грусти и покорности. Посмотрите, какой чудесный колоритъ, — эта слеза на щекѣ, эта легкая, живая краснота, отливающая синимъ цвѣтомъ одежды. Что за мастерство! Посмотрите, какъ сложены эти руки на груди! Видѣли вы когда-нибудь такія прекрасныя кисти? Какъ онѣ мягки и нѣжны! Какъ все это вѣрно, отчетливо и граціозно!

Въ это время растворились двери, и человѣкъ доложилъ, что кушанье подано. Въ продолженіи обѣда лордъ Дьюри ни разу не отступилъ отъ принятаго имъ рѣшенія не торопиться дѣломъ. Обѣдъ былъ такой, какого можно было ожидать у богача и вельможи: роскошный и изящный; особенно вина были хороши, и нектаръ, извѣстный подъ названіемъ *сильери*, снова, послѣ многихъ лѣтъ засухи, оросилъ глотку сэра Роджера. Сэръ Роджеръ благословлялъ судьбу, надѣлившую столькими благами человѣка, которому онъ надѣялся быть полезнымъ. Онъ не объѣдался и не упивался, но пообѣдалъ хорошо, и когда подали десертъ, то ждалъ только, что скажетъ ему лордъ, и чѣмъ дол-

женъ онъ заслужитъ право попользоваться частицею его богатства.

На столъ поставили хрустальный графинъ, наполненный рубиновымъ превосходнаго медока; дворецкій и слуги удалились. Лордъ Дьюри налилъ стаканъ и началъ осторожно приближаться къ своей цѣли.

— Вотъ мы можемъ теперь, сказалъ онъ: — бесѣдовать весь вечеръ. Никто намъ не помѣшаетъ. Надѣюсь, что вы проведете у меня нѣсколько дней; но такъ-какъ вы говорили, что имѣете сообщить мнѣ важное дѣло, такъ я думаю лучше всего прежде заняться дѣломъ, а остальное время посвятить болтовнѣ.

Сэръ Роджеръ не ожидалъ такого открытія кампаніи и испался, какъ бы не лишиться гостепріимства, высказавши желаніе попользоваться кошелькомъ хозяина. Минутное размышленіе его успокоило. Онъ зналъ людей, и лорда Дьюри въ особенности; онъ понялъ, что внезапный переходъ его отъ грубости къ ласкамъ имѣлъ свою причину, — вѣроятно, желаніе извлечь пользу изъ его многоразличныхъ дарованій. Задача состояла, слѣдовательно, въ томъ, чтобы заключить торгъ какъ можно выгоднѣе. Все это сообразилъ онъ въ умѣ своемъ очень быстро и отвѣчалъ:

— Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ: старинная, дурная привычка, о которой вы, вѣроятно, догадаетесь и сами, поставила меня въ затруднительныя обстоятельства. Я вспомнилъ вашу дружбу и щедрость, и пріѣхалъ попросить у васъ въ-займы небольшую сумму денегъ.

— Въ-займы! воскликнулъ лордъ, поднимая брови, какъ-будто услышалъ нѣчто совершенно неожиданное, хотя на губахъ его заиграла полуподавленная улыбка. — Въ-займы! Ну, что-жъ, это дѣло, я думаю, можно будетъ устроить. Но, будьте со мною откровенны, скажите, въ какомъ положеніи ваши финансы? это вамъ не повредитъ, увѣряю васъ честью.

— Финансы мои плохи, очень плохи, отвѣчалъ сэръ Роджеръ, начинавшій думать, что откровенность принесетъ ему всего больше пользы. — Мнѣ не повезло....

— Много долговъ? продолжалъ лордъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ сэръ Роджеръ: — я не долженъ никому и двадцати фунтовъ, но достать не откуда и одного.

— Вы всегда этимъ отличались, замѣтилъ лордъ. — Проживали много, вели сильную игру, а не должали.

— Потому-что всегда расплачивался, какъ только получалъ деньги, отвѣчалъ сэръ Роджеръ. — Когда я бывалъ при деньгахъ, отъ меня получалъ ихъ всякій, кому была въ нихъ надобность, и купецъ и пріятель. Тогда у меня водились значительныя суммы, прибавилъ онъ со вздохомъ: — и я никогда не оставался долго въ долгу.

Лордъ зналъ, что онъ говоритъ правду. А что онъ не вошелъ въ долги въ послѣднее время, такъ это было еще проще: никто не давалъ ему въ займы. Лорда Дьюри тронуло, казалось, воспоминаніе о прошломъ времени, и онъ сказалъ:

— Хорошо, хорошо, мы постараемся исправить ваши дѣла. Сколько вамъ теперь надо?

Сэръ Роджеръ замялся: онъ опасался, какъ бы не спросить слишкомъ много или слишкомъ мало. Онъ охотно отдалъ бы свои три гинеи за то, чтобы узнать, какой услуги потребуетъ отъ него лордъ, и сообразить съ ней свой запросъ.

«Не можетъ быть, чтобы онъ поручилъ мнѣ за него драться — подумалъ сэръ Роджеръ: — эти дѣла онъ всегда обдѣлывалъ самъ, и притомъ ловко. Во всякомъ случаѣ, порученіе должно быть дрянное, если не стоитъ сотенъ двухъ. Спрошу двѣсти пятьдесятъ.»

— Мнѣ надо двѣсти пятьдесятъ фунтовъ, сказалъ онъ.

— Да, да, отвѣчалъ лордъ Дьюри, который, помня прежній образъ жизни сэра Роджера, ожидалъ, что онъ попроситъ по-крайней-мѣрѣ вдвое больше: — да, это можно устроить; мы это устроимъ, даю вамъ честное слово, а теперь поговоримъ о другомъ.

— Наконецъ-то! подумалъ сэръ Роджеръ; но лордъ продолжалъ:

— Я обѣщаю дать вамъ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ безусловно. Но если вы объясните мнѣ подробнѣе ваши денежныя обстоятельства, то, можетъ быть, можно будетъ устроить ваши дѣла еще лучше, то есть *постояннѣе*.

Сэръ Роджеръ вытаращилъ глаза и подумалъ: «что же это значитъ? Ужь не вправду ли сдѣлался онъ великодушенъ?»

Сэръ Роджеръ посовѣтовался съ стаканомъ медока и отвѣчалъ:

— Денежныя обстоятельства мои, какъ я уже сказалъ вамъ, плохи, очень плохи. Все, что̀ вы предложите для ихъ исправленія, будетъ съ величайшею благодарностью принято Роджеромъ Милингтономъ.

— Объ этомъ надо подумать, хорошенько подумать, сказалъ лордъ: — вы увидите, сэръ Роджеръ, что я всѣми силами постараюсь устроить ваши обстоятельства какъ слѣдуетъ. Плохо только то, что я не могу обезпечить васъ дальше моей смерти. Помѣстья мои родовыя, и доходъ съ нихъ я проживаю весь дочиста; съ моею жизнью прекратится и ежегодная поддержка.

— Дай Богъ вамъ никогда не умирать! произнесъ сэръ Роджеръ: — ничего не можетъ быть хуже моихъ настоящихъ обстоятельствъ. Но я не сомнѣваюсь, что при легкой помощи ихъ поправить; и если вы согласны поддержать меня въ этомъ случаѣ, то все, что̀ я могу вамъ сказать, это то, что вы найдете на свѣтѣ хоть одного благодарнаго человѣка. Надѣюсь, что вы доставите мнѣ случай и укажете средства услужить вамъ въ свою очередь.

— Объ этомъ мы подумаемъ послѣ, отвѣчалъ лордъ: — я собираюсь сдѣлать тутъ въ Димденѣ разныя перестройки и поправки; вы, сэръ Роджеръ, человѣкъ со вкусомъ, и для васъ можно будетъ найти приличное занятіе, которое и вамъ не будетъ, надѣюсь, непріятно. До нашихъ денежныхъ отношеній никому нѣтъ дѣла, и никто не будетъ знать о нихъ. Вы будете жить у меня какъ другъ и гость, и остатокъ дней вашихъ пройдетъ въ тишинѣ и удовольствіи.

Такая будущность не могла не плѣнить обнищавшаго сэра Роджера. Онъ довольно ясно далъ понять лорду, что если ему нужна какая-нибудь услуга, такъ онъ готовъ ее оказать, не спрашивая у своей совѣсти. Лордъ былъ очень доволенъ, что гость его первый заговорилъ объ этомъ такъ ясно. Это очищало ему дорогу, и онъ могъ удобнѣе приступить къ дѣлу. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Да, да, сэръ Роджеръ, вы можете доказать вашу дружбу на дѣлѣ. Я теперь занятъ дѣломъ, которое очень трудно вести; вы, я знаю, человѣкъ твердый и ловкій, и я попрошу васъ помочь мнѣ. Цѣль моя, какъ вы увидите, чиста во всѣхъ отношеніяхъ; для достиженія ея нужна хитрость, но хитрость честная, благородная.

— Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ сэръ Роджеръ, которому въ настоящихъ обстоятельствахъ едва ли не всѣ возможныя продѣлки показались бы честными и благородными. — Продолжайте, сдѣлайте одолженіе.

— Это длинная исторія, сказалъ лордъ: — но прежде всего долженъ спросить васъ, помните ли вы подробности сдѣлки касательно суммы, проигранной вамъ мною и сэромъ Вильямомъ Сайдеромъ, въ 17** году?

— Помню, очень помню, отвѣчалъ сэръ Роджеръ: — что́ касается до подобныхъ вещей, память никогда мнѣ не измѣнитъ; я могу разсказать всѣ факты хоть подъ присягой.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ лордъ: — вы, конечно, помните, что мы дали вамъ осмнадцатаго мая письменное обязательство выплатить вамъ всю сумму сполна черезъ недѣлю; и отсрочка была необходима, чтобы я могъ получить эти деньги съ брата. Вы помните, конечно, что въ тотъ самый день ввечеру вы пришли ко мнѣ, сказали, что согласны обождать недѣлю, и отправились вмѣстѣ со мною въ гости?

— Помню все это очень хорошо, отвѣчалъ сэръ Роджеръ, съ наслажденіемъ вспоминавшій о томъ блаженномъ времени, когда гордый лордъ былъ его должникомъ: — помню все въ подробности; вы ошибаетесь только въ днѣ; это было не осмнадцатаго, а девятнадцатаго мая.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь, возразилъ лордъ съ значительною улыбкою: — это было осмнадцатаго, смѣю васъ увѣрить.

Сэръ Роджеръ не понялъ намека.

— Девятнадцатаго, продолжалъ онъ: — я помню это по многимъ обстоятельствамъ. Въ этотъ день по-утру состоялось извѣстное пари между полковникомъ Гаммерстономъ и Нейлемъ, а....

— Я тоже помню этотъ день по разнымъ обстоятельствамъ, прервалъ его лордъ: — это было осмнадцатаго мая 17** года.

— Да вѣдь у меня есть ваша собственноручная росписка, сказалъ сэръ Роджеръ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сдѣлайте одолженіе, позвольте взглянуть.

— Извольте, извольте; я принесу ее сію минуту.

Сэръ Роджеръ всталъ и пошелъ за роспиской. Лордъ Дьюри

сидѣлъ мрачный и молчаливый, осѣнивши глаза рукою. Губы его шевелились, какъ-будто онъ что-то шепталъ, и мускулы на лицѣ его подергивало какъ-будто отъ боли. Когда сэръ Роджеръ вышелъ, онъ принялъ руку отъ глазъ, и лицо его просіяло. Только брови остались немного нахмурены, и во взорѣ замѣтна была какая-то напряженность.

Сэръ Роджеръ воротился и сѣлъ на прежнее мѣсто. Онъ положилъ на столъ связку бумагъ, вынулъ изъ нея одну бумагу и подалъ ее лорду съ словами:

— Вотъ ваша росписка.

Лордъ Дьюри взялъ ее очень спокойно, во-первыхъ потому, что зналъ ея содержаніе не хуже сэра Роджера, а во-вторыхъ потому, что сэръ Роджеръ былъ совершенно въ его власти, связанъ по рукамъ и по ногамъ обѣщаніями, которыхъ не могъ не захотѣлъ бы дать ему никто другой. Чернила побѣдѣли, бумага пожелтѣла отъ времени, но сохранилась очень хорошо. Лордъ развернулъ ее, прочелъ со вниманіемъ и сказалъ:

— Что́ касается до числа, вы правы, сэръ Роджеръ. Не смѣю васъ увѣрить, что я выставилъ по ошибкѣ не то число; эта ошибка, по особенному стеченію обстоятельствъ, можетъ мнѣ повредить и даже лишить меня возможности помочь вамъ.

Ключъ эгоизма мгновенно отомкнулъ врата догадливости сэра Роджера. Онъ понялъ, что какія-нибудь важныя причины заставляютъ лорда желать, чтобы росписка эта была написана отъ другого числа, — и въ ту же минуту рѣшился согласиться на измѣненіе. Зная, однако же, шаткость человѣческихъ обѣщаній, онъ старался проникнуть въ тайну лорда, чтобы имѣть какое-нибудь обезпеченіе.

— Жаль, что это можетъ повлечь за собою такія непріятныя послѣдствія, сказалъ онъ. — Позволено спросить, отчего такое, по-видимому маловажное, обстоятельство ведетъ къ такимъ важнымъ результатамъ?

— Разумѣется, позволено, отвѣчалъ лордъ, съ саркастическою улыбкою: — если угодно, я вамъ скажу, только въ такомъ случаѣ долженъ буду просить у васъ росписку въ полученіи двухъ сотъ пятидесяти фунтовъ, потому-что желаю обезпечить или деньги мои, или мою тайну. Что́ вы избираете?

— Въ такомъ случаѣ дѣло очень просто, отвѣчалъ сэръ Ро[illegible]ь, значительно наклонивши голову. — За ваши деньги я не

могу дать вамъ никакого обезпеченія, и потому не желаю проникать въ ваши тайны больше того, сколько вы сами заблагоразсудите открыть мнѣ. Что касается до этой старой росписки, которая можетъ повлечь за собою такія непріятныя для васъ и для меня послѣдствія, — я говорю это потому, что считаю мое счастье неразрывно связаннымъ съ вашимъ, — такъ я думаю, что лучше всего бросить ее въ огонь.

— Не знаю, право, хорошо ли это будетъ, проговорилъ лордъ Дьюри, въ нерѣшимости. Во всякомъ случаѣ, позвольте мнѣ прежде всего убѣдить васъ, что росписка эта дана не девятнадцатаго, а осмнадцатаго мая.

— Я въ этомъ уже совершенно убѣжденъ, сказалъ сэръ Роджеръ: — я дѣйствительно припоминаю теперь, что это было наканунѣ пари, состоявшагося 19 мая въ Гонсловѣ. Да и не могло быть иначе: я провелъ тамъ весь день и, будучи въ Гонсловѣ, не могъ получить отъ васъ росписки въ Лондонѣ.

— Да, да, сказалъ лордъ, очень хорошо знавшій, что далъ росписку въ день смерти брата, и что сэръ Роджеръ получилъ ее, только-что возвратившись изъ Гонслова. — Да, сэръ Роджеръ, это такъ, и вы конечно не откажетесь, въ случаѣ надобности, подтвердить это присягою?

— Безъ всякого сомнѣнія, отвѣчалъ сэръ Роджеръ.—Я припоминаю теперь множество обстоятельствъ, которыя подтверждаютъ ваши слова. Меня ввело въ заблужденіе ошибочное число, выставленное на росписке.

— Такъ не лучше ли исправить эту ошибку, вмѣсто того, чтобы сжечь бумагу, — а?

— Разумѣется, разумѣется, отвѣчалъ сэръ Роджеръ и прибавилъ, понизивши голосъ: — если только это можно сдѣлать такъ, чтобы не замѣтили.

— Это очень легко, сказалъ лордъ. — Капля кислоты уничтожитъ хвостикъ отъ девяти, а изъ нуля я сдѣлаю восемь, и никто не замѣтитъ перемѣны. Росписка эта касается только меня да васъ; а мы убѣждены, что ошибка должна быть исправлена, такъ какое же дѣло другимъ?

— Я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ. Не исправить ли ея сейчасъ?

— Зачѣмъ же откладывать? Пойдемте, а потомъ воротимся допить бутылку.

Услужливый сэръ Роджеръ, не говоря ни слова, пошел за лордомъ въ его кабинетъ. Лордъ досталъ стклянку съ кислотою; девять было превращено въ восемь посредствомъ черныхъ разведенныхъ водою,—и самый зоркій, опытный глазъ не могъ бы увидѣть поддѣлки. Лордъ и гость его смотрѣли на этотъ клочекъ бумаги съ различными чувствами: сэръ Роджеръ, совершенно равнодушный къ правдѣ и справедливости, думалъ только, что̀ будетъ дальше,—оставитъ ли лордъ росписку у себя, или возвратитъ ее ему? А лордъ Дьюри наслаждался даромъ неизвѣстнымъ ему сознаніемъ безопасности.

Черезъ минуту лордъ очень спокойно досталъ изъ кармана бумажникъ, вынулъ изъ него пять банковыхъ билетовъ, составлявшихъ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ, сложилъ ихъ въ одну бумажечку съ распиской, подалъ ее сэру Роджеру и сказалъ:

— Я привыкъ сдерживать свое слово и часто дѣлаю для васъ больше, нежели обѣщаю. Объ этихъ деньгахъ, прибавилъ онъ, замѣтивши, что сэръ Роджеръ намѣренъ разсыпаться въ благодарности: — объ этихъ деньгахъ не будемъ больше упоминать. А росписку прошу васъ тщательно беречь съ моими письмами, и если отъ васъ потребуютъ когда-нибудь объясненія, то вы припомните, что получили ее осмнадцатаго мая, на-канунѣ памятнаго пари въ Гонсловѣ, также какъ и то, что вмѣсто отвѣта, вы пришли ко мнѣ сами, и просидѣли у меня въ тотъ вечеръ около получаса. А что мы отправились съ вами потомъ къ Гильберсу, такъ объ этомъ лучше, я думаю, забыть. Вообще старайтесь, чтобы показанія ваши были какъ можно проще и короче, лишь бы доказать, что вы помните обстоятельства. — Пойдемте допить бутылку; намъ надо поговорить еще о многомъ.

Сэръ Роджеръ отвѣсилъ низкій поклонъ и обѣщалъ исполнить все въ точности.

— Вы знаете, я былъ солдатъ, сказалъ онъ: — и умѣю повиноваться безъ разсужденій.

Возвратясь въ столовую, лордъ велѣлъ подать еще вина, хотя на столѣ стоялъ почти цѣлый графинъ; онъ хотѣлъ только выиграть время и подумать съ минуту, прежде нежели вступить въ дальнѣйшій разговоръ съ сэромъ Роджеромъ.

— Теперь, думалъ онъ: — я могу доказать неопровержимо, что въ день смерти брата былъ въ Лондонѣ; положимъ, что клят-

[redacted]наго показанія сэра Роджера и не примутъ во вниманіе; но [redacted]иска не можетъ оставить сомнѣнія. Противъ меня будетъ [redacted]ько клятвенное показаніе цыгана, — да что̀ оно значитъ? [redacted]ьменный актъ важнѣе. Можетъ быть, лучше всего было бы [redacted]трогать цыгана, — да нѣтъ, я не могу дольше выносить это [redacted]постояннаго страха за слѣдующую минуту. Нѣтъ никакого [redacted]нѣнія, что Фарольдъ, узнавши о продѣлкѣ съ дичью, — а [redacted]ерь дѣла остановить уже нельзя, — отомститъ мнѣ доносомъ, [redacted]нѣ надо постараться обратить обвиненіе на него же. Если [redacted]ько мнѣ удастся свернуть его до пріѣзда Рейдера, такъ я не [redacted]боюсь никого въ мірѣ.

Лордъ выпилъ стаканъ вина. Нѣтъ, я думаю, ни одного ве[redacted]каго преступника, въ душѣ котораго не преобладало бы же[redacted]ніе «спать на зло громамъ». Онъ выпилъ еще одинъ стаканъ [redacted]шился покончить борьбу, для которой сдѣлалъ столько при[redacted]товленій, обезпечивающихъ успѣхъ.

— Говоря съ вами о старыхъ дѣлахъ, сказалъ онъ, когда [redacted]слуга, поставивши на столъ новую бутылку вина, вышелъ и за[redacted]ръ за собою дверь: — я вспомнилъ о старинномъ нашемъ зна[redacted]комомъ, сэрѣ Вильямѣ Рейдерѣ. Не вѣрится мнѣ что-то въ его возвращеніе, о которомъ вы говорили сегодня по-утру. Вѣдь онъ оставилъ тутъ много долговъ. Вотъ и въ этомъ дѣлѣ, которое мы только-что покончили, онъ былъ вашимъ должникомъ, хотя и въ меньшей противъ меня степени; вы помните, вѣроятно, что я заплатилъ и за него. Давно ли вы получали отъ него извѣстія?

— Отъ него самого я извѣстій не получалъ, отвѣчалъ сэръ Роджеръ: — мы съ нимъ не были въ перепискѣ. Я писалъ къ нему, правда, вскорѣ послѣ его отъѣзда, но не получилъ отвѣта. На-дняхъ только я прочелъ въ американской газетѣ, что извѣстный сэръ Вильямъ Рейдеръ намѣренъ черезъ нѣсколько недѣль выѣхать изъ — не помню какого города, — въ Англію, съ намѣреніемъ склонить правительство къ принятію мѣръ для защиты и образованія дикихъ индѣйцевъ.

Насмѣшливая улыбка заиграла на губахъ лорда, но онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія на это извѣстіе.

— Кажется, вы проводили его до Голигеда, когда онъ уѣзжалъ къ какой-то ирландской гавани, чтобы отправиться оттуда въ Америку? спросилъ лордъ. — Помнится, я слышалъ что-то такое.

— Нѣтъ, я встрѣтился съ нимъ въ Голлигедѣ нечаянно, отвѣчалъ сэръ Роджеръ. — И только-что возвратился тогда изъ Ирландіи, гдѣ покончилъ маленькое дѣльно съ однимъ дубликатомъ. Я далъ еще тогда сэру Вильяму мою лошадь съѣздить въ цыганскій таборъ, — зачѣмъ, этого я и до сихъ поръ не знаю. — только лошадь сбросила его, и онъ переломилъ себѣ ребро. Да и лошадь себя повредила; какой-то цыганъ, отличнѣйшій кузнецъ, вылечилъ ее въ одну недѣлю. Кажется, впрочемъ, что и сэра Вильяма вылечили въ таборѣ; я оставилъ его уже выправляющимъ; мнѣ надо было поспѣшить въ Нью-маркетъ.

— Да, кажется, я что-то объ этомъ слышалъ, сказалъ лордъ. — Сэръ Вильямъ, съ которымъ я состоялъ тогда въ перепискѣ, именно по случаю нашего долга, писалъ мнѣ, что видѣлъ васъ въ Голлигедѣ, и разсказывалъ случай съ вашей лошадью. Скажите пожалуйста, не получили ли вы отъ этого цыгана-кузнеца банковый билетъ, сдачу на заплаченную ему за лечеи сумму?

— Сколько я помню, нѣтъ, отвѣчалъ сэръ Роджеръ. — Право я все это позабылъ.

— Постарайтесь вспомнить, сказалъ сэръ Роджеръ: — вы, вѣроятно, вспомните, что онъ сдалъ вамъ банковымъ билетомъ, который вы передали при окончаніи нашихъ счетовъ мнѣ, мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ моего вступленія во владѣніе этимъ помѣстьемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ сэръ Роджеръ. — Вы ошибаетесь. Вы мнѣ заплатили деньги, а я вамъ ничего не платилъ. Сумма была круглая.

Лордъ Дьюри закусилъ губу, и сэръ Роджеръ слышалъ, какъ онъ топнулъ подъ столомъ ногою отъ досады. Благородный лордъ вовсе не желалъ входить въ объясненія; но замыселъ погубить человѣка, внушавшаго ему постоянный страхъ, былъ такъ черенъ и теменъ, что его не понялъ съ разу даже тотъ, кого онъ избралъ орудіемъ для его исполненія.

— Вы не понимаете, вы не хотите меня понять, сэръ Роджеръ! сказалъ онъ горячо. — Такъ слушайте же.

Онъ подумалъ съ минуту и продолжалъ потомъ рѣшительно, нахмуривъ брови:

— Вы помните вступленіе мое во владѣніе этимъ помѣстьемъ; вы помните обстоятельства несчастной кончины моего

брата. При этомъ.... случаѣ присутствовалъ только цыганъ. Нѣкоторыя обстоятельства бросали тогда на него сильное подозрѣніе; его подозрѣвали въ убійствѣ, и мистеръ Арденъ, — старикъ Арденъ, который и теперь еще живъ, — хотѣлъ позвать его къ суду. Я имѣлъ глупость не повѣрить тогда этой исторіи, потому-что цыганъ этотъ всегда пользовался покровительствомъ брата. Его отпустили. Но послѣ того разные мелочные случаи заставили меня разсказаться въ моемъ упрямствѣ и убѣдили меня, что онъ дѣйствительно убійца моего брата. Я искалъ его, но напрасно; я узналъ только, что онъ отправился изъ Голлигеда въ Ирландію. Потомъ слѣдъ его пропалъ. — Нѣсколько дней тому назадъ я встрѣтилъ его, совершенно неожиданно, въ паркѣ, теперь мнѣ говорятъ, что онъ все еще шатается въ окрестностяхъ Димдена. Я разставилъ ему сѣти, — его поймаютъ сегодня ночью, и если бы это даже стоило мнѣ половины моего имѣнія, я потяну его къ суду.

— Это съ вашей стороны совершенно справедливо, сказалъ сэръ Роджеръ: — только я не вижу....

— Слушайте, и вы поймете все, прервалъ его лордъ. — Я надѣюсь, что мнѣ удастся уличить его въ преступленіи; но если мои воспоминанія будутъ еще подтверждены вашими, то въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ день смерти брата мой имѣлъ при себѣ значительную сумму денегъ. Одинъ изъ билетовъ, отмѣченный его собственноручною подписью, достался послѣ того опять въ мои руки, и *я знаю навѣрное, что получилъ его отъ васъ, и почти увѣренъ, что вы получили его отъ цыгана.*

Послѣднія слова онъ произнесъ медленно и торжественно и прибавилъ мрачнымъ голосомъ:

— Теперь я желаю, сэръ Роджеръ, чтобы вы вспомнили, что получили и передали этотъ билетъ мнѣ, и въ случаѣ надобности подтвердили это присягой.

Сэръ Роджеръ поблѣднѣлъ. Свѣтъ, ужасный свѣтъ озарилъ его.

Онъ былъ человѣкъ несовѣстливый, и несчастія только ожесточили его сердце; но лордъ потребовалъ отъ него такого поступка, на какой онъ до сихъ поръ еще не рѣшался. Онъ рѣзался и убивалъ за другихъ, но въ тоже время самъ рисковалъ всею жизнью, и физическая опасность какъ-будто выкупала

нравственную вину; теперь отъ него требовали, чтобы онъ безъ всякой личной опасности довелъ до позорной смерти человѣка, къ которому не питалъ никакого непріязненнаго чувства, котораго можетъ быть никогда не видалъ, и въ виновности котораго очень сомнѣвался. Онъ чувствовалъ, что отъ него требуютъ ужаснаго дѣла, и, несмотря на отсутствіе всякихъ правилъ, несмотря на двадцать лѣтъ порочной жизни, онъ поблѣднѣлъ, измялся, вскочилъ съ своего мѣста и раза два прошелся по комнатѣ въ очевидномъ волненіи.

Лордъ Дьюри увидѣлъ, что высказалъ уже довольно. Онъ понялъ, что, несмотря на всю осторожность выраженія, слова его, сказанныя человѣку, знакомому со всѣми пороками, могли пробудить подозрѣніе, котораго послѣ нельзя будетъ усыпить. Сэръ Роджеръ былъ, конечно, не такъ опасенъ, какъ цыганъ, но лордъ все-таки рѣшился не пожалѣть ничего, лишь бы увлечь его въ свое дѣло невозвратно. Онъ подождалъ съ минуту, потомъ всталъ, взялъ его за руку и сказалъ:

— Сэръ Роджеръ! Я готовъ сдѣлать для васъ много, но — рука руку моетъ.

— Скажите, однако же, отвѣчалъ сэръ Роджеръ въ волненіи: — точно ли вы думаете, что этотъ билетъ былъ въ рукахъ у цыгана?

— Не только думаю, но совершенно въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ лордъ Дьюри. Увѣряю васъ моею честью, что этотъ билетъ, отмѣченный подписью брата, былъ послѣ его смерти въ рукахъ цыгана; если я и не отъ васъ его получилъ, такъ отъ кого-нибудь другого, получившаго его въ свою очередь отъ цыгана.

Онъ солгалъ. Этотъ билетъ онъ самъ послалъ цыгану съ Вильямомъ Рейдеромъ, и потомъ онъ случайно опять попалъ къ нему въ руки.

Удивительно, какъ легко успокоиваетъ иногда человѣкъ свою совѣсть. Сэръ Роджеръ не требовалъ дальнѣйшихъ объясненій; горячность, съ которою говорилъ лордъ, убѣдила его, что въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ говоритъ правду, и ему было бы весьма непріятно увидѣть, что тутъ кроется что-нибудь двусмысленное.

— Да, да, сказалъ онъ: — дѣйствительно, я припоминаю что-то въ этомъ родѣ, и, вѣроятно, могу вспомнить этотъ случай въ точности.

Лордъ пожалъ ему руку.

— Теперь довольно о моихъ дѣлахъ, сказалъ онъ. — Послушайте, что хочу я сдѣлать для васъ. Я намѣренъ отвести вамъ мой покои въ Димденѣ, гдѣ вы будете жить и надзирать за поправкою дома; за этотъ трудъ вы, надѣюсь, не откажетесь получать ежегодно по тысячѣ фунтовъ, *пока я живъ*. Жалѣю, что не могу обезпечить вамъ эту пенсію и по смерти, но это все въ моей власти; я могу распоряжаться моими доходами только при жизни.

Ярко заблистали глаза сэра Роджера; онъ поклонился въ васъ, пробормоталъ что-то въ знакъ благодарности и бросился въ кресла отдохнуть и насладиться переходомъ отъ нищеты къ роскоши, до которой никогда не надѣялся дожить. Совѣсть не онѣмѣла, и онъ жаждалъ только случая доказать лорду свою преданность.

Лордъ тоже сѣлъ и положилъ на столъ билетъ, о которомъ шла рѣчь. Онъ безъ труда замѣтилъ, что въ сэрѣ Роджерѣ совершается желаемое перерожденіе. Онъ приступилъ къ дальнѣйшему изложенію плана, и сэръ Роджеръ, горя нетерпѣніемъ доказать ему свою преданность, добровольно предложилъ написать на билетѣ свое имя, чтобы придать еще болѣе вѣроятія тому, что готовъ онъ показать подъ присягой.

— Въ буфетѣ есть чернила и перо, отвѣчалъ ему лордъ. — Только обмакните перо прежде въ вино, чтобы чернила вышли скорѣе. Напишите просто ваше имя; числа не надо, не надо. Благодарю васъ. Теперь онъ отъ меня не уйдетъ.

— Но, сказалъ сэръ Роджеръ: — такъ-какъ я долженъ буду сказать, что получилъ этотъ билетъ отъ цыгана, такъ не лучше ли мнѣ взглянуть на него, пока онъ еще не арестованъ. Мнѣ надо же знать его въ лицо.

— Едва ли это возможно, возразилъ лордъ. — Онъ и его сообщники, какъ намъ извѣстно, собираются сегодня ночью воровать дичь въ Димденѣ, и мы собрали довольно сторожей для ихъ поимки. Часу въ первомъ они будутъ уже въ нашихъ рукахъ. Иначе, разумѣется, лучше было бы сдѣлать, какъ вы говорите.

— Но до тѣхъ поръ еще довольно времени, сказалъ сэръ Роджеръ, взглянувши на свои часы, показывавшіе семь: — далеко ли до Димдена?

— Четырнадцать миль по-крайней-мѣрѣ.

— Дайте мнѣ добрую лошадь; въ половинѣ девятаго я буду тамъ. Если мнѣ не удастся увидѣть его иначе, такъ я пристану къ сторожамъ, когда они соберутся ловить ихъ. Какъ его зовутъ? знаете вы?

— Фарольдъ, отвѣчалъ лордъ. — Планъ вашъ хорошъ, только едва ли теперь уже не поздно. Смотрите, какъ бы намъ не перехитрить.

— О, не бойтесь, не бойтесь, сказалъ сэръ Роджеръ, питавшій надежду и желаніе переговорить наединѣ съ цыганомъ, прежде нежели его арестуютъ. Мошенники часто оказываютъ другъ другу сильное довѣріе; это похоже на чудо; но они никогда не упустятъ случая завладѣть какимъ-нибудь талисманомъ, обезпечивающимъ исполненіе обѣщаній, данныхъ товарищемъ.

— Не бойтесь, не бойтесь, сказалъ сэръ Роджеръ. — Вѣдь все-пойдетъ криво, если я по ошибкѣ укажу на другого.

Противъ этого нечего было возражать. Тотчасъ же велѣно осѣдлать добрую лошадь; сэръ Роджеръ одѣлся и подробно распросилъ о дорогѣ въ Димденъ; онъ и лордъ стояли, въ ожиданіи лошади, у камина, занятые каждый своими мыслями: сэръ Роджеръ мечталъ о будущемъ довольствѣ, а лордъ торжествовалъ, въ увѣренности, что обвиненіе будетъ опровергнуто и опасный врагъ его стертъ съ лица земли. Вдругъ послышался лошадиный топотъ; кто-то сильно дернулъ колокольчикъ, и слуга вошелъ съ докладомъ, что пріѣхалъ какой-то джентльменъ и желаетъ видѣть лорда, имѣя до него важное дѣло.

— Какъ его зовутъ? спросилъ лордъ.

— Полковникъ Маннерсъ, отвѣчалъ слуга.

— Ого! сказалъ лордъ, съ надменной улыбкой. — Проси его въ салонъ. Это неважное дѣло, сэръ Роджеръ. Поѣзжайте; желаю вамъ успѣха.

— Взаимно и вамъ, отвѣчалъ сэръ Роджеръ. — Завтра поутру я привезу вамъ извѣстія.

Они разстались. Сэръ Роджеръ пошелъ поторопить конюха, а лордъ отправился въ салонъ, гдѣ ждалъ его Маннерсъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА XVI.

Теперь мы должны разсказать, что дѣлалъ Маннерсъ съ минуты своего отъѣзда изъ Морлей-гоуза до прибытія къ лорду Бюри, то есть въ продолженіи восьми часовъ. Покамѣстъ сѣдлали лошадей, онъ, какъ уже намъ извѣстно, распрашивалъ ростьянина, слышавшаго въ лѣсу выстрѣлы; онъ убѣдился, то случай этотъ, по всей вѣроятности, не состоитъ въ связи съ тсутствіемъ де Во. Выстрѣлы были сдѣланы совсѣмъ не въ ой сторонѣ, куда, какъ можно было предполагать, ушелъ де о; самъ крестьяннъ говорилъ, что, по его мнѣнію, это стрѣляли раконьеры, и что онъ слышалъ выстрѣлы и въ предъидущую очь.

Убѣжденный, что де Во отправился на гору къ цыганамъ, Маннерсъ рѣшился ѣхать прямо туда, не теряя времени на быскъ лѣса, гдѣ сдѣланы были выстрѣлы. Это намѣреніе еще олѣе утвердилъ въ немъ краткій разговоръ съ садовникомъ, отораго онъ встрѣтилъ при выѣздѣ изъ воротъ.

Увидѣвши его, Маннерсъ остановилъ лошадь и спросилъ:

— Скажи, пожалуйста, не замѣтилъ ли ты сегодня по-утру ь саду слѣдовъ, идущихъ къ калиткѣ, по направленію къ Морей-доуну?

— Нѣтъ, отвѣчалъ садовникъ: — только ключъ отъ калитки оказался въ замкѣ снаружи, такъ-что въ садъ можно было ойти кому угодно. Впрочемъ, все цѣло. А что, вы слышали азвѣ, что кто-нибудь ночью входилъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Маннерсъ и пришпорилъ лошадь, спѣша оскорѣе отыскать цыганъ. — Полковникъ Маннерсъ былъ не отъ человѣкъ, чтобы останавливаться надъ вопросомъ, какія ѣла могутъ быть у Эдварда де Во съ главою шайки мошенниовъ, и потерять драгоцѣнное время. Продолжая ѣхать, онъ дивлялся, однако же, странному сближенію лицъ и дѣлалъ азныя предположенія, стараясь объяснить себѣ обстоятель-

ства, значеніе которыхъ уже извѣстно читателю. Подымаясь на гору, онъ безпрестанно шпорилъ свою лошадь, что̀ дѣлалъ только въ случаяхъ крайней необходимости. Лошадь пыхтѣла; но Маннерсъ, опасаясь, не слишкомъ ли уже много потерялъ онъ времени, не давалъ ей отдыха и говорилъ ей мысленно: «и стаей собакъ ты летѣла бы безъ принужденія, а теперь дѣло поважнѣе.»

Утреннее солнце согнало съ почвы легкій морозъ. Дорога, по которой ѣхалъ Маннерсъ, была тяжела. На горизонтѣ поднимался легкій туманъ, обѣщавшій дождь. Маннерсъ спѣшилъ не потому, чтобы боялся дождя, но потому, что долго прослужилъ среди племенъ, умѣющихъ итти за врагомъ по едва примѣтнымъ слѣдамъ на росистой травѣ или песку; Маннерсъ зналъ, что сильный дождь уничтожаетъ всякую надежду преслѣдователей.

Наконецъ онъ достигъ плоскости на вершинѣ горы; указывая на могильный холмъ, онъ сказалъ своимъ спутникамъ:

— Вильямъ! въѣзжай на этотъ холмъ и осмотри хорошенько всю окрестность. Если увидишь, что кто-нибудь бродитъ по равнинѣ или выглядываетъ, подай мнѣ тотчасъ знакъ. Если я кликну, скачи ко мнѣ. — Ты поѣдешь со мной, сказалъ онъ своему слугѣ.

Онъ пришпорилъ лошадь и поскакалъ прямо къ песчаной ямѣ, гдѣ видѣлъ на-канунѣ цыганъ. Кусты закрывали закраину ямы, въ которой стоялъ таборъ, и онъ не могъ видѣть ничего, не доѣхавши до самого углубленія.

Онъ былъ немало озадаченъ, увидѣвши на мѣстѣ табора только обыкновенные слѣды цыганской стоянки: нѣсколько тряпокъ, листокъ изъ какой-то старой книги, птичьи перья, шкуры разныхъ животныхъ, нѣсколько выженныхъ на землѣ пятенъ и два-три чурбана. Больше не было ничего, и Маннерсъ остановился въ раздумьи, что̀ ему дѣлать.

— Ступай назадъ шаговъ на сто, сказалъ онъ наконецъ своему слугѣ: — объѣзжай на этомъ разстояніи вокругъ ямы и смотри, не увидишь ли гдѣ свѣжихъ слѣдовъ.

Слуга поѣхалъ и черезъ нѣсколько минутъ закричалъ:

— Слѣды! вотъ здѣсь, на дорогѣ, которая идетъ въ ту сторону съ горы. Слѣды отъ копытъ и колесъ.

— Объѣзжай дальше, отвѣчалъ Маннерсъ. — Что̀ еще?

— Здѣсь тоже много слѣдовъ, сказалъ слуга, доѣхавши до мѣста, лежавшаго между Маннерсомъ и могильнымъ холмомъ. Только невидно, чтобы они шли куда-нибудь въ одну сторону.

Маннерсъ подъѣхалъ къ этому мѣсту. Слѣды были направлены во всѣ стороны; одни были больше, другіе меньше, одни свѣжи, другіе полустерты. Изъ этого ничего нельзя было заключить. Но такъ-какъ Маннерсъ имѣлъ причины думать, что де Во пришелъ въ таборъ съ этой стороны, то сошелъ съ лошади и началъ ходить на извѣстное разстояніе за каждой парой слѣдовъ въ разныя стороны. Но и это было напрасно: слѣды были такъ перепутаны, что онъ не могъ добиться толку, и хотѣлъ уже сѣсть опять на лошадь, когда слуга де Во прискакалъ къ нему съ словами:

— Тамъ, на опушкѣ лѣса, кто-то ходитъ: то выглянетъ, то спрячется. Вонъ, вонъ.... видите? Вонъ, теперь вышелъ.

Если бы Маннерсъ могъ спрятаться съ слугами отъ взоровъ приближавшагося человѣка, онъ спрятался бы; но лошадей нельзя было скрыть, и потому онъ счелъ за-лучшее спокойно стоять на мѣстѣ. Неизвѣстный подходилъ все ближе и ближе, но вдругъ остановился и потомъ быстро поворотилъ къ лѣсу.

Въ мгновеніе ока Маннерсъ сидѣлъ уже въ сѣдлѣ, и если бы дѣло зависѣло только отъ поспѣшности, то человѣкъ, очевидно старавшійся скрыться, не ушелъ бы отъ него. Но неизвѣстный отошелъ отъ лѣса не дальше какъ шаговъ на сто, и прежде, нежели Маннерсъ доскакалъ до опушки, пропалъ и слѣдъ его. Лабиринтъ деревъ и кустовъ препятствовалъ поискамъ. Маннерсъ остановился; вскорѣ потомъ подъѣхали къ нему слуги; слуга де Во, приподнявши шляпу, обратилъ вниманіе Маннерса на слѣды, замѣченные ими на пути къ лѣсу. Маннерсъ въ ту же минуту повернулъ назадъ и увидѣлъ въ лощинѣ, наполненной полузасохшимъ иломъ, ясные слѣды двухъ человѣкъ. Тутъ прошли, очевидно, не крестьяне: ступни были довольно узки; но одни слѣды были явно отъ подошвы моднаго сапога, и слуга де Во готовъ былъ клясться, что это слѣды его господина.

Оставалось итти по этимъ слѣдамъ какъ можно дальше; это было довольно трудно, потому-что почва, исключая лощины, была усѣяна мелкою травою. Наконецъ, однако же, шаговъ за пятьдесятъ отсюда, по тому направленію, куда указывали дру-

гіе слѣды, Маннерсъ отъискалъ слѣдъ каблука и пошелъ дальше. Иногда слѣды почти совершенно исчезали, и Маннерсъ принужденъ былъ возвращаться назадъ и итти за ними снова. Слуга продолжалъ утверждать, что это слѣды де Во, и Маннерсу удалось дойти за ними до закраины скалы, куда, какъ намъ извѣстно, цыганъ, дѣйствительно, повелъ Эдварда.

Опасенія Маннерса усилились. Де Во, какъ должно было предполагать, пришелъ сюда съ кѣмъ-то, но добровольно, потому-что слѣды не представляли ни малѣйшаго признака насилія; а между тѣмъ именно недалеко отсюда слышали въ лѣсу выстрѣлы, по тому направленію, куда вели слѣды. Что́ за надобность была Эдварду — подумалъ онъ — итти въ такое уединенное мѣсто, по тропинкѣ, которая никуда больше не ведетъ, среди глухой ночи, и съ человѣкомъ, повидимому вовсе ему чужимъ? и что́ за цѣль имѣлъ незнакомецъ вести его ночью въ такое мѣсто?

Онъ не могъ дать себѣ на эти вопросы никакого отвѣта и началъ серьёзно опасаться за участь де Во. Онъ оглядывался съ такимъ стѣсненнымъ сердцемъ, съ такимъ страхомъ, какого никогда не испытывалъ на полѣ сраженія.

Наконецъ глаза его остановились на тропинкѣ, по которой Эдвардъ и цыганъ спустились съ горы. Маннерсъ пошелъ по ней. Слѣды двухъ человѣкъ были видны и здѣсь; они вели къ спиленному дубу. Другіе слѣды шли на-верхъ, но, очевидно, принадлежали не Эдварду. Нѣсколько капель крови бросились въ глаза Маннерсу, когда онъ сходилъ по тропинкѣ; потомъ еще и еще, и багровыя пятна привели его къ мѣсту, гдѣ было столько слѣдовъ, что тутъ, очевидно, прошло много людей. Но всего важнѣе было то, что какъ разъ возлѣ того мѣста, гдѣ цыганъ разговаривалъ съ де Во, песокъ всосалъ въ себя значительное количество крови, и мелкая трава, росшая тутъ разбросанными кучками, алѣла кровавыми пятнами.

Маннерсъ съ ужасомъ и скорбью увидѣлъ ясные признаки печальной участи своего друга; ему было жаль Эдварда, но еще болѣе жаль тоій, которая готова была сдѣлаться его женою. Сердце его облилось кровью. Тяжелое чувство усилилось еще болѣе, когда онъ подумалъ, что самъ былъ нѣкоторымъ образомъ орудіемъ въ рукахъ врага, заманившаго друга его въ ловушку. Тѣмъ тверже рѣшился онъ не оставлять поисковъ до

тѣхъ поръ, пока не найдетъ и не отдастъ въ руки правосудія убійцу. Онъ рѣшился посвятить этому всего себя, со всѣмъ своимъ имуществомъ и жизнью, слѣдя за убійцей съ упорствомъ злого пса, преслѣдующаго волка.

Мщеніе было тяжелою обязанностью для человѣка съ такимъ сердцемъ, какъ Маннерсъ; но ему предстояло дѣло еще болѣе тяжелое: сообщить свое печальное открытіе родственникамъ Эдварда. Онъ подумалъ о слезахъ Маріанны, о глубокой скорби мистриссъ Фальклендъ и ея дочери, и невольно вздрогнулъ.

Но онъ скоро отогналъ отъ себя эти мысли. Нельзя было терять времени: Маннерсъ былъ человѣкъ не только чувствительный, но и дѣятельный, и въ туже минуту принялъ мѣры для отысканія убійцы.

Онъ началъ съ того, что снялъ мѣрки съ слѣдовъ и съ точностью записалъ въ памятной книжкѣ всѣ обстоятельства своихъ поисковъ.

Онъ былъ увѣренъ, что человѣкъ, выглядывавшій изъ лѣсу, замѣшанъ въ дѣло, если не самъ былъ въ немъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Между цыганами, безъ всякаго сомнѣнія были соучастники въ преступленіи. Переговоривши съ слугами о сдѣланномъ ими открытіи, онъ спросилъ, какъ называется ближайшее къ помѣстью лорда Дьюри мѣстечко; слуга де Во назвалъ деревню Баргольмъ, и Маннерсъ отдалъ слугамъ слѣдующія приказанія.

— Ты, Вильямъ, ступай назадъ къ песчаной ямѣ: ты найдешь тамъ слѣды колесъ и ногъ; они идутъ въ противную сторону отъ дороги, по которой мы пріѣхали, и указываютъ, куда отправились цыгане. Поѣзжай по этимъ слѣдамъ какъ можно скорѣе и разспрашивай вездѣ о цыганахъ. Слѣди за ними шагъ за шагомъ, пока не настигнешь ихъ. Потомъ найми крестьянъ, чтобы день и ночь не спускали съ нихъ глазъ; заплати имъ, что потребуютъ, впередъ, и накажи имъ слѣдить за цыганами, куда бы они ни ушли. Вотъ тебѣ банковый билетъ. Не жалѣй денегъ и не теряй времени. Распорядившись всѣмъ этимъ, пріѣзжай ко мнѣ въ Баргольмъ. Я буду туда на ночь. Ступай!

Слуга уѣхалъ, и Маннерсъ обратился къ другому.

— Ты, Джонъ, сказалъ онъ: — спустись сейчасъ на дорогу и скачи въ деревню. Набери, сколько можешь и за какую бы то

ни было цѣну, лежихъ молодцовъ и разставь патрули вокругъ лѣса, какъ ставили мы ихъ прошлый годъ вокругъ лѣса у Морелля. Не забудь, что все зависитъ отъ поспѣшности. Вотъ тебѣ деньги; если понадобится больше, пришли людей ко мнѣ въ Морлей-гоузъ. Когда разставишь патрули, поручи команду кому-нибудь, кто посмышленѣе, и пріѣзжай ко мнѣ.

— А сказать имъ, зачѣмъ все это дѣлается? спросилъ слуга.

Маннерсъ подумалъ съ минуту, и сказалъ:

— Да; этого требуютъ обстоятельства. Крестьяне любятъ мистриссъ Фальклендъ и ея семейство. Они будутъ усердны, узнавши, въ чемъ дѣло. Не теряй времени, Джонъ, чтобы онъ не успѣлъ убѣжать изъ лѣсу. Онъ вѣроятно просидитъ въ немъ еще съ полчаса, ожидая, что мы уѣдемъ, а потомъ постарается уйти. Дозорныхъ надо будетъ набрать человѣкъ двадцать пять; тогда на каждаго придется по полуминѣ. Я думаю, столько-то ихъ наберется въ деревнѣ; впрочемъ, сдѣлай, что можешь.

Слуга спустился съ горы, а Маннерсъ поворотилъ къ Морлей-гоузу. Онъ зналъ, что не долженъ терять напрасно времени и не имѣетъ права оставлять въ неизвѣстности родственниковъ Эдварда; но открытіе его было такъ печально, что онъ невольно замедлилъ шагъ своей лошади и возвращался домой не такъ быстро, какъ ѣхалъ оттуда.

— Гдѣ миссъ де Во? спросилъ онъ у слуги, подошедшаго взять его лошадь.

Ему стало легче, когда онъ услышалъ, что она сошла внизъ. Онъ пошелъ въ гостиную, но въ залѣ встрѣтила его Изидора: веселость исчезла съ ея лица, и на немъ выражались только страхъ и тревожное ожиданіе.

— Вы смотрите не весело, сказала она Маннерсу. — Ради Бога, что вы узнали?

— Ничего вѣрнаго, отвѣчалъ Маннерсъ, стараясь сообщить ей извѣстіе какъ можно осторожнѣе. Все это очень странно; впрочемъ я надѣюсь....

— Надѣюсь! прервала его Изидора.—О, вы знаете больше, нежели можете сказать! Бѣдная Маріанна! Скажите, скажите мнѣ все, умоляю васъ. Право, эта неизвѣстность хуже всего.

— Мнѣ почти нечего вамъ сказать, миссъ Фальклендъ, отвѣчалъ онъ: — хотя я и долженъ признаться, что не могу васъ ничѣмъ успокоить.

— А цыгане? Видѣли вы ихъ?

— Нѣтъ. Они ушли. Я, впрочемъ, отыскалъ ихъ слѣдъ, и послалъ за ними въ погоню слугу де Во.

— А сами остались! воскликнула Изидора, но сейчасъ же прибавила: — впрочемъ, да, я знаю васъ, Маннерсъ! Вы не отправили бы на поиски слугу, если бы не открыли чего-нибудь такого, почему присутствіе ваше здѣсь необходимѣе. Вотъ и маленька. Ради Бога, скажите намъ все.

— Надѣюсь, миссъ де Во теперь лучше? сказалъ Маннерсъ, обращаясь къ вошедшей мистриссъ Фальклендъ.

— Она уснула; ей дали опіуму, отвѣчала мистриссъ Фальклендъ: — и сколько могу судить по выраженію вашего лица, такъ она заснула очень кстати. Скажите же прямо, что вы узнали? Безъ предисловія.

— Я не скрою отъ васъ, что участь де Во меня сильно безпокоитъ, сказалъ Маннерсъ. — Цыганскаго табора я уже не нашелъ. Нашелъ только слѣды колесъ и ногъ, указавшіе мнѣ, въ которую сторону они отправились. Въ другой сторонѣ мы нашли другіе слѣды, и человѣкъ Эдварда утверждаетъ, что это слѣды его господина. Я пошелъ по этимъ слѣдамъ сколько могъ дальше. Они вели въ ту сторону, гдѣ сегодня ночью слышали выстрѣлы.

— Боже мой! воскликнула Изидора, заплакавши. — Бѣдный Эдвардъ! Бѣдная Маріанна!

— Не плачьте, миссъ Фальклендъ, сказалъ Маннерсъ: — глядя на ваши слезы, я не въ состояніи докончить разсказа. Подумайте, что вѣдь мы не открыли ничего вѣрнаго; подобные признаки очень часто обманываютъ.

— Оставьте ее: пусть плачетъ, сказала мистриссъ Фальклендъ. — Мужчины не понимаютъ, какое облегченіе доставляютъ намъ слезы. Я очень сожалѣю, что слишкомъ много испытаннаго горя лишило меня способности плакать. Продолжайте: куда же вели эти слѣды?

— Къ скалѣ надъ поворотомъ дороги, отвѣчалъ Маннерсъ: — въ милю въ ту сторону отъ деревни.

— А! сказала мистриссъ Фальклендъ, въ сильномъ волненіи. — Тамъ былъ убитъ братъ мой!

— Нѣтъ, не совсѣмъ тамъ, отвѣчалъ Маннерсъ. — Эдвардъ указывалъ мнѣ это мѣсто, когда мы ѣхали сюда. Мѣсто, о ко-

? Видѣли вы ихъ?

ушли. Я, впрочемъ, отъискалъ ихъ слѣдъ, и въ погоню слугу де Во.

стались! воскликнула Изидора, но сейчасъ же прочемъ, да, я знаю васъ, Маннерсъ! Вы не поиски слугу, если бы не открыли чего-нибудь присутствіе ваше здѣсь необходимѣе. Вотъ и ма-га, скажите намъ все.

миссъ де Во теперь лучше? сказалъ Маннерсъ, ошедшей мистриссъ Фальклендъ.

ла; ей дали опіуму, отвѣчала мистриссъ Фаль-колько могу судить по выраженію вашего лица, очень кстати. Скажите же прямо, что вы узна-словія.

ою отъ васъ, что участь де Во меня сильно без-лъ Маннерсъ. — Цыганскаго табора я уже не лъ только слѣды колесъ и ногъ, указавшіе мнѣ, рону они отправились. Въ другой сторонѣ мы лѣды, и человѣкъ Эдварда утверждаетъ, что это одина. Я пошелъ по этимъ слѣдамъ сколько могъ ели въ ту сторону, гдѣ сегодня ночью слышали

й! воскликнула Изидора, заплакавши. — Бѣдный ая Маріанна!

ьте, миссъ Фальклендъ, сказалъ Маннерсъ: — слезы, я не въ состояніи докончить разсказа. о вѣдь мы не открыли ничего вѣрнаго; подобные часто обманываютъ.

е ее: пусть плачетъ, сказала мистриссъ Фаль-жчины не понимаютъ, какое облегченіе доста-лезы. Я очень сожалѣю, что слишкомъ много оря лишило меня способности плакать. Продол-вели эти слѣды?

ъ поворотомъ дороги, отвѣчалъ Маннерсъ:-

ну отъ дерев

мистриссъ волне-

убитъ бр

ъ

о-

STANFORD LIBRARIES

торомъ я говорю, близко оттуда, но не то. На этой скалѣ слѣды Эдварда исчезли, и я могъ отыскать только чьи-то другіе, ведшіе оттуда обратно.

Изидора продолжала плакать. Мистриссъ Фальклендъ, замѣтивши, что Маннерсъ вдругъ остановился, устремила на него испытующій взоръ. Маннерсъ взглянулъ на Изидору, приподнялъ брови и слегка покачалъ головою. Мистриссъ Фальклендъ поняла этотъ знакъ, взяла дочь свою за руку и сказала:

— Поди, душа моя, посиди у Маріанны. Полковнику Маннерсу надо, можетъ быть, переговорить со мною наединѣ.

Изидора вышла, и мистриссъ Фальклендъ обратилась къ Маннерсу съ словами:

— Теперь говорите все. Что вы открыли?

— Съ прискорбіемъ долженъ я сказать вамъ, что песокъ на этомъ мѣстѣ былъ залитъ кровью.

Мистриссъ Фальклендъ закрыла глаза рукою и нѣсколько минутъ не произносила ни слова. Наконецъ она опустила руки, и Маннерсъ продолжалъ:

— Теперь я сказалъ вамъ все. Я принялъ мѣры для отысканія виновнаго. Но я все-таки повторяю, что подобные признаки часто бываютъ обманчивы. Однако же, надо распорядиться такъ, какъ-будто дѣло не подлежитъ сомнѣнію. Кто тутъ ближайшій судья? Я сейчасъ пошлю къ нему.

— Ближе всѣхъ старикъ Арденъ, отвѣчала мистриссъ Фальклендъ. — Онъ человѣкъ дѣятельный и распорядительный, — только немножко строгій,—тотъ самый, который съ такой энергіей производилъ слѣдствіе о смерти брата.

— Такъ я ему напишу сейчасъ же, сказалъ Маннерсъ. — Потомъ мнѣ надо будетъ уѣхать. Я возвращусь завтра къ утру. Мнѣ не слѣдовало бы безпокоить васъ въ такія минуты, но я считаю моимъ долгомъ....

— И, полноте, прервала его мистриссъ Фальклендъ. — Вы сдѣлаете мнѣ величайшее одолженіе, если возьметесь за это дѣло отъ моего лица. Вы не должны покидать насъ въ такое время, когда намъ нужны ваша помощь и совѣтъ. Я хочу попросить васъ еще объ одномъ, хотя это и будетъ вамъ, можетъ быть, непріятно: отецъ де Во, — его надобно бы извѣстить. Онъ всей душой привязанъ къ сыну, и я увѣрена, что вы будете

олько великодушны, что забудете въ минуты общей горести объ скорбленіи, которое....

— Я самъ думалъ поѣхать къ лорду Дьюри, написавши письо къ мистеру Ардену. Слуга де Во будетъ меня дожидаться въ аргольмѣ. Повѣрьте, что маленькій споръ мой съ отцомъ Эдвара не помѣшаетъ мнѣ постараться смягчить жестокое для него звѣстіе.

— Отъ вашей доброты можно ожидать всего, отвѣчала миссъ Фальклендъ. — Не умѣю вамъ выразить, какъ ободряетъ еня ваше присутствіе. Извините, если я, можетъ быть, плохо сполняю долгъ хозяйки; вамъ не мѣшало бы закусить передъ ѣздомъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, сказалъ Маннерсъ. — Я васъ не держиваю. Вамъ тоже предстоитъ горькая необходимость общить это извѣстіе той, которую поразитъ оно больше сѣхъ.

— Право, я сама не знаю, какъ это сдѣлать, отвѣчала миссъ Фальклендъ.—Маріанна кажется холодною, но она, наротивъ того, очень чувствительна. Сердце у нея пылкое и горяее; она сама это знаетъ, и потому-то именно, можетъ быть, и е даетъ воли своимъ чувствамъ. Это извѣстіе можетъ ее убить.

— Такъ не говорите ей, сказалъ Маннерсъ. — Я не защитникъ тайнъ и благонамѣренныхъ умолчаній. Кто можетъ выслушать печальную вѣсть, тому надо сообщить ее; но мы должны сообразоваться съ натурой каждаго. Я совѣтовалъ бы вамъ — если вы позволите — сказать только миссъ де Во, что я еще е отыскалъ Эдварда и отправился искать его въ другую сторону.

— Я такъ и сдѣлаю, отвѣчала миссъ Фальклендъ: — я остараюсь приготовить ее къ извѣстію по-немногу. Неизвѣстость будетъ для нея мучительна, но не поразитъ ее такъ, какъ езапное подтвержденіе всѣхъ опасеній. Позвольте мнѣ вамъ олько замѣтить, что братъ мой вынесетъ это извѣстіе не такъ вердо, какъ вы, можетъ быть, предполагаете. Любовь его къ ыну не слабѣе другихъ его страстей.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ Маннерсъ, взявши ее за ру-у. — Я буду остороженъ.

— Вполнѣ увѣрена, что полковникъ Маннерсъ ни къ кому е будетъ жестокъ. Къ какому часу приказать приготовить кипажъ?

— Экипажа вовсе не надо, отвѣчалъ Маннерсъ. — Я поѣду верхомъ. Только напишу письмо, и дождусь моего человѣка. Я не хочу васъ дольше задерживать. Дай Богъ, чтобы мы ошиблись.

ГЛАВА XVII.

Ничто, можетъ быть, не доказываетъ человѣческой слѣпоты такъ ясно, какъ безпрестанныя ошибки въ расчетѣ самыхъ простыхъ, но не подлежащихъ нашей власти событій. Вамъ подаютъ письмо; адресъ написанъ знакомою рукою, и прежде нежели письмо распечатано, воображеніе уже разсказало вамъ его содержаніе; но печать сломана, — и вы читаете совершенно не то. Къ вамъ пріѣхалъ знакомый или незнакомый; еще не успѣли вы выйти къ нему въ пріемную, какъ воображеніе уже нарисовало вамъ его образъ и разсказало причину его прихода. Вы ожидаете пріятной встрѣчи, веселаго извѣстія—и узнаете о смерти близкаго человѣка.

Такъ и лордъ Дьюри, идя въ комнату, куда велѣлъ пригласить Маннерса, думалъ о причинѣ его пріѣзда. «Онъ пріѣхалъ или просить извиненія, думалъ лордъ: — и въ такомъ случаѣ я выскажу ему все мое презрѣніе, или изъявить готовность дать мнѣ удовлетвореніе, и въ такомъ случаѣ я буду имѣть поводъ требовать у Эдварда немедленнаго прекращенія ихъ дружбы.

Онъ отворилъ дверь въ салонъ, среди котораго стоялъ Маннерсъ въ пыли, въ сапогахъ со шпорами, съ спокойнымъ выраженіемъ лица.

— Я по неволѣ долженъ былъ васъ обезпокоить, сказалъ Маннерсъ, увидѣвши входящаго лорда: — мнѣ очень непріятно тревожить васъ въ такое время дня; но дѣло, по которому я пріѣхалъ, не терпитъ отлагательства.

— Не понимаю, отвѣчалъ лордъ, нахмуривши брови: — какое можетъ быть у насъ дѣло послѣ нашей послѣдней встрѣчи, когда вамъ угодно было...

— Теперь, прервалъ его Маннерсъ, желая не возобновлять стараго: — теперь я пріѣхалъ къ вамъ совсѣмъ по другому дѣлу; мнѣ чрезвычайно досадно, что между нами случились вещи, которыя дѣлаютъ присутствіе мое для васъ непріятнымъ.

— Сожалѣніе ваше опоздало; это обыкновенно такъ случается, возразилъ лордъ. Но въ чемъ же ваше дѣло? Говорите. Чѣмъ скорѣе мы его кончимъ, тѣмъ лучше.

Въ упорной грубости лорда было что-то оскорбительное; но Маннерсъ не далъ воли своему сердцу. Въ груди его было другое чувство, сильнѣе гнѣва; сожалѣніе къ осиротѣвшему старику заглушало въ немъ прочія чувства до такой степени, что онъ приступилъ къ своему дѣлу очень кротко и осторожно, какъ-будто обмѣнялся съ лордомъ самыми обыкновенными привѣтствіями.

— Я пріѣхалъ къ вамъ какъ къ одному изъ главныхъ начальствующихъ лицъ графства, какъ къ лорду лейтенанту....

— Напрасно вы не обратились къ другимъ властямъ, которымъ присутствіе ваше было бы пріятнѣе.

— Я такъ и сдѣлалъ бы, если бы дѣло, по которому я принужденъ обратиться къ должностному лицу, не касалось такъ близко именно васъ; я написалъ уже письмо къ ближнему мирному судьѣ, мистеру Ардену, но счелъ моимъ долгомъ лично попросить васъ помочь нашимъ розыскамъ.

Маннерсъ замѣтилъ, что лордъ измѣнился въ лицѣ и слегка поблѣднѣлъ. Онъ и не думалъ, разумѣется, приписывать этого сознанію вины, и слѣдовательно личной опасности, но увидѣлъ, что первый шагъ сдѣланъ, и что лордъ приготовленъ уже нѣкоторымъ образомъ выслушать роковое извѣстіе. Но лордъ Дьюри сдѣлалъ такой отвѣтъ, который едва не заставилъ Маннерса сейчасъ же высказать ему все.

— Смѣю спросить, сказалъ онъ: — почему, если встрѣтилось важное, касающееся до меня дѣло, почему извѣщаетъ меня объ этомъ не сынъ мой?

— Потому, что онъ не могъ васъ объ этомъ извѣстить. Его нѣтъ въ Морлей-гоузѣ.

— Нѣтъ въ Морлей-гоузѣ! Гдѣ же онъ?

— Не могу вамъ сказать; я самъ не знаю.

— Боже мой, какъ это странно! сказалъ лордъ Дьюри, встревоженный больше голосомъ, какимъ сказаны были эти слова, нежели самыми словами. — Изъяснитесь, ради Бога! Гдѣ мой сынъ? Въ чемъ ваше дѣло? Садитесь, сдѣлайте одолженіе. Чего вы желаете?

Маннерсъ увидѣлъ, что ему надо быть осторожнѣе.

— Позвольте спросить, сказалъ онъ: — слышали ли вы когда-нибудь о нѣкоемъ Фарольдѣ, цыганѣ?

Онъ думалъ этимъ вопросомъ отвлечь вниманіе лорда на посторонній предметъ, но только удвоилъ его безпокойство. Съ минуту мысли лорда были въ страшномъ безпорядкѣ; онъ не зналъ къ чему ведетъ вопросъ Маннерса, и боялся, не узналъ ли человѣкъ, оскорбленный имъ такъ глубоко, какую-нибудь изъ его тайнъ. Онъ поднесъ руку къ головѣ, какъ-то дико взглянулъ на спрашивающаго, но въ ту же минуту, вспомнивши принятыя мѣры, успокоился и отвѣчалъ съ улыбкою:

— Вы встревожили меня, заговоривши о моемъ сынѣ. Вы спрашиваете, знаю ли я цыгана Фарольда? Знаю; этотъ человѣкъ, къ несчастью, дался знать нашей фамиліи.

— Имѣете вы причины думать, что онъ готовъ вредить вашему семейству?

— Имѣю, и очень сильныя.... Онъ доказалъ это на дѣлѣ и ищетъ нашей погибели.

— Не имѣетъ ли онъ особенно чего-нибудь противъ вашего сына?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ лордъ, вскакивая со стула: — нѣтъ! Да что́ вы хотите этимъ сказать? тутъ что-то кроется; что́ случилось съ Эдвардомъ? гдѣ онъ?

— Очень жалѣю, что не могу вамъ этого сказать. Я пріѣхалъ къ вамъ именно затѣмъ, чтобы условиться на-счетъ мѣръ къ его отысканію. Онъ ушелъ, кажется, повидаться съ этимъ Фарольдомъ и съ тѣхъ поръ не возвращался.

Нимало не подозрѣвая того, что́ происходило въ груди лорда, Маннерсъ думалъ, что, умолчавши сначала о доказательствахъ смерти Эдварда, онъ постепенно приготовитъ несчастнаго отца къ роковому извѣстію. Вышло иначе. Мысль, что сынъ его пошелъ на свиданіе съ свидѣтелемъ его преступленія, была для лорда убійственнѣе извѣстія о его смерти. Забывши, что онъ не одинъ, онъ всплеснулъ руками и началъ ходить по комнатѣ, говоря въ-полголоса: «мерзавецъ! негодяй! теперь все кончено!» Потомъ, вспомнивши, что онъ въ присутствіи посторонняго человѣка, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и постарался приписать свое волненіе безпокойству объ участи сына.

— Вы меня ужасно встревожили, сказалъ онъ: — ради Бога, разскажите мнѣ все подробно. Тутъ случилось что-нибудь по-

важнѣе обыкновеннаго отсутствія, если безпокоится воинъ, привыкшій къ опасностямъ. Сестра моя тоже нелегко поддается пустому страху. Скажите же, что́ случилось съ моимъ сыномъ, и почему вы предполагаете, что у него есть какія-нибудь сношенія съ человѣкомъ, котораго я больше нежели подозрѣваю въ ужасномъ преступленіи, и который не задумается повредить члену облагодѣтельствовавшаго его семейства?

— Дѣло вотъ въ чемъ:... впрочемъ, несмотря на странныя обстоятельства, я все-таки думаю, что отсутствіе вашего сына зависитъ отъ случайной и неважной причины.... да, такъ дѣло вотъ въ чемъ: эту ночь де Во не ложился спать; онъ вышелъ изъ Морлей-гоуза ночью и до сихъ поръ не возвращался. Вчера еще онъ говорилъ миссъ де Во, что намѣренъ пойти къ цыгану, по имени Фарольду, отъ котораго получилъ по-утру письмо. Но онъ хотѣлъ итти въ таборъ, расположенный на Морлей-доунѣ, днемъ, а не ночью. Долгое отсутствіе его, естественно, безпокоитъ мистриссъ Фальклендъ и ея семейство.

— И развѣ его не искали? не нашли слѣдовъ? спросилъ лордъ Дьюри, опасеніе котораго приняло другое направленіе. Не надо было терять времени.

— Мы и не теряли его, отвѣчалъ Маннерсъ: — я самъ ѣздилъ на мѣсто, гдѣ стоялъ таборъ. Но цыганъ уже не было; они ушли ночью или на-зарѣ. Мы нашли, однако же, на землѣ слѣды, вѣроятно отъ ногъ человѣка, сопутствовавшаго ему на ночной прогулкѣ.

— Кудаже они вели? спросилъ лордъ въ страшномъ волненіи: — говорите́ все, ради Бога! вы знаете больше; куда вели они?

— Къ крутой возвышенности надъ дорогою, съ милю на западъ отъ Морлей-гоуза, вблизи лѣсистаго мыса, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ.

Лордъ Дьюри затрепеталъ всѣми членами, но сдѣлалъ надъ собою усиліе и сказалъ:

— Продолжайте, продолжайте. Говорите все.

— Мнѣ мало остается прибавить, отвѣчалъ Маннерсъ: — на этой возвышенности слѣды исчезали, и....

Онъ остановился, и лордъ спросилъ торопливо:

— И что?

Надо же наконецъ сказать, подумалъ Маннерсъ.

— Песокъ былъ обагренъ кровью, сказалъ онъ.

Лордъ застоналъ.

— Сынъ мой! несчастный сынъ мой! воскликнулъ онъ, и потомъ замолчалъ на нѣсколько минутъ.

Легче вообразить себѣ, нежели описать, что происходило въ душѣ лорда, пока Маннерсъ разсказывалъ ему о своихъ поискахъ. Чувства смѣнялись въ немъ каждую минуту; съ каждымъ словомъ раждались въ немъ новыя опасенія. Онъ боялся, не узналъ ли сынъ о его преступленіи, не заставилъ ли онъ самъ своими поступками цыгана отомстить ему открытіемъ его тайны. Лордъ былъ убѣжденъ, что Фарольдъ способенъ на всякое преступленіе: это убѣжденіе было результатомъ страннаго, но обыкновеннаго въ человѣческомъ умѣ процесса, вслѣдствіе котораго виновный старается самъ передъ собою скрыть свою порочность тѣмъ, что рисуетъ себѣ и другихъ въ такихъ же черныхъ краскахъ. Онъ думалъ, что цыганъ узналъ, можетъ быть, о ловушкѣ, приготовленной для него Гарвеемъ, и, желая отомстить, убилъ Эдварда или открылъ ему преступленіе отца.

Когда Маннерсъ окончилъ свой разсказъ, лордъ заключилъ, что Фарольдъ убилъ его сына. Воображенію его представился наслѣдникъ его имени, лежащій безъ дыханія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ убилъ онъ своего брата. Всѣ чувства его слились въ глубокой скорби. Онъ любилъ своего сына, онъ удивлялся ему. Любовь и гордость отвели Эдварду единственное живое мѣстечко въ сердцѣ лорда, — оазисъ среди пустыни страстей. Теперь лордъ былъ круглый сирота. До сихъ поръ онъ плылъ по морю жизни среди бурь и валовъ какъ мореходецъ, которому свѣтитъ еще на небѣ одна яркая точка; теперь и ее застлали тучи, — прошедшее и будущее слилось въ одну безвыходную тьму Жизнь не стоила труда жить; на минуту овладѣло имъ отчаянье; но сильнѣйшая изъ людскихъ страстей не замедлила проснуться и снова зажгла полупогасшій факелъ надежды. Мщеніе пробудилось въ его сердцѣ; онъ вспомнилъ, что Фарольдъ завтра будетъ у него въ рукахъ, и эта мысль доставила ему минуту наслажденія. Жажда мести заглушила въ немъ все остальное.

«Онъ поразилъ меня въ самое сердце, думалъ онъ: — я поражу его еще глубже; онъ узнаетъ, что̀ значитъ поднять руку на моего сына!

Мрачныя картины мести возникли передъ его воображеніемъ, и онъ наслаждался созерцаніемъ будущихъ сценъ, — долгимъ тюремнымъ заключеніемъ, — процессомъ, — допросами, — яростью, которая закипитъ въ груди цыгана, когда его выведутъ на позоръ передъ людьми ненавистнаго ему племени, — эшафотомъ, на которомъ онъ умретъ.

Занятый этими мыслями, лордъ Дьюри молчалъ; но лицо его говорило, и члены вздрагивали отъ силы внутренняго чувства. Маннерсъ видѣлъ, что онъ въ сильномъ волненіи, но не зналъ причины и приписалъ все это горести. Онъ обратился къ лорду какъ къ должностному лицу только затѣмъ, чтобы сообщить ему извѣстіе не вдругъ, а постепенно, какъ можно осторожнѣе; теперь онъ счелъ за-лучшее призвать его къ дѣятельному участію въ поимкѣ виновнаго, зная, что всякое занятіе отвлекаетъ человѣка отъ пассивнаго, тяжелаго созерцанія своего несчастія.

— Повѣрьте, сказалъ онъ: — что никто больше меня не сочувствуетъ вашему горю, но позвольте вамъ напомнить, что должно немедленно распорядиться средствами къ поимкѣ убійцы. Я рѣшился преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ преданъ суду.

Лордъ Дьюри горячею рукою пожалъ руку Маннерса, своего недавняго врага. Обстоятельства связали ихъ теперь странными узами. Они оба любили Эдварда, и смерть его, разумѣется, еще болѣе усилила эту любовь; оба они желали также схватить и предать убійцу въ руки правосудія. Пожимая руку Маннерса, лордъ сказалъ:

— Благодарю васъ; я долженъ еще просить у васъ извиненія за прошедшее, но....

— Не вспоминайте объ этомъ, прервалъ его Маннерсъ. — Это дѣло прошлое, забытое. Соединимте лучше наши усилія къ открытію истины; важнѣе всего арестовать этого Фарольда, на котораго падаетъ сильное подозрѣніе.

Худое, желтое лицо лорда пріяло радостью побѣды.

— Если я не ошибаюсь, сказалъ онъ: — этотъ Фарольдъ будетъ взятъ сегодня же ночью. Онъ и товарищи его занимаются не однимъ убійствами. Нѣсколько дней тому назадъ, мой сторожъ въ Димденѣ доложилъ мнѣ, что цыгане собираются воровать у меня въ паркѣ дичь, и я немедленно распорядился, что-

— Песокъ былъ обагренъ кро [illegible]

Лордъ застоналъ.

— Сынъ мой! несчастный сы [illegible]
потомъ замолчалъ на нѣсколько [illegible]

Легче вообразить себѣ, нежели [illegible]
душѣ лорда, пока Маннерсъ разс [illegible]
Чувства смѣнялись въ немъ ка [illegible]
вомъ раждались въ немъ новыя [illegible]
ли сынъ о его преступленіи, не [illegible]
ступками цыгана отомстить ему [illegible]
былъ убѣжденъ, что Фарольдъ [illegible]
это убѣжденіе было результат [illegible]
въ человѣческомъ умѣ процес [illegible]
старается самъ передъ собою [illegible]
что рисуетъ себѣ и другихъ [illegible]
Онъ думалъ, что цыганъ у [illegible]
приготовленной для него Га [illegible]
Эдварда или открылъ ему п [illegible]

Когда Маннерсъ оконч [illegible]
что Фарольдъ убилъ его [illegible]
наслѣдникъ его имени, а [illegible]
мѣстѣ, гдѣ убилъ онъ сво [illegible]
глубокой скорби. Онъ лю [illegible]
Любовь и гордость отц [illegible]
ко въ сердцѣ лорда, — [illegible]
лордъ былъ круглый с [illegible]
жизни среди бурь и [illegible]
еще на небѣ одна [illegible]
прошедшее и буду [illegible]
Жизнь не стоила [illegible]
но сильнѣйшая [illegible]
ся и снова зажгла [illegible]
будилось въ его [illegible]
будетъ у него [illegible]
[illegible]

[illegible]

ности заступиться за цыгана, счи-
. Съ сѣхъ поръ я долженъ былъ
, и имѣю неопровержимыя доказа-

ie вызвало лорда удивленіе, изобра-
. Удивленіе это проистекало отчасти
цыгана въ новомъ преступленіи было
неожиданно, и отчасти изъ слабости,
томъ числѣ Маннерсу:
ровь на песку. Маннерсъ питалъ еще
да, можетъ быть, не такъ ужасна, какъ
новывалась на томъ, что лицо, пріемы
ичали въ немъ человѣка, знакомаго съ
рсъ, впрочемъ, слишкомъ хорошо зналъ
отъ этого своихъ распоряженій. Онъ
ъ лицемѣры всѣхъ возможныхъ родовъ,
сердца, и характеръ его представлялъ
энергіи съ разсудительностью и спокой-
дахъ, что и отличало его отъ окружав-
подмѣтилъ въ цыганѣ какую-то возвышен-
, противорѣчившую его цыганскому про-
рую трудно было бы пріобрѣсти въ таборѣ,
дана ему отъ природы, если бы она не
шевнаго спокойствія и сознанія собственной
рольда казалось ему открытымъ, хотя и ди-
былъ того мнѣнія, что порочность болѣе или
нія на выраженіе лица. Все это его поразило;
сказано; не отмѣнилъ поэтому своихъ распо-
же что-то говорило ему, что цыганъ не спосо-
. Послѣ этого понятно, почему смѣлое обвине-
ачило его до такой степени. Онъ не имѣлъ ни-
думать, чтобы лордъ захотѣлъ взводить на него
ключилъ, что самъ былъ обманутъ притвор-
ла.

лъ кое-что объ этомъ, отвѣчалъ онъ лорду:—меня
шеніе только потому, что оно сильно увеличи-
падающее на цыгана въ настоящемъ случаѣ.
тыя вами мѣры окажутся успѣшны, но поз-
несчастная новость, которую я, къ сожа-

лѣнію, долженъ былъ вамъ сообщить, требуетъ, кажется, еще дальнѣйшихъ распоряженій о поимкѣ цыгана; это новое преступленіе измѣняетъ всѣ обстоятельства; теперь цыгане можетъ быть раздумаютъ итти воровать дичь.

Лордъ Дьюри ударилъ рукою по столу, пораженный вѣрностью этого замѣчанія, и вообразилъ уже, что цыганъ спасся, или укрылся до пріѣзда Рейдера, когда всѣ его хитрости не поведутъ ни къ чему и даже сдѣлаются для него опасны.

— Онъ будетъ взятъ, если бы это стоило мнѣ даже жизни! воскликнулъ онъ. — Но какъ его взять? Вотъ въ чемъ вопросъ, полковникъ Маннерсъ. Ваше замѣчаніе справедливо: убійство моего несчастнаго сына заставитъ ихъ удалиться отъ мѣста преступленія, и они, вѣроятно, уже ушли. Что намъ дѣлать? гдѣ ихъ отъискать? Научите, Маннерсъ, если вы любите вашего товарища.

Волненіе его было ужасно; Маннерсъ увидѣлъ, что его можетъ успокоить только надежда на поимку цыгана.

— Я готовъ подать вамъ совѣтъ и помощь, сказалъ онъ. — Вамъ легче будетъ обдумать, что дѣлать, когда я вамъ разскажу, что уже сдѣлано. Я распорядился по-солдатски; и можетъ быть отъ этого дѣло не выйдетъ хуже.

— Напротивъ того, лучше, сказалъ лордъ Дьюри — Разскажите же мнѣ все подробно.

— Во-первыхъ, я отправилъ слугу де Во, расторопнаго малаго, отъискать цыганъ по слѣдамъ, найденнымъ нами на Морлей-доунѣ. Я снабдилъ его деньгами, для найма помощниковъ и для другихъ надобностей, и приказалъ ему, исполнивши мое порученіе, пріѣхать ко мнѣ въ Баргольмъ. Когда я проѣзжалъ мимо гостинницы, его еще не было, и я приказалъ сказать ему, чтобы онъ пріѣхалъ сюда.

— Благодарю васъ, сказалъ лордъ Дьюри. — А вы надѣетесь, что онъ узнаетъ, куда пошли цыгане?

— Непремѣнно, отвѣчалъ Маннерсъ: — во-первыхъ, слѣды ногъ и колесъ ясно указывали, куда двинулись цыгане. Дорога эта ведетъ къ деревушкѣ, гдѣ ихъ не могли не видѣть, и слуга мой узнаетъ тамъ, куда пошли они дальше. Но я принялъ и другія мѣры. Разсматривая песчаную яму, въ которой стоялъ таборъ, мы замѣтили, что кто-то разглядываетъ изъ лѣсу окрестность. Не знаю, принялъ ли онъ насъ за кого-нибудь изъ сво-

ихъ или нѣтъ, только онъ пошелъ прямо на насъ. Но потомъ онъ повернулъ назадъ въ лѣсъ; я поскакалъ за нимъ, но, къ несчастью, не успѣлъ его нагнать, а только удостовѣрился, что это никто иной, какъ Фарольдъ, котораго однажды я уже имѣлъ случай видѣть. Я тотчасъ же распорядился, что бы лѣсъ былъ окруженъ верховыми, и приказалъ всякаго, кто бы ни показался на опушкѣ, хватать и вести къ мистеру Ардену, котораго немедленно извѣстилъ о случившемся.

— Если Фарольда приведутъ прямо къ Ардену, подумалъ лордъ, то онъ пожалуй обвинитъ меня прежде, нежели я объ этомъ узнаю, и притомъ передъ такимъ человѣкомъ, который лучше всякаго другого можетъ сообразить это обвиненіе съ прошедшими обстоятельствами. Что цыганъ, рано или поздно, сдѣлаетъ на меня доносъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Важно первое впечатлѣніе, надо явиться обвинителемъ, а не обвиненнымъ.

— Я самъ напишу къ мистеру Ардену, сказалъ онъ наконецъ: — напишу сегодня же. Прошу извинить меня на нѣсколько минутъ, полковникъ Манперсъ. Я сейчасъ возвращусь.

Онъ ушелъ въ библіотеку и поспѣшно написалъ рѣшительное обвиненіе цыгана, которое разомъ должно было покончить ихъ борьбу. Теперь онъ уже не колебался. Обвиненіе уже было высказано Манперсу; а между первой и второй ложью страшная разница. Письмо вылилось у него безъ принужденія, просто и ловко: онъ ссылался на мнѣніе самого Ардена о виновности цыгана, порицалъ себя за прежнее сомнѣніе, говорилъ, что послѣдующія событія доказали прозорливость почтеннаго судьи, и заключалъ письмо яснымъ обвиненіемъ цыгана въ томъ преступленіи, въ которомъ Арденъ только подозрѣвалъ его; лордъ не сомнѣвался, что самолюбіе убѣдитъ судью въ виновности подсудимаго, и что онъ съ самого начала постарается дать процессу неблагопріятный для цыгана ходъ.

Написавши письмо, онъ перечелъ его, запечаталъ, отослалъ и возвратился къ Манперсу. Теперь ему уже невозможно было отступить. Недоставало только смерти сына, чтобы придать его рѣшимости энергію отчаянья. Онъ переступилъ Рубиконъ и съ этой минуты уже не испытывалъ внутренняго колебанія. Твердо и смѣло шелъ онъ своимъ путемъ, зная, что преступленіе можно скрыть только преступленіемъ.

— Извините, что я васъ оставилъ, сказалъ онъ, возвр шись къ Маннерсу: — я, право, въ такомъ волненіи, чт должны меня извинить. Чтобы Авденъ не отпустилъ как будь этого Фарольда, я формально его обвинилъ въ убій моего брата, что, надѣюсь, и докажу. Теперь, прошу васъ, совѣтуйте, что намъ дѣлать, если принятыя нами мѣры не удутся?

— Я бы не дожидался, а сейчасъ же принялъ бы еще к нибудь мѣры, отвѣчалъ Маннерсъ: — ваше графство грани кажется, только двумя другими: такъ не послать ли сейча къ шерифамъ ихъ съ извѣстіемъ о случившемся и просьб задержанія всякихъ цыганъ, какіе бы ни показались въ их домествахъ, или, по-крайней-мѣрѣ, сообщить имъ примѣты рольда? На добрыхъ лошадяхъ вѣстовые непремѣнно обго убійцу и его соучастниковъ.

Лордъ въ ту же минуту согласился съ мнѣніемъ Манне немедленно написалъ письма. Онъ принялся за дѣло съ жа и дѣятельностью юноши. Это было въ его характерѣ. П сына огорчила его очень глубоко, но скорбь не повергла у уныніе, а воспламенила къ мести. Какъ голодъ не усмир раздражаетъ тигра и волка, такъ и его горесть сдѣлала зл и злѣе. Энергія и дѣятельность его поразили Маннерса, и онъ въ веселомъ расположеніи духа, онъ улыбнулся бы, і видя, что отказался скрестить шпагу съ человѣкомъ, ко сохранилъ въ себѣ еще столько юношескаго жару.

Письма не были еще запечатаны, когда доложили о п слуги де Во изъ Борольда. Его позвали. Поклонившись, онъ сталъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Маннерсу.

— Ну, что, удались ли твои поиски? спросилъ Манне

— Да, отвѣчалъ слуга: — я отыскалъ цыганъ и пор стерегъ ихъ людямъ, которые не станутъ зѣвать.

Невольное чувство выразилось на лицѣ лорда: онъ по полезный въ жизнь своего служенія и слушалъ внимат Маннерсъ продолжалъ:

— Разскажи все подробно. Какъ отыскалъ ты ихъ?

— Прежде всего, отвѣчалъ слуга — я воротился къ мес мнѣ и съѣхалъ по слѣдамъ вдесь съ горы на дорогу въ точнь. Слѣды повели меня вверхъ по лѣвой сторонѣ къ называемому Наттонъ-лесу: тамъ кто-то уже усѣлъ на

ь хижину, — прежде я ея не видалъ; въ хижинѣ нашелъ я
щину и спросилъ ее, не видѣла ли она цыганъ, и куда они
правились. Она сказала, что видѣла ихъ по-утру, на-зарѣ, и
о они, увидѣвши тутъ хижину, поворотили назадъ по другой
ронѣ лощины къ большой дорогѣ за Ньютоуномъ. Я поѣхалъ
указанію и слѣдилъ за ними по дорогѣ до того мѣста, гдѣ
раздѣляется надвое, — одна ведетъ внизъ къ рѣкѣ, а дру-
— вверхъ къ Димденъ-парку. Слѣды были на обѣихъ доро-
къ; я поѣхалъ къ рѣкѣ; я думалъ, что они расположились та-
ромъ на берегу, но проискалъ ихъ цѣлый часъ—и не нашелъ
ого.

— Гдѣ же наконецъ ты нашелъ ихъ? спросилъ лордъ въ не-
тѣніи. Маннерсъ же, зная, какъ важны бываютъ иногда въ
ихъ случаяхъ самыя мелочныя обстоятельства, слушалъ
ословный докладъ слуги съ величайшимъ вниманіемъ.

— Я воротился опять назадъ, продолжалъ слуга: — къ тому
сту, гдѣ дорога расходится надвое, и поѣхалъ по дорогѣ къ
идену, все слѣдя за колеями почти до самого димденскаго по-
. Тутъ въ копыто моей лошади попалъ камешекъ; я всталъ,
обы вынуть его, и вдругъ слышу, что кто-то говоритъ ти-
ько; «Вильямъ! Вильямъ Бутлеръ!» Я оглянулся, не вижу
ого и говорю: «что тебѣ? Выходи изъ кустовъ, если что на-
». Изъ-за дерева вышелъ Гарвей, димденскій главный сто-
жъ, спросилъ меня о здоровьи и началъ распрашивать, что
дѣлъ я въ чужихъ земляхъ. Я отвѣчалъ, что разскажу въ
угой разъ, а теперь прошу сказать мнѣ, что онъ тутъ
глядываетъ. Онъ отвѣчалъ, что «ничего; такъ-только, смо-
ритъ, все ли въ порядкѣ». Я спросилъ, не видалъ ли онъ,
проходили ли тутъ цыгане? А онъ отвѣчаетъ: зачѣмъ
бѣ? — Я ему все и разсказалъ. «Такъ нечего ихъ и искать,
вѣчалъ онъ. Они здѣсь, между оградою парка и полемъ. Ихъ-
я и стерегу». Онъ сказалъ, что они собираются воровать дичь
годня ночью, и что онъ приготовилъ имъ ловушку. Я, однако
, не хотѣлъ уѣхать, не видавши ихъ собственными глазами,
росилъ, давно ли они сюда пришли, и просилъ указать мнѣ,
ѣ ихъ найти. Дикъ отвѣчалъ, что они пришли съ часъ тому
задъ, и увелъ меня въ кусты. Оттуда я могъ ихъ видѣть; они
ли шаговъ за триста отъ парка; одни раскидывали палатки,
угіе сидѣли на оградѣ и смотрѣли въ паркъ.

— А сторожъ былъ одинъ? спросилъ Маннерсъ.

— Одинъ, отвѣчалъ слуга: — но онъ сказалъ мнѣ, что в лесу спрятаны еще пятеро, которые могутъ явиться на сви что онъ послалъ еще за другими. Солнце уже садилось, и сказалъ, что цыгане не тронутся съ мѣста, не попытавшис живиться дичью. Я сказалъ ему, чтобы онъ ихъ не пус если они вздумаютъ уйти. Онъ отвѣчалъ, чтобы я не бесп ся, — что не позже перваго часу ночи они будутъ сидѣть в станціи, въ Димденъ-гоузѣ. Я и отправился къ вамъ с кланяться, только не спѣшилъ, потому-что лошадь крѣпко ус

— И хорошо сдѣлалъ, замѣтилъ лордъ. Поди, съѣшь ч нибудь. — Мнѣ кажется, полковникъ Маннерсъ, сказалъ когда слуга удалился: — что они у насъ въ рукахъ: теперь уйдутъ. Эти письма, я думаю, не для чего отсылать.

— Не думаю, отвѣчалъ Маннерсъ. Цыгане стали табо близь Димденъ-парка, но неизвѣстно, тамъ ли Фарольдъ. Н глаза меня не обманули на-счетъ человѣка, скрывшагося лѣсъ, такъ онъ не былъ съ ними по-утру.

— Это правда, это правда, сказалъ лордъ: — въ та дѣлѣ никакія предосторожности не помѣшаютъ. Я сейчасъ шлю эти письма.

Онъ позвонилъ и приказалъ развезти письма по адресам какъ можно скорѣе.

Лордъ Дьюри вспомнилъ, что и Маннерсъ желаетъ, може быть, подкрѣпить свои силы, и извинился, что не подумалъ о этомъ раньше. Маннерсъ усталъ, но не былъ голоденъ и п просилъ только зеленаго чаю. Чай скоро былъ готовъ, и кога его подали, часы пробили десять. Маннерсъ всталъ.

— Если вы не ожидаете сегодня извѣстій изъ Димдена, сказалъ онъ, — такъ позвольте проститься. Въ случаѣ надобности, прошу васъ прислать за мною въ Баргольмъ, гдѣ я велѣлъ себѣ приготовить въ гостинницѣ комнату.

На свѣтѣ не было, кажется, людей болѣе между собою различныхъ, какъ лордъ Дьюри и полковникъ Маннерсъ; а между тѣмъ лорду не понравилось, что онъ хочетъ его оставить. Они преслѣдовали, правда, одну цѣль, но если бы вы могли заглянуть въ ихъ сердца, васъ поразила бы разность побудительныхъ причинъ и желаній. Лорду Дьюри было непріятно, что Маннерсъ хочетъ уѣхать; отчасти это происходило оттого, что ему

хотѣлось провести наединѣ часы долгаго ожиданія, пока онъ знаетъ, что первый шагъ сдѣланъ благополучно. Но была другая причина, поглубже этой. Маннерсъ помогалъ ему съ омъ и умѣньемъ; по странному стеченію обстоятельствъ, , человѣкъ прямой, честный, благородный, стремился къ й и той же цѣли съ лордомъ, къ цѣли, для достиженія ко- лордъ принужденъ былъ подкупать людей продажныхъ и дныхъ. Присутствіе и помощь Манперса ободряли лорда ше тысячи Миллингтоновъ. Если бы онъ долженъ былъ спить Маннерсу свои виды и надежды, какъ изъяснилъ ихъ Роджеру, онъ сгорѣлъ бы отъ стыда и страха; но Манъ добровольно предлагалъ ему свою помощь, и это какъ- то облагораживало его поступки.

— Вамъ покажется это странно, сказалъ онъ Маннерсу: — , право, не могу васъ пустить; я сейчасъ прикажу приготовить вамъ комнату, и вы меня истинно утѣшите, если останетесь. Я не лягу, пока не получу извѣстій изъ Димдена, при- онъ нерѣшительнымъ голосомъ, какъ-будто приглашая Маннерса сдѣлать тоже: — но извѣстіе не можетъ притти ньше втораго часа ночи; вы устали, и я не смѣю просить васъ осидѣть до тѣхъ поръ со мною.

— О, съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Маннерсъ: — усталъ, это правда, но спать мнѣ не хочется, и я самъ съ нерпѣніемъ жду извѣстій.

Имъ пришлось, однако же, прождать ихъ дольше, нежели думали. Пробило три часа, пробило четыре, а извѣстія не ало. Бесѣда ихъ была, однако же, спокойнѣе, нежели можно ыло предполагать. Лордъ Дьюри могъ разговаривать съ Маннерсомъ весьма о немногомъ, не разноглася съ нимъ въ чувствахъ и взглядахъ, но о одномъ предметѣ онъ могъ распространяться совершенно безопасно и свободно. Предметъ этотъ ылъ его сынъ, и объ немъ-то проговорили онъ бо́льшую часть очи, изглаживая изъ памяти своего собесѣдника непріятное печатлѣніе ихъ первой встрѣчи.

ГЛАВА XVIII.

Отъ захожденія солнца до девяти часовъ вечера шелъ дождь, не холодный, осенній дождь, отъ котораго все въ природѣ

человѣкъ лѣтъ осмнадцати или девятнад-
прошелъ черезъ дорожку и сталъ въ тѣни
двѣ или три минуты онъ останавливался
его чаще смотрѣлъ въ землю, нежели въ
онъ болѣе опасается потерять дорогу, неже-
мъ-нибудь. Напѣвая тихонько какую-то
до той части парка, откуда, какъ мы уже
онъ господскій домъ и хижина сторожа.
глаза на хижину, онъ сѣлъ подъ старымъ
отъ опушки лѣса.
клубился изъ мирнаго жилища сторожа; два
щены; жильцы, очевидно, еще не ложи-
молодой человѣкъ терпѣливо оставался на
ставши напѣвать пѣсни и не сводя глазъ съ

сталъ и сказалъ: «я не хочу тутъ дольше
бы провести это время съ Леной. Если бы
ождать до часу, всѣ улеглись бы.»
сдѣлавши нѣсколько шаговъ, оглянулся еще
жникѣ погасъ; онъ остановился на-минуту,
потомъ поспѣшилъ къ тому мѣсту ограды,
аркъ, и засвистѣлъ громче прежняго. Нѣ-
се было тихо; онъ свиснулъ еще разъ, и ему
за оградой. Чей-то голосъ спросилъ:
благополучно?
вай, отвѣчалъ онъ.
показались другая голова и плечи; цыганъ,
съ теткой Грей о кражѣ дичи, вскочилъ на
зираться.
передалъ стоявшему внизу два ружья, спры-
и началъ оглядываться боязливѣе, нежели мо-
ть послѣ его смѣлыхъ рѣчей. Онъ былъ, впро-
: вслѣдъ за нимъ перелѣзли еще трое другихъ,
ые старыми ружьями, и всѣ начали вполголоса

сѣ они сегодня ввечеру, Вилль, то есть при за-
осилъ предводитель.
онъ конецъ парка, отвѣчалъ Вилль: — съ милю
ше, вонъ въ ту сторону.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, сказалъ Дикконъ. — Всѣ ли ружья зьряжены?

Отвѣтъ былъ утвердительный. Предводимые Диккономъ и Виллемъ, цыгане начали красться по дорожкѣ вдоль ограды къ противоположному концу парка. Разъ или два Дикконъ останавливался, слушалъ, и разъ спросилъ шепотомъ: «слышали, что-то зашумѣло? Вонъ тамъ, влѣвѣ?» Но спутники его не слышали ничего. Легкій вѣтерокъ качалъ верхушки деревъ и сносилъ иногда увядшій листъ съ вѣтки; впрочемъ, все было спокойно, и цыгане шли впередъ все смѣлѣе и смѣлѣе, съ каждымъ шагомъ все больше и больше осваиваясь съ своимъ предпріятіемъ. Дошедши до конца ограды, они начали совѣтоваться, уже погромче; потомъ пошли въ глубину парка, по тропинкамъ, никому изъ нихъ хорошо неизвѣстнымъ; они частію принуждены были останавливаться, возвращаться назадъ, отъискивая мѣсто, на которомъ рѣшили открыть кампанію противъ дичи.

Вилль, разсмотрѣвшій паркъ, по-видимому, днемъ, вывелъ ихъ наконецъ на настоящую дорогу, и, поворотивши по тропинкѣ на востокъ, они очутились вдругъ на опушкѣ пролѣска, черезъ который протекалъ свѣтлый ручеекъ. Тутъ, на пространствѣ пяти акровъ, не было ни одного дерева; но вокругъ поляны росли густыя купы орѣшника, а съ восточной стороны ея — частый кустарникъ. Теперь было необходимо узнать направленіе вѣтра, чтобы дичь не почуяла охотниковъ и не пошла другой дорогой: Дикконъ омочилъ свой палецъ въ водѣ и поднялъ руку вверхъ. Потомъ онъ разставилъ своихъ товарищей по-одиначкѣ, подъ орѣхами, и въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что дичь не могла перебѣжать черезъ поляну, не подвергаясь многимъ выстрѣламъ. Эта охота была, казалось, для Диккона дѣло привычное.

Разставивши товарищей, онъ сталъ самъ на выгодное мѣсто, отъискалъ на землѣ древесный листъ, переѓнулъ его по-полам и приложилъ къ губамъ. Листъ въ ту же минуту издалъ звукъ, совершенно схожій съ голосомъ молодой лани. Дикконъ замолкъ и весь превратился въ-слухъ; все было тихо: рогатые обитатели парка не слышали или не обратили вниманія на эти звуки. Дикконъ повторилъ свой опытъ и опять началъ прислушиваться, но опять напрасно. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова приложилъ листокъ къ губамъ, и на этотъ разъ услышалъ

ій шелестъ въ кустахъ. Онъ продолжалъ: шелестъ прибли-
ся; но вдругъ все затихло. Дикконъ подумалъ, что олень
ялъ присутствіе охотниковъ и поворотилъ назадъ.
Но черезъ минуту выбѣжалъ на поляну, не изъ кустовъ, но
ротивоположной стороны, изъ орѣшника, великолѣпный
ь, понуривъ вѣтвистую голову свою къ землѣ, какъ-будто
ясь наслѣдить лань, голосъ которой слышалъ въ этой сто-
. Выбѣжавши на свѣтъ мѣсяца, онъ остановился, поднялъ
у и устремилъ глаза прямо впередъ. Потомъ онъ началъ осма-
аться вправо и влѣво, какъ-будто стараясь отыскать гла-
лань, которой не могъ найти чутьемъ. Онъ остановился,
ко-же, слишкомъ далеко отъ охотниковъ, и Дикконъ рѣ-
л еще разъ издать тихій звукъ посредствомъ листа. Олень
жалъ еще шаговъ пятьдесятъ и остановился, обративши
у въ ту сторону, гдѣ стоялъ браконьеръ. Дикконъ спокой-
одняль ружье, приложился очень внимательно и выстрѣ-
въ ту самую минуту, когда олень хотѣлъ тронуться даль-
Пуля попала прямо между роговъ; олень прянулъ фута на
ре отъ земли и палъ мертвый.
ыгане бросились-было къ добычѣ, но Дикконъ велѣлъ имъ
ться; онъ обошелъ ихъ, самъ скрываясь въ тѣни деревъ,
залъ каждому изъ нихъ: «надо убить еще одного. Этотъ
-себѣ лежитъ. Выстрѣлъ былъ негромкій и не спугнетъ
ьныхъ; тамъ, въ чащѣ, я увѣренъ, ихъ цѣлое стадо. Надо
мѣнно убить еще одного. Если начнемъ возиться съ этимъ,
угаемъ другихъ. Билль! обойти подъ этими деревьями ша-
на пять или шесть сотъ, заберись въ чашу, и спугни ихъ
ста.»
илль повиновался неохотно и ворча, утверждая, что на него
ваютъ всѣ труды, а себѣ предоставляютъ только забаву.
о легко уговорили, и онъ пошелъ. Всѣ стали по мѣстамъ и
отъ разъ должны были прождать дольше прежняго; Билль
шилъ. Черезъ четверть часа послышался, однако же, въ
хъ шелестъ, и вслѣдъ за тѣмъ цѣлое стадо оленей прone-
по полянѣ. По нимъ выстрѣлили изъ двухъ ружей. Одинъ
былъ убитъ, другой только раненъ и хотѣлъ подняться,
всѣ цыгане бросились и доканали его ножами.
- Теперь довольно на одинъ разъ! сказалъ Дикконъ, по-
ле заряжая ружье. — Надо поскорѣе убраться. Добычу

можно перебросить вотъ здѣсь черезъ ограду. Говоря это, онъ оборотился въ ту сторону, но глазамъ его представилось внезапно такое зрѣлище, что онъ едва не выронилъ изъ рукъ пороховницы, изъ которой насыпалъ въ эту минуту порохъ на полку..

Изъ орѣшника, гдѣ онъ самъ только-что стоялъ, вышло съ дюжину здоровыхъ молодцовъ, хорошо вооруженныхъ, и онъ тотчасъ же увидѣлъ, что ни ему, ни товарищамъ его нельзя спастись безъ драки: сторожа вышли между ними и полемъ; съ другой стороны росъ густой кустарникъ, гдѣ ихъ непремѣнно переловятъ, если они вздумаютъ бѣжать туда; а на западѣ, и орѣшникомъ, текла рѣка и стоялъ домикъ сторожа. Въ эту минуту Дикконъ выказалъ больше рѣшимости.

— Держись, ребята! закричалъ онъ. — Насъ наслѣдили! Бѣжать нельзя; надо пробиться вонъ къ тому углу, или мы пропали.

Товарищи оглянулись на эти слова, и, что́ бы ни чувствовали они въ душѣ, они выказали только рѣшимость биться до послѣдней возможности. Цыганъ, сдѣлавшій послѣдній выстрѣлъ, поспѣшно опустилъ пулю въ дуло своего ружья. Оставивши добычу, браконьеры двинулись дружно къ углу лѣса, примыкавшему къ оградѣ, мимо фронта сторожей. Сторожа поспѣшили заступить имъ дорогу и едва успѣли отрѣзать ихъ отъ чащи. Въ минуту ихъ встрѣчи, лѣсъ былъ по лѣвую руку цыганъ, и по правую сторожей; но всѣ шансы были на сторонѣ сторожей.

— Бросайте ружья! сказалъ имъ Гарвей. — Что́ тутъ храбриться; развѣ не видите, что насъ двое на одного?

Въ отвѣтъ на это приглашеніе, цыгане опустили ружья, и сторожа отступили на нѣсколько шаговъ: въ такихъ случаяхъ никто не можетъ сказать, кому выпадетъ печальный жребій, и мысль о смерти гнететъ душу, пока не разогрѣется кровь.

— Прочь! сказалъ рѣшительно Дикконъ. — Дай намъ уйти спокойно, а нето худо будетъ! Олени остаются вамъ, да еще съ добрыми пулями въ тѣлѣ; мы поподчуемъ и васъ такими же, если вы вздумаете насъ удерживать.

— Смѣлый малый, клянусь честью! сказалъ сэръ Роджеръ Миллингтонъ, вышедши впередъ и преспокойно ставши подъ самыя дула ружей. — Только слушай! Вы пришли за дичью, а мы пришли за вами. Насъ больше, и невѣроятно, чтобы мы

ли вамъ уйти; но, чтобы не проливать напрасно крови, я пред-
аю вамъ сдѣлку.

— А! ты тотъ шпіонъ, что приходилъ сегодня къ намъ и
ашивалъ Фарольда? сказалъ Дикконъ. — Такъ знай же, что
вая пуля достанется тебѣ.

— Однако же, онъ хочетъ предложить сдѣлку, сказалъ
нъ изъ цыганъ, опуская свое ружье. — Лучше послушаемъ,
онъ скажетъ.

— Не вѣрьте ему ни на полъ-слова, сказалъ Дикконъ. —
ъ обманщикъ и непремѣнно васъ надуетъ. Четырехъ мы по-
кимъ на мѣстѣ, а потомъ въ приклады!

— Нѣтъ, нѣтъ, выслушайте его! закричалъ другой цыганъ.
Что ты хотѣлъ предложить?

— А вотъ что, отвѣчалъ сэръ Роджеръ, все еще преспокой-
стоявшій въ двухъ шагахъ отъ дула: — если вы положите
ужіе и сдадитесь, то мы отпустимъ всѣхъ тѣхъ изъ васъ, ко-
ыхъ не въ чемъ больше обвинить, кромѣ браконьерства.

Сэръ Роджеръ имѣлъ въ виду только поимку Фарольда, но
ылъ взять въ расчетъ цыганскую совѣсть. Каждый изъ цы-
гъ зналъ, что его можно обличить и во многомъ другомъ, и
дложеніе имъ не понравилось. Не понравилось оно также и
рвею съ товарищами, не получившимъ отъ лорда полномочія
такую сдѣлку.

— Нѣтъ, этого нельзя, сэръ, сказалъ громко Гарвей. —
рдъ не далъ мнѣ права заключать съ ними такія условія. Я
ю, что вы пришли отъ него, потому-что какъ бы иначе знать
гъ все это дѣло, но на предложеніе ваше я не могу согласить-
. Кладите оружіе, или мы будемъ стрѣлять по васъ!

— Такъ вотъ тебѣ! отвѣчалъ Дикконъ, спуская курокъ;
ое самое сдѣлали и прочіе цыгане, хотя въ эту самую мину-
, и даже за секунду передъ выстрѣломъ, послышался вблизи
мкій голосъ: «не стрѣлять, негодяи! Дикконъ, я запрещаю
ѣ стрѣлять!»

Сэръ Роджеръ и одинъ изъ сторожей упали; сторожа смѣша-
сь, дали залпъ — и только слегка ранили одного цыгана. Но
и опомнились и ободрились въ ту же минуту: оттащили ране-
ыхъ въ сторону и бросились въ схватку съ цыганами, прежде
жели тѣ успѣли снова зарядить ружья. Но къ цыганамъ яви-
сь на-помощь съ дюжину молодцовъ; Фарольдъ оттолкну

Диккона назадъ и закричалъ: «сумасшедшій! ты насъ губишь! Прочь!» продолжалъ онъ тѣмъ же повелительнымъ голосомъ, обращаясь къ сторожамъ. — «Прочь, дураки! Насъ слишкомъ много. Гарвей! Вздумавши заманить этимъ молодыхъ безумцевъ въ ловушку, тебѣ слѣдовало бы позаботиться о средствахъ переловить ихъ. Убирайся, пока еще можно. Говорятъ тебѣ, насъ слишкомъ много; а меня ты знаешь: я не люблю шутить.

— Знаю, давно знаю, Фарольдъ! отвѣчалъ сторожъ, нерѣшительно оглядывая толпу цыганъ. — Знаю также и то, что не пройдетъ и двухъ мѣсяцовъ, какъ тебя повѣсятъ.

— Приподымите меня! приподымите! произнесъ слабый голосъ назади. — Я хочу на него взглянуть.

Двое или трое подняли сэра Роджера и подвели его на нѣсколько шаговъ впередъ, такъ, чтобы онъ могъ видѣть все происходившее. Онъ посмотрѣлъ пристально на Фарольда, стоявшаго впереди другихъ, но не могъ наблюдать его дольше минуты и упалъ въ конвульсіяхъ обратно на землю. Это зрѣлище оказалось не безъ вліянія на сторожей. Если бы они знали сэра Роджера и принимали участіе въ его судьбѣ, это пробудило бы въ нихъ можетъ статься жажду мщенія; но въ страданіяхъ незнакомаго человѣка они видѣли только участь, ожидающую и ихъ, если они вступятъ въ борьбу съ цыганами. Гарвей еще готовъ бы былъ рискнуть, но по лицамъ товарищей увидѣлъ, что они его не поддержатъ и даже, можетъ быть, просто, разбѣгутся.

Не желая, однако же, оставить начатого, подстрекаемый и личной ненавистью и обѣщанной наградой, онъ колебался, и все еще смотрѣлъ на Фарольда и его товарищей, произнося такія слова, которыя вызвали бы ихъ на нападеніе.

— Мошенники! говорилъ онъ. — Любо мнѣ было бы взглянуть, какъ васъ перевѣшаютъ всѣхъ рядомъ. Зачѣмъ вы ходите воровать? Вы и дѣтей воруете, кровопійцы! Да не миновать вамъ висѣлицы!

Губы Фарольда задрожали отъ гнѣва. Обратившись къ одному изъ цыганъ постарше, онъ шепнулъ ему что-то на ухо, и цыгане тотчасъ же тронулись съ мѣста. Они отступали тихо и въ порядкѣ. Четверо, подъ предводительствомъ Фарольда, охраняли арріергардъ, обращенные лицомъ къ сторожамъ. Гарвей, ободренный отступленіемъ непріятеля, шелъ за ними съ

трядомъ; двое или трое остались при раненыхъ. На каждомъ шагу, впрочемъ, кто-нибудь изъ сторожей отставалъ и уходилъ потомъ къ мѣсту, гдѣ лежали раненые. Когда цыгане достигли ограды, при Гарвеѣ оказалось только три человѣка, и Фарольдъ, нѣсколько раздраженный его упорнымъ преслѣдованіемъ, обернулся къ нему не совсѣмъ съ ласковымъ выраженіемъ лица. Его взяла досада; злой демонъ, гнѣздящійся въ сердце каждаго человѣка, уже возвысилъ-было свой голосъ, но Фарольдъ заставилъ его умолкнуть, подавилъ въ себѣ желаніе мести и сказалъ только сторожу, чтобы онъ не дѣлалъ ни шагу дальше, пока его люди не перелѣзли черезъ ограду. Гарвей отвѣчалъ проклятіемъ, но Фарольдъ спокойно поставилъ на ограду четырехъ человѣкъ съ ружьями, для защиты прочихъ. Цыгане перелѣзли одинъ за другимъ; послѣдній былъ Фарольдъ. Гарвей, разразившись бранью, оборотился и пошелъ назадъ къ своимъ товарищамъ.

Фарольдъ и его спутники шли въ молчаніи къ табору, расположенному не вдалекѣ отъ парка. Ходившіе на промыселъ за добычью удивились, увидя, что тутъ все готово въ путь. Лошади были запряжены въ повозки, палатки собраны, и на мѣстѣ табора горѣлъ только одинъ огонь, возлѣ котораго тетка Грей и другія женщины стояли съ поникшими головами, грустно глядя на одинокій котелъ. Эта группа тотчасъ же дала дорогу Фарольду и его спутникамъ. Фарольдъ, дошедши до средины, остановился, сложилъ на груди руки, грозно посмотрѣлъ на старуху и сказалъ:

— Вотъ плоды твоихъ наущеній — драка, кровопролитіе, убійство и, весьма вѣроятно, смерть этого молодого безумца, который послушался твоего совѣта, — смерть на висѣлицѣ!

— Что жъ, хорошая смерть, проворчала старуха: — отецъ его тоже умеръ на висѣлицѣ.

— Ты же, Дикконъ, продолжалъ онъ, не обращая вниманія на ея слова: — ты не уйдешь отъ наказанія. Слушай: ты всегда былъ ослушникомъ, ты забылъ законы и обычаи нашихъ предковъ, ты не членъ нашей общины. Таборъ нашъ долженъ раздѣлиться и разойтись въ разныя стороны, чтобы избѣжать послѣдствій твоего проступка; но ты иди отъ насъ прочь, и навсегда. Не отвѣчай, но слушай! Если бы я не возвратился раньше, нежели ты ожидалъ, и не поспѣшилъ остановить тебя и привести назадъ, если (во-время выручить тебя

изъ бѣды, въ которую ты попалъ, благодаря преступному замыслу, — ты и твои товарищи лежали бы теперь связанные по рукамъ и по ногамъ, ожидая суда людей, питающихъ къ нимъ ненависть и презрѣніе. Я спасъ тебя отъ неволи; но ты долженъ бѣжать и укрыться, чтобы спасеніе не было безплодно. Иди прочь отъ насъ, прочь! и къ какому бы племени людей ты ни присталъ, — отречешься ли ты отъ твоего народа, какъ отрекся отъ его законовъ, пристанешь ли къ другому табору, — помни, что неповиновеніе властямъ неминуемо влечетъ за собою бѣду, и старайся не дѣлать подобныхъ проступковъ.

Фарольдъ замолчалъ, и одинъ изъ цыганъ шепнулъ ему что-то на ухо.

— Это правда, сказалъ Фарольдъ: — ему итти далеко и долго, — мы всѣ снабдимъ его на дорогу.

— Нѣтъ, нѣтъ, проговорилъ Дикконъ, склонивши голову и потупивши глаза въ землю: — не надо, я пойду и такъ.

Но цыгане приступили къ сладчинѣ, не слушая его. Каждый далъ что-нибудь изъ полученнаго имъ на вчерашнемъ дѣлежѣ, и сумма накопилась довольно значительная. Фарольдъ, чувствуя, что Диккону будетъ непріятно принять деньги отъ него, велѣлъ отдать ихъ черезъ другого и сказалъ:

— Иди, Дикконъ, иди! я остерегалъ тебя, я совѣтовалъ, когда совѣтовать было еще можно. Ты не послушалъ меня, теперь поздно. Иди отъ насъ, и на-всегда.

Съ поникшей головой Дикконъ сдѣлалъ шага два прочь, потомъ остановился, поднялъ голову, устремилъ глаза на Фарольда и хотѣлъ, казалось, что-то сказать. Но слова замерли у него въ груди: грозный, но спокойный и полный упрека взглядъ начальника остановилъ его. Дикконъ бросилъ яростный взглядъ на старуху, совратившую его съ прямого пути, послалъ ей горькое проклятіе и бросился прочь.

— Теперь, сказалъ Фарольдъ, обращаясь къ прочимъ: — разойдемся на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Пойдемъ поспѣшно и далеко: за нами будутъ гнаться, не жалѣя ногъ и золота. Ровно черезъ три мѣсяца сойдемся мы на нашемъ старомъ пепелищѣ въ Чевіотѣ, и тогда, можетъ статься, намъ можно будетъ продолжать наше мирное странствованіе по землѣ.

Чья-то легкая рука коснулась его одежды; прекрасные глаза Лены глянули на него въ нерѣшимости, какъ-будто она хотѣла и боялась говорить.

— Что ты, Лена? спросилъ онъ: — ты, разумѣется, идешь со мною.

— А Вильямъ? спросила она робко.

Фарольдъ нахмурился.

— Онъ идетъ съ Броуномъ, сказалъ онъ отрывисто: — да тебѣ что изъ этого?

Она покраснѣла и опустила глаза, но отвѣчала:

— Ничего; я только хотѣла спросить. гдѣ онъ; онъ ушелъ съ Диккономъ и другими — и не воротился.

Фарольдъ окинулъ взоромъ окружавшую его толпу, причудливо освѣщенную заходящимъ мѣсяцемъ и угасающимъ огнемъ.

— Гдѣ Вильямъ? спросилъ онъ, обращаясь къ одному изъ спутниковъ Диккона: — я засталъ только васъ четверыхъ. Гдѣ же былъ Вильямъ?

— Дикконъ услалъ его въ чащу спугнуть оленей, отвѣчалъ онъ: — чуть ли его не схватили; я слышалъ въ той сторонѣ какъ-будто шумъ драки, когда мы шли къ оградѣ.

— Мы не должны его оставить, сказалъ Фарольдъ: — я, по-крайней-мѣрѣ, готовъ на все, лишь бы его выручить.

— И я, и я, и я, раздалось въ толпѣ цыганъ.

— Хорошо, продолжалъ Фарольдъ: — прежде всего надо подать вилъ, будто мы ушли, и чѣмъ ближе мы останемся, тѣмъ лучше ихъ обманемъ. Лѣсъ по ту сторону поля гуще, нежели гдѣ-нибудь. Ступайте туда пѣшкомъ; пятеро же пусть поведутъ повозки за паркомъ къ рѣкѣ. Тамъ отпряжете вы лошадей и перетащите повозки по песку къ броду, такъ-чтобы не было видно слѣдовъ отъ колесъ. Потомъ опять запрягите лошадей.... да не забудьте засыпать слѣды отъ копытъ. Переѣзжайте рѣку въ бродъ. Вода мелка, и вы можете ѣхать вдоль песчанаго берега по ту сторону около мили, не выѣзжая изъ рѣки. Гдѣ станетъ слишкомъ глубоко, выѣзжайте опять на дорогу, поворотите у моста и пріѣзжайте въ лѣсъ по Морлейской дорогѣ. Поняли?

— Понялъ, отвѣчалъ цыганъ, котораго онъ называлъ Броуномъ: — я знаю здѣшнія мѣста хорошо. Но самъ ты куда, Фарольдъ?

— Я пойду въ паркъ искать Вильяма, отвѣчалъ онъ:—и возвращусь къ вамъ въ лѣсъ до зари. Только, смотрите, не выходить изъ лѣсу: насъ стерегутъ. Я поспѣлъ бы еще во-время, чтобы не допустить до этой продѣлки, если бы меня самого не окружили въ Морлейскомъ лѣсу.

— Будетъ исполнено, отвѣчалъ Броунъ: — ты всегда берешь на свою долю опасность.

— Идите же, нечего терять времени, отвѣчалъ Фарольдъ:— Сара Броунъ, поручаю тебѣ Лену; смотри, чтобы эта старуха— онъ указалъ на тетку Грей — не надѣлала еще бѣдъ. Все посѣянное ею приносило до сихъ поръ дурные плоды. Ты поведешь ихъ въ лѣсъ, Вильсонъ, и разложишь огонь, чтобы я увидѣлъ дымъ, когда буду итти назадъ.

Онъ началъ рыться въ одной изъ повозокъ, досталъ оттуда тесакъ, пристегнулъ его къ поясу, пошелъ къ оградѣ парка, перепрыгнулъ черезъ нее и скрылся изъ виду.

Приказъ его былъ исполненъ также проворно, какъ если бы онъ самъ былъ тутъ. Цыгане, назначенные въ лѣсъ, начали поспѣшно разгружать повозки. Женщины посадили дѣтей за спину и взяли въ руки по узлу; мужчины понесли, что было потяжеле; повозки тронулись по указанной дорогѣ, а пѣшіе пошли черезъ поле къ лѣсу. Они шли молча и въ-разбродъ, чтобы не оставить за собою слишкомъ ясныхъ слѣдовъ. Скоро, однако же, зашевелился языкъ старухи, шедшей рядомъ съ однимъ цыганомъ. Сначала она заговорила съ нимъ шопотомъ; но мало-по-малу голосъ ея становился все громче и громче.

— Онъ жестокъ, этотъ Фарольдъ, сказала она, озираясь во всѣ стороны. Сосѣдъ ея не отвѣчалъ ни слова, и она продолжала: — бѣдняжка Дикконъ умретъ съ голоду или попадетъ на висѣлицу. А за что? за то, что смотритъ на вещи не такъ, какъ Фарольдъ.

Цыганъ продолжалъ молчать.

— Я часто дивлюсь, заговорила опять старуха: — какъ столько бравыхъ молодцевъ, изъ которыхъ каждый вдвое лучше Фарольда, позволяютъ помыкать собой этому вору потому только, что онъ потомокъ нашихъ вожатыхъ, о которыхъ давно и помину нѣтъ (*). Сами вы во всемъ виноваты. Если бы трое изъ васъ разсудили да сказали....

(*) Цыгане всѣхъ странъ вѣрятъ, что вышли въ Европу изъ Египта.

— Молчи, прервалъ ее цыганъ: — не говори мнѣ такихъ вещей, если не хочешь, чтобы я бросилъ тебя вонъ въ это болото. Укороти свой языкъ. Я тебѣ не Диккенъ дался: меня не дурачишь. Если ты скажешь еще хоть слово, такъ я отправлю тебя вслѣдъ за тѣмъ, который изгнанъ, благодаря твоимъ стараніямъ.

Проворчавши что-то въ родѣ эпитета дураковъ и трусовъ, старуха замолчала. Потомъ она начала поглядывать на цыганъ, шедшихъ по полю справа и слѣва; на минуту вниманіе ея остановилось на двухъ или трехъ шедшихъ справа, между которыми былъ одинъ изъ спутниковъ Диккона. Влѣвѣ шла другая группа человѣкъ изъ пяти, бо́льшею частью женщинъ, и за ними, шагахъ въ трехъ, Лена, набросившая на голову платокъ, скрывавшій черты ея лица. Голова ея была наклонена; она смотрѣла въ землю. Старуха догадалась, что она плачетъ, и въ ту же минуту вышла, къ которой изъ двухъ группъ пристать ей. Она отстала отъ своего спутника и почти незамѣтно приблизилась къ Ленѣ. Прошедши рядомъ съ нею нѣсколько шаговъ, она попробовала произнести печальнымъ голосомъ:

— Бѣдный Билль, какъ подумаешь!

Лена вздрогнула и сначала не отвѣчала ничего, но потомъ спросила:

— Такъ ты думаешь, что его схватили?

— Должно быть, попался, отвѣчала старуха: — иначе онъ воротился бы. Жаль! что̀ за молодецъ былъ и умница!

Эта похвала въ прошедшемъ времени, какъ-будто его уже не существуетъ, вызвала глубокій вздохъ изъ груди Лены. Старуха, замѣтивши, что попала на настоящую дорогу, продолжала

— Бѣдный Билль! между нами только одна годилась ему въ жены, да и ту похитилъ у него коршунъ.

Лена необратила вниманія на этотъ намекъ, довольно ясный, и спросила:

— А что̀ съ нимъ сдѣлаютъ, если его схватили?

— Повѣсятъ, отвѣчала старуха: — или отошлютъ въ колонію на работу. Но Фарольдъ, если захочетъ, можетъ еще его выручить.

— Если онъ можетъ его выручить, отвѣчала Лена, очнувшись при имени ча[illegible] если не любила, то по-край-

ней-мѣрѣ уважала: — если онъ можетъ его выручить, такъ ему не долго оставаться въ неволѣ.

— Я сама такъ думаю; Фарольдъ выручитъ его, если это не слишкомъ опасно и стоитъ не слишкомъ много труда и времени. Онъ, ты знаешь, не захочетъ рисковать другими для спасенія Билля; развѣ кто уговоритъ его.

— Какъ мнѣ ему объ этомъ сказать? возразила Лена. — Онъ сдѣлаетъ мнѣ выговоръ, и только.

— Лена можетъ для Билля и рискнуть чѣмъ-нибудь, сказала старуха. Билль для нея рискнулъ бы своею жизнью.

Лена молчала. Черезъ нѣсколько минутъ старуха опять заговорила, но почти шепотомъ:

— Попробуй, не удастся ли тебѣ уговорить Фарольда. Иначе Вильямъ долго просидитъ въ тюрьмѣ, напѣвая пѣсни о Ленѣ, а потомъ пойдетъ на висѣлицу, жалѣя только о разлукѣ съ Леной. Неужели ты думаешь, что я слѣпа и ничего не вижу?

— Если ты не слѣпа, такъ должна видѣть, что мнѣ не для чего кривить душою, отвѣчала Лена.

— Да, продолжала старуха: — только я видѣла тебя сегодня, какъ ты цѣлыхъ полчаса простояла съ Виллемъ подъ оградою парка. Какъ-будто я не знаю, что происходитъ у тебя въ сердцѣ!

— Такъ зачѣмъ же мнѣ стараться освободить его изъ тюрьмы? отвѣчала Лена печальнымъ голосомъ. — Лучше пусть будетъ подальше; знаешь ли что? я сама просила Фарольда услать его съ Броуномъ

— Я тебѣ тоже кое-что скажу, возразила старуха. — Я видѣла васъ, какъ вы стояли подъ оградой, и я увѣрена, что онъ пошелъ на охоту съ Диккономъ съ-горя. Ты была съ нимъ ласкова. Ты виновата, что онъ попалъ въ тюрьму. Ты должна помочь ему.

Богъ-вѣсть, что отвѣчала бы на это Лена, — разговоръ былъ прерванъ приходомъ другихъ цыганъ. Скоро всѣ они достигли лѣса, и расположились въ самой глухой, малопосѣщаемой его части.

Фарольдъ между тѣмъ пробрался въ паркъ; онъ искалъ Билля, пока свѣтилъ еще мѣсяцъ; но поиски его остались тщетны. Нѣсколько разъ рѣшался онъ свистнуть, тихо и осторожно: цыганъ тотчасъ узналъ бы этотъ особеннаго рода свистъ, и

вѣчалъ бы тѣмъ же; но отвѣта не было. Онъ искалъ долго безпокойно, тѣмъ безпокойнѣе, что съ нѣкотораго времени груди его проснулось какое-то непріязненное чувство къ ошѣ, попавшему теперь въ бѣду за чужіе грѣхи. Съ досадой идѣлъ наконецъ Фарольдъ, какъ начала заниматься заря. ая, что если бы Вилль былъ на свободѣ, то уже давно успѣлъ присоединиться къ своимъ, онъ рѣшился уйти изъ парка, гдѣ у самому было опасно оставаться дольше.

Неизвѣстность участи Вилля тревожила его однако же такъ льно, какъ не потревожила бы неволя, достовѣрно извѣстная. бираясь выйти изъ парка, онъ подошелъ какъ можно ближе дому, взглянуть, не замѣтно ли тамъ особеннаго движенія, торое подало бы ему вѣрное извѣстіе о Виллѣ. Остановившись подъ деревьями, онъ увидѣлъ мальчика, быстро вбѣгающаго на крыльцо дома, и тотчасъ же догадался, что онъ спѣшитъ съ какою-нибудь вѣстью. Вслѣдъ за тѣмъ изъ дома вышли человѣка четыре, но вмѣсто того, чтобы пойти по которой будь изъ дорожекъ, они отправились прямо поперекъ поляны оградѣ. На полъ-дорогѣ одинъ изъ нихъ остановился; другіе шли дальше; но у первыхъ деревъ остановился еще одинъ, и рольдъ подумалъ: «меня замѣтили и хотятъ окружить; но о имъ не удастся». Быстрыми, но почти не слышными шагами шелъ онъ сквозь чащу въ ближній уголъ парка. Чувства его дремали; не вышедши изъ чащи, онъ услышалъ тихій говоръ въ той сторонѣ, куда шелъ; было ясно, что его замѣтили преслѣдуютъ, и что люди, голоса которыхъ онъ услышалъ, ишли не изъ дому, а изъ хижины сторожа. Фарольдъ повернулъ назадъ и пошелъ къ самой открытой части парка; но онъ алъ, что дѣлаетъ, и мѣстность была ему знакома больше, нежели его преслѣдователямъ. Дошедши до пролѣска, онъ вдругъ шелъ изъ тѣни деревъ и быстрыми шагами пошелъ черезъ ляну. Человѣкъ, сторожившій на опушкѣ, увидѣлъ его и полъ условленный знакъ. Люди, разставленные полукругомъ, осились на поляну и словно охватили цѣпью цыгана, отрѣзаннаго съ другой стороны рѣкою. Но онъ почти не прибавлялъ агу и далъ имъ подойти довольно близко; тогда только главій сторожъ догадался о его намѣреніи и крикнулъ стоявшему ише всѣхъ къ берегу, чтобы онъ заслонилъ ему дорогу къ во-. Но было уже поздно. Фарольдъ бросился къ берегу, ри-

нулся въ воду и въ нѣсколько взмаховъ руки очутился на другомъ берегу, гдѣ не опасался ничьей погони.

ГЛАВА XIX.

Не знаю, почему бы намъ, т. е. читателю и автору, не оставить теперь людей, которыми мы занимались въ послѣднихъ главахъ, и не возвратиться къ другимъ, не менѣе достойнымъ нашего вниманія. Лучшая форма, — можно даже сказать, самая классическая, — въ которой можетъ быть разсказана повѣсть, есть, исключая формы автобіографіи, драматическая. Признавши свободу британскихъ драматурговъ, сбросившихъ съ себя ярмо аристотелевыхъ единствъ, я считаю и себя вправѣ перемѣнять мѣсто дѣйствія и дѣйствующія лица по моему произволу.

Необходимость этихъ перемѣнъ проистекаетъ изъ самой натуры людскихъ отношеній. Каждый день видимъ мы, что въ пяти или шести семействахъ, дѣла которыхъ имѣютъ сильное вліяніе другъ на друга, совершаются событія и произносятся слова, ведущія къ важнымъ для этихъ семействъ послѣдствіямъ, и составляющія ихъ общую исторію, хотя одно семейство не знаетъ, что дѣлается въ тоже время въ другомъ. Задача писателя, если онъ хочетъ избрать себѣ въ руководители природу, состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, чтобы найти такую группу семействъ, связанныхъ общею судьбою, и, измѣняя въ своемъ разсказѣ мѣсто дѣйствія, описывать совершающееся единовременно въ разныхъ мѣстахъ. Рядъ такихъ картинъ и составитъ общую ихъ исторію. Безсильно воображеніе и плоха память того читателя, который не безъ труда ловитъ прерванную на-время нить событій и лицъ.

Не имѣй я права перемѣнять сцены дѣйствія, происходившее въ Морлей-гоузѣ и, что еще важнѣе, ощущенія жильцовъ его, остались бы неизвѣстными, или были бы переданы въ длинномъ, неестественномъ *résumé*. А ощущенія, о которыхъ я говорю, достойны вниманія, какъ всѣ ощущенія сердца. Если бы можно было написать внутреннюю исторію человѣческаго сердца, она была бы занимательнѣе и поучительнѣе самой блестящей исторіи его дѣлъ, то есть внѣшняго его проявленія.

Нѣсколько времени послѣ отъѣзда Маннерсъ *гоуза Маріанна* наслаждалась искуственнымъ

анным пріемомъ опіума. Хорошо ли поступилъ въ этомъ слу-
ѣ медикъ, — лучше ли было позволить ей встрѣтиться съ го-
ымъ лицомъ къ лицу, или оградить ее отъ перваго впечатлѣнія,—
редоставляю судить каждому по своимъ чувствамъ. Но ме-
икъ зналъ ее съ самого дѣдства, и зналъ, что слишкомъ гру-
ое прикосновеніе скорби можетъ сокрушить ея сердце. Сонъ
рекратилъ на-время ея страданія; но какъ отличался онъ отъ
стественнаго сна спокойной души! Макъ придавилъ въ ней свин-
овою рукою чувства и мысли, но не освѣжилъ и не облегчилъ
къ; на спящемъ лицѣ ея было видно, что сонъ ея несте-
гвенъ.

Аптекарь далъ ей сильный пріемъ, и она проспала нѣсколь-
о часовъ. Наконецъ она проснулась блѣдная, истомленная; мы-
ли ея были въ безпорядкѣ, чувства тоже.

— Кто это? Изидора? спросила она, глядя на окно, возлѣ
ораго кто-то стоялъ. Изидора подошла къ ней, и она спро-
ила поспѣшно: «что новаго?»

Она не могла сдѣлать вопроса обстоятельнѣе; вниманіе ея
е въ-силахъ было сосредоточиться на какомъ-нибудь данномъ
редметѣ.

— Ничего, отвѣчала Изидора, садясь возлѣ ея постели. —
олковникъ Маннерсъ не привезъ никакихъ извѣстій и уѣхалъ
ъ дядюшкѣ, узнать, не объяснится ли тамъ этотъ странный
лучай.

Изидора старалась только скрыть отъ Маріанны полученное
звѣстіе и отклонить вниманіе ея отъ розысковъ Маннерса. Но
лова ея произвели дѣйствіе сильнѣе, нежели она ожидала и
келала. Она хотѣла только ослабить горе, а не пробудить ожи-
анія, которыя, по всей вѣроятности, не исполнятся. Но надежда
овкій дипломатъ и умѣетъ пользоваться каждымъ словомъ,
аждымъ обстоятельствомъ. Простыя слова Изидоры воскреси-
и въ сердцѣ Маріанны полупогасшее пламя. Она вспомнила о
амекахъ на незаконность происхожденія Эдварда, вспомнила о
го пылкости и вообразила себѣ, что опасенія его подтверди-
ись, и что онъ сгоряча отправился прямо къ отцу.

Онъ, правда, ушелъ пѣшкомъ, ночью и, отправляясь къ
тцу, вѣроятно, извѣстилъ бы ее объ этомъ письменно; но наде-
да не останавливается надъ невѣроятностями, и Маріанна
спокоилась. Ей хотѣлось бы, чтобы и другіе съ нею согласи-

лись; но для этого ей должно было объяснить имъ, на чемъ основывалась ея надежда: а этого нельзя было сдѣлать, не входя въ подробности касательно сношеній Эдварда съ цыганомъ. Она не знала, имѣетъ ли она на это право. Опіумъ такъ ослабилъ ея умственныя способности, что она долго не рѣшалась, что̀ ей дѣлать, и молчала, слушая утѣшенія Изидоры. Наконецъ, собравши всѣ обстоятельства, она разсудила, что другія причины могутъ потребовать объясненія чувствъ и намѣреній Эдварда: можетъ быть, его не найдутъ у отца, начнутъ искать, — и тогда надо будетъ разсказать, куда и зачѣмъ пошелъ онъ, чтобы поиски не остались тщетны. Она ужасалась мысли выдать Эдварда, довѣрившаго ей свою тайну, но и чувствовала, какъ необходимо разсказать всю истину, для успѣха поисковъ. Она рѣшилась наконецъ разсказать, что̀ происходило между ней и Эдвардомъ на-канунѣ, и не знала только, кого избрать въ повѣренные — Изидору или мистриссъ Фальклендъ. Она не могла сомнѣваться въ привязанности и здравомъ смыслѣ тетки, но знала и то, что подъ всегдашней веселостью Изидоры скрывается много ума и такту. Кромѣ того, ей она могла высказать сколько хотѣла и умолчать, о чемъ хотѣла, между тѣмъ какъ проницательные вопросы тетки заставили бы ее разоблачить тайну Эдварда больше, нежели сколько она считала себя въ-правѣ.

— Знаешь ли, Изидора, сказала она наконецъ: — я имѣю причины надѣяться, что объ Эдвардѣ узнаютъ что-нибудь въ домѣ его отца. Онъ, вѣроятно, тамъ.

Изидора чувствовала всю трудность своей роли. Она радовалась, что Маріанна спокойнѣе, нежели можно было ожидать, и, разумѣется желала поддержать въ ней это спокойствіе, пока опасенія мало-по-малу не перейдутъ въ дѣйствительное горе; но она чувствовала, что не должна питать въ ней надежды, которая скоро рушится.

— Очень рада, что ты такъ думаешь, сказала она. — Странно только, что онъ не извѣстилъ насъ, зная, что ты будешь безпокоиться.

— Странно, но, кажется, я могу это объяснить, отвѣчала Маріанна. — Я скажу тебѣ кое-что, Изидора, и предоставляю тебѣ дѣлать, что̀ заблагоразсудится, если Маннерсъ не найдетъ Эдварда въ Дьюри-Галлѣ. Но такъ-такъ Эдвардъ не захотѣлъ бы

ворить объ этомъ дѣлѣ никому, то ты не должна меня рас-
рашивать, а удовольствоваться тѣмъ, что́ я скажу. Безъ край-
ей необходимости прошу тебя не говорить объ этомъ никому,
ромѣ тетушки.

— Желаніе твое будетъ исполнено въ точности, сказала
Изидора. — Я вижу, ты хочешь говорить о его свиданіи съ цы-
аномъ. Это всѣхъ насъ поразило.

— Я хочу говорить о причинѣ этого свиданія, возразила Ма-
іанна. — Это объяснитъ дѣло, если Эдвардъ теперь не у отца.
ы помнишь, что полковникъ Маннерсъ ходилъ вчера въ та-
оръ, — вслѣдствіе твоей шутки.

— Да, кажется, его побудила къ этому моя неумѣстная шут-
а, сказала Изидора со вздохомъ: — впредь я не буду шу-
ить.

— Нѣтъ, къ чему это! продолжала Маріанна. — Маннерсъ
инесъ Эдварду письмо отъ одного цыгана, по имени Фарольа, очень его огорчившее. Въ этомъ письмѣ разсказывались
жасныя вещи о нашемъ семействѣ и въ особенности объ Эд-
ардѣ. Посовѣтовавшись со мною, онъ рѣшился пойти сегодня
ъ таборъ и разузнать истину. Если все это оказалось правдой,
акъ я знаю, что онъ, вѣроятно, отправился прямо къ отцу узнать
се это подробнѣе, и забылъ думать обо всемъ другомъ.

— Нѣтъ, Маріанна, о *тебѣ* онъ не забылъ бы, сказала не-
сторожно Изидора.

— Ничего, я готова простить ему его забывчивость, лишь бы
го нашли у отца.

— Дай Богъ! отвѣчала Изидора. — Если онъ тамъ, то пол-
овникъ Маннерсъ, безъ сомнѣнія, извѣститъ насъ сегодня же
очью.

Въ голосѣ Изидоры, когда она произносила слова *дай Богъ*,
ыло столько безнадежности, что Маріанна испугалась.

— Изидора, сказала она, пристально глядя ей въ глаза: —
адѣюсь, что ты меня не обманываешь. Ты нелегко теряешь
вою веселость; я не привыкла слышать отъ тебя такіе печаль-
ые звуки. Скажи мнѣ правду, Изидора. Узнали вы что-нибудь
бъ Эдвардѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала Изидора, обрадовавшись, что можетъ дать
й отрицательный отвѣтъ. — О немъ ничего [illegible]
тно.

— Мнѣ пріятнѣе было бы узнать истину, продолжала Маріанна: — и я увѣрена, что ты не захочешь меня обманывать. Ты знаешь, какъ я люблю Эдварда, и я не стыжусь признаться, что едва ли кто на свѣтѣ любимъ такъ сильно. Мое счастье пугало меня, и я пріучила себя къ мысли, что счастье на землѣ непрочно; я готова, утративши его, сказать: да будетъ воля Господня. Когда Эдвардъ вступилъ въ дѣйствующую армію, я поняла, что должна быть готова на все; я не мучила себя воображеніемъ и напрасными опасеніями, но и не забывала, что Всемогущій ежеминутно можетъ потребовать отъ насъ жертвы, и что мы не въ-правѣ на него роптать.

— Ты чудесное созданіе! сказала Изидора обнимая Маріанну.

Маріанна склонила голову на плечо Изидоры, и заплакала. Но скоро она отерла свои слезы и продолжала:

— Ты скажешь, что, питая такія мысли, я не должна бы была поддаться горю такъ сильно, какъ это случилось со мною сегодня по-утру. Но дѣло въ томъ, что когда Эдвардъ возвратился, опасенія мои исчезли. Я вообразила себѣ, что всѣ опасности миновались; я забыла, что благополучно вышедшій изъ сраженій можетъ быть похищенъ у меня среди мира. Теперь мнѣ лучше, Изидора; я чувствую себя крѣпче и бодрѣе, и потому прошу тебя, если что̀ узнаешь, тотчасъ же сообщить мнѣ. Вы съ тетушкой принимаете участіе въ Эдвардѣ; но вы не можете чувствовать того, что̀ я.

— Именно поэтому-то, можетъ быть, лучше не тревожить тебя всѣми слухами и разсказами, которые только растравятъ твои чувства, не давая никакого положительнаго свѣдѣнія.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, говорите все, сказала Маріанна. — Теперь я снова на все готова; я не говорю, что я не буду плакать, что я не буду бояться; но я знаю, чья десница руководитъ всѣмъ въ жизни, и убѣждена, что все имѣетъ благую цѣль.

— А я увѣрена, отвѣчала Изидора: — что Онъ не оставитъ безъ награды такую вѣру.

— Да, отвѣчала Маріанна:—но, можетъ быть, Онъ, по премудрости своей, захочетъ испытать насъ еще болѣе. Я на все готова и перенесу все безъ ропота.

Разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ и много успокоилъ и ободрилъ Маріанну. Она зохотѣла встать и попросила Изидору

прислать ей горничную. Изидора старалась уговорить ее остаться въ постели и сказала матери о намѣреніи ея одѣться и притти въ гостиную. Мистриссъ Фальклендъ, однако же, одобрила это намѣреніе.

— Мы должны не допускать до Маріанны внезапныхъ, непріятныхъ извѣстій, сказала она: — но занятіе принесетъ ей пользу; нѣтъ ничего убійственнѣе страха или горя, которое овладѣваетъ нами въ минуты бездѣйствія, уединенія или безсонницы.

Маріанна не замедлила явиться въ гостиную. Нѣсколько слезъ прокатились по лицу ея, когда мистриссъ Фальклендъ прижала ее къ своей груди; но вообще она казалась довольно спокойною. Мало-по-малу она узнала обо всѣхъ открытіяхъ Маннерса, исключая слѣдовъ крови, и обо всѣхъ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ къ отысканію Эдварда. Изъ принятыхъ мѣръ Маріанна заключила, что Маннерсъ и ея тетка, не-шутя опасаются за Эдварда.

Вскорѣ потомъ возвратился слуга, котораго посылали къ Ардену. Онъ сказалъ, что судьи не было дома, и что онъ воротится только завтра утромъ. Сторожа, разставленные вокругъ лѣса, прислали спросить, оставаться ли имъ тамъ и на ночь; мистриссъ Фальклендъ приказала остаться. Много разныхъ правдоподныхъ и неправдоподныхъ слуховъ проникло въ гостиную черезъ посредство стараго дворецкаго.

Такъ прошелъ вечеръ. Отъ Маннерса не было никакихъ извѣстій. Минута уходила за минутой, часъ за часомъ, и надежда угасала все больше и больше. Наконецъ мистриссъ Фальклендъ уговорила Маріанну лечь спать.

На другой день по-утру мистриссъ Фальклендъ получила отъ Маннерса записку, въ которой онъ увѣдомлялъ ее, что о де Во ничего еще неизвѣстно. Мистриссъ Фальклендъ сообщила это Маріаннѣ, и впечатлѣніе было таково, что должно было снова обратиться къ медицинской помощи и къ опіуму. О второй половинѣ письма Маннерса, гдѣ онъ прямо говорилъ объ убіеніи де Во, мистриссъ де Во, разумѣется, не сказала Маріаннѣ ни слова. Маннерсъ писалъ, что когда онъ пріѣхалъ въ Дьюригалль, тамъ уже были приняты мѣры къ поимкѣ предполагаемыхъ убійцъ, но что пойманъ только одинъ молодой человѣкъ, отъ котораго, по всей вѣроятности, очень мал

узнать. «Но—продолжалъ онъ—я все-таки поѣду съ лордомъ въ Димденъ, допросить этого человѣка, и оттуда уже явлюсь въ Морлей-гоузъ. Если мистеръ Арденъ—прибавлялъ онъ въ заключеніе своего письма—не принялъ еще мѣръ къ объисканію лѣса, то прошу васъ немедленно этимъ распорядиться, потому-что принесшій извѣстіе о стычкѣ въ Димденѣ не знаетъ, былъ ли Фарольдъ при томъ, или нѣтъ».

Мистриссъ Фальклендъ съ нетерпѣніемъ ждала прибытія Ардена. Онъ пріѣхалъ поздно, спросилъ, что̀ новаго, и узналъ содержаніе письма Маннерса. Старикъ Арденъ, несмотря на жосткость своихъ манеръ и упорную привязанность къ буквѣ закона, былъ человѣкъ съ душою и истинно преданный семейству де Во.

Изъявивши свое сожалѣніе обо всемъ случившемся, онъ коснулся и письма, полученнаго имъ отъ лорда Дьюри, и съ торжествомъ сказалъ, что не обманулся въ мнѣніи своемъ на-счетъ Фарольда, котораго считалъ убійцею брата мистриссъ Фальклéндъ.

Мистриссъ Фальклендъ съ жаромъ опровергала это мнѣніе различными доводами. Но Арденъ возразилъ, что лордъ Дьюри имѣетъ на это положительныя доказательства. Она замолчала, хотя внутренно и не соглашалась. Что Фарольдъ могъ убить ея племянника въ горячемъ спорѣ, это она считала возможнымъ; но чтобы двадцать лѣтъ тому назадъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, онъ, ради денегъ, убилъ того, къ кому питалъ особенную привязанность, — съ этой мыслью она никакъ не могла примириться. Что̀ касается до смѣлаго обвиненія со стороны лорда Дьюри, то это она безъ труда изъясняла себѣ изъ его характера: ослѣпленный мщеніемъ и ненавистью, онъ легко могъ принять ка́кое-нибудь подозрительное обстоятельство за неопровержимое доказательство.

Не желая распространяться о слабостяхъ брата, она замолчала, и мистеръ Арденъ приступилъ къ распоряженіямъ для самаго тщательнаго обыска лѣса.

Всѣмъ, кому случалось объискивать лѣсъ, извѣстно, что это дѣло нелегкое. Пока собрали достаточное число людей и сдѣлали всѣ необходимыя распоряженія, было уже довольно поздно. Люди, стоявшіе до сихъ поръ вокругъ лѣса, устали и едва ли согласились бы прокараулить еще одну ночь; поэтому обы-

ска нельзя было откладывать до завтра, и Арденъ отправился къ лѣсу, взявши съ собою кого-только могъ изъ людей мистриссъ Фальклендъ.

Во время его отсутствія мистриссъ Фальклендъ и дочь ея были въ сильномъ волненіи. Маріанна все еще спала, и Изидора вышла въ садъ подышать чистымъ воздухомъ. Тамъ подбѣжалъ къ ней мальчикъ лѣтъ девяти, работавшій съ садовниками.

— А я, кажется, что-то нашелъ, сказалъ онъ ей.

— Что же ты нашелъ, Гарри? спросила Изидора.

— Да вотъ вчера, господа и слуги цѣлый день толковали все о какихъ-то слѣдахъ.

— Ты нашелъ слѣды? прервала его Изидора.

— Да, отвѣчалъ онъ: — садовникъ, уходя въ лѣсъ, послалъ меня на тотъ конецъ парка за дерномъ, и тамъ, возлѣ самой рѣки, за калиткой, которую ужь года два какъ не отворяли, я увидѣлъ на песку слѣды джентльмена; песокъ тамъ мягкій и поросъ немножко травою.

— Да почему же ты знаешь, что это слѣды джентльмена? спросила Изидора Можетъ быть, это прошелъ сторожъ, или садовникъ, или кто-нибудь изъ рабочихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, слѣды узенькіе, возразилъ мальчикъ: — не шире моихъ; а не женскія, — по пяткамъ видно.

— Можетъ быть, прошелъ кто-нибудь изъ мальчиковъ, продолжала Изидора.

Мальчикъ почесалъ въ головѣ и сказалъ:

— Можетъ быть, — только нѣтъ, — вѣрно джентльменъ.

Изидора старалась дознаться, почему онъ это думаетъ; но люди, не имѣя яснаго понятія о предметѣ, часто упорствуютъ въ голословномъ утвержденіи и не допускаютъ другихъ проникнуть въ причины ихъ мнѣнія, которыя для самихъ ихъ неясны Такъ случилось и теперь. Единственный отвѣтъ, котораго она могла добиться на всѣ свои вопросы, состоялъ въ томъ, что онъ, мальчикъ, увѣренъ въ томъ, что это слѣды джентльмена.

Изидора пошла съ этимъ извѣстіемъ, взявши съ собою мальчика, къ матери.

Мистриссъ Фальклендъ выслушала ее со вниманіемъ и сказала, что надо послать дворецкаго изслѣдовать это открытіе.

— Нѣтъ, пожалуйста, не его! сказала Изидора. Онъ непремѣнно откроетъ, что это слѣды слона. Черезъ него мы во-вѣки не узнаемъ истины.

— Да кого же послать? отвѣчала мистриссъ Фальклендъ:— кромѣ него никого нѣтъ дома.

— Я пойду сама, сказала Изидора: — я успѣю еще воротиться засвѣтло, и возьму съ собою мальчика.

— Да, или, сказала мистриссъ Фальклендъ:— можетъ быть, все это пустяки, а можетъ быть, и нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, надо разузнать. Я пойду съ тобою, если Маріанна спитъ. Подожди меня минуту.

Маріанна все еще спала. Изидора и мать ея ушли съ мальчикомъ. Уходя, Изидора кликнула свою горничную и велѣла ей стать у окна, откуда видно было мѣсто, о которомъ говорилъ мальчикъ. Она приказала ей не отходить отъ этого окна, и если увидитъ, что она или мистриссъ Фальклендъ дѣлаютъ знаки, поспѣшить въ ту же минуту къ нимъ.

— Я предчувствую, сказала Изидора, что наша экспедиція будетъ имѣть важныя послѣдствія.

Какъ бы то ни было, горничная исполнила ея приказаніе какъ вообще исполняютъ подобныя приказанія, т. е. простояла у окна минуты двѣ и потомъ, увидѣвши, что мистриссъ Фальклендъ и Изидора прошли шаговъ сто по дорожкѣ, подумала: «можно сходить за шляпкой, которую я кончаю; успѣю еще воротиться, покамѣстъ онѣ дойдутъ до того конца парка». Но въ прихожей встрѣтилась она съ дворецкимъ, который остановилъ ее только спросить, куда это ушли господа, и потомъ разсказалъ ей такую ужасную исторію, слышанную имъ въ молодости и похожую, по обстоятельствамъ, на пропажу Эдварда, что волосы стали дыбомъ на головѣ слушательницы. Когда она воротилась къ окну, было уже такъ темно, что нельзя было трудиться надъ шляпкой; поэтому она тотчасъ же устремила глаза, куда было приказано, и смотрѣла, когда уже ничего нельзя было видѣть.

III.

ПИСЬМА ОБЪ ИСПАНІИ.

—

VI (*).

Màлага Октябрь.

Послѣднее письмо писалъ я къ вамъ изъ Танхера. Не знаю, сколько бы еще времени пришлось мнѣ сидѣть въ этомъ грязномъ марокскомъ гнѣздѣ, если бы, на мое счастіе, по случаю болѣзни брата марокскаго султана, губернаторъ Гибралтара не прислалъ сюда военнаго парохода съ докторомъ. Англійскіе военные пароходы не перевозятъ путешественниковъ за деньги; только по рекомендаціи англійскаго консула я былъ принятъ на пароходъ вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ французомъ. Дорогою капитанъ обращался съ нами, какъ съ своими гостями, пригласилъ насъ къ завтраку, показывалъ свою библіотеку и вообще оказывалъ то лестное и вмѣстѣ нисколько не отяготительное вниманіе, которое умѣютъ оказывать одни только англичане, когда хотятъ быть любезными. Рѣзкій противный вѣтеръ и непроницаемый туманъ заставили пароходъ употребить восемь часовъ на проѣздъ отъ Танхера до Гибралтара, — и на другой же день съ пришедшимъ изъ Кадиса пароходомъ отправился я въ Màлагу, откуда и пишу къ вамъ эти строки. Никогда не забуду я того радостнаго ощущенія, когда, разбуженный стукомъ якорной цѣпи, вышелъ я на палубу. Солнце только-что показалось изъ-за волнъ; бѣлые дома Màлаги были покрыты чудеснымъ розовымъ отливомъ, при кото-

(*) Предъидущія пять писемъ напечатаны въ Современникѣ 1847 г. (№№ VII, IX и XII), 1848 г. (№ XI) и 1849 г. (№ I).

— Нѣтъ, пожалуйста, не его! сказала Изидора. Онъ непремѣнно откроетъ, что это слѣды слона. Черезъ него мы во-вѣки не узнаемъ истины.

— Да кого же послать? отвѣчала мистриссъ Фальклендъ:— кромѣ него никого нѣтъ дома.

— Я пойду сама, сказала Изидора: — я успѣю еще воротиться засвѣтло, и возьму съ собою мальчика.

— Да, иди, сказала мистриссъ Фальклендъ:— можетъ быть, все это пустяки, а можетъ быть, и нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, надо разузнать. Я пойду съ тобою, если Маріанна спитъ. Подожди меня минуту.

Маріанна все еще спала. Изидора и мать ея ушли съ мальчикомъ. Уходя, Изидора кликнула свою горничную и велѣла ей стать у окна, откуда видно было мѣсто, о которомъ говорилъ мальчикъ. Она приказала ей не отходить отъ этого окна, и если увидитъ, что она или мистриссъ Фальклендъ дѣлаютъ знаки, поспѣшить въ ту же минуту къ нимъ.

— Я предчувствую, сказала Изидора, что наша экспедиція будетъ имѣть важныя послѣдствія.

Какъ бы то ни было, горничная исполнила ея приказаніе какъ вообще исполняютъ подобныя приказанія, т. е. простояла у окна минуты двѣ и потомъ, увидѣвши, что мистриссъ Фальклендъ и Изидора прошли шаговъ сто по дорожкѣ, подумала: «можно сходить за шляпкой, которую я кончаю; успѣю еще воротиться, покамѣстъ онѣ дойдутъ до того конца парка». Но въ прихожей встрѣтилась она съ дворецкимъ, который остановилъ ее только спросить, куда это ушли господа, и потомъ разсказалъ ей такую ужасную исторію, слышанную имъ въ молодости и похожую, по обстоятельствамъ, на пропажу Эдварда, что волосы стали дыбомъ на головѣ слушательницы. Когда она воротилась къ окну, было уже такъ темно, что нельзя было трудиться надъ шляпкой; поэтому она тотчасъ же устремила глаза, куда было приказано, и смотрѣла, когда уже ничего нельзя было видѣть.

ромъ утренняя глубокая синева неба казалась темно-яхонтовою; за этою ярко-розовою кучею строеній лежали горы съ самыми мягкими очертаніями, покрытыя густою темно-зеленью..... въ первый разъ еще природа Испаніи имѣла для меня кроткій, ласкающій характеръ.

И вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ живу я въ Малагѣ, любуясь на ея чудныхъ женщинъ, на ея веселые нравы. Гостинница, гдѣ живу я, стоитъ въ углу небольшой площади, «площади Мавровъ». Въ день моего пріѣзда, — это было воскресенье, — площадь была полна народа; я былъ пораженъ этою звонкою, беззаботною веселостію. Близь гостинницы цирюльникъ сидѣлъ на порогѣ своей лавки съ солдатомъ, наигрывалъ ему что-то на гитарѣ, а тотъ внимательно прислушивался къ его игрѣ; передъ ними стояла молодая дѣвушка, постукивая кастаньетами, качалась корпусомъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ при началѣ всякаго испанскаго танца; на углу ближней улицы, выходившей на площадку, плясали фанданго: отовсюду слышалось бряцанье гитары, живые, меланхолическіе аккорды испанскихъ танцевъ. И каждый вечеръ въ Малагѣ словно праздникъ; пѣсни и звуки гитаръ, самое беззаботное веселье, живыя мелодіи, смѣхъ и говоръ счастія и... юности, хотѣлъ я сказать, — но это слово шло бы къ Европѣ, гдѣ веселится одна юность; въ Андалусіи и старики также веселы, и если они не танцуютъ съ молодыми людьми, то всегда любятъ смотрѣть на ихъ веселье, играть для ихъ танцевъ на гитарѣ, подпѣвать имъ пѣсни и не упускаютъ случая импровизировать свой куплетецъ (*coplite*) въ честь ловкой танцовщицы. Надобно узнать Андалусію вечеромъ, чтобъ понять все очарованіе этой южной жизни.

Малага, какъ городъ, вовсе не красива; но она лежитъ очень живописно; у ней прекрасный портъ и самая изящная *Alameda* (городское гулянье). Это длинный, сажень въ пять шириною, бульваръ, обсаженный густыми южно-американскими растеніями, между которыми разставлены мраморные бюсты римскаго времени, вырытые въ окрестностяхъ Малаги. Здѣсь теперь тысячь шестдесятъ жителей и народонаселеніе постоянно возрастаетъ. Бо́льшая часть города сохранила еще свой мавританскій характеръ, и въ его вьющихся, тѣсныхъ улицахъ легко заблудиться. Старыя, мавританскія башни и ворота съ своей аркой-подковою безпрестанно напоминаютъ о времени владычества мавровъ, при которыхъ Малага была значительнымъ торговымъ и промышленнымъ городомъ. *Alcazaba*, самая старая часть города, гдѣ живетъ теперь бѣдное простонародье, сохранила всю свою мавританскую стѣну. Это былъ нѣкогда укрѣпленный замокъ гренадскихъ владѣтелей. Красивые арабскіе ворота ведутъ въ *Alcazaba*, а внутри построены бѣдныя хижины, и между развали-

зубцами стѣнъ растутъ дикія фиговыя деревья и фантасти-
усты кактусовъ. Отъ старой мавританской крѣпости, къ го-
одствовавшей надъ городомъ, остались одни только полураз-
ія стѣны; съ верху ея — обширный видъ на море, голубое
ющее, усѣянное множествомъ парусовъ, которыхъ бѣлизна
ѣляется отъ яхонтоваго цвѣта неба и моря. Но горы, обста-
его великолѣпное море, поражаютъ своею величавою обна-
ю: по берегу—ни деревъ, ни жилищъ, ни зелени; далеко тя-
нѣ только голыя горы, крутыя, суровыя скалы, на кото-
житъ африканскій пустынный и знойный колоритъ. Таковъ
й земли, знаменитой своимъ виномъ и мягкою теплотою сво-
феры, — и такова прозрачность здѣшняго воздуха, что съ
авританской крѣпости, особенно когда вечернее солнце освѣ-
жный горизонтъ, ясно виднѣются красноватыя скалы горы
ь-Кибиръ въ Африкѣ, хотя по прямой линіи до нея отсю-
100 верстъ. Только улицы, прилегающія къ гавани выстрое-
вропейскомъ стилѣ; огромная площадь, гдѣ сдѣлана *Alame-*
обстроена превосходными домами, въ которыхъ живетъ ку-
аристократія Малаги. Здѣшняя гавань уступаетъ только
ской въ количествѣ приходящихъ кораблей, и изъ всѣхъ ис-
ь городовъ Малага послѣ Барселоны самый значитель-
говый городъ, хотя и торгуетъ только одними произведенія-
роскошной почвы. Всѣ окрестныя горы покрыты вино-
ами, которые производятъ болѣе пятнадцати сортовъ винъ,
выдаютъ въ Европѣ за мадеру, хересъ, бѣлый портвейнъ,
ьшею частію произведенія малагской почвы; кромѣ того мно-
ывается здѣсь оливковаго масла, не говоря уже о суше-
иноградѣ (изюмѣ), апельсинахъ и лимонахъ. Гавань постоян-
нена англійскими, французскими и американскими судами;
огромныя массы винограда вывозятся отсюда въ Англію и
. Множество иностранныхъ купцовъ, привлеченныхъ вы-
оборотами, безпрестанно селятся въ Малагѣ, и городъ по-
оживленъ. Жители здѣсь и въ одеждѣ и въ нравахъ не от-
отъ другихъ андалусцевъ, хотя сильная контрабандная
ленность и легкость добывать деньги и придали нравамъ ихъ
особенный удалой колоритъ, тѣмъ болѣе, что отъ ремесла
нды здѣсь самый близкій переходъ къ ремеслу *caballis-*
йника верхомъ). Легкость добывать деньги привлекаетъ сю-
всегда бываетъ при большихъ торговыхъ портахъ, множе-
ихъ бродягъ, и окрестности Малаги пользуются очень дур-
ой, такъ-что въ моихъ частыхъ прогулкахъ въ горахъ мнѣ
ли носить при себѣ оружіе. Но въ продолженіи моего шести-

недѣльнаго здѣсь пребыванія, несмотря на то, что я цѣлые дни проводилъ одинъ, верхомъ въ горахъ, со мною рѣшительно ничего не случалось и пара заряженныхъ пистолетовъ, которые я таскалъ съ собою, оказалась совершенно безполезною. Впрочемъ эту безопасность приписываютъ здѣсь теперешнему губернатору (*Senor Ordona*); а недалѣе какъ за полтора года даже улицы Малаги были такъ опасны, что ночью невозможно было ходить по нимъ безъ оружія. Жители Малаги вообще веселый, удалой народъ, мало имѣютъ потребностей и въ недѣлю работаютъ только для того, чтобъ на выработанныя деньги погулять въ воскресенье. Огненное вино, дешевизна жизненныхъ припасовъ, мягкость климата и въ особенности удивительная красота и грація здѣшнихъ женщинъ сильно развиваютъ страсти, и здѣсь безпрестанно слышишь о *punaladas* (ударахъ ножа) и убійствахъ; но причиною ихъ не воровство, а ссора, мщеніе или ревность.

Погода стоитъ теперь здѣсь чудесная; послѣ недавнихъ дождей всѣ окружныя горы покрыты зеленью, словно при началѣ весны. Весна и осень здѣсь самыя лучшія времена года; лѣтомъ бываетъ нѣсколько жарко, и, несмотря на мою любовь къ теплу и солнцу, здѣшній зной иногда утомляетъ меня. Притомъ, чтобъ быть здоровымъ, надобно вести очень воздержную жизнь въ этомъ климатѣ и непремѣнно слѣдовать примѣру андалусцевъ и вообще испанцевъ: также мало ѣсть, какъ они, и также мало пить вина. У южнаго человѣка страсти гораздо требовательнѣе желудка, у сѣвернаго наоборотъ. Съ половины іюля вся Андалусія, сожженная своимъ африканскимъ солнцемъ, становится голою пустынею, и зелень виднѣется только по берегамъ полу-высохшихъ рѣкъ. Но въ концѣ сентября начинаютъ нарѣдка перепадать дожди, зелень снова возвращается; скаты горъ и поля покрываются нарцизами, гіацинтами и бѣлыми колокольчиками; въ концѣ ноября все это снова исчезаетъ; проливные, зимніе дожди сбиваютъ нѣжные листья южныхъ растеній; одни только вѣчно-зеленыя деревья апельсинныя и лимонныя сохраняютъ свои листья и, обмытыя сильными дождями отъ лѣтней пыли, являются къ зимѣ словно съ свѣжими листьями. Тутъ въ ихъ темной, густой зелени начинаютъ желтѣть апельсины, и январь едва успѣетъ кончиться, какъ уже распускающіеся цвѣты миндальныхъ деревъ возвѣщаютъ наступающую весну. Такой здѣсь райскій климатъ!

Четыре провинціи, которыя составляютъ Андалусію, сохраняя между испанцами свое старое названіе королевствъ, оставшееся за ними со времени владычества мавровъ, суть Хаэнъ, Кордова, Севилья и Гранада. Эта южная часть Испаніи была всегда предметомъ привязанности народовъ, проникавшихъ въ нее и пораженныхъ

ительнымъ богатствомъ ея почвы. Дѣйствительно, едва ли есть
угая страна въ мірѣ, такъ роскошно одаренная природою: желѣзо,
ідь, ртуть, сѣра, свинецъ, серебро, даже золото, и теперь еще
ставляютъ здѣсь предметъ большихъ пріисковъ; въ горахъ мно-
ество самаго разнообразнаго мрамора и превосходнаго алебастра,
ончаковъ, которыхъ соль не требуетъ ни малѣйшей обработки;
омѣ того, здѣсь разводится самый лучшій скотъ, мериносы, не
оря уже о хлѣбѣ, самыхъ разнообразныхъ плодахъ, винѣ, олив-
овомъ маслѣ, льнѣ, пенькѣ, шолкѣ, хлопчатой бумагѣ, сахарномъ
остникѣ; и, несмотря на все это, страна находится въ запустѣніи,
въ горахъ ея царствуетъ могильная тишина. Во времена мавровъ,
лавшихъ Андалусію самою богатою и просвѣщенною, по-тогдаш-
му времени, страною въ Европѣ, по берегамъ Гвадалквивира было
,000 деревень, а теперь едва ли наберется 800; народонаселеніе ея
шерь цѣлою десятою частію меньше тогдашняго, и въ этой плодо-
ной Андалусіи есть такія пустынныя мѣста, которыя не усту-
ютъ запустѣніемъ своимъ африканскимъ песчанымъ равнинамъ.
лько въ немногихъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Средиземному
рю, сохранилась роскошная растительность. Эти долины, между
рами, на вершинахъ которыхъ лишь въ послѣдніе лѣтніе мѣсяцы
аваетъ снѣгъ, орошены множествомъ ручьевъ; жгучій жаръ аф-
канскаго солнца освѣжается въ нихъ вѣтромъ, охлажденнымъ
дниками; вода вездѣ подъ руками и въ изобиліи; по южному бе-
гу, начиная отъ Málaги, находятся плантаціи сахару и хлопчатой
маги; кофе и индиго могутъ свободно разводиться; бананы ра-
утъ въ садахъ, такъ-что на пространствѣ десяти верстъ, подни-
ясь отъ долинъ къ снѣговымъ вершинамъ, здѣсь можно наблю-
ть постепенность всѣхъ климатовъ, отъ тропической растительно-
и долинъ до суровыхъ дебрей горныхъ вершинъ, напоминающихъ
ыя унылыя тундры нашей Сибири.

Изъ всѣхъ городовъ арабской Андалусіи ни одинъ не оказалъ
панцамъ такого геройскаго сопротивленія, ни одинъ не отстаи-
ъ съ такимъ мужествомъ своей независимости и вѣры, какъ Ма-
га. Трехмѣсячная осада Málаги Фердинандомъ и Изабеллой, въ
87 году, составляетъ одну изъ самыхъ поразительныхъ драмъ
ицадской войны. Съ какимъ отчаяніемъ держались мавры за свою
екрасную Андалусію, съ какимъ страннымъ упорствомъ отстаи-
ли они каждый шагъ ея! Словно предчувствуя свою страшную
ьбу, они давно уже оплакивали свое отечество. Есть одинъ араб-
й романсъ XIII вѣка, написанный, послѣ взятія испанцами у ара-
въ Севильи, арабскимъ поэтомъ Абуль-баки-Салехомъ; послу-
йте, сколько скорби, сердечнаго рыданія, сколько тяжкаго пред-

чувствія въ этомъ романсѣ, или, вѣрнѣе, въ этомъ плачѣ араба надъ своимъ народомъ, своею вѣрою и своею возлюбленною Андалусіею! Упомянувъ о преходимости всякаго земного величія и счастія, арабъ продолжаетъ:

«Гдѣ могучіе повелители Іемена, гдѣ ихъ короны, ихъ діадемы?

«Неотразимая судьба постигла ихъ....

«Она произвела царей, царства и народы; а что они нынѣ? нѣчто похожее на призраки сна.

«Невыразимое бѣдствіе постигло Андалусію, а съ нею и весь исламизмъ.

«Города и провинціи наши опустѣли....

«Спроси у Валенсіи, что сталось съ Мурціей, гдѣ Хазнъ и Хатива?

«Спроси, гдѣ Кордова — жилище знанія, что сталось съ мудрыми, обитавшими въ ней?

«Гдѣ теперь Севилья съ ея очарованіями, съ ея рѣкою водъ свѣтлыхъ и кроткихъ?

«Дивные города, вы были столпами страны: какже не разрушаться странѣ, когда она потеряла столпы свои?

«Какъ любовникъ, оплакивающій свою любезную, исламизмъ оплакиваетъ свои провинціи, опустѣлыя или обитаемыя невѣрными.

«Тамъ, гдѣ были мечети, нынѣ стоятъ церкви съ своими колоколами и крестами.

«Наши святилища стали нѣмымъ камнемъ и плачутъ, наши залы — деревомъ безжизненнымъ, и тоскуютъ!

«О ты, небрегущій указаніями счастія, ты, можетъ быть, спишь, но знай, что счастіе всегда бодрствуетъ.

«Ты ходишь гордый и восхищенный своимъ отечествомъ. Но развѣ у человѣка есть отечество, послѣ потери Севильи?

«О, это бѣдствіе заставляетъ забыть всѣ прежнія бѣдствія, и никакое не заставитъ забыть о немъ.

«Вы, носящіеся на быстрыхъ, красивыхъ скакунахъ, летающіе подобно орламъ между сталкивающихся мечей, —

«Вы, вращающіе острые мечи Индіи, которые сверкаютъ какъ огни между черными облаками пыли, —

«И вы всѣ, тамъ за моремъ живущіе мирно и обрѣтающіе въ своихъ странахъ славу и силу, —

«Развѣ не дошло до васъ вѣсти объ андалусцахъ? А посланные давно уѣхали извѣстить васъ о нашихъ несчастіяхъ.

«Сколько злополучныхъ умоляло васъ о помощи! Но ни одинъ изъ васъ не всталъ помочь имъ, и они теперь мертвы или въ плѣну.

«Что это за смуты между вами? развѣ вы не тѣже мусульмане! всѣ братья, служители одного Бога.

«Неужели нѣтъ между вами душъ гордыхъ и великодушныхъ? Развѣ уже нѣтъ никого защитить исламизмъ?

«О, какъ они унижены нынѣ невѣрными, эти андалусцы, еще недавно столь славные!

«Вчера еще они были властителями у себя: теперь они рабы въ землѣ невѣрныхъ.

«О, еслибъ ты видѣлъ, какъ плакали они, когда ихъ продавали, ты обезумѣлъ бы отъ печали.

«Да и кто бы могъ перенести, видя, какъ они бродятъ оторопѣлые, неимѣя другой одежды, кромѣ лохмотьевъ рабства?

«Кто могъ бы перенести, видя горы между ребенкомъ и матерью, все равно, еслибъ была стѣна между духомъ и тѣломъ;

«Видя въ слезахъ и тоскѣ молодыхъ дѣвицъ, прекрасныхъ какъ солнце, когда встаетъ оно, все изъ коралловъ и рубиновъ, гонимыхъ варварами на унизительныя работы?

«О, отъ такого вида сердца разорвались бы отъ скорби, если бы оставалась еще въ сердцахъ хоть капля исламизма!»

Но восторженная эпоха исламизма давно миновалась; Африка равнодушно смотрѣла на бѣдствія своихъ андалузскихъ единовѣрцевъ; наконецъ отнята была у нихъ ихъ послѣдняя «свѣтлая звѣзда неба», ихъ обожаемая Гранада. Раздраженные семисотлѣтнею борьбою, испанцы не довольствовались уже совершеннымъ покореніемъ мавровъ: началось преслѣдованіе религіозное. Побѣжденныхъ приняла въ свои руки инквизиція и начала обращать въ католичество. Имъ велѣно было оставить свой родной языкъ и одѣваться по-испански: арабская одежда была запрещена, женщинамъ велѣно было ходить съ открытыми лицами. Кромѣ того, запрещены были арабамъ употребленіе бань, музыка, пѣніе, всѣ ихъ обычныя забавы. Напрасно молили они о пощадѣ: фанатизмъ не знаетъ чувствъ милосердія; инквизиція нарочно вызывала возстанія, для того, чтобъ еще болѣе преслѣдовать невѣрныхъ. Особенно осталось въ-памяти испанцевъ послѣднее возстаніе мавровъ, вспыхнувшее въ Альпухаррахъ и въ *Serrania de Ronda*, горныхъ цѣпяхъ, съ обѣихъ сторонъ облегающихъ Малагу. Много испанцевъ и въ особенности монаховъ погибло при этомъ возстаніи, которое кончилось, какъ и предшествовавшія, еще бо́льшею гибелью для мавровъ. Ихъ вѣра, ихъ обычаи, ихъ нравы, были у нихъ отняты; въ началѣ XVII вѣка имъ оставалась только земля, на которой они жили. То была уже не простая политическая борьба: дѣло шло объ истребленіи всего племени.

Еще въ 1602 году епископъ Валенсіи Хуанъ де Рибера представилъ Филиппу III записку о необходимости изгнанія его невѣрныхъ подданныхъ. Въ ней совѣтовалъ онъ королю оставить только юно-

прихода объ ихъ совершенномъ отреченіи отъ магометанства и о точномъ исполненіи всѣхъ католическихъ обрядовъ.

Я привожу здѣсь только главные пункты повелѣнія. Мавры были поражены ужасомъ; напрасно предлагали они правительству вносить утроенные налоги, напрасно просили заступничества у французскаго Генриха IV, который былъ тогда въ раздорѣ съ Филиппомъ III, напрасно предлагали Генриху IV принять протестантство, инквизиція не хотѣла принимать никакихъ условій; Генрихъ, занятый своими смутными дѣлами, не обратилъ почти на нихъ вниманія, и роковое повелѣніе было приведено въ исполненіе. Порученные фанатическимъ, жаднымъ къ добычѣ матросамъ, множество мавровъ погибло въ переѣздѣ. Испанскій историкъ того времени Фонсека *(Justa expulsion de los Moriscos)* называетъ двухъ капитановъ кораблей, которые бросили въ море всѣхъ мавровъ, принятыхъ ими для перевоза въ Африку. Кромѣ того, множество судовъ, нагруженныхъ маврами, были занесены бурею на береговыя отмѣли и разбились, такъ-что въ продолженіи нѣкотораго времени береговые жители Прованса называли сардины — *гранадинами*, по имени гранадскихъ мавровъ, и не ѣли ихъ, полагая, что онѣ питались человѣческимъ тѣломъ. Немногимъ были счастливѣе и тѣ, которымъ удалось наконецъ достигнуть береговъ Африки: бо́льшая часть ихъ погибла отъ голода и лишеній среди знойныхъ пустынь.

Трудно теперь опредѣлить въ точности число мавровъ, подвергшихся изгнанію; извѣстно только, что изъ одной провинціи Валенсіи вывезено было ихъ 140,000. Цѣлыя провинціи, тысячи деревень и мѣстечекъ обезлюдѣли; поля преданы были запустѣнію, и земледѣліе упало до-того, что преемникъ Филиппа III принужденъ былъ для поощренія его давать дворянскія почести тѣмъ, которые займутся обработываніемъ земли. Но заброшенныя поля Испаніи до сихъ поръ свидѣтельствуютъ, какъ мало имѣла успѣха эта мѣра. Тяжело отозвалось это изгнаніе на торговлѣ и промышленности. Мавры особенно были наклонны къ торговлѣ и фабричнымъ работамъ. Сукна Мурсіи, шолковыя матеріи Альмеріи и Гранады, кожи и сафьянъ Кордовы продавались тогда по всей Европѣ. Мавры устроили въ Испаніи дороги, прорыли каналы, очистили для судоходства рѣки, соединили торговыми сношеніями всѣ города Испаніи. Послѣ изгнанія ихъ исчезли даже самыя преданія ихъ промышленности, фабрики пали по недостатку рабочихъ рукъ, за ними торговля и промышленность; поля лежали невоздѣланными, искуственные водопроводы развалились, опустѣлые дома деревень разрушились, и вмѣсто трудолюбивой, живой дѣятельности, въ горахъ *Андалусіи воцарилась* тишина кладбища.

Для меня, жителя сѣверныхъ равнинъ, южныя горы имѣютъ какую-то необъяснимую прелесть; глаза, привыкнувъ съ младенчества свободно уходить въ смутную даль, ограниченную темною и суртвою линіею горизонта, съ какою-то ненасытною нѣгою блуждаютъ по этимъ высотамъ, на которыя каждый часъ дня кладетъ свои особенные тоны колорита. Въ равнинахъ — природа только на первомъ планѣ, такъ сказать, у ногъ; дальше — одно небо и пустое пространство, которое невольно склоняетъ къ задумчивости и грусти: отсюда, вѣроятно, и склонность къ мечтательности въ жителяхъ равнинъ. Въ горахъ надо проститься съ этою туманною безпредѣльностію: глаза всюду встрѣчаютъ не туманную, сѣрую даль, а яркіе переливы зелени, или утесы и скалы, которымъ солнце и воздухъ сообщаютъ нѣжные радужные цвѣта. Я думаю даже, что живописецъ, живущій въ равнинахъ, никогда не будетъ хорошимъ колористомъ: только въ горахъ можно понять все очарованіе солнца и тѣни и радужную ихъ игру. Утромъ горы лежатъ въ синемъ, чуть прозрачномъ туманѣ, сквозь который едва отдѣляются ихъ очертанія; облака, застигнутыя на отлогостяхъ и въ ущеліяхъ затишьемъ вечера, раннимъ утромъ розовыя, потихоньку встаютъ и уходятъ; постепенно, какъ солнце возвышается, туманъ становится прозрачнѣе и голубѣе; вотъ начинаютъ обозначаться зеленыя отлогости, красноватыя скалы, темныя ущелія. Въ этой воздушной, радужной игрѣ цвѣтовъ и лучей есть что-то музыкальное: не живопись — передъ этими красками всѣ наши краски кажутся грязью—а симфонія, сыгранная оркестромъ, можетъ только дать понятіе объ этомъ чудномъ разнообразіи и гармоническомъ сочетаніи цвѣтныхъ тоновъ. Какъ смѣлы, рѣзки и вмѣстѣ нѣжны эти переходы! Каждая неровность, каждый уступъ кладутъ свои оттѣнки, которые безпрестанно мѣняются съ движеніемъ солнца, пробѣгающія тѣни облаковъ еще болѣе разнообразятъ эту игру свѣта. Въ полдень туманъ исчезаетъ, оставивъ по себѣ лишь прозрачный голубой паръ, въ которомъ чувствуется что-то знойное и сонное. Есть въ полднѣ минута, когда солнце стоитъ на самой высотѣ горизонта и лучи его падаютъ перпендикулярно: яркость ихъ такъ сильна, что все разнообразіе горныхъ тоновъ исчезаетъ, утопая въ свѣтѣ; горы теряютъ свою массивность и становятся воздушными, словно прозрачными: въ эти минуты онѣ принимаютъ какой-то идеальный видъ.

Чѣмъ ниже опускается солнце, тѣмъ становится золотистѣе свѣтло-голубой эѳиръ, облегающій горы: снова начинаетъ выступать разнообразіе цвѣтныхъ тоновъ. Но косвенные лучи солнца уже измѣнили прежнее расположеніе ихъ: зелень, скалы и ущелья начинаютъ выступать съ новыми оттѣнками. Постепенно исчезаетъ золо-

тистый паръ, раскрывая горы во всей ихъ осязательной массивности. Радужная дымка, лежавшая на нихъ съ самого утра, совершенно изчезла: теперь картина горъ начинаетъ походить на заключительные, восходящіе аккорды симфоніи. Въ эти минуты чувствуешь, что тоже очарованіе, которое для ушей лежитъ въ звукахъ, для глазъ заключается въ цвѣтахъ. Вотъ горы покрылись золотистоналевымъ цвѣтомъ; но скоро начинаютъ пробѣгать по нимъ легкіе, лиловые тоны, и все сильнѣе и все гуще, и черезъ минуту горы облиты лиловымъ сіяніемъ: какъ нѣжатся, утомленные яркостію прежнихъ цвѣтовъ, глаза на этомъ мягкомъ, ласкающемъ цвѣтѣ, съ какимъ-то задушевнымъ стремленіемъ хочешь подолѣе насмотрѣться на него! но все больше и больше рдѣютъ лиловыя горы, и мгновенно разливается по нимъ яркій огненный пурпуръ; съ минуту стояли онѣ словно объятыя краснымъ пламенемъ.... нѣтъ силъ смотрѣть на этотъ ослѣпительный блескъ.... онъ слабѣетъ уже, — это заключительный аккордъ горной симфоніи. Послѣдніе кровавые лучи заката едва на мгновеніе обольютъ еще горы алымъ свѣтомъ, какъ уже низовыя отлогости ихъ тонутъ въ сѣромъ ночномъ туманѣ; солнце скрылось, и только легкое розовое мерцаніе догараетъ кой-гдѣ на высокихъ вершинахъ.

И каждый день съ ненасытною нѣгою смотрю я на горы, и каждый день все мнѣ кажется, что только сейчасъ увидѣлъ ихъ. Сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что я родился и воспитался въ странѣ равнинъ и унылой природы, а не на югѣ: тогда бы мои глаза давно привыкли къ горнымъ красотамъ южной природы и не ощущали бы этого наслажденія, сердце не билось бы этимъ блаженствомъ; я не чувствовалъ бы тогда во всемъ существѣ своемъ этой нѣги, которая проникаетъ мой организмъ среди южной природы.

Въ моихъ частыхъ прогулкахъ верхомъ по окрестностямъ Малаги, не разъ случалось мнѣ заблудиться въ горахъ; однажды, отыскивая дорогу къ городу, встрѣтилъ я крестьянина лѣтъ пятидесяти, съ выразительными, острыми чертами лица, загорѣлаго до бронзоваго цвѣта. Онъ былъ въ темномъ изорванномъ плащѣ. На вопросъ мой, онъ отчетливо разсказалъ мнѣ о дорогѣ къ городу и шелъ со мной съ полчаса разговаривая, наконецъ остановился, вѣжливо снялъ шляпу и въ отборныхъ словахъ поблагодарилъ меня за *честь, которую я доставилъ ему своимъ обществомъ*, прибавивъ, что ему надобно свернуть въ сторону, въ ближайшее селеніе. Я счелъ это желаніемъ получить что-нибудь за трудъ и опустилъ уже руку въ карманъ, за мелкой монетой, какъ крестьянинъ, увидѣвъ мое движеніе, поспѣшно надѣлъ свою шляпу и замахалъ рукою, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ, я бѣденъ, но я кавалеръ; и, уходя, еще прибавилъ: — да, мы бѣдны, но мы всѣ кавалеры.

Какъ несправедливо ходячее по Европѣ мнѣніе о враждебности испанцевъ къ иностранцамъ! Постоянно я встрѣчаю здѣсь только дружелюбныхъ, услужливыхъ людей, въ которыхъ никогда не замѣчалъ я даже тѣни враждебнаго чувства къ иностранцамъ, которое такъ живо, напримѣръ, во французскомъ народѣ. Лодочники, содержатели верховыхъ лошадей, деревенскіе жители, работающіе на виноградникахъ, съ которыми вступаю я въ разговоръ, прогуливаясь верхомъ, зажиточный поселянинъ, къ которому иногда заѣзжаю ошибкою, считая домъ его за венту, — во всѣхъ равно нахожу я привѣтливость, врожденное достоинство и обхожденіе, исполненное самаго тонкаго приличія. Но кромѣ этого, андалусецъ натурально изященъ, *élegant* и *distingué*, вовсе не думая объ этомъ. Разумѣется, испанскій простолюдинъ и къ себѣ требуетъ такой же учтивости, какую оказываетъ самъ, и очень неловко будетъ здѣсь тѣмъ, которые вздумаютъ обращаться съ испанскимъ простолюдиномъ также повелительно и такимъ же гордымъ пренебреженіемъ, съ какимъ обращается въ Европѣ горожанинъ съ мужикомъ. Пословица «по платью встрѣчаютъ» здѣсь не имѣетъ приложенія: величайшая учтивость здѣсь повсемѣстна, и это безъ всякой пріторной снисходительности съ одной стороны, равно какъ и безъ малѣйшей требовательности съ другой. Впрочемъ, вы не думайте, чтобы простой народъ въ Испаніи, даже погонщики муловъ, былъ также грубъ и невѣжественъ, какъ въ другихъ странахъ Европы, не исключая и Франціи: напротивъ, старинная испанская церемонность и вѣжливость проникли здѣсь въ самые низшіе общественные слои; кромѣ того, въ разговорахъ между собою мужики постоянно употребляютъ «ваша милость» (*Vuestra merced*, въ сокращеніи *Usted*), и это до того вошло въ испанскій языкъ, что даже дѣти, играя на улицѣ, не иначе говорятъ другъ другу, какъ «ваша милость». Какое-то самоуваженіе, какая-то важная церемонность, вѣроятно сложившаяся изъ старинныхъ рыцарскихъ (*), монархи-

(*) Ни въ одной странѣ рыцарство не держалось такъ долго, какъ въ Испаніи, гдѣ, напримѣръ, уже въ XV вѣкѣ еще бродили странствующіе рыцари, а одинъ изъ нихъ, по имени Суэро де Киньонесъ, поселился у моста Орвиго и цѣлый годъ жилъ тутъ, разсылая герольдовъ по дворамъ европейскихъ государей и арабскихъ владѣтелей, съ извѣщеніемъ, что каждый рыцарь, который захочетъ проѣхать чрезъ этотъ мостъ, долженъ сразиться съ нимъ. И находились охотники, которые издалека пріѣзжали помѣряться съ нимъ оружіемъ. Онъ держалъ при себѣ публичнаго нотаріуса, чтобъ тотъ велъ самый подробный отчетъ о каждомъ поединкѣ. Впослѣдствіи отчетъ этотъ въ сокращеніи изданъ былъ въ Саламанкѣ въ 1588 году францискаскимъ монахомъ Хуаномъ де Пинеда, подъ названіемъ: Libro del Passo honroso que Quinones. el excelente Caballero Suero

ческихъ и религіозныхъ нравовъ, лежитъ на всѣхъ манерахъ, даже на бытѣ испанца, и въ этомъ отношеніи они гораздо болѣе приближаются къ народамъ востока, нежели къ европейцамъ.

Разъ случилось мнѣ провести въ горахъ очень занимательный день. Чудное, свѣжее утро очень рано потянуло меня за городъ. Я поѣхалъ по направленію къ Рондѣ. Долго спускаясь и поднимаясь съ горы на гору, не встрѣчалъ я ни одного жилья; наконецъ въ самомъ романическомъ мѣстоположеніи увидалъ я совершенно одинокую венту. Было уже гораздо за полдень, лошадь моя устала, и самъ я чувствовалъ большую пустоту въ желудкѣ. Я подъѣхалъ къ дому; хозяинъ, вѣроятно, услышавъ шаги моей лошади, вышелъ ко мнѣ на-встрѣчу: это былъ молодой человѣкъ, красивый и статный, какъ вообще всѣ андалусцы. Попросивъ его позаботиться о моей лошади, я вошелъ въ домъ. Тутъ встрѣтилъ я жену его: это былъ самый лучшій типъ того, что называется здѣсь *morena andaluza* (темная андалуска). На ней было черное платье съ бахрамою; въ черно-синихъ волосахъ полураспустившійся алый мѣсячный розанъ; большіе черные сверкающіе глаза отсвѣчивали у ней какимъ-то красноватымъ блескомъ; лицо желто-бронзоваго цвѣта, отъ него вѣяло здоровьемъ и свѣжестью, какъ отъ желтаго, зардѣвшагося на солнцѣ персика. Нѣсколько прихотливая грація ея движеній показывала, что андалуска знала и чувствовала красоту свою. Съ кокетливою заботливостію очистила она мнѣ свою комнату, въ которой висѣли на стѣнѣ пара кастаньетъ и двѣ гитары; внизу ихъ, на столѣ, лежало множество романсовъ и пѣсенъ, напечатанныхъ на скверной сѣрой бумагѣ. Освѣжившись холодною ключевою водою отъ солнечнаго зноя, который все утро палилъ меня, я воротился въ общую залу, которая была вмѣстѣ и кухней. Хозяйка хлопотала около огромнаго очага за приготовленіемъ обѣда. Тутъ увидѣлъ я еще двухъ молодыхъ людей, очень красиво одѣтыхъ по-андалуски и вооруженныхъ. Мы молча раскланялись. Мнѣ извѣстно было, что горы между Рондою и Малагою, по причинѣ своихъ ущелій и трудныхъ дорогъ, служили главнымъ путемъ провоза контрабанды, и легко было понять, что вента, по своему уединенному положенію, непремѣнно была въ близкихъ сношеніяхъ съ контрабандистами; но я зналъ также, что въ качествѣ иностранца я съ этой стороны не долженъ былъ опасаться для себя никакихъ непріятностей. И дѣйствительно, какъ я могъ замѣтить по нѣкоторымъ ихъ вопросамъ, они сначала приняли меня за француза, желающаго найти подрядчика для провоза контрабанды. Когда я сказалъ, что я русскій путешественникъ и изъ Малаги, гуляя, нечаянно заѣхалъ сюда, молодые люди и хозяинъ, которые держали со мной какой-то

овой тонъ, стали очень разговорчивы и привѣтливы. Эта при-
ливость началась, какъ здѣсь водится, съ сигаръ, которыя пре-
килъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ людей, при чемъ не преминули
просить о Россіи. Впрочемъ вопросы ихъ ограничивались однимъ:
ень холодно въ Россіи? въ Россіи всегда зима?» Обѣдъ состоялъ
густого супа съ горохомъ и ветчиною и потомъ жареной бара-
; все это мы запивали бѣлою, несладкою малагою. Послѣ обѣда
as (анисовая водка, которую здѣсь пьютъ послѣ обѣда) еще
ьше расположила къ веселости; мы вышли и, закуривъ сигары
лѣ обѣда я поспѣшилъ имъ предложить свои сигары), легли на
у, передъ вентою. Хозяинъ принесъ гитару и бренчалъ на ней,
пѣвая вполголоса какую-то пѣсню. Видъ со всѣхъ сторонъ былъ
околѣпный: вента стояла въ углубленіи высокой, крутой скалы;
ло нея изъ ущелія падалъ быстрый ручей, распространяя около
освѣжающую влажность, благодаря которой вента окружена
сильною растительностію и густыми апельсинными деревьями.
іе изъ скалъ падающіе ручьи очень часты въ здѣшнихъ горахъ;
называютъ здѣсь *nacimientos;* они-то и поддерживаютъ мѣстами
пическую растительность въ этихъ раскаленныхъ солнцемъ мѣ-
ъ. Вокругъ подымались скалистыя горы, бо́льшею частію тем-
о цвѣта. Одинъ изъ молодыхъ людей оказался искуснымъ пѣв-
ъ; онъ взялъ изъ рукъ хозяина гитару и съ большою ловкостію
ъ андалузскія пѣсни, мелодіи которыхъ не столько требуютъ ис-
ства, сколько особенной ловкости, какъ наши цыганскія пѣсни.
мѣ этого андалузскія пѣсни отличаются отъ пѣсенъ остальной
ыніи необыкновеннымъ удальствомъ и чувственностію содержа-
, такъ-что бо́льшая часть изъ нихъ непереводима. Я, для приме́ра,
ведy только одну, которая поется не въ одномъ простонародьи, а
всѣхъ классахъ, равно мужчинами и дѣвушками, и никому здѣсь
голову не придетъ находить тутъ что-нибудь предосудительное;
одія ея очень увлекательна.

Tu Zandunga y un cigarro
Y una cana de Xeres,
Mi jamelgo y mi trabuco,
Que mas gloria puele haber?
! Ay manola, qué jaleo!
No ya tanto zarandeo,
Que me turbo, me mareo
Solo à ver tu guardapies.

Con tu pierna y tu talle
Vas derramondo la sal

Y à los hombres dejas muertos
Con ta modo de mirar.
? Quien me disputa el derecho
De gozar tu blanco pecho,
Quando me encuentro des'techo
Al miror tu guardapies.

Eres tan zaragatera
Cuando empiezas à bailor
Que con esse cuerpecito
Me jaces desesperar.
Otro salto que me obligas,
Vuelme à ensenar las ligas
Que estoy pasando fatigas
Por mirar tu guardapies.

«Когда у меня ты, моя красавица (1), сигара да бутылка хереса, «мой конь и мой трабуко (2) — какого еще счастья желать мнѣ? Ахъ, «душа моя, вотъ такъ жизнь! Да не вертись такъ, — у меня кружится «голова отъ одного вида твоей оторочки (3).

«Своей ножкой и таліей ты разсыпаешь вокругъ себя очарованіе (4), «и мертвишь мужчинъ своимъ особеннымъ манеромъ смотрѣть. Кто «посмѣетъ оспорить у меня право наслаждаться твоей бѣлою грудью, «если я становлюсь внѣ себя уже отъ одного вида твоей оторочки!

«И такая ты быстрая и легкая, когда начнешь танцовать, что это «милое, маленькое тѣльцо приводитъ меня въ отчаяніе.... Одолжи, «вспрыгни.... дай увидѣть мнѣ твои ножки.... я ужь весь истомился, «смотря на твою оторочку.»

Но возвращаюсь къ моему молодому пѣвцу. Солнце между тѣмъ стало закатываться, и тоны горъ сдѣлались разнообразнѣе; вдали отъ лиловыхъ отлогостей рѣзко отдѣлялся рядъ совершенно красныхъ скалъ, и такъ ярко горѣли онѣ на послѣднихъ лучахъ солнца, что я невольно проговорилъ, указывая въ ту сторону: вотъ удивительныя красныя скалы!

— Это, сеньоръ, гора Бермеха, отвѣчалъ молодой человѣкъ: — тамъ пролилось много христіянской крови; а вотъ этотъ утесъ, что наклонился и потемнѣе, это «скала влюбленныхъ».

— Много пролито крови? въ то время, когда здѣсь были французы?

(1) Zanduuga — андалузское слово, собственно значитъ — смуглая, страстная дѣвочка.

(2) Короткое ружье съ широкимъ отверстіемъ.

(3) Guardapies называется низъ юбки, оторочка ея, вырѣзанная городками — у щеголихи изъ простого народа.

(4) Буквально: ты сыплешь *соль* вокругъ себя.

- Нѣтъ, сеньоръ, во времена мавровъ.
адобно замѣтить, что здѣсь всѣ народные разсказы, начиная
азсказовъ о кладахъ, непремѣнно ведутся отъ времени мавровъ
нь похожи между собою. Я не сталъ разспрашивать, опасаясь,
ндалусецъ начнетъ одно изъ тѣхъ длинныхъ повѣствованій о
ихъ, отъ которыхъ мнѣ не разъ приходилось скучать; но вмѣсто
аза молодой человѣкъ взялъ оставленную имъ гитару и, послѣ
олжительнаго ряда мо́льныхъ акордовъ, запѣлъ старинный, пре-
ный романсъ о томъ, какъ въ одномъ изъ возстаній мавровъ
ило въ этихъ мѣстахъ испанское войско. Вотъ онъ въ переводѣ:

Pio-Верде, Pio Верде! (*)
Ты течешь покрытая кровью, —
Христіянской свѣжей кровью,
А не кровью мавританской.
Межь тобою и Бермехой
Много рыцарства погибло.
Пали герцоги и графы,
Пали храбрые сеньоры.
Тамъ убитъ былъ Урдіалесъ,
Человѣкъ большой отваги.
По крутому горы скату
Убѣгаетъ Сааведра;
Слѣдомъ гонится отступникъ,
Хорошо его знававшій,
И, воскликнувъ очень громко,
Рѣчь такую къ нему держитъ.
«Сдайся, сдайся, Сааведра.
«Хорошо тебя я знаю,
«Я видалъ, какъ забавлялся
«Ты на площади севильской
«Славной рыцарской забавой;
«И родныхъ твоихъ всѣхъ знаю,
«И супругу, донью Клару.
«Былъ семь лѣтъ твоимъ я плѣннымъ,
«И житье мнѣ горько было,
«А теперь моимъ ты будешь,
«Иль я самъ разстанусь съ жизнью».
Сааведра то услышалъ,
И какъ левъ онъ обернулся.
Мавръ пустилъ въ него стрѣлою,
Но стрѣла промчалась выше;
Тутъ копьемъ своимъ тяжелымъ

(*) Pio-Верде рѣка, протекающая въ горахъ Ронды, буквально значитъ — зе-
рѣка.

[illegible]

[illegible]

кою удивительною свѣжестью сохранились здѣсь историче-
юманія! Память о битвахъ съ маврами такъ еще жива въ
ахъ, такъ горяча, какъ-будто недавно только кончилась
га. Здѣсь каждый крестьянинъ знаетъ замѣчательныя со-
оей провинціи за три и четыре вѣка назадъ, — разумѣется,
нологическаго порядка, — и постоянно мѣшаетъ ихъ съ
поэтическими преданіями, потому-что знаетъ ихъ не изъ
—

Desta manera decia:
«Date, date, Saavedra
Que muy bien te conocia;
Bien te vide jugar canas
En la plaza de Sevilla,
Y bien conoci à tus padres
Y á tu mujer dona Clara.
Siete anos fui tu cautivo
Y me diste mala vida,
Y ahora lo seràs mio —
O me costara la vida.»
Saavedra que lo oyera
Como un leon revolvia;
Tirole el moro un quadrillo
Y por alto hizo la via.
Saavedra con su lanza
Duramente le heria;
Cayo muerto el renegado
De aquella grande herida.
Cercaron á Saavedra
Mos que mil moros que habia
Hicieronte mil pedazos
Con sana que le tenian,
Don Alonso en este tiempo
Muy gran batailla hacia;
El caballo le habian muerto,
Por muralla le tenia,
Y arrimado á un gran penon
Con valor se defendia,
Muchos Moros tiene muertos
Pero poco le valia,
Porque sobre el cargan muchos
Y le dan grandes heridas,
Tantos que cayo alli muerto
Entre la gente enemiga.
Tambien el conde de Urena
Mal herido en demasia
Lo sale de la batalla
Llevado por una guia
Que sabia bien la senda
Que de la sierra salia;
Muchos Moros deja muertos
Por su grande valentia.
Tambien algunos se escapan
Que al buen conde le seguian
Don Alonso quedo muerto,
Recobrando nueva vida
Con una fama inmortal,
De su esfuerzo y valentia.

книгъ, которыхъ онъ не читаетъ, а изъ разсказовъ и романсовъ, перешедшихъ черезъ двадцать поколѣній.

Ѣхать мнѣ было поздно, и я рѣшился переночевать въ вентѣ. Въ пять часовъ утра лошадь моя была уже осѣдлана, и на желаніе мое проститься съ моими вчерашними знакомцами хозяинъ отвѣчалъ, что они ушли еще на разсвѣтѣ. Разспрашивать о нихъ я счелъ неприличнымъ, увѣренный въ ихъ ремеслѣ.

Несмотря на всѣ строгости, какими испанскія таможни мучатъ путешественниковъ, контрабанда здѣсь также сильна, какъ и при Эспартеро, котораго французская партія упрекала особенно въ томъ, что онъ будто бы сквозь пальцы смотрѣлъ на контрабанду изъ угожденія друзьямъ своимъ англичанамъ. Правда, я видѣлъ разъ торжественное объявленіе малагской таможни о томъ, что она гдѣ-то на берегу захватила нѣсколько кипъ запрещенныхъ товаровъ, но здѣсь, между тѣмъ, извѣстно, что за каждую захваченную кипу спокойно проходитъ въ другомъ мѣстѣ сотня кипъ. Въ оффиціальномъ англійскомъ отчетѣ о внѣшней торговлѣ за 1845 годъ (*Progress of the nation by Portes*), который нашелъ я здѣсь въ Коммерческомъ клубѣ, значится, что въ послѣднія десять лѣтъ вывезено изъ Гибралтара въ Испанію табаку на восемь милліоновъ фунтовъ стерлин. (около 60 милліоновъ серебромъ). А ввозъ табаку въ Испанію рѣшительно запрещенъ: слѣдовательно, все это ввезено посредствомъ контрабанды. Французы, которые въ журналахъ своихъ съ такимъ безкорыстнымъ негодованіемъ упрекаютъ англичанъ за ихъ контрабандную торговлю, сами весьма дѣятельно занимаются ею черезъ свою пиренейскую границу. Напримѣръ, въ отчетѣ французскаго министра торговли, случайно мнѣ попавшемся здѣсь въ руки, значится, что въ 1843 году вывезено изъ Франціи въ Испанію бумажныхъ товаровъ на 36 милліоновъ франковъ. Но ввозъ въ Испанію бумажныхъ товаровъ запрещенъ испанскимъ тарифомъ, поддерживающимъ каталонскія фабрики: слѣдовательно, вся эта масса товару провезена контрабандою. Въ Каталоніи сами фабриканты занимаются контрабандою: получа такимъ образомъ французскія или англійскія издѣлія, они ставятъ на нихъ свое фабричное клеймо и безопасно продаютъ за испанскія. Люди, хорошо знающіе эти дѣла, говорили мнѣ здѣсь, что въ Байонѣ, Перпиньянѣ и Марсели есть банкирскіе дома, застраховывающіе контрабандный ввозъ, смотря по товару, отъ 15 до 50 процентовъ съ франка цѣнности товара. Не думайте впрочемъ, что контрабандисты въ Испаніи принадлежатъ къ тому классу несчастныхъ бродягъ, которые рискуютъ своею жизнію изъ-за какой-нибудь бездѣлицы: напротивъ, они составляютъ здѣсь родъ военно-коммерческаго общества и пользуются уваженіемъ; ихъ считаютъ

въ Испаніи болѣе 50,000 человѣкъ. Во всѣхъ другихъ земляхъ контрабандисты вербуются изъ самаго дряннаго и грубаго общественнаго осадка; здѣсь контрабандистъ не только долженъ имѣть значительный капиталъ, но еще и репутацію честнаго, ловкаго и храбраго человѣка. Я разумѣю здѣсь контрабаднаго подрядчика, который, сторговавшись съ хозяиномъ товара, беретъ на себя провозъ его. Онъ долженъ имѣть наготовѣ значительное число муловъ. Конвои его хорошо вооружены верхомъ и доходятъ, смотря по опасности, до 50 человѣкъ; онъ долженъ еще отвѣчать за честность каждаго изъ своихъ людей. Разумѣется, ему случается иногда мирно улаживать дѣло; но, обезпеченный со стороны береговой стражи, онъ долженъ входить въ сношенія съ начальствомъ гражданскимъ. Грузъ ста или болѣе муловъ невозможно за одинъ разъ ввести въ городъ, онъ долженъ дѣлить его на нѣсколько партій и для ввоза каждой входить въ сдѣлку съ разными вѣдомствами гражданскаго управленія. Случается, что вслѣдствіе невыгодныхъ сдѣлокъ контрабандистъ несетъ убытки и раззоряется; тогда онъ дѣлается *Caballista*, — воромъ верхомъ. Эти два класса въ Испаніи постоянно поддерживаютъ другъ друга, потому-что разбогатѣвшій *Caballista* снова дѣлается контрабандистомъ, и на той дорогѣ, гдѣ возится контрабанда, никогда не является шайка разбойниковъ.

Мнѣ еще не случалось говорить съ вами объ одной изъ оригинальныхъ особенностей Испаніи, именно объ ея разбойникахъ. До сихъ поръ мнѣ удалось не встрѣчаться съ ними, и я готовъ бы считать ихъ за выдумку путешественниковъ, еслибъ множество разсказовъ, слышанныхъ мною здѣсь, о нихъ, и на-дняхъ разстрѣленные двѣнадцать человѣкъ въ Гранадѣ, по-неволѣ не убѣждали меня, что въ Испаніи не перевелась еще одна изъ ея принадлежностей. И. несмотря на это, я съ удивленіемъ узналъ, что суды здѣшніе гораздо больше внушаютъ ужаса въ мирныхъ людяхъ, нежели рыцари большихъ дорогъ. Если здѣсь въ городѣ случается убійство, то вмѣсто розысканія убійцы прежде всего берутъ тѣхъ, которые подняли убитаго, желая подать ему помощь, или жителей дома, возлѣ котораго найдено тѣло. Если на улицѣ послышится крикъ о помощи, двери ближнихъ домовъ тотчасъ на-глухо запираются, но не изъ страха воровъ, а изъ боязни, чтобы раненый не вздумалъ искать помощи въ какомъ-нибудь домѣ; а судъ потомъ придетъ дѣлать слѣдствіе, и чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ хуже для него: какъ-нибудь припутаютъ его къ слѣдствію, и онъ долженъ откупаться деньгами. У пріѣхавшаго со мной сюда французскаго торговца часамъ украли партію часовъ. Мы стоимъ въ одной гостинницѣ.

— Вы уже дали знать объ этомъ полиціи? спросилъ я его.

— Нѣтъ, и знать не дамъ.

— Какъ-такъ?

— Видно, что вы не знаете испанскаго судопроизводства! Вотъ я двѣнадцать лѣтъ ѣзжу по Испаніи, и не слыхалъ никогда, чтобы находились краденыя вещи. Правда, что воры находились, но всегда безъ вещей.... да здѣсь расходы по отъисканію вора судъ взыскиваетъ съ васъ же, потому-что надо же ему съ кого-нибудь взыскать ихъ, а съ вора взять нечего; да онъ не всегда и находится.

Я самъ былъ свидѣтелемъ потомъ, какъ пришедшему къ нему *escribano* французъ отвѣчалъ, что не хочетъ разъискивать своей покражи. Устройство судопроизводства въ Испаніи вообще такое, что здѣсь процессы выигрываются только деньгами, а исключая изъ этого, вѣроятно, рѣдки; иначе суда здѣсь не внушали бы такого страха. Но обратимся теперь къ разбойникамъ.

Здѣсь два класса воровъ: конные и пѣшіе — *caballistas* и *rateros*. Воры на коняхъ соединены въ шайки, состоящія изъ 15, 30 и болѣе человѣкъ. Воровство есть у нихъ исключительное ремесло; но они имѣютъ репутацію храбрыхъ и вѣжливыхъ людей и не иначе обращаются къ путешественнику, какъ называя его: «Ваша милость». Они мало дорожатъ платьемъ, а берутъ только деньги. Говорятъ, будто они даже дѣлаютъ условія съ перевозчиками товаровъ и съ значительными фабрикантами и торговцами; путешественники же принимаютъ мѣры, чтобы и денегъ много не терять, да и битыми не быть, потому-что разбойники сильно бьютъ того, у кого мало находятъ денегъ. Франковъ 200 считается суммой достаточной; если же находятъ больше, то обращаются съ большою вѣжливостію и называютъ *muy caballero*. О сопротивленіи никто и не думаетъ: во-первыхъ, потому, что въ случаѣ сопротивленія, путешественникъ ожидаетъ непремѣнно смерть. *Rateros* находятся въ презрѣніи у *caballistas*; это воры больше по случаю, нежели по ремеслу; у нихъ всегда есть какое-нибудь занятіе, и трудно ихъ отличить отъ честныхъ поселянъ. Они набираются изъ пастуховъ, лѣсныхъ сторожей и даже изъ настоящихъ поселянъ, которымъ горная земля не доставляетъ достаточнаго содержанія. Пастухи и лѣсные сторожа, напримѣръ, имѣютъ право носить оружіе и, случайно сошедшись въ числѣ 6 или болѣе человѣкъ, грабятъ дилижансъ и потомъ расходятся по своимъ мѣстамъ, иногда на разстояніи нѣсколькихъ миль одинъ отъ другого, гдѣ полиціи и въ голову не придетъ ихъ отъискивать. Эти случайные воры гораздо опаснѣе настоящей шайки: боязнь быть узнанными заставляетъ ихъ часто убивать путешественниковъ. Съ той стороны для иностранца гораздо менѣе опасности, нежели для

туземца. Главное препятствіе, которое встрѣчаетъ стража въ своихъ преслѣдованіяхъ организованной шайки, происходитъ отъ того, что разбойники соблюдаютъ строго правило никогда не грабить жителей деревень и всячески быть полезными тѣмъ, у кого находятъ себѣ прибѣжище: нарушившій это правило тотчасъ же у нихъ разстрѣливается. Также безпощадно мстятъ они и за доносъ объ ихъ пристанищѣ. Вслѣдствіе этого, жители горныхъ деревень смотрятъ на нихъ очень равнодушно и вовсе нерасположены наводить сыщиковъ на слѣдъ разбойниковъ. Въ Испаніи нѣтъ маленькихъ деревень; народонаселеніе сосредоточено или въ большихъ городахъ, или въ многолюдныхъ селеніяхъ, отдаленныхъ между собою нѣсколькими милями, что еще больше облегчаетъ разбойникамъ грабежъ по большимъ дорогамъ, гдѣ близкая помощь невозможна. Въ южной Андалусіи безпрестанно встрѣчаются по дорогамъ низенькіе кресты: каждый означаетъ убійство, сдѣланное на этомъ мѣстѣ. Кресты эти изъ камня или изъ дерева и ставятся или мѣстнымъ начальствомъ, или родственниками убитаго, и этотъ обычай до-того въ народныхъ нравахъ, что случается, что сами разбойники ставятъ украдкой такой крестъ на мѣстѣ совершоннаго ими убійства, для того, чтобъ проѣзжіе поминали душу убитаго. Большіе владѣльцы земель, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, и слѣдовательно всего болѣе подвергающіеся опасности отъ разбойничьей шайки, даже платятъ имъ нѣкотораго рода подать и оказываютъ услуги, заранѣе извѣщая ихъ о преслѣдованіи полиціи. Иногда услуги эти доходятъ до явнаго покровительства. Лѣсничій одного близкаго родственника генерала Серрано попалъ подъ слѣдствіе, по случаю одного грабежа, и въ домѣ его нашли часть награбленныхъ вещей. Но вмѣсто того, чтобъ стараться освободиться отъ вора, онъ всячески хлопоталъ о томъ, чтобы затушить дѣло. Слѣдственный судья, неизвѣстно почему, былъ неумолимъ, и лѣсничаго осудили на двѣнадцатилѣтнюю работу въ цѣпяхъ при малагскомъ портѣ. Но послѣ двухъ недѣль работы, генералъ-капитанъ провинціи Малаги освободилъ его, и лѣсничій снова воротился къ своему хозяину. Можете видѣть изъ этого, съ какими трудностями должна здѣсь бороться полиція, очищая страну отъ воровъ, тѣмъ болѣе, что при розъискахъ всякій, боясь съ одной стороны привязчивости суда, съ другой — мести разбойниковъ, отвѣчаетъ, что ничего не видалъ и ничего не знаетъ.

Теперь полиція представляетъ разбойниковъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, уже не въ вѣдѣніе мѣстныхъ судовъ, а прямо генералъ-капитану провинціи, и они судятся военнымъ судомъ. А до этого разбойникъ съ деньгами всегда могъ если не затушить свое дѣло, то тянуть его въ ожиданіи случая убѣжать изъ

тюрьмы. Замѣчательно, что въ Испаніи всякій заключенный въ тюрьмѣ, находитъ въ народѣ участіе и самое большое снисхожденіе, и цѣпь каторжнаго въ Испаніи вовсе не есть клеймо позора. Народъ здѣсь всегда расположенъ видѣть въ осужденномъ не преступника, — а несчастнаго, и *presidario*, приговоренный на нѣсколько лѣтъ къ каторжной работѣ, окончивъ ихъ, принимается въ своей деревнѣ не какъ преступникъ, а какъ несчастный пріятель, съ которымъ давно невидались. Въ Андалусіи самые любимые разсказы въ народѣ суть разсказы о разбойникахъ. Самое названіе *Caballista* и значитъ собственно разбойникъ или воръ, а *наѣздникъ*, *ездокъ*. *Un caballista valiente* (отважный наѣздникъ), *un jaque* (удалецъ) — всегда любимые герои народныхъ романсовъ. Въ сайнетахъ и большія народныя пьесы главныя лица почти всегда контрабандисты или отчаянные удальцы, мастерски владѣющіе ножемъ и ружьемъ, и которымъ ничего не значитъ отправить человѣка на тотъ свѣтъ. Иногда даже журналы говорятъ о разбойникахъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Вотъ, напримѣръ, біографія Наварро, съ годъ тому назадъ господствовавшаго въ Андалусіи, напечатанная въ одномъ мадридскомъ журналѣ (*el Castellano*): «Наварро, этотъ стро-«гій начальникъ *caballistas*, грозящій превзойти знаменитаго Хосе-«Марію, былъ привратникомъ въ одной школѣ въ Кордовѣ. Брошенный «судьбою на дорогу (*al camino*), онъ теперь сталъ Абдель-Кадеромъ «Андалусіи. Его физіономія и дарованіе ставятъ его вонъ изъ ряда «обыкновенныхъ разбойниковъ. Одѣвается онъ очень просто, а не «такъ какъ контрабандисты и обыкновенные разбойники, не лю-«битъ роскоши и не носитъ ни позументовъ, ни серебряныхъ пуго-«вицъ, а простую куртку (*chaquetta*) и панталоны. Лошадь подъ «нимъ превосходная съ заводовъ *Santa Helena*. Вооруженіе его со-«стоитъ изъ двухъ *trabucos* (короткое ружье съ широкимъ отвер-«стіемъ) и охотничьяго ружья, которымъ онъ очень хорошо вла-«дѣетъ. Онъ благоразуменъ, умѣренъ и врагъ насилій, хотя и на-«стоятеленъ въ своихъ требованіяхъ. Ростъ его колоссальный (*Juan «y medio*). Это настоящій *nivelador*; никогда не нападаетъ онъ на «бѣдныхъ», и проч.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Нарваэсъ устроилъ особенный корпусъ, по образцу французскихъ жандармовъ, подъ названіемъ *guardia civil*, разбои значительно уменьшились и дороги стали безопаснѣе. А не далѣе полутора года, между Мадридомъ и Толедо не было проѣзда отъ воровъ, да и теперь еще безпрестанно читаешь въ журналахъ, что курьеръ (почта) изъ Мадрида въ Байону былъ остановленъ разбойниками и ограбленъ. Прошлаго года между Севильей и Кордовой господствовала шайка Наварро. Несмотря на частые

военные посты, нарочно разставленные по дорогѣ, и даже несмотря на конвой изъ осьми драгунъ, постоянно провожавшій дилижансъ, рѣдко случалось, чтобъ дилижансъ не былъ остановленъ отчаянною шайкою, состоявшею изъ 32 человѣкъ и отлично вооруженною, противъ которой 8 человѣкъ конвоя были безсильны, а пока давали знать въ ближній постъ и подоспѣвало подкрѣпленіе, дилижансы были уже ограблены, и шайка разсѣевалась на своихъ отличныхъ лошадяхъ. Наконецъ дилижансы перестали ѣздить между Севильей и Кордовой. Наварро смѣялся надъ всѣми усиліями мѣстныхъ начальствъ; простого народа онъ не опасался, потому-что грабилъ только горожанъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливался съ своею шайкою, раздавалъ бѣднымъ много милостыни. Кромѣ того, онъ держалъ себя настоящимъ *caballero* и путешественники, попадавшіеся ему въ руки, иногда не могли удерживаться отъ смѣху на кавалерскій тонъ, съ какимъ онъ принималъ ихъ кошельки. Вообще андалузскіе *caballistas* слывутъ въ Испаніи самыми вѣжливыми, тогда-какъ *ladrones* старой Кастильи и Ламанчи считаются самыми грубыми и жестокими. Андалузскіе *laballistas* не приказываютъ путешественникамъ, какъ кастильскіе *ladrones*, ложиться *boca abajo* (ницъ), никогда не берутъ сигаръ и обыскиваютъ путешественника тогда только, когда подозрѣваютъ, что онъ скрываетъ отъ нихъ деньги, и только въ такомъ случаѣ бьютъ его ружейными прикладами. Мнѣ разсказывали здѣсь одно забавное происшествіе, случившееся прошлаго года съ двумя англичанами. Два богатыхъ джентльмена пріѣхали провести зиму въ Севильѣ. Безпрестанно слыша объ отвагѣ и смѣлости Наварро и скучая однообразною жизнью Севильи, они вздумали, для развлеченія, сдѣлать визитъ Наварро. Изъ Севильи каждую недѣлю отправлялась въ Кордову *галера* (*), на которую никогда не нападала шайка Наварро: въ городѣ извѣстно было, что хозяинъ этой галеры доставлялъ Наварро порохъ и разныя нужныя вещи. Кто хотѣлъ безопасно доѣхать до Кордовы, отправлялся обыкновенно въ этой галерѣ. Англичане обратились къ хозяину ея и уговорили его, разумѣется за деньги, чтобъ онъ доставилъ имъ случай видѣть Наварро. Наварро конечно былъ уже предъувѣдомленъ. Недалеко отъ Кордовы пригласилъ англичанъ хозяинъ выйти изъ галеры, подвелъ ихъ къ небольшому дому, одиноко стоявшему въ сторонѣ, и оставя ихъ тутъ, отправился съ своей галерой. Наварро очень вѣжливо встрѣтилъ джентльменовъ, пригласилъ ихъ къ обѣду, напоилъ хорошимъ виномъ и рѣшительно очаровалъ ихъ своимъ разговоромъ. Когда стали они прощаться, Наварро попро-

(*) Такъ называются здѣсь огромныя крытыя холстиною телѣги, это дилижансы простого народа. Онѣ возятъ также поклажи и ѣдутъ на протяжныхъ.

силъ ихъ немного повременить, и, вынувъ изъ стола бумагу, предложилъ имъ подписать ее. Англичане сначала не поняли, въ чемъ дѣло, но, увидѣвъ потомъ, что это былъ вексель на значительную сумму, адресованный къ ихъ банкиру въ Севильѣ, съ требованіемъ немедленно заплатить по немъ подателю его, они разсердились и вздумали угрозами запугать разбойника. Наварро свиснулъ: въ дверяхъ показались человѣкъ десять вооруженныхъ. «Мнѣ было бы очень жаль, *caballeros*, продолжалъ Наварро, нисколько не измѣняя своего вѣжливаго и спокойнаго тона, — если бы съ вами случилось здѣсь непріятности: я васъ прошу исполнить мое желаніе, а то, я боюсь, мои люди будутъ вами недовольны». Англичане, разумѣется, подписали и отправились пѣшкомъ въ Кордову. Наварро нѣсколько минутъ провожалъ ихъ и потомъ вѣжливо откланялся, сказавъ имъ, что онъ надѣется на ихъ молчаніе, если они дорожатъ своею жизнію. Въ той же галерѣ англичане благополучно воротились въ Севилью, гдѣ еще за два дни до ихъ пріѣзда вексель ихъ былъ представленъ банкиру и деньги по немъ заплачены. Вскорѣ послѣ этого происшествія Наварро попался въ руки *guardia civil* и былъ разстрѣлянъ. Шайка его раздѣлилась на двѣ партіи: одна скоро была переловлена, но другая, подъ предводительствомъ Канаротта, любимца Наварро, долго держалась въ горахъ Андалусіи. Любопытно, какъ образчикъ испанскихъ нравовъ, письмо изъ Лючены, около которой находилась эта шайка, напечатанное въ мадридскомъ журналѣ *Ecoo de la revolucion*:

«Несмотря на шайку разбойниковъ, бродящую по провинціи, «городъ нашъ пользуется привилегіею совершенной безопасности, «потому-что многіе изъ шайки принадлежатъ къ его жителямъ. Приходятъ ли они въ городъ, уходятъ ли, никто не говоритъ о ихъ дѣлахъ, «не мѣшается въ нихъ, если даже они приводятъ съ собой плѣннаго «путешественника. Начальникъ ихъ ѣздитъ, когда захочетъ, въ свою «деревню, гдѣ спокойно отдыхаетъ, тревожимый только посылаемыми «къ нему съ просьбами о покровительствѣ или пощадѣ. Сборное мѣсто «шайки между Люченой и Пуэкте въ сенъ-мигельскихъ горахъ. Случается, что они въ продолженіи двухъ недѣль варятъ себѣ пищу «въ одномъ мѣстѣ и въ совершенной безопасности, охраняемые своими часовыми, разставленными на самыхъ высокихъ мѣстахъ. Когда посылаютъ солдатъ ихъ преслѣдовать, разбойники всегда скрываются, проходя горными тропинками, извѣстными только имъ «однимъ, да кромѣ того они всегда заранѣе извѣщены о преслѣдованіи».

Для разсѣянія шайки, генералъ-капитанъ Кордовы прибѣгнулъ наконецъ къ слѣдующему средству: въ кордованской тюрьмѣ содер-

нался одинъ молодой человѣкъ, осужденный на смерть за какое-то убійство изъ мщенія. Ему обѣщали жизнь и свободу, если онъ доставитъ Капаротто живого или мертваго. Молодой человѣкъ, разумѣется, принялъ предложеніе. Онъ отправился въ горы, вступилъ въ шайку, нѣсколько времени участвовалъ съ нею въ грабежахъ и пріобрѣлъ довѣренность Капаротты. Наконецъ случилось, что они остались съ нимъ вдвоемъ; время было послѣ обѣда, и Капаротто легъ спать. Молодой человѣкъ воспользовался этимъ случаемъ: зарѣзалъ его, отрѣзалъ ему голову, и въ винномъ кожаномъ мѣшкѣ принесъ ее въ Кордову. За это получилъ онъ не только свободу, но еще и денежное награжденіе. Лишенная своего атамана, шайка сама собою разсѣялась.

Я хотѣлъ уже кончить это письмо, какъ вспомнилъ, что я еще не сказалъ вамъ о самомъ лучшемъ украшеніи Малаги — о ея женщинахъ, составляющихъ вмѣстѣ съ гадитанками (женщинами Кадиса) аристократію женщинъ Андалусіи, которую народная пословица совершенно недаромъ зоветъ «страною красивыхъ лошадей и красивыхъ женщинъ,— *el pais de buenos caballos y buenos mozas*. Но, какъ я уже и говорилъ вамъ, здѣшняя красота вовсе не походитъ на ту условную красоту, которую признаютъ только въ греческомъ профилѣ и правильныхъ чертахъ. Совершенно противоположна античному и европейскому типу красота андалузскихъ женщинъ; онѣ не имѣютъ того величаваго и нѣсколько массивнаго вида, какимъ отличаются итальянки; всѣ онѣ, очень небольшого роста, гибкія и вьющіяся какъ змѣйки и болѣе приближаются къ восточной, нубійской породѣ, нежели къ европейской. Но самая главная особенность андалузской женской породы состоитъ въ совершенной оригинальной граціи, въ этомъ неопредѣлимомъ *нѣчто*, которое андалусцы называютъ своимъ многозначительнымъ словомъ *sal* — *солью*, и вслѣдствіе этого женщинъ, *sal del mundo*, — *солью міра*. Подъ этимъ словомъ андалусецъ разумѣетъ все, что дѣлаетъ женщину привлекательною, помимо ея красоты, — ея остроуміе, ловкость ея походки, нѣсколько удалую грацію ея движеній, скромную, наивную и вмѣстѣ вызывающую, которую имѣютъ только женщины Кадиса и Малаги. Отсюда слово *salero*, которое въ Андалусіи слышится безпрестанно между простонародьемъ; даже простой народъ здѣсь до такой степени любитъ эту женскую, если можно сказать, замысловатую грацію, такъ чувствителенъ къ ней, что если по улицѣ идетъ молодая женщина, которой походка отличается этою особенною, андалузскою ловкостію, то со всѣхъ сторонъ слышится ей вслѣдъ, *que salero! que salero!* Отсюда выраженіе *cuerpo salado* (соленое тѣло), *dona salado* (соленая женщина) и проч.

Дѣйствительно, южная андалуска вся состоитъ изъ женской прелести; ея грація не есть слѣдствіе воспитанія, это особенный даръ природы, слившійся съ ихъ исторіей, съ ихъ нравами и принадлежащій только однѣмъ имъ, потому-что онъ равно разлитъ въ женщинахъ всѣхъ классовъ. Можно сказать, что андалуска не имѣетъ нужды въ красотѣ: особенная прелесть, которая обнаруживается въ ея походкѣ, во всѣхъ ея движеніяхъ, въ манерѣ бросать взглядъ (*ojear*), въ движимости ихъ живыхъ физіономій — одна сама собою, помимо всякой красоты, можетъ возбудить энтузіазмъ въ мужчинѣ. «Въ твоей одеждѣ нѣтъ ваты, нѣтъ поддѣлокъ и крахмала, твое тѣло все изъ крѣпкаго мяса» (1) — говоритъ народная андалузская пѣсня, и это совершенно справедливо: андалуски не нуждаются въ подобныхъ прикрасахъ женскаго туалета и не упускаютъ случая посмѣяться надъ ними, потому-что у нихъ однѣхъ только при изящно развитыхъ формахъ станъ тонкій, гибкій, можно сказать вьющійся. Но это гибкое какъ шолкъ тѣло лежитъ на стальныхъ мускулахъ. И для какихъ же другихъ организацій возможны эти народные андалузскіе танцы, въ которыхъ танцуютъ не ноги, а все тѣло, гдѣ спина изгибается волною, опрокинутый станъ вьется какъ змѣя, плечи касаются почти до полу, гдѣ послѣ позъ томленія, въ которыхъ ослабѣвшія руки, кажется, не въ-силахъ двигать кастаньетами, вдругъ слѣдуютъ прыжки раздраженнаго тигра! Самое драгоцѣнное наслѣдіе, которое оставили мавры своей милой Андалусіи, заключается въ этой удивительной породѣ ея женщинъ. Я заключаю это изъ словъ одного арабскаго писателя XIV вѣка (2), котораго описаніе гранадскихъ женщинъ совершенно примѣняется къ нынѣшнимъ андалускамъ: «Гранадинки красивы, но прелесть ихъ всего больше поддерживается ихъ граціею и особенною утонченностію, которыми онѣ проникнуты. Ростъ ихъ не досягаетъ средней величины, но нельзя представить себѣ прекраснѣе ихъ формъ и ихъ гибкаго стана. Черные ихъ волосы спускаются ниже колѣнъ, зубы бѣлы какъ алебастры, и самый свѣжій пурпуровый ротъ. Большое употребленіе тонкихъ духовъ придаетъ ихъ тѣлу свѣжесть и лоскъ, какихъ не имѣютъ другія мусульманки. Ихъ походка, ихъ пляски, всѣ ихъ движенія дышатъ ловкостію, непринужденностію, которыя восхищаютъ въ нихъ больше всѣхъ ихъ

(1) En tu traje no hay engrudos
Ni postizos, ni almidon
Que tu terre y pantorilla
De carne maciza son.

(2) Абу-Абдала-Абсанени, автора Исторіи Гранады, находящейся въ рукописи въ Эскоріалѣ. (Conde, Dominacion de los arabos).

прелестей». Андалуска, къ какому бы званію не принадлежала она, никогда не затруднится въ отвѣтѣ, не смѣшается ни отъ какого разговора: на любой вопросъ отвѣчаетъ она съ быстротою и смѣлостію, которыя во всякой другой землѣ назовутъ безстыдствомъ. Такъ относительны понятія о приличіяхъ! Конечно, здѣсь женщины необразованы; но эта живость и веселость ума, богатство фантазіи, это мѣстное остроуміе—какъ охотно можно отдать за нихъ книжную образованность самыхъ образованныхъ дамъ! Дочь всякаго нѣмецкаго бюргера, безъ сомнѣнія, знаетъ въ десять разъ больше любой самой образованной андалузской дамы; но андалуска обладаетъ удивительнымъ искусствомъ не нуждаться во всѣхъ этихъ знаніяхъ, постоянно владѣть разговоромъ и вести его какъ ей вздумается. Никакого понятія онѣ не имѣютъ о лицемѣрной стыдливости *(pruderie)*. Свободно и откровенно говорятъ онѣ о самыхъ недвусмысленныхъ предметахъ, но это съ такимъ простодушіемъ и, такъ сказать, наивностію чувства, что вамъ не пришло бы и въ голову найти тутъ что-нибудь предосудительное. Романтизма, этой болѣзни сѣверныхъ мужчинъ и женщинъ, въ нихъ нѣтъ даже тѣни, и ничего имъ такъ не противно въ мужчинахъ, какъ сантиментальность. Андалуска кокетлива; но она и не думаетъ скрывать своего кокетства; оно въ природѣ ея, и какъ расхохоталась бы здѣшняя дѣвушка, еслибъ вздумали упрекать ее, называя кокеткой! Вѣроятно, вслѣдствіе этого онѣ не любятъ заниматься хозяйствомъ; да южныя женщины вообще очень плохія хозяйки и все свое время проводятъ въ визитахъ, стояньи на балконѣ, въ прогулкахъ, или, просто, сидятъ въ своихъ комнатахъ въ совершенномъ бездѣйствіи; рукодѣлья онѣ очень не любятъ. Въ Европѣ женщина бо́льшею частію раздѣляетъ труды мужчины; испанецъ, напротивъ, любитъ, чтобъ жена его держала себя знатной дамой, не заботясь ни о чемъ. Отъ этого, можетъ быть, онѣ такія охотницы говорить. Но всего болѣе поражаетъ ихъ наивная довѣренность: если вы приняты въ какое-нибудь семейство, то въ теченіи одной недѣли женщины разскажутъ вамъ все, что́ дѣлается въ этомъ семействѣ, посвятятъ васъ во всѣ семейныя тайны и обращаются съ вами, какъ съ близкимъ родственникомъ. И совсѣмъ этимъ этикетъ испанскій запрещаетъ на гуляньѣ предложить руку даже близко знакомой дамѣ; рука объ руку здѣсь могутъ ходить только мужъ съ женой. Равнымъ образомъ здѣсь считается неприличнымъ женщинѣ итти одной.

Вечернее гулянье для здѣшнихъ женщинъ также необходимо, какъ воздухъ и вода. Онѣ знаютъ, что здѣсь всего болѣе могутъ онѣ обнаружить грацію своихъ движеній — *соль* свою. Въ-самомъ-дѣлѣ, ихъ легкая, медленная, зыблющаяся походка, эта мантилья, которой

прозрачность скорѣе обнаруживаетъ, нежели скрываетъ пластическія формы ихъ стана и груди, эта быстрая, уклончивая игра веера, изъ-за котораго онѣ всего больше любятъ бросать свой впивающійся взглядъ, эта смѣлость и свобода движеній, — все это дѣйствуетъ необычайно, увлекательно, отрываетъ отъ европейской рутины и переноситъ въ совершенно оригинальный, обаятельный міръ, точно также, какъ Мурильо отрываетъ отъ рутины классической италіанской школы, перенося очаровательно-простую и всегда поэтическую сферу задушевной жизни. Въ андалузскихъ церквахъ нѣтъ ни стульевъ, ни скамеекъ, полъ всегда изъ гладкаго, бѣлаго мрамора и тщательно метется по нѣскольку разъ въ день. Мужчины присутствуютъ при службѣ всегда стоя; женщины, коснувшись пальцами святой воды, тотчасъ же становятся на колѣни и, прошептавъ небольшую молитву, принимаютъ особенную, небрежную, полулежачую позу, въ которой складки ихъ полныхъ, черныхъ платьевъ лежатъ удивительно живописно. Концы мантильи складываются тогда перекрестно подъ подбородкомъ, руки лежатъ на груди крестомъ, четки въ одной рукѣ, въ другой вееръ, который не успокоивается ни на минуту. Южная андалуска представляетъ собою самый совершенный типъ женской, артистической натуры. Можетъ быть, вслѣдствіе этого здѣсь на женщинъ смотрятъ исключительно съ артистической стороны. Но это безнравственно! замѣтите вы мнѣ. О, даже очень безнравственно! но подите убѣдите южнаго человѣка въ томъ, что духовныя отношенія выше чувственныхъ, что недостаточно только любить женщину, а надобно еще уважать ее, что чувственность страхъ какъ унижаетъ нравственное достоинство женщины.... увы! ничего этого не понимаетъ матеріяльная натура южнаго человѣка.

В. БОТКИНЪ.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА VIII (*).

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

Думали, что скоро объявится преемникъ Шуйскому, ибо знали, что въ челѣ замысловъ противъ него стоялъ князь Василій Васильичъ Голицынъ, что главными дѣйствователями были его клевреты. Въ-самомъ-дѣлѣ, если нужно было дать Шуйскому въ преемники также кого-нибудь изъ бояръ, то это мѣсто безспорно принадлежало Голицыну, потому-что, послѣ Шуйскаго, онъ былъ послѣдній изъ старинныхъ московскихъ бояръ, бояръ съ преданіемъ, съ извѣстнымъ стремленіемъ: при новой династіи мы уже не увидимъ подобныхъ бояръ. Притомъ Голицынъ славился умомъ, способностями, зналъ старину, наконецъ имѣлъ сильную партію, самъ патріархъ стоялъ за него. Казалось, было много условій для успѣха, — и, однакожь, успѣха не было. Примѣръ Шуйскаго открылъ глаза. Шуйскій имѣлъ тѣже права на престолъ, что и Голицынъ, еще гораздо больше, — и, однако, былъ сверженъ: избрать Голицына значило повторить тоже самое явленіе. Послышался голосъ,

---

(*) См. Современникъ 1848 года (№№ I, II, III и IV, отд. II) и 1849 года (№№ I, II, III).

[redacted] въ Польшѣ и Литвѣ извѣстно, что князья Шуйскіе въ Рус-[redacted] государствѣ издавна бояре большіе, и природнымъ своимъ [redacted]царямъ вѣрою и правдою служили и головъ своихъ за нихъ не [redacted]. Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій славно защищалъ Псковъ, [redacted]ь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ сильно стоялъ за [redacted]арство. А всѣ великія государства стоятъ своими великими бо-[redacted]. Находящихся въ рукахъ вашихъ князей Шуйскихъ, братьевъ [redacted]ъ, какъ людей достойныхъ, вы должны охранять, не дѣлая [redacted]го покушенія на ихъ жизнь и здоровье, и не попуская причи-[redacted]мъ никакого насильства, раззоренія и притѣсненія: ибо и ихъ [redacted]ѣйшій господарь король его милость съ сыномъ своимъ, коро-[redacted]ъ его милостію, равно какъ и всѣхъ васъ великихъ бояръ. [redacted]ы будете служить господарямъ вѣрою и правдою, готовъ со-[redacted]ъ во всякой чести и довѣріи и жаловать господарскимъ жало-[redacted]». Эта грамота была отправлена 22 іюля, а 20 Жолкѣвскій [redacted]ступилъ изъ Можайска, держа путь черезъ Звѣнигородъ къ [redacted]ѣ, посылая въ столицу грамоты, въ которыхъ извѣщалъ, что [redacted]ижается съ цѣлію защитить москвитянъ отъ Самозванца. Гет-[redacted], былъ уже въ 8 миляхъ отъ Москвы, когда принесли ему от-[redacted]отъ бояръ, гдѣ отписали, что не нуждаются въ помощи, и тре-[redacted], чтобъ польское войско не приближалось къ столицѣ (1). Въ-[redacted]ъ-дѣлѣ, хотя многіе въ Москвѣ были убѣждены въ необходи-[redacted] признать царемъ Владислава, хотя это ясно было выражено [redacted]лавскимъ, однако дѣло было такъ страшно, что ждали край-[redacted]еобходимости для его оправданія въ чужихъ и собственныхъ [redacted]ъ. Такъ въ разосланныхъ по городамъ грамотахъ отъ 20 іюля [redacted]ова не говорится о Владиславѣ (2); напротивъ, Москва извѣ-[redacted]ъ, что «видя усобицу между православными христіанами, поль-[redacted] литовскіе люди пришли въ землю Московскаго государства и [redacted]ую кровь пролили, церкви и монастыри раззорили, святынѣ по-[redacted]ись, и хотятъ православную вѣру въ латынство превратить; что [redacted]кій король стоитъ подъ Смоленскомъ, а гетманъ Жолкѣвскій [redacted]ожайскѣ, а воръ въ Коломенскомъ; и литовскіе люди, по ссылкѣ [redacted]олкѣвскимъ, хотятъ государствомъ Московскимъ завладѣть, [redacted]ославную вѣру раззорить, а свою латинскую учинить. И мы, про-[redacted]ютъ москвитяне, поговоря межъ себя, и услыша украинскихъ [redacted]овъ отъ всякихъ людей, что государя царя Василья Ивановича [redacted]осковскомъ государствѣ не стало, и кровь христіанская между-[redacted]я льется многое время, и всталъ отецъ на сына, и сынъ на отца,

---

(1) Рукопись Жолкѣв., стр. 120, 121.
(2) Акты арх. экси. II. № 163.

дотолѣ неслыханный, голосъ перваго боярина въ думѣ — князя Мстиславскаго: Мстиславскій объявилъ, что самъ онъ не хочетъ царемъ, но не хочетъ также видѣть царемъ и кого-нибудь изъ ихъ собратій, что должно избрать государя изъ царскаго племени. Это объявленіе Мстиславскаго приходилось какъ нельзя лучше мысли и по сердцу народу; дѣло Голицына было проиграно; бояръ больше не хотѣли; но гдѣ было взять царскаго племени? Правда, одинъ королевичъ былъ уже указанъ давно боярами; но народу страшно было подумать о нерусскомъ царѣ: свергнули Годунова, какъ скоро заслышали о сынѣ Грознаго, а теперь, обманутые и растерзанные должны были для спасенія своего принять иноземца. Никто не смѣлъ вымолвить о Владиславѣ; въ нерѣшительности согнули временному боярскому правительству; въ присягѣ было сказано (1), что «всѣ люди били челомъ князю Мстиславскому съ товарищи, чтобъ пожаловали приняли Московское государство какъ Богъ государя; клялись слушать бояръ и судъ любить — что они кому за службу или вину приговорятъ; за Московское государство и за нихъ стоять, и съ измѣнниками биться до смерти, вора, кто называется царевичемъ Димитріемъ, не хотѣть, другъ на друга зла не мыслить и не дѣлать, а выбрать государя на Московское государство боярамъ и всякимъ людямъ всею землею. А боярамъ всѣхъ праведнымъ судомъ судить, и государя выбирать съ нами, со всякими людьми, всею землею, сослався съ городами; а бывшему государю Василью Ивановичу на государевѣ дворѣ не быть, и впередъ на государствѣ не сидѣть; а князю Дмитрею, да князю Ивану Шуйскимъ съ боярами въ приговорѣ не сидѣть».

Въ этой присягѣ замѣчательно, во-первыхъ, отреченіе отъ вора, кто называется Димитріемъ: знакъ, что царство Самозванцевъ кончилось для Москвы и государства, ибо Москва узнала, чье это порожденіе; во-вторыхъ, требованіе, чтобъ выборъ былъ всею землею: примѣръ Шуйскаго показалъ гибельность противнаго..... Жолкѣвскому хотѣлось достать Шуйскихъ въ свои руки, чтобы послѣ ихъ именемъ мутить государство и стращать бояръ, если они вздумаютъ противиться Владиславу; съ этою цѣлію гетманъ прислалъ грамоту князю Мстиславскому, въ которой писалъ (2): «Дошли до насъ слухи, что князь Василій Шуйскій сложилъ съ себя правленіе, постригся, и братья его находятся подъ крѣпкою стражею: мы отъ этого въ досадѣ и кручинѣ великой, и опасаемся, чтобъ съ ними не случилось чего худого. Сами вы вѣдаете, и вамъ

(1) Акты историч. II, № 287.
(2) Сборн. Муханова, № 108.

другъ на друга, и видя всякіе люди Московскому государству такое конечное раззореніе, били челомъ ему государю всею землею, всякіе люди, чтобъ государь государство оставилъ для междоусобныя брани и для того, которые отъ него государя боясь опалы, или которые его государя не любя, и къ нему государю и ко всему Московскому государству не обращаются, и тѣбъ всѣ были въ соединеньи и стояли за православную христіанскую вѣру всѣ за одно. И государь государство оставилъ, и съѣхалъ на свой старый дворъ, и нынѣ въ чернецахъ. И мы цѣловали крестъ на томъ, что намъ всѣмъ противъ воровъ стояти всѣмъ государствомъ за одно и вора на государство хотѣть; и вамъ бы всѣмъ, всякимъ людемъ, стоять съ нами вмѣстѣ за одно и быть въ соединеньи, чтобъ наша православная христіанская вѣра не раззорилась, и матери бы наши и жены и дѣти въ латинской вѣрѣ не были».

Изъ этихъ словъ видно, что Москва вовсе не думала приготовлять области къ избранію Владислава, повторяя, что гетманъ Жолкѣвскій хочетъ истребить православную вѣру, и уволя соединиться дружно для отпора, чтобы матери, жены и дѣти въ латинской вѣрѣ не были. Ясно было, повторяю, что въ Москвѣ хотя многіе и видѣли необходимость признать Владислава, но боялись явно высказаться на этотъ счетъ и ждали побужденія отъ обстоятельствъ, какъ оправданія. Дожидались не долго. 24 числа гетманъ сталъ лагеремъ въ 7 верстахъ отъ Москвы, на лугахъ Хорошовскихъ; съ другой стороны, Самозванецъ хотѣлъ занять мѣсто Шуйскаго, думая, что народъ, изъ усердія къ православію, предпочтетъ его Владиславу. Но въ Москвѣ знали хорошо тушинскаго сосѣда: позорное названіе *вора*, вора по преимуществу, вполнѣ выражало его характеръ, и если кто-нибудь изъ черни московской хотѣлъ Самозванца, то лучшіе люди были всѣ противъ него, и когда онъ подступилъ къ городу, то встрѣтилъ сильный отпоръ. Видя это, и зная, что москвитяне, въ случаѣ крайности, могутъ признать Владислава и получить помощь отъ Жолкѣвскаго, Самозванецъ хотѣлъ отстранить послѣдняго отъ вмѣшательства въ дѣло: съ этою цѣлію онъ далъ Сапѣгѣ запись, въ которой обѣщалъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, дать королю польскому 300,000 золотыхъ, а въ казну республики, въ продолженіи 10 лѣтъ, выплачивать ежегодно по 300,000 злотыхъ; сверхъ того королевичу также ежегодно, въ теченіи означеннаго времени, по 100,000 злотыхъ. Даже обѣщался завоевать для Польши всю Ливонію и для войны шведской выставлять по 15,000 войска. Касательно земли сѣверской дано уклончивое обѣщаніе, что онъ не-прочь вести объ этомъ переговоры, и если дѣйствительно будетъ что-либо кому слѣдовать, то почему же и не

тдать должнаго; однако лучше каждому остаться при своемъ (1). Съ этою запискою изъ стана Сапѣги отправились послы въ станъ Сигизмунда уговаривать послѣдняго въ пользу Самозванца. Прибывъ перва въ полки Жолкѣвскаго, они объявили гетману о цѣли своего посольства, и о томъ, что Лжедимитрій хочетъ послать и къ нему съ подарками; но гетманъ, давъ посламъ свободный путь къ королю, самъ уклонился отъ всякихъ сношеній съ воромъ (2). Чего опасался послѣдній, то и случилось: временное московское правительство вошло въ сношенія съ Жолкѣвскимъ. Еще во время сраженія съ Самозванцемъ, Мстиславскій, чтобъ завязать сношенія, послалъ спросить гетмана: врагомъ или другомъ является онъ подъ стѣнами Москвы? Жолкѣвскій отвѣчалъ, что готовъ помогать имъ, если они признаютъ Владислава. Вслѣдъ за тѣмъ Мстиславскій прислалъ письмо къ гетману; но тотъ не далъ письменнаго отвѣта, выразившись, что письменныя сношенія только затянутъ дѣло, которому не будетъ конца. Жолкѣвскій не безъ причины такъ торопился: я уже сказалъ, какъ тяжело было для народа избраніе Владислава, вынужденное и оправдываемое только необходимостію; между чернью слышались голоса въ пользу Лжедимитрія; духовенство, во имя православія, сильно стояло противъ иновѣрнаго королевича; но бояре и лучшіе люди были противъ Самозванца, слѣдовательно были за Владислава, ибо о выборѣ царя изъ русскихъ думать было нельзя. Лучшіе люди знали, какой порядокъ вещей настанетъ съ воцареніемъ Лжедимитрія, и потому говорили: «лучше служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей, и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться». Патріархъ настаивалъ на избраніе царя изъ русскихъ и убѣждалъ народъ примѣрами изъ исторіи....

Гермогенъ, настаивая на избраніе царя изъ русскихъ, указывалъ на князя Василья Васильича Голицына; но уже прежде объяснены были причины, почему не хотѣли боярина; потомъ, видя неблагосклоненіе къ Голицыну, патріархъ указалъ на человѣка, способнаго удовлетворить потребности — на юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына ростовскаго митрополита Филарета. Съ одной стороны, Михаилъ имѣлъ большія права на престолъ, какъ ближайшій родственникъ царя Ѳеодора; съ другой — постриженіе отца, безвѣстная жизнь въ удаленіи отъ двора отрывала его совершенно отъ смутнаго времени: Михаилъ былъ русскій, въ родствѣ съ царскимъ корнемъ Рюрика, и вмѣстѣ совершенно чистъ отъ всего того, чѣмъ запятнали себя русскіе люди въ это страшное время.... Не избрали

(1) Прилож. XII къ III т. Истор. Смутн. врем.

(2) Рукоп. Жолкѣв., стр. 122, 123.

брата Филаретова, Ивана Никитича, мужа совершеннолѣтняго, и слѣдовательно болѣе способнаго управлять государствомъ, чѣмъ шестнадцатилѣтній юноша, но избрали послѣдняго.....

Совѣтъ патріарха на этотъ разъ не могъ быть приведенъ однакожь въ исполненіе: съ одной стороны грозилъ Самозванецъ, съ другой Жолкѣвскій; необходимость требовала признать или Самозванца, или Владислава. Однако, указаніе Гермогена не могло остаться безъ слѣдствій, и сильно должно было содѣйствовать избранію Михаила въ то время, когда Москва освободилась и отъ Самозванца и отъ поляковъ.....

Эти волненія въ Москвѣ, шаткость умовъ затавляли, повторяю, Гетмана торопиться переговорами; временное московское правительство также не имѣло причинъ медлить; начались съѣзды, но дѣла и тутъ затянулись: сильнымъ препятствіемъ къ соглашенію было иновѣріе Владислава. Бояре знали, что народъ ни за что не согласится имѣть царемъ явнаго латынца; съ своей стороны гетманъ боялся уступить требованіямъ московскаго правительства, ибо не получалъ отъ короля никакой инструкціи. Личные переговоры Мстиславскаго съ Жолкѣвскимъ, имѣвшіе мѣсто 2 августа, противъ Дѣвичьяго монастыря, были прерваны извѣстіемъ, что Самозванецъ приступаетъ къ столицѣ: на этотъ разъ воръ былъ отбитъ съ помощію Ивана Михайлыча Салтыкова (сына знаменитаго Мих. Глѣбовича), который, съ соизволенія гетмана, приспѣлъ на-помощь къ городу съ русскими людьми, находившимися при королевскомъ войскѣ. Торжество Самозванца было равно гибельно и для бояръ московскихъ и для Жолкѣвскаго; надобно было скорѣе согласиться, тѣмъ болѣе, что поляки, не получая жалованья, грозили возвратиться къ границамъ. Несмотря на то однако, гетманъ объявилъ, что онъ принимаетъ только тѣ условія, которыя были утверждены королемъ, и на которыхъ цаловалъ крестъ Салтыковъ съ товарищами подъ Смоленскомъ; прибавки же, сдѣланныя временнымъ московскимъ правительствомъ, и между прочимъ, что Владиславъ перемѣнитъ вѣру въ Можайскѣ, должны быть переданы на рѣшеніе короля. Бояре согласились; съ своей стороны гетманъ согласился также на нѣкоторыя измѣненія и прибавки къ салтыковскому договору. Такъ мы видѣли, что русскіе тушинцы признали необходимость выѣзда въ западныя государства для науки; но въ Москвѣ этого желанія не оказалось, и въ московскомъ договорѣ, составленномъ при участіи духовенства, означенное условіе выпущено. Мы видѣли также, что при составленіи статей салтыковскаго договора имѣли сильное вліяніе дьяки и вообще люди неродовитые, которыхъ смутное время выдвинуло впередъ, и которые, разумѣется, не могли сочувствовать

мѣстничеству; но статьи московскаго договора составляли люди родовитые, старые бояре, и потому они внесли условіе: «Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и въ чести не тѣснити и не понижати». Прибавлено, чтобъ не мстить за убійство поляковъ при Лжедимитріи; Сапѣгу отвести отъ вора; помогать Москвѣ противъ послѣдняго, и, по освобожденіи столицы отъ него, Жолкѣвскій долженъ былъ отступить съ польскими войсками въ Можайскъ и тамъ ожидать конца переговоровъ съ Сигизмундомъ; Марину отослать въ Польшу и запретить ей предъявлять свои притязанія на московскій престолъ; города Московскаго государства, занятые поляками и воромъ, очистить, какъ было до смутнаго времени; что же касается до вознагражденія короля и польскихъ ратныхъ людей за военные убытки, то объ этомъ должны говорить съ Сигизмундомъ великіе послы московскіе; наконецъ гетманъ обязывается писать къ королю, бить ему челомъ, чтобы снялъ осаду Смоленска (1). Условіе объ очисткѣ городовъ очень важно, ибо ставило Сигизмунда въ затруднительное положеніе касательно отвѣтственности передъ республикою въ цѣли похода; но временное московское правительство также должно было отвѣчать за каждую пядь русской земли, уступленную Польшѣ; бояре требовали, отказать имъ было слишкомъ неловко: это значило показать корыстные виды короля, тогда-какъ онъ до сихъ поръ выставлялся благонамѣреннымъ и безкорыстнымъ избавителемъ и умирителемъ Московскаго государства; Жолкѣвскій болѣе другихъ могъ чувствовать эту неловкость и согласился тѣмъ болѣе, что войско рѣшительно отказывалось продолжать службу, если не получитъ въ срокъ жалованья.

27 августа происходила торжественная присяга московскихъ жителей королевичу Владиславу; гетманъ, съ своей стороны, именемъ Владислава, присягнулъ въ соблюденіи договора; эти присяги происходили на половинѣ дороги отъ польскаго стана до города: здѣсь присягнули 10,000 человѣкъ (2). На другой день присяга происходила въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи патріарха; сюда явились и русскіе тушинцы — Михаилъ Салтыковъ, князь Мосальскій съ товарищами; они подошли подъ благословеніе къ патріарху; тотъ встрѣтилъ ихъ грознымъ словомъ: «Будетъ вы пришли правдою, а не лестію, и въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушенія православной вѣрѣ, то буди на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собора и отъ меня грѣшнаго; если же вы пришли съ лестію, съ злымъ умысломъ противъ вѣры, то будьте прокляты». Салтыковъ зналъ, какая

(1) Собр. гос. гр. и дог. II, № 391.
(2) Рукоп. Жолк., стр. 129.

опасность грозитъ вѣрѣ предковъ отъ ихъ умысла; мы видѣли, какъ онъ со слезами просилъ короля не трогать православія; теперь также слезы выступили на глазахъ его, когда онъ услыхалъ отъ патріарха грозное *если;* онъ сталъ увѣрять Гермогена, что будетъ у нихъ прямой, истинный государь, и тогда патріархъ благословилъ его. Но когда подошелъ ко кресту Михайло Молчановъ, то Гермогенъ не вытерпѣлъ и закричалъ на него: «Окаянный еретикъ! тебѣ не должно быть въ церкви», и велѣлъ его выгнать вонъ (1).

Разосланы были грамоты по городамъ съ приказомъ присягать Владиславу; въ этихъ грамотахъ временное правительство писало, что такъ-какъ выборные изъ городовъ для избранія царя еще не бывали въ Москвѣ, то послѣдняя цаловала крестъ королевичу Владиславу на томъ, что ему государю быть въ нашей православной христіянской вѣрѣ греческаго закона (2). Многіе города повиновались приказу и присягнули королевичу; гетманъ и бояре угощали, дарили другъ друга; но дѣло было далеко отъ скораго и мирнаго окончанія: царство боярина кончилось, царство Самозванца приходило къ концу, нужно было порѣшить и съ царемъ иноземнымъ, и тогда только Московское государство могло успокоиться.

Черезъ два дня послѣ торжественной присяги съ обѣихъ сторонъ, къ гетману явился изъ-подъ Смоленска извѣстный Ѳедоръ Андроновъ съ письмомъ отъ короля, гдѣ тотъ требовалъ, чтобъ Московское государство было упрочено за нимъ самимъ, а не за сыномъ его; вслѣдъ за Андроновымъ прибылъ также извѣстный намъ Гонсѣвскій съ подробнѣйшею инструкціею для гетмана; но не только Жолкѣвскій, но даже и самъ Гонсѣвскій почелъ невозможнымъ нарушить договоръ и исполнить желаніе короля, котораго одно имя, по собственному сознанію поляковъ, было ненавистно московскому народу (3). Оба вождя рѣшились исполнять въ точности договоръ; начались условія относительно Сапѣги и Самозванца. Гетманъ послалъ къ первому съ увѣщаніемъ не препятствовать дѣламъ короля и республики и уговорить Самозванца къ изъявленію покорности Сигизмунду, въ какомъ случаѣ Жолкѣвскій обѣщалъ выпросить ему у правительства Самборъ или Гродно въ кормленіе; въ случаѣ же несогласія Самозванца, Сапѣга долженъ былъ выдать его гетману или, по-крайней-мѣрѣ, отступить отъ него. Жолкѣвскому очень хотѣлось получить и Лжедимитрія въ свои руки, какъ онъ уже получилъ трехъ Шуйскихъ — бывшаго царя съ братьями. Самъ Сапѣга готовъ былъ выполнить требованія гетмана; но буйные това-

(1) Никон. VIII, стр. 142.

(2) Акты арх. эксп. II, № 161.

(3) *Рукоп.* Жалкѣв. стр. 133.

рищи его никакъ не согласились и остались вѣрны вору. Жолкѣвскій увидалъ тогда необходимость употребить сильнѣйшія мѣры; онъ двинулся ночью изъ своего стана и на разсвѣтѣ стоялъ уже передъ лагеремъ Сапѣги въ боевомъ порядкѣ; князь Мстиславскій вывелъ къ нему также на-помощь пятнадцатитысячный отрядъ московскаго войска, оставивъ, по распоряженію гетмана, сильный отрядъ въ столицѣ для сдержанія приверженцевъ Лжедимитрія. Мстиславскій, при встрѣчѣ съ гетманомъ, поступилъ подъ его начальство.... Войско Сапѣги испугалось, увидя передъ собою соединенные полки Жолкѣвскаго и Мстиславскаго; русскіе, замѣтивъ эту робость, хотѣли тотчасъ же ударить на поляковъ; но гетманъ не хотѣлъ проливать крови своихъ и дождался мирной покорности, которая и не замедлила: Сапѣга явился на личное свиданіе къ гетману и обѣщался или уговорить Самозванца къ покорности королю, или отступить отъ него (1). Лжедимитрій, или, лучше сказать, жена его, находившіяся тогда въ Угрѣшскомъ монастырѣ, не хотѣли слышать объ условіяхъ; имъ придавало надежды несогласіе нѣкоторыхъ городовъ на избраніе Владислава: Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Галичъ и Ростовъ тайно пересылались съ Самозванцемъ, изъявляя готовность передаться ему. Такъ въ это время одинъ интересъ, сильнѣйшій, смѣнялъ для народа другой, менѣе сильный. Мы видѣли, какъ эти самые города встали противъ Лжедимитрія, ибо въ его сподвижникахъ признали воровъ, отверженниковъ общества, нарушителей наряда; но теперь вѣра предковъ пересилила всѣ другіе интересы, и они предпочитаютъ Самозванца ляху Владиславу.

Узнавъ объ упрямствѣ Лжедимитрія, гетманъ объявилъ боярамъ свое намѣреніе — пройдя ночью черезъ Москву, подступить къ монастырю и захватить тамъ въ-расплохъ Самозванца. Бояре согласились, позволили польскому войску, въ ночное время, пройти черезъ городъ, почти пустой, потому-что бояре еще прежде гетмана вывели тридцать тысячь войска въ поле. Впрочемъ поляки не сдѣлали на этотъ разъ никакого вреда и прошли поспѣшно черезъ городъ, не сходя съ копей. Польское и московское войска соединились у Коломенской заставы и пошли къ Угрѣшскому монастырю; но одинъ перелетъ московскій успѣлъ увѣдомить Лжедимитрія о грозящей ему опасности, и тотъ поспѣшно оставилъ монастырь и уѣхалъ въ Калугу, вмѣстѣ съ женою и Заруцкимъ, который опять ратовалъ подъ его знаменами, разсорившись съ Жолкѣвскимъ за то, что гетманъ не хотѣлъ дать ему главнаго начальства надъ русскимъ войскомъ, передавшимся на имя королевича. Не надѣясь нагнать

(1) Рукоп. Жолкѣв. стр. 134 и слѣд.

Самозванца, гетманъ возвратился въ лагерь, а бояре въ городъ. На другой день русскіе приверженцы Лжедимитрія, остававшіеся въ его войскѣ, пріѣхали къ гетману, объявляя желаніе присягнуть Владиславу; но требовали, чтобъ имъ оставили тѣ званія, которыя получили они отъ Самозванца. Я уже упоминалъ о роли, которую играетъ воръ тушинскій въ нашей исторіи; упоминалъ, что люди, которымъ при прежнемъ порядкѣ вещей нельзя было возвыситься до извѣстныхъ степеней, возвысились до нихъ посредствомъ Самозванца; теперь, оставя послѣдняго, они хотятъ удержать его пожалованія; но могли ли позволить это бояре московскіе? Разумѣется, нѣтъ, ибо такое втѣсненіе новопожалованныхъ сановниковъ запутало бы служебный распорядокъ. Жолкѣвскій не понималъ московскихъ отношеній и просилъ бояръ исполнить требованія тушинцевъ, представляя, что этимъ исполненіемъ можно привлечь на сторону Владислава и остальныхъ приверженцевъ Самозванца; но бояре, уступая во всемъ гетману, не уступили ему только въ этомъ; вотъ какъ они повѣстили городамъ о послѣднихъ событіяхъ (1): «Литовскіе люди — Янъ Сапѣга съ товарищи, и рускіе люди — бояре князь Мих. Туренинъ да князь Ѳедоръ Долгорукій, и воровскіе совѣтники, князь Ал. Сицкій, Олександръ Нагой, Григорій Сунбуловъ, Ѳед. Плещеевъ, князь Ѳед. Засѣкинъ, да дьяки Петръ Третьяковъ, и всякіе служилые и не служилые люди, вину свою государю королевичу принесли.» Здѣсь любопытно отдѣленіе двухъ бояръ—Туренина и Долгорукова—отъ остальныхъ сановниковъ тушинскихъ, которые называются воровскими совѣтниками, какъ-будто бы двое означенныхъ бояръ не были также воровскими совѣтниками. Что̀ предвидѣлъ гетманъ, то и случилось: нѣкоторые изъ тушинцевъ, недовольные московскимъ пріемомъ, опять отъѣхали къ Самозванцу (2).

Отогнавъ Лжедимитрія, гетманъ началъ настаивать на скорѣйшее отправленіе пословъ къ Сигизмунду, что̀ давало ему случай удалить изъ Московскаго государства подозрительныхъ людей, на которыхъ указано было народу, какъ на преемниковъ Шуйскаго. Съ этою цѣлію Жолкѣвскій началъ уговаривать Голицына принять на себя посольство, представляя ему, что такое великое дѣло должно быть совершено такимъ знаменитымъ мужемъ, какимъ былъ онъ, Голицынъ; притомъ увѣрялъ его, что чрезъ предлагаемое посольство онъ будетъ имѣть первое мѣсто и ближайшій доступъ къ милости короля и королевича. Голицынъ принялъ предложеніе: и, въ-самомъ-дѣлѣ, первый изъ бояръ по уму, онъ имѣлъ право сказать: если я останусь, то кто пойдетъ; если я пойду, то кто останется? Жолкѣв-

(1) Акты арх. экси. т. II, № 165.

(2) Рукоп. Жолкѣв. стр. 111.

скій отъ удаленія Голицына получалъ двойную выгоду: во-первыхъ, онъ удалялъ изъ Москвы, отдавалъ въ руки королевскія искателя престола; во-вторыхъ, удалялъ изъ Москвы самаго умнаго, самаго дѣятельнаго боярина; съ остальными же легко было управиться. Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ еще очень молодъ, не имѣлъ никакого служебнаго значенія, никакой должности, и потому его нельзя было включить въ посольство. Тогда гетманъ постарался, чтобъ посломъ отъ духовенства назначили отца Михаилова, митрополита Филарета; для этого Жолкѣвскій представлялъ, что на такое важное дѣло нужно послать человѣка, не только по званію, но и по происхожденію знаменитаго, а послѣднему условію вполнѣ удовлетворялъ только одинъ Филаретъ (1). Гетманъ достигъ своей цѣли: Голицынъ и Филаретъ отправлялись во главѣ посольства; между остальными членами его были: окольничій князь Мезецкій, думный дворянинъ Сукинъ, думный дьякъ Томила Луговской, и дьякъ Сыдавный Васильевъ; изъ духовныхъ — спасскій архимандритъ Евфимій и троицкій келарь, извѣстный Авраамій Палицынъ, и др.; къ нимъ присоединены были выборные изъ сословій; число лицъ посольства простиралось до 1,146 человѣкъ (2). Посламъ данъ былъ наказъ изъ слѣдующихъ статей (3): 1) требовать, чтобъ Владиславъ принялъ греческую вѣру въ Смоленскѣ отъ митрополита Филарета и смоленскаго архіепископа Сергія, и чтобъ пришелъ въ Москву православнымъ; 2) чтобъ Владиславъ, будучи на престолѣ, не сносился съ папою о дѣлахъ вѣры, а только о дѣлахъ государственныхъ; 3) если кто-нибудь изъ людей Московскаго государства похочетъ своимъ малоумiемъ отступить отъ греческой вѣры, таковыхъ казнить смертію, а имущество ихъ отбирать въ казну. Слѣдовательно, здѣсь сдѣлано исключеніе изъ того пункта договора, по которому имущество у преступниковъ не отбиралось, но шло къ наслѣдникамъ. 4) Чтобъ королевичъ взялъ съ собою изъ Польши и Литвы немногихъ необходимыхъ людей; 5) прежняго титула московскихъ государей не умалять; 6) жениться Владиславу въ Московскомъ государствѣ, на невѣстѣ греческаго закона; 7) города и мѣста, занятые поляками и приверженцами Лжедимитрія, очистить къ Московскому государству, какъ было до смуты, и какъ условлено съ гетманомъ; 8) полякамъ и литовцамъ, которые пріѣдутъ съ Владиславомъ, давать помѣстья внутри государства, а не въ порубежныхъ городахъ. Цѣль условія ясна: поляки, владѣя порубежными мѣстами, легко могли присоединить ихъ къ Польшѣ. 9) Всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ въ

(1) Рукоп. Жолкѣв. стр. 116 и слѣд.

(2) Голикова Допол. къ Дѣян. Петра Великаго, т. II, стр. 20, 21.

(3) Тамъ же, стр. 22 и слѣд.

Московскомъ государствѣ во время смутъ, возвратить безъ выкупа; 10) король долженъ отступить отъ Смоленска, и на посадѣ и въ уѣздѣ никакого насилія не дѣлать; 11) на будущій сеймъ должны прибыть московскіе послы, въ присутствіи которыхъ вся рѣчь посполитая должна подкрѣпить великое утвержденіе между двумя государствами.

На случай неодолимаго сопротивленія съ польской стороны, посламъ дозволено было умѣрить свои требованія; касательно перваго пункта: если королевичъ на исполненіе его не согласится и отложитъ перемѣну вѣры до прибытія своего въ Москву, гдѣ приметъ рѣшеніе, которое постановитъ духовный чинъ обоихъ исповѣданій, то послы должны отвѣчать, что у нихъ на такой случай нѣтъ наказу, просить позволенія переписаться съ патріархомъ, боярами и всею землею, а королевича просить ѣхать немедленно въ Москву; тутъ же включено, чтобъ послы не спорили о вѣрѣ съ панами или учителями латинскими. Касательно четвертой статьи послы должны были настоять, чтобъ Владиславъ не приводилъ съ собою болѣе пяти сотъ человѣкъ поляковъ. Касательно титула послы могли согласиться, что Владиславъ сдѣлаетъ о немъ окончательное рѣшеніе въ Москвѣ съ приговору патріарха, бояръ и всѣхъ думныхъ людей. На-счетъ женитьбы послы могли измѣнить статью такъ: Владиславъ не можетъ жениться безъ совѣта патріарха, всего духовенства, бояръ и думныхъ людей. Послы не должны были соглашаться на вознагражденіе короля за подъемъ и на уплату жалованья польскому войску, бывшему при ворѣ съ Сапѣгою; не должны были соглашаться на построеніе костела въ Москвѣ, на оставленіе польскихъ чиновниковъ въ порубежныхъ русскихъ городахъ до совершеннаго успокоенія государства; должны были уклониться отъ переговоровъ касательно порубежныхъ спорныхъ дѣлъ: «чтобъ за тѣмъ большому дѣлу мешкоты не было.» Въ случаѣ же упорнаго настаиванія съ польской стороны на-счетъ означенныхъ послѣднихъ пунктовъ, послы должны были отвѣчать, что они не имѣютъ на то наказа, и потому рѣшеніе этихъ дѣлъ должно отнести къ послѣдующимъ переговорамъ между Сигизмундомъ и его сыномъ, когда уже Владиславъ будетъ государемъ московскимъ. Въ Москвѣ надѣялись, что какъ-скоро Владиславъ станетъ царемъ, то будетъ по необходимости блюсти интересы своего государства: вотъ почему послы должны были прежде всего настаивать на скорѣйшій отъѣздъ Владислава въ Москву.

Патріархъ отправилъ съ послами отъ себя письмо къ Сигизмунду, въ которомъ умолялъ короля отпустить сына въ греческую вѣру: «Любви ради Божіей смилуйся, великій государь, не презри нашего *прошенія*, да не и вы сами Богу погрубите, и насъ богомольцевъ и

голикихъ неисчетныхъ народовъ оскорбите.» Что же дѣлалъ Сигизмундъ въ то время, когда Московское государство присягало сыну его? Сигизмундъ, поставленный въ необходимость возвратиться въ Польшу или съ цѣлымъ Московскимъ государствомъ, или по-крайней-мѣрѣ съ частію его, продолжалъ осаду Смоленска. Съ другой стороны, Янъ Потоцкій, главный начальникъ надъ осаждающими войсками, завидуя успѣху Жолкѣвскаго въ Москвѣ, хотѣлъ непремѣнно взять Смоленскъ, его желаніе соотвѣтствовало и желанію войска, раздраженнаго долгою осадою. Несмотря однако на ревность и мужество осаждающихъ, ихъ приступы были постоянно отбиваемы осажденными, хотя между послѣдними свирѣпствовала заразительная болѣзнь. Когда получили извѣстіе о договорѣ между Жолкѣвскимъ и московскимъ правительствомъ, то вступили въ переговоры; но какъ-скоро король объявилъ Шеину, что Смоленскъ, древнее достояніе Польши, долженъ сдаться не королевичу, а самому королю, то воевода никакъ не согласился отдѣлиться отъ Москвы безъ согласія всей земли. Окончаніе переговоровъ было отложено до пріѣзда великихъ московскихъ пословъ. И въ этомъ случаѣ городъ раздѣлился, если вѣрить перебѣжчикамъ: дворяне, которыхъ было около двухъ отъ человѣкъ, стрѣльцы, числомъ около двѣнадцати тысячъ, даже духовенство и воевода желали сдать крѣпость на имя короля, полагая, что имъ все равно жить, подъ властію ли Сигизмунда, или его сына, коль скоро вѣра и права будутъ сохранены; но торговые и посадскіе люди никакъ не хотѣли отложиться отъ Москвы и настаивали, чтобъ дождаться пословъ (*).

Между тѣмъ на сѣверо-западѣ шведы также не хотѣли выйти изъ Россіи безъ добычи: они взяли Ладогу, но не имѣли никакого успѣха подъ Ивангородомъ, жители котораго, несмотря на крайность, оставались вѣрны Самозванцу; Горнъ разбилъ Лисовскаго подъ Ямами; Лисовскій вмѣстѣ съ Просовецкимъ отступили ко Пскову, но разссорились, потому-что Лисовскій хотѣлъ служить Владиславу, а Просовецкій Самозванцу: вслѣдствіе этого Лисовскій пошелъ въ Островъ, а Просовецкій съ своими донцами остановился въ двадцати верстахъ отъ Пскова. Самозванецъ укрѣпился въ Калугѣ, надѣясь, что связь между Москвою и Польшею не будетъ продолжительна. Жолкѣвскому, послѣ многихъ переговоровъ, удалось отдѣлаться отъ сапѣгиной шайки; взявши деньги, выданныя имъ изъ царской казны, эти бродяги, прогулявшіе все награбленное во время войны, выступили въ сѣверскую землю для отнятія ея у Самозванца. Важнѣе были дѣла въ Москвѣ. Гетманъ ясно видѣлъ, что русскіе

*) Двенн. ос. Смол. стр. 239.

вслѣдствіе только крайней необходимости пожертвовали своимъ народнымъ чувствомъ и призвали на престолъ иноземца: самая великость этой жертвы дѣлала уже ихъ раздражительными, требовательными; уступивъ слишкомъ много, они тѣмъ крѣпче держались за остальное; принесши жертву, горькую для народнаго чувства, они тѣмъ болѣе стали держаться за православіе, какъ основу своей народности; вопросъ религіозный сталъ теперь главнымъ, господствующимъ: все остальное подчинилось ему. Одно слово патріарха — и вся Русь могла встать какъ одинъ человѣкъ, и еслибъ пришлось выбирать между Владиславомъ-католикомъ и Самозванцемъ, то собор не могъ быть въ пользу перваго. Жолкѣвскій видѣлъ это, и зн что вѣсти изъ-подъ Смоленска касательно обращенія Владислава православіе не могли быть благопріятны, трепеталъ за свое дѣ за себя, за свой малочисленный отрядъ, стоящій надъ подкопом готовымъ каждую минуту взорваться. Вотъ почему онъ старал достать въ свои руки Москву, ввести въ нее свои войска, чтобъ задушить возстаніе при первомъ его обнаруженіи. Ревностныхъ себ помощниковъ нашелъ онъ въ боярахъ московскихъ, которые видѣл что «многіе начали вору калужскому прямить и ссылаться с нимъ» (1), и потому единственнымъ средствомъ избавленія от него считали введеніе въ городъ поляковъ, и сами предложили о томъ гетману. Легко понять, какъ обрадовался Жолкѣвскій такому предложенію: онъ тотчасъ же послалъ росписать квартиры въ городѣ; но городъ сторожилъ всякое движеніе; ударили въ набатъ, созывая гражданъ и объявляя имъ, что поляки входятъ въ городъ. Бояре испугались возстанія, и упросили гетмана обождать еще три дня (2). Видя такое сопротивленіе въ народѣ, Жолкѣвскій не хотѣлъ уже болѣе помѣщаться внутри города, но предлагалъ боярамъ, чтобъ они отвели ему Дѣвичій монастырь и близлежащія слободы. Бояре согласились; но патріархъ воспротивился, возражая, что неприлично оставить монахинь въ монастырѣ вмѣстѣ съ поляками, неприлично и выслать ихъ для поляковъ. Мнѣніе патріарш нашло отголосокъ сильный; около Гермогена начали собираться дворяне, торговые и посадскіе люди, стрѣльцы; присяга Владиславу терзала ихъ души; они искали предлога нарушить ее. Патріархъ дважды посылалъ за боярами, зовя ихъ къ себѣ: они отговаривались, что заняты государственнымъ дѣломъ. Тогда Гермогенъ послалъ имъ повѣстить, что если они не хотятъ итти къ нему, то онъ пойдетъ къ нимъ, и не одинъ, а со всѣмъ народомъ. Бояре испугались, пошли къ патріарху и толковали съ нимъ часа два, опровергая воз-

(1) Полоц. стр. 239.

(2) Дневн. ос. Смол. стр. 243.

раженія его противъ неблагонамѣренныхъ замысловъ гетмана. Гермогенъ говорилъ, что Жолкѣвскій нарушаетъ условія, не отправляетъ никого противъ калужскаго вора, хочетъ ввести войска свои въ Москву, а русскіе полки высылаетъ на службу противъ шведовъ. Бояре, съ своей стороны, утверждали, что введеніе польскихъ войскъ въ Москву необходимо: иначе чернь предастъ ее Лжедимитрію; Иванъ Никитичъ Романовъ даже сказалъ патріарху, что если гетманъ отойдетъ отъ Москвы, то имъ всѣмъ боярамъ придется слѣдовать за нимъ для спасенія головъ своихъ, что тогда Москва достанется вору, и патріархъ будетъ отвѣчать за бѣдствія отечества. Патріарху прочли строгій уставъ, написанный гетманомъ для предотвращенія и наказанія бунтовъ, которые могутъ позволить себѣ поляки; въ тоже время Гонсѣвскій, узнавъ, о чемъ идетъ дѣло у патріарха съ боярами, прислалъ къ послѣднимъ извѣстіе, что гетманъ завтра же высылаетъ войска противъ Самозванца, если только московскіе полки будутъ готовы. Это извѣстіе дало боярамъ рѣшительный перевѣсъ въ спорѣ; Мстиславскій воспользовался случаемъ, чтобъ превознесть гетмана, и патріахъ замолчалъ. Говорятъ даже, будто бы бояре, въ торжествѣ, осмѣлились сказать Гермогену, чтобъ онъ смотрѣлъ за церковью, а въ свѣтскія дѣла не вмѣшивался, ибо прежде никогда духовенство не управляло государственными дѣлами; если такъ, то бояре позабыли о тѣсной связи между государствомъ и церковію, позабыли, что въ это время церковь блюла за единствомъ и самостоятельностію государства, и что патріархъ вовсе не вмѣшивался въ свѣтскія дѣла, а заботился только о сохраненіи церкви, отъ котораго зависѣло и сохраненіе государства. Патріархъ не хотѣлъ ничего болѣе, какъ только того, чтобъ новый царь былъ православнаго исповѣданія. На этотъ разъ Гермогенъ уступилъ боярамъ; уступилъ и народъ. Салтыковъ, Шереметевъ, Андрей Голицынъ, дьякъ Грамотинъ попеременно разъѣзжали среди толпы, выговаривали за мятежъ, приказывали не замышлять новаго; народъ утихъ, но до времени.

Ночью, съ 20 на 21 сентября, поляки тихо вступили въ Москву, помѣстились въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; заняли и монастырь Дѣвичій, заняли Можайскъ, Борисовъ, Верею для охраненія сообщеній своихъ съ королемъ. Жолкѣвскій для собственной выгоды хотѣлъ исполнить свои обѣщанія—и исполнилъ: рѣшеніе распрей между поляками и москвитянами предоставлено было равному числу судей изъ обоихъ народовъ (1); судъ былъ безпристрастный и строгій: полякъ насильно увелъ дочь у одного изъ знатныхъ граж-

(1) Рукоп. Жолкѣв., стр. 152.

данъ: преступника высѣкли кнутомъ. Обязанность предовольствовать поляковъ была возложена на замосковные города и волости, которые были росписаны по разнымъ ротамъ; но когда посланные для сбора припасовъ поляки, по ихъ собственному признанію, самовольно брали все, что кому нравилось, силою отнимая женъ и дочерей у гражданъ, то, для избавленія себя отъ насилій, жители согласились платить полякамъ деньгами, сборъ которыхъ приняли на себя (1). Захвативъ Москву, гетманъ хотѣлъ прибрать къ своимъ рукамъ стрѣльцовъ, потому-что на нихъ, какъ на постоянно-вооруженномъ войскѣ, должно было опереться народное возстаніе. Гетманъ довелъ дѣло до того, что по согласію бояръ, которые, видно, соглашались на все, начальство надъ стрѣльцами поручено было поляку Гонсѣвскому: стрѣльцы также легко согласились на это, ибо Жолкѣвскій обходительностію, подарками и угощеніями такъ привлекъ ихъ къ себѣ, что они готовы были исполнить все, чего бы онъ ни захотѣлъ: сами приходили къ нему и спрашивали, не подозрѣваетъ ли онъ кого въ измѣнѣ, вызываясь тотчасъ схватить виновнаго. Гетману удалось даже поладить и съ патріархомъ: сперва сносился онъ съ нимъ посредствомъ другихъ, а потомъ сталъ посѣщать и самъ и пріобрѣлъ его пріязнь (2).

Несмотря однако на всю ловкость гетмана, на все его стараніе поддержать дружелюбныя отношенія между своимъ войскомъ и гражданами, недовѣрчивость господствовала между ними. «Нѣсколько недѣль—говоритъ одинъ полякъ — очевидецъ (3), мы провели съ москвитянами во взаимной недовѣрчивости, съ дружбою на словахъ, съ камнемъ за пазухой; угощали другъ друга пирами, а мыслили иное. Мы наблюдали величайшую осторожность; стража день и ночь стояла у воротъ и на перекресткахъ. Для предупрежденія зла, по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, Гонсѣвскій разослалъ по городамъ 18,000 стрѣльцовъ, подъ предлогомъ охраненія этихъ мѣстъ отъ шведовъ, но собственно для нашей безопасности: этимъ способомъ мы ослабили силы непріятеля. Москвитяне уже скучали нами; не знали только, какъ сбыть насъ, и, умышляя ковъ, часто производили тревогу, — такъ-что по два, по три и по четыре раза въ день мы садились на коней и почти не разсѣдлывали ихъ.» — Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, осторожность, которую поляки считали своею обязанностію, еще болѣе оскорбляла москвитянъ, ибо во всѣхъ мѣрахъ ея они видѣли грозное, непріязненное положеніе, видѣли себя въ осадѣ, подъ пушками враговъ, пото-

(1) Маскѣвичъ, стр. 52, 55

(2) Рукоп. Жолкѣв., стр. 158, 159.

(3) Маскѣвичъ, стр. 53, 54.

му-что поляки завладѣли всѣмъ городскимъ нарядомъ (артиллеріею), завладѣли и казною царскою. Къ ней приставленъ былъ присланный отъ Сигизмунда и уже извѣстный намъ тушинецъ, купецъ Ѳедоръ Андроновъ.... Лѣтописецъ говоритъ объ Андроновѣ: «онъ же паипаче московскимъ людямъ пакость дѣяше» (1).

Итакъ, причинъ къ неудовольствію было достаточно; сюда присоединялся глухой, но основательный слухъ о злыхъ намѣреніяхъ короля, ибо что́ было такъ явно въ Польшѣ, то не могло быть тайно въ Москвѣ. Жолкѣвскій зналъ, что король не удовлетворитъ требованіямъ земскихъ пословъ, и потому спѣшилъ оставить Москву. Съ одной стороны, личнымъ присутствіемъ хотѣлъ онъ подкрѣпить своихъ единомышленниковъ, уговорить короля исполнить договоръ, какъ настаивалъ также и Левъ Сапѣга, канцлеръ литовскій, но противъ чего былъ Янъ Потоцкій, врагъ гетмана. Съ другой стороны, Жолкѣвскій спѣшилъ изъ Москвы для того, чтобы сохранить свою славу: противъ всякаго чаянія и необыкновеннымъ успѣхомъ окончилъ онъ походъ свой; но теперь, при упорствѣ Сигизмунда, дѣла грозили принять другой оборотъ. Гетманъ очень хорошо видѣлъ, что ему съ малочисленнымъ войскомъ не удержаться въ Москвѣ противъ возстанія неминуемаго, и потому объявилъ боярамъ о необходимости своего отъѣзда; тѣ упрашивали его остаться, чувствуя, что только личность гетмана отвращала непріязненное столкновеніе москвитянъ съ поляками; по-крайней-мѣрѣ просили его назначить по себѣ преемника достойнаго: Жолкѣвскій оставилъ имъ Гонсѣвскаго. Бояре провожали гетмана далеко за городъ, даже простой народъ обнаружилъ къ нему расположеніе, платя ласкою за ласку: когда онъ ѣхалъ по улицамъ, то жители забѣгали ему дорогу, желая счастливаго пути (2).

Что́ же дѣлалось въ это время въ смоленскомъ лагерѣ, гдѣ рѣшалась судьба двухъ государствъ? 7-го октября прибыли московскіе послы подъ Смоленскъ (3); ихъ приняли съ честію, отвели 14 шатровъ за версту отъ королевскаго стана; но продовольствіе было скудное; на жалобы пословъ отвѣчали, что король не въ своей землѣ, а на войнѣ, и самъ нуждается во многомъ. 10 числа была первая аудіенція; Левъ Сапѣга, именемъ королевскимъ, въ неопредѣленныхъ словахъ, отвѣчалъ, что Сигизмундъ хочетъ успокоенья Московскому государству и назначитъ время для переговоровъ. Переговоры начались: первое затрудненіе состояло въ отступленіи короля изъ-подъ Смоленска. Паны объявили, что королю нельзя отступить отъ Смо-

(1) Никон. VIII, стр. 147.

(2) Рукоп. Жолкѣв., стр. 164 и слѣд.

(3) Голикова, Допол. къ Дѣян. П. В. Т. II, стр. 37 и слѣд.

ленска и вывести войска изъ предѣловъ Московскаго государства, ибо онъ пришелъ съ тѣмъ, чтобъ утишить мятежи, истребить вора, очистить города, а потомъ дать сына своего на престолъ московскій. Послы возражали, что государство гораздо скорѣе успокоится, если король выведетъ изъ него свои войска; что для истребленія вора довольно одного отряда Жолкѣвскаго, ибо воръ силенъ теперь только польскими войсками; что походъ королевскій на вора разорить окончательно Московское государство, и безъ того уже опустошенное: послы заключили, что имъ странно даже и толковать объ этомъ, объ условіе объ отступленіи отъ Смоленска подтверждено клятвенною маномъ (въ договорѣ съ Валуевымъ и Елецкимъ при Царевѣ-Займищѣ; въ договорѣ же московскомъ сказано вообще объ очищ всѣхъ городовъ къ Московскому государству, и гетманъ обязал просить короля, чтобъ тотъ снялъ осаду Смоленска), и слѣд. объ этомъ и рѣчи быть не должно. Паны отвѣчали, что король не можетъ дать своего пятнадцатилѣтняго сына на престолъ московскій, но хочетъ самъ прежде итти на вора, послѣ чего поѣдетъ на сейм безъ согласія котораго не можетъ согласиться на желаніе москвитянъ. 17 октября былъ другой съѣздъ; паны повторили прежнее, только болѣе рѣзкимъ тономъ; этотъ тонъ выбрали они, вѣроятно, какъ средство отчаянное, ибо вся справедливость была на сторонѣ русскихъ пословъ; вотъ почему Голицыну было легко опровергнуть всѣ возраженія пановъ; наконецъ поляки принуждены были высказать свою потайную мысль: «Для чего — говорили они, — вы не оказали королю до сихъ поръ никакого почета, и раздѣляете сына съ отцемъ? зачѣмъ до сихъ поръ не отдадите королю Смоленска? вы бъ велѣли смолянамъ присягнуть королю и королевѣ вмѣстѣ, и тѣмъ бы оказали честь королю». Разумѣется, что на это отвѣчать было легко; послы спросили у поляковъ: «Когда вы избрали короля своего, а у него былъ отецъ въ Швеціи Яганъ король, то для чего вы раздѣлили отца съ сыномъ, сыну цаловали крестъ, а отцу не цаловали?» Паны возражали, что Яганъ король не приходилъ успокоивать ихъ государство, и заключали рѣчь свою такъ: «А не взявъ государю нашему Смоленска, прочь не отхаживать.» Желая уклониться отъ переговоровъ о Смоленскѣ и выполнить скорѣе главную статью наказа, послы настаивали, чтобъ теперь король исполнилъ договоръ, а послѣ сынъ его, царь московскій, снесется уже съ нимъ относительно Смоленска, если не получить этого города Сигизмундъ считаетъ для себя такимъ безчестьемъ. «Впрочемъ — прибавили послы — честь государская состоитъ въ непарушеніи даннаго слова, а король неоднократно объявлялъ, что

ь предпринялъ походъ не для овладѣнія городами.» Этимъ кончи-
ъ совѣщаніе.

20 октября былъ третій съѣздъ. Здѣсь паны откровенно объяви-
, что еслибъ король согласился отступить отъ Смоленска, то они,
ы и все рыцарство, на то не согласятся и скорѣе помрутъ, а вѣ-
чную свою отчину достанутъ. Послы въ отвѣтъ на это велѣли
гать дьяку гетманскій договоръ; поляки съ сердцемъ закричали:
е разъ вамъ говорено, что намъ до гетманской записи дѣла нѣтъ!»
смотря однако на это, они тотчасъ же начали толковать о возна-
гражденіяхъ королю и войску, упомянутыхъ въ гетманскомъ догово-
; послы отвѣчали, что странно будетъ платить опустошителямъ
ударства, и что объ этихъ вознагражденіяхъ царь Владиславъ
сется послѣ самъ съ отцемъ своимъ. Въ заключеніе послы про-
и пановъ донести королю, что до сихъ поръ всѣ разсужденія про-
одятъ не о главномъ предметѣ посольства, тогда-какъ они жела-
ь болѣе всего знать: дастъ ли король на царство сына своего, и
иметъ ли королевичъ православную вѣру греческаго закона? Паны
ялись донести объ этомъ Сигизмунду. 23 октября былъ четвер-
й съѣздъ. Паны объявили, что король жалуетъ своего сына, но
устить его не раньше сейма. Тутъ же паны прочли статьи, на ко-
ыя соглашается король: 1) Въ вѣрѣ и женитьбѣ королевича
енъ Богъ да онъ самъ. 2) Съ папою королевичъ о вѣрѣ ссылать-
не будетъ. 3) Плѣнныхъ выдать король велитъ. 4) О числѣ людей
королевичѣ и о ихъ наградѣ послы должны договориться съ са-
мъ Владиславомъ. 5) Касательно казни отступникамъ отъ право-
вія король соглашается съ статьею его наказа. Касательно же дру-
ъ статей будетъ рѣшеніе на сеймѣ. Насчетъ отступленія отъ Смо-
ска послѣдовалъ рѣшительный отказъ; паны заключили отвѣтъ
й такъ: «Какъ скоро Смоленскъ поддастся и присягнетъ коро-
, то его величество пойдетъ самъ на вора, истребитъ его и, успо-
въ государство, отправится со всѣмъ войскомъ и съ вами посла-
на сеймъ; на сеймѣ дастъ вамъ въ царя сына своего, съ кото-
мъ вы и поѣдете въ Москву». Въ этомъ отвѣтѣ обнаруживался
ъ планъ короля: взять Смоленскъ во что бы то ни стало, для Поль-
, дабы походъ совершенъ былъ съ пользою для послѣдней, дабы
кто не смѣлъ сказать на сеймѣ королю, что онъ потратилъ
ьскихъ людей и деньги единственно для достиженія своихъ
лей; потомъ, подъ видомъ истребленія вора, вступить далѣе
московскія области, тогда-какъ русскіе измѣнники, подкрѣп-
емые отрядомъ Гонсѣвскаго, будутъ стараться привести Москву и
гіе города къ присягѣ на имя короля, а не Владислава; какъ бы
предпріятіе ни кончилось, удачно или неудачно, Смоленскъ оста-

вался за королемъ, который былъ такимъ образомъ оправданъ пр
рѣчью посполитою. — Послы не могли не проникнуть въ корол
скія намѣренія, и потому отвѣчали, что взять Смоленскъ, итти
вора, успокоить государство, итти на сеймъ,—все это требуетъ
гаго времени, тогда-какъ для Московскаго государства дорога
перь каждая минута, и медленность королевская, породивъ сомн
произведетъ смуту; почему они, послы, просятъ пановъ отвра
короля отъ такого несчастнаго намѣренія и настоять на выполн
гетманскаго договора; просили также позволенія обослаться съ
ланами, съ которыми до сихъ поръ запрещено было имъ сно
ся. — Я не стану описывать здѣсь спора, который имѣлъ мѣсто
жду митрополитомъ Филаретомъ и канцлеромъ Львомъ Сапѣгою
томъ, нужно ли Владиславу принять греческую вѣру; споръ кончи
ничѣмъ, ибо противники остались при своихъ мнѣніяхъ; но дол
упомянуть о заключительныхъ словахъ Филарета, который при
нилъ Сапѣгѣ недавнюю старину: «А тебѣ Льву Ивановичу и бол
всѣхъ надобно о томъ радѣть, чтобъ государь нашъ король
Владиславъ Жигимонтовичъ былъ въ нашей православной вѣрѣ
ческаго закона, потому-что дѣдъ твой и отецъ, да и ты самъ и
вашего рода многіе были въ нашей православной вѣрѣ, и всѣ
какимъ обычаемъ ты съ нами нынѣ поразрознился, и тебѣ и
шей вѣрѣ пригоже поборать.» — 26 октября имѣлъ мѣсто в
съѣздъ. Паны, желая испугать пословъ и показать имъ необ
мость подчиниться волѣ Сигизмунда, увѣдомили ихъ объ усп
шведовъ на сѣверо-западѣ и объ усиленіи Самозванца. Послы
чали, что они сомнѣваются въ истинѣ этихъ извѣстій, ибо и
сквы къ нимъ объ этомъ не пишутъ; что же касается, впроч
усиленія Самозванца, то отъ короля зависитъ положить конец
му усиленію: пусть онъ только утвердитъ договоръ гетманскі
ла послы напишутъ во всѣ города о пріѣздѣ королевича, весь
обрадуется и отстанетъ отъ вора; въ противномъ же случаѣ
мѣется, народъ придетъ въ сомнѣніе, все начатое рушится и
хуже прежняго. Извѣстно, что ничто не можетъ такъ разд
какъ справедливое возраженіе на требованія, которыхъ несп
вость сознаютъ сами требующіе; извѣстно также, что въ-се
люди скорѣе проговариваются; такъ и паны, раздраженные
стію пословъ, отвѣчали, что извѣстія, ими принесенныя, спр
вы, и что послы сами не знаютъ, чего хотятъ, ибо, если бы и
захотѣлъ пойти въ свое государство, то воины его, какъ люд
ные, не послушаются — прекрасное ручательство для посл
твердости обязательствъ королевскихъ! Паны кричали им
«Вы пришли не съ указомъ, а къ указу, и не отъ государя

емъ, а отъ Москвы къ государю нашему, и что вамъ го-
ь укажетъ, то и дѣлайте.» — Послы отвѣчали, что ука-
олю они не могутъ; но какъ имъ приказано отъ патріарха,
хъ людей Московскаго государства, такъ они и дѣлаютъ,
юсятъ позволенія отписать обо всемъ временному прави-
въ дальнѣйшаго наказа отъ котораго они ни на что со-
е могутъ. — Паны настаивали на полномочіе пословъ,
ли имъ? «Чего бы вамъ стоило поклониться его величе-
ском, которымъ овладѣть король хочетъ не для себя, а
своего! Сигизмундъ оставитъ послѣ себя сыну не толь-
ъ, но и Польшу и Литву; тогда Польша, Литва и Русь
единo.» — Послы отвѣчали рѣшительно, что ни теперь,
сеймѣ, никогда не согласятся они уступить Польшѣ хо-
кой-нибудь городъ, что о присягѣ на имя королевское
ѣтъ въ наказѣ, но и въ мысляхъ о томъ у всего народа
было. Въ заключеніе послы жаловались, что дворяне, съ
ившіе, умираютъ съ голоду, да и сами они, послы, тер-
ую нужду, а лошади ихъ всѣ погибли отъ недостатка въ
то паны отвѣчали: «всему злу вы сами причиною; ког-
ли вы королевскую волю, то и вамъ и всѣмъ дворянамъ
лобъ всего довольно.»

емя, какъ князь Василій Голицынъ съ товарищами такъ
ли за честь и выгоды Московскаго государства, соперъ
ына, сверженный царь Василій Ивановичъ Шуйскій въ
аз обнаружилъ свою крѣпкую волю.... Когда Жол-
везъ его къ Сигизмунду, то Василій и тутъ не отказался
еличія, и тутъ хотѣлъ оставаться царемъ московскимъ:
лонился королю, сказавъ, что государю московскому
кланяться польскому королю (1). По взятіи Смо-
йскіе были съ тріумфомъ введены въ Варшаву, гдѣ
о вторичное представленіе ихъ Сигизмунду; польскіе
ворятъ, что при этомъ случаѣ Василій кланялся королю,
у до земли; но они же и противорѣчатъ своему извѣстію,
силія въ *крутомъ упорствѣ*: эти слова показываютъ,
й до конца не переставалъ считать себя царемъ. Васи-
2 сентября 1612 года; мы не станемъ, вмѣстѣ съ лѣто-
винять польское правительство въ ускореніи его кончи-
знь его была нужнѣе для Польши, чѣмъ смерть. Что же
братьевъ Василія, то Дмитрій умеръ въ Польшѣ, Иванъ
въ Москву, вмѣстѣ съ Филаретомъ Никитичемъ, слу-

[illegible]

[illegible] Послы обрадовались [illegible] приметъ ихъ сторону, но [illegible] Паны начали прежнимъ, требуя о[illegible] [illegible] цаловать крестъ Сигиз[illegible] [illegible] му, что безъ согласія всей [illegible] мъ напоминали гетману объ его [illegible] въ договорѣ не написано, чтобъ [illegible] Смоленска въ Польшу: я обѣщалъ просить к[illegible] [illegible] пальбу по городу, и не чинилъ ему [illegible] [illegible], — и сдержалъ обѣщаніе; а предписать этого своему [illegible]

[illegible] Вѣстникъ. 1847. № 1.
[illegible] Историч. II. № 340.

не могъ. Что же касается до моего обѣщанія промышлять на ъ
ъ, то оно не исполнено потому, что сами бояре-правители при-
ли ко мнѣ въ станъ и просили меня войти въ Москву, боясь измѣ-
ерныхъ людей; а потомъ у меня съ боярами многія договорныя
ы были измѣнены, въ истинѣ чего засвидѣтельствуютъ вамъ
овскіе дворяне, Иванъ Измайловъ съ товарищами, пріѣхавшіе
ною бить челомъ королю о помѣстьяхъ; они вамъ разскажутъ,
со мною въ Москвѣ бояре дѣлали и совѣтовали. И вы бы здѣсь,
съ примѣру, поступили съ панами радою, къ чести королев-
и къ вашей пользѣ. Я знаю свой договоръ, чтобъ по Смолен-
не стрѣлять и тѣсноты ему не дѣлать, — и договоръ исполненъ;
же касается до требованія пановъ, чтобъ для чести королевской
съ сыномъ не раздѣлять, то это требованіе справедливо, и мы
есть государя готовы умереть. «Послы въ отвѣтъ напомнили
о записи, данной князю Елецкому и Валуеву при Царевѣ Займи-
въ которой именно сказано, что король тотчасъ отступитъ отъ
ленска, какъ-скоро его жители присягнутъ Владиславу. Касатель-
ремѣны договорныхъ статей между гетманомъ и боярами послы
али, что отъ бояръ объ этомъ они письма не получали, Ивану
змайлову и ему подобнымъ, которые пріѣхали къ королю про-
помѣстій, вѣрить не будутъ: въ договорѣ есть статья — сказали
ы — что и при государѣ королевичѣ польскимъ и литовскимъ лю-
въ приказахъ не быть и не владѣть, а теперь и до государева
хода помѣстья и вотчины даютъ. Мы упоминаемъ объ этомъ для
о — заключали послы — чтобъ не вышло въ людяхъ сомнѣнья и
али. Сапѣга отвѣчалъ на это: «Комужь ихъ до прихода королевича
аловать, какъ не его величеству?» Тутъ же послы изъ устъ Са-
получили извѣстіе, что Мстиславскій принялъ отъ короля званіе
шаго, Юрій Никитичъ Трубецкой — боярство. При концѣ совѣ-
нія, послы велѣли прочесть дьяку Луговскому запись Жолкѣв-
го, данную Елецкому и Валуеву; но какъ скоро Луговской началъ
ніе, то Сапѣга закричалъ на него: «Вамъ давно запрещено упо-
нать объ этой записи; вы хотите ею только позорить пана гетма-
если упомянете въ другой разъ объ ней, то вамъ худо будетъ».
говской не утерпѣлъ, и закричалъ въ свою очередь гетману:
оть убейте, а я буду говорить правду; вы эту запись ставите ни
что, а мы и теперь и впредь будемъ ею защищаться». Жолкѣв-
й вступился въ дѣло и сказалъ: «Я готовъ присягнуть, что нын-
не помню, что́ написано въ этой записи; писали ее русскіе лю-
бывшіе со мною, и ко мнѣ поднесли; я не читавши приложилъ
ъ; и потому лучше оставимъ эту запись, а будемъ говорить
одной московской, которую и король утверждаетъ». Другіе па-

ны прибавили, что если послы не велятъ смолянамъ цаловать крестъ Сигизмунду, то присяга гетмана этимъ самымъ уничтожается, и городъ будетъ взятъ приступомъ, при чемъ въ немъ не останется и камня на камнѣ. Послы просили позволенія отправить гонца въ Москву съ требованіемъ новаго наказа; гетманъ, тронутый сильными представленіями Филарета и Голицына, обѣщалъ имъ исходатайствовать у короля, чтобъ до возвращенія гонца приступа къ Смоленску не было. На другой день послы отправились къ Жолкѣвскому опять уговаривать его попомнить свою душу и не допускать до взятія Смоленска; на этотъ разъ гетманъ предложилъ имъ впустить въ Смоленскъ королевскія войска, какъ впущены они были въ Минскъ, и тогда, по его словамъ, *быть можетъ*, король и не велитъ смолянамъ цаловать на свое имя крестъ. Послы, разумѣется, не согласились на такое безстыдное предложеніе и настаивали на отсылку гонца въ Москву. Гетманъ обѣщалъ и на другой день объявилъ, что король соглашается на отсылку гонца, но опять съ тѣмъ, чтобъ прежде было впущено въ Смоленскъ польское войско; послы отказали въ другой разъ и опять просили о гонцѣ. На другой день гетманъ объявилъ о согласіи короля на отсылку гонца съ тѣмъ, чтобъ тотъ возвратился не позже двухъ недѣль: послы успокоились. Но 18 ноября ихъ позвали къ гетмачу, и здѣсь Сапѣга объявилъ о необходимости ввести польское войско въ Смоленскъ, потому-что Шеинъ ссылается съ воромъ; послы отказали, отговариваясь постоянно неимѣніемъ наказа изъ Москвы; паны отвѣчали, что его величество не намѣренъ дожидаться изъ Москвы указу: «не Москва государю нашему указъ, государь нашъ Москвѣ указъ, и король, не взявши Смоленска и не введя въ него своей рати, прочь не пойдетъ. Вы имѣете полное право — продолжали паны — согласиться на королевское требованіе, и если на васъ за то будутъ въ Москвѣ пенять, то вы можете сослаться на примѣръ самой же Москвы: въ Москвѣ впустили польское войско въ городъ, и вы впустили его въ Смоленскъ». Въ заключеніе грозили немедленнымъ приступомъ. Послы отвѣчали что исполненіе этой угрозы повредитъ совершенно дѣлу королевича и усилитъ сторону вора: притомъ же, еслибъ они, послы, и отправили отъ себя приказъ Шеину сдать городъ, то воевода не послушается до тѣхъ поръ, пока не будетъ прислана грамота изъ Москвы. Поляки ни на что не согласились и окончили совѣщаніе угрозами. 20 ноября гетманъ призвалъ къ себѣ одного дьяка Томилу Луговского, который, по своему энергическому характеру, имѣлъ сильное вліяніе въ посольствѣ. Жолкѣвскій представлялъ ему, что упорство пословъ будетъ имѣть слѣдствіемъ гибель Смоленска; но Луговской, съ своей стороны, представлялъ гибельныя и постыдныя

слѣдствія нарушенія договора, — и дѣло опять кончилось ничѣмъ. 21 ноября былъ приступъ къ городу; но поляки трижды были отбиты осажденными. 29 ноября и 2 декабря были опять съѣзды. На второмъ изъ нихъ поляки уступили посламъ, согласились на отсылку гонца въ Москву, но требовали, чтобъ они не писали туда ничего лишняго; потому-что поляки съ помощію русскихъ измѣнниковъ дознались о грамотахъ, отправляемыхъ тайно въ Москву послами: въ этихъ грамотахъ послы уговаривали русскихъ людей не позорить себя и не ѣздить къ Сигизмунду съ челобитьями о помѣстьяхъ и о великихъ дѣлахъ. Послы отвѣчали прямо и благородно: «Мы рады, что вы знаете наши мысли изъ тѣхъ писемъ; да, мы писали, чтобъ не было челобитій о помѣстьяхъ, потому-что это можетъ весь народъ привести въ сомнѣніе». 4 Декабря дали знать посламъ, чтобъ они отправили отъ себя гонца въ Москву, и что король съ нимъ вмѣстѣ отправляетъ туда же собственнаго коморника, пана Исаковскаго. Оба дѣйствительно выѣхали 4 числа.

Успокоивъ главныхъ пословъ отправленіемъ гонца, поляки начали дѣйствовать на второстепенныхъ и преклонять ихъ на свою сторону, при чемъ не жалѣли никакихъ обѣщаній. Эти обѣщанія, соединенныя съ нуждою, какую претерпѣвали члены посольства зимою въ лагерѣ, подѣйствовали на многихъ; скоро Филаретъ и Голицынъ узнали, что думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Сыдавный Васильевъ, спасскій архимандритъ Евфимій, троицкой келарь Аврамій Палицынъ и другіе передались полякамъ, получили отъ короля грамоты на помѣстья и разныя награды и вмѣстѣ съ тѣмъ отпускъ домой. Надобно думать, что нѣкоторые изъ этихъ людей прельстились не столько наградами, сколько позволеніемъ уѣхать домой; они могли оправдываться въ собственныхъ глазахъ тѣмъ, что, возвратясь въ отечество, будутъ съ бо́льшею пользою дѣйствовать противъ польскихъ замысловъ. Какъ бы то ни было, однако поступокъ этихъ людей, суди строго, былъ явною измѣною, нарушеніемъ долга: вся земля поручила имъ великое дѣло — и они постыдно бросили его; какъ бы то ни было, рѣшиться на подобный поступокъ могли только люди слабые духомъ. Тѣмъ выше является поведеніе дьяка Луговского, который выкупилъ грѣхъ своихъ собратій — Сыдавнаго и Грамотина. Канцлеръ Сапѣга позвалъ Луговского къ себѣ подъ предлогомъ нужнаго дѣла; Томила отправился, и первые, кто попались ему на встрѣчу въ жилищѣ канцлера, были Сукинъ и Сыдавный, наряженные въ богатое платье. Сапѣга велѣлъ ихъ къ королю и приказалъ Луговскому немного подождать: «Я сейчасъ возвращусь; только представлю этихъ господъ и другихъ дворянъ на отпускную аудіенцію, потому-что Сукинъ старъ, а прочіе, живя здѣсь, про-

ѣлись». Луговской не вытерпѣлъ, и остановя канцлера, сказалъ ему: «Левъ Иванычъ! неслыхано нигдѣ, чтобъ послы такъ дѣлывали, какъ теперь Сукинъ и Сыдавный дѣлаютъ: покинувъ государево и земское дѣло и товарищей своихъ, ѣдутъ къ Москвѣ! Кинмъ посмотрѣть на чудотворный образъ Богородицы, отъ котораго отпущены! хотя бы Сукинъ и въ-самомъ-дѣлѣ былъ боленъ, то лучше бы ему умереть здѣсь, чѣмъ отъѣхать; если же ихъ отпускаютъ потому, что они проѣлись, то и насъ всѣхъ пора давно отпустить. Объявляю тебѣ, Левъ Иванычъ! что какъ скоро они Москву пріѣдутъ, то во всѣхъ городахъ будетъ недоумѣнье, шатость и шатость большая; да и митрополиту съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ впередъ ничего нельзя будетъ дѣлать». Сапѣга отвѣчалъ на этотъ разъ открыто, что послы состоятъ въ волѣ государя, что Сукинъ и Сыдавный отпущены по ихъ челобитью, что въ Москвѣ отъ ихъ пріѣзда нельзя ожидать ничего дурного, потому-что они вѣрные слуги королевскіе, и другіе, на нихъ глядя, захотятъ также служить королю, и государь ихъ также пожалуетъ своимъ великимъ жалованьемъ, а кто захочетъ, то и въ Москву укажетъ отпустить. Луговской отвѣчалъ: «Надобно того у Бога и у Жигимонта короля просить, чтобъ кровь христіянская литься перестала и государство успокоилось; а присланы мы къ королевскому величеству не о себѣ промышлять и бить челомъ, но о всемъ Московскомъ государствѣ». Когда Сапѣга возвратился отъ короля, то взялъ Луговского въ особую комнату и началъ уговаривать его, чтобъ былъ вмѣстѣ съ Сукинымъ подъ Смоленскъ склонять гражданъ къ присягѣ на имя короля или, по-крайней-мѣрѣ, ко впущенію въ городъ польскихъ войскъ. Луговской отвѣчалъ, что ему нельзя этого сдѣлать, что онъ не хочетъ навести на себя вѣчную клятву: «Не только Господь Богъ и люди Московскаго государства меня не потерпятъ, но и земля меня не понесетъ. Я присланъ отъ Московскаго государства въ челобитчикахъ, и вы хотите, чтобъ я первый положилъ соблазнъ въ людяхъ; лучше мнѣ, по Христову слову, навязать на себя камень и ввергнуться въ море, чѣмъ рѣшиться на такой соблазнъ».

Луговской, возвратясь отъ Сапѣги, пересказалъ старшимъ посламъ всѣ улещенія послѣдняго. Тогда митрополитъ и князь призвали къ себѣ отъѣзжиковъ и умоляли ихъ помнить Бога и свои души, и не покидать великаго дѣла; тѣ отвѣчали: «Послалъ насъ король съ грамотами къ Москвѣ для своего государскаго дѣла, то какъ намъ не ѣхать?» Ловкій келарь Аврамій Палицынъ остался вѣренъ своему характеру и здѣсь: онъ не хотѣлъ видѣться съ митрополитомъ, сказался больнымъ и тайно уѣхалъ вмѣстѣ съ другими духовными лицами и многими дѣтьми боярскими. А Захаръ Лапуновъ?

и тотъ остался вѣренъ своему характеру; онъ не поѣхалъ и въ Можву; ему пришлась по природѣ разгульная жизнь поляковъ; онъ остался въ королевскомъ лагерѣ, и потѣшалъ пановъ своими нашѣшками надъ московскими послами (1). Послѣдніе протестовали противъ отъѣзда упомянутыхъ лицъ, но напрасно; они представляли, что пріѣздъ ихъ въ Москву произведетъ смуту и сомнѣнье и всему дѣлу поруху. Но Москвѣ и безъ того уже было много смутъ и сомнѣнья, и дѣло рушилось; народъ вставалъ, почуявъ измѣну: измѣна была видимая.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

---

(1) См. челобитную его Сигизмунду о вотчинѣ, Акты Истор. II. № 311, III.

ВЫСТАВКА

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

ОКТЯБРЬ, 1849.

Осень, и особенно октябрь мѣсяцъ — самое артистическое в
мя для жителей Петербурга. Театры снова оживаютъ: являе
граціозная, вѣчноюная Фанни Эльслеръ, окруженная воздушны
роемъ танцовщицъ; съѣзжаются со всѣхъ сторонъ міра тенор
баритоны, и, подъ обаятельнымъ вліяніемъ музыки и пластичес
красоты, вы снова переноситесь въ другой, фантастическій мір
отдыхаете на-время отъ мелочныхъ заботъ. Нынѣшній годъ
богаче предъидущихъ артистическими впечатлѣніями: русская сц
оживилась посѣщеніемъ кратковременнаго, но тѣмъ болѣе дорог
гостя, и открылась большая, т. е. трехгодичная художествен
выставка.

Цѣлыя двѣ недѣли, въ теченіи которыхъ была открыта выста
въ залахъ Академіи Художествъ толпилось множество посѣтите
Васильевскій островъ совершенно измѣнилъ свой патріархаль
образъ жизни. Во время выставки здѣсь все оживаетъ. Даже огр
ные сфинксы, которые величественно покоятся на невской набе
жной, принимаютъ какую-то необыкновенную, праздничную
зіономію. Великолѣпные экипажи съ крикомъ форрейтор
несутся по направленію къ Академіи. Полновѣсныя маменьки
толпою румяныхъ дочекъ, считающихъ непремѣнною обязанност
[illegible]аться при каждомъ удобномъ случаѣ, вылѣзаютъ изъ кар

при помощи дюжаго лакея. Пѣшеходы со всѣхъ сторонъ, не исключая даже и Петербургской, тянутся въ Академію безконечною вереницею. Сюда же спѣшитъ чиновникъ, удосужившійся, полюбоваться «картинками». Здѣсь же вы встрѣтите нѣсколько особъ, имѣющихъ претензію на званіе любителя и особенно знатока, отличающихся важностью выраженія въ лицѣ и взглядомъ Юпитера Олимпійскаго. Эти громовержцы страшнѣе всего для художниковъ: ни одинъ не уйдетъ отъ ихъ непогрѣшительнаго приговора! Но за такія нелестныя сужденія художники постоянно бываютъ вознаграждены восторгами прекраснаго пола, имѣющаго похвальное обыкновеніе видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ, даже картины, въ которыхъ его вовсе нѣтъ. *Charmant! délicieux!* и другія такъ много выражающія восклицанія слышатся передъ каждою картиною, во всѣхъ углахъ Академіи, — способъ спокойный и общеупотребительный, потому-что избавляетъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и объясненій, до которыхъ въ дѣлѣ искусствъ охотниковъ немного.

Что́ за искусство-любивый городъ Петербургъ! невольно скажете вы, освобождаясь изъ наполненныхъ посѣтителями академическихъ залъ, въ которыхъ вамъ порядочно понатолкали бока. Но позвольте разочаровать васъ, любезный читатель, въ этомъ мнѣніи о Петербургѣ. Онъ преимущественно городъ дѣловой, офиціяльный, и искусства онъ любитъ только по обязанности. Много ли изъ вашихъ знакомыхъ, напримѣръ, такихъ, которые пошли бы на выставку по собственному влеченію? Бо́льшая часть идетъ, потому-что слѣдуетъ итти. Нельзя же въ наше время образованному человѣку не слѣдить за всѣмъ, что́ касается наукъ и художествъ. Доказательствомъ этой холодности можетъ служить то, что Эрмитажъ и Академія въ другое время совершенно пусты, несмотря на то, что входъ въ нихъ всегда дозволенъ. Художественная лоттерея, объявленная года три тому назадъ, до сихъ поръ не могла состояться, потому-что въ теченіи трехъ лѣтъ не успѣли разобрать всѣхъ билетовъ. Между тѣмъ билеты въ другую лоттерею разбираются въ теченіи одного дня. На лошадиныхъ скачкахъ, бѣгахъ и гуляньяхъ всякаго рода бываетъ народу гораздо болѣе, чѣмъ въ Академіи Художествъ, — гдѣ же послѣ всего этого безпрестанно выхваляемая эстетичность петербургскихъ жителей?

Безспорно, выставка имѣетъ нѣкоторое, по-крайней-мѣрѣ временное, вліяніе на вкусъ петербургцевъ. Разговоры объ искусствѣ не умолкаютъ въ теченіи нѣкотораго времени. Изъ этихъ разговоровъ иной, можетъ быть, и вынесетъ что-нибудь для себя полезное. И не въ одной Академіи идутъ толки объ изящномъ. Даже неистощимый и безконечной разговоръ о картахъ замѣняется на-время

Сорокиныхъ. Программа г. Крюкова, ученика профессора Ѳ. А. Бруни, изображаетъ *Геркулеса, бросающаго юнаго Ликаса въ море*. Разгнѣванный Геркулесъ схватилъ за ногу несчастнаго Ликаса, который бьется въ могучихъ рукахъ Геркулеса. Еще минута, и онъ полетитъ въ море. Несмотря на трудности подобнаго сюжета, потому-что фигуры изображены нагими, при чемъ не забытъ малѣйшій мускулъ, онѣ исполнены превосходно, и художникъ съумѣлъ быть самостоятельнымъ при довольно частомъ исполненіи другими этого сюжета. Картина эта доставила г. Крюкову вторую золотую медаль. Программа г. Павла Сорокина (младшаго), ученика профессора А. Т. Маркова, изображаетъ тоже самое. Если г. Крюковъ превзошелъ г. Сорокина въ смѣлости, съ которою онъ поставилъ Геркулеса, то г. Сорокинъ не уступитъ ему въ сочиненіи фигуры Ликаса. Трепещущій, онъ въ ужасѣ схватился за прозрачную ткань, волнуемую вѣтромъ, и надѣется за нее удержаться. Эти подробности, повидимому неважныя, составляютъ большое достоинство въ сочиненіи картины.

Картина г. *Евграфа Сорокина* (старшаго), ученика профессора А. Т. Маркова, изображаетъ русскаго богатыря Яна Усмовича, удерживающаго разъяреннаго быка. На первомъ планѣ представленъ бѣгущій быкъ, котораго разъярили красною тканью. Янъ Усмовичъ вырываетъ у него изъ боку кусокъ мяса. Въ отдаленіи стоитъ великій князь Владиміръ, окруженный свитою, а еще далѣе народъ, любующійся этою сценою. Разсматривая эту картину, невольно вспоминаешь старинную картину Угрюмова, того же содержанія. Посѣтители выставки, вѣроятно, ее замѣтили: она виситъ въ первой комнатѣ у самаго входа, надъ архитектурными рисунками учениковъ. Взглянувши на эту картину, яснѣе видишь недостатокъ картины г. Сорокина, въ которой впрочемъ, болѣе достоинствъ, чѣмъ недостатковъ. На картинѣ г. Сорокина великій князь со свитою и народъ поставлены на такомъ далекомъ разстояніи, что они никакъ не могли бы видѣть дѣйствія. Богатырь и быкъ должны казаться великому князю со свитою и народу такими же маленькими, какимъ кажется намъ народъ. А можно ли что-нибудь видѣть на такомъ разстояніи? Отъ этой несообразности теряетъ и сама картина, потому-что на ней пустое пространство между зрителями и сценой дѣйствія слишкомъ велико. Въ картинѣ Угрюмова этого недостатка нѣтъ: тамъ зрители стоятъ у самой сцены, на разстояніи трехъ или четырехъ саженъ отъ дѣйствія, такъ-что даже видны ихъ лица. Другую несообразность картины г. Сорокина составляетъ то, что изгородь, окружающая сцену, слишкомъ тонка, и не могла бы устоять отъ напора разъяреннаго животнаго. Что касается до фигуры Яна Усмовича, то въ

ей мало выраженія и еще меньше напряженія; голова сравнительно съ туловищемъ нѣсколько мала и лѣвая нога вывернута ненатурально. Зато быкъ превосходенъ, особенно если принять въ соображеніе то, что г. Сорокинъ, какъ живописецъ историческій, не могъ посвятить много времени на изученіе животныхъ. При этомъ значительную трудность составило и то, что быкъ написанъ почти въ настоящую величину и въ такомъ положеніи, для изображенія котораго можетъ болѣе всего помочь не натура, а воображеніе живописца. Г. Сорокинъ за эту картину удостоенъ первой золотой медали.

Художникъ *Баскаковъ* выставилъ картину, изображающую Самсона и Далилу. Картина представляетъ филистимлянъ, схватывающихъ обезсилѣвшаго Самсона, у котораго Далила только-что обрѣзала волосы. Удаляясь, она ихъ показываетъ проснувшемуся Самсону. Фигуры хороши, но въ нихъ не мѣшало бы больше жизни и меньше спокойствія. Вѣроятно, многіе посѣтители выставки помнятъ выставленную въ 1847 г. картину г. Баскакова, изображающую старика, который пишетъ письмо деревенской дѣвушкѣ. Картина эта оставила въ насъ пріятное впечатлѣніе. Нельзя не замѣтить, что съ тѣхъ поръ художникъ сдѣлалъ достаточные успѣхи.

Картины художника *Чумакова*, который пріобрѣлъ себѣ извѣстность весьма удачными портретами старухъ, представляютъ противоположность достоинствъ и недостатковъ. Тѣ и другіе разительнѣе всего въ картинѣ, которая называется *антикварій*. Картина изображаетъ старика, который держитъ въ рукѣ древнюю монету. Передъ нимъ стоитъ молодая дѣвушка, вѣроятно, принесшая эту монету. По вниманію, съ которымъ старикъ смотритъ на дѣвушку, и по выраженію его лица никакъ нельзя въ немъ предполагать охотника до древностей. Сморщенное, худое лицо старика художникъ изобразилъ прекрасно. Ни одна морщина на лицѣ не укрылась отъ его кисти; всѣ онѣ перешли на полотно. Въ этой способности воспроизводить съ необыкновенною точностію лица стариковъ и старухъ заключается особенность таланта г. Чумакова. Тупыя, безжизненныя, онѣ поражаютъ васъ своею безъукоризненною вѣрностью природѣ. Но рядомъ съ этими талантливыми произведеніями г. Чумакова *являются* такія, съ которыми его кисть никакъ не можетъ до сихъ поръ справиться: это лица молодыхъ дѣвушекъ. Насмотрѣвшись вдоволь на его антикварія, вы переходите взглядомъ на стоящую возлѣ него дѣвушку. Странный, невѣрный тонъ ея лица поражаетъ всякаго. Возлѣ свѣжаго румянца взялась откуда-то зеленая краска, совершенно неумѣстная въ настоящемъ случаѣ. Недостатокъ поразительный въ *портретѣ дѣвочки*, это какой-то лиловый ненатуральный тонъ ея лица. Другой *женскій портретъ* его же работы уже не имѣетъ въ

Сорокиныхъ. Программа г. Крюкова, ученика профес
ни, изображаетъ *Геркулеса*, *бросающаго юнаго Ликас*
гнѣванный Геркулесъ схватилъ за ногу несчастнаго
рый бьется въ могучихъ рукахъ Геркулеса. Еще ни
летитъ въ море. Несмотря на трудности подобнаго с
что фигуры изображены нагими, при чемъ не забы
скулъ, онѣ исполнены превосходно, и художникъ съу
стоятельнымъ при довольно частомъ исполненіи др
жета. Картина эта доставила г. Крюкову вторую
Программа г. Павла Сорокина (младшаго), ученик
Т. Маркова, изображаетъ тоже самое. Если г. Крюк
г. Сорокина въ смѣлости, съ которою онъ постави
г. Сорокинъ не уступитъ ему въ сочиненіи фигуры
щущій, онъ въ ужасѣ схватился за прозрачную т
вѣтромъ, и надѣется за нее удержаться. Эти подроб
му неважныя, составляютъ большое достоинство в
тины.

Картина г. *Евграфа Сорокина* (старшаго), уче
А. Т. Маркова, изображаетъ русскаго богатыря Ян
живающаго разъяреннаго быка. На первомъ пла
бѣгущій быкъ, котораго разъярили красною ткань
вырываетъ у него изъ боку кусокъ мяса. Въ отда
ликій князь Владиміръ, окруженный свитою, а е
любующійся этою сценою. Разсматривая эту карти
минаешь старинную картину Угрюмова, того же с
тители выставки, вѣроятно, ее замѣтили: она виси
натѣ у самаго входа, надъ архитектурными рису
Взглянувши на эту картину, яснѣе видишь недоста
Сорокина, въ которой впрочемъ, болѣе достоинств
ковъ. На картинѣ г. Сорокина великій князь со св
ставлены на такомъ далекомъ разстояніи, что они
бы видѣть дѣйствія. Богатырь и быкъ должны
князю со свитою и народу такими же маленькими
намъ народъ. А можно ли что-нибудь видѣть по
Отъ этой несообразности теряетъ и сама картина
пустое пространство между зрителями
велико. Въ картинѣ Угрюмова этого
стоятъ у самой сцены, на раст
отъ дѣйствія, такъ-что
ность картины г. Сор
щая сцену, слишком
яреннаго животнаг

себѣ по произволу тотъ или другой геній, даже если и постигнетъ его совершенно. Кромѣ недостатка самостоятельности есть еще другая причина, по которой германскіе художники не могутъ занять мѣсто въ ряду мастеровъ истинно оригинальныхъ. Это — ничѣмъ неоправдываемая теорія. Германскіе художники думаютъ, что въ сюжетахъ высшей сферы должна преобладать господствующая мысль, и что достоинство содержанія не зависитъ отъ достоинства формы и подробностей. Между тѣмъ главная задача искусства не содержаніе, а выполненіе, не мысль, но ея осуществленіе. Съ другой стороны разительную противоположность этому составляетъ та тщательная отдѣлка подробностей, та мелочность, которая составляетъ отличительную принадлежность нѣмцевъ какъ къ дѣйствительной жизни, такъ въ наукѣ и искусствѣ.

Отличительныя качества германской живописной школы — это безжизненность и сухость колорита, отсутствіе воздуха и полутѣней, жосткость, изъисканность, натянутость и часто неправильность въ рисункѣ. Въ произведеніяхъ этой школы нѣтъ того пламеннаго движенія мысли, которое смѣло передавало бы полотну все задуманное живописцемъ. Не поддаваясь безпокойнымъ внушеніямъ мысли, германскіе художники не выходятъ изъ проложенной разъ навсегда колеи. Открытія въ искусствѣ и новость взгляда, составляющія принадлежность натуръ, одаренныхъ талантомъ творчества, суть качества, которыхъ не водится за германскими живописцами. Они бо́льшею частію все дѣлаютъ сухо, вяло, расчитываютъ по строго составленному плану, надъ которымъ нѣсколько безсонныхъ ночей надумывается бѣдный труженикъ, и отъ котораго отступить считаетъ уже преступленіемъ. Вообще, всякая мысль, требующая осязательнаго выраженія или приложенія къ дѣйствительности, не дается германцамъ. Но возьмите эту мысль безъ приложенія, какъ она есть, или передайте его фантазію какъ можно менѣе осязательнымъ, неуловимымъ образомъ, творчество германца явится во всемъ могуществѣ. Вотъ причина, почему музыка, менѣе всего стѣсненная для ея выраженія и вовсе нетребующая осязательныхъ формъ, сдѣлала у германцевъ такіе огромные успѣхи. Однакожь, въ числѣ нынѣшнихъ художниковъ Германіи есть нѣсколько людей самостоятельныхъ и съ большимъ талантомъ, которые смѣются надъ предразсудками и бездарностью своихъ соотечественниковъ. Изъ числа такихъ укажемъ на *Риделя*, нѣкоторыя картины котораго есть даже въ Петербургѣ.

Гравюры, по которымъ читатели могутъ судить о произведеніяхъ германскихъ художниковъ, много говорятъ въ ихъ пользу: онѣ смягчаютъ слабыя стороны картинъ, а иногда совершенно

скрываютъ ихъ недостатки. Гравюра можетъ передать только сочиненіе картины и рисунокъ со всѣми подробностями; но колоритъ, играющій въ живописи весьма важную роль, на гравюрахъ недоступенъ. Кромѣ того, гравировка сдѣлала болѣе успѣховъ, чѣмъ живопись въ Германіи, и потому искусство гравера скрываетъ недостатки живописца.

Диттенбергеръ, произведеніе котораго находится на выставкѣ, принадлежитъ къ извѣстнымъ германскимъ живописцамъ, и потому картина его, хотя написанная девять лѣтъ тому назадъ (въ 1840 году), можетъ служить представительницей настоящаго состоянія живописи въ Германіи. Картина эта соединила въ себѣ всѣ недостатки нѣмецкой школы: сухость колорита, недостатокъ перспективы, натянутость въ сочиненіи, манеру и неправильность въ рисункѣ. Особенно не дались художнику раккурсы и перспектива. Дѣйствіе, изображенное на картинѣ, происходитъ въ Кіевѣ; вдали видны горы, и на одной изъ нихъ только-что водруженный крестъ. Апостолъ Андрей окруженъ народомъ, но какой націи, этого вы не узнаете изъ картины Диттенбергера. Рыцари временъ Крестовыхъ походовъ, покрытые желѣзными латами и держащіе въ рукахъ круглые щиты съ остроконечнымъ возвышеніемъ посрединѣ, окружаютъ проповѣдника. Женщины и дѣти сидятъ на травѣ вокругъ него, въ положеніяхъ весьма неживописныхъ. Исполненіе, по нашему мнѣнію, еще неудачнѣе сочиненія. Но пора покончить съ нѣмецкою школою и обратиться къ русской, которой суждено гораздо важнѣйшее значеніе въ исторіи искусствъ.

По части *портретной* живописи на нынѣшней выставкѣ вовсе нѣтъ работъ профессоровъ и очень мало работъ академиковъ.

Изъ портретовъ, принадлежащихъ академикамъ и ученикамъ, замѣчательны слѣдующіе:

Три портрета работы г. *Аврова: портретъ* конференцъ-секретаря Академіи Художествъ, *В. И. Григоровича*, г. *Гогенфельденаи* г. *Загряжскаго*. Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о портретной живописи вообще. Хотя достоинство портрета главнымъ образомъ опредѣляется его вѣрностью оригиналу, однакожь портретъ никакъ не долженъ быть безсознательнымъ, рабскимъ подражаніемъ природѣ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить дагерротипные портреты. Несмотря на свое разительное сходство и вѣрность природѣ въ малѣйшихъ подробностяхъ, эти портреты производятъ непріятное впечатлѣніе: они холодны, мертвы, безжизненны. Недостатокъ этотъ происходитъ оттого, что подражаніе въ этомъ случаѣ было слишкомъ рабское, неоживленное сознаніемъ художника. Кромѣ того, при такомъ подражаніи, весьма часто передается выраженіе лица

себѣ по произволу тотъ или другой геній, даже если и постигнетъ его совершенно. Кромѣ недостатка самостоятельности есть еще другая причина, по которой германскіе художники не могутъ занять мѣсто въ ряду мастеровъ истинно оригинальныхъ. Это — ничѣмъ неоправдываемая теорія. Германскіе художники думаютъ, что въ сюжетахъ высшей сферы должна преобладать господствующая мысль, и что достоинство содержанія не зависитъ отъ достоинства формы и подробностей. Между тѣмъ главная задача искусства не содержаніе, а выполненіе, не мысль, но ея осуществленіе. Съ другой стороны разительную противоположность этому составляетъ та тщательная отдѣлка подробностей, та мелочность, которая составляетъ отличительную принадлежность нѣмцевъ какъ къ дѣйствительной жизни, такъ въ наукѣ и искусствѣ.

Отличительныя качества германской живописной школы — не безжизненность и сухость колорита, отсутствіе воздуха и полутѣни, жосткость, изъисканность, натянутость и часто неправильность въ рисункѣ. Въ произведеніяхъ этой школы нѣтъ того пламеннаго движенія мысли, которое смѣло передавало бы полотну все задуманное живописцемъ. Не поддаваясь безпокойнымъ внушеніямъ мысли, германскіе художники не выходятъ изъ проложенной разъ навсегда колеи. Открытія въ искусствѣ и новость взгляда, составляющія принадлежность натуръ, одаренныхъ талантомъ творчества, суть качества, которыхъ не водится за германскими живописцами. Они бо́льшею частію все дѣлаютъ сухо, вяло, расчитываютъ по строго составленному плану, надъ которымъ нѣсколько безсонныхъ ночей надумывается бѣдный труженикъ, и отъ котораго отступить считаетъ уже преступленіемъ. Вообще, всякая мысль, требующая осязательнаго выраженія или приложенія къ дѣйствительности, не дается германцамъ. Но возьмите эту мысль безъ приложенія, какъ она есть, или передайте его фантазію какъ можно менѣе осязательнымъ, неуловимымъ образомъ, творчество германца явится во всемъ могуществѣ. Вотъ причина, почему музыка, менѣе всего стѣсненная для ея выраженія и вовсе нетребующая осязательныхъ формъ, сдѣлала у германцевъ такіе огромные успѣхи. Однакожь, въ числѣ нынѣшнихъ художниковъ Германіи есть нѣсколько людей самостоятельныхъ и съ большимъ талантомъ, которые смѣются надъ предразсудками и бездарностью своихъ соотечественниковъ. Изъ числа такихъ укажемъ на *Риделя*, нѣкоторыя картины котораго есть даже въ Петербургѣ.

Гравюры, по которымъ читатели могутъ судить о произведеніяхъ германскихъ художниковъ, много говорятъ въ ихъ пользу: онѣ смягчаютъ слабыя стороны картинъ, а иногда совершенно

только случайное, бывшее въ минуту дагерротипировки; а характеристическое выраженіе, отъ котораго болѣе всего зависитъ сходство, исчезаетъ. Различіе между дагерротипнымъ портретомъ и портретомъ, написаннымъ искуснымъ художникомъ, тоже самое, какъ между исполненіемъ музыкальнаго произведенія безжизненнымъ, но пунктуально вѣрнымъ органомъ и стройнымъ оркестромъ, глубоко сочувствующимъ композитору. Въ портретѣ недостаточно одного сходства: онъ долженъ передавать внутреннюю жизнь человѣка. По этому, для того, чтобъ быть хорошимъ портретистомъ, нужно быть прежде хорошимъ психологомъ. Что же касается до вѣрности оригиналу, то она должна быть не безсознательная и не безъусловная, потому-что въ каждомъ художественномъ произведеніи подражаніе природѣ должно быть возведено на степень творчества.

Изъ трехъ портретовъ, представленныхъ на выставку г. Лавровымъ, намъ болѣе всѣхъ понравился портретъ В. И. Григоровича. Сходство, простота, вкусъ, прекрасная отдѣлка, — словомъ, всѣ условія хорошаго портрета соединились въ этомъ изящномъ произведеніи г. Лаврова, доставившемъ ему степень академика.

Академикъ *Дузи* выставилъ довольно хорошій *портретъ* архитектора Кавоса. Вкусъ и тщательная отдѣлка — принадлежности всѣхъ произведеній г. Дузи, въ томъ числѣ и этого; въ немъ сверхъ того достойна вниманія искусная драпировка. Остается только пожалѣть, что лицо на портретѣ слишкомъ однотонно.

Академикъ *Зарянко* выставилъ два прекрасные портрета, поразительные сходствомъ и живостью. Это — портреты артиста Императорскихъ театровъ *О. А. Петрова* и генерала *Ламновскаго*. Кромѣ необыкновеннаго сходства и отдѣлки, ставящихъ эти портреты на степень картинъ, они поражаютъ удивительною живостью: въ нихъ поймавъ внутренній человѣкъ. Работы г. Зарянко не уступаютъ работамъ Кипренскаго, Варника и другихъ лучшихъ нашихъ портретистовъ.

Французскій живописецъ *Гюэ* прислалъ на выставку *четыре женскихъ портрета*. Передъ ними, во все продолженіе выставки, постоянно была толпа зрителей. Сочувствіе, которое возбуждаетъ художникъ къ своимъ произведеніямъ, происходитъ отъ ихъ щегольской эффектности и интересности. Лица, избранныя имъ для портретовъ, въ высшей степени миловидны, особенно *женщина* съ открытою грудью, *сидящая въ креслахъ*, и *дѣвушка съ цвѣтами*. Мягкость и нѣжность кисти составляютъ отличительный характеръ этихъ портретовъ; но можно бы пожелать въ нихъ больше натуры. Тутъ *же выставлено* еще одно произведеніе Гюэ, изображающее *итальян-*

ую сцену, съ ярким праздничным колоритомъ, въ костюмахъ, трѣчающихся не въ дѣйствительности, а развѣ только на сценѣ.

Художникъ *Григоровичъ* выставилъ *два портрета* молодыхъ дѣщъ. Г. Григоровичъ занимался до сихъ поръ только по части живописи исторической. Изъ трудовъ его, бывшихъ на прежнихъ выставкахъ, мы помнимъ картины: «Іисусъ Христосъ благословляетъ тей» и «Изгнаніе изъ храма торгующихъ». Изъ портретовъ же, ли не ошибаемся, это его первый опытъ. Не гоняясь за эффекмъ, но желая пользы, художникъ выбралъ самый трудный способъ ля достиженія своей цѣли. Одну изъ написанныхъ имъ дѣвицъ онъ зобразилъ въ бѣломъ платьѣ на красномъ фонѣ, другую—въ темомъ платьѣ на темномъ же фонѣ. Извѣстно, что бѣлое платье составляетъ немаловажную трудность для художника. Тѣни и складки о на картинѣ выходятъ сѣрыми и зеленоватыми, и всѣ эти недотатки сильнѣе поражаютъ, если портретъ писанъ на свѣтломъ и юбенно розовомъ фонѣ. Бѣлая же мантиль изъ гро-де-наплю, бамама и аграманты представляли новыя трудности, которыя иногда подъ силу и опытному художнику. Но г. Григоровичъ преодолѣлъ съ честью. Другой портретъ, почти столько же трудный, также овольно удаченъ. Въ немъ особеннаго вниманія заслуживаютъ обѣ уки, написанныя съ большимъ искусствомъ и оконченностью, осоенно свѣсившаяся со стола кисть правой руки, въ которой видна ждая жилка.

Изъ остальныхъ портретовъ, находящихся на выставкѣ, замѣтельны портреты работы академиковъ *Будкина* и *Васильева* и г. *орицкаго*.

Замѣчательнѣйшіе изъ миніатюрныхъ потретовъ—портреты работы г. *Гау: дѣтей герцога Лейхтенбергскаго*, и *супруги художника*, сполненные съ удивительнымъ искусствомъ.

Картинъ по части живописи *батальной* на нынѣшней выставкѣ много. Замѣчательнѣе другихъ картинъ этого рода была картина профессора Виллевальда, изображающая сраженіе при Гисгюбелѣ, близъ Дрездена. Она изображаетъ русское войско подъ начальствомъ Витгенштейна тѣснящее и преслѣдующее маршала увіоца де Сенъ-Сира, сторожившаго съ 20,000 войскомъ дефилеи у Гисгюбеля. Этотъ эпизодъ войны 1813 года переданъ живописцемъ съ большимъ искусствомъ и видимою любовью къ своему дѣлу. Но на этой картинѣ, какъ и на бо́льшей части батальныхъ, не щите человѣка. Фруктъ, пушки и дымъ здѣсь играютъ главную и очти единственную роль. Есть нѣсколько эпизодовъ на первомъ ланѣ, но они такъ маловажны, что не могутъ на-долго остановить

вниманіе. Эти эпизоды производятъ даже непріятно
на зрителя: въ одномъ мѣстѣ представленъ сол
лывающій штыкомъ израненаго, уже умирающаго не
другомъ солдатъ убиваетъ лежащаго на землѣ францу
видность непріятелей доходитъ даже до каррикатуры.
особенно непріятно поражаютъ зрителя въ разныхъ
тины, гдѣ изображенъ непріятель, умирающій подъ
подъ сабельными ударами солдата. Остановившись пр
тиною, мы слышали два весьма дѣльныхъ замѣчанія
щихъ, что большинство публики не лишено способно
понимать произведенія искусства. Одинъ господинъ,
тривавшій эту картину, сказалъ, что въ ней нѣтъ об
которая связывала бы между собою всѣ отдѣльно разбр
ны, такъ-что можно бы было разрѣзать эту картину
и обѣ половины ея назвать разными именами. И въ-ч
чѣмъ отличается одна батальная картина отъ другой? н
нихъ тотъ же дымъ, тѣже батальйоны. Другой господ
что напрасно художникъ, не кончивъ свое произведеніе, п
его на судъ публики. Дѣйствительно, картина г. Виллев
какъ-будто неконченною: въ ней нѣтъ той окончанно
требуетъ этотъ родъ живописи и которою всегда отлича
тины.

Ученикъ профессора Виллевальда, г. *Шукаевъ*, выста
изображающую *сраженіе подъ Остроленко*. Художникъ
своей картины тотъ моментъ битвы, когда полкъ граф
построенный въ каре, отбиваетъ атаку кавалеріи, а ге
ковъ опрокидываетъ съ сибирскимъ гренадерскимъ пол
флангъ непріятеля. Картина эта, неудовлетворительно
имѣетъ, однако же, много достоинствъ въ ея изобрѣт
отдѣльныхъ, весьма трогательныхъ сценъ, находящихс
планѣ, выраженіе лицъ солдатъ, построенныхъ въ кар
ваетъ глубокаго вниманія.

Разставаніе рекрута съ отцомъ, г. *Грейма*, также и
торыя достоинства.

Образцомъ того, чѣмъ можетъ и чѣмъ должна бы
живопись, можетъ служить картина *Ораса Верне: взя*
Въ этой картинѣ нѣтъ ничего такого, что обыкнов
тальныхъ картинахъ производитъ непріятное впеча
нообразіе и отсутствіе мысли — почти неизбѣжны
картинъ этого рода, въ картинѣ Верне замѣнены с
кошнымъ содержаніемъ. Отдѣльныя сцены, изъ к
стоитъ вся картина, связаны одною, общею мыс

му нисколько не нарушаютъ гармоніи цѣлаго. Картина изо-
жаетъ минуту нападенія французовъ на лагерь Абдель-Кадера.
счастные, менѣе всего ожидавшіе нападенія непріятеля, въ отчая-
и бросаются въ разныя стороны, напрасно стараясь спастись.
дѣльныя сцены въ этой картинѣ превосходны. Самая точка зрѣ-
я, выбранная живописцемъ, показываетъ въ немъ глубокій, худо-
ственный тактъ: батальныя картины обыкновенно пишутся такъ,
о лѣвая сторона изображаетъ наступленіе, а правая—оборону, или
-оборотъ. На картинѣ Ораса Верне весь первый планъ изобра-
етъ лагерь Абдель-Кадера. На второмъ уже планѣ изображена
анцузская кавалерія, несущаяся на непріятелей, лицомъ къ зри-
лю. Такимъ образомъ живописецъ избѣгнулъ однообразія, неиз-
жнаго при изображеніи стройнаго войска, и выставилъ на первомъ
анѣ все, чему можетъ сочувствовать зритель. Съ лѣвой стороны
ртины вы видите французскихъ всадниковъ, налетающихъ на не-
іятелей съ обнаженными саблями; они истребляютъ все, что
лько могутъ; къ сѣдлу одного изъ нихъ прильнула умоляющая
нщина; но онъ — не обращаетъ на нее вниманія. Опомнив-
ись отъ перваго смятенія, нѣкоторые вооружаются, другіе
ке приготовились къ защитѣ; одинъ изъ арабовъ наводитъ вин-
вку на мимо несущагося всадника; но уже два пистолета наведены
него съ разныхъ сторонъ. Болѣе трусливые ищутъ спасенія въ
латкахъ, которыя представляютъ минутную, ито не надежную, за-
иту. Нѣкоторые выносятъ оттуда свои драгоцѣнности; и посреди
ой всеобщей суматохи дряхлый старикъ, неимѣющій силъ вы-
аться изъ палатки, спокойно ожидаетъ своей участи. Далѣе, испу-
ное стадо быковъ, бѣгущихъ отъ непріятелей, довершаетъ все-
ѣющее смятеніе; еще минута, и оно раздавитъ женщину съ младен-
мъ, которая забыла о самосохраненіи, отыскивая своего ребенка;
конецъ нашла его, но уже напрасно: неминуемая гибель грозитъ
ъ обоимъ. Абдель-Кадеръ, только-что вышедшій изъ своей пала-
и, не понимая причины смятенія, смотритъ въ ту сторону, гдѣ
вязалась битва; ему подносятъ оружіе, указываютъ на непріяте-
й; но, полный недоумѣнія, онъ не знаетъ, на что рѣшиться. Нѣко-
рые изъ его стана ищутъ спасенія въ бѣгствѣ; верблюды, навью-
нные походными шатрами, въ которыхъ видны смуглыя лица
авитянокъ, уже готовы пуститься въ путь своимъ медленнымъ,
спасающимъ отъ преслѣдованія шагомъ; но вотъ одинъ изъ нихъ
алъ, походный шатеръ погнулся, узорныя полы его раздвинулись
сторонъ и открыли чудную спину и плечи едва удержавшейся
ъ немъ женщины. Эта послѣдняя сцена уже извѣстна нѣкоторымъ
ъ петербургскихъ любителей, изъ превосходной копіи нашего ху-

дожника В. Ѳ. Тимма, бывшей на академической выстав
тыре тому назадъ. Нельзя не отдать справедливости ва
художника: онъ выбралъ самую лучшую сцену во всей
Важное достоинство картины Ораса Верне заключает
что онъ, исключивъ изъ своего произведенія всѣ обыкно
ленія битвы, выбралъ минуту самыхъ разнообразныхъ
ческихъ эпизодовъ.

Бѣдность въ поименованныхъ нами родахъ живописи
вполнѣ богатствомъ и достоинствомъ произведеній по
писи *пейзажной* и *de genre*.

Украшеніе нынѣшней выставки — это пейзажи *Кал*
царская природа даетъ самые богатые матеріялы для ег
изъ бывшихъ на послѣдней большой выставкѣ не
пейзажа: *лѣсъ послѣ бури?* Порывистый осенній вѣтер
гнетъ и качаетъ деревья, освѣщаемыя прорывающимся
лучемъ солнца, трава, размытая дождемъ и облака, несу
за другомъ, цѣликомъ выхвачены изъ природы. Его но
зажа, бывшіе еще на прошлогодней, частной выстав
ваютъ этому, если еще не лучше его. Одинъ изъ нихъ
бурю: шумный и пѣнистый водопадъ все низвергаетъ
ромъ; сломанныя порывомъ вѣтра деревья уже не кача
зелеными вершинами; тучи несутся по небу, и только
верхушкѣ одной изъ ледяныхъ горъ, играетъ солнечный
ное достоинство этого пейзажа, какъ и всѣхъ произвед
состоитъ въ томъ, что художникъ достигъ того, чт
женіе природы производило на зрителя тоже впечатлѣ
сама природа въ избранный моментъ. Глядя на эту кар
вится страшно; водопадъ, увлекающій за собою дере
производитъ тоже впечатлѣніе, какъ всякое разрушеніе
и зритель вмѣстѣ съ природой радуется появленію со
еще сильнѣе произвести на зрителя впечатлѣніе, кото
оставляетъ буря и вообще гибель и разрушеніе, художн
зилъ нѣсколькихъ людей, утопающихъ въ водопадѣ;
ютъ имъ помощь и вытаскиваютъ ихъ на берегъ.
зажъ Калама изображаетъ противоположный моментъ
тишину. Тихое, какъ поверхность зеркала, озеро, от
себѣ голубое небо, и горы, покрытыя зеленью, теплый
воздухъ и освѣщенная утреннимъ солнцемъ даль, — вот
картины. Эта торжественная тишина навѣваетъ на зр
успокоивающее и освѣжающее его душу. Каламъ
только о томъ, чтобъ при изображеніи природы перед
чатлѣніе, которое она производитъ на душу, но онъ

съ сочувствовать лицамъ, дѣйствующимъ въ его картинахъ. На ервомъ планѣ пейзажа, изображающаго утреннюю тишину въ швей-арскихъ горахъ, живописецъ помѣстилъ фигуру подъ бѣлымъ по-ываломъ. Ея граціозная, спокойная поза гармонируетъ со всѣмъ окружающимъ. Каламъ, какъ и бо́льшая часть современныхъ ейзажныхъ живописцевъ, никогда не изображаютъ природу, ъзъ ея отношеній къ человѣку; а это и заставляетъ въ пол-ой мѣрѣ сочувствовать его произведеніямъ. Между тѣмъ, сколько ы видите произведеній даже извѣстныхъ пейзажистовъ, въ кото-ыхъ природа существуетъ совершенно отдѣльно, безъ малѣйшихъ ношеній къ человѣку, какъ говорятъ нѣмцы, *für sich*, тогда-какъ ловѣкъ всюду долженъ занимать первое мѣсто. Если вамъ и слу-алось видѣть пейзажи, производящіе на васъ самое глубокое впе-атлѣніе, въ которыхъ человѣкъ играетъ далеко не первостепенную оль, то живописецъ, изображая природу, все же имѣлъ въ виду впечатлѣніе, которое она производитъ на человѣка, и которое лжна произвести на зрителя его картина. Такіе пейзажи имѣютъ живописи тоже значеніе, какое имѣетъ въ литературѣ описаніе стности. Если въ этомъ описаніи вы не находите человѣка, къ дѣйствующее лицо, то въ немъ вы найдете, по-край-й-мѣрѣ такъ должно быть, то впечатлѣніе, которое произ-одитъ окружающая природа на дѣйствователей или на самого тора, — словомъ, переноситесь на сцену дѣйствія. Это стро-е сохраненіе мѣстнаго колорита, стройное описаніе подробностей, одъ впечатлѣніемъ котораго читатель переносится въ другую сферу, жетъ составить нѣчто цѣлое, независимо отъ дѣйствующихъ лицъ дѣйствія. Таковы, напримѣръ, почти всѣ описанія мѣстностей въ оманахъ Вальтеръ-Скотта, таковы описанія въ «*Тевершо*» и «*Un hi-er au midi de l'Europe*» Ж. Санда. Тоже самое значеніе въ живописи мѣютъ и пейзажи въ этомъ родѣ, разумѣется, если сохранены всѣ ловія, требуемыя отъ изящнаго произведенія.

Пейзажи Калама, какъ собственность Академіи, останутся въ ней -всегда. Академія, желая имѣть для своихъ пейзажныхъ классовъ го-нибудь изъ произведеній учителя и образца современныхъ пей-жистовъ, просила его написать двѣ картины различнаго содержа-я, предложивъ за этотъ трудъ 5,000 франковъ. Несмотря на множе-во заказовъ, которыми завалены живописецъ, онъ охотно принялъ редложеніе Академіи и черезъ нѣсколько времени прислалъ эти два йзажа.

Произведенія Калама имѣютъ огромное вліяніе на успѣхи пей-жной живописи. Вліяніе его видно даже въ нѣкоторыхъ пейзажахъ, явившихся на нынѣшней выставкѣ.

Вліяніе это преимущественно отразилось въ пейз
профессора М. Н. Воробьева, г. *Лагоріо*, изображающе
рестности Выборга. Видъ этотъ, взятый съ довольно в
мѣста, представляетъ большой просторъ для взора и д
стыя деревья, камни и скалы, обросшія мхомъ, и золот
все это писано при глубокомъ изученіи произведеній
всемъ видно это вліяніе. Этюды, которыми до сихъ по
г. Лагоріо, видимо принесли ему огромную пользу. А
стоила г. Лагоріо за эту картину второй золотой медал

Заслуженный профессоръ *М. Н. Воробьевъ*, всегда
необыкновенною дѣятельностію, выставилъ десять вид
торыхъ восемь итальянскихъ и два здѣшнихъ. Самы
нихъ — это *Маякъ въ Палермо и вдали мысъ Зафарано
ковь св. Петра въ Римѣ съ Монте Пинчіо и часть анг
режной въ Петербургѣ*. Главное достоинство этихъ карт
въ томъ, что онѣ совершенно отличаются другъ отъ д
ромъ; сообразно съ перемѣною мѣстности, каждая имѣ
бенный тонъ. Съ именемъ М. Н. Воробьева нераздр
грустныя воспоминанія о двухъ молодыхъ людяхъ, ег
подававшихъ огромныя надежды. Сильвестръ Щедрин
которые съ самого начала своего поприща заслужили б
извѣстность, были унесены преждевременною смертью
ступивъ двадцатилѣтній возрастъ.

Почетный вольный общникъ Академіи, графъ А. И
представилъ на выставку шесть картинъ своей работы.
изображаютъ: *морской видъ въ Нормандіи, внутренност
каѳедральной церкви, два вида Венеціи по большому к
ченную раму, и морской видъ и барельефъ писанный
красками*. Два послѣднія произведенія особенно порази
сю натуральностію. Мы сами были обмануты изображе
ченной рамки и думали, что съ другой стороны ея напи
Этотъ обманъ повторялся почти со всѣми, а многіе
томъ убѣжденіи, что это оборотная сторона картины,
дозрѣвая, что въ этомъ-то обманѣ и состояло намѣрен
Изображеніе барельефа до такой степени выпукло, что
помощи рукъ не могли удостовѣриться, что это не
картина. Этотъ родъ живописи, по какой-то непонятн
слываетъ подъ именемъ фарсовъ. Признаемся, что въ п
А. Н. Мордвинова, какъ и во всѣхъ картинахъ этого ро
димъ ничего, что бы заслуживало такого названія. Неуд
зительная, безукоризненная вѣрность натурѣ, которая
главное достоинство всякаго художественнаго произве

назваться фарсомъ? Этимъ именемъ можно скорѣе назвать тѣ произведенія, въ которыхъ недостатокъ истины скрывается эффектомъ, какъ, напримѣръ, три пейзажа бельгійскаго живописца Лепа, находящіеся на этой выставкѣ, но никакъ не тѣ, въ которыхъ бѣдность содержанія выкупается совершенствомъ исполненія. Не возводя двухъ послѣднихъ произведеній графа Мордвинова на степень картинъ, мы смотримъ на нихъ какъ на самое вѣрное подражаніе, какъ на самый добросовѣстный этюдъ. Многіе изъ останавливавшихся передъ его двумя видами Венеціи находили, что они слишкомъ сѣры и холодны; нѣкоторые говорили даже, что это Амстердамъ, а вовсе не Венеція. Не раздѣляя скептицизма послѣднихъ, мы находимъ, однакожь, что эти виды, дѣйствительно, холодны, хотя трудно что-нибудь отвѣчать, если скажутъ намъ, что они писаны въ сѣрый, холодный день.

Изъ произведеній иностранныхъ пейзажистовъ лучше другихъ три пейзажа г. *Роббе*. Всѣ три пейзажа имѣютъ одинаковый сюжетъ: природа не отличающаяся ничѣмъ особенно, маленькій лѣсъ, ручеекъ, поле съ пасущимися на немъ коровами; но самое искусное выполненіе оживляетъ и разнообразитъ эти довольно монотонные виды. Оконченность, не выходящая изъ надлежащихъ предѣловъ, составляетъ главное достоинство этихъ пейзажей. Это качество тѣмъ драгоцѣннѣе, что удержаться въ надлежащихъ границахъ оконченности не такъ легко, какъ это доказываютъ примѣры многихъ голландскихъ и особенно германскихъ пейзажистовъ. Лучшіе пейзажные живописцы Германіи, какъ, напримѣръ, Ширмеръ, Лессингъ, Ахенбахъ, подвержены этому недостатку. Эта страсть къ излишней оконченности и къ мелочнымъ подробностямъ ослабляетъ силу, свободу и грацію кисти и нарушаетъ общую гармонію пейзажа. Животныя схвачены съ удивительною вѣрностію природѣ; ихъ безсмысленное выраженіе, ихъ медленность и лѣность безукоризненно переданы живописцемъ. Взявъ за образецъ Поль Поттера, онъ усвоилъ себѣ въ значительной степени всѣ его достоинства. Этотъ родъ живописи, имѣющій у насъ весьма мало представителей, самый обыкновенный, и потому сдѣлавшій болѣе всѣхъ успѣха въ Голландіи. Для доказательства стоитъ только назвать безчисленныхъ подражателей, какъ, напримѣръ, Альберта Кюпа, Адріана фанъ деръ Вельде, Жака Коннига, Петра фанъ деръ Леувъ, Кломпа, Вильгельма фанъ Ромсйна, Генриха и Михаила Карре, Теодора Рафаэля Кампгуизена, Жана и Симона фанъ деръ Доэсъ, Момерса, Сибрехтса, Купера и многихъ другихъ.

Изъ остальныхъ произведеній иностранныхъ пейзажистовъ болѣе другихъ замѣчательны пейзажи Дилленса старшаго и Фербокховена.

По части *морской живописи* очень мало хорошаго и
выставкѣ. Причина этой бѣдности заключается отчасти
родъ этотъ слишкомъ однообразенъ: буря, брызги воли
луны, — вотъ предметы, около которыхъ должно верт
женіе живописца,—предметы, весьма не богатые и далек
разные, хотя при изображеніи ихъ много простора для
Это свойство морской живописи, къ несчастію, слишком
требляется маринистами, которые видятъ, что бѣдност
картины не выкупается достоинствомъ исполненія. Уж
не придемъ въ восторгъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому
видѣ картинки, изображающей море, сливающееся съ
первомъ планѣ боченокъ, плавающій въ волнахъ, на к
скается хищная птица. Даже буря съ тройнымъ освѣще
щимъ на дикомъ островѣ въ трагической позѣ героемъ
щимъ собою одно изъ лицъ нашей драматической сцены
кая картина не удовлетворяетъ современнымъ требова
каждымъ днемъ дѣлаемся взыскательнѣе, и это, вѣроя
дитъ вслѣдствіе прояснѣнія идей въ области искусства.
чина бѣдности произведеній по части морской живоп
случайная, заключается въ томъ, что представитель н
нистовъ, И. К. Айвазовскій, уѣхалъ отсюда еще въ ав
и всѣ свои картины отдалъ частнымъ лицамъ по прин

Первое, хотя невысокое, мѣсто между морскими к
нѣшней выставкѣ занимаетъ *морской видъ* г. *Таннер*
нѣкоторое время учился И. К. Айвазовскій.

Г. *Дороговъ* написалъ картину: *русскій крейсеръ, пресл
тырму (кавказское судно), торгующую невольниками.* Въ
есть нѣкоторыя достоинства, хотя послѣ его *вида Конс*
который былъ на выставкѣ два года тому назадъ, мы
ожидать отъ художника больше, чѣмъ нашли. Въ его п
тинѣ воздухъ тяжелъ, и волны — главный предметъ для
вописца, не натуральны: онѣ слишкомъ кудрявы.

Наваринское сраженіе и другіе *два морскіе вида* г.
но лучше умолчимъ объ этихъ великихъ произведеніяхъ
на выставкѣ составили уже надлежащее понятіе о тала
мана, и о разрядѣ, къ которому принадлежатъ его про

Перейдемъ теперь къ живописи такъ называемой *
Кто изъ бывшихъ на выставкѣ два года тому назад
Толкучаго рынка г. *Риццони?* Эта картина оставила гл
тлѣніе на всѣхъ видѣвшихъ ее. Картина эта доставил
золотую медаль перваго достоинства и право ѣхати
счетъ за-границу. Г. Риццони отправился въ Бельгію

около года, и потомъ воротился въ Петербургъ. Время, проведенное имъ за-границею, принесло ему много пользы. Привезенная имъ картина, изображающая *комнату для куренія въ трактирѣ Брюсселя*, можетъ сравниться съ лучшими произведеніями фламандской школы. Скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе. На первомъ планѣ изображены два игрока въ карты: одинъ, спиной къ зрителю, въ военномъ костюмѣ; возлѣ него, съ лѣвой стороны картины, бокомъ къ зрителю, сидитъ сѣдой старикъ, въ картузѣ, съ пѣнковою трубкою въ зубахъ, сильно углубленный въ свои карты. Третій игрокъ, обращенный лицомъ къ зрителю, выбранъ въ самую интересную минуту: его очередь ходить; все его вниманіе обращено на карты: съ правой стороны возлѣ него трактирный поваръ подаетъ ему совѣтъ, съ какой карты онъ долженъ ходить; лицо его схвачено живописцемъ во время этихъ соображеній; неразлучная пѣнковая трубка торчитъ у него въ зубахъ, и онъ торопится затянуться, чтобъ собраться съ силами и сходить на пагубу своему противнику. Возлѣ него сидитъ весьма недурная женщина, которая хотя не играетъ, но принимаетъ какое-то родственное участіе въ игрѣ своего сосѣда. Съ другой стороны картины — старикъ-скрипачъ съ добрымъ, улыбающимся лицомъ, смотритъ на эту сцену, играя на скрипкѣ. Возлѣ него, на стулѣ, сидитъ пьяный, выдѣлывая какое-то движеніе, котораго невозможно объяснить словами и которое можетъ передать только живописецъ. Въ глубинѣ картины, передъ топящейся печкой, сидитъ, кажется, самъ художникъ и съ особеннымъ аппетитомъ цалуетъ какую-то полновѣсную барыню. Положеніе всѣхъ этихъ фигуръ, выраженіе лицъ, оконченность въ малѣйшихъ подробностяхъ, — все это сдѣлано съ тѣмъ удивительнымъ мастерствомъ, которое обличаетъ истиннаго и умнаго художника. При такомъ направленіи таланта г. Рицціони, ему весьма было бы полезно путешествіе по Россіи, съ цѣлію изученія ея разноплеменныхъ типовъ. Мы помнимъ, что путешествіе Штернберга, предпринятое съ этою цѣлью, принесло ему огромную пользу и доставило много богатыхъ и разнообразныхъ матеріяловъ. Путешествіе это обратило бы дѣятельность художника на міръ, для него болѣе близкій, и мы наконецъ, вмѣсто вѣчныхъ фламандцевъ, увидѣли бы на картинахъ этого рода русскихъ мужичковъ и все, что подмѣтитъ во время путешествія наблюдательная кисть г. Рицціони.

Родъ, избранный г. Рицціони, у насъ еще совершенно новый. Произведенія Штернберга были первыми у насъ въ этомъ родѣ, но они были преждевременны, и потому нашли немного почитателей и еще меньше подражателей. Теперь же подобныя картины являются чаще и чаще: можетъ быть, потому, что появленіе сильнаго таланта,

и въ живописи и въ литературѣ, влечетъ за собой многи
телей.

Это вліяніе видно въ произведеніяхъ ученика проф
Воробьева, г. *Чернышева*, и художника г. *Шведе*. Перв
представилъ на выставку изображеніе *внутренности
избы*. Безсмысленно улыбающійся чухонецъ наигрывае
скрипкѣ; другой, сидящій противъ него, съ коротенько
зубахъ, съ засунутыми въ карманы руками, дремлетъ
ніемъ чухонской мелодіи. На столѣ передъ ними видны
ски. Лѣнивое, вялое положеніе этихъ фигуръ схвачено
и доказываетъ большой талантъ въ живописцѣ.

Игра въ шашки г. Шведе принадлежитъ также къ лу
тинамъ въ этомъ родѣ. Дѣйствіе происходитъ въ комна
ка, который самъ сидитъ на первомъ планѣ. Противъ
шашечницей сидитъ старый солдатъ въ накинутой на пл
Онъ только-что подвинулъ шашку и съ хитрымъ, са
улыбающимся видомъ смотритъ на своего задумавшагос
хода противника.

Изъ четырехъ картинъ, выставленныхъ ученикомъ
Виллевальда г. *Вл. Сверчковымъ*, замѣчательны: *Гауптвах
хенъ* и *Общество на пароходѣ*. На послѣдней изъ эти
кажется, все портреты. Академія удостоила г. Сверчков
ды первой серебряной медали.

Восторгъ, который произвелъ на прошлогодней выст
картинами г. *Федотова*, нисколько не охладѣлъ и тепер
на то, что картины эти не составляютъ уже новости
части публики. Непроходимая толпа, которая во все вре
не уменьшалась передъ образцовыми картинами г. Фед
житъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того во
чувствія, которые возбуждали эти произведенія въ болы
сѣтителей художественной выставки. Мы разскажемъ въ
словахъ ихъ содержаніе.

Первая картина г. Федотова называется *Свѣжій ка
слѣдствія пирушки и упреки*. Картина представляетъ ко
стяка со всѣми признаками вчерашней попойки. Пиръ
по тому случаю, что хозяинъ этой квартиры, бѣдный
получилъ крестъ — цѣль всѣхъ его желаній на службѣ.
который представляетъ его комната, чиновникъ, весь въ
босикомъ и въ халатѣ, на которомъ красуется только-ч
ванный крестъ, сидитъ за столомъ и бреется. Передъ ни
стоитъ маленькое зеркало, возлѣ него въ помадной ба
товлено мыло. Столъ этотъ заваленъ всѣми принадлежно

винчьей пирушки: тутъ вы увидите три пустыхъ штофа съ голубымъ ярлыкомъ и надписью *Doppelt-Kümmel*, всѣ три опрокинутые въ различныхъ положеніяхъ, какъ, можетъ быть, тѣ, которые заботились объ ихъ опустошеніи; далѣе — оплывшая сальная свѣчка, щипцы для завивки, колбаса, завернутая въ газету, и по развалинамъ всего этого ползующіе тараканы. Туалетъ чиновника былъ прерванъ появленіемъ его кухарки, недурной собою, съ довольно полной тальею. Одной рукой она держитъ мельницу и помадную банку съ изжаренымъ кофеемъ; въ другой рукѣ у нея изношенный сапогъ. Пользуясь своимъ правомъ говорить иногда дерзости, она сказала что-то не весьма понравившееся свѣжему кавалеру. Съ чувствомъ должнаго достоинства, онъ вскакиваетъ со стула и указываетъ кухаркѣ на крестъ, пришпиленный на халатѣ; но она только смѣется и въ отвѣтъ показываетъ дырявый сапогъ.

Обстановка въ малѣйшихъ мелочахъ соотвѣтствуетъ содержанію картины. Въ глубинѣ картины, подъ столомъ, ворочается господинъ, который счелъ совершенно излишнимъ итти ночевать къ себѣ домой, и теперь просыпается отъ сцены, происшедшей между кавалеромъ и кухаркою. На полу разбросаны карты, табакъ, битыя бутылки, изъ которыхъ на одной видна надпись — донское. На оборванномъ стулѣ потягивается кошка, на которую сцена, разсказанная нами, также не произвела пріятнаго впечатлѣнія.

Содержаніе второй картины г. Федотова, которая называется *поправка обстоятельствъ или сватовство*, слѣдующее: картина изображаетъ комнату, въ богатомъ купеческомъ домѣ. Въ ней происходитъ страшная суматоха, произведенная первымъ визитомъ жениха. Невѣста, разодѣтая въ розовое кисейное платье, обвѣшанная жемчугомъ и брильянтами, хочетъ убѣжать изъ комнаты; но мать, сохранившая болѣе присутствія духа, удерживаетъ ее за платье. Отецъ невѣсты, сидѣвшій у самыхъ дверей, узнавъ о пріѣздѣ жениха, вскакиваетъ со стула и застегиваетъ свой длинный сюртукъ. Между тѣмъ въ дверяхъ залы сваха, въ пестромъ шугаѣ, приглашаетъ жениха-майора войти въ комнату. Онъ съ самодовольнымъ видомъ покручиваетъ усы и, кажется, думаетъ: «доберусь же я до твоихъ сундуковъ». Между тѣмъ въ домѣ идутъ приготовленія къ его встрѣчѣ: кухарка тащитъ огромный пирогъ, сидѣлецъ несетъ шампанское, которое ставитъ на стулъ возлѣ стола. Изъ другихъ дверей залы выглядываетъ беззубая старуха, вѣроятно, бабушка невѣсты, или просто проживалка, которой до всего дѣло. Она распрашиваетъ сидѣльца, и онъ ей указываетъ на дверь, въ которую сейчасъ войдетъ женихъ.

Убранство этой комнаты, до малѣйшихъ подробностей, подмѣчено

съ удивительной наблюдательностью. Огромная люстр
щими стеклышками, въ родѣ тѣхъ, какія висятъ въ
спускается съ почернѣвшаго потолка. Даже не забыт
торая, сидя на полу, «замываетъ гостей».

Третья картина г. Федотова — *Разборчивая невѣс*
вами довольно благопристойная гостиная, такая, какъ
бываютъ гостиныя въ домахъ средней руки: малиновы
минъ съ зеркаломъ, коверъ; даже картины тѣже, как
даете во всѣхъ гостиныхъ, имѣющихъ претензію на
«Невѣста» Моллера и «Дѣвушка съ тамбуриномъ» Ты
лавшіяся картинами, такъ сказать, оффиціальными, си
висятъ въ гостиной, которую изобразилъ г. Федотовъ.
сидитъ разодѣтая сорокалѣтняя дѣва съ букетомъ цвѣт
ней на колѣняхъ стоитъ плѣшивый горбунъ и дѣла
пылкое признаніе. Въ другой комнатѣ видны родители
вѣсты. Мать, съ связкою ключей въ рукахъ, стоящая н
у дверей, подслушиваетъ ихъ нѣжный разговоръ, въ
стить съ рукъ залежалый товаръ; а отецъ въ халатѣ.
шавшій это любовное объясненіе, крестится въ восторг
нецъ дочь нашла себѣ жениха по вкусу.

Причина почти всеобщаго восторга, производимаго
Федотова, главнѣйшимъ образомъ заключается въ томъ
жаніе для нихъ онъ выбралъ изъ русскаго быта и изъ
болѣе или менѣе знакомой.

Давно ли искусство не имѣло ничего общаго съ жи
ствительностью? Герои, выводимыя въ повѣстяхъ и ром
нечто иное, какъ созданныя авторомъ, но извѣстному ре
въ которыхъ, смотря по надобности, соединялись хорош
качества, принадлежащія равно всѣмъ и никому особенн
мѣста и времени считался излишней роскошью; довольно
нравственная цѣль литературнаго произведенія дости
произведенія были въ ходу, когда романтизмъ внесъ свѣ
въ литературу. Болѣе близкое знакомство съ произведен
пира расширило кругъ понятій объ искусствѣ. Уже не
ствующую добродѣтель и лицевыя стороны человѣчеств
бражать писатели. Человѣкъ, со всѣми его странностями
принадлежащій даже къ самому низкому обществу и
самой низшей ступени человѣческаго достоинства, с
себя вниманіе искусства, потому только, что онъ чел
литературное преобразованіе началось со времени Пуш
чательный ударъ обвѣтшалымъ понятіямъ старой шко
несенъ появленіемъ Гоголя. Идеализація смѣнилась на

явленій дѣйствительности, во всей ихъ полнотѣ и истинѣ. Великолѣпная гостиная и будуары стали рѣже являться въ русской литературѣ. Сцена дѣйствія переносилась мало-по-малу въ скромныя и бѣдныя жилища, въ которыхъ чаще всего, среди будничной жизни, разъигрываются драмы. Князья Звонскіе, Гремины и Лидины выгнаны изъ литературы. На мѣсто ихъ выступили образы Тараса Бульбы, Акакія Акакіевича, Антона-горемыки.

Въ живописи передъ нашими глазами совершился такой же переворотъ. Но онъ совершился менѣе замѣтнымъ образомъ. Результатъ этого движенія — отсутствіе идеализаціи тамъ, гдѣ нужны, если можно такъ выразиться, плоть и кровь.

Въ многочисленной толпѣ, постоянно стоявшей передъ картинами Федотова и Рицціони, намъ приходилось слышать нѣкоторые сужденія и вопросы, въ отвѣтъ на которые мы скажемъ нѣсколько словъ. Подобные вопросы дѣлаются людьми, которые не могутъ разстаться съ старинными понятіями объ искусствѣ, въ которыхъ они выросли. «Что́ за сюжеты? ничего благороднаго; во всемъ видна только насмѣшка. Какъ-будто авторъ не могъ выбрать для своихъ картинъ что-нибудь болѣе благородное, болѣе достойное изображенія?» Въ этомъ родѣ вопросы приходилось намъ слышать по поводу картинъ Федотова и вообще по поводу современнаго направленія въ искусствѣ.

Да развѣ кто-нибудь въ-правѣ требовать отъ художника, чтобы онъ изображалъ ту сторону жизни, которую намъ хочется видѣть, а не ту, которая сама бросилась ему въ глаза, и на изученіе которой онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе? Мы имѣемъ право требовать только, чтобы художникъ вѣрно изображалъ дѣйствительность, предоставивъ ему совершенно свободный выборъ. Творчество непремѣнно требуетъ безусловной свободы въ выборѣ предметовъ. Художнику никто не въ-правѣ задавать произвольныхъ сюжетовъ; даже онъ самъ не долженъ направлять свой талантъ въ этомъ отношеніи, натягивать и выдумывать, когда слѣдуетъ творить. Изображеніе высокаго и смѣшного, трогательнаго и пошлаго, несмотря на все ихъ различіе, совершается по тѣмъ же основнымъ законамъ, которые одинаковы во всѣхъ искусствахъ. Между тѣмъ сколько вы найдете людей, даже между знатоками, которые восхищаются произведеніями Рафаэля и съ негодованіемъ отворачиваются отъ фламандскихъ сценъ Теньера, говоря, что все низкое и пошлое не должно быть предметомъ искусства. Но смѣшное и пошлое, въ одинаковой степени, какъ и высокое, входитъ въ его сферу, и чѣмъ болѣе искусство приближается къ существенности, тѣмъ оно доступнѣе понятіямъ большинства. Искусство уже идетъ по этому направле-

нію, и, вѣроятно, современемъ бо́льшая часть талантов
къ изображенію явленій дѣйствительной жизни. Иск
искусства все глупое и пошлое, чтобъ дать просторъ то
му, пришлось бы ограничиться самымъ тѣснымъ кру
ческихъ понятій, и отвергнуть много неподражаемо-
произведеній во всѣхъ родахъ изящнаго. Высокое и т
также какъ пошлое и смѣшное, одинаково заимствуются
но-разнообразной и всегда единой существенности, и по
кой степени имѣютъ право на вниманіе искусства. У Шек
съ величественными характерами *леди Макбетъ*, *Генри*
является до пошлости комическое лицо *Фальстафа;* въ
бъ Гоголя въ трагическомъ васъ поражаетъ комическое
нели, *Запискахъ Сумашедшаго*, *Старосвѣтскихъ Помѣщи*
ходите много трагическаго въ самой поразительной по
томъ и въ другомъ случаѣ — тоже искусство, но въ дру
доступной понятіямъ людей близорукихъ. Въ живопис
какъ и въ другихъ искусствахъ

Гнѣвъ чиновника на свою кухарку въ одинаковой сте
вниманія искусства, какъ и гнѣвъ Ахиллеса? Если ну
теты, то и за ними дѣло не станетъ: *Тиціанъ*, живопи
товъ высокихъ, изобразилъ свою безобразную *ко́рмил*
римъ уже о Фламандской школѣ, которая вся посвят
браженіею явленій дѣйствительной жизни.

Но къ чему же выставляютъ грязное и пошлое? гов
Зачѣмъ г. Риццони такъ щедро надѣляетъ свои картины и
пьяныхъ? Постараемся отвѣчать и на это. Предоставим
совершенно свободный выборъ предметовъ для его к
жемъ и даже должны требовать, чтобы избранные и
были изображены во всей ихъ полнотѣ и истинѣ. Но тр
ноты и истины не согласуется съ требованіемъ этихъ г
чать все, что непріятно поражаетъ ихъ уже слишкомъ н
Портретъ, для того, чтобъ быть вѣрнымъ, долженъ
только то, что́ служитъ въ пользу оригинала, но даже
недостатки лица, долженъ быть самымъ вѣрнымъ и пол
наведеніемъ природы. Развѣ можетъ быть сходство
если живописецъ, удовлетворяя желанію оригинала ка
чѣмъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ, придастъ лицу выраженіе
безсмысленнаго? Точно также въ изображеніи народ
вообще всего комическаго, художникъ не въ-правѣ и
нихъ характеристическое. Онъ долженъ воспроизводи
всей реальности, потому-что сила истины и выражен

для него, чтобъ сдѣлать художественно-изящными предметы природы вовсе лишенные красоты.

Музей Академіи Художествъ въ послѣдніе два года увеличился важными пріобрѣтеніями: Е. И. В. Государь Императоръ пожаловалъ Академіи коллекцію копій съ картинъ великихъ мастеровъ и коллекцію статуй древняго искусства, отлитыхъ изъ алебастра.

Польза хорошихъ копій съ картинъ великихъ мастеровъ неоспорима. Это достаточно доказывается тѣмъ, что всѣ хорошіе живописцы обращали большое вниманіе на копированіе.

Изъ копій первое мѣсто занимаетъ копія художника *Раева* съ картины *Бартоломео Мурильо — Пресвятая Дѣва съ Младенцемъ*.

Изъ многочисленныхъ копій съ картинъ, хранящихся во Флоренціи, въ галереѣ *degli Uffizi*, замѣчательны двѣ копіи съ картинъ *Рафаэля—Madonna dell Pozzo*, художника *Помпиньоли*, и *Madonna dell Cardellino*, художника *Петрини*.

Копіи, писанныя нашими художниками-любителями и даже любительницами, также имѣютъ большое достоинство. Изъ числа ихъ назовемъ копію, написанную г. *Бориспольцемъ* съ знаменитой картины *Тиціана—Положеніе во гробъ Спасителя*. Картина эта находится въ Луврской галереѣ, въ Парижѣ, и принадлежитъ къ лучшимъ картинамъ Тиціана. Тѣло Іисуса Христа, положеніе Богородицы и мужская фигура на первомъ планѣ, обращенная спиной къ зрителямъ, — верхъ граціи и натуральности. Академія поручила г. Бориспольцу скопировать въ Венеціи знаменитую картину Тиціана — *Убіеніе Петра-доминаканца*, и приняла надлежащія мѣры, чтобы дозволено было копировать въ настоящую величину оригинала. Картина эта также принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Тиціана, и потому составитъ весьма важное пріобрѣтеніе для Академіи.

Изъ алебастровыхъ снимковъ съ древнихъ статуй, которыя всѣ равно прекрасны, укажемъ на ту, которая менѣе всего обращала вниманіе посѣтителей художественной выставки, — на *монтеквиринальскій колоссъ*. Оригиналъ его стоитъ въ Римѣ на площади передъ Квиринальскимъ дворцомъ. Произведеніе это приписываютъ Фидію; но нѣтъ никакихъ доказательствъ, которыя бы подтверждали это предположеніе.

Изъ числа новѣйшихъ скульптурныхъ произведеній замѣчательнѣе всего *входныя врата* и для нихъ изображеніе *четырехъ святителей* въ храмѣ Спасителя въ Москвѣ, работы г. вице-президента Академіи, *графа Ѳ. П. Толстого; кулачный боецъ*, ученика профессора барона П. Н. Клодта, *Крейтана*, и *гальванопластическія* статуи съ античныхъ, работы г. *Гамбургера*.

Архитектура дѣлаетъ у насъ успѣхи изумительны
ства очевидны всякому. Боясь утомить вниманіе чит
демъ перечислять архитектурныхъ проэктовъ на нын
кѣ, бо́льшею частію весьма удовлетворительныхъ, и
что они принадлежатъ, почти всѣ, молодымъ художни
камъ Академіи. Укажемъ только на *проэктъ Великокня
роднаго дворца* академика Горностаева, удостоеннаго з
званія профессора.

III.

СОЧИНЕНІЯ НАХИМОВА, МИЛОНОВА И СУДОВЩИКОВА. (*Полное Собраніе сочиненій русскихъ авторовъ*). *Изданіе* **А. Смирдина.** *Спб. 1849. I томъ.*

Въ новомъ томѣ «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ» соединены произведенія трехъ писателей, хотя принадлежащихъ къ одному роду (ибо всѣ они извѣстны болѣе по своему сатирическому направленію), но весьма различныхъ по степени ихъ вдохновенія. Во всякомъ случаѣ, мысль — соединять сочиненія нѣсколькихъ писателей въ одномъ томѣ, когда произведенія ихъ не довольно многочисленны, чтобы порознь составить порядочныя книжки, достойна всякой похвалы. Издатель не сортируетъ авторовъ по достоинству или по строгому раздѣленію родовъ, предоставляя такую оцѣнку критикѣ и самой публикѣ; его дѣло собрать только по возможности *все*, что́ написано каждымъ авторомъ. И это уже съ его стороны большая заслуга: намъ извѣстно, сколькихъ трудовъ сто́итъ иногда отыскать въ какомъ-нибудь старинномъ Сборникѣ пьесу, можетъ быть въ сущности мало замѣчательную, но необходимую для полноты изданія и занимательную, какъ характеристическая черта автора.

Нахимовъ провелъ бо́льшую часть своей жизни въ Харьковѣ и занимался тамъ преподаваніемъ русскаго языка. Талантъ его, по преимуществу мѣстный и односторонній, былъ высоко цѣнимъ въ Украйнѣ (*). Нѣкоторые побаивались эпиграммы Нахимова, если не

(*) Талантъ Нахимова имѣетъ много родственнаго съ музой Е. А. Измайловой, но съ тою разницею, что роль, которую игралъ Нахимовъ въ Харьковѣ, безъ сомнѣнія была блистательнѣе и важнѣе, чѣмъ роль издателя *Благонамѣреннаго* въ столицѣ.

всегда плоской и тонкой, зато рѣзкой и безцеремо
цинизма. Въ-самомъ-дѣлѣ, кому было пріятно пол
эпиграммы, писавшіяся экспромтомъ и ходившія на
всему городу (извѣстно какъ въ провинціи важно ма
шествіе, а тѣмъ болѣе насмѣшливые стишки). Читат
съ нами, когда прочтетъ слѣдующіе обращики его эп

Злонраву.

•О, рокъ! еще ли я въ бѣдахъ не искусил
Злонравъ мнѣ въ дружбѣ изъяснился
И душу мнѣ свою хотѣлъ онъ подарить.
То есть, чуму привить!

По случаю списыванія портрета съ одного премуд

Вы пишете портретъ съ философа Ослова:
Похвально славный ликъ въ портретѣ сохр
Но выдумка сія, повѣрьте мнѣ, не нова;
Вамъ можно болѣе философа почтить:
Съ живаго кожу снять и чучелу набить.

Золотой дождь.

Оставя нектаръ, скипетръ, громъ,
Юпитеръ, по уши влюбленной,
Къ Данаѣ, въ башнѣ заключенной,
Спустился золотымъ дождёмъ. —
Прошли тѣ времена, настали вѣки бѣдны,
И рада красота, какъ льется дождь и мѣдн

Надутову.

Какъ мало черезъ смерть Надутовъ потерял
Онъ въ жизни былъ ничто, а въ гробѣ пр

Антипу виртуозу.

Весь вѣкъ Антипъ игралъ, несносно слухъ
Онъ умеръ наконецъ, гудокъ свой обнимая,
И положить его съ собою завѣщалъ.
Прохожій! берегись, чтобъ онъ не заигралъ

Ему же.

Неутомимый здѣсь Антипъ слёгъ для поко
Онъ былъ толь дивный виртуозъ,
Что отъ игры его во время лѣтня зноя
Крещенскій всякаго по кожѣралъ морозъ.

Одинъ изъ главныхъ предметовъ, на которые Нахимовъ обращалъ стрѣлы своей сатиры, было слѣпое подражаніе и безсознательное уваженіе ко всему французскому, изъ которыхъ проистекали прежде печальные примѣры въ родѣ воспитанія дѣтей, разными иностранцами подозрительнаго происхожденія и несомнѣннаго невѣжества. На этой темѣ основана его поэма: «Пурсоніяда», изъ которой напечатаны только нѣкоторые отрывки; вотъ начало этой туточной поэмы, съ классическимъ вступленіемъ, какъ водилось обыкновенно въ десятыхъ годахъ.

«Помилуй ты меня, о, Фебъ, парнасскій богъ!
Кого велишь ты пѣть, внушая мнѣ восторгъ!
Ахъ! сжалься надо мной, чувствительная Муза!
Могу ли я хвалить толь дивнаго француза,
Каковъ былъ нѣкогда преславный Пурсоньякъ:
Въ Парижѣ продавалъ на рынкѣ онъ табакъ,
Герой былъ въ кабакахъ и первый жрецъ въ харчевняхъ,
Шумѣлъ на площадяхъ, смирялся онъ въ деревняхъ,
Гдѣ часто странствовалъ для чорствaго куска,
Гдѣ блѣдная его, голодная рука,
Тряся котомкою, прохожихъ умоляла,
И съ жалостію хлѣбъ насущный принимала!
Изъ нищихъ вдругъ потомъ попался Пурсоньякъ
Въ число мошенниковъ, воровъ и забіякъ:
Потомъ онъ заклейменъ и сосланъ на галеру,
Но земляковъ своихъ послѣдуя примѣру,
Чудеснымъ образомъ въ Россію убѣжалъ,
И ссылочный французъ какъ солнце возблисталъ.»

Но главный предметъ, на преслѣдованіе котораго Нахимовъ истощалъ всѣ свои силы, было подъячество, притѣсненія тяжущимся.

«Я видѣлъ, какъ одинъ почтенный секретарь
Оправилъ праваго не взявши ни алтына:
Такъ долгъ велитъ, онъ мнилъ: мнѣ платитъ совѣсть, царь.
И вотъ награда мнѣ безцѣнна и едина.
. . . . . .
Я видѣлъ все сіе, и видѣлъ все... во снѣ! —»

прибавляетъ онъ въ концѣ.

Кромѣ того, Нахимовъ написалъ нѣсколько одъ, басенъ и разныхъ стихотвореній; въ которыхъ замѣтно доброе намѣреніе, но зато ужь исполненіе изъ рукъ вонъ плохо. Таланту Нахимова доступны были только оригинальные извѣстнаго рода предметы, въ которыхъ могла разъигрываться его не весьма изящная фантазія,

внушившая ему: «Пѣснь лужѣ» и т. п. стихотворенія.
ко, что вкусъ его былъ вѣренъ и даже эстетиченъ
въ то время, когда усомниться въ геніальности при
тета почиталось литературнымъ преступленіемъ —
даровитый Мерзляковъ на своихъ лекціяхъ, на кото
всѣ тогдашнія знаменитости, серьёзно разбиралъ к
Трувора и *Дмитрія Самозванца*, неизвѣстный учено
русскаго языка осмѣлился на отважный подвигъ
дующе стихотвореніе:

Стихи по прочтеніи Сумарокова.

«О, горе, горе намъ,
Мелкопомѣстнымъ романистамъ!
Когда Парнасскій Князь, преславный Сумароко
Который бочекъ сто парнасскихъ выпилъ токов
И лавки книжныя стихами завалилъ,
Когда и онъ страдалецъ риѳмы былъ.
Въ твореніяхъ его у ногъ Екатерины
Цвѣтутъ для риѳмы райски крины:
А гдѣ стоитъ Великій Петръ,
Тамъ по неволѣ дуетъ вѣтръ.
Нѣтъ, риѳма! ты забудь насъ почитать рабами
Иль, разсердясь, тебя мы презримъ сами.»

О прозѣ Нахимова сказать почти нечего; она оч
сленна и не изящна; юмору, какимъ онъ обладалъ,
хотворныя рамы: въ этихъ рамахъ ему удобнѣе выска
ся въ памяти. Заключимъ это мнѣніе о Нахимо
замѣчаніемъ: Нахимовъ не принадлежитъ къ укра
скаго Парнаса; но по оригинальному направленію
стоитъ быть перепечатаннымъ и прочитаннымъ
безпристрастнаго вниманія ко всему, что́ носитъ
Этотъ талантъ развился не вслѣдствіе подражанія к
стной школѣ, а просто самъ собой и щеголялъ на
кафтанѣ, если не щегольскомъ, зато своемъ собс
дующая басня самого Нахимова характеризуетъ его

Дуракъ и драгоцѣнный камень.

«Не полированный, но очень драгоцѣнный
Попался камень дураку.
Глупецъ, какъ видно, былъ минералогъ от
На камень посмотрѣлъ — да и швырнулъ

И дарованія цѣнить не всякой знаетъ;
Глупецъ не видитъ ихъ, иль, видя, пр

Совсѣмъ другое представляетъ собою *сатирикъ* Милоновъ, какъ его называли. Онъ съ юности подчинилъ себя извѣстнымъ правиламъ въ своей теоріи поэзіи; онъ былъ товарищемъ Гнѣдича въ Московскомъ Университетѣ, онъ напитанъ былъ чтеніемъ классическихъ авторовъ Франціи и слушалъ лекціи Мерзлякова. Его поэтическое дарованіе (существованіе котораго несомнѣнно) развилось и даже обнаружилось не вслѣдствіе непреодолимаго или внезапнаго призванія, но или отъ школьнаго совмѣстничества и самолюбія, или отъ подражанія восхищавшимъ его образцамъ. Зато посмотрите, какъ этотъ талантъ бросается въ разныя стороны, не знаетъ, на чемъ остановиться и только поверхностно пользуется тѣмъ, что̀ для другого могло служить источникомъ истинныхъ вдохновеній. Правду сказать, Милоновъ жилъ во время трудное для молодыхъ писателей. Тогда былъ живъ Державинъ и мирно оканчивали вѣкъ другія знаменитости. Карамзинъ произвелъ переворотъ въ нашей литературѣ, но шелъ путемъ классицизма; вскорѣ начали писать Жуковскій, Батюшковъ и открыли новую, обольстительную для юности будущность; отсюда колебаніе — на что рѣшиться. Надобно было имѣть геній Крылова, чтобы проложить себѣ свою дорогу. Обыкновеннымъ талантамъ оставалось: отрѣшить себя отъ прошедшаго или пренебречь нововведеніями; и то и другое трудно: первое потому, что прежніе авторитеты сохранили всю свою важность и воспитали первоначально молодое поколѣніе; второе потому, что молодость всегда симпатизируетъ блестящему началу, хотя часто не чувствуетъ въ себѣ достаточно силы и таланта содѣйствовать успѣхамъ литературы. Тутъ раждается, такъ сказать, *школа примиренія* противоположностей и случается, что поэтъ облекаетъ напр. романтизмъ формами Дмитріева, или наоборотъ; все выходитъ какъ-то недодѣлано, ни одно стихотвореніе не носитъ на себѣ печати вполнѣ характеристической; краски безцвѣтны, выраженія неточны, потому-что ихъ диктуютъ попеременно впечатлѣнія, противныя другъ другу.

Милоновъ едва ли не самый замѣчательный изъ второстепенныхъ дѣятелей нашей литературы первыхъ двадцати лѣтъ XIX вѣка. Что̀ же послѣ этого: гг. Буринскій, Востоковъ, Нечаевъ, Остолоповъ, кн. Шаликовъ, Родзянко, Барановъ, Глѣбовъ, Гродеревскій, В. Измайловъ, Горчаковъ, Писаревъ (Иванчинъ), Бунина, Катенинъ, Мещерскій, Маринъ, Рапчъ, Хованскій, Никитинъ, Салтыковъ, Ѳ. Глинка, Волковъ, Комаровъ, Лобановъ, М. Дмитріевъ, даже Воейковъ и др. Всѣ они когда-то считались *питомцами Аполлона*, возвѣщали это въ дружескихъ посланіяхъ, гдѣ другъ о другѣ; произведенія ихъ печатались въ раз-

ныхъ образцовыхъ сборникахъ въ перемежку съ с
Державина, Жуковскаго, Крылова, Батюшкова.

Жизнь Милонова не изобилуетъ занимательными
ными происшествіями. Онъ родился на берегахъ Дон
часто воспѣвалъ въ элегическихъ пьесахъ своихъ; по
вался въ Московскомъ университетѣ до 1804 года, и
ѣхалъ въ Петербургъ и занялся тамъ преимуществ
стиховъ, хотя въ началѣ имѣлъ намѣреніе посвятит
Несмотря на недостаточное состояніе, Милоновъ б
какъ сибаритъ. Онъ желалъ пріобрѣсть только изв
поэтъ. Вотъ собственныя слова его въ посвященіи ег
извѣстному любителю просвѣщенія, графу Н. П. Ру

«Я знатныхъ не искалъ вниманія къ себѣ,
Но ты, какъ меценатъ, къ трудамъ моимъ скло
Вниманіемъ твоимъ мой геній окрылился —
Онъ долженъ славенъ быть, коль нравился тебѣ.
Въ высокомъ санѣ ты, стремясь стезею правой,
Ревнуешь въ доблестяхъ безсмертному отцу:
Я жъ Задунайскаго во слѣдъ иду пѣвцу —
И именемъ твоимъ знакомлюся со Славой.»

Неизмѣнное благородство характера и теплая душ
тельными чертами личности Милонова. Онѣ выказ
сатирахъ и въ тѣхъ изъ его элегическихъ пьесъ, ко
ны истиннаго чувства, а не той приторной чувствител
была въ большой модѣ въ его время, и отъ которой
не могъ отдѣлаться. Эта чувствительность, вмѣстѣ с
внутренняго выраженія, составляетъ главный нед
твореній Милонова, о достоинствахъ которыхъ чита
дить изъ слѣдующихъ ниже выписокъ.

Стихотворенія Милонова можно раздѣлить на пят
сатиры, 2) стихотворенія на разные патріотичес
торжественные случаи, 3) переводы или подражанія
этамъ, 4) переводы изъ новѣйшихъ поэтовъ и 5
пьесы, преимущественно элегическія.

Сатиръ Милоновъ написалъ шесть: 1) Къ Рубел
2) Къ Луказію, 3) Къ моему разсудку, 4) На мод
(подр. Виже), 5) На женитьбу въ большомъ свѣтѣ (п
Буало) и 6) Отрывокъ изъ Луциліевой сатиры. Сюда
нести посланіе къ И. М. Ф—у на вызовъ его продол

Современники Милонова, стремившіеся подвести
словесность подъ извѣстныя мѣрки французскаго кла
обрадовались, что было на кого возложить званіе рус

и признали имъ Милонова. Тогда не заботились о томъ, что сатира должна выставлять и преслѣдовать пороки своего времени, а не подражать Ювеналу и Буало. Милоновъ нечто иное какъ подражатель, и не столько указаннымъ имъ поэтамъ, сколько Дмитріеву, который самъ, кромѣ *Чужого толка*, не произвелъ въ этомъ родѣ ничего типическаго и вѣрнаго. Его остроуміе и легкая иронія преимущественно перешли въ наслѣдство къ Милонову, но уже совершенно истощенныя предшественникомъ; трудно поддерживаться писателю помощію нѣсколькихъ удачно выраженныхъ общихъ мѣстъ, въ родѣ слѣдующихъ:

«Писателемъ прослыть весьма обыкновенно.
Стихи свои хвалой наполни гнусныхъ дѣлъ,
Будь дерзокъ, подлъ и льстецъ — и слава твой удѣлъ!»

«Коль слабостей людскихъ нельзя намъ истребить,
Нелучше ль во сто кратъ умѣть ихъ извинить?»

«Судить не мудрено — примѣромъ трудно быть»

«Но надобно ли мстить злорѣчіемъ всему!
Нѣтъ, мстите лучше вы не злобой, не презрѣньемъ,
Но бѣднымъ помощью, но сирыхъ заступленьемъ.»

«Потщимся, отложивъ сужденія пустыя,
Чтобъ прямо показать намѣренья благія,
Удерживать языкъ, примѣръ давать собой,
Быть дѣломъ добрыми, не словомъ, не молвой.»

Изъ сатиръ Милонова больше всѣхъ славилась третья: *Къ моему вазсудку*.

Цѣль Милонова всегда полезна и благородна; но онъ отъ ложнаго взгляда на искусство или не попадаетъ въ нее, или создаетъ ее тамъ, гдѣ она не существуетъ, а представляется ему вслѣдствіе миража, составленнаго изъ классическихъ воспоминаній. Что̀ осмѣиваютъ или клеймятъ, напримѣръ, слѣдующіе стихи изъ пятой сатиры:

«Ты собралъ горести всѣ брака, говоришь —
Я собралъ всѣ? Дамонъ, ахъ, ты меня смѣшишь!
Отъ страшнаго возьмемъ предметъ не столь суровой;
Я все ли описалъ, сказалъ ли я хоть слово
О той, чей пылкій умъ, познанія и вкусъ
Съ собой переселятъ въ твою обитель Музъ?
Какое для тебя готово восхищенье!
Ты будешь объ одномъ лишь слышать нѣсколько

Или — бѣда, коль Феб̀ъ тебѣ не будетъ милъ —
Изъ рукъ твоихъ тогда не примутъ и чернилъ!
Поэты у тебя назначатъ вечеринки,
Гдѣ слышать будешь всѣ бумажныя новинки —
И всѣ передъ тобой отборные умы;
Иной посланія, другой свои псалмы,
На судъ твоей женѣ прочтутъ приличнымъ тоно
Чего тогда хотѣть, владѣя Геликономъ?
И *Вздоркинъ, Вздоркинъ* самъ, отъ басень безъ у
Ихъ будетъ тамъ читать, какъ читывалъ Тальма
Услышишь какъ межъ нихъ, забывъ она о полѣ,
Явится рыцаремъ въ славянскомъ ихъ расколѣ;
И ты, чтобъ ихъ понять, стремленіемъ горя,
Вновь будешь осужденъ начать отъ букваря —
О той, которая въ любви къ тебѣ нѣмая,
Ласкаетъ одного счастливца — попугая,
И будетъ принимать и жаръ сердечный твой,
И нѣжность, и любовь съ стоической душой? —

Что̀ тутъ похожаго на русскіе нравы десятыхъ год
Одинъ намекъ въ стихѣ

«Явится рыцаремъ въ славянскомъ ихъ раскол

составляетъ характеристическую черту тогдашнихъ л
распрей; остальное все взято изъ чужой почвы.

Пьесы на торжественные случаи — дань, принес
вымъ направленію державинскаго періода, хотя он
прежняго времени. Иногда, среди принужденнаго энту
хиваютъ у него искры истинной поэзіи. Напримѣр
стихи, написанные при гробѣ Кутузова:

«Увы! тебя ужь нѣтъ! пусть рокъ ожесточенный
Въ отраду намъ тебя безсмертіемъ даритъ,
Пусть слава временемъ твой кажетъ гробъ свяще
Въ немъ Славы нашихъ дней залогъ уже сокрыт

Вотъ отрывки изъ элегіи на кончину Державина:

«Гдѣ жъ Вѣчность и Слава, о коихъ повѣдалъ
И двигалъ къ нимъ сердце Героевъ, Царей?
Кому, Пѣснопѣвецъ, кому ты передалъ
Небесный твой пламень, другой Прометей?

Увы, все въ подлунной на мигъ лишь созданно!
Кичливости смертныхъ повсюду урокъ;
Нетлѣнный твой вижу, злой смертью сорванной,
На гробны ступени катится вѣнокъ....

Вѣнокъ, кѣмъ безсмертна Россіи Царица?
Что Слава сплетала тобою гордясь?
Нѣтъ, бардъ нашъ единый! прахъ скрыла гробница —
Но вѣчность надъ нею съ тобой обнялась!»

«Въ сіяньи небесномъ, гдѣ днесь, пѣснопѣвецъ,
Ты вновь предъ Фелицей — Царей образцомъ —
И Сѣвера витязь, Ея громовержецъ,
Склоняетъ при встрѣчѣ пернатый шеломъ —

Сіяй между ними, отъ Музъ похищенный,
На слѣдъ твой взираю я съ завистью днесь —
И скорбью къ могилѣ несу отягченный,
Всѣ, что́ лишь имѣю: — и слезы и пѣснь!»

«Твой путь былъ ко славѣ усыпанъ цвѣтами,
Особая участь счастливцу дана;
Ты пѣлъ, окруженный безсмертья сынами
По отзывамъ Лиры цѣнятъ времена.»

Есть у него стихи, которые не могли вылиться изъ души безъ тяжкаго, задушевнаго чувства. Въ пьесѣ «На гробницѣ Кутузова» онъ говоритъ:

«Здѣсь пишетъ не поэтъ, здѣсь плачетъ гражданинъ».

Про Императора Александра I:

«Онъ благостью, въ свой вѣкъ, возвысилъ царскій санъ».

Такіе стихи говорятъ сами за себя.

Переводы Милонова изъ Горація и Тибулла сдѣланы по системѣ Катріева и передаютъ одни слова, не подавая никакого понятія о духѣ и колоритѣ оригинальныхъ пьесъ. Вотъ лучшіе стихи, не лишенные поэтическаго достоинства, изъ «Похвалы сельской жизни»:

«Когда жъ печальную и хладную часть года,
Юпитеръ отъ небесъ на землю низведетъ,
Преслѣдуетъ звѣрей различнаго онъ (земледѣлецъ) рода,
Со стаей псовъ, вокругъ разставленныхъ тенетъ: —
Вотще тогда бѣгутъ и заяцъ торопливой,
Стремящійся сокрыть въ излучинахъ свой слѣдъ,
Щетинистый кабанъ, и серна боязлива,
Пригнувшая рога на трепетный хребетъ!»

Изъ новѣйшихъ поэтовъ Милоновъ перевелъ нѣсколько пьесъ Парни, Жильбера, Мильвуа, Сенъ Виктора, Леонара. Пьесы эти вообще не стоили перевода, кромѣ прелестной элегіи: *Паденье Листьевъ* Мильвуа, которой подражалъ Батюшковъ, и которую такъ

изящно перевелъ потомъ Баратынскій. Для сравненія переводомъ, столь извѣстнымъ, выписываемъ здѣсь Лонова:

«Разсыпавъ осени рукою,
Лежалъ поблекшій листъ кустовъ;
Зимы предтеча, страхъ съ тоскою
Умолкшихъ прогонялъ пѣвцовъ:
Мѣста сіи опустошенны
Страдалецъ юный проходилъ;
Ихъ видъ, во дни его блаженны,
Очамъ его пріятенъ былъ.
Твое, о, роща! опустѣнье
Мнѣ предвѣщаетъ жребій мой,
И, каждаго листа въ паденьѣ,
Я вижу смерть передъ собой!
О, Эпидавра прорицатель!
Ужасный твой мнѣ внятенъ гласъ
«Долинъ отцвѣтшихъ созерцатель,
Ты здѣсь уже въ послѣдній разъ!
Твоя весна скорѣй промчится,
Чѣмъ пожелтѣетъ листъ въ поляхъ
И съ стебля сельный цвѣтъ свалится.» —
И гробъ отверзтъ въ моихъ очахъ!
Осенни вѣтры восшумѣли
И дышутъ хладомъ средь полей,
Какъ призракъ легкій улетѣли
Златые дни весны моей!
Вались, вались листъ мгновенный,
И скорбной матери моей,
Мой завтра гробъ уединенный,
Сокрой отъ слезныхъ ты очей!
Когда жъ къ нему, съ тоской, съ слезами,
И съ распущенными придетъ
Вокругъ лилейныхъ плечъ власами,
Моихъ подруга юныхъ лѣтъ,
Въ безмолвьи осени угрюмомъ,
Какъ станетъ помрачаться день,
Тогда буди ты легкимъ шумомъ
Мою утѣшенную тѣнь! —
Сказалъ — и въ путь свой устремился,
Назадъ уже не приходилъ;
Послѣдній съ древа листъ сронился.
Послѣдній часъ его пробилъ.
Близъ дуба юноши могила;
Но, съ скорбію въ душѣ своей,

Подруга къ ней не приходила,
Лишь пастырь, гость нагихъ полей.
Порой вечернія зарницы,
Гоня стада свои съ луговъ,
Глубокій миръ его гробницы
Тревожитъ шорохомъ шаговъ.»

Кромѣ того Милоновъ перевелъ *Мать-убійцу* Шиллера, увлеченный Жуковскимъ, знакомившимъ тогда Россію съ произведеніями нѣмецкаго поэта. И выборъ пьесы и переводъ не очень удачны. Въ оригинальныхъ элегическихъ стихотвореніяхъ Милонова нѣкоторо истиннаго таланта, что невольно становится грустно отъ прерывно замѣтнаго въ нихъ колебанія, о которомъ мы уже гов ли выше, и отъ видимаго въ нихъ тщетнаго усилія поэта бро пробитую уже колею. Въ этихъ стихотвореніяхъ такъ и видно. такое-то стихотвореніе написано оттого, что сегодня поэтъ увле Жуковскимъ, такое-то нашептывалъ ему Батюшковъ; рѣдко, бы подобныя вдохновенія производили что-нибудь равное образ ихъ внушившимъ. Выписываемъ здѣсь стихотвореніе: «На лѣ друга», какъ болѣе другихъ могущее дать понятіе о родѣ его нта.

«Солнце сѣло — сумракъ лѣтній
Увлажилъ собой поля,
Я спѣшилъ подъ дубъ столѣтній
Слушать пѣсни соловья:
Громко въ воздухѣ душистомъ
Разливалъ любви восторгъ,
И въ раскатахъ, съ звонкимъ свистомъ,
Утомясь, пѣвецъ умолкъ.

Все вкушало сна отраду,
Тишина въ поля сошла
И, среди небесъ, лампаду
Блѣдна Цинтія зажгла;
По лазури распестрился
Звѣздъ горящихъ милліонъ,
Сребровидный отразился
Токъ падущихъ съ шумомъ волнъ...

Спитъ счастливецъ, усыпленный
Сладострастія рукой,
Спитъ страдалецъ измученный,
Раздѣля свой одръ съ тоской,
. . . . . .

О, безцѣнный даръ природы,
Силъ податель, сладкій сонъ!
Жертва скорби, въ юны годы,
Я одинъ тебя лишенъ!
Звукомъ горестной цѣвницы,
Близь твоей, почившій другъ,
Мхомъ поросшія гробницы
Услаждаю скорбный духъ.

Сколь блаженъ, тебѣ подобно,
Кто навѣкъ почилъ отъ золъ,
И отъ странствія безплодна
Пристань вѣрную нашелъ;
Во твоей могилѣ тѣсной
Воздыханья, плача нѣтъ,
Нѣтъ тоски, со мной всемѣстной,
Лютыхъ горестей и бѣдъ.

Ни ужасный страсти пламень,
Ни борьба съ самимъ собой,
Ты недвижимъ, тихъ какъ камень,
Водруженный надъ тобой!
Ни судебъ, ни смертныхъ злобѣ
Не подвластна персть твоя;
Ахъ, почто съ тобой во гробѣ
Не сокрылся вмѣстѣ я!

Дона на брегу высокомъ,
Средь обители отцовъ,
Я лежалъ бы въ снѣ глубокомъ
Близъ священныхъ ихъ гробовъ —
Ликъ увядшій, тихій, блѣдный,
И къ груди прижатый крестъ —
Скоро ль, скоро ль, странникъ бѣдный,
У родимыхъ будешь мѣстъ?»

Вотъ поэтическіе стихи изъ «Унынія»:

«Но болѣе всего люблю тотъ часъ священный,
Какъ гаснетъ въ облакахъ, прощаясь съ міромъ день,
Какъ длинная съ холмовъ въ долины ляжетъ тѣнь,
Полдневныхъ шумъ работъ умолкнетъ постепенно
И пѣніе пѣвцовъ слабѣетъ отдаленно,
Скрываются цвѣты, чернѣютъ зыби водъ,
Какъ свѣта царь, скончавъ торжественный свой ходъ,
Померкшее чело скрываетъ за туманомъ —
И теплится заря на Западѣ багряномъ.
Тогда мечтается, съ прохладнымъ вѣтеркомъ,

Молчаніе летитъ подъ маковымъ вѣнкомъ,
Другъ ночи, и о ней желанный возвѣститель!»
«Сажусь — и углубленъ въ бесѣдѣ молчаливой —
Сюда — унынія и мудрости друзья!
Ликъ мѣсяца блеснулъ на зеркалѣ ручья!
Предъ мною храмъ села, въ очахъ моихъ кладбище,
Отшедшихъ отъ земли пустынное жилище,
Не бронза, не гранитъ — вѣщатели похвалъ!
Полуобрушенный, покрытый дерномъ валъ,
Заросшихъ рядъ могилъ, гдѣ мохъ лишь посѣдѣвшій
На камняхъ гробовыхъ, или вновь зазеленѣвшій,
Почившихъ время сна являетъ для очей.»

Представляемъ еще начало исполненнаго задушевнаго чувства изліянія: «Къ сестрѣ»:

«Когда, мой другъ, опять съ тобою,
Дорожный бросивъ посохъ свой,
Я нѣжной обнимусь рукою
И водворюсь въ странѣ родной?
Ужь много лѣтъ прошло разлуки,
Давно твой другъ осиротѣлъ;
Не услажденны сердца муки,
Ни чей не облегчалъ раздѣлъ!
Когда опять съ восторгомъ встрѣтишь
Ты мой нечаянный приходъ,
И на лицѣ моемъ примѣтишь,
Слѣды печалей и заботъ?
Лѣта ужь много измѣнили
И много взяли въ дань себѣ,
Одно лишь сердце пощадили
И дружбу нѣжную къ тебѣ!
Мечты сокрылися отрадны,
Ихъ грозный опытъ отогналъ,
Повѣялъ вѣтръ осенній, хладный,
И цвѣтъ весны моей увялъ!...
Когда наступитъ часъ желанный,
И я, въ отеческомъ дому,
Въ пріютѣ дружбы, гость нежданный,
Прижмуся къ сердцу твоему?
Протекшихъ дней воспоминанье
Мы оживимъ въ душѣ своей,
И я начну повѣствованье
Моихъ въ разлукѣ текшихъ дней,
Какъ я, съ бѣдами и судьбою
Боролся, силъ лишенъ своихъ —
И — услажденъ твоей слезою,
Навѣкъ изглажу память ихъ!»

Мы могли бы выписать еще много истинно поэти
ныхъ стиховъ; выбираемъ на-удачу:

«Гдѣ больше дивенъ Богъ, какъ не въ душѣ пр
Сіяющей въ чертахъ прелестнаго лица?»

«И гаснетъ пламенникъ надежды
На гробѣ всѣхъ твоихъ отрадъ.»

«Какою силою чудесной
Разрушенъ сталъ сей міръ прелестный.
Гдѣ зрѣлъ я доблести въ вѣнцахъ.
Любовь, манящую отрадой,
Фортуну, льстящую наградой,
И Правду въ солнечныхъ лучахъ!

Гдѣ прежде юность созидала
Великолѣпный храмъ честей,
Куда парить она мечтала
Дивиться благости людей —
Тамъ, вмѣсто доблести и чести,
Порока ликъ, рукою лесть
Увѣнчанъ, въ блескѣ ей предсталъ
Тамъ Опытъ показалъ ей строгій
Злодѣйства страшныя дороги:
Я ихъ узрѣвъ — вострепеталъ!»

«Я, въ убранствѣ юныхъ лѣтъ.»

«Въ немъ духъ былъ Ангела — но страсти Чел

Теперь не угодно ли послушать пѣсни Милонов
лоса. Вотъ *réminiscence* изъ Державина:

И такъ, мой другъ, пока поспѣетъ
Пожать тебя судьбины серпъ,
И волю духъ еще имѣетъ,
И намъ даетъ отсрочку смерть,
Прижми на персяхъ, въ нѣжны длани,
Одѣту въ благолѣпны ткани,
Плѣниру сердцемъ и красой,
Сбери друзей и чадъ любезныхъ,
Ударь во струны лиръ небесныхъ
И жизни радости воспой!

Слѣдующіе стихи изъ элегіи «Монастырь» масте
ніе «Сельскому Кладбищу», переведенному изъ Гре
гіе стихи такъ хороши, что не уступаютъ стихам

Смиренны странницы сей жизни скоротечной,
Для коихъ навсегда веселье отцвѣло:
Ихъ Вѣра облекла въ одежду скорби вѣчной:
Ихъ блѣдное къ землѣ потуплено чело.

Вступаетъ каждая въ свой теремъ одинокой,
Другъ къ другу скорбный взглядъ бросая при дверяхъ
Свѣтило дневное сокрылось въ понтъ глубокой —
И вечеръ воцаренъ прохладный на поляхъ!

Все пусто вкругъ меня! лишь тихое моленье
Несется изъ среды обители святой;
Тамъ дѣва, притаясь, въ сердечномъ сокрушеньѣ
Возноситъ къ Божеству смиренный голосъ свой

Быть можетъ, страстію несчастною томима,
Погибшихъ радостей взываетъ отъ небесъ,
Или, печалію ко гробу приводима,
Послѣдній молитъ часъ съ потокомъ горькихъ слезъ.

Какъ, скрытое во мракъ, ей внемлетъ Провидѣнье
И часъ полуночи медлительно звучитъ;
Сопутницы ея вкушаютъ сна забвенье —
И ихъ безбрачный одръ являетъ гроба видъ.

Свѣтильники любви для нихъ не возгорятся,
Отрадъ супружества сердца ихъ не найдутъ:
Ихъ въ чадахъ красоты уже не обновятся —
И самыя мечты жилища ихъ бѣгутъ.

Милоновъ оставилъ, кромѣ своихъ лирическихъ и сатирическихъ ихотвореній, отрывки изъ комедіи: *Опекунъ Стихотворецъ*, кото-ые доказываютъ, что авторъ рѣшительно не обладалъ талантомъ омика.

Если бы кто-нибудь могъ сдѣлаться имъ и быть замѣчательнымъ для одного своего времени, то это Судовщиковъ, молодой чело-ѣкъ, жившій въ Петербургѣ въ послѣдніе годы царствованія Ека-рины. Комедія его: *Неслыханное диво или Честный Секретарь*, казываетъ большой талантъ, стремящійся вырваться изъ-подъ кольнаго классицизма. Къ сожалѣнію, Судовщиковъ, ведя зсѣянную жизнь, не думалъ серьёзно заняться театромъ и оста-лъ только память о томъ, что подавалъ большія надежды. Малень-я комедія его: *Опытъ искусства*, изумительна по легкости стих: я тогдашняго времени и обличаетъ, что на нашей сценѣ не новост. есы, которыя такъ расплодились въ наше время, — пьесы назы-емыя французами: *pièces à tiroir*, основанныя на переодѣваньяхъ.

Вотъ сцена, гдѣ актеръ, чтобы убѣдить содержате
емъ талантѣ, является къ нему, въ видѣ яростна
тилы:

ОХОТНИКЪ (оборотясь къ

Нѣтъ! нѣтъ! мой другъ, тебѣ то даромъ не п
Стремяннаго хочу имѣть, а не скотину;
Обругу завтра же — сведите на осину.

МИЛОНЪ (про себя).

Вотъ строгой приговоръ!

ОХОТНИКЪ (ему).

Позвольте васъ спроси
Съ хозяиномъ я честь имѣю говорить?

МИЛОНЪ.

Такъ точно.

ОХОТНИКЪ.

Я, сударь, прошу у васъ прощень
Что безпокою васъ.

МИЛОНЪ.

Оставьте извиненья.
Позвольте лишь узнать, кто вы?

ОХОТНИКЪ.

Знать нужно вз
Сломиголовниковъ.

МИЛОНЪ (сухо).

Рекомендуюсь самъ.

ОХОТНИКЪ.

Извольте видѣть вы: я въ полѣ двѣ недѣли....
Но множествомъ своимъ мнѣ зайцы надоѣли;
Скажу, что мѣсто ужь! — какіе острова!

МИЛОНЪ (про себя).

Ну, видно, братъ, что ты пустая голова.

ОХОТНИКЪ.

Я слышу ото всѣхъ, что вы странноприимецъ.

МИЛОНЪ.

Я добрымъ людямъ радъ.

ОХОТНИКЪ.

Сто зайцевъ вамъ въ
Вы, безъ сомнѣнія, имѣете собакъ?

МИЛОНЪ.

Имѣю, пять, шесть.

ОХОТНИКЪ.

О! вы шутите?

МИЛОНЪ.

Никакъ.

До нихъ не страстенъ я.

ОХОТНИКЪ.

Однако же для славы....

МИЛОНЪ.

Напротивъ, я держу для маленькой забавы,
И въ полѣ не могу быть больше трехъ часовъ.

ОХОТНИКЪ.

О! не охотникъ вы, я вижу ужь изъ словъ.
А у меня, сударь, собакъ различны стаи,
На полверсты для нихъ поварни и сараи.
Скажу не хвастовски, по истинѣ прямой,
Въ Европѣ, думаю, охоты нѣтъ такой:
Какіе мастера изъ гончихъ, удалые!
А изъ борзыхъ, скажу я словомъ: всѣ — лихія,
Ста тысячъ не возьму за этихъ я собакъ.

МИЛОНЪ (въ сторону).

Ну долго ль мнѣ еще быть слушателемъ вракъ?

ОХОТНИКЪ.

Позвольте вамъ сказать, вы въ свѣтѣ не живете.

(Милонъ смѣется).

Сурьезно, — какъ же вы собакъ не заведете?
Охоты можетъ ли пріятнѣе что быть?

МИЛОНЪ.

Пріятность ищетъ всякъ по чувствамъ находить.

ОХОТНИКЪ (язвительно).

Конечно. Но скажу: собака много значитъ.
Теперь о кобелѣ сосѣдъ мой горько плачетъ.
А дѣлать нечего, придется отдавать!
Признаться, кстати я умѣлъ его прижать.
Представьте: по уши въ сестру мою влюбился,
Сталъ свататься — тутъ я за дѣло спохватился:
Кондицію ему: иль кобеля отдать,
Или сестру мою вовѣки не видать.
И такъ, сударь, теперь не знаетъ чѣмъ рѣшиться:
Жениться хочется, съ собакой жаль проститься.

МИЛОНЪ (про себя).

Вотъ въ этомъ женихѣ надежда не мала.

ОХОТНИКЪ (ходя по театру).

Эхъ, милая! — теки!... причуй!... причуй!... лошла!...
Ату его!... ату! *(хлопаетъ арапникомъ).*

МИЛОНЪ (про себя).
Вотъ прямо сумасшедшій.

ОХОТНИКЪ.
Охъ, сколько затравилъ я осенью прошедшей....

МИЛОНЪ (перебивая).
Позвольте.... гдѣ, сударь, изволите служить?

ОХОТНИКЪ (смѣется).
Служить!... оставьте говорить
Объ этомъ.

МИЛОНЪ (важно).
Почему жъ?

ОХОТНИКЪ
Гѣ ходятъ съ орденами,
А ты щелкай въ зубки, — спасибо!

МИЛОНЪ (не вытерпя
Между нам
Позвольте вамъ сказать: вы врете, сударь, вда

ОХОТНИКЪ.
Какъ смѣли вы сказать такъ грубо, — я маіоръ

МИЛОНЪ.
Тѣмъ хуже все для васъ: кто чести носитъ зна
Тотъ долженъ разбирать, что̀ люди, что̀ собаки
Когда желаете вы титло славы несть,
Трудомъ и ревностью возможно пріобрѣсть....

ОХОТНИКЪ.
Да что вы учите! я, право, не ребенокъ.

МИЛОНЪ (не слушая).
Стыдитеся, сударь, — давно ли изъ пеленокъ,
Въ отставкѣ.... и маіоръ.

ОХОТНИКЪ.
Да вы въ отставкѣ са

МИЛОНЪ.
И на это, сударь, тотчасъ отвѣтъ я дамъ:
Оставилъ службу я, — но цѣль тому иная,
Обязанность въ душѣ всечасно сохраняя.
Соотчичамъ моимъ хочу полезенъ быть.
Порочному глаза стараюсь я открыть,
Достойному — воздать желаю прославленье,
Примѣръ несчастія представить въ утѣшенье
И если бы успѣлъ въ намѣреніи томъ....

ОХОТНИКЪ.
За тронутую честь — заплатишь ты мнѣ лбом
Увидишь ты, кто я, узнаешь что̀ я значу;
Но жаль, что попусту слова мои лишь трачу.

МИЛОНЪ (холодно).

Но надо ихъ беречь.

ОХОТНИКЪ.

Въ минуту къ вамъ явлюсь (*уходитъ*).

МИЛОНЪ (въ слѣдъ).

Не заяцъ я, мой другъ, и треску не боюсь.

Желающіе познакомиться ближе съ личностію Судовщикова прочтутъ съ удовольствіемъ любопытную статью о немъ покойнаго М. Н. Макарова, помѣщенную въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», помнится, 1842 года, гдѣ, кромѣ того, найдутъ многія подробности о нравахъ молодежи его вѣка. Намъ извѣстно, что Макаровъ оставилъ родъ записокъ почти обо всемъ, что́ касается до русской литературы отъ конца XVIII вѣка до нашего времени. Макаровъ былъ сотрудникъ Карамзина въ журналистикѣ и до глубокой старости слѣдилъ за ходомъ отечественной словесности. Если бы г. Смирдинъ могъ пріобрѣсть право на изданіе этихъ записокъ, онъ оказалъ бы этимъ большую услугу и сдѣлалъ бы прекрасное дополненіе къ своему «Собранію Сочиненій Русскихъ авторовъ».

Любительскія чтенія. Разсказы и описанія по ч
исторіи, физики и естественной исторіи, взятые изъ
лучшихъ писателей. Изданіе Дейбнера и Хеліуса. *Тет*
1849.

Въ началѣ нынѣшняго года, гг. Дейбнеръ и Хелі
въ Москвѣ первую тетрадь своего изданія «Любител
объявили, что выдадутъ еще девять тетрадей непр
году. Такъ-какъ изданіе дѣйствительно не кончил
традью, а обнаруживаетъ явное намѣреніе сдержать
(недавно вышла уже шестая тетрадь его), то Современ
признаетъ нужнымъ довести о немъ до свѣдѣнія
телей.

Я съ удовольствіемъ принялся разсматривать е
всѣмъ ловкое, но заманчивое заглавіе заинтересовал
тоже изъ числа любителей чтенія, разумѣется, заин
главіе первой статьи: *Китай.*

Начинаю читать. «Китай или, какъ называют
среднее царство, граничитъ къ сѣверу съ Монгол
заливомъ Петшилійскимъ....» какая скука! дохс
столбца: «По почвѣ, климату и продуктамъ, Китай
на три части: 1)....» Нѣтъ, рѣшительно выбиваюс
третьей страничкѣ продолженіе дѣленія.... нѣтъ
нибудь? «3) Южная китайская гористая полоса соед
горъ Сире-Лингъ или Юнъ-Лингъ, Наплингъ, Та-ю-
Тапа-Лингъ и Пелингъ, многія изъ ихъ вершинъ г
ми снѣгами....» Нѣтъ, клянусь вамъ великими пост
что такихъ статей не осилитъ ни одинъ любитель
написали ее скучно, что право нельзя читать... и хо
къ сторонъ небесной имперіи, но мало даете пон

Вотъ, напримѣръ, о китайскихъ женщинахъ.... что́ написали вы? акія свѣдѣнія почерпнетъ о нихъ любитель чтенія, прочитавъ слѣующее:

«Глубоко унижена женщина у этого народа, стоящаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на высшей степени образованія: какъ товаръ, продается она мужу, по смерти котораго, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, семейство снова имѣетъ право продать ее. Никогда не видала на жениха своего, и вотъ въ день свадьбы несутъ ее въ закрытыхъ носилкахъ въ его домъ, и она должна раздѣлять съ нимъ судьбу его и молчать, *если у него есть еще нѣсколько другихъ женъ* (?!). Мужъ имѣетъ право прогнать жену свою по самой незначительной причинѣ, и тогда лишается она всякаго права на дѣтей своихъ, которыя не смѣютъ даже оплакивать смерть своей матери, потому что она только тогда имѣетъ право на это имя, когда она вмѣстѣ съ тѣмъ и жена.»

Нѣтъ, вы не любите своихъ читателей! Иначе чѣмъ объяснить, что, коснувшись такого интереснаго предмета, вы не хотѣли доставить любителямъ чтенія болѣе подробныхъ и болѣе вѣрныхъ о немъ свѣдѣній. А въ подробностяхъ о немъ мы видимъ, такъ сказать, характеръ цѣлаго государства: разскажите только нихъ, не говоря ни рѣкахъ, ни о горахъ, ни о цвѣтущемъ земледѣліи, и каждый читатель получитъ самый вѣрный обращикъ того, что́ значитъ Китай въ нравственномъ отношеніи, — и притомъ сколько тутъ интереснаго оригинальнаго! Я дополню ваши свѣдѣнія.

Коренной законъ при заключеніи браковъ у китайцевъ состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что два дома однофамильные, то есть имѣющіе одно прозваніе, не могутъ вступать въ брачныя связи, хотя бы ти фамиліи не находились ни въ какомъ между собою родствѣ, даже ыше ста колѣнъ. Только въ бракѣ князей и княженъ дѣйствуетъ ола бохдыхана, и не допускаются ни взаимное согласіе жениха и невѣсты, ни частные мелочные обычаи. Что́ же касается до брасочетанія между прочими китайцами, то для нихъ существуютъ особенныя постановленія, столь многосложныя, что мы ограничимся здѣсь только немногими.

Родители имѣютъ полное право утверждать брачную связь, не взирая возраста: по дружбѣ, они условливаются иногда на этотъ иетъ до рожденія жениха и невѣсты. Что́ же касается до сватовства зрослыхъ, то для этого употребляются сватовья, чаще всего изъ одственниковъ и друзей. Посредствомъ ихъ разузнаютъ, не отъ побочной ли жены рожденъ кто-нибудь, не пріемышъ ли, не имѣетъ ли какой болѣзни и т. п. Какъ-скоро обѣ стороны согласны на рекъ, то слѣдуютъ предписанному закономъ порядку.

Отецъ жениха объясняетъ въ письмѣ, за кого и
таетъ дѣвушку, и проситъ увѣдомить его о годѣ,
часѣ ея рожденія, при чемъ, въ особливой записочкѣ
о годѣ, мѣсяцѣ, днѣ и часѣ рожденія жениха. Межд
рительно посылаетъ сваху отобрать рѣшительное
невѣсты. Получивъ согласіе невѣсты на бракъ, отецъ
даетъ повѣреннаго къ отцу невѣсты. Послѣдній
приличномъ одѣяніи и подаетъ повѣренному письмо
къ западу, а потомъ обязанъ сдѣлать ему двукратны
повѣренный удерживаетъ его отъ поклоновъ.

Когда повѣренный войдетъ въ домъ невѣсты, от
маетъ его въ залѣ, стоя на восточной сторонѣ, а посл
ему письмо, стоя на западной сторонѣ. Потомъ слѣду
ваніе даровъ. Обратясь къ сѣверу, отецъ невѣсты дѣ
ное поклоненіе и принимаетъ письмо. Гость уклоняе
тія поклоновъ. Получивъ письмо, отецъ невѣсты
сватовствѣ въ домашнемъ храмѣ или молельнѣ сво
смотря потому, къ какому классу чиновниковъ при
чиновники отъ 1 до 4 класса имѣютъ храмы, въ ко
наются своимъ предкамъ; прочіе не имѣютъ права
камъ и поклоняются имъ въ молельной комнатѣ. Пос
невѣсты пишетъ письмо и при немъ прилагаетъ запи
мѣсяцѣ, днѣ и часѣ рожденія своей дочери. Пригласи
въ залу вторично и ставъ на восточной сторонѣ, от
письмо и дѣлаетъ двукратное поклоненіе. Принявъ п
ный удерживаетъ его отъ поклоненія и, передавъ
ждавшему его, остается въ домѣ невѣсты. Какъ гост
на восточной сторонѣ, а отецъ невѣсты—на западн
кратнаго питья, гость встаетъ и откланивается. Отец
вѣтствуетъ поклономъ и провожаетъ его за дверь *как*
вилъ обращенія между собою, для котораго у
опредѣленный церемоніалъ. Здѣсь мы считаемъ неос
мануть только о томъ случаѣ, когда посторонній при
какъ гость. При свиданіи столичныхъ чиновниковъ
чину, какъ скоро гость пріѣдетъ къ воротамъ, то сл
привратнику, а привратникъ докладываетъ хозяину
приличномъ одѣяніи, выходитъ на-встрѣчу гостя въ
въ уличныя ворота. Послѣ взаимнаго поклона въ-по
дворъ. Хозяинъ при каждыхъ воротахъ даетъ гостю
предъ крыльцомъ проситъ его итти наверхъ; дош
проситъ его войти. Вошедши, оба они дѣлаютъ двук
ніе на сѣверъ. Послѣ этого хозяинъ ставитъ для гост

къ западу. Гость кланяется въ-поясъ, хозяинъ отвѣтствуетъ тѣмъ же; потомъ оба садятся. Подаютъ чай; принявъ чай, гость кланяется въ поясъ; хозяинъ отвѣтствуетъ тѣмъ же; пьютъ чай и разговариваютъ. Простившись, разумѣется съ поклономъ въ-поясъ, выходятъ на крыльцо. Гость прощается, но хозяинъ настоятельно желаетъ проводить его за уличныя ворота и возвращается только тогда, когда гость сядетъ въ носилки или на лошадь. — Тутъ есть еще много другихъ правилъ, но мы возвращаемся къ нашему главному предмету—къ обрядамъ сватовства. По возвращеніи повѣреннаго въ домъ жениха, отецъ послѣдняго принимаетъ отъ него письмо (опять по особенному церемоніалу).... Впрочемъ, не лучше ли намъ покончить и съ церемоніями сватовства: имъ и конца невидно, и мы боимся наскучить ими нашимъ читателямъ.

Правда, въ каждомъ обществѣ есть свои церемоніи, но онѣ не доведены до крайностей и даже не имѣютъ права называться церемоніями; у насъ въ нихъ вездѣ проглядываетъ разумная необходимость. Въ Китаѣ наоборотъ: тамъ во всякомъ дѣйствіи половина дѣла, а половина церемоній. Возьмите, напримѣръ самую простую вещь — производство въ степень магистра. Кажется, чего бы проще: человѣкъ выдержалъ экзаменъ, — выдать ему дипломъ и дать сообразную работу. Но для китайцевъ этого мало: посмотрите, сколько у нихъ возни по этому случаю, единственно ради церемоній. А гг. Дейбнеръ и Хеліусъ объ этомъ ни слова! Оттого вся характеристика Китая, особенно нравственная, въ ихъ статьѣ осталась блѣдною, почти невыражена. Мы опять пополнимъ ихъ сколько-нибудь.

Церемоніи при полученіи степени магистра состоятъ въ трехъ обстоятельствахъ: *утвержденіи*, потомъ въ *угощеніи и благодареніи*, которое они приносятъ въ храмѣ Кхунъ-цзы (Конфуція).

Предъ объявленіемъ кандидатовъ, получившихъ на дворцовомъ испытаніи степень магистра, становятъ два стола: одинъ въ тронной дворца (Тхай-ходянъ), другой предъ тронною на красномъ крыльцѣ. Одинъ министръ и президентъ Обрядовой Палаты становятся внѣ тронной, на восточной сторонѣ. Князья и вельможи дежурные, чтецы и разные чиновники, бывшіе при испытаніи, становятся позади церемоніальнаго кортежа, у восточнаго крыльца; кандидаты становятся отъ кортежа на югъ по обѣимъ сторонамъ. Три чиновника, глашатаи, становятся порознь на мѣстахъ, опредѣленныхъ общимъ церемоніаломъ придворныхъ собраній. Лишь только богдыханъ вступитъ въ тронную и сядетъ на престолъ, чиновники совершаютъ обрядъ троекратнаго колѣнопреклоненія съ девятью земными поклонами. Послѣ этого, министръ входитъ въ тронную восточною дверью,

беретъ со стола объявленіе о получившихъ степ
выходѣ, передаетъ его президенту Обрядовой П
принявъ его съ колѣнопреклоненіемъ, полагает
кланяется троекратно на сѣверъ и потомъ от
мѣсто.

Новые магистры выстроиваются у класныхъ
сѣверъ. Какъ скоро глашатай произнесетъ перв
вятся на колѣни. Чтецъ становится на восточн
на западъ, и читаетъ указъ, что такого числ
угодно было дать такимъ-то титулъ *магистровъ*,
вышедшихъ изъ магистровъ, и наконецъ третьимъ
вышедшихъ изъ магистровъ.

Что́жь это такое: вышедшіе изъ магистровъ
ваютъ ли надъ нами синологи на-счетъ китайцев
дятся въ магистры, а ихъ называютъ вышедшим
Но будемъ вѣрить синологамъ. Итакъ, послѣ ук
общающій объявленіе, возглашаетъ: «первый
разряда такой-то». Когда это объявленіе перед
сному крыльцу внизъ, то церемоніймейстеръ вед
стра къ класнымъ горкамъ 12-го класса и ставитъ

Вторично возглашаютъ: «второй магистръ пер
то». Послѣ *двухъ передачъ* объявленія, ведутъ
горкамъ 13 класса и ставятъ на колѣни.

Въ третій разъ возглашаютъ: «третій магистр
такой-то». Послѣ *трехъ передачъ* объявленія ведут
камъ 14 класса и ставятъ на колѣни. Прочихъ не
довъ и не ставятъ на колѣни. Выслушавъ указъ,
троекратное колѣнопреклоненіе съ девятью земны
слѣ этого президентъ Обрядовой Палаты подходит
лѣнопреклоненіемъ снимаетъ объявленіе и схо
среднимъ ходомъ. Членъ отдѣленія церемоній пр
ніе на блюдо и выходитъ. Потомъ слѣдуетъ уго
церемоніи далеко еще не кончились; тутъ недоста
взаимныхъ улыбокъ и поцалуевъ. Мы предоста
нымъ читателямъ прослѣдить ихъ до конца въ соч
нолога о. Іакинѳа.

Таковъ Китай! и такими-то чертами должны
рактеръ тѣ, кто хочетъ доставить удовольствіе и
чтенія. Не находя ничего подобнаго въ изданіи
нія», мы едва прочли его пустую статейку о К
другимъ статьямъ — въ надеждѣ вознаградить себ
статьи, — опять неудача! скука только усилила

ш отдохнуть на гравюрахъ, и на этотъ разъ не обманулись: ы прекрасныя, есть между ними даже превосходныя, какихъ бывало въ русскихъ изданіяхъ. (Впрочемъ, и взяты они изъ инныхъ изданій).

юбовавшись гравюрами, мы еще болѣе пожалѣли, что текстъ удовлетворителенъ. Впрочемъ, не желаемъ, чтобы изда- несли убытки, и потому считаемъ долгомъ замѣтить здѣсь, -первыхъ, не всѣ статьи одинаково скучны: по части енной исторіи и физики есть даже довольно интересныя; во- ъ, недостатокъ изданія происходитъ не столько отъ выбора товъ, сколько отъ неумѣнья разсказывать: кто неприхотливъ ъ счетъ, тотъ прочтетъ многое съ интересомъ; и наконецъ, изданіе, если только будетъ поддержано вниманіемъ публи- ъчемъ не уступитъ «Живописному Обозрѣнію», которое имѣло о столько поклонниковъ; можно даже надѣяться, что изданіе еламъ Чтенія» во многомъ сдѣлается лучше «Живописнаго нія». Мы, съ своей стороны, можемъ обѣщать только добро- ные совѣты и, по мѣрѣ нашихъ силъ, выражать примѣромъ, менно мы желаемъ отъ подобныхъ изданій. Еще одинъ со- указывайте источники, изъ которыхъ вы заимствуете свои ; тогда изданіе получитъ вѣсъ и въ глазахъ науки.

а немножко велика для нашей публики (6 руб. сер., съ пере- 7 руб. за десять выпусковъ). Это тоже недостатокъ въ хъ такихъ вещей.

ета, *сказаніе изъ временъ Марка Аврелія. Соч.* Рапча.

заніе г. Рапча относится къ тому времени, когда въ Алексан- оцвѣтало христіянское училище, извѣстное подъ именемъ *Ди- іона*, но когда еще были нерѣдки гоненія на христіянъ. Эти составляютъ предметъ поэмы и сосредоточены въ ней въ ристіянина Ареты.

ь сцена, которая можетъ познакомить читателей и съ содер- ь поэмы и съ поэтическимъ талантомъ автора.

Язычество, раскинувъ сѣти,
Ловило чтителей Христа.
И онъ (Арета) и юные съ нимъ дѣти
Идутъ въ безлюдныя мѣста.
Ихъ путь далекъ; и пламень жажды
И голодъ ихъ порой томитъ;
Вездѣ пустыни мертвой видъ.
Они впередъ, и вотъ однажды
Предъ ними вскрылась зыбь рѣки,

За ней виднѣются жилища.
Тамъ ждетъ пріютъ, тамъ ждетъ ихъ
Вотъ и прибрежные пески.
Они разливъ рѣки глазами
Измѣрили, и — сжалась грудь:
Разширясь въ осень подъ дождями,
Она имъ преграждала путь.
Отецъ задумался глубоко.
Былъ постъ на ней, но онъ снесенъ,
А броду нѣтъ; въ обходъ далеко..
И вспомнилъ онъ зловѣщій сонъ.
Но, ввѣривши свой жребій Богу,
И съ дѣтской въ сердцѣ простотой
На Промыслъ положась святой,
Онъ усмирилъ души тревогу.

Въ походахъ съ юношескихъ дней
Окрѣпнувшій, въ плечахъ широкой
Онъ, одного изъ сыновей
Оставивъ у рѣки глубокой,
Другаго на руки беретъ
И смѣло входитъ въ лоно водъ.
Рѣка шумитъ, вздымаетъ волны,
А онъ впередъ, надежды полный,
И — очутился за рѣкой
И, ношу на песокъ зыбучій
Сложивъ, пустился за другой, —
Межъ тѣмъ надъ нимъ сбирались туч

Арета, не предвидя бѣдъ,
Все далѣ; пройдена стремнина....
Вдругъ позади и крикъ и стонъ;
И, вздрогнувъ, оглянулся онъ,
И видитъ, — левъ, схвативши сына;
Стрѣлою мчится въ ближній лѣсъ;
И свѣтъ въ очахъ отца исчезъ.
Отчаяньемъ полуубитой,
Онъ къ сыну бросился съ защитой,
Оставивъ *рѣку* за собой;
Онъ въ лѣсъ *горячею стопой*
Полуживой и полумертвой;
Онъ сына милаго зоветъ....
И сынъ отвѣта не даетъ,
И левъ исчезъ съ своею жертвой.
Арета кличетъ: «Полидоръ!»
И эхо вторитъ: «Полидоръ!»

этимъ не кончились бѣдствія Ареты. Воротившись къ мѣсту, гдѣ оставилъ другого сына, онъ не находитъ его! Арета въ отчаяніи.

Въ день, въ часъ одинъ онъ *обезчадѣлъ*?...
И міръ несчастному постылъ, —
Онъ имъ какъ тѣмъ *обокраденъ*....

тателю хочется знать, что сдѣлалось съ дѣтьми Ареты, особъ тѣмъ, котораго похитилъ левъ. Вотъ какъ Полидоръ самъ вываетъ свои похожденія:

— Я помню тотъ ужасный часъ,
Какъ мой отецъ на берегъ вышелъ.
И снова — въ волны; какъ послышалъ
Мой крикъ, когда со мною левъ
Стрѣлой помчался въ чащу *древъ*....
О бѣдный, бѣдный мой родитель!
Что чувствовалъ ты въ этотъ мигъ?

Левъ далѣ; зовъ отца затихъ....
. . . . . .

Вотъ вижу я себя въ пещерѣ:
Вотъ львица лапу подняла.
Я вздрогнулъ, но, прибѣгнувъ къ вѣрѣ,
Творящей дивныя дѣла,
Скрѣпился.

Львица отъ занозы
Страдала, и, казалось, слёзы
Сверкали на ея глазахъ,
И сердце билося тревожно.

Я подавляю въ сердцѣ страхъ
И вынимаю осторожно
Занозу; и свирѣпый левъ,
Мгновенно стихнувъ, присмирѣвъ,
Не прикоснулся мнѣ; а львица,
Привставъ, меня, какъ сына мать,
Была готова обнимать.

Такъ Бога дивная десница
Спасла меня въ пещерѣ львовъ:...
И вспомнилъ я о Даніилѣ.
Какъ онъ, сошедшій въ львиный ровъ,
Былъ обреченъ уже могилѣ
Казалось, смерть его ждала....
Но чистаго душой спасла
Въ часъ гибели живая вѣра.

Мрачно, тѣсно у моей пещеры.
И вотъ я задохнулся въ ней:
Закрадывалась въ грудь тревога.
Но я, предавшись волѣ Бога,
Жду первыхъ утреннихъ лучей.

Проходитъ ночь; занялась денница;
Проснувшися, и левъ и львица
Выходятъ на обычный ловъ.
Я покидаю логовище
И пробираюсь межъ деревъ;
Иду я — вижу поселище,
Пріютъ смиренный пастуховъ.
Я къ нимъ; они меня радушно
Ввели подъ свой печальный кровъ.»

Съ другимъ сыномъ Ареты случились прикл тересныя. Вотъ его разсказъ:

«На помощь бросясь къ Полидору,
Отецъ изъ глазъ моихъ пропалъ;
Я ждалъ его, я долго ждалъ
И горько плакалъ. Въ эту пору
Мелькнула не вдали змія;
И я, въ испугѣ отъ нея,
Бѣгу, несусь, лечу стрѣлою.
Змія, казалось, все за мною;
Я далѣ, — вотъ и лѣсъ; я въ лѣсъ.
Вдругъ, вижу, кустъ зашевелился;
Я прочь было́, но оступился
И — свѣтъ въ глазахъ моихъ изчезъ.
Подмостки, рухнувъ подо мною
Надъ звѣроловной западнёю,
Меня съ собою увлекли;
И я, коснувшися земли,
Упалъ безъ чувствъ какъ трупъ бездуш

Что́ было послѣ, долго ль въ душно
Я западнѣ безъ чувствъ лежалъ,
Не знаю. — помню только живо,
Что я, очнувшися, привсталъ
И, осмотрѣвшись торопливо,
Не вѣрилъ собственнымъ глазамъ.

«О Боже, Боже милосердый!
Вскричалъ я, волю давъ слезамъ,
Ты помощь наша, щитъ нашъ твердый
Ты спасъ трехъ отроковъ въ пещи....»

И слышу голосъ я отрадный:
«Кто бъ ни былъ ты, не трепещи!»

Я напрягаю слухъ мой жадный
Вотъ кто-то, голову склоня
Надъ западнёй, спросилъ меня:

«Кто ты? какою здѣсь судьбою?»

— Дитя, испуганный змѣёю:
Я отъ нея, что̀ было силъ,
Бѣжалъ, бѣжалъ и — оступился, —
И вотъ я здѣсь, отвѣтъ мой былъ. —

Невѣдомый перекрестился,
Снялъ поясъ, опустилъ ко мнѣ:
И я уже не въ западнѣ.»

тѣмъ, съ Полидоромъ случилось еще несчастіе, которое чуть ю ему жизни. Онъ попалъ въ милость къ Атерею, который началъ подозрѣвать его въ сношеніяхъ съ своей женой и тайно приказаніе своему рабу утопить Полидора.

«Вступивши въ челнъ вдвоемъ съ рабомъ,
Мы по̀плыли, держась низовья.

Челомъ коснувшись изголовья,
Я тонкимъ забываюсь сномъ.

Вотъ, чуткимъ надо мною слухомъ
Склонясь, злодѣй собрался съ духомъ
И — на̀ бокъ челнъ; и я ужь волнъ,
Зіявшихъ гибелью, коснулся
Но, встрепенувшися, за челнъ;
Челнъ пошатнулся, давъ споткнулся
И — въ воду; но его спасло
Въ рукахъ широкое весло.
Онъ съ нимъ ко мнѣ; какъ вдругъ изъ Нила
Сверкнули зубы крокодила
И — на него, и — въ лонѣ волнъ
Злодѣй нашолъ свою могилу.
Я вздрогнулъ и скорѣе въ челнъ,
Схватилъ весло — и внизъ по Нилу.»

ь приведенныхъ выписокъ читатель имѣлъ случай ознако- съ способностью автора писать стихи. Стихъ вообще вялъ, ластанутъ, еще чаще неестественно сжатъ; неблагозвучныя

Экстраординарный Профессоръ Н. Ѳ. Рождестви
«Руководство къ Россійскимъ законамъ для среднихъ
деній»; II. «Руководство къ внѣшней Исторіи Росси
тельства, съ предварительнымъ изложеніемъ общаго
ленія законовѣдѣнія, для среднихъ учебныхъ заведе
руководство обнимаетъ весь составъ Россійскихъ з
выхъ и государственнаго благоустройства и благочи
по системѣ, принятой въ Сводѣ Законовъ, и словами
въ каждомъ родѣ избраны только нынѣ дѣйствующі
наконецъ включены постановленія до Мая 1848 года,
измѣняющія статьи Свода.

Комиссія Ученаго Комитета при Министерствѣ Г
Имуществъ, по случаю предложеннаго проэкта о при
раемаго дерева, приглашала къ участію въ трудахъ
ординарнаго Профессора А. А. Воскресенскаго, котор
занималася изслѣдованіемъ продуктовъ разложенія исе
риновой кислоты.

«Посредникъ» и «Земледѣльческая Газета» по пре
подъ редакціею Экстраординарнаго Профессора С.
производилъ наблюденія надъ признаками, по кото
время можно было бы узнать способность и неспо
къ урожаю извѣстнаго хлѣба. Напавши на вѣроятный
нію вопроса, столь важнаго въ Сельскомъ Хозяйствѣ,
нынѣ дальнѣйшими изслѣдованіями по этому предмету
Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества,
бличныя лекціи о земледѣліи. По содержанію статута о
онъ, за сочиненіе свое: «О Сельскомъ Хозяйствѣ», по
шему докладу кавалерской Думы, награжденъ симъ
степени.

Напечатаны въ прошломъ году слѣдующія сочинен
нарнаго Профессора И. И. Срезневскаго: 1. Изслѣдова
скомъ богослуженіи древнихъ Славянъ; 2. Изслѣдован
письменахъ Славянскихъ; 3. О новомъ Академическом
О Сербскомъ переводѣ Новаго Завѣта; 5. О произво
лахъ народа, и 6. Продолженіе памятниковъ Славянски

Сочиненія Экстраординарнаго Профессора О. И. Со
высшей Математики вызвали въ Совѣтѣ ходатайство Ч
ленія Философскаго Факультета о примѣненіи къ нему
тута Ордена Св. Анны, котораго 3-ею степенью онъ и
нихъ по всеподданнѣйшему докладу кавалерской Думы

Трудами Адъюнкта П. Л. Чебышева возстановлени
Эйлера, которые и напечатаны въ полномъ собраніи со
знаменитаго математика. Адъюнктъ П. Л. Чебышевъ в
нарнымъ Профессоромъ В. Я. Буняковскимъ составилъ
скій указатель мемуаровъ Эйлера, касающихся теоріи
труды его напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ.

Преподаватель Н. Л. Бероевъ составилъ учебное руководство, подъ названіемъ: «Начальныя основанія Гайканскаго языка». Оно было разсматриваемо въ III-мъ Отдѣленіи Академіи Наукъ и заслужило одобреніе.

«Историческія Записки Грузинскаго Царевича Теймураза», обнимающія исторію Грузіи отъ начала ея существованія до введенія Христіанства, изданы въ свѣтъ Преподавателемъ Д. І. Чубинашвилемъ.

Преподаватель Л. З. Будаговъ составилъ практическое руководство для изученія Татарскаго языка и Хрестоматію съ Словаремъ.

Сочиненіе Ранке: «Римскіе Папы», переведенное на Русскій языкъ кандидатомъ здѣшняго Университета Вельдбрехтомъ, критически разсмотрѣно Преподавателемъ А. С. Вороновымъ, который еще напечаталъ «Систему эстетики Жоберти».

Въ заключеніе акта, докторомъ славяно-русской филологіи, экстраординарнымъ профессоромъ Санктпетербургскаго университета І. Срезневскимъ, читана была рѣчь объ «Исторіи русскаго языка».

Для того же Акта приготовлена была еще одна рѣчь, ординарнымъ профессоромъ А. А. Заборовскимъ: Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу; но, по недостатку времени, она не была читана. Она напечатана въ той же книжкѣ, въ которой изложены всѣ свѣдѣнія, относительно этого Акта.

Русскіе на восточномъ океанѣ. Ал. Маркова. *Москва. 1849.*

Очерки Архангельской губерніи. В. Верещагина. *Спб. 1849.*

Приготовительный курсъ географіи. *Составилъ* Я Кузнецовъ. *Часть I. Спб. 1849.*

Какая наука занимательнѣе всѣхъ? вотъ вопросъ, о которомъ слѣдовало бы поспорить ученымъ, послѣ того, какъ они перестали спорить о томъ, которая изъ нихъ полезнѣе. Читатель, конечно, догадался, что споровъ начинать мы не намѣрены, а просто рѣшаемся утверждать, что географія интереснѣе всѣхъ своихъ сестеръ, выражаясь метафорой въ нѣмецкомъ вкусѣ.

Помилуйте, что́ вы говорите! да географія самая скучная наука! бѣгите отовсюду.

Я и самъ такъ думалъ, когда былъ лѣтъ десяти. Со страхомъ, бывало, глядишь на ландкарту, со страхомъ сидишь на скамейкѣ, тогда-дѣло нашептывая себѣ подъ носъ: Амстердамъ, Гарлемъ, Сардамъ, Гага, Лейденъ, Роттердамъ, Утрехтъ, Амерсфортъ, Нимвегенъ, Гентъ, Брюгге и проч. и проч.—и все-таки не вѣришь, знаешь на урокъ, или нѣтъ: того и смотри, уйдетъ изъ головы нето, такъ другое имя.... спутаешься, собьешься.... оставленъ въ томъ же

классѣ еще на годъ.... Скучная была наука г
вспоминать о томъ, чего ужь нѣтъ давно....: вѣдь
— прошло и для васъ и для меня? такъ забуд
шедшее.

Итакъ, я утверждаю, что географія занима
и если вамъ это мнѣніе непонравится, то вы, пожа
раженіе и думайте по-крайней-мѣрѣ такъ, что
изъ занимательнѣйшихъ наукъ въ мірѣ.

Тутъ, увлекаясь модною страстью къ пампам
бананамъ и древовиднымъ папоротникамъ,
ученыхъ и поэтовъ, мы могли бы, мимоходо
тельныхъ корифеевъ нашей науки, представит
лѣпныхъ картинъ тропической природы и такия
даже удивить смиреннаго читателя богатством
накожь на этотъ разъ мы рѣшаемся быть скро
ставить читателю нѣсколько географическихъ
за-просто изъ книгъ, означенныхъ въ заглавіи
кимъ образомъ разомъ достигнуть двухъ цѣл
слово на-счетъ нашей науки и сказать кое-что
ныхъ книгъ.

Въ самомъ-дѣлѣ, если географію понимать
городовъ, горъ, рѣкъ, озеръ и тому подобнаго
замъ самою скучною на свѣтѣ наукою. Но если
бражать въ ней какъ можно вѣрнѣе, такъ сказ
страны, ея физическую и этнографическую фи
географія, представитъ намъ цѣлый міръ самы
самыхъ интересныхъ картинъ. Возьмемъ, нап
Архангельской губерніи г. Верещагина, и мы
зимательныхъ картинъ представляетъ намъ об
берніи: надо только описывать ихъ такъ, чтобы
дѣйствительно сохранилась, а необезобразила
природою. Намъ понравились въ этомъ отноше
въ книгахъ гг. Верещагина и Маркова, и мы на
тели прочтутъ эти мѣста, вмѣстѣ съ нами, не б

Мы останавливаемъ вниманіе читателя, во-п
ствѣ, занимаемомъ лопарями: это полуостров
вера Ледовитымъ океаномъ, съ востока Бѣль
Кандалакшскою губою, а съ запада в. к. Фи
гіею.

Если мы скажемъ, что эта страна сурова, г
и бѣдна растительностію, то въ воображеніи чи
нарисуются ея физическія свойства, ея фи

...о ли на свѣтѣ суровыхъ, гористыхъ и бѣдныхъ странъ! Если мнѣ ...скажутъ, что замѣчательнѣйшія рѣки въ Лапландіи суть: Пазъ, ...рьема, Печеньга, Бомени, Тулома и Кола, Ернышная, Іоканка и ...оч., то я все-таки не могу представить себѣ физіономіи этой стра... Но соединяйте въ своемъ описаніи всѣ эти и другія отдѣльныя ...рты въ одно цѣлое такъ, какъ онѣ соединены въ самой природѣ,— ...и никогда не забуду вашей страны, хотя бы услышалъ о ней толь... одинъ разъ: что́ за важность, что не буду помнить какого-нибудь ...ноя или Пулонги! При описаніи, географъ долженъ превратиться ...ъ путешественника: только тогда онъ можетъ надѣяться выполнить ...ою задачу какъ требуетъ того идеалъ его науки.

Въ очеркахъ Архангельской губерніи г. Верещагинъ руководился, ...о-видимому, подобнымъ идеаломъ и — повторяемъ — въ нѣкото...ыхъ мѣстахъ достигаетъ своей цѣли удачно.

«Лапландскія горы,— говоритъ онъ, описывая природу Лапландіи, ...и что другое, какъ массы гранита, взгроможденныя одна на другую; ...рѣдка пробивается на нихъ травка, да кой гдѣ одиноко растетъ ...зенькая березка или сосна, почти лишенная вѣтвей съ сѣверной ...тороны.

«Видъ съ этихъ горъ (продолжаемъ мы отчасти сокращая автора) ...звышающихся иногда до 60 сажень, ничего не представляетъ весе...аго: все вокругъ пустынно и дико; порою обширное озеро пле...ется у вашихъ ногъ и исчезаетъ за горизонтомъ; сильный и рѣз...ій вѣтеръ свищетъ и реветъ въ ущельяхъ скалъ, вздымая мрачно-...олодныя волны или крутя снѣжныя вихри; порою, съ береговыхъ ...оръ, предъ вами волнуется море и безпредѣльный океанъ».

Очертивъ подобнымъ образомъ физическую природу страны, г. ...ерещагинъ переходитъ къ царству животному; мы остановимся на ...го описаніи Лапландскихъ оленей.

«Можно сказать (говоритъ г. Верещагинъ), что безъ оленя чело...ѣкъ не могъ бы существовать въ этихъ дикихъ пустыняхъ. Огром...ыми, безчисленными стадами носятся они по тундрамъ Лаплан...іи. Нашедши привольное мѣсто, гдѣ растетъ ягель, все стадо спо...койно пасется до тѣхъ поръ, пока неистребитъ всего корма: потомъ ...отправляется далѣе. Лапландскіе олени довольно рослы и сильны: ши...окіе рога, копыта и мускулистыя ноги даютъ имъ надежныя сред...тва къ защитѣ. Но при всемъ томъ они необыкновенно робки и пу...ливы. Довольно явиться человѣку, чтобы встревожить огромнѣй...шее стадо дикихъ оленей, бродящихъ по тундрѣ; тогда, лишь только ...ва-три оленя шарахнутся въ сторону, какъ вдругъ, мгновенно бро...ается за ними цѣлое стадо; вихремъ несется оно по обширной пу...тынѣ и колеблетъ тундры своею тяжестію, такъ что для непривыч-

классѣ еще на годъ.... Скучная была наука географія. Н
вспоминать о томъ, чего ужь нѣтъ давно.... вѣдь это прошло,
— прошло и для васъ и для меня? такъ забудемъ это ску
шедшее.

Итакъ, я утверждаю, что географія занимательнѣе всѣ
и если вамъ это мнѣніе неправится, то вы, пожалуй, смягчи
раженіе и думайте по-крайней-мѣрѣ такъ, что географія
изъ занимательнѣйшихъ наукъ въ мірѣ.

Тутъ, увлекаясь модною страстью къ пампамъ, саваннам
бананамъ и древовиднымъ папоротникамъ, по примѣру
ученыхъ и поэтовъ, мы могли бы, мимоходомъ, коснуты
тельныхъ корифеевъ нашей науки, представить нѣсколь
лѣпныхъ картинъ тропической природы и такимъ образомъ
даже удивить смиреннаго читателя богатствомъ нашей на
накожь на этотъ разъ мы рѣшаемся быть скромными: хот
ставить читателю нѣсколько географическихъ изображені
за-просто изъ книгъ, означенныхъ въ заглавіи нашей ста
кимъ образомъ разомъ достигнуть двухъ цѣлей: замолви
слово на-счетъ нашей науки и сказать кое-что въ польз
ныхъ книгъ.

Въ самомъ-дѣлѣ, если географію понимать только как
городовъ, горъ, рѣкъ, озеръ и тому подобнаго, то она пр
амъ самою скучною на свѣтѣ наукою. Но если мы постар
бражать въ ней какъ можно вѣрнѣе, такъ сказать, личнос
страны, ея физическую и этнографическую физіономію, т
географія, представитъ намъ цѣлый міръ самыхъ разнооб
самыхъ интересныхъ картинъ. Возьмемъ, напримѣръ, хо
Архангельской губерніи г. Верещагина, и мы увидимъ, с
чимательныхъ картинъ представляетъ намъ одна Арханге
берніи: надо только описывать ихъ такъ, чтобы въ нашем
дѣйствительно сохранилась, а необезобразилась картина,
природою. Намъ понравились въ этомъ отношеніи *нѣкота*
въ книгахъ гг. Верещагина и Маркова, и мы надѣемся, ч
тели прочтутъ эти мѣста, вмѣстѣ съ нами, не безъ удовол

Мы останавливаемъ вниманіе читателя, во-первыхъ, на
ствѣ, занимаемомъ лопарями: это полуостровъ, омываем
вера Ледовитымъ океаномъ, съ востока Бѣлымъ моремъ
Кандалакшскою губою, а съ запада в. к. Финляндскимъ
гіею.

Если мы скажемъ, что эта страна сурова, гориста, бо
и бѣдна растительностію, то въ воображеніи читателя слиш
бо нарисуются ея физическія свойства, ея физическая

мало ли на свѣтѣ суровыхъ, [illegible] и бѣдныхъ странъ! Если мнѣ расскажутъ, что замѣчательнѣйшія рѣки въ Лапландіи суть: Пазъ, Вирьема, Печеньга, [illegible], [illegible] и [illegible], [illegible], Іоканка и проч., то я все-таки не могу представить себѣ значенія этой страны. Но соедините въ своемъ описаніи все это и другія отличныя черты въ одно цѣлое такъ, какъ [illegible] въ самой природѣ, — и я никогда не забуду вашей страны, хотя бы услышалъ о ней только одинъ разъ: что за важность, что я буду помнить какого-нибудь Поноя или Пулонги! При описаніи [illegible] долженъ превратиться въ путешественника: только тогда онъ можетъ надѣяться выполнить свою задачу какъ требуетъ [illegible].

Въ очеркахъ Архангельской губерніи г. Верещагинъ руководился, по-видимому, подобнымъ идеаломъ и — [illegible] — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ своей цѣли удачно.

«Лапландскія горы.— говоритъ онъ, [illegible] Лапландіи, ни что другое, какъ массы гранита, [illegible] одна на другую; изрѣдка пробивается на нихъ травка, и [illegible] растетъ низенькая березка или сосна, почти [illegible] съ сѣверной стороны.

«Видъ съ этихъ горъ (продолжаемъ мы [illegible] автора) возвышающихся иногда до 60 саженъ, ничего не представляетъ веселаго: все вокругъ пустынно и дико; [illegible] озеро плещется у вашихъ ногъ и исчезаетъ за горизонтомъ; [illegible] и рѣзкій вѣтеръ свищетъ и реветъ въ ущельяхъ скалъ, [illegible] мрачно-холодныя волны или крутя снѣжные вихри; [illegible] горъ, предъ вами волнуется море и безпредѣльный [illegible].

Очертивъ подобнымъ образомъ физическую природу страны, г. Верещагинъ переходитъ къ царству животному, мы [illegible] на его описаніи Лапландскихъ оленей.

«Можно сказать (говоритъ г. Верещагинъ), что безъ оленя человѣкъ не могъ бы существовать въ этихъ дикихъ пустыняхъ. Огромными, безчисленными стадами носятся они по тундрамъ [illegible]. Нашедши привольное мѣсто, гдѣ растетъ мохъ, все стадо спокойно пасется до тѣхъ поръ, пока не истребитъ всего корма, потомъ отправляется далѣе. Лапландскіе олени [illegible], широкіе рога, копыта и мускулистыя ноги даютъ имъ надежныя средства къ защитѣ. Но при всемъ томъ они необыкновенно робки и пугливы. Довольно явиться человѣку, чтобы встревожить [illegible]шее стадо дикихъ оленей, бродящихъ по тундрѣ; тогда [illegible] два-три оленя шарахнутся въ сторону, какъ вдругъ [illegible]сается за ними цѣлое стадо; вихремъ несется [illegible]стынѣ и колеблетъ тундры своею тяжестію, т[illegible]

наго странника это колебаніе кажется дѣйствительнымъ зем
ніемъ. Испуганное стадо несется не взирая ни на какую п
встрѣтится ли болото, олени несутся чрезъ него, необраща
кого вниманія на тѣхъ, которые успѣли завязнуть; встрѣт
безконечное озеро или глубокая и быстрая рѣка, олени брос
воду, и тысячи головъ съ вѣтвистыми рогами, фыркая и вс
воду, быстро несутся, толкая другъ друга, къ другому бере
усталость заставляетъ забыть страхъ, и олени располага
дохнуть до новаго страха».

Изобразивъ довольно изящно животное царство Лапл
Верещагинъ (довольно не на своемъ мѣстѣ) описываетъ см
тателямъ лапландскій климатъ и останавливаетъ потомъ ихъ
на астрономическихъ явленіяхъ полярныхъ странъ.

«На сѣверѣ Лапландіи отъ 12 Маія до 9 Іюля солнце не
вается, нѣтъ ни сумерекъ, ни ночи; 57 разъ прокружится со
ше горизонта; потомъ, понижаясь все болѣе и болѣе, кончае
что уже вовсе непоказывается: тогда наступаетъ полярная но
рая продолжается 50 слишкомъ дней, т. е. съ половины Но
Января, когда снова начнетъ мало по малу показываться соли
именемъ полярной ночи многіе разумѣютъ совершенное о
свѣта, глубокій мракъ, но это ошибка: никакая ночь, даже
кую осень, собственно говоря, небываетъ такъ темна, чтоб
было отличить и распознать большихъ предметовъ; есть все-
небольшая частица свѣта, который достигается посредств
женія. Полярная ночь совсѣмъ не такъ темна, какъ многі
жаютъ: во первыхъ, бѣлизна снѣга, покрывающаго земл
способствуетъ отраженію свѣта; во вторыхъ, частыя и прод
ныя сѣверныя сіянія, пылая столбами яркаго свѣта, прев
эту ночь въ день особеннаго вида: при свѣтѣ этого сіянія м
тать. Впрочемъ въ домахъ, во всю полярную ночь нельзя
безъ огня; но и тутъ есть исключеніе: ежедневно въ пол
ваетъ на часъ и болѣе довольно свѣтло, такъ что можно
безъ свѣчи, если только домъ и окна не занесены снѣгомъ
ная ночь только тогда въ полномъ смыслѣ слова можетъ
ночью, когда поднимется снѣжная буря, когда темныя об
локутъ небо и посыплютъ снѣгъ, который подхватитъ
понесетъ по пустынямъ.

Во время полярныхъ дней солнце согрѣваетъ землю
полдень, а въ остальную часть *сутокъ* оно кажется золот
гомъ безъ лучей, безъ теплоты!»

Послѣ этихъ астрономическихъ особенностей лапландск
ды, мы обращаемся, вмѣстѣ съ авторомъ, къ разсмотрѣ

лопаря. Не соглашаясь съ нимъ въ томъ, что будто лопари на-всегда останутся кочевыми, мы съ удовольствіемъ, однакожь, останавливаемся на ихъ нынѣшнемъ образѣ жизни, на ихъ костюмѣ, архитектурѣ, занятіяхъ и т. д.

Будучи кочевымъ, лопарь имѣетъ однакожь и постоянныя хижины. Нѣсколько такихъ хижинъ составляютъ родъ деревни, которая называется погостомъ, и такихъ погостовъ можно насчитать въ нашей Лапландіи до 15. Въ нихъ лопари живутъ только зимою, и потому погосты называются зимними. Но такъ-какъ въ лѣтнее время лопари отправляются къ морю и океану, на рыбную ловлю, то и тамъ у нихъ есть свои шалаши. Однимъ словомъ, куда ни отправится лопарь — къ морю ли, къ озеру ли какому, — вездѣ найдетъ онъ свою хижину. Въ случаѣ же прикочуетъ къ такому мѣсту, гдѣ его хижины нѣтъ, то она явится у него часа черезъ два или три. Желая построить себѣ хижину, лопарь вырубаетъ изъ ближняго лѣсу нѣсколько жердей, длиною саженъ до двухъ, и, заостривъ нижніе концы ихъ, втыкаетъ въ землю, не прямо, но нѣсколько наклонно, такъ-что верхніе концы ихъ почти сходятся между собою. Для сохраненія въ ней тепла, сперва, съ внѣшней стороны жердей, накладываютъ хворостъ и древесныя вѣтви, сверхъ которыхъ накладываютъ дерну. Не закрывается только верхнее отверстіе: оно служитъ дымовою трубою. Кромѣ того, въ одномъ боку этого дома оставляется еще одно отверстіе, узкое и тѣсное: это дверь, состоящая изъ двухъ-трехъ дощечекъ, и которая также нѣсколько наклонна: вы съ усиліемъ отворяете ее; но зато, по причинѣ наклоненности, она быстро захлопывается за вами. Это жилище называется вежею; есть иногда и бревенчатыя избушки, но это очень рѣдко. Между вежами, разумѣется, нѣтъ ни плетней, ни заборовъ.

Теперь, читатель, посмотримъ на образъ жизни лопаря; мы ненамѣрены, конечно, разсматривать ее во всей подробности и ограничимся только самымъ интереснымъ.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца, когда въ Лапландіи наступаетъ весна, (только по имени), изъ глубины ея, изъ тундръ начинаются движенія лопарей; они оставляютъ свои зимніе погосты и отправляются къ морскимъ берегамъ. Сборы лопаря въ путь очень непродолжительны: приведя оленей, которые паслись по-близости, онъ запрягаетъ ихъ въ сани, въ каждыя только по одному оленю; и такъ-какъ въ саняхъ можетъ помѣститься только одинъ человѣкъ, то весь поѣздъ состоитъ изъ столькихъ экипажей, сколько членовъ въ семействѣ.

Оленья упряжь чрезвычайно проста: на шею оленя надѣвается широкій кожанный ошейникъ, который застегивается подъ гор-

ломъ; къ ошейнику прикрѣпляется толстый ремень и
рая, проходя подъ брюхомъ, привязывается къ нему к
рокимъ поясомъ, застегивающимся на спинѣ оленя; и
ревки, проходя между задними ногъ, привязывается къ
походятъ на маленькую лодку. Для управленія олен
одна только возжа: перекидывая ее на правый или на
оленя, лопарь заставляетъ пріученное къ тому животно
останавливаться.

При крикахъ: «ги! го! ге!» летятъ по тундрамъ къ
ря длинныя вереницы такихъ экипажей, не задавая с
какова будетъ дорога: въ Лапландіи ихъ нѣтъ; для л
дорога, гдѣ онъ ѣдетъ. Спокойно мчится онъ по глубоки
свѣсивъ правую ногу на край своего керпса: онъ забот
чтобъ сохранить равновѣсіе своего экипажа. Если же
обиться съ дороги, то онъ тотчасъ разроетъ снѣгъ до
детъ какой-нибудь камень, посмотритъ на него — и
свой путь уже по другому направленію. Точно также со
и съ деревьями. Дѣло просто: бока скалъ и камней пок
только съ южной стороны, а бокъ обращенный на сѣв
голымъ; деревья также бросаютъ больше вѣтвей на п
сѣверъ торчатъ только скудные отпрыски: вотъ вамъ и
лапландца!

Для кочевого лопаря не нужно запасаться кормом
олень обладаетъ въ этомъ случаѣ необыкновеннымъ
Какъ бы ни былъ глубокъ снѣгъ подъ его ногами, с
есть ли подъ нимъ мохъ; найдя такое мѣсто, онъ раски
редними ногами снѣгъ и углубляется въ него такъ, чт
не видно; вмѣсто воды, онъ ѣстъ снѣгъ.

Въ дальнихъ поѣздкахъ лопари не всегда могутъ на
чтобъ обогрѣться и переночевать; тогда, закутавши
одежду, они проводятъ ночь на снѣгу. У всякаго лопаря
есть огниво; древесный трутъ хранитъ онъ въ костяно
также кусочекъ сѣры и нѣсколько щепокъ коры смо
ревьевъ. Собравъ разнаго мелкаго хворосту, лопари тот
дутъ огонь, и, огородивъ его поставленными бокомъ кер
полагаются вокругъ него и, полузарытые снѣгомъ, зась
заунывными пѣснями вѣтра. Ихъ одежда также проста,
ночлегъ и какъ и весь ихъ бытъ. Она состоитъ, во-пер
длиннаго мѣшка, сшитаго изъ оленьихъ шкуръ, шерс
Онъ имѣетъ отверстіе только внизу и вверху, и потому
сверху, пока не покажется изъ отверстія голова. Обувь
шкуръ съ оленьихъ ногъ: это — длинные сапоги, доволь

потому-что послѣ полоски бѣлой шерсти слѣдуетъ узенькая полоска темнаго цвѣта. Наконецъ, шапка лопаря похожа на колпакъ съ длинными ушами, которыя, съуживаясь мало-по-малу, превращаются въ тесьмы, завязывающіяся подъ подбородкомъ. Это зимняя одежда лопаря; лѣтомъ онъ надѣваетъ одежду такого же покроя, только суконную.

Между тѣмъ какъ лопари сбираются въ дорогу, мы заглянемъ, что дѣлается въ ихъ вежахъ. Отворивъ дверцу вежи, мы сначала ничего въ ней не увидимъ, кромѣ дыму, которымъ наполнена вежа, и который съ трудомъ выходитъ въ ея верхнее отверстіе. Потомъ видимъ по срединѣ ея кучу камней, между которыми разложенъ огонь. Около этого очага расположилось семейство: кто лежитъ, поворачиваясь къ огню съ боку на бокъ; кто сидитъ на земляномъ полу. Тутъ же гдѣ-нибудь пріютились маленькіе лопари, подлѣ деревянной выдолбленной колоды, въ которой покрикиваетъ ихъ маленькій братъ или сестра, закутанные въ мягкія и теплыя шкурки молодыхъ оленей. Остальное убранство вежи состоитъ только въ оленьихъ шкурахъ, которыя разостланы вдоль стѣнъ вежи. На раскаленномъ камнѣ, передъ огнемъ, лопарка жаритъ тонкія лепешки изъ тѣста. Надъ огнемъ виситъ котелъ съ кипящею водою; туда бросаетъ она муку, рыбу или мясо: это будетъ лапда, очень лакомое блюдо лопарей.

Впрочемъ, въ домашній бытъ лопарей вошли уже нѣкоторыя привычки и формы русской жизни, особенно въ отношеніи чувственности. Лопарь уже очень многимъ жертвуетъ, чтобы достать водки и табаку; нерѣдко увидите въ ихъ вежахъ самовары и чайные сервизы, и лопарей, отдувающихся и покрякивающихъ за кипящимъ самоваромъ.

Оставимъ лопарей и упомянемъ о другихъ, не менѣе интересныхъ дикаряхъ, населяющихъ сѣверныя и восточныя предѣлы нашего отечества.

Вообразите себѣ пространство отъ береговъ Бѣлаго моря до Уральскихъ горъ и отъ границъ Вологодской губерніи до Ледовитаго океана; вообразите на этомъ пространствѣ въ тысячу верстъ въ длину и 500 въ ширину озера, болота, мхи, и опять болота и мхи, между которыми тихо струятся рѣки и рѣчки: это—Мезенская тундра. Представьте себѣ безконечную снѣговую степь, надъ которой распростёрто сѣрое небо, и вы получите зимній видъ тундры.

Тутъ нашъ авторъ (надо замѣтить) теряетъ простоту разсказа и впадаетъ въ риторическіе экстазы. «Пробѣгая пустынныя огромныя пространства — говоритъ онъ — буйный вѣтеръ *съ радости, что находитъ* себѣ преградъ, дико играетъ со снѣгомъ и, схвативъ его

въ свои объятія, несетъ дальше и вдругъ съ силою
землю. Но набѣжавъ на скалы горъ, одѣтыя туманомъ
и завоетъ въ ущельяхъ, какъ-будто со злости, что и
нуть съ мѣста и унести съ собою этихъ каменныхъ г
такихъ прогулокъ вѣтра (а онѣ часты) страшно бываетъ
и т. д. «Когда вѣтру вздумается остаться дома и отдо
должасть онъ — тогда въ уголку горизонта покажет
и проч. и проч., въ такомъ же тонѣ. Почему бы не с
стоты первыхъ разсказовъ! Сколько интересныхъ яв
теряютъ свое очарованіе черезъ эти риторическія фиг

Вообразите себѣ человѣка небольшого роста, съ гол
тою черными лоснящимися волосами, съ очень рѣдкою б
рѣдчайшими усами, съ широкимъ, почти плоскимъ ли
давшимися скулами, съ широкимъ, приплющеннымъ но
узкими глазами,— прибавьте къ тому слѣды оспы и кр
товатый цвѣтъ лица, и вы имѣете понятіе о наружн
Въ описаніе образа жизни и нравовъ самоѣдовъ мы не
тому-что въ нашемъ собственномъ журналѣ читатели и
прочесть о самоѣдахъ весьма интересную статью г. Ис
сказъ о кочеваньи по тундрамъ самоѣдскимъ въ 1844 и
(См. Совр. 1848 г., Смѣсь, №№ IV и V), и рецензію на
моѣдахъ, въ которой много было приведено интересныхъ
бытѣ самоѣдовъ (см. Совр. 1847 г., томъ II, отд. III, ст

Замѣтимъ коротко, что глава о самоѣдахъ у г. Верещаг
вляетъ много любопытнаго. Вообще, мы представили зд
тую долю тѣхъ интересныхъ фактовъ, которые читат
найти въ физическихъ и этнографическихъ свойствахъ
ской губерніи, и думаемъ, что книга г. Верещагина оче
вниманія не только тѣхъ читателей, которыхъ онъ имѣ
но и другихъ, болѣе серьёзныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повто
только такого рода подробности физической природы и
ніи съ этнографическою могутъ дать вѣрное понятіе о
физіономіи страны; только этимъ путемъ географія мож
нить свое назначеніе. Продолжая развивать эту же идею,
димъ къ интереснымъ фактамъ, встрѣчающимся въ книг
ва: Русскіе на Восточномъ океанѣ. Эти записки сначала
чатаны нѣсколькими статьями въ «Москвитянинѣ», тепер
отдѣльною книгою.

Рѣдкая изъ статей, помѣщенныхъ въ «Москвитянинѣ»
ла намъ столько удовольствія, сколько статья г. Маркова.
дая страница его книги представляетъ даже мало любоп
тателю какіе-нибудь интересныя замѣтки. Постараемся

втомъ нашихъ читателей; представляемъ въ нашей статьѣ то, что показалось намъ особенно интереснымъ.

Записки свои г. Марковъ начинаетъ разсказомъ о своемъ пути отъ Иркутска до острова Ситхи. Послѣ краткаго замѣчанія о мѣстоположеніи и торговомъ значеніи Иркутска, авторъ дѣлаетъ замѣчаніе о бурятахъ. Мы выберемъ преимущественно такія замѣтки изъ книги г. Маркова, которыя относятся къ нашимъ сибирскимъ и американскимъ дикарямъ. Итакъ, прежде всего о бурятахъ.

Иркутскъ — говоритъ авторъ — производитъ значительную торговлю съ Бурятами или Братскими, которые живутъ большими улусами въ окружности этого города и занимаются хлѣбопашествомъ, звѣриною ловлею и частію скотоводствомъ. Изъ нихъ есть значительные богачи, и многіе жалованы отъ Россійскаго Императора кафтанами, саблями и медалями

Народъ этотъ сильно привязанъ къ черкасскому табаку и къ вину. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по нѣсколько женъ, кои живутъ отдѣльно, каждая въ своей юртѣ. Мужъ навѣщаетъ ихъ по очереди, живетъ у каждой по нѣсколько недѣль, потомъ переходитъ къ другой, и такъ проводитъ все свободное отъ занятій время; зимою же отправляется на звѣриную ловлю въ пространныя Сибирскія степи или лѣса. По окончаніи лова они съѣзжаются въ Иркутскъ для продажи или вымѣна своихъ промысловъ.

Затѣмъ авторъ кратко описываетъ свойства Лены съ ея берегами и быстро переходитъ къ Якутску. Мы остановимся на якутахъ и тунгусахъ.

«Въ Якутскъ собираются Якуты и Тунгусы и ведутъ съ Русскими значительную торговлю. Оба эти народа исповѣдуютъ христіанскую вѣру и ужасно робки, особливо Тунгусы. — Когда послѣднимъ, при переправѣ на оленяхъ изъ одной долины въ другую для жительства, попадается на встрѣчу кто-нибудь изъ Русскихъ проѣзжихъ, они останавливаются всѣмъ своимъ рогатымъ караваномъ, снимаютъ свои клиновидныя шапки и почтительно кланяются проѣзжему.

Какъ странно бываетъ тогда смотрѣть на эту полудикую, смиренную толпу, тихо пробирающуюся по дико-пустыннымъ мѣстамъ!

Въ лѣтнее время Тунгусы ведутъ кочевую жизнь, переѣзжая съ одного мѣста на другое. Это дѣлаютъ они собственно для прокормленія оленей и для собиранія ягодъ, въ запасъ на зимнее время. Переселеніе съ одного мѣста на другое не представляетъ для нихъ большаго труда. Походныя юрты ихъ дѣлаются изъ бересты и походятъ на вертикально стоящій растянутый колпакъ. Во время переходовъ Тунгусы свертываютъ ихъ въ трубку, навьючиваютъ на оленей, сами съ женами и дѣтьми садятся тоже на оленей и тянутся длиннымъ караваномъ на новое жилище, которое также оставляютъ какъ и прежнее.

При первомъ снѣгѣ Тунгусы удаляются на зимнее
нихъ довольно хорошо устроены бревенчатыя юрты
землей и довольно теплыя. Въ это время олени ихъ
снѣжныхъ кормомъ и древесными мхомъ; Тунгусы же
въ пищу оленье молоко, мясо, сушеную рыбу и ягоды.
маются хлѣбопашествомъ и не имѣютъ нужды въ это
Все богатство ихъ состоитъ въ оленяхъ, которыхъ у зам
зяина насчитывается иногда голов до 200.

Главная промышленность Тунгусовъ заключается въ л
лисицъ, куницъ, медвѣдей, зайцевъ и бурундуковъ; с
шкуры въ Якутскъ и частію въ Охотскъ, и продают
дешево. Хорошій, выходный, довольно темный соболь,
нась можно взять 100 руб., продается по 25 руб. Вообщ
промыслы покупаются или выменниваются у Тунгусов
годно.

Тунгусъ робокъ съ человѣкомъ, но посмотрите, какъ
отваженъ въ борьбѣ съ медвѣдемъ. Вооруженный одно
или ножемъ и не приглашая въ товарищи никого, чтоб
добычи, Тунгусъ одинъ идетъ на неровный бой и одол
кана Рѣдкій изъ нихъ дѣлается жертвою свирѣпости л
Тунгусъ управляется съ нимъ какъ съ равнымъ себѣ; он
его, какъ незваннаго гостя въ этомъ дремучемъ простра
рое тянется отъ Якутска до Охотска, и въ которомъ, и
на своемъ дворѣ, онъ никогда не заблудится, какъ бы д
шелъ.

Любимая пища Якутовъ — масло, конское мясо и кумы
дѣлаютъ изъ коровьяго или кобыльяго молока. Между Я
бенный почетъ отдается тому, кто больше съѣстъ или вы
время ихъ пирушекъ выискиваются такіе, что съѣдаютъ
коровьяго масла, или выпиваютъ по ведру кумысу, и
такимъ проворствомъ, которое всякому, небывшему очевид
дѣтелемъ столь необыкновенной вмѣстимости и дѣятельнос
покажется невѣроятнымъ. Якуты съ самаго малолѣтняго в
учаются курить табакъ, и въ высшей степени охотники
карвы и въ кости. Нерѣдко случается, что Якутъ проигр
буны лошадей, скота, и преспокойно идетъ къ кому-нибуд
тники, разживается, и потомъ снова проигрываетъ. Якут
ются на эту страсть: она сдѣлалась для нихъ такою же пот
какъ воздухъ или пища.»

Дорога изъ Якутска въ Охотскъ и потомъ статистиче
графическія данныя, относительно самого Якутска, ра
отъѣздъ изъ Охотска, тоже очень любопытны и будутъ
многими если не съ особенною пользою, то по-крайне
удовольствіемъ. Мы предоставляемъ это удовольствіе са

телю, а здѣсь остановимъ его любопытство лишь надъ способомъ сообщенія между Охотскомъ и Камчаткою.

«Лѣтомъ невозможно попасть въ Камчатку сухимъ путемъ, по причинѣ большихъ рѣкъ, а зимою нельзя пристать судномъ, потому что берега Охотскаго моря обмерзаютъ на далекое пространство довольно толстымъ льдомъ, и притомъ, въ зимнее время сообщеніе между Охотскомъ и Камчаткою дѣлается очень затруднительнымъ.

Но нужда научила жителей сихъ странъ переѣзжать такое большое пространство на собакахъ, запряженныхъ въ нарту. Нарта ни что иное, какъ длинныя сани, шириною въ 1 арш., съ широкими тонкими полозьями; онѣ очень легки и не тонутъ въ глубокомъ снѣгу. 13-ть собакъ везутъ въ нартѣ 30 пуд. грузу и по хорошей дорогѣ перебѣгаютъ въ сутки 150 верстъ. Не охотно и съ воемъ позволяютъ онѣ впрягать себя въ нарту. Ихъ впрягаютъ цугомъ въ 6-ть паръ: тринадцатая, передовая, показываетъ заднимъ собакамъ дорогу, знаетъ команду направо и налѣво, предвѣщаетъ ураганъ, даетъ знать путешественнику, чтобы онъ заранѣе отыскивалъ въ горахъ удобное мѣсто, гдѣ бы могъ укрыться дня на три или болѣе, если не хочетъ быть занесенъ снѣгомъ. Хорошая передовая собака чувствуетъ, въ который день начнется ураганъ и ни за что не дастся запрягаться въ нарту, какъ будто предупреждая тѣмъ ѣздока, чтобъ онъ не отправлялся въ опасный путь.

При переѣздѣ чрезъ какую-нибудь снѣжную долину не возможно сидѣть прямо лицомъ къ собакамъ, потому что отъ быстраго бѣга онѣ дѣлаютъ ногами вьюгу, и притомъ, отъ нихъ довольно дурно пахнетъ. Если собаки замѣтятъ, что изъ нихъ какая-нибудь худо везетъ, то вся свора останавливается, зачинаетъ съ лѣнивицей драку и перепутывается въ ременной упряжи, изъ которой собакъ надобно выпутывать по крайней мѣрѣ ¼ часа; если же замѣчаніе въ лѣности вторично падетъ на ту же собаку, то во время корма, когда даютъ собакамъ запасную сушеную рыбу, онѣ отнимаютъ ее у виновницы.»

Въ послѣднихъ числахъ сентября нашъ путешественникъ вышелъ изъ Петропавловска и направилъ свой путь черезъ Восточный океанъ къ острову Ситхѣ. Тутъ, разумѣется, слѣдуетъ буря на морѣ, послѣ которой наступаетъ хорошая погода, поправка и благополучное продолженіе плаванія. Мы пропустимъ это описаніе, но остановимся на разсказѣ автора о китовой ловлѣ.

«Мнѣ неоднократно случалось видѣть китовую ловлю во время моего плаванія по Восточному океану, гдѣ киты водятся въ большомъ количествѣ, начиная отъ самаго сѣвернаго тропика до Берингова пролива, по широтѣ, — и отъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки до Японскихъ острововъ. Все это пространство усѣяно множествомъ китобойныхъ судовъ разныхъ націй, кромѣ Русскихъ. — Вотъ какъ происходитъ китовая ловля.

Китъ, по своей наружной формѣ, болѣе походит
принадлежитъ къ породѣ млекопитающихъ. — имѣетъ
сосцы и дѣтей своихъ питаетъ молокомъ. Онъ не мож
время въ водѣ безъ присутствія воздуха, и хотя глубо
опять выплываетъ на поверхность, выпускаетъ изъ
поглощенную воду, и снова запасается свѣжимъ воздухо

Въ то время, когда стоитъ тихая погода, киты игра
ности моря. Въ китоловномъ промыслѣ киты раздѣляют
одни выпускаютъ изъ верхнихъ ноздрей по одному фо
по два; этихъ-то послѣднихъ и стараются ловить кит
что изъ нихъ получаютъ самый лучшій жиръ, извѣстный
спермацета.

На суднѣ стоятъ часовые съ зрительными трубками
тятъ вдалекѣ фонтанъ, тотчасъ даютъ знать вахтенн
мгновеніе на водѣ является яботовъ до 5-ти, готовыхъ
На каждомъ яботѣ находится шесть человѣкъ ловкихъ
матросовъ; изъ нихъ четверо гребцовъ, одинъ на кормѣ
нымъ гребкомъ для скорыхъ поворотовъ, и шестой, с
съ харпуномъ.

Всѣ спущенные на воду яботы съ легкостію ласто
въ то мѣсто, откуда видѣнъ фонтанъ; между тѣмъ за
судно и ни на минуту не теряетъ ихъ изъ виду.

Когда яботы подплывутъ на близкое разстояніе
животному, тогда каждый харпунщикъ старается кинут
заднюю часть кита, ближе къ хвосту, и если кто-нибу
удачно попадаетъ, то всѣ яботы съ неимовѣрною быст
ваютъ въ противоположное направленіе отъ кита. Живо
ствовавъ рану, глубоко погружается въ море, потомъ
все выказывается на поверхности, начинаетъ метаться
стороны, широко раскидывая волны, и быстро пус
океана.

Въ это время выпускается изъ яботa веревка, пр
харпунъ, и самъ яботъ слѣдуетъ за китомъ; лишь тольк
маетъ отдохнуть, тогда опять собираютъ выпущенную
запасъ на то время, когда китъ снова погрузится въ воду

Горе тому яботу, который не успѣетъ во время отв
кита: однимъ легкимъ ударомъ хвоста животное превр
щепки, и матросамъ предстанетъ неминуемая смерть, ес
спѣютъ къ нимъ на помощь товарищи съ ближайшихъ я

Эта борьба продолжается иногда по цѣлымъ суткамъ,
ни увертывайся, онъ ни за что не избѣгнетъ предназна
жребія. Когда животное совершенно утомится и до того
что уже не въ состояніи погружаться въ море, тогда по
нему судно, ложится въ дрейфъ и начинается операція
марсу привѣшиваютъ огромные тали съ гакомъ, которым
мертваго кита и съ борта судна рѣжутъ жиръ въ вид

рочно сдѣланными для того ножами. Обрѣзавъ его совсѣмъ, выбираютъ кости, которыя у китолововъ употребляются вмѣсто дровъ для топки жиру.

При счастливой и удачной ловлѣ китовъ, судно, величиною въ 300 тоннъ, наливается жиромъ не болѣе какъ въ 10 мѣсяцевъ. Всѣ китоловные промышленники, при распродажѣ груза, получаютъ изъ него часть въ свою пользу, начиная съ самого командира и до послѣдняго матроса.

Самый лучшій ловъ бываетъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, потому что въ это время появляются сельди, за которыми гоняются киты, употребляющіе ихъ въ пищу.

Кромѣ человѣка, китъ имѣетъ у себя еще другихъ непріятелей: это морскія свинки или касатки. Онѣ нападаютъ на него стадами и острыми зубами своими наносятъ ему раны, отъ которыхъ китъ непремѣнно умираетъ, потому что соленая морская вода постепенно ихъ разъѣдаетъ, и онѣ, вмѣсто того чтобъ заживать, съ продолженіемъ времени увеличиваются все болѣе и болѣе.

Во время нашего перехода изъ Камчатки въ Ситху, намъ по пути много встрѣчалось китоловныхъ судовъ, по большой части Американскихъ. Послѣднія заходятъ иногда и въ Ситху, для разныхъ поправокъ на суднѣ или для того, чтобъ налиться свѣжею водою, но ни одно изъ нихъ не смѣетъ производить тамъ торговли съ дикими: въ противномъ случаѣ его конфискуютъ.»

На сороковой день плаванія наши путешественники замѣтили признаки близости земли, вскорѣ и въ-самомъ-дѣлѣ увидѣли очеркъ ситхинскихъ береговъ, и наконецъ подплыли къ самому подножію сопки Этжкомъ. Когда стало разсвѣтать, вокругъ нихъ брика появились боты, нагруженные дикарями калюжами. Одни изъ нихъ пріѣхала для продажи товаровъ, а другіе изъ любопытства.

«У многихъ изъ Калюжъ лица довольно правильныя, но только всѣ раскрашены разными красками. — Всѣ они разговаривали по своему и каждый старался, чтобъ при всемъ шумѣ слышенъ былъ его голосъ.

Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, отличался особеннымъ даромъ слова. Его можно было назвать неумолкаемымъ ораторомъ. Онъ кричалъ громче всѣхъ и велъ непрерывную рѣчь, стоя на кормѣ своей лодки, весь голый, въ изорванной пуховой шляпѣ и во фракѣ безъ воротника. Передъ нимъ стояла довольно пожилая дикарка, въ маленькомъ передничкѣ, въ солдатской куртвѣ, въ спальномъ чепцѣ и, къ довершенію убора, вся въ пуху. Она, какъ замѣтно было, слушала оратора съ большимъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, я не зналъ ихъ языка и не могъ понять, объ чемъ разсуждалъ съ дикаркой нашъ молодой франтъ. Любопытство побудило меня спросить у переводчика о предметѣ ихъ разговора, и тотъ отвѣчалъ мнѣ, что франтъ выговаривалъ старухѣ, зачѣмъ она такъ неприлично одѣта.»

Тутъ авторъ увлекается интересными историческ
ніями объ основателѣ Ново-Архангельскаго порт
Скажемъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ нѣскол

Посланный императрицею Екатериною II, съ тре
ствами ссыльныхъ, Барановъ первоначально распол
въ Кадьякѣ, покорилъ Алеутовъ, распространилъ п
владѣній на 500 миль отъ Кадьяка и устроилъ реду
Ситхѣ, гдѣ жили калюжи, враждебные алеутамъ. Но
былъ истребленъ дикими. Всѣ находившіеся въ к
перерѣзаны и преданы жестокимъ мукамъ. Прибывъ
узнавъ гибель своей колоніи, Барановъ построилъ но
на скалѣ, съ которой можно было видѣть на далекое
окрестностяхъ. Нѣсколько разъ дикари пытались ра
укрѣпленіе, но каждый разъ были отражаемы съ уро
шихся въ плѣнъ Барановъ наказывалъ розгами, но не
желая доказать дикарямъ, что не желаетъ ихъ губит
только мира и покорности.

Желая дѣйствовать на нихъ посредствомъ суевѣрі
носилъ подъ кожанымъ платьемъ латы, такъ, чтобы
мѣтилъ ихъ, и нерѣдко приказывалъ плѣннымъ дикар
въ него.

— Ваши стрѣлы не убьютъ меня, говорилъ онъ: —
но въ сердце.

Дикарь метитъ прямо въ сердце, но стрѣла отскаки
Дикарь натягиваетъ лукъ снова, но стрѣла падает
Дикарь убѣждался, что Барановъ чародѣй, и распро
мнѣніе между своими соплеменниками. Калюжи счита
кимъ шаманомъ и не только перестали нападать на крѣп
не дѣлали ничего враждебнаго и противъ русской коман
работами въ лѣсу.

«Чтобъ пріучить команду свою быть всегда наготов
нію нападеній со стороны дикарей, Барановъ вотъ еще ч
запрется въ крѣпости со всею своею командою, вынесет
ный ромомъ, велитъ пить всѣмъ, кто сколько хочетъ, и
съ ними пьетъ; замѣтивъ, что уже всѣ напились на
вдругъ прикажетъ ударить тревогу. Тогда каждый долж
ходиться въ совершенной исправности на своемъ мѣстѣ.
могъ доползти до своего мѣста и лежалъ на дорогѣ со вс
принадлежностями, того Барановъ всегда благодарилъ: и
тому, кто лежалъ пьяный безъ ружья; за эту оплошно
вергался наказанію. Барановъ часто говаривалъ: пей,
знай; если кто лежитъ пьяный съ ружьемъ, того дикар

тронетъ, боясь, не притворился ли онъ; если же лежитъ безъ ружья, то дикарь смѣло пойдетъ на него, зная, что ему нечѣмъ защищаться.

Такого рода обыкновенія были въ характерѣ тогдашняго времени и служили отдохновеніемъ послѣ тяжелыхъ продолжительныхъ работъ».

Мы не будемъ останавливаться вмѣстѣ съ авторомъ въ главномъ заселеніи россійско-американскихъ колоній — въ Ново-Архангельскомъ портѣ, и послѣдуемъ за нимъ въ описаніи калюжъ и алеутовъ.

Близъ крѣпости живетъ калюжъ очень мало, и только въ весеннее время ихъ собирается до полуторы тысячь, для ловли сельдей. По Ситхинскому каналу водится такое множество рыбы, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно проѣхать лодкой. Во время ловли, у дикихъ происходитъ неумолкаемый шумъ отъ пѣсенъ и плясокъ; тутъ калюжи заключаютъ между собою миръ до разсвѣта.

По всей вѣроятности, калюжи одноплеменны индѣйцамъ, живущимъ на сѣверо-американскомъ материкѣ.

«Эти племена очень сходны между собою, только Калюжи имѣютъ болѣе правильности въ лицѣ, нежели Индійцы. Не природа, а Калюжи сами портятъ и обезображиваютъ себя, особливо женскій полъ. При рожденіи младенца, они сжимаютъ у него верхнюю часть головы въ видѣ лопатки, чрезъ что кажутся широколицыми, прокалываютъ себѣ ноздри для вставливанія колечка и дѣлаютъ по нѣсколько дырочекъ въ ушахъ, въ которыя продѣваютъ разноцвѣтную шерсть. Въ нижней губѣ они дѣлаютъ сперва маленькую скважинку, и вставляютъ въ нее какую-нибудь металлическую шпильку, потомъ постепенно ее увеличиваютъ, и подъ старость вставляютъ уже раковинку, величиною по-крайней-мѣрѣ въ 1½ дюйма, которая служитъ какъ бы блюдечкомъ для носа; причемъ раскрашиваютъ лицо киноварью и сажей, выводя на немъ разные узоры, кому какъ вздумается, или какъ приставетъ къ лицу. Волосы у Калюжъ вообще черные, жосткіе, похожіе на лошадиную гриву. Нѣкоторые изъ Калюжъ собираютъ ихъ на верху головы въ кучку и завязываютъ въ видѣ пучка, или стараются какъ можно перепутать, намазываютъ жиромъ и пересыпаютъ пухомъ. Всѣ эти украшенія сообщаютъ лицамъ дикарей страшный видъ, который незнающаго легко можетъ привести въ испугъ.

Обыкновенная одежда Калюжъ состоитъ въ накидкахъ изъ звѣриныхъ шкуръ, или въ шерстяныхъ разноцвѣтныхъ одѣялахъ, въ которыя они завертываются просто во весь ростъ, и у шеи дѣлаютъ завязки, чтобъ одѣяло не могло упасть.

У кого изъ Калюжъ есть какое-нибудь шитое платье, то дикарь надѣваетъ его тогда только, когда вздумается ему пощеголять, и надѣваетъ всегда на-выворотъ, такъ что на франта нельзя смотрѣть безъ смѣха.

Всѣ дикари необходимые для себя товары, какъ-то табакъ, порохъ, свинецъ, ружья, миткаль и разнаго рода одежду, достаютъ отъ Компаніи на промѣнъ пушныхъ промысловъ.

Калюжи селятся при заливахъ или при рѣчкахъ бре
рабарами, которыя строятъ въ видѣ короба съ плоской
на верху прорубаютъ отверстіе для выхода дыму; внут
постоянно находится огонь, — почему отъ одежды да
пахнетъ дымомъ, даже самое тѣло ихъ какъ-будто пропит

Калюжи ни кому не платятъ дани и не подчиняют
гражданственнымъ постановленіямъ. Тотъ, кто богатъ, п
бѣ у другого, богатаго же Калюжа, людей, и пріобрѣ
вѣчную свою собственность. Онъ называется *таёномъ*, да
калами, или *каюрами*, т. е. работниками.

Когда умираетъ какой-нибудь таёнъ, то родственники
лаютъ по нѣскольку изъ его каюръ для того, чтобъ они
въ будущей жизни, о которой Калюжи имѣютъ самое те
чивое понятіе. Если кто-нибудь изъ тѣхъ каюръ, на ко
жребій смерти, убѣжитъ, то его всѣми средствами ста
скать до похоронъ: послѣ же, хотя онъ и явится, то его
слѣдуютъ и онъ дѣлается свободнымъ.

Когда умретъ кто-нибудь изъ знатныхъ таёновъ, поль
жду своими единоземцами особеннымъ уваженіемъ, тогда д
не только изъ его команды, но и прочіе таёны, кому см
горазсудится, жертвуютъ своими каюрами въ честь
потомъ убираютъ мертвеца въ самое лучшее платье, как
него было, раскрашиваютъ ему лицо красною краской, а
вые къ нему намазываютъ себѣ лицо сажею, расклад
богатство умершаго, развѣшиваютъ передъ нимъ оружіе
шкуры, одѣяла, усаживаются вокругъ, и шаманъ, ударя
затягиваетъ съ разными кривляньями погребальную пѣснь,
рую всѣ дикіе, сколько ихъ ни находится въ барабарѣ, до
гивать, ударя въ ладоши, или во что-нибудь подъ т
Это продолжается у нихъ цѣлый день; потомъ мертвеца с
въ лѣсъ на сожженіе, чтобъ прахъ его дымомъ достигъ до

Однажды, возвращаясь съ охоты, я встрѣтилъ множест
которые разными тропинками пробирались съ покойникомъ
селенія въ лѣсъ. Они шли въ глубокомъ молчаніи, какъ-б
вляемые чувствомъ неопредѣленнаго страха. Любопытств
кнуло меня, и я издали послѣдовалъ за ними, желая посмо
будутъ жечь покойника. Наконецъ дикари остановились
леннаго костра дровъ, посадили на него покойника, а сами
костеръ; болѣе получаса продолжалось молчаніе, изрѣдка
лое вздохами сожалѣнія объ усопшемъ; потомъ зажгли др
тые жиромъ, и громкое, дикое пѣніе разбудило спящій
далекими перекатами повторилось въ высокихъ горахъ и з
освѣтило шумную толпу дикарей.... но вдругъ все замол
лишь шаманъ колотилъ въ бубенъ и плясалъ съ разными кр
между тѣмъ дрова развалились и выказали обгорѣвшаго мер
жару сводило у него жилы и онъ дѣлалъ страшныя, су

конвульсіи. Въ это время родственники покойника поправляли распадавшіяся дрова. Когда у сгорѣвшаго совершенно скорчило все тѣло, тогда снова началось пѣніе и продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не превратился въ черную массу, которую ничѣмъ нельзя было отличить отъ сгорѣвшаго древеснаго пня.

Вотъ обрядъ погребенія всѣхъ некрещёныхъ знатныхъ таёновъ, прославившихся въ своемъ родѣ; каюры же ихъ не удостоиваются такихъ почестей: ихъ просто топятъ въ водѣ безъ всякой церемоніи. — Нельзя безъ глубокаго сожалѣнія смотрѣть на этихъ несчастныхъ, когда ихъ даватъ въ честь умершаго таёна: каюра повалятъ на землю, приложатъ къ его шеи палку, нажмутъ на оба конца, страдалецъ разъ или два вздрогнетъ ногами, какъ-будто отъ дѣйствія гальваническаго потока, и чрезъ минуту испуститъ духъ.

Когда подъ сгорѣвшимъ покойникомъ охладѣютъ уголья, тогда истлѣвшія кости его собираютъ въ кучку и кладутъ въ ящикъ, устроенный на столбахъ, врытыхъ гдѣ-нибудь на возвышенномъ мѣстѣ.

Каждый годъ родственники покойника дѣлаютъ поминки: одѣваются въ лучшее платье, намазываютъ себѣ лицо черной краской, идутъ смѣть на его могилу, говорятъ про прежнія дѣла, ходятъ по тѣмъ мѣстамъ, по которымъ онъ любилъ ходить, и заканчиваютъ поминки ѣдою.

Если кто изъ Калюжъ пожелаетъ имѣть себѣ жену, тотъ долженъ заплатить отцу и матери ея то, что они потребуютъ за свою дочь.

Калюжскія племена разселились по всѣмъ сѣверо-западнымъ проливамъ Америки. Главныя мѣста, гдѣ они живутъ большими селеніями, находятся въ Ситхѣ, Стахинѣ, Хутеновѣ, Ильтутѣ, Кеку, Койганахъ, Якутаѣ и проч.

При съѣздахъ Калюжей изъ разныхъ селеній въ одно мѣсто, каждый изъ нихъ долженъ держать себя какъ можно осторожнѣе; въ отношеніи къ своимъ же одиноземцамъ, но живущимъ въ другомъ селеніи. Одно малѣйшее обстоятельство, подающее поводъ къ ссорѣ, — и дѣло не обойдется безъ драки, всегда сопровождаемой кровопролитіемъ, и нерѣдко даже убійствомъ.

Калюжи преимущественно употребляютъ въ пищу рыбу; они сушатъ ее и ѣдятъ съ сельдянымъ жиромъ; кромѣ того питаются дичью и ягодами, въ особенности такъ называемой сараной.

Съ большимъ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣлъ я, какъ Калюжи ловятъ сельдей. — Одинъ или двое изъ нихъ садятся въ батъ, т. е. выдолбленную изъ дерева лодку: вмѣсто гребка, имѣютъ они въ рукахъ длинную линейку, у которой на одной сторонѣ наколочены гвоздики въ разстояніи на вершокъ одинъ отъ другаго; дикарь тихонько гребетъ ею, такъ, что при каждомъ взмахѣ вытаскиваетъ сельдей штукъ по 5; такимъ образомъ, онъ въ короткое время можетъ наполнить ими почти до половины батъ.

Заключимъ наши выписки о калюжахъ разсказом
какъ очевидца, о торговлѣ русскихъ съ этими дикаря

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось торговаться съ суд
Калюжскимъ проливамъ. Для этого вооружаютъ судно
ему быть въ боевомъ порядкѣ, въ обезопасеніе себя
враждебнаго покушенія со стороны дикихъ. — растяги
бортовъ толстыя веревочныя смоляныя сѣтки. и на но
роиваювъ батарею, которую закрываютъ или завѣшива
такъ чтобъ дикари не могли ее замѣтить: въ противно
не заманишь на судно для торговли и они будутъ дум
тутъ со стороны Русскихъ какого нибудь обмана. клоня
погибели.

Какъ церемоніяльно съѣзжаются дикари на судно
который назначенъ для угощенія! Съ разныхъ сторо
хонько плывутъ огромные бàты, изъ которыхъ въ ка
человѣкъ по 20 дикарей, раскрашенныхъ, съ перьями
лучшія свои одѣянія (одѣяла). Съ бубнами и пѣснями
они къ судну, становятся не вдалекѣ отъ него всѣми бà
рядъ, и показываютъ дружелюбное расположеніе свое
стоящею изъ разныхъ кривляній, въ продолженіи которо
посыпаются орлинымъ пухомъ: потомъ въ чинномъ поря
палубу, гдѣ угощаютъ ихъ рисовою кашей съ патокой.
начинается у нихъ шумный разговоръ: они спорятъ, гор
дый старается перекричать другаго; пухъ летитъ повсю
тѣснота, жаръ и нестерпимой запахъ жиромъ и дымом
страя толпа гордится своимъ обществомъ.

По окончаніи пира, когда дикари начнутъ разъѣзжа
каждому подарить по листку табаку на дорогу; а нѣко
ходомъ, и такъ что-нибудь украдутъ: на этотъ предме
просты.

На другой день, въ 8 часовъ, на Русскомъ судн
флагъ и черезъ то даютъ знать дикарямъ, чтобъ они с
судно для торговли, съ пушными промыслами. Прежде
начинаютъ торговлю съ морскаго бобра, надъ которымъ
думаютъ, толкуютъ, совѣтуются, боясь, какъ бы не
цѣнѣ. Назначьте имъ самую большую плату, и они все
ваться, не мало ли? — Хотя бы шкура совсѣмъ того н
за нее даютъ, но Калюжи все-таки будутъ просить пр
чается такъ, что они цѣлый день толкуютъ о цѣнѣ, ра
товары, стараясь между тѣмъ что-нибудь украсть, и пр
вечера разъѣзжаются не продавъ ничего. На другой де
нѣнія, тѣ же толки и разговоры, которые самаго хладн
ловѣка въ состояніи вывести изъ терпѣнія.

Наконецъ объявляютъ имъ, что вѣрно они имѣютъ
не хотятъ продавать намъ пушныхъ промысловъ, что з
уходимъ и никогда болѣе не придемъ къ ихъ селенію.

Эти слова сильнѣе всего дѣйствуютъ на ихъ рѣшимостъ. Тогда который-нибудь изъ нихъ непремѣнно старается продать бобра, — и товары вымѣниваются по цѣнамъ, согласно съ установленною таксою.»

Теперь перейдемъ къ алеутамъ: прочтемъ и здѣсь самое интересное и потомъ предоставимъ самому читателю слѣдовать за авторомъ въ Калифорнію:

«Алеуты занимаютъ гораздо бо́льшее пространство земли по сравненію съ занимаемымъ Калюжами и живутъ по островамъ, начиная отъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки и до Камчатки.

Всѣ они находятся подъ покровительствомъ Россійско-Американской Компаніи, которою во многихъ изъ ихъ селеній учреждены конторы

Алеуты по большой части средняго роста, не безобразятъ себя такъ, какъ Колюжи, кромѣ того что прокалываютъ въ ноздряхъ одну дырочку, въ которую вставляютъ иногда во время игръ *цукли* (длинныя, круглыя, пустыя внутри раковинки, похожія на трубочки, слегка согнутыя дугой). Алеуты, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, постоянно носятъ *парки* — одежду, сшитую на манеръ женскаго платья, по большой части изъ яваражекъ и тарабагановъ. Они говорятъ не всѣ однимъ языкомъ; такъ напримѣръ, Кадьякскіе и Ахтинскіе Алеуты не понимаютъ другъ друга.

Россійско-Американская Компанія нанимаетъ Алеутовъ въ разныя работы, посылаетъ матросами во многіе дальніе походы, составляетъ изъ нихъ партіи для ловли морскихъ промысловъ, снабжаетъ всѣмъ нужнымъ для лова, и сверхъ того платитъ за добытые промыслы по таксѣ. За шкуру большаго морскаго бобра платятъ 50 руб., средняго — 30, а за ко́шлаки 15 руб.

Компанія обыкновенно назначаетъ мѣсто, гдѣ должно производить ловъ, посылаетъ при партіи Алеутовъ одного изъ ихъ таёновъ, которымъ они повинуются, и еще кого-нибудь изъ Русскихъ для распоряженій.

Мнѣ случилось однажды быть при ихъ партіи, составленной изъ Алеутовъ и Чугачь, которые живутъ въ Нучпкѣ. Мы отправились судномъ въ Якутамъ для ловли морскихъ бобровъ; въ этомъ же мѣстѣ живутъ Калюжи, непримиримые враги Чугачь, къ которымъ питаютъ непріязнь еще съ давнихъ поръ. По приходу нашему туда, Калюжи завели съ нами споръ, за чѣмъ мы пришли ловить ихъ бобровъ, и грозили нападеніемъ на Алеутовъ, если они выѣдутъ въ море за промыслами. Однако мы вскорѣ прекратили эту ссору, угостивъ Калюжъ и подаривъ главнымъ ихъ таёнамъ по одѣялу. — Мы сказали имъ, что Кадьякскіе наши бобры зашли къ нимъ въ проливы, и что мы хотимъ въ наказаніе за это перебить своихъ бобровъ, а Калюжскихъ трогать не станемъ. Дикари повѣрили нашимъ словамъ и безпрепятственно позволили Алеутамъ перебраться съ судна на берегъ. Послѣд-

ніе расѣянули тамъ свои палатки, къ которымъ были
Русскіе часовые, для предохраненія Алеутовъ отъ нава

На другой день нашего прибытія Алеуты не выѣжа
селъ; но причинѣ вѣтреной погоды, въ которую они
правляются на ловлю бобровъ, потому-что въ это врем
возможно замѣтить звѣря въ волнахъ. На третій день
тихо, и вѣтерокъ легкимъ дыханіемъ своимъ едва мор
ную поверхность водъ. Алеуты пустились въ море 30 б

Байдарка есть остроконечная кожаная лодка, сдѣлан
плетеныхъ довольно крѣпко дранокъ и обтянутая с
сіучьимъ лантакомъ, который вымазанъ жиромъ. Съ
она на продолговатый надутый пузырь. На верху байд
одинъ, два или три круглые люка. Самая большая бай
люка бываетъ въ 5 арш. длиною и въ ¾ арш. шири
быстра на ходу, но ужасно вертка. Алеуты привыкли
камъ, смѣло садятся въ нихъ, надѣваютъ камлейки, зат
люки, чтобъ въ байдарку не могла проникнуть вода,
далеко отъ береговъ въ море. Сидя въ байдаркахъ, Ал
шатся бури: гигантскія волны океана для нихъ ни
носятся по нимъ какъ птицы морскія. Байдарка то п
вершины волнъ, то вдругъ сбрасывается въ промежутки
ними; иногда набѣжавшая громадная волна совершенно п
собою, думаешь, что она потонула, но байдарка опять
поверхности водъ, съ своими отважными и ловкими пло
рые беззаботно продолжаютъ путь.

На верхней части байдарки прикрѣпляются всѣ при
необходимыя для ловли. Алеуты не стрѣляютъ ружьями
другихъ какихъ-либо звѣрей, собственно для того, чтобъ
звѣря ружейнымъ гуломъ.

Главное оружіе составляютъ у нихъ стрѣлы, которыя
чрезвычайно вѣрно и никогда почти не даютъ промаха.
морѣ бобра, они быстро бросаются къ нему, окружаютъ
ками и начинаютъ пускать въ него стрѣлы; они ни за ч
ютъ ему выплывать изъ круга, образуемаго байдар
ырнетъ, но, не будучи въ состояніи долго пробыть под
воздуха, безпрестанно выставляетъ свою голову и крич
бендюкъ. Алеуты гоняютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ со
выбьется изъ силъ отъ истекшей крови; тогда онъ обора
спину и показывается почти весь на водѣ. Въ это время
къ нему Алеуты, берутъ его на байдарку и разсматрива
внимательнымъ образомъ, кому онъ принадлежитъ.

Алеуты употребляютъ въ пищу бобровое мясо, но в
и тогда только, когда у нихъ другаго нѣтъ. Обыкновенна
состоитъ въ китовинѣ, сивучинѣ, нерпахъ и сушеной рыб

Во время моего путешествія мнѣ случалось встрѣча
дикихъ и полудикихъ племенъ, но я не видывалъ нар

леутовъ, живущихъ въ отдаленіи отъ Кадьякскаго заселенія. Съ какою охотою, для собственной же своей выгоды, отправляются они въ артію, когда посылаетъ ихъ Компанія! Алеутъ непремѣнно умретъ голоду, если кто-нибудь не пошлетъ его на добычу. Онъ пролежитъ ри дня безъ пищи, лишь была бы вода, которую онъ пьетъ безпреганно, и для забавы будетъ колотить въ бубенъ да напѣвать шаманій пѣсни. Многіе изъ Алеутовъ и понынѣ еще придерживаются шаманству и разнымъ предразсудкамъ: такъ, напримѣръ, промышленки морскаго промысла тайно раскапываютъ покойниковъ, достаютъ ерепъ и кладутъ его въ носъ своей байдарки, въ той увѣренности, то съ этимъ талисманомъ ловъ морскихъ звѣрей будетъ для нихъ дачнѣе и они не погибнутъ въ морѣ. Впрочемъ можно надѣяться, то Алеуты скоро отстанутъ отъ шаманства, отъ суевѣрныхъ своихъ бродовъ и предразсудковъ. Вотъ уже большая половина изъ нихъ, ринявъ св. крещеніе, оставляютъ прежнія заблужденія и отдаютъ ѣей своихъ для обученія въ школы, устроенныя въ Кадьякѣ, Ситкѣ Уналашкѣ. Воспитанники выходятъ изъ школъ съ хорошими понятіями, поступаютъ въ разныя должности и смѣются надъ невѣжествомъ и суевѣрными обычаями своихъ же земляковъ».

Теперь мы должны бы были нѣсколько остановиться на той мысли, съ которой связаны всѣ сдѣланныя нами доселѣ выписки, а мысли о необходимости подробностей въ географическихъ очеркахъ, какъ для практическихъ цѣлей, такъ и для ученыхъ; но это ведетъ насъ къ вопросу о значеніи географіи, значитъ нѣкоторымъ образомъ къ философствованію. Но такого рода философствованіе мы лучше предоставимъ кабинетамъ ученыхъ, а сами ограничимся здѣсь замѣчаніемъ, что, при господствующихъ понятіяхъ, приготовительный курсъ г. Кузнецова (заглавіе котораго въ началѣ статьи) мы находимъ дѣльнымъ, именно по причинѣ его краткости и точности (за исключеніемъ нѣкоторыхъ ошибокъ).

Въ вышедшей первой части этого курса преподаватели найдутъ всю географію вкратцѣ, т. е. полный краткій курсъ географіи. Во второй части г. Кузнецовъ обѣщаетъ политическое описаніе всѣхъ государствъ.

Русская старина въ памятникахъ Церковнаго и Гражданскаго бщества. Составлена А. Мартыновымъ (Членомъ сотрудникомъ . П. Археологическаго и Нумизматическаго общества). Посвящена го Величеству Государю Императору Николаю I. Текстъ И. М. негирева (сочинителя Памятниковъ Московской Древности). Тетрадь 7.

Недавно вышедшая VII тетрадь Русской Старины даетъ намъ водъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ изданіи.

Самое заглавіе его такъ много говоритъ въ пользу его народности и другихъ достоинствъ, что нечего и распространяться объ этомъ. У каждаго свои архитектурныя произведенія, которыми онъ чѣмъ-то завѣтнымъ, какъ пріятнымъ воспоминаніемъ жизни. Для русскаго какія-нибудь ворота съ теремными столпахъ, Никола явленный, Спасъ на бору и т. д. какъ для германца какой-нибудь саксонскій замокъ бургскій, или для итальянца Капитолій, соборъ Ми

Было бы странно, еслибъ и подобное изданіе не и въ просвѣщенной публикѣ. Нѣтъ, оно нашло его: он удостоиться высокаго вниманія Августѣйшей фамил нѣйшихъ изъ нашихъ соотечественникахъ. Сдѣлаемъ Намъ кажется, оно пріобрѣло бы еще обширнѣе кр если бы при каждомъ памятникѣ текстъ былъ подро подробнѣе были разсказаны тѣ событія, которыя связаны съ извѣстнымъ памятникомъ. Тогда и рису чилъ въ глазахъ читателя, такъ сказать, болѣе полны колоритъ, да и вообще текстъ сдѣлался бы разнообр характеристичнѣе, — словомъ, интереснѣе: мы говорим виду «любителей чтенія». Что же касается до чисто-у ваній, то они выполнены здѣсь съ рѣдкими достоинств уже о томъ, что исторія каждаго памятника состав удивительнымъ терпѣніемъ, знаніемъ и любовію к читатели получаютъ при этомъ очеркъ всей исторіи Россіи, написанный съ полнымъ знаніемъ дѣла, леги цимъ изъ лучшихъ знатоковъ архитектуры, г. Макси обще съ каждымъ годомъ этого изданія мы замѣча улучшенія, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно дове рѣдкаго совершенства.

Итакъ, мы будемъ имѣть превосходную исторію ар хитектуры. Вѣроятно, историки ея не остановятся н глубокой ея древности; по-крайней-мѣрѣ желательно чить отъ нихъ полную исторію нашей архитектуры.

Кстати скажемъ нѣсколько словъ еще объ одной скихъ древностей — древней русской живописи. Желат ло получить отъ нашихъ художниковъ и ученыхъ и въ нія «Русскую старину», — исторію русской живописи Желающимъ познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано у ней церковной живописи, мы рекомендуемъ брошюр віемъ: *Иконописаніе*.

Статья эта была напечатана въ одномъ изъ нашихъ журналовъ и потомъ вышла отдѣльною брошюркой. Составлена она г. *Поповымъ*.

Атласъ 13 частей С. Петербурга. *Составилъ* Н. Цыловъ. *Спб. 1849.*

Алфавитный Указатель къ Атласу 13 частей С. Петербурга. *Составилъ* Н. Цыловъ. *Спб. 1849.*

Уже не одною полезною и прекрасною книгою о Петербургѣ обязаны мы г-ну Цылову, приставу Литейной части. Еще не очень давно имѣли мы случай говорить въ нашемъ журналѣ о предъидущемъ трудѣ г-на Цылова и отдали ему полную справедливость. Здѣшній г. оберъ-полиціймейстеръ Свиты Его Имп. Вел. генералъ-майоръ Александръ Павловичъ Галаховъ одобрилъ трудъ г-на Цылова: Изображенія улицъ Литейной части», въ тоже время изъявивъ желаніе, чтобы по примѣру Литейной части былъ составленъ г-мъ Цыловымъ полный атласъ всѣхъ 13 частей С. Петербурга.

И вотъ нынѣ является этотъ полный атласъ. Этотъ немаловажный трудъ выполненъ съ полною отчетливостію. Первый томъ, собственно «Атласъ», состоитъ безъ малаго изъ 400 четвертокъ листа большого формата, заключающихъ въ себѣ планы улицъ и домовъ Петербурга; 2 томъ «Алфавитный Указатель», состоитъ слишкомъ изъ 300 страницъ, тоже въ четвертую долю. Говорить о полезности того изданія безполезно: всякой пойметъ это самъ. Намъ остается только поблагодарить г. Цылова за его трудъ, и выписать здѣсь предисловіе, изъ котораго читатель ясно ознакомится съ содержаніемъ книги и съ тѣмъ, чего можетъ ждать отъ нея.

Изданіемъ Атласа подробныхъ изображеній площадей, улицъ, переуловъ и пр. 13 ти частей С. Петербурга, я желалъ доставить жителямъ столицы легкое средство отыскивать въ ней каждое здаше, каждый домъ, улицу или переулокъ и стѣмъ вмѣстѣ узнать не только имя, отчество, чинъ или званіе домовладѣльца, но и отличительные признаки отыскиваемаго дома, каменный ли онъ или деревянный, протяженіе его по улицѣ и даже число этажей. Очевидно, что никакой планъ не можетъ замѣнить такого Атласа. Планъ, который представлялъ бы всѣ исчисленныя здѣсь подробности, былъ бы неудобенъ для употребленія по своей величинѣ; изображая мѣстность города и направленіе улицъ, всякій планъ знакомитъ насъ съ топографіею и расположеніемъ города, но не даетъ намъ средства къ скорому отысканію требуемой улицы, не говоря уже о домѣ.

Атласъ 13-ти частей С. Петербурга заключаетъ въ себѣ: 1) общій планъ города, для показанія взаимнаго положенія его частей; 2) планы всѣхъ 13-ти городскихъ частей, въ которыхъ съ гораздо большею подробностію и точностію означены даже самые незначительные

переулки. Линіи, проведенныя отъ каждой улицы на
тиромъ, означены нумерами, соотвѣтствующими
ясненному на самомъ планѣ. Такимъ образомъ очень
улицы на планѣ — отъискать ея названіе, и на обор
ному названію, поясненному въ алфавитномъ порядкѣ
страницѣ — отъискать улицу. Сверхъ того, особенн
показаны кварталы, на которые раздѣляется кажда
3, подробные въ большемъ масштабѣ планы всѣхъ
площадей, улицъ, переулковъ, острововъ со всѣми каз
вательскими домами и дачами, изображенные на трех
сто двухъ листахъ. На каждомъ изъ этихъ листковъ, с
помѣщена или вся, или только часть улицы, съ продо
слѣдующемъ листкѣ. Для удобнаго и скораго отъискан
и домовъ изображенныхъ въ атласѣ, приложенъ къ не
указатель, содержащій въ себѣ фамиліи домовладѣльц
улицъ и особое въ концѣ приложеніе для отъисканія
мовъ.

Въ первой графѣ указателя помѣщены нумера страш
рыхъ изображены дома и улицы: *во второй* — нумер
третьей — число этажей буква М означаетъ мезонинъ,
той и пятой — мѣра дома и мѣста къ нему принадле
улицѣ, за исключеніемъ дачь, мѣру которыхъ опредѣл
тельно, по неправильному и слишкомъ разнообразному
женію.

Историческій очеркъ общихъ гражданскихъ
ній Новороссійскаго Края. *Рѣчь* адъюнкта Ко
Одесса 1849.

Рѣчь г. Комарницкаго есть трудъ, достойный б
ученыхъ, любителей всякой старины, въ томъ числѣ и
вороссійскаго края; и, однакожь, жалѣемъ, что онъ
своей рѣчи предметъ, интересный для весьма немногихъ

Собраніе стихотвореній и отрывковъ въ про
воначальнаго изученія русскаго языка. Изданіе Ѳ.
Спб. 1849.

Г. Студитскій извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ
скій писатель. Къ сожалѣнію, послѣдняя его книга не соо
по своему достоинству тѣмъ прекраснымъ трудамъ, кото
прежніе годы дарилъ русское юношество. Впрочемъ, е
чего не прибавляетъ къ прежнимъ заслугамъ г. Студит
не уменьшаетъ ихъ. Труда за ней было ему немного,
отъ нея можетъ быть. Это собственно выборъ небольш
изъ разныхъ русскихъ писателей, старыхъ и новы

прозаиковъ, преимущественно бельлетристовъ. Если эта книга попадется въ руки дѣтей, то они прочтутъ ее не безъ удовольствія, этому-что многіе отрывки, не выходя изъ круга дѣтскихъ понятій, в тоже время гораздо интереснѣе, чѣмъ повѣсти, какія у насъ пишутся собственно для дѣтей; ибо эти отрывки принадлежатъ даровитымъ писателямъ.

Правила игры въ карты, *основанныя на математическихъ вычисленіяхъ, для незнающихъ математики. Москва. 1849.*

У насъ выходили и выходятъ много книгъ о преферансѣ, пятѣ-преферансѣ и разныхъ играхъ; но полнаго курса карточной игры, соединеннаго въ одной книгѣ, еще не было. Въ Москвѣ нашелся досужій человѣкъ, который занялся составленіемъ такого курса. Онъ теперь передъ нами. Но мы не беремся судить о немъ, какъ потому, что «Правила игры въ карты» не принадлежитъ собственно къ литературѣ, такъ и потому, что мы имѣемъ несчастіе ничего не понимать въ картахъ. Предоставляемъ эту книгу суду любителей и знатоковъ дѣла.

Изъ дѣйствительной жизни, *стихотворенія* Э. Н. Шкурина. *Ирбитъ. 1848.*

Лучшій образчикъ поэзіи, какой только можно представить въ настоящее время любителямъ стиховъ. Оригинально, замысловато и поучительно. Вотъ доказательство.

СОФЬЯ БЕЗЪ ОБМАНА.

Не далеко отъ дороги большой,
Жила въ деревнѣ богатой
Молодая вдова съ дочерью Софьею;
И домъ ихъ обширный
Надъ рѣкою быстрою,
Возвышался подъ зеленою крышою,
У оконъ цвѣтникъ душистый,
Кругомъ дома съ фруктовою теплицею.
Мать и дочь имѣли во всемъ вкусъ изысканный,
И обѣ одѣвались по модѣ парижской.
По вечерамъ гуляли по алеѣ англійской,
Часто просиживали ночь за книгою,
Днемъ одна другую встрѣчали съ улыбкою,
И для разнообразія ихъ жизни уединенной.
Смотритель станціи съ покорностью уничиженной.
Являлся съ книгою особъ проѣзжающихъ въ день воскресный.
Тогда имъ былъ восторгъ неизъяснимый;
Ихъ любопытство дѣлало еще любезнѣй.

Разсматривая книгу [illegible]
А смотритель [illegible] Пантелей.
[illegible]
Тогда спалъ въ залѣ у дверей.
Слушалъ и зѣвалъ [illegible]
Да не [illegible]
[illegible]
Но въ [illegible] Соня [illegible]
Замѣчалъ, что спалъ смотритель утомленный.
Тогда [illegible]
Ахъ [illegible] смотритель [illegible]
И смотритель [illegible]
[illegible]
Что [illegible]
И [illegible] въ очереди [illegible]
Тогда мама вложила въ маленькую серебр
Явился слуга предъ нею.
И объявилъ скорѣй смотритель
Слѣдъ хоть четвертей
Раскланявшись въ поясъ за подарокъ Пантелей
Пожелала предъ доброю барынею
Быть ей счастливою вмѣстѣ.
А самъ въ двери скорѣй.
Бѣжалъ Пантелей.
Мама и Соня такъ проводили время въ день и

Любители стихотвореній, которые заинтересуются отрывкомъ и пожелаютъ прочесть всю книгу, долж за нею въ Тифлисъ, гдѣ она напечатана.

VOYAGE DANS L'AFRIQUE AUSTRALE, notamment dans le territoire de Natal, dans celui des Cafres Amazoulous et Makatisses et jusqu'au tropique de Capricorne, exécuté durant les années 1838, 1839, 1840, 1841, 1842, 1843 et 1844, par *M. Adulphe Delegorgue*. Avec une introduction p. *M. Albert-Montemont*. Accompagné de dessins et cartes. Paris, 1848; in 8°; 2 vol. (Путешествіе въ южную Африку, именно въ страну Натала, кафровъ, амазалу и макатиссовъ и до тропика Козерога, совершонное въ 1838 по 1844 г. *Адульфомъ Дельгорюмъ*. Съ предисловіемъ г. *Альберта Монтемона*, рисунками и картами. Парижъ. 1848 г. въ 8 д. л.; 2 тома).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Авторъ сочиненія, котораго заглавіе мы сейчасъ представили нашимъ читателямъ, принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ путешественниковъ нашего времени, и личность его не менѣе замѣчательна самой книги. Оставшись сиротою въ самой ранней молодости, онъ приготовлялся къ юридическому поприщу, которое, впрочемъ, было вовсе несообразно съ его характеромъ и наклонностями. Еще въ малолѣтствѣ любилъ онъ читать описанія дальнихъ путешествій въ страны малоизвѣстныя, и эти чтенія постепенно развивали въ немъ охоту къ странствованіямъ. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ сбросилъ съ себя адвокатскую шапку и сыскалъ должность на кораблѣ, отправлявшемся въ Сенегаль. Въ теченіи пяти лѣтъ посѣтилъ онъ сѣверные берега Европы, западный берегъ Африки и Антильскіе острова; но жизнь и занятія на кораб-

лѣ не понравились молодому искателю приключеній. (
въ Дуэ (*Douai*), свою родину, и тамъ задумалъ планъ
путешествія въ южную Африку. Безъ всякой помощи
правительства или какого-либо мецената, съ весьма о
денежными средствами и съ самыми поверхностными
естественныхъ наукахъ, поддерживаемый одною толь
лею, Дельгоргъ совершилъ одно изъ затруднительнѣй
ствій въ страны, гдѣ до него не была еще нога европе
оттуда богатую коллекцію разнородныхъ этнографиче
ственно-историческихъ свѣдѣній и предметовъ, послу
чительнымъ для наукъ пособіемъ.

Путешествіе Дельгорга не походитъ на другія, пред
обыкновенно съ опредѣленною ученою, политическою
ческою цѣлію, и поэтому носитъ на себѣ совершенно
ный характеръ. Это — незатѣйливый разсказъ страстн
заброшеннаго судьбою или собственною волею въ дику
ную страну, — охотника, пробирающагося, съ ружьемъ
въ случайномъ товариществѣ, все далѣе и далѣе, куда
за да бѣжитъ звѣрь, не заботясь о томъ, далеко ли з
куда заведетъ его случай среди безтропинныхъ пустын
Впрочемъ, и то сказать, этотъ охотникъ не по-плечу н
рощеннымъ Немвродамъ, и дичь его не похожа на ту, ко
ся намъ стрѣлять у себя дома. Не въ утку или куропат
ца и даже не въ медвѣдя цѣлитъ онъ: его дуло ищетъ
львовъ, кровожадныхъ гіенъ да чудовищныхъ гиппопота
становка этой грандіозной охоты, на которую нашъ авант
скается часто одинъ-одинехонекъ, состоитъ не изъ нашихъ
степей съ ихъ мирными жителями, а изъ пустынь южн
населенныхъ дикими племенами кафровъ. На такой охотѣ
быть недостатка въ приключеніяхъ, и нашъ авторъ раз
ихъ просто, безъ затѣй, претензій и хвастовства, но с
нымъ жаромъ и тономъ образованнаго человѣка, которы
умѣетъ отличаться въ товариществѣ готентотовъ, но и м
занять видное мѣсто въ любой парижской гостиной.

Познакомивъ съ личностью автора, мы считаемъ нуж
зать нѣсколько предварительныхъ словъ о странѣ, въ ко
направилъ свое странничество, хотя и то и другое гора
опредѣлительнѣе выказывается въ самомъ разсказѣ путе
ка. Но мы полагаемъ, что такой предварительный взгля
димъ для того, чтобы читатель могъ заблаговременно
свое понятіе о томъ, чего онъ можетъ требовать и надѣять

На крайней южной оконечности африканскаго материка лежитъ обширное пространство земли, называемое *колоніею Мыса Доброй Надежды* и составляющее одно изъ важнѣйшихъ заморскихъ владѣній Англіи. Верстъ до 800 въ длину и отъ четырехъ до пяти сотъ въ ширину, лежитъ площадь, заключающая въ себѣ почти до 250 тысячъ квадратныхъ верстъ, окаймленная съ трехъ сторонъ линіею береговъ, слишкомъ въ 250 географическихъ миль. На этомъ обширномъ пространствѣ, ограниченномъ съ запада и юга Океаномъ, съ востока землею Кафровъ, а съ сѣвера Готентотіею, простирающемся въ невѣдомыя страны внутренней Африки, живутъ, подъ верховною властію англійской королевы, около двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 60,000 бѣлыхъ и свободныхъ цвѣтныхъ людей, 40.000 негровъ, 30,000 готентотовъ и слишкомъ 50,000 кафровъ и бошесмановъ (*лѣсныхъ людей*). Здѣсь, среди могущественной растительности близкихъ къ тропику странъ, видишь почти всѣ роды нашихъ европейскихъ домашнихъ животныхъ рядомъ съ туземными: въ поляхъ же и лѣсахъ куропатка попадается вслѣдъ за строусомъ, гіена травитъ зайца, буйволъ пасется въ дебри недалеко отъ стада слоновъ и чудовищный гиппопотамъ поднимаетъ изъ воды колоссальную голову, чтобы посмотрѣть на пьющую газель или носорога. Ступайте осторожнѣе въ густой травѣ: тамъ гнѣздятся ядовитыя змѣи, да страшные бѣлые муравьи. Не ждите здѣсь ни весны, ни осени, потому-что здѣсь только два времени года: *лѣто*, въ которое при палящемъ зноѣ не падаетъ ни капли дождя, и *зима*, въ которую онъ льетъ нѣсколько мѣсяцевъ, почти безъ перемежки.

Три державы, владычествовавшія каждая въ свою очередь морями, водружали поочередно свои флаги на таинственномъ мысу, который впервые былъ обогнутъ Васко де Гамою и по справедливости названъ *Мысомъ Бурь* (*Capo de los tormentos*). Но подвигъ Гамы разсѣялъ волшебный мракъ, лежавшій надъ южнымъ Океаномъ, и открылъ европейскимъ кораблямъ путь въ Индѣйское море; блестящая будущность, представлявшаяся оттого португальской торговлѣ, побудила измѣнить названіе *Бурнаго мыса* въ *мысъ Доброй Надежды*. Это событіе совершилось почти въ тоже самое время, какъ Колумбъ открывалъ Америку.

Казалось, новооткрытый мысъ представлялъ самый естественный пунктъ роздыха для лузитанскихъ кораблей шедшихъ въ Индію и возвращавшихся оттуда; но не только португальцы не основали тутъ поселенія, а даже не догадались выстроить, на случай нужды, и временнаго укрѣпленія или станціи. Прошло болѣе вѣка, пока явились туда голландцы, но и тѣ продумали полстолѣтія, прежде чѣмъ рѣшились заложить колонію. Первое поселеніе голландцевъ на

мысѣ Доброй Надежды заложено фанъ Рибекомъ 8
да и послужило краеугольнымъ камнемъ батавскаг
южной оконечности Африки, постоянно возраст
поръ до 1795 г. Въ послѣднюю эпоху, вслѣдствіе пер
чиненныхъ въ Европѣ первою французскою револю
завладѣли мысомъ Доброй Надежды, который впрочем
щенъ Голландіи въ 1803 году, по заключеніи Ам
договора. Однакожь, три года спустя, Англія покори
лонію своей власти и сохранила ее съ тѣхъ поръ,
чательно права свои постановленіемъ Вѣнскаго кон
году.

Вотъ въ нѣсколькихъ строкахъ исторія мыса Д
Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсказу г. Делы
нѣсколько словъ о прежнихъ замѣчательныхъ путеш
страны, совершонныхъ во время голландскаго и бри
чества. По нашему мнѣнію, странствованіе смѣлаг
ставится черезъ это предъ читателями гораздо рельеф

Первое извѣстное путешествіе по южной оконеч
скаго материка совершилъ нѣкто Лопецъ въ концѣ X
саніе его странствованія, изданное Пигафеттою въ 15
названіемъ: *Описаніе страны между Конго, мысом*
ды и Ниломъ), даетъ намъ первое понятіе о кафрахъ
таль (Рождества), названной такъ потому, что она в
та въ день Рождества Христова.

Вслѣдъ за Лопецомъ появились въ упомянутыхъ
сколько голландскихъ и англійскихъ туристовъ, об
которыхъ сохранилось очень мало свѣдѣній, такъ-чт
чательное путешествіе относится уже къ 1673 году, ко
(*Ten Rhyne*) посѣтилъ Мысъ и страну Готентотовъ.
саніе этихъ странъ было издано въ 1686 г. въ Шаф
тинскомъ языкѣ.

Въ 1705 году, ланддростъ Купъ, въ теченіи по
ца посѣтилъ нѣсколько готентотскихъ деревень для
земныхъ жителей быковъ, нужныхъ голландскимъ ко

Съ 1705 до 1713 г. длилось странствованіе Колбе,
ника хотя и правдиваго, но легковѣрнаго. Онъ описа
нятую въ то время колонистами, и познакомилъ Евро
обычаями и формою правленія ихъ дикихъ сосѣдей.

Книга Колбе (изданная въ трехъ томахъ) заклю
много драгоцѣнныхъ свѣдѣній; но, къ сожалѣнію,
ются странности, свидѣтельствующія о легковѣріи

Путешествіе Лакайля (*Lacaille*), совершонное въ 1751 и 1752 годахъ, ограничивалось одною только астрономическою цѣлію — наблюденія звѣздъ южнаго неба. За Лакайлемъ Хонъ и Бринкъ, въ 1761 и 1762 годахъ, мечтатель Бернардень де Сенъ-Пьерръ въ 1771 и наконецъ Спарманъ въ 1772 по 1776 г. посѣщали мысъ Доброй Надежды. Особенно замѣчательно путешествіе послѣдняго, весьма подробно описавшаго нравы и образъ жизни кафровъ, готентотовъ и бошесмановъ и принесшаго богатую жатву предметовъ естественно-историческихъ.

Рядомъ и одновременно съ Спарманомъ, является Тунбергъ, отличный натуралистъ, изслѣдовавшій протяженіе владѣній капской колоніи, особливо въ ботаническомъ отношеніи. За нимъ (1777 — 1779) слѣдовалъ Патерсонъ, далѣе предшественниковъ своихъ проникшій на сѣверъ въ неизвѣстныя страны и переступившій, по этому направленію, Оранжевую рѣку, а къ востоку за большую Рыбную рѣку, лежащую въ глубинѣ земли кафровъ.

Наконецъ (1780 — 1785) является Левальякъ, затмившій славу своихъ предшественниковъ и сообщившій множество любопытнѣйшихъ подробностей, касательно орнитологіи и вообще зоологіи этихъ малоизвѣстныхъ странъ. Замѣтимъ однакожь, что въ описаніи путешествія Левальяка, составленномъ молодымъ талантливымъ писателемъ Вароном, часто встрѣчаются мѣста, болѣе похожія на романъ, нежели на истину. Молодой разскащикъ, кажется, искалъ заинтересовать читателей любопытными подробностями, прикрашенными воображеніемъ, и не заботился объ истинѣ фактовъ; поэтому, книга его, содержащая много преувеличеній, читается весьма легко и отличается необыкновенною занимательностью.

Въ 1796 г., въ годъ англійскаго завоеванія, американецъ Стаутъ (*Stout*), голландецъ (*Jong*) и англичанинъ Персиваль, странствовали по землямъ кафровъ и готентотовъ; и въ тоже время французъ Дегранпре изслѣдовалъ положеніе береговъ Капской колоніи. За ними, въ концѣ прошлаго вѣка, слѣдовали Барроу, Семпль, Трутеръ и Сомервиль. Послѣдній, перешагнувъ за Снѣговыя горы, открылъ по ту сторону пустынь плодородныя равнины, дотолѣ неизвѣстныя европейцамъ.

Во время кратковременнаго возстановленія батавскаго владычества (1803—1806), совершившагося вслѣдствіе аміенскаго трактата, ученный путешественникъ, Генрихъ Лихтенштейнъ, посѣтилъ колонію и сосѣднія съ ней земли и издалъ ихъ описаніе, чрезвычайно богатое, какъ ученными фактами, такъ и подробностями о жизни и обычаяхъ туземныхъ племенъ.

По возвращеніи колоніи подъ власть Англіи, ских туристовъ устремились въ эти страны. М телемъ миссіонеръ Кэмбль *(Campbell)*, углубляв на сѣверъ и востокъ капскихъ владѣній и про *гриковъ* и *намаковъ*. Онъ явился туда вторично гимъ миссіонеромъ Филиппомъ, который дошелъ 1825 г.). Англійскіе миссіонеры увѣряютъ, что со и Филиппъ своими путешествіями много способст щенію туземныхъ дикарей и къ упроченію мирны къ колонистамъ; но Дельгоргъ, прожившій болѣ тѣхъ странахъ, свидѣтельствуетъ о совершенно пр ждаетъ, что упомянутые миссіонеры своимъ фана горазумѣемъ вселили въ туземцахъ ненависть къ ев просвѣщенію и разными непозволительными средс разваратили дикихъ чадъ природы, населяющихъ зе ныя владѣніямъ колоніи. Трудно, не бывши на мѣ нравъ, кто виноватъ. Авторъ лежащей предъ чи самъ имѣлъ случай провести нѣсколько дней въ *Town)*, столицѣ Капской колоніи, и, сообразивъ слы ное тамъ, съ свидѣтельствами другихъ путешествен ляетъ мнѣніе Дельгорга и не можетъ вообще похв англійскихъ миссіонеровъ, которыхъ ему удавалось ропы.

Оставимъ, однакожь, въ-покоѣ миссіонеровъ Борчелю *(Burchell)*, собравшему съ 1800 по 1812 г. зоологическія и ботаническія сокровища на Мысѣ и ему странахъ. По слѣдамъ его шелъ Томпсонъ, съ

Пока Томпсонъ занимался приведеніемъ въ поряд гатыхъ коллекцій, Коуперъ Розъ (*Cowper Rose*) на женіе и состояніе пограничнаго населенія колоніи (с миссіонеръ Халбекъ посѣтилъ земли тамбуковъ и ка г.), а Кови (*Cowie*) и Гринъ (*Green*), англійскіе к никнули до залива Лагоа. Докторъ же Смитъ (*Smith* роны достигнулъ до тропика Козерога, но только другой дорогѣ, чѣмъ по которой прошелъ впос горгъ.

Наконецъ въ 1841 году капитанъ Харрисъ, на службѣ ость-индской компаніи, издалъ въ 1841 году описаніе своихъ охотничьихъ экскурзій въ страну ка каци, гдѣ сообщилъ нѣсколько географическихъ дан тоунѣ (*Graham's Town*), Графрейнетѣ (*Graf-Reynett* горахъ, съ подробностями о *боерсахъ*, или голландскихъ

та книга была бы довольно интересна, если бы содержаніе ея не очеркало совершенно предъ гораздо полнѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ трудомъ г. Дельгорга, въ сравненіи съ которымъ сочиненіе Барриса теряетъ всякую цѣну, тѣмъ болѣе, что англійскій капитанъ, раздѣляя недоброжелательство многихъ изъ своихъ земляковъ къ голландскимъ поселенцамъ, отзывается о нихъ съ самой дурной стороны, и притомъ весьма часто безъ всякаго основанія, кромѣ національной вражды. Въ этомъ отношеніи Дельгоргъ былъ гораздо безпристрастнѣе, несмотря на то, что не одинъ разъ терпѣлъ личныя непріятности и даже обиды отъ боэрсовъ.

Пора приступить намъ наконецъ къ самому разсказу французскаго туриста.

Въ *первой* главѣ авторъ знакомитъ насъ съ побудительными причинами его путешествія, съ переѣздомъ изъ Европы на мысъ Доброй Надежды, съ видомъ Капстауна и Столовой горы. За тѣмъ описываетъ онъ путешествіе свое къ *Потерянному озеру* (*Verlooren Valley*), причемъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о способахъ путешествія въ тѣхъ странахъ, и о тамошнихъ волахъ, замѣняющихъ нашихъ лошадей. Относительно предметовъ естественной исторіи, въ первой главѣ описаны полосатая гіена и птицы фламманы.

Капстаунъ, во время голландскаго владычества называвшійся Капштатомъ, очень красивый городъ съ широкими, правильными улицами и домами, построенными на одинъ ладъ. Крыши этихъ домовъ устроены въ видѣ террасъ, и однообразіе зданій нарушается только изрѣдка расписанными и раскрашенными фасадами. Улицы не вымощены камнемъ, но усыпаны крѣпко убитымъ крупнымъ пескомъ (гравіемъ); такая мостовая возможна только въ мѣстахъ, гдѣ дождь идетъ довольно рѣдко. Населеніе города состоитъ изъ двадцати пяти тысячъ душъ англичанъ, голландцевъ, готентотовъ, кафровъ, негровъ, малайцевъ, мулатовъ и другихъ племенъ, представляющихъ всѣ возможныя видоизмѣненія цвѣта человѣческой кожи. Вообще городъ носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то опрятности, свойственной городамъ голландскимъ.

Положеніе Капстауна чрезвычайно живописно, и мы не можемъ спомнить о немъ безъ восхищенія. Онъ выстроенъ на некрутой покатости, спускающейся къ Столовому заливу, покрытому мачтами судовъ, идущихъ въ Остъ-Индію и возвращающихся оттуда. Капстадскій рейдъ не отличается удобствами якорной стоянки; но его должно было выбрать за неимѣніемъ другого, лучшаго: онъ защищенъ отъ юго-восточныхъ вѣтровъ, но зато сѣверо-западные бушуютъ тамъ на просторѣ и причиняютъ частыя бѣдствія. Говорятъ,

будто бы намѣрены предпринять гигантскія р
рейда въ совершенно безопасное при всякой н

Съ одной стороны Каптоунъ омывается во
ва, а съ прочихъ онъ прислоненъ къ велича
Демоновой, Столовой и двумъ Львинымъ, пред
ственную панораму. Климатъ очень здоровъ,
студныхъ болѣзней. Сѣверный вѣтеръ нано
тренней Африки нестерпимый зной; но часто
въ юго-восточный, въ полчаса времени темпе
двадцать градусовъ. Поэтому здѣсь встрѣчае
для иностранца явленіе, что всѣ жители горо
насморкъ и дѣлаются охриплыми.

Несмотря на это, Каптоунъ считается мѣст
для европейцевъ, и офицеры остъ-индской ар
въ отпускъ для поправленія здоровья, разстро
матомъ Индіи. Это самые почетные гости в
они здѣсь иногда въ теченіи двухъ или трехъ л
двухъ — и трехгодовые оклады своего огромн

Впрочемъ, какъ бы то ни было, а прежн
жизнь въ Капштатѣ, осталась только въ вос
ловъ. Ханжество англійскихъ миссіонеровъ
гостепріимныхъ колонистовъ въ лицемѣровъ
встрѣчаешь одни постныя лица, скрывающія
честія отвратительный эгоизмъ, ненасытную
коренную испорченность нравовъ. Общество т
миссіонеровъ не уменьшили пьянства и не р
добродѣтелей, а только поселили въ сердцѣ ск
да ханжество. Какъ отрадно вспомнить при э
терпимости нашей православной церкви, кото
обыкновенныхъ людей, и послѣ молитвы д
невинными забавами. Въ Англіи, Соединенны
гдѣ господствуетъ англиканизмъ, воскресен
праздничный, а какой-то траурный, постный д
послѣ теплой молитвы Подателю благъ, тру
безпрепятственно и неукоризненно благами, да
рукою для услажденія человѣческой жизни. У н
закономъ природы,

«Всему свой часъ — труду, бе
И легкокрылому веселью!»

Въ Каптоунѣ васъ не спросятъ, къ какой в
или націи: англичанинъ лишаетъ васъ прав

рснымъ днемъ по произволу, принуждаетъ принимать наружность ...тника и скучать такъ, какъ онъ самъ скучаетъ.

Англичане уничтожили театръ, существовавшій при голланд...мъ правленіи. Они даже закрыли прекрасный зоологическій му...мъ, считая его ненужнымъ для колоніи учрежденіемъ; а богатый ...ническій садъ, гдѣ растенія тропиковъ, предъ переходомъ сво... въ Европу, привыкали къ холодному климату, такъ рѣзко отли...му отъ зноя ихъ отчизны, превращенъ частію въ огородъ губер...ра, частію въ пастбище для городского стада. Странная черта ...просвѣщенной націи — превратить ботаническій садъ въ огородъ ...городской выгонъ!

Способъ путешествія въ Капской колоніи и вообще въ южной ...ечности Африки, за исключеніемъ пѣшеходнаго, довольно ори...аленъ; я самъ имѣлъ случай наблюдать его.

Вообразите себѣ экипажъ, очень похожій на нашу ревельскую ...ру, но только въ бо́льшихъ размѣрахъ и еще надежнѣе окованный; ...на его отъ семи до семи съ половиною аршинъ, а ширина око... полутора. Подобно упомянутымъ фурамъ, на немъ устроена ...рху полукруглая крыша изъ клеенки, а внутренность раздѣлена ...три отдѣленія поперечными скамейками. Сзади и по бокамъ эки...жа прикрѣплены сундуки или ящики для поклажи. Во внутрен...сть входятъ помощію подножекъ, или, правильнѣе сказать, лѣсе...къ, съ нѣсколькими ступенями: эти лѣсенки устроены между ко...сами, съ обѣихъ сторонъ фуры и сзади; боковые входы запира...тся дверьми, а задній — люкомъ.

Но этого еще мало. Такъ-какъ путешествующіе въ такихъ ги...нтскихъ экипажахъ имѣютъ въ виду провести не одну ночь подъ ...крытымъ небомъ, то надъ крышею укрѣпляется еще четырех...ольная рама тѣхъ же размѣровъ, какъ и самый экипажъ; на эту ...му навязываются ремни, служащіе койкою для путешественниковъ ... ночное время. Конечно, должность тюфяковъ исправляетъ при ...омъ всякаго рода верхняя одежда, потому-что и безъ нихъ тита...ческая повозка нагружена до-нельзя всякимъ скарбомъ и рух...дью.

Этотъ экипажъ, вѣсящій съ кладью не менѣе полутораста пу...въ, долженъ катиться по мѣстности, на которой или вовсе нѣтъ ...рогъ, или есть такія, которыхъ совѣстно назвать этимъ именемъ. ...и дороги идутъ по каменьямъ и пескамъ, съ горы на гору, чрезъ ...ки и овраги безъ мостовъ. Здѣсь нечего думать о лошадяхъ: въ ...пскія повозки запрягаютъ обыкновенно отъ пяти до девяти паръ ...ѣшнихъ воловъ, животныхъ, отличающихся невѣроятною силою. ...енѣе пяти паръ не запрягаютъ ни въ какомъ случаѣ, а при дале-

кихъ и трудныхъ переѣздахъ число ихъ доходитъ иногда цати паръ. И этимъ всѣмъ управляетъ одинъ возница; признаться, что искуснѣйшіе изъ европейскихъ кучеровъ, просто, дрянь въ сравненіи съ капскими автомедо

На пути къ Потерянному озеру, Дельгоргъ имѣлъ с вые испытать южно-африканскую охоту; но здѣсь ему только пантеры да гіены, которыхъ голландскіе поселен пріученными для этой охоты собаками. Другая, болѣе и опасная охота, гдѣ человѣкъ становится съ звѣрем лицу, охота на львовъ, слоновъ и гиппопотамовъ, предст путешественнику еще впереди.

На мысѣ Доброй Надежды водятся двѣ породы гіе *тая* и *темная*. Первая изъ нихъ живетъ внутри лѣсовъ питаясь остатками дичи, убитой львами, а вторая — жив ядное, бродитъ вдоль морского берега и пожираетъ тѣла ваемыя моремъ, которое въ иныхъ мѣстахъ нагромоздил ковъ и другихъ черепокожныхъ отъ двухъ до трехъ ар ною. Она бродитъ по ночамъ, отыскивая добычу на вла скомъ песку, и боерсы не боятся за свои стада, при ея зная, что ей по вкусу только мясо морскихъ животныхъ всегда много валяется по берегу. Сила челюстей обои енъ одинаково замѣчательна, и, кажется, въ этомъ отно занимаетъ первое мѣсто въ животномъ царствѣ.

Послѣ экскурзіи къ Потерянному озеру и его окр описаннымъ во *второй* и *третьей* главахъ, нашъ авторъ на Мысъ и оттуда немедленно отправился въ Портъ-Нат ливѣ Алгоа, между Капомъ и Портъ-Наталемъ, встрѣти выхъ кафровъ: они принадлежали къ племени *фингу* и высокимъ ростомъ и непомѣрно длинными руками и ног желыя работы предоставляются имъ; а эти люди работ подъ лучами палящаго солнца и подъ холоднымъ дож передникъ не составляетъ необходимой принадлежности тѣйливаго туалета. Такъ-какъ вся цѣль этихъ кафровъ с томъ, чтобы заработать количество денегъ, необходимое ки одной или двухъ паръ коровъ, то рѣдко одно лицо ра городѣ долѣе шести мѣсяцевъ. Заработавъ нужную су возвращается въ свою степную обитель, а мѣсто его вновь пришедшимъ бѣднякомъ. Вообще кафры окрестно Алгоа живутъ смирно и приносятъ европейскимъ поселе го пользы.

Едва прибылъ нашъ путешественникъ въ Портъ-На захворалъ мѣстною болѣзнію, которую зовутъ *портъ-на*

скорбутомъ. Ноги несчастнаго покрылись широкими и глубокими язвами, проникающими до кости и причиняющими съ самого начала нестерпимую боль. Всѣ жители Портъ-Натала — мужчины, женщины и дѣти, болѣе или менѣе страдаютъ этимъ страшнымъ недугомъ, который исцѣляется самъ собою, при приближеніи старости. Эта болѣзнь причиняется, по всей вѣроятности, маленькимъ краснымъ насѣкомымъ, весьма обильнымъ въ окрестныхъ равнинахъ и лѣсахъ, покрытыхъ густою и очень сухою травой. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ 1842 г. начали выжигать эту траву, и болѣзнь тотчасъ же ослабѣла. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, гдѣ начинается холмистая мѣстность, красная букашка совсѣмъ исчезаетъ, и тамъ не слыхать о страшной болѣзни, которая, впрочемъ, преимущественно поражаетъ людей съ бѣлою кожею.

Вообще южная Африка изобилуетъ паразитными насѣкомыми, которыя живутъ на живомъ тѣлѣ людей и животныхъ. Дельгоргъ приводитъ страшные примѣры этой язвы, которыхъ мы не рѣшаемся повторять слабонервнымъ читателямъ. Довольно того, что паразитовъ можно найти въ складкахъ кожи слоновъ и носороговъ, въ перьяхъ птицъ, между чешуями пресмыкающихся и въ ушахъ гиппопотамовъ. Вездѣ страшный жилецъ впускаетъ въ кожу свое отравленное жало и порождаетъ самые злокачественные нарывы.

Все время пребыванія въ Портъ-Наталѣ и его окрестностяхъ, когда только не удерживала его болѣзнь, Дельгоргъ посвящалъ на собраніе естественно-историческихъ предметовъ, чѣмъ заслужилъ отъ туземцевъ презрительныя названія *voogel oëstroper* (набивателя птицъ) и *bloem soecer* (собирателя цвѣтовъ), которыми голландскіе поселенцы величаютъ натуралистовъ. Эти господа полагаютъ несомнѣнно, что естественные предметы вывозятся въ Европу на продажу и идутъ для украшенія комнатъ и т. п., при чемъ не пропустятъ посмѣяться надъ страннымъ вкусомъ жителей Европы.

Познакомившись съ англійскимъ лейтенантомъ Хардингомъ, Дельгоргъ отправился съ нимъ на первую охоту за гиппопотамами. Наши охотники прибыли на полуостровокъ, довольно глубоко вдающійся въ озеро, населенное этими толстокожими чудовищами, и, тихонько подкравшись къ берегу, поросшему камышемъ, не могли удержаться отъ восторженнаго восклицанія: пятнадцать гиппопотамовъ выставили свои головы изъ воды на такомъ разстояніи, что, казалось, не только пулею изъ винтовки, но можно было докинуть до нихъ камнемъ. Хардингъ и Дельгоргъ пожимали другъ другу руки и клялись перестрѣлять всѣхъ гиппопотамовъ, живущихъ въ озерѣ, что̀ казалось имъ дѣломъ весьма легкимъ. Только готентотскій мулатъ Хендрикъ, ихъ проводникъ, насмѣшливо улыбался, глядя на восторгъ европей-

цевъ: полудикій туземецъ, привыкшій къ зрѣлищу тамош
роды, лучше умѣлъ судить о разстояніяхъ, чѣмъ образова
шлецы. Нигдѣ глазъ не обманывается такъ, какъ въ безп
ств дикихъ пустынь.

Въ южной Африкѣ, когда останавливаются на дорогѣ дл
ха или ночлега, первымъ дѣломъ бываетъ отыскиванье су
чьевъ или травы для варки кофе, необходимаго тамъ
Сколько бы разъ въ сутки ни откладывали воловъ, каждый
премѣнно варится кофе, такъ-что случается иногда пить е
сти разъ въ день. Такъ-какъ день уже клонился къ концу,
ники, напившись кофе и поужинавъ привезенными изъ По
ли припасами, расположились ночевать на мягкой, низкой т
крывавшей полуостровъ, окруженный гиппопотамами и кро
Какое завидное положеніе для нашихъ смѣльчаковъ, еще не
кинувшихъ лондонскія и парижскія гостиныя! Впрочемъ,
спать, убаюкиваемые самыми пріятными мечтами и съ над
покойную ночь, потому-что хорошо знали, что гиппопота
тается человѣческимъ мясомъ, а аллигаторъ, смѣлый и н
въ водѣ, становится страшнымъ трусомъ на сушѣ.

Но если наши странники остались покойными со сторо
ныхъ чудовищъ, то они жестоко ошиблись, расчитывая н
ную ночь и забывъ о маленькомъ насѣкомомъ, столь обыкн
въ жаркихъ странахъ, на берегахъ озеръ и рѣкъ. Во врем
зноя милліарды москитовъ скрываются въ травѣ, тростни
и вылетаютъ только по захожденіи солнца. Эта страшная
нѣе и неотразимѣе крокодиловъ и львовъ; борода, ротъ,
за, уши несчастныхъ путниковъ наподняются міріадами
ныхъ насѣкомыхъ, столь малыхъ, что они едва видимы
глазомъ. Наши европейскіе комары не могутъ дать даже с
нятія о тѣхъ мученіяхъ, которыми терзаютъ москитосы не
путешественника, расположившагося ночевать на берегу
ской или американской рѣки, въ ту эпоху года, когда свир
москитосы. Дельгоргъ и Хардингъ вполнѣ испытали эту
было не до сна; какъ сумасшедшіе бѣгали они взадъ и в
неистовыми криками; бѣлье ихъ и кожа покрылись кро
выступала изо рта, и если бы восходящее солнце не полож
ла такимъ страданіямъ, то наступившая отъ боли лихорад
но не позволила бы имъ прожить болѣе однихъ сутокъ. Ту
малолѣтства привыкшіе къ москитосамъ, страдаютъ гора

При восхожденіи солнца, кровожадныя насѣкомыя исч
венно, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла; но ли
охотниковъ были до-того опухши, что они съ трудомъ уз

друга. Постоянныя, въ теченіи двухъ часовъ, примочки лица холодною водою значительно уменьшили опухоль.

Первая неудача для стрѣлковъ. Гиппопотамовъ должно стрѣлять рано утромъ, пока не подуетъ дневной вѣтеръ, потому-что головы этихъ животныхъ гораздо лучше означаются среди спокойной воды. Пока примачивали опухшія лица и глаза холодною водою, солнце поднялось надъ горизонтомъ довольно высоко и задулъ вѣтерокъ, возмутившій зеркальную поверхность озера. Потомъ должно было искать прохода чрезъ чащу тростниковъ, покрывавшую тонкій берегъ озера; а такое путешествіе среди тростниковъ очень опасно, и, совсѣмъ неожиданно оступившись, можно попасть по-поясъ въ лужу, въ которой сторожитъ васъ открытая пасть аллигатора.

Охота за гиппопотамами опасна преимущественно со стороны крокодиловъ. Охотникъ сторожитъ глазомъ за *рѣчнымъ конемъ* (1)—и не замѣчаетъ, что въ десяти шагахъ отъ него, въ лужѣ, закрытой тростникомъ, въ-уровень съ водою, слѣдятъ за его собственными движеніями два маленькіе глаза безобразной головы грязно-зеленаго цвѣта: эти глаза, эта голова принадлежатъ чудовищному ящеру въ двѣ или три сажени длиною, который ждетъ только, чтобы охотникъ оступился съ шаткой кочки, на которой онъ стоитъ, безпечно выжидая гиппопотама и зная, что лужа кругомъ неопасна, потому-что не глубже какъ по-поясъ. Наконецъ онъ выждалъ голову *пахидерма* (2), пуля вонзилась въ нее и охотникъ перескакиваетъ на другую кочку, дабы приблизиться къ своей добычѣ. Но горе ему, если инстинктъ не предупредитъ его о близкомъ присутствіи врага. Едва нога неосторожнаго успѣла уйти въ воду по-колѣно, какъ уже разинутая пасть гигантскаго ящера очутилась близъ нея. Ловкій охотникъ отпрянулъ назадъ на сушу и если лишился лакомаго куска гиппопотамова жира, то долженъ благодарить судьбу, что самъ не попался на завтракъ крокодилу.

Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы крокодилы приносили исключительно одинъ только вредъ. Въ жаркихъ климатахъ, отчизнѣ львовъ, тигровъ, гіенъ и другихъ большихъ кровожадныхъ животныхъ, рѣки безпрерывно наполняются трупами слабѣйшихъ звѣрей, убѣгающихъ туда отъ преслѣдованій своихъ гонителей. Къ тому же, дикія животныя, населяющія въ несчетномъ множествѣ необитаемыя человѣкомъ пространства жаркихъ странъ, какъ любятъ приходить оканчивать свою жизнь въ прохладныхъ струяхъ рѣкъ и всякихъ озеръ. Скопленіе огромныхъ количествъ труповъ заразило бы

(1) Гиппопотамъ слово греческое и значитъ *рѣчной конь*.

(2) Гиппопотамы принадлежатъ къ числу *толстокожихъ животныхъ*, или *пахидермовъ*.

воздухъ, еслибы крокодилы не пособляли своею прожо
Такъ, напримѣръ, индѣйцы имѣютъ обыкновеніе брос
покойниковъ въ священныя воды Ганга: эта рѣка запру
человѣческими трупами, еслибы Гангъ не изобиловалъ
дами.

Европейскій охотникъ какъ-скоро замѣтитъ крокодил
жетъ удержаться, чтобы не выстрѣлить по немъ, хотя и
изъ сотни выстрѣловъ едва ли одинъ выдается смертель
жительная сила воды защищаетъ крокодила надежнѣе,
крѣпкая чешуя. При нѣсколько косвенномъ направл
почти всегда дѣлаетъ рикошетъ, то есть отскакиваетъ о
поверхности воды.

При охотахъ за львами, слонами, тиграми, носорогами
мами, крокодилами, буйволами, необходимымъ условіемъ
ся огромный калибръ ружья, которое, слѣдовательно, не м
иначе какъ одноствольное. Пули дѣлаются изъ смѣси чет
стей свинца и двухъ частей олова: если взять чистый с
онѣ выходятъ слишкомъ мягки и не довольно глубоко п
въ тѣло или даже совсѣмъ сплющиваются на твердой кож
положить много олова, то, кромѣ легкости, пуля дѣлаетс
и распадается вдребезги при ударѣ.

Возвратимся къ нашимъ охотникамъ. Они пробились
долго, пока достигли до окраины озера, но тутъ убѣдили
ловы ныряющихъ гиппопотамовъ находятся внѣ выстрѣл
чемъ, счастливый случай улыбнулся имъ: они нашли бл
нѣчто въ родѣ ящика, длиною въ 10, а шириною въ 3 фу
вѣроятно, онъ былъ построенъ предшественниками наши
въ-замѣнъ лодки. Вытащивъ на берегъ, отлили изъ него
конопативъ щели травою, опять спустили его на озеро:
малъ трехъ человѣкъ, и въ него помѣстились Дельгоргъ,
и готентотскій мулатъ Хендрикъ, служившій проводни
плыли отъ берега на нѣсколько сотъ шаговъ, они увидѣл
цкѣ тростниковой чащи, огромную голову гиппопотама, д
нырнувшую на одномъ и томъ же мѣстѣ, и тотчасъ по
разстояніе шести шаговъ. Между тѣмъ ящикъ, худо законо
наполнялся водою. На европейскомъ озерѣ вся бѣда от
бы невольнымъ купаньемъ, но здѣсь надобно было плыть
около сотни саженъ, въ-запуски съ гиппопотамами и алл
Что было тутъ дѣлать? Отливать воду шляпами значил
гиппопотама, который ужь вѣрно бы не вынырнулъ опять
это мгновеніе нерѣшительности показалась вновь голова и
двѣ пули дружно вонзились въ него. Животное быстро по

ъ водѣ; но отъ этого движенія пошла зыбь, начавшая захлестывать щикъ и безъ того до трехъ четвертей полный водою. Охотники, вия, что тутъ нечего разсуждать долѣе, проворно принялись отливать оду своими шляпами; но происшедшая отъ быстрыхъ движеній ачка едва не утопила ихъ. Если бы въ это время иппопотаму вздумаось повернуться еще разъ, то зыбь непремѣнно захлеснула бы импровизованную лодку нашихъ смѣльчаковъ: глупое животное не доадалось, однакожь, отмстить своимъ врагамъ.

Двѣ пули сидѣли на-вѣрное въ головѣ иппопотама, но не тронули юзга, и поэтому животное скрылось подъ водою; только если раненъ юзгъ, оно умираетъ немедленно. Видя неудачность охоты и опасаясь торичнаго потопленія, охотники поспѣшили къ берегу, гдѣ, поужинавъ очень плохо, приказали перенести свою палатку подальше отъ зера и его москитосовъ, на ближній холмъ, и надѣялись тамъ провести покойную ночь послѣ страданій и усталости прошедшихъ сутокъ.

Справедлива пословица, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ аспологаетъ. Едва успѣли уснуть наши герои, какъ вдругъ были незапно пробуждены какимъ-то страшнымъ и могучимъ потрясеіемъ: надъ головами ихъ блистали яркія созвѣздія южнаго неба, а алатки какъ будто не было и въ-поминѣ. Загадка, однакожь, скоро ояснилась: внезапно налетѣвшій вихрь однимъ порывомъ унесъ алатку вмѣстѣ съ кольями, къ которымъ она была прикрѣплена. Что было дѣлать въ такомъ положеніи? Осталось одно только средство — лечь спать подъ открытымъ небомъ; за невозможностью выора должно было и этимъ удовольствоваться.

На-утро оказалось, что порывъ вихря не только умчалъ съ соою палатку, но и бо́льшую часть вещей нашихъ охотниковъ. Соравъ съ большимъ трудомъ, что́ было возможно, они пустились пять за иппопотами, но вѣтряная погода неблагопріятствовала въ отъ день охотѣ. Съ другой стороны, побуждаемые недостаткомъ ѣстныхъ припасовъ, они должны были заняться стрѣляніемъ медой, пернатой дичи, которой здѣсь было довольно.

На слѣдующій день охотники ранили еще нѣсколько иппопотамовъ, оторые всѣ ушли въ воду. Видя неудачу охоты и по причинѣ истеенія срока отпуска, даннаго Хердингу, они должны были возвратиться домой съ пустыми руками. На дорогѣ замѣтили они огромою стадо хищныхъ птицъ, кружившихся на томъ тѣстѣ, гдѣ стрѣляли по первому иппопотаму; впослѣдствіи узнали, что животное, аненое смертельно, всплыло и было вытащено на сушу кафрами, оторые отняли трупъ у вороновъ, указавшихъ имъ мѣсто добычи.

Возвратясь съ этой охоты, Дельгоргъ пустился въ экскурзію мѣстѣ съ молодымъ англичаниномъ Парнеромъ, шведскимъ нату-

ралистомъ Валбергомъ (посѣщавшимъ южную Африку од
съ Дельгоргомъ и дошедшимъ почти также до тропика)
охотниками. Близь рѣки Омъ Комасъ они встрѣтили бѣгл
скаго солдата Роберта Джойса, который разсказалъ имъ
ры недалеко оттуда убили слона изъ ружей, и онъ, подо
нуть на трупъ, встрѣтился тамъ лицомъ къ лицу со льво
охотники направились въ указанную имъ сторону, но, ме
версты до назначеннаго мѣста, были поражены ужасн
ніемъ: нужна была вся твердость воли, чтобы продолжат
подобной духотѣ. Но каково же было удивленіе европейц
они увидали трупъ слона, окруженный не хищными звѣр
мя десятками кафровъ, пожиравшихъ смрадный, гніюі
Остановимся и опустимъ завѣсу на эту грязно страшну

Слонъ былъ самаго огромнаго роста и вышиною не м
товъ. И ктожь убилъ этого слона? кафръ, по имени Бо
шого роста, весь изувѣченный и вооруженный плохим
изъ котораго, однакожь, пуля пробила мозгъ звѣря. Лиц
кафра было изрыто рубцами отъ зажившихъ ранъ; лѣв
зорвана по-поламъ, а нижняя челюсть перебита въ дву
Несчастный, будучи еще ребенкомъ, былъ схваченъ гіен
родителями. Онъ слылъ однимъ изъ лучшихъ охотни
племени.

Между Дельгоргомъ и Бобомъ завязался весьма инте
говоръ, который мы приводимъ здѣсь.

— Какую выгоду получишь ты оттого, что убилъ сл

— Во-первыхъ, мы всѣ полакомимся слоновымъ мя
вторыхъ, мнѣ достанется одинъ изъ клыковъ.

— Куда же дѣнется другой клыкъ?

— Его возметъ себѣ Оглэ, вождь моего племени; да
я обязанъ продать ему же за корову или за двѣ, как
мается.

— Много у тебя теперь коровъ?

— Да есть-таки! Мнѣ часто удавалось бить слоновъ
коровъ за клыки. Молокомъ я питаюсь самъ и кормлю с
телятъ мѣняю (Тутъ онъ засмѣялся какимъ-то странным

— На что́ же ты ихъ мѣняешь?

— Разумѣется, на что̀! на хорошенькихъ, молоден
шекъ, которыхъ я удостоиваю счастія быть моими жен

— Много ли у тебя женъ?

— (Со вздохомъ) Всего только четыре! но я надѣюс
диться и тогда обзаведусь еще парочкой.

— На что́ тебѣ такое множество женъ?

— Какъ, на что? чѣмъ больше у мужчинъ коровъ и женъ, тѣмъ онъ богаче и счастливѣе: онъ не голодаетъ, имѣетъ безпрерывно вокругъ себя прислугу и пользуется всеобщимъ уваженіемъ. На корову всегда можно выменять дѣвушку, которая сперва послужитъ намъ сама, а потомъ народитъ еще дочерей, которыхъ можно продать за ту же цѣну, за которую куплены матери.

Вотъ вамъ образчикъ кафрскихъ нравовъ. Стада и жены составляютъ все ихъ богатство и замѣняютъ у нихъ монету, которой употребленіе имъ мало извѣстно. Многіе вожди имѣютъ болѣе сотни женъ, а кафрскій король Панда показывалъ Дельгоргу свой гаремъ, состоящій изъ 400 женщинъ, взятыхъ дѣвушками, а въ то время бывшихъ почти безъ исключенія матерями. Другой климатъ, другая кровь, другіе нравы!

Возвращаясь отъ трупа убитаго кафрами слона, Дельгоргъ былъ свидѣтелемъ полевого пожара. Такъ-какъ въ сухой степной травѣ гнѣздится безчисленное множество насѣкомыхъ, вредныхъ людямъ, животнымъ и растеніямъ, то, чтобы хотя нѣсколько ограничить ихъ распространеніе, кафры обыкновенно однажды въ годъ зажигаютъ степную траву, истребляя такими пожарами насѣкомыхъ, ихъ яйца, гусеницы и личинки. Змѣи погибаютъ также при этихъ благодѣтельныхъ пожарахъ.

Такъ-какъ саранча составляетъ одинъ изъ бичей кафрскихъ плантацій, то стараются отъискивать мѣстности, гдѣ она отрождается весною изъ яичекъ: на эти мѣста выгоняютъ стада овецъ, истребляющихъ еще неокрыленную саранчу въ ужасномъ множествѣ. Не мало пособляютъ въ этомъ отношеніи насѣкомоядныя птицы, столь обильныя въ южной Африкѣ.

Въ *осьмой* главѣ дельгорговой книги описана вражда кафрскихъ владѣтелей Панды и Дингаана. Первый, при помощи голландскихъ поселенцевъ, одерживаетъ побѣду и становится королемъ кафровъ.

Дельгоргъ находился въ числѣ европейцевъ, пришедшихъ на помощь къ Пандѣ, котораго дѣла и образъ жизни онъ описываетъ самымъ подробнымъ образомъ. Между прочимъ, нашъ искатель приключеній проникнулъ однажды въ палатку кафрскаго вождя, въ то время, какъ тотъ еще спалъ. При этомъ случаѣ французскій путешественникъ рисуетъ соблазнительную картину молодца Панды, лежащаго на одномъ ложѣ съ десятью молодыми дѣвушками, окружавшими своего повелителя въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Въ теченіи цѣлаго дня, какъ мужчины, такъ и женщины этого неразвращеннаго народа ходятъ нагіе и только немногіе носятъ родъ коротенькаго передника. А Дельгоргъ увѣряетъ насъ честію, что тамъ нравы гораздо чище, чѣмъ у образованнѣйшихъ европейскихъ

націй. Изображеніе же самого Панды онъ заключаетъ вы
англиканскаго миссіонера, у котораго спросили, что́ онъ
новомъ королѣ кафровъ:

«*I know Panda: he is a Caffer gentleman* (1).

По мнѣнію Дельгорга, Панда даже болѣе чѣмъ джент
все-таки въ самый день вступленія своего на престолъ о
залъ убить одного изъ своихъ министровъ, потому-что,
ному обычаю, для сохраненія себя отъ вліянія злыхъ ду
упроченія будущихъ побѣдъ надъ врагами, онъ необходи
былъ въ тотъ день вымазаться весь кровью одного из
съѣсть его сердце, которое ему представлялось въ полн
реянное въ собственномъ жирѣ убитаго!

Бродячая жизнь Дельгорга привела его въ голландско
Питеръ-Морицъ-бургъ, состоящее изъ нѣсколькихъ хиж
тенныхъ изъ сучьевъ и обмазанныхъ глиною, смѣшанно
вымъ пометомъ. Тутъ ожидало его тяжелое испытаніе.
сти хижинъ были наполнены міріадами блохъ и отвратите
клоповъ; преогромныя крысы таскали по ночамъ свѣч
сапоги и даже кусали носъ, уши и пальцы несчастнаго
венника. Снаружи домовъ бродили толпами голодныя и чр
злыя собаки, кидавшіяся на прохожихъ. Въ этомъ гнусн
чкѣ обязанъ онъ былъ прожить два мѣсяца, въ которы
зной солнца не позволялъ пуститься въ путь по окрестной
равнинѣ.

Какъ-скоро зной уменьшился, Дельгоргъ направилъ
къ странѣ *бошесмановъ*, или лѣсныхъ людей, къ горамъ,
лѣсами жолтаго (2), вонючаго (3) и желѣзнаго (4) деревьевъ
лѣсахъ прежде водились слоны, но туземцы истребили и
западнями, такъ что теперь еще только остались тамъ бу
и за ними охота чрезвычайно опасна, и въ бытность тамъ
тешественника г. Мейеръ Хоунъ *(Meyer Howen)* упалъ
яму и погибъ ужасною смертію.

Кафры, подъ командою Дингаана, сверженнаго властит
на селенія голландскихъ поселенцевъ, изъ которыхъ муж
на помощь Пандѣ. Тамъ умертвили они самымъ безчел
образомъ 317 женщинъ и дѣтей: головы грудныхъ младе
бивали о камни предъ глазами матерей, разрѣзали живот
ныхъ женщинъ, или, повѣсивъ мать за ноги, били по ея

(1) Я знаю Панду: это кафръ-джентльменъ.
(2) Geele out.
(3) Stinck-out.
(4) Hyster-out.

ювами ея дѣтей. Но голландскіе боеры, возвращавшіеся въ это вре-
я изъ похода, настигли злодѣевъ, и 900 голландцевъ убили 3,200
человѣкъ изъ двадцатипятитысячной арміи кафровъ. Множество
бглецовъ кинулось въ ближнюю рѣку (названную впослѣдствіи
ькою Крови) и спрятались въ водѣ, выставивъ только поверхъ ея
отъ и носъ. Въ этомъ неудобномъ положеніи они держались нѣ-
колько часовъ, подражая гиппопотамамъ и надѣясь уйти по насту-
ленію ночи; но хитрость была случайно открыта, и боеры, сѣвъ на
лоты, нещадно перестрѣляли кафровъ, искавшихъ спасенія въ не-
давшейся хитрости.

По возвращеніи изъ экспедиціи противъ Дингаана, Дельгоргъ
инялся опять исключительно охотою и собираніемъ коллекціи есте-
ственныхъ предметовъ. Тутъ ему случалось не разъ входить въ близ-
ое сосѣдство съ пресмыкающимися, одинъ видъ которыхъ вселяетъ
акое-то невольное чувство отвращенія не только въ человѣкѣ, но и
всѣхъ почти животныхъ. Читатели догадались, что мы гово-
имъ здѣсь о змѣяхъ.

Если южная Африка изобилуетъ ядовитыми змѣями, то въ ней
стрѣчаются также многіе виды этихъ пресмыкающихся совершенно
звредныхъ или только опасныхъ по своему росту и удивительной
лѣ мускуловъ. Впрочемъ, путешественники обыкновенно преуве-
ичиваютъ опасность, представляющуюся человѣку отъ змѣй. За
ѣсьма рѣдкими исключеніями, почти всѣ змѣи, ядовитыя и неядо-
итыя, не нападаютъ на человѣка. Тѣ изъ нихъ, которыя движутся
роворно, безразлично стараются скрыться, какъ-скоро заслышатъ
ходку человѣка или другого большого животнаго, и шорохъ бѣ-
ianoкъ весьма часто слышится въ сухой окрестной травѣ. Другія
, неповоротливыя, опасаясь попасть подъ ноги и быть раздавлен-
ыми, лежатъ обыкновенно, свернувшись клубкомъ подъ защитою
старниковъ, и притомъ выбираютъ по инстинкту колючіе. Если
мѣя отправляется на охоту за крысами, мышами и другими небол-
ими животными, составляющими ея обыкновенную пищу, то она
дко удаляется отъ своей норы болѣе какъ на сотню шаговъ. Услы-
авъ приближеніе врага, она напрягаетъ мускулы, вытягивается
верху, надуваетъ шею, открываетъ пасть и, высунувъ двухъ-концо-
ый языкъ свой, похожій на вилочку, издаетъ страшный, характери-
ическій свистъ. Надобно дать пройти двумъ-тремъ минутамъ, и пре-
ыкающееся убѣгаетъ въ свою нору; но если безпечный прохожій
замѣтитъ близкаго врага и не дойдетъ къ нему поближе, то горе
му! Это безвидное тѣло, безъ членовъ, представляетъ страшное
ужіе: оно имѣетъ и [illegible]ва, и отравленная стрѣла. Опираясь
и сверху [illegible]идается на прохожаго и хва-

тастъ его разинутою весьма расторжимою пастью, какъ-
тельнымъ и большимъ пальцами. Сила челюстей тутъ, од
значитъ: вся опасность заключается въ тонкихъ и остр
зубахъ, источающихъ ядовитую влагу. Эти зубы сооб
шечками, заключенными въ челюстяхъ и составляю
вуаръ яда.

Таковы ядовитыя змѣи; но боа и пиѳоны дѣйствуют
но иначе. Природа отказала имъ въ ядѣ, но зато устрои
какъ бы одинъ колоссальный мускулъ, которымъ они
давятъ свою добычу. Впрочемъ, Дельгоргу никогда н
слышать, чтобы боа нападали на человѣка; они ведутъ
съ небольшими млекопитающими и птицами. Главный
чиняемый жителямъ Портъ-Натала, гдѣ этихъ змѣй
много, состоитъ въ томъ, что пресмыкающееся забирае
чуланы и курятники, гдѣ сидятъ на яйцахъ куры и
машнія птицы, пожираетъ ихъ и потомъ совершаетъ с
рительный процессъ, свернувшись клубкомъ на яйцах
матки. Впрочемъ, такія штуки рѣдко проходятъ даромъ
кающееся, найденное утромъ на яйцахъ, падаетъ жерт
длинной мести хозяина сожранной птицы.

Случается иногда, что боа забирается потихоньку въ
дома и тамъ, спрятавшись на чердакѣ или подъ кроватью
кошекъ или мышей. Однажды боа-пиѳонъ, четырехъ арш
забрался на пологъ постели, въ которой спали хозяева дом
новился Дельгоргъ. Супружеская чета вовсе не подозрѣ
сосѣдства, какъ вдругъ, однажды, молодая хозяйка, ваду
жить что-то на пологъ, ощупала холодное, скользкое тѣ
кающагося, которое, лѣниво приподнявъ голову, начало
вокругъ бѣленькой ручки. На крикъ дамы прибѣжалъ
ударомъ трости заставилъ бѣжать врага, котораго пот
палками.

Кафры очень хорошо знаютъ, что боа не дѣлаютъ вред
и потому никогда не убиваютъ ихъ, позволяя этимъ гад
зать безнаказанно въ хижины. Они даже считаютъ ихъ за
сверхестественныхъ существъ, находящихся въ сношен
гильнымъ міромъ. Особенно любятъ они весьма красивую
2 до 3 футовъ длиною, испещренную желтыми, коричне
леными пятнами, которую называютъ *ишлу-зели:* эта зм
дна и водится во множествѣ вокругъ и внутри кафрскихъ
гдѣ она занимается ловлею мышей и крысъ не хуже нашим
и этимъ доставляетъ кафрамъ значительную пользу.

Кромѣ разныхъ видовъ *trigonocephalus*, опредѣленныхъ зоологически, Дельгоргъ видѣлъ въ южной Африкѣ нѣсколько чрезвычайно ядовитыхъ змѣй, донынѣ неизвѣстныхъ въ Европѣ и неопредѣленныхъ еще ученымъ образомъ. Таковы: *змѣя съ ожерельемъ* (1), *ночная ехидна* (2), *древесная змѣя* (3) живущая на сучьяхъ деревъ и питающаяся птицами. *инхези* кафровъ, или *плевунья* (4), обладающая, по разсказамъ очевидцевъ, странною способностію выплевывать свой ядъ на разстояніи болѣе саженя: если брызги яда попадутъ въ глазъ, то онъ воспаляется и лопается; *блулу* (5) — толстая, короткая и неповоротливая тварь, кидающаяся обыкновенно бокомъ или задомъ; *желтая змѣя съ колпакомъ* (6), весьма проворная и чрезвычайно ядовитая, но, къ счастію, очень рѣдкая; наконецъ страшная *мемба*, сѣро-бураго цвѣта и длиною около двухъ саженъ, необыкновенно проворная, ядовитая и смѣлая. Одна изъ этихъ послѣднихъ змѣй преслѣдовала однажды Дельгорга и товарища его кафра Буланче болѣе сотни шаговъ; они успѣли спастись отъ нея бѣгомъ только потому, что свернули съ гладкой тропинки въ высокую и густую траву, гдѣ змѣѣ трудно было подвигаться впередъ. Это самая опасная изъ кафрскихъ змѣй, по силѣ, смѣлости и яду. По увѣренію кафровъ, она никогда не кусаетъ въ ногу, но всегда въ спину, въ шею, въ грудь или въ голову, такъ-что нѣтъ никакой надежды спасти несчастнаго, укушеннаго *мембою*.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ въ окрестностяхъ Портъ-Натала охотъ, есть охота за гиппопотамами, которыхъ Дельгоргъ перебилъ бездну. Несмотря на колоссальный ростъ и страшную силу этого животнаго, охота за нимъ вовсе не такъ опасна и скорѣе похожа на рыбную ловлю, чѣмъ на настоящую охоту. Тутъ нужны не смѣлость и мужество, а терпѣніе и неподвижность удильщика, зоркость глаза и вѣрность руки, чтобы улучить мгновеніе, когда голова гиппопотама вынырнетъ на поверхность воды: не медля ни одного мгновенія, нужно улучить его пулею въ черепъ, между глазомъ и ухомъ. Голова гиппопотама огромна, но черепъ его чрезвычайно малъ, и потому нелегко попасть въ него за 70 или за 100 шаговъ, когда цѣлишь только одну секунду. Разъ Дельгоргъ съ товарищами ранили въ одинъ день болѣе тридцати гиппопотамовъ, и всѣхъ въ голову, а убили только одного: въ немъ сидѣло 27 пуль, изъ которыхъ шесть

(1) У переселенцевъ ring-hals adder.
(2) Nacht-adder.
(3) Boom-adder.
(4) Spouwer-slange.
(5) Poff-adder.
(6) Geel-slange kooper-kaapel.

въ головѣ, и въ томъ числѣ только одна нанесла смертел

Такъ-какъ этотъ звѣрь сидитъ цѣлый день въ вод высовывая морду, что на нѣсколько секундъ, то кафры с ними иногда въ лунныя ночи. Ночью животное выходит на пастьу; но недостатокъ луннаго свѣта для мѣткости миріады москитосовъ, осаждающія ночью охотника, не этой охоты европейцу. Только кафры да голландскіе кол знающіе кушанья деликатнѣе гиппопотамова сала, рѣшаю ную охоту, ради своего лакомаго блюда.

Бо́льшая часть рѣкъ южной Африки широки и глубок дождливое время года, а въ засуху курица иногда перей нихъ не замоча ногъ. Крокодилы зарываются тогда въ сокъ и безъ пищи лежатъ въ ожиданіи прибыли воды. Но неспособны къ этому, и потому во всѣхъ рѣкахъ, гдѣ о роютъ себѣ, въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ рѣчного дна, отъ 8 до 9 футовъ глубиною, въ которыхъ сохраняется время, какъ русло рѣки почти совершенно высохнетъ. которыя только мелѣютъ, трудно судить о размѣрахъ рвовъ; но Дельгоргъ имѣлъ случай видѣть, подлѣ поворо Козерога (*), почти совсѣмъ высохшее русло Ури, или Ли полненное ямами около 5—6 саженъ длиною и 2—3 шир бина ихъ, какъ выше сказано, отъ 8 до 9 футовъ. Эти я ненныя между собою широкими рвами, содержали каждая и болѣе гиппопотамовъ. Такіе ряды ямъ называются го поселенцами *see-koe-gat*, то есть *гатью водяныхъ коровъ*.

Чѣмъ шире, глубже и многоводнѣе рѣка и чѣмъ пуст рестная страна, тѣмъ болѣе можно видѣть въ руслѣ гиппоп гатей, потому-что животныя выбираютъ преимуществе нутыя сейчасъ мѣстности. Иногда, въ засуху, они уда рѣчныхъ ямъ въ ближайшія озера: это случается, когд покоятъ люди или когда вода въ ямахъ начнетъ высыха по мѣрѣ приближенія населенія къ источникамъ рѣкъ, и переселяются оттуда въ болѣе широкія и глубокія мѣста поближе къ устьямъ.

Число этихъ амфибій, нѣкогда столь огромное въ южно теперь уменьшается съ каждымъ годомъ, и это умень быстро, что становится замѣтнымъ уже по прошествіи лѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ Тонгуелѣ въ 1839 году, трое о убивали ежемѣсячно отъ 30 до 35 гиппопотамовъ; въ 184 большимъ по 20, въ 1841 г. по 10, въ 1842 г. по 4, а въ

(*) Въ 600 верстахъ отъ ближайшаго морского берега и въ 8 Лимпопо.

и не болѣе какъ по 2. Не трудно предсказать, что въ скоромъ времени гиппопотамы сдѣлаются рѣдкостью, вездѣ, куда проникнутъ европейскіе поселенцы.

О долговѣчности этихъ амфибій можно заключать только изъ того, что одинъ изъ плантаторовъ, г. Мелкъ, даетъ въ своемъ пруду пріютъ нѣсколькимъ гиппопотамамъ, гдѣ ихъ никто не безпокоитъ, и которые поэтому сдѣлались менѣе дикими. Готтентотскіе старожилы помнятъ нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ уже болѣе 60 лѣтъ.

Длина гиппопотама около полуторы сажени, а вышина слишкомъ два аршина; ноги же его не выше 10 или 12 вершковъ. Несмотря на такую тяжелую форму, онъ бѣгаетъ по сушѣ едва ли не быстрѣе человѣка. Онъ смиренъ и не трогаетъ людей, даже въ водѣ, противопоставляя непріятелямъ свою толстую кожу, натянутую на слой жира. Пули трудно берутъ ее; но кафрскіе дротики пробиваютъ ее довольно хорошо. Пища этого животнаго состоитъ исключительно въ травѣ, камышахъ и нарѣдка въ древесныхъ почкахъ, которыхъ онъ ищетъ по ночамъ иногда за 10 и 20 верстъ отъ рѣки.

Мясо стараго гиппопотама жестко и невкусно; но у молодого оно походитъ на свинину. Лучшее же кушанье составляетъ его жиръ, о которомъ и европейцы вспоминаютъ не иначе, какъ облизывая губы.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о гіенахъ, столь обыкновенныхъ въ Кафреріи.

Немало сказокъ распространено на-счетъ полосатой, или капской гіены. Это отвратительное животное мало опасно для охотника. Не обладая ни быстротою бѣга, ни способностію прыгать, и притомъ будучи труслива, гіена бродитъ только ночью и нападаетъ на слабыхъ животныхъ, на падаль, или откапываетъ трупы. Она опасна для стадъ, но преимущественно питается околѣвшими большими животными или остатками львиной охоты. Не нападая никогда на бодрствующаго человѣка, она смѣло хватаетъ спящаго за лицо или за горло. Впрочемъ, этотъ звѣрь чрезвычайно хитеръ и остороженъ и не вдается въ явную опасность.

Прожорливость гіенъ превосходитъ всякое вѣроятіе, и это животное часто съѣдаетъ въ одну ночь количество мяса, равняющееся ея вѣсу. Въ этомъ отношеніи она похожа на *дикихъ собакъ (Cynhyaena venatica)*, которыя, будучи, однакожь, меньше гіены, отличаются своею смѣлостію и быстротою бѣга, охотясь цѣлыми стадами днемъ и нападая на человѣка. Дельгоргъ увѣряетъ, что это самые кровожадные звѣри, которыхъ ему случалось видѣть.

Перейдемъ теперь къ слонамъ.

Охота за слонами есть самая интересная изъ всѣхъ. сутся иногда стадами по нѣсколько сотъ штукъ, особен мѣстахъ, гдѣ ростетъ плодъ *макано*, который они оче Подходить къ нимъ надобно съ чрезвычайною осторожн тому-что слонъ имѣетъ необыкновенно чуткое обоняніе шитъ человѣка за версту, если только вѣтеръ ему благопр и тогда неосторожный охотникъ навѣрное рискуетъ жиз опьянѣвшій отъ дѣйствія плодовъ макано, кидается съ с стію за человѣкомъ, осмѣлившимся потревожить его у преслѣдуетъ его неутомимо, съ ужасающею быстротою. спасеніе: уйти изъ-подъ вѣтра, чрезъ лѣсъ, траву и к или, если возможно, взобраться на такую крутизну, котор для слона недоступною.

Сперва Дельгоргъ не вѣрилъ этимъ разсказамъ к вскорѣ ему удалось увидѣть дѣйствіе плодовъ макано над надъ самимъ собой. Плодъ отзывается скипидарнымъ стымъ запахомъ и бываетъ яблочно-зеленаго цвѣта, съ кожею и мясомъ, какъ у сквозныхъ наливныхъ яблок его слегка сплюснутая и нѣсколько овальная; мясо кисл содержащее косточку, которую невозможно раскусить зу токъ этихъ плодовъ опьяняетъ человѣка быстрѣе, чѣ три бутылки шампанскаго; а слонъ такъ любитъ эти пожираетъ ихъ сотнями. Немудрено, что послѣ тако онъ забываетъ свою обыкновенную важность и дѣлается Охота за слонами, наѣвшимися плодовъ макано, вдесяте чѣмъ обыкновенная.

Однажды Дельгоргъ, съ нѣсколькими кафрами, набр охоты на рощу изъ макано. Охотники спѣшили освѣжить сокомъ, производящимъ такое быстрое опьяненіе. Не п часа, и наши кафры хохотали въ-запуски, разсказывая м мыя безалаберныя вещи. То одинъ клялся, что видитъ слона, наѣвшись макано и опьянѣвъ, ведутъ другъ друга ваясь взаимно хоботами; то другой божится, что при слономъ непремѣнно отрѣжетъ у живого хвостъ; третій вдали лежитъ цѣлое стадо слоновъ совершенно лишившя отъ макано. Но вдругъ посреди этой безтолковой бол электрическій ударъ, пронеслось вполголоса сказанное сл Какъ ни часто сыпалось это слово въ разговорѣ, но на оно было произнесено съ такимъ выраженіемъ, что в вздрогнули и замолчали. Подъ ногами охотниковъ тянул ущеліе, примыкавшее къ равнинѣ, въ которую они шли. жолто-зеленой травы, доходившей человѣку по поясъ, и

шей до колѣнъ слона. паслись три гиганта самаго большого роста. Мѣстность давала слонамъ большое превосходство предъ охотниками; но такъ-какъ вѣтеръ былъ въ пользу послѣднихъ, то Дельгоргъ немедленно составилъ планъ нападенія. Въ долинѣ было мало деревьевъ и кустарниковъ; но зато въ высокой травѣ можно было хорошо спрятаться. «Впередъ, ребята! — сказалъ онъ вполголоса — и чтобъ ни травка ни хрустнула, ни камень не скатился подъ ногою!»

Сдѣлавъ обходъ, для того, чтобы спуститься въ долину, въ мѣстѣ, невидимомъ для пасущихся слоновъ, охотники осторожно поползли въ высокой травѣ. До слоновъ оставалось еще около 500 шаговъ, какъ вдругъ кафръ Кочобана, ползшій передъ Дельгоргомъ, спугнулъ зайца, притаившагося въ травѣ: это обратило на себя вниманіе чуткихъ колоссовъ, которые отодвинулись шаговъ на двѣсти подалѣе. Пришлось ползти еще. Приблизившись на 35 шаговъ къ самому большому изъ слоновъ, Дельгоргъ обернулся, и увидѣлъ, что за нимъ ползутъ только двое — Кочобана да Буланче. Безмолвный знакъ послужилъ сигналомъ: три человѣка мгновенно выросли изъ травы, и почти разомъ грянули три выстрѣла въ голову ближайшаго слона; эхо загрохотало отъ этихъ могучихъ сотрясеній, произведенныхъ ружьями, заряженными каждое пулею въ 20 золотниковъ вѣсомъ. Почти въ тоже мгновеніе что-то колоссальное промчалось вихремъ въ двухъ шагахъ отъ охотниковъ: то были два слона, бѣжавшихъ съ поля сраженія. Если бы они взяли на два аршина правѣе, то стоптали бы смѣльчаковъ.

Опомнившись отъ перваго впечатлѣнія ужаса, охотники увидѣли гиганта, лежавшаго въ 30 шагахъ отъ нихъ. «Пуля моя на пять дюймовъ выше праваго глаза!» закричалъ Дельгоргъ — него слонъ вашъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, огромная пуля пробила мозгъ въ сказанномъ мѣстѣ.

Слонъ былъ 11 футовъ вышиною и каждый изъ его клыковъ вѣсилъ полтора пуда.

Вотъ одинъ изъ сотни эпизодовъ охоты за слонами, разсказанныхъ Дельгоргомъ, и, притомъ, не самый драматическій, а взятый на удачу. Битва съ слономъ похожа на дуэль съ человѣкомъ, и какъ бы ни былъ хладнокровенъ охотникъ, какъ бы ни былъ вѣренъ его выстрѣлъ, онъ все-таки рискуетъ поплатиться жизнію. Слонъ бѣгаетъ чрезвычайно проворно и если только завидитъ нападающаго врага, то идетъ на него. Всего труднѣе бить самку, когда она ходитъ съ своимъ дѣтенышемъ и бываетъ очень сердита. На охоту за нами пускаются только самые неустрашимые; и такъ-какъ слоновъ попадаются далеко отъ человѣческихъ жилищъ, то для

охоты нужно совершать путешествіе, продолжающееся но. мѣсяцевъ.

Слоны рѣдко пасутся одиноко, а чаще по нѣскольку д сотенъ вмѣстѣ. Приступъ къ нимъ пелегокъ, потому-ч какъ мы говорили, очень чутки. Надобно подползти тельно и вдругъ, какъ бы выросши изъ земли, стрѣля между глазомъ и ухомъ, на одну треть разстоянія ближе нему. Осѣчка или промахъ тутъ стоятъ жизни. Остал испуганное выстрѣломъ и воображая опасность гораз чѣмъ она въ-самомъ-дѣлѣ, кидается бѣжать. Хорошо, ес титаническою ретирадѣ охотникъ останется въ сторонѣ. А одинъ изъ колоссовъ, завидя врага, пойдетъ на него пря въ грудь слона не убьешь; но это единственное средство потому-что иногда ошеломленное чудовище даетъ время спрятаться. Раздраженный слонъ не щадитъ ни праваго, ни онъ не любитъ тѣхъ, кто нарушаетъ его уединеніе, и мно мужчины и женщины, вовсе не помышлявшіе о сосѣдств дѣлались жертвою ихъ гнѣва.

Напоръ слоновъ страшенъ особенно, когда они бѣгут ураганъ не производитъ такихъ опустошеній. Дельгоргъ нымн глазами видѣлъ деревья, въ 60 футовъ вышины и въ окружности, сломанныя напоромъ слоновъ такъ, какъ переломленная человѣкомъ на колѣнѣ. Черезъ двадцать лѣт дны слѣды той дороги, по которой бѣжало стадо, и старь хранятъ еще слѣды ранъ, нанесенныхъ имъ въ молодости.

Какое же можно вывести изъ всего этого заключеніе?

Слонъ великъ, силенъ, проворенъ, уменъ и мстителенъ

Человѣкъ малъ, слабъ, медленъ въ движеніяхъ; но даетъ умомъ, предъ которымъ сокрушается сила слона. пятидесяти слоновъ, по десяти въ рядъ, несущееся какъ состояніи смять любую изъ нашихъ рощей. Но пусть смѣ вѣкъ, обладающій невозмутимымъ хладнокровіемъ, ста шагахъ предъ этимъ бѣгущимъ стадомъ и выстрѣлитъ въ чти всегда вся масса остановится и побѣжитъ назадъ. Это а фактъ, неоднократно случавшійся. Кафры иногда безъ однимъ ассагаемъ (*), идутъ на слона. Подкравшись сзади лаютъ свой ассагай такъ искусно, что перерѣзываютъ ногѣ животнаго ахиллесову жилу: звѣрь, лишенный воз бѣжать, добивается сотнями дротиковъ. Король амазулусовъ часто травилъ слоновъ цѣлыми полками своего войска, и

(*) Родъ копья съ широкимъ, закругленнымъ остріемъ

наго бѣлымъ оружіемъ, и смотрѣлъ на эту травлю съ вершины скалы, неприступной для слоновъ.

Вотъ какъ совершались и по-нынѣ совершаются эти травли.

За нѣсколько дней до назначеннаго для великой охоты времени, посланцы отправляются по всему протяженію земли кафровъ-амазулусвъ, отъ береговъ Ompанганы до Тунгуены и отъ морского берега до горъ Кватламбенскихъ, повелѣвая именемъ короля, чтобы всѣ кафрскіе воины собирались въ назначенный день въ долину Омфилосъ-Омшлопу, къ пирамидальной скалѣ Омгрооти.

На-канунѣ великаго дня, тысячь двадцать вооруженныхъ людей собираются у подошвы скалы, на вершинѣ которой, воздымающейся на 800 футовъ, совѣтъ вождей, присѣвъ на корточки, выслушиваетъ приказанія владыки, сидящаго на тронѣ, высѣченномъ изъ одного куска гранита.

Вся армія раздѣляется на отряды или полки, по 1,000 человѣкъ въ каждомъ, и, растянувшись необозримою цѣпью, окружаетъ окрестности Омфилосъ-Омшлопу и Омшлати-Омкулу. Эта облава съ дикими воплями гонитъ стада слоновъ къ подножію скалы, на которой сидитъ король, вооруженный телескопомъ, подаркомъ англичанъ. Съ вершины неприступнаго слонамъ утеса наблюдаетъ онъ за движеніями колоссовъ, кажущихся ему такими малютками, и разсылаетъ приказанія своей арміи, которая кишитъ дѣятельностью какъ муравьи въ своемъ гнѣздѣ и съ неустрашимою смѣлостію движется по мановенію гордаго повелителя.

При этихъ маневрахъ соблюдаются величайшая правильность и порядокъ. Стада мало-по-малу сгоняются въ кучу и сжимаются безпрерывно уменьшающимся кругомъ облавы. У амазулусвъ, на охотѣ и на войнѣ, вся тактика состоитъ въ томъ, чтобы окружить непріятеля.

Испуганные крикомъ и звуками оружія, слоны тѣснятся къ подножію скалы, и прямыя сообщенія между сидящими на ней и арміею въ долинѣ становятся невозможными чрезъ посредство гонцевъ. Тогда начинаются телеграфическіе знаки: красная шаль распахнулась вѣтромъ на вершинѣ Омгрооти, и дикій вопль двадцати тысячь голосовъ смѣшался съ ревомъ слоновъ, поражаемыхъ ассагаями. Разъяренные звѣри, чувствуя боль отъ ранъ, забываютъ испугъ и кидаются въ свою очередь на нападающихъ. Люди, щиты, дротики перемѣшиваются въ кровавую кучу; но за десяткомъ падшихъ храбрецовъ слѣдуетъ другой десятокъ; мѣсто истребленной сотни занимаетъ новая сотня воиновъ, и слоны, разбитые врозь, окружаются каждый отдѣльно со всѣхъ сторонъ. Усталый и испуганный слонъ защищается отъ стоящихъ напереди враговъ, а между тѣмъ одинъ

смѣльчакъ, поднятый другимъ на плечи, подкрался сзади, хв
тается за хвостъ, а правою рубитъ его съ одного разу. Про
какъ молнія, онъ оставляетъ слона вымещать свою ярость
гихъ, а самъ летитъ къ повелителю амазулуевъ съ кровавы
феемъ, отрѣзаннымъ у живого звѣря и служащимъ у кафр
комъ побѣды.

— Хорошо! восклицаетъ довольный травлею повелитель
знакъ убивать звѣрей, истощенныхъ уже потерею крови.

Однажды Дингаанъ приказалъ привести къ себѣ дика
живымъ. Шесть тысячъ человѣкъ отправились и исполн
приказаніе. Конечно, оно стоило жизни трехъ сотъ челов
должно вспомнить, что нагой кафръ вооруженъ однимъ толь
гаемъ, а слонъ страшенъ и для толпы, закованной въ же
кафры знаютъ, что лучше итти на сомнительную опасн
звѣря, чѣмъ на вѣрную смерть, ожидающую всякаго бѣглец
ролевской охоты.

Что значитъ предъ этою охотою охота бошесмана, дости
впрочемъ, той же цѣли! Дикарь ползетъ къ колоссу, воор
лукомъ и стрѣлами, съ широкимъ остріемъ, намазаннымъ
ядовитою смолою. Приблизившись къ звѣрю, онъ ожидаетъ
когда тотъ станетъ такимъ образомъ, что возможно пусти
въ животъ: слонъ едва почувствуетъ рану; но если изъ нея
хоть одна капля крови, то дѣло сдѣлано. Ядъ течетъ по жи
ганта: онъ ложится и околѣваетъ. Одинъ бошесманъ не
стрѣлою достигаетъ той же цѣли, которая стоитъ амазулуск
кихъ трудовъ и крови.

Слоновъ бьютъ почти только изъ-за ихъ клыковъ, по
мясо ихъ невкусно, а кожа далеко хуже и слабѣе гиппопот
даже носороговой.

Въ слѣдующей статьѣ мы познакомимъ читателей съ ох
львовъ и носороговъ и съ содержаніемъ второго тома пут
Дельгорга.

V.

ТЕЩА.

ПОВѢСТЪ ШАРЛЯ БЕРНАРА.

Въ концѣ масляницы 1835 года, кареты, съ гербами на дверцахъ, длинными рядомъ тянулись вдоль Университетской улицы и останавливались у порога одного изъ ея роскошныхъ домовъ. Двери и окна были въ немъ закрыты; жара была нестерпимая, и атмосфера, сгущаясь болѣе и болѣе въ комнатахъ, по мѣрѣ пріѣзда гостей, всѣмъ грозила опасностью задохнуться. Впрочемъ, за исключеніемъ одной англичанки, которой сдѣлалось дурно при входѣ, мужчины и женщины переносили терпѣливо жару, отъ которой бы спрятался и негръ.

Въ углу первой залы, направо отъ входа, стояла группа четырехъ молодыхъ людей, отъ двадцати пяти до сорока лѣтъ. Глазъ наблюдателя безъ труда прочелъ бы въ ихъ непринужденной осанкѣ людей пользующихся завиднымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Равнодушные къ окружающему ихъ блеску, они разговаривали между собою, не обращая вниманія на сосѣдей; самыя аристократическія фамиліи, громко провозглашенныя лаксемъ, не возбуждали ихъ любопытства. При входѣ молодой женщины, они слегка поворачивали голову, осматривали ее вскользь, но вслѣдъ за тѣмъ колкое замѣчаніе уравновѣшивало въ ихъ же глазахъ минутное ихъ увлеченіе, не приличное львамъ. Трое изъ нихъ стояли подлѣ четвертаго льва, небрежно развалившагося въ креслахъ, скрестивъ ноги; голова его лѣниво покоилась на окошкѣ, живописно драпированномъ красными шолковыми занавѣсами. Ему было лѣтъ сорокъ, хотя съ перваго взгляда онъ казался моложе, а со второго — немного старше, что часто бываетъ принадлежностію свѣтскихъ людей. Онъ былъ высокъ ростомъ, красивъ и хорошо сложенъ; щегольски, но просто одѣтъ; на-

ружность его отличалась выраженіемъ благородства, у
гатства.

Впечатлѣніе, которое производила на всѣхъ счастлив
ружность, говорило такъ много въ его пользу, что мно
сывали блескъ умныхъ его глазъ отраженію превосход
и можетъ быть циникъ Діогенъ задулъ бы свой фон
встрѣчѣ съ нимъ. Онъ былъ въ эту минуту предметомъ
молодыхъ людей и слушалъ насмѣшливыя ихъ выходки, и
вѣкъ знающій себя и увѣренный, что можетъ прекратить
сказавъ только какъ Людовикъ XV:

— Тише господа, предъ вами король.

— Кстати о Шуази, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ
разскажу самую удивительную, самую непостижимую,
обыкновенную, самую невѣроятную....

— Мы всѣ читали письма M-me de Leveque, сказалъ
левъ: — такъ къ дѣлу.

— Да вотъ что: проходя сегодня мимо Тортони, я уз
бекку, любимую кобылу нашего друга Шуази,—Ребекку,
бова и Алезіи, подъ сѣдокомъ, рѣшительно мнѣ неизвѣстн

— Быть не можетъ; вы ошиблись, Марсене, отвѣчалъ
молодой человѣкъ, который носилъ въ петлицѣ черную л
тійскаго ордена: — Шуази никому не дастъ своихъ лошад

— Двуногій мой сѣдокъ, прервалъ молодой человѣкъ: -
рое происходитъ по прямой линіи отъ Голіаѳа. Предста
нѣчто въ родѣ тамбуръ-мажора. Ноги его касались копы
ки, а голова задѣвала фонари улицы. Широта этого гос
размѣрна долготѣ. Прохожіе, при видѣ его, сочувствующ
ніямъ лошади, въ одинъ голосъ повторяли: «бѣдное живо
въ-самомъ-дѣлѣ, справедливость требовала бы, чтобы сѣ
лошадь.

— Правда ли все то, что мы слышимъ, Шуази, сказалъ
рый и худощавый молодой человѣкъ, который до того мо
ты мнѣ на-дняхъ недалъ Ребекки, чтобъ поѣхать въ Шант
годня измучилъ ее какой-то неуклюжій слонъ.

— Все это сущая истина: Ребекка до того измучена, ч
отъ усталости слегла, а конюхъ мой Пистоль съ горя н
пьянъ.

— Какъ зовутъ этого патагонца? спросилъ Марсене.

— Бопре. Онъ мой сосѣдъ по имѣнію. Онъ здѣсь съ
успѣлъ испортить три лошади. Орсонъ хромаетъ, Валласъ,.

— Бопре! прервалъ молодой человѣкъ. — Это имя нап
мнѣ другую исторію. На прошедшей недѣлѣ, Рандёль дю-В

сколько другихъ молодыхъ людей и я, отправились мы на охоту въ лѣса Шуази. Послѣ четырехъ битыхъ часовъ, мы не увидѣли и тѣни дичи. Раздосадованные, мы спросили причину нашей неудачи, и намъ сообщили, что другъ нашъ Шуази позволилъ какому-то толстому г. Бопре охотиться въ его лѣсахъ, и что этотъ господинъ, охотясь каждый день, страшно истребляетъ дичь. Каждый разъ кабріолетъ его наполняется до верху добычею, которую онъ съ торжествомъ увозитъ. Неврод'ъ этотъ не тотъ ли самый Голіаѳъ, про котораго говоритъ Марсене.

— Тотъ самый, отвѣчалъ виконтъ.

— И ты ему позволяешь истреблять жителей твоихъ лѣсовъ, въ то время, какъ недавно еще ты отказалъ въ томъ герцогу Буабріану, что́ его, между нами, очень оскорбило.

— Пусть оскорбляется. Что́ касается до Бопре́, я далъ ему право жизни и смерти въ моихъ лѣсахъ.

— Изъ всего видно, что тутъ кроется какой-нибудь умыселъ. Если бы у тебя были долги, я бы подумалъ, что господинъ этотъ суровый кредиторъ, котораго ты хочешь задобрить. Будь ты честолюбивъ, я бы увидѣлъ въ немъ человѣка имѣющаго вліяніе на выборы.

— А я, сказалъ въ свою очередь четвертый собесѣдникъ: — я увѣренъ, что Бопре́ — супругъ.

— Бопре вдовъ уже лѣтъ пятнадцать.

— У меня, сказалъ мальтійскій кавалеръ: — другая еще причина неудовольствія противъ Шуази. Представьте себѣ, что онъ приглашаетъ меня вчера обѣдать.

— Въ этомъ еще я не вижу бѣды, замѣтилъ Марсене.

— Бѣды бы не было, если бы мы обѣдали вдвоемъ или вчетверомъ. Но дѣло въ томъ, что съ нами обѣдалъ какой-то скромный молодой человѣкъ, который, краснѣя поминутно, опускалъ глаза внизъ; въ честь его мы постничали, потому только, что вчера была пятница.

— Развѣ обѣдъ мой былъ не вкусенъ?

— Нѣтъ, но не нравился-то мнѣ іезуитъ, который сидѣлъ за столомъ.

— Гость мой не іезуитъ, а молодой человѣкъ изъ хорошаго дома; его зовутъ Люскуромъ. Онъ одолженъ религіознымъ своимъ воспитаніемъ нѣжной заботливости матери. Причины нѣтъ поднимать его на-смѣхъ. Да и шутки такія нынѣ не въ модѣ.

— Ко всему этому я присовокуплю свое, прервалъ худощавый молодой человѣкъ: — представьте себѣ, что намедни, на вечерѣ у г-жи Кандаль, Шуази, ко всеобщему удивленію, игралъ въ бостонъ,

съ приличною важностью, съ какою-то дамою, смѣшной ту
торой обращалъ вниманіе всѣхъ присутствующихъ.

Друзья расхохотались. Шуази послѣдовалъ ихъ примѣ

— Теперь, господа, сказалъ Шуази: — я постараюсь на
всѣхъ вашихъ насмѣшекъ, остротъ и выходокъ нѣчто и
будетъ вамъ извѣстно, что даму, которую вы видѣли въ о
номъ и смѣшномъ туалетѣ, зовутъ маркизой де Гордань;
скромнаго графа Люскура, съ которымъ Виллере вчера
меня; этотъ самый Люскуръ — зять г-на Бопре, предмета
моихъ конюховъ и лѣсничихъ. Вы всѣ очень умны. Отгада

— Что? спросилъ Бертье.

Шуази пожалъ плечами.

— Я начинаю догадываться. Ты составилъ умыселъ
этого допотопнаго семейства и хочешь ихъ съ ума свести
Но съ какою цѣлью? Рѣшительно не понимаю, сказалъ м
кавалеръ.

— Ну, а ты, Марсене?

Марсене подумалъ.

— Нѣтъ ли въ семействѣ четвертаго лица, о которо
слова не было сказано?

— Марсене, ты пойдешь далеко. Да, господа, это четв
цо — далеко недопотопное.

Въ это время лакей, растворивъ двери, громко произне

— Маркиза де Гордань!

— Графиня де Люскуръ!

Невольное движеніе заставило трехъ друзей привстат
ста. Шуази всталъ вмѣстѣ съ ними, и всѣ они устремили
дверь.

ГЛАВА II.

Первый вошелъ толстый старикъ, веселой наружности; г
покрытая рѣдкими сѣдыми волосами, превышала всѣхъ
вершками, какъ лобъ Аякса въ Иліадѣ; пользуясь своею ту
онъ шелъ по прямой линіи, не встрѣчая сопротивленія въ
массѣ гостей; всѣ разступались передъ нимъ, потому-что л
бы остановить скачущую лошадь, чѣмъ противопоставить ем
шую преграду. Этотъ живой бастіонъ велъ подъ руку пожил
одѣтую въ платье дикаго цвѣта; на головѣ ея красовался о
размѣра головной уборъ, изъ чернаго бархата, украшенный
тыми перьями. Изъ-подъ головнаго убора у старухи блестѣ
глаза; длинный ея носъ, сѣдые волосы придавали ея наружн

ное выраженіе, въ-замѣнъ отцвѣтшей красоты. Послѣ стариковъ, шла пара не менѣе замѣчательная, хотя и въ другомъ родѣ: молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, стройный, застѣнчивый, велъ подъ руку прелестную женщину.

Если бы мы хотѣли подражать романистамъ старой школы, мы бы имѣли право сказать, что глаза ея были два алмаза, что волосы ея, цвѣта воронова крыла, роскошно прикрывали лобъ лебяжьей бѣлизны,—что на щекахъ ея спорили розы и лиліи и требовали поцалуя для примиренія,— что ея ротикъ казался рубиномъ, а губы перлами, и пр.

Для краткости скажемъ просто, что молодая и граціозная женщина, на которую въ эту минуту устремляли глаза Шуази и его пріятели, была прелестнѣйшая брюнетка; бархатное вишневаго цвѣта платье роскошно обрисовывало гибкую и величественную талію.

Она вошла гордо и непринужденнымъ шагомъ.

— Ну, что? сказалъ улыбаясь виконтъ де Шуази.

— Чудо какъ хороша, отвѣчалъ Бертье: — но жаль, что одѣта безъ вкуса,— слишкомъ гордо вошла; въ ея походкѣ что-то напоминаетъ родителя ея — тамбуръ-мажора.

— Это-то именно мнѣ въ ней и нравится, сказалъ въ свою очередь мальтійскій кавалеръ. Ей не болѣе двадцати лѣтъ; она провинціялка: это видно по всему, по бархатному платью и семейнымъ брильянтамъ временъ Людовика XVI; несмотря на то, она вошла какъ герцогиня.

— Я бы провозгласилъ ее красавицею, если бы на лицѣ ея не игралъ такой яркій румянецъ, замѣтилъ Марсене, поклонникъ блѣдныхъ лицъ и интересныхъ выраженій.

— Вы всѣ правы! сказалъ насмѣшливо Шуази: — она одѣвается безъ вкуса; въ ней много недостатковъ; но не безпокойтесь, я беру на себя ея воспитаніе.

— Пріймя впередъ мои поздравленія. Я бы самъ взялся ей дать нѣкоторые совѣты, но я занятъ другой и предоставляю это тебѣ. Но пожалуйста сорви розы съ ея щекъ, отвѣчалъ Марсене.

Въ это время, благодаря натиску, г. Бопре, маркиза де Гордань и невѣстка ея прошли сквозь толпу и усѣлись въ сосѣдней залѣ. За стуломъ жены, какъ-будто пригвожденный, сидѣлъ застѣнчивый Люскуръ. Бопре отправился по комнатамъ кланяться, пожимать руки знакомымъ, не обращая никакого вниманія на лакированные башмаки, на которые онъ безжалостно ступалъ ногою.

— Благодарю тебя, сказалъ онъ басовымъ голосомъ попавшемуся ему Шуази, котораго онъ тотчасъ ухватилъ за пуговицу сюртука:—ты мнѣ доставилъ нео быкновенное удовольствіе. Ребекка, без-

спорно, чудная лошадь: какой шагъ! какъ на ней покой
Сомнѣваюсь, чтобъ она осталась мною довольна: я ее з
чилъ.

— Поправится, сказалъ виконтъ съ притворной улыб

— Отводя вашу лошадь въ конюшню, я замѣтилъ там
наго коня, цвѣтомъ караковаго, съ коротким хвостомъ, по
мандской; страхъ какъ мнѣ нравятся эти лошади. Какъ
раковаго жеребца?

— *Mario*, отвѣчалъ Шуази, съ трудомъ удерживая на
товый-было вылетѣть изъ его груди.

— Итакъ, съ вашего позволенія я на немъ проѣдусь.

— Вы знаете, что́ можете располагать моими лошад
вамъ угодно, отвѣчалъ Шуази.

— Нечего дѣлать, подумалъ онъ, всѣмъ моимъ лошад
стоитъ одна участь. Меня рѣшительно слѣдуетъ вскло
Жокей-клуба: эта провинціяльная красавица меня око
обворожила.

— Вы видѣли моихъ дамъ? спросилъ Бопре.

— Онѣ на томъ углу комнаты.

— Постарайтесь развернуть моего зятя: онъ такъ дикъ
чивъ, что приводитъ меня въ отчаяніе.

— Въ какой комнатѣ играютъ?

— Въ этой залѣ, направо.

— Какое я видѣлъ вчера у Лепажа ружье—прелесть! Ж
я выиграть хоть 500 франковъ; съ тѣмъ, что́ назначилъ
ихъ, я бы его тотчасъ купилъ. Ну ужъ тогда горе вашимъ

Оставшись одинъ, Шуази началъ разглаживать
фрака, страшно измятаго рукой толстаго господина, и
въ числѣ прочихъ любезныхъ привычекъ, бралъ своихъ со
ковъ за воротникъ. Въ другой комнатѣ онъ остановился
г-жи Люскуръ, сопровождаемой съ двухъ сторонъ мужем
щею. Несмотря на скромную меланхолическую наружност
скура, онъ въ это время сравнилъ его съ чудовищнымъ с
Гесперидскаго сада; что́ касается до старой маркизы, онъ д
успѣлъ осыпать ее самыми ужасными проклятіями. Сопер
влюбленный остановился неподвиженъ, въ раздумьи; въ э
проходила хозяйка дома, графиня Аго.

— Выведите меня изъ затруднительнаго положенія, ска
ему: — герцогиня Рьё пріѣхала; составьте для нея парт
одинъ де Мартони жертвуетъ собою. Не м
неровъ.

— Партнеръ найденъ, быстро отвѣчалъ Шуази: — маркиза де Гордань съ величайшимъ удовольствіемъ приметъ ваше предложеніе.

— А вы — четвертый? спросила насмѣшливо графиня: — вы всѣхъ удивили, играя въ бостонъ у г-жи де Кандёль.

— Умоляю васъ, будьте великодушны и позвольте мнѣ пользоваться удовольствіями, которыя вашъ вечеръ мнѣ обѣщаетъ.

— Съ условіемъ, что вы найдете четвертаго партнера въ-замѣнъ васъ.

Шуази осмотрѣлъ залу и, подозвавъ Марсене, подвелъ его къ графинѣ Аго.

— Поблагодари графиню, сказалъ онъ ему: — она проситъ тебя играть въ бостонъ съ герцогинею де Рѣё.

Молодой человѣкъ машинально поклонился, но когда поднялъ голову, на лицѣ его было такое выраженіе удивленія и ужаса, что графиня громко засмѣялась.

— Пойдемте, сказала она ему наконецъ: — я васъ представлю одному изъ вашихъ партнеровъ, въ вознагражденіе знакомства съ герцогинею.

Не давая ему времени опомниться, она подвела его къ г-жѣ де Гордань, которой онъ предложилъ руку, чтобы повести ее въ комнату, гдѣ играли. Удаливъ тещу, оставалось выпроводить мужа.

Не теряя времени, Шуази подошелъ къ мальтійскому кавалеру.

— Заплати мнѣ за мой обѣдъ одолженіемъ.

— Какою цѣной?

— Получасомъ разговора съ Люскуромъ.

— Слишкомъ дорого. Ну, о чемъ мнѣ съ нимъ говорить? Развѣ о Прагматической-Санкціи или Трентскомъ-Соборѣ?...

— Начни съ послѣдняго сочиненія аббата Ламене, заговори наконецъ объ исторіи Мальтійскаго-Ордена.

— Ну, такъ и быть. Постой здѣсь, чрезъ три минуты я его уведу.

Вилларе обошелъ небрежно залу, какъ-будто нехотя очутился подлѣ Люскура и учтиво ему поклонился. Молодой провинціялъ съ любезностью, свойственною человѣку, не знающему, что дѣлать среди общества, ему незнакомаго, отвѣчалъ на его поклонъ такимъ же учтивымъ привѣтствіемъ. Посторонившись, чтобы дать пройти лакею съ подносомъ, мальтійскій кавалеръ незамѣтно увлекъ Люскура, какъ-будто повинуясь движенію толпы, и наконецъ привелъ его въ [illegible], и самъ, ставъ передъ нимъ, закрылъ отъ него входную въ залѣ. Оглянувшись, Вилларе увидѣлъ

ГЛАВА III.

При видѣ Шуази, который подходилъ къ ней съ улыбкой
Люскуръ не могла скрыть своего удовольствія, въ которо
ную роль играло удовлетворенное самолюбіе; раздумье ея м
исчезло. Не давая времени подошедшему виконту окончить
имъ фразы, она сказала:

— Вамъ не страшно говорить съ женщиною, которой здѣ
не знаетъ.

И въ то время, какъ она придавала этимъ словамъ особ
женіе, быстрый мстительный взглядъ оживилъ ея блестящ

Шуази тотчасъ понялъ, что молодая женщина испыт
изъ тѣхъ ничтожныхъ униженій, которымъ ежедневно под
провинціялки въ высшемъ обществѣ.

Провинціялка, по отцу и мужу, графиня Люскуръ была
та въ нѣкоторыхъ аристократическихъ домахъ Парижа по р
нымъ связямъ маркизы де Гордань, но принята какъ не и
кащая къ этому обществу. Впечатлѣніе, которое производил
мужчинъ, рѣдкая ея красота, увеличили рядъ ея недоброж
ницъ. Въ это самое время женщины, сидѣвшія подлѣ нея
рыя имѣли много причинъ критиковать красоту, разсматр
по-частямъ, какъ ботаникъ, отдѣляя листочки цвѣтка один
гимъ.

Однимъ взглядомъ Шуази понялъ враждебныя отноше
лодой женщины къ окружающему ее обществу; онъ обр
этому, потому-что умный человѣкъ умѣетъ всѣмъ пользова
отвѣчая графинѣ, онъ самъ далъ словамъ своимъ вопроси
форму.

— Неправда ли, что сбылось мое предсказаніе? спрос
улыбаясь.

— Какое предсказаніе? спросила мадамъ де Люскуръ,
лсніемъ, слегка изученнымъ.

— Вопросъ вашъ не дѣлаетъ мнѣ чести: онъ мнѣ дока
какъ мало вы обращаете вниманія на мои слова; не говор
вамъ, что вы должны разъ навсегда отказаться отъ расп
къ вамъ прекраснаго вашего пола.

— Это правда. Я васъ тогда не понимала и теперь съ
этому вѣрю. Не могу себѣ объяснить, какъ я, располож
всѣмъ, могу внушать ни на чемъ не основанную антипатію.

могутъ меня упрекать всѣ эти женщины, которыхъ я не знаю, и которыя мною занимаются болѣе, чѣмъ я того заслуживаю.

— Во многомъ, тонко замѣтилъ виконтъ: — какъ можете вы, напримѣръ, нравиться мадамъ де Шатенедъ, глаза которой такъ хороши, что вчера еще не боялись соперничества?

— Нашла ли я ихъ дурными? Я и теперь повторяю, что я не встрѣчала лучшихъ глазъ.

— Сравненіе отъ васъ ускользаетъ, но всякой, видя васъ, невольно сравниваетъ, и вамъ этого не простятъ.

Какъ ни былъ запутанъ этотъ комплиментъ, но мадамъ де Люскуръ его поняла.

— Мнѣ кажется, сказала она:—что мои брильянты и бархатное мое платье скорѣе всего обращаютъ на меня вниманіе. Скажите, я очень смѣшна?

— Вы бы сдѣлали модным и смѣшное, отвѣчалъ Шуази тѣмъ немного приторнымъ тономъ, которымъ охотно говорятъ влюбленные не первой молодости. Но если вы требуете моего мнѣнія насчетъ вашего туалета, позвольте васъ въ свою очередь спросить, зачѣмъ вы не руководствуетесь своимъ вкусомъ, безъ посторонняго вліянія?

— Что же дѣлать? отвѣчала графиня:— платье мое — подарокъ мужа; брильянты подарены мнѣ тещею. Эти вещи для меня священны; я должна ихъ носить.

— Я молчу, сказалъ насмѣшливо Шуази: — и понимаю, что вкусъ графа Люскура долженъ быть для васъ священной обязанностью. Позвольте мнѣ также изложить вамъ другую причину неудовольствія свѣта, которому я сочувствую болѣе другихъ: отчего васъ нигдѣ не видно? Третьяго дня я думалъ видѣть васъ у м-мъ Лорансёнъ.

— Мой мужъ былъ боленъ, сказала графиня отрывисто.

— Но завтра вы будете у мадамъ д'Албене?

— Завтра день головной боли моей тещи.

— Что за скука! сказалъ Шуази. — Но въ понедѣльникъ вы будете въ оперѣ? Даютъ Гугенотовъ. У меня будетъ для васъ ложа.

— Мнѣ очень прискорбно, что я не могу воспользоваться вашимъ приглашеніемъ. Вы знаете строгія правила моего мужа: онъ не ѣздитъ въ театръ, и хотя онъ предоставляетъ полную свободу моимъ дѣйствіямъ, но мнѣ показалось бы вовсе неумѣстнымъ допустить ослабленіе въ этихъ правилахъ для себя, когда онъ такъ строго ихъ самъ придерживается. Право, пожертвованіе мнѣ дорого стоитъ: для бѣдной провинціялки опера такъ заманчива. Но зато въ

вамъ составило бы пожертвованіе, если бы лишеніе удов
сопровождалось сожалѣніемъ объ утратѣ его.

— Я по всему вижу, сказалъ насмѣшливо Шуази: — к
куръ любитъ всѣмъ управлять; его дѣятельность видн
онъ вамъ уже запретилъ и вальсъ и романы; сегодня оче
а тамъ баловъ и верховой ѣзды; я удивляюсь, что онъ
ляетъ заниматься рукодѣльемъ и музыкой; но время при
дите. Онъ и то вамъ запретитъ. Другіе назвали бы это т
Я же вижу въ этомъ послѣдовательное и логическое домо
женіе. Мужъ вашъ внушаетъ мнѣ глубокое уваженіе: он
политикъ, подъ добродушной личиной. Если бы онъ в
перваго же разу предписывать вамъ свои повелѣнія, о
быть и встрѣтилъ бы сопротивленіе; дѣйствуя постепенн
ренъ въ успѣхѣ.

Графиня Люскуръ выслушала этотъ сатирическій мо
половину ему сочувствуя, но отвѣчала тономъ женщины
понимаетъ, что уваженіе къ ней неразрывно съ уваженіе
питаютъ къ мужу.

— Я не вижу ничего смѣшного въ исполненіи свои
ностей. Мужъ мой даетъ совѣты въ-замѣнъ приказаній.

— Это и учтивѣе и искуснѣе, отвѣчалъ не смѣшавши
лѣтній волокита.

Молодая женщина нетерпѣливо раскрывала и закрыв
Замѣтя въ этомъ движеніи недобрый знакъ, виконтъ прид
лицу выраженіе нѣжной покорности.

— Простите мнѣ, сказалъ онъ смиреннымъ голосомъ:
про него, я былъ вамъ снова не послушенъ; но если бы
какъ мнѣ больно видѣть одиночество ваше, семейное ра
которому вы приговорены. Ваша теща превратила домъ ва
пость. Я долженъ осаждать его, чтобы разъ изъ десяти
стіе васъ видѣть. Неужели мнѣ суждено отказаться вид
въ свѣтѣ?

— Вы не ошиблись, съ злостью отвѣчала графиня. —
не нравится ни тещѣ, ни мужу, и мы дня черезъ два ѣде
ревню тетки моей графини Сельвъ. Вы ее знаете?

— Вы ѣдете? спросилъ съ живостію Шуази.

Въ это время подлѣ графини показался Люскуръ, кото
нецъ успѣлъ освободиться отъ любезностей мальтійскаго
Какъ обыкновенно водится, влюбленный проклялъ мужа
поддержавъ нѣсколько времени пустой разговоръ, онъ п
и ушелъ.

— Если она уѣдетъ, подумалъ онъ: — все пропало. Во что́ бы то ни стало, нужно воспрепятствовать отъѣзду. Пора дѣйствовать рѣшительно. Голосъ ея, нѣжность взгляда мнѣ говорятъ, что часъ пробилъ.

Шуази подошелъ къ господину среднихъ лѣтъ, который цѣлый вечеръ ходилъ изъ комнаты въ комнату, разсыпая всѣмъ поклоны, улыбки, пожатія рукъ.

— Д'Аго, сказалъ онъ ему: — гдѣ можно у тебя найти бумагу и перо?

— Въ кабинетѣ, отвѣчалъ хозяинъ дома: — на моемъ столѣ лежитъ тонкая бумага; если сложить ее съ умѣньемъ, она занимаетъ мѣсто не болѣе розоваго листка. Тебѣ такая бумага нужна?

— Ты отгадалъ.

Они обмѣнялись краснорѣчивымъ взоромъ. Д'Аго продолжалъ свою прогулку по заламъ, а Шуази въ сопровожденіи лакея взошелъ во второй этажъ. Спустя полчаса, онъ сошелъ внизъ и нашелъ молодыхъ супруговъ въ одномъ и томъ же положеніи. Люскуръ, неподвижный и молчаливый, сидѣлъ за стуломъ жены, которая въ раздумьи играла букетомъ своимъ.

— Онъ несносенъ, подумалъ волокита: — онъ ошибается впрочемъ, если думаетъ, что помѣшаетъ мнѣ отдать письмо по принадлежности.

Отдать письмо женщинѣ, въ присутствіи мужа, если она согласится его взять, дѣло нетрудное. Заставить ее взять письмо вопреки ей самой — трудность, которая превозмогается. Въ двѣ минуты планъ Шуази былъ готовъ. Онъ подошелъ къ графинѣ.

— Если возбуждаемая зависть — успѣхъ, сказалъ онъ ей съ вкрадчивою улыбкой: — то и букетъ вашъ возбуждаетъ всеобщую зависть.

Съ этимъ словомъ, онъ взялъ букетъ, началъ осматривать его, восхищаться имъ, вдыхать нѣжный запахъ цвѣтовъ и съ необыкновенною ловкостью незамѣтно вложилъ въ букетъ свернутое письмецо, котораго тотчасъ прикрыли листья камелій. Мадамъ Люскуръ, взявъ букетъ, поднесла его граціозно мужу, какъ бы желая наказать этимъ супружескимъ кокетствомъ фамильярность своего обожателя.

— Къ вамъ относятся эти комплименты, сказала она, обращаясь къ мужу: — въ нихъ хвалятъ вашъ же вкусъ.

Люскуръ взялъ медленно букетъ, сталъ его нюхать, не отличая отъ запаха камелій нечувствительнаго запаха духовъ, которыми опрыскана была записка. Шуази, несмотря на свою увѣренность, стало страшно видѣть букетъ въ рукахъ мужа; онъ нагнулся на ухо графини и сказалъ ей отрывисто:

— Возьмите букетъ.

Г-жа де Люскуръ бросила на него вопросительный

— Раскройте его, сказалъ онъ: — когда вы будете с
поймете.

Смущенная этими словами, произнесенными въ-по
невольно имъ повиновалась и протянула руку къ муж
время, какъ и онъ повиновался молчаливому требованію
маркиза де Гордань, какъ злая волшебница въ сказк
очутилась за стуломъ графини; быстрымъ движеніем
она букетъ изъ рукъ сына и бросила соблазнителю
взглядъ, что сконфуженный свѣтскій волокита остался

— Откуда ее принесло! подумалъ онъ: — она не
видѣть. У этихъ старухъ особое чутье.

Прійдя въ себя, онъ учтиво предложилъ кресло стар
Г-жа де Гордань холодно ему поклонилась, но, не садя
гаемое ей кресло, обратилась къ невѣсткѣ.

— Ваша карета подана, сказала она: — хотите ѣхат

Графиня встала и поочередно смотрѣла съ безпокоі
пытствомъ то на букетъ, котораго она не смѣла отнят
то на виконта, котораго она не смѣла спросить. Вы
взглядъ Шуази внушилъ ей присутствіе духа, которо
ныхъ сценахъ даетъ такое огромное превосходство жен
шедши къ креслу, она будто невзначай уронила боа. В
ея смѣлостью, Шуази бросился поднимать его, и, несмо
вольный видъ маркизы, нагнулся къ графинѣ.

— Да что же вы наконецъ сдѣлали? тихо спросила

— Я написалъ, чего не рѣшался высказать.

— Какъ?... письмо?

— Въ букетѣ.

Съ этимъ словомъ онъ раскланялся съ провинціальн
ствомъ. Въ каретѣ мадамъ Люскуръ тотчасъ получила сво
тщетно, пользуясь темнотою, искала она записочки меж
ея ужь тамъ не было. Во время неудачнаго ея розыска
тала всѣ виды тревожнаго состоянія человѣка, потеряв
ное письмо.

Вскорѣ впрочемъ она нашла причины успокоиться.

— Онъ навѣрное хотѣлъ только меня испугать, поду
ну, что мнѣ писать? онъ долженъ знать, что я не прочт
не рѣшусь слушать.

ГЛАВА IV.

Въ этотъ вечеръ, или, скорѣе, въ эту ночь, маркиза де Гордань пустила руки въ бездонную пропасть боковыхъ своихъ кармановъ. ъ которыхъ обыкновенно помѣщались свертки дѣловыхъ бумагъ безъ труда могла пріютиться комнатная собачка. Въ этотъ разъ, в исключеніемъ кошелька и табакерки, необходимыхъ принадлежностей ея кармановъ, она достала свернутую маленькую записку, удивленную, какъ она попала въ такое непристойное мѣсто. Сухощавою укою развернувъ записку, теща надѣла очки, чтобы прочесть ее. ъзобравъ любовную записку съ такимъ вниманіемъ, какъ будто на относилась къ ней самой, маркиза глубоко задумалась.

Она была изъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ холодныя, строгія манеры, часто капризы бываютъ слѣдствіемъ грустныхъ испытаній ъ жизни, а вовсе не природной суровости характера. Два раза в-мужемъ она испила чашу горя до дна. Первый ея мужъ, графъ оскуръ, отчаянный охотникъ, страшный мотъ и кутила, любезый со всѣми женами, даже и съ своею, былъ убитъ на дуэли; горой ея мужъ, маркизъ Гордань, проигравъ все свое состояніе, осился уже и до приданаго жены, но, къ счастію, вскорѣ послѣ его умеръ. Горькое разочарованіе въ земномъ счастіи, презрѣніе ъ людямъ остались наслѣдіемъ маркизы послѣ смерти второго ужа.

Какъ бы въ вознагражденіе претерпѣннаго горя, маркиза іобрѣла, среди лишеній, познаніе матеріяльныхъ интересовъ, которые рѣдко развиваются въ женщинѣ счастливой. Въ нѣсколько ѣтъ, искуснымъ управленіемъ, она привела въ порядокъ имѣніе. Поправивъ дѣла сына, маркиза указала себѣ другую обязанность, гораздо важнѣе первой. Сдѣлать изъ сына человѣка не похожаго на двухъ своихъ мужей было съ тѣхъ поръ главной заботой ея изни. Приписывая недостатки мужей своихъ воспитанію, которое олучало передъ революціей дворянство Франціи, она впала въ ругую крайность— въ систематическій ригоризмъ. Воспитанный до вадцати лѣтъ въ деревнѣ, сынъ ея, подъ строгимъ присмотромъ атери, избѣжалъ всякаго рода столкновеній съ безнравственнымъ вѣтомъ. Когда пришло время университетскаго воспитанія, мадамъ ордань отправилась съ сыномъ въ Парижъ, гдѣ, не теряя его ни минуты изъ виду, во время критическаго періода образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, умѣла сохранить въ немъ невинность помышленій и неукорененность въ поступкахъ. Въ двадцать

три года, Максимъ зналъ только по имени трактир
Итакъ, маркиза можетъ быть сверхъ ожиданій свои
предположенной цѣли. Избѣжавъ удачно подводн
столичнаго архипелага, гдѣ тонетъ такъ много моло
нать Максима хотѣла довершить воспитаніе его, вводя
Телемака въ безопасную гавань женитьбы; да и кромѣ
за невинною жизнью сына, ей жалка показалась без
жизнь; пора было окончить испытаніе, которое Фнаси
должать. До сихъ поръ жизнь его была — садъ безъ ц
валось найти розу для украшенія его. Выборъ ея п
г. Бопре, которая, соединяя красоту съ независимымъ
имѣла въ глазахъ ея и то преимущество, что была
деревнѣ.

Максимъ и тутъ оказалъ матери то безпрекословное
къ которому съ дѣтства привыкъ; но жена его была
исполненіе долга было для него вмѣстѣ съ тѣмъ и выра
стія. Воспитаніе г-жи де Люскуръ во многомъ не схо
воспитаніемъ ея мужа. Лишенная матери съ дѣтства
жила въ деревнѣ съ отцомъ. Примѣръ его имѣлъ больш
ея развитіе, придалъ характеру ея мужественную энер
мужства Флавія Бопре мало расположена была къ дѣви
тіямъ: она дурно вышивала, рисовала еще хуже и не скр
отвращенія къ механическому изученію музыки. Зато он
но ѣздила верхомъ, стрѣляла голубей на лету и драла
рахъ, благодаря урокамъ отца; однимъ словомъ, отличал
упражненіяхъ, которыя запрещены были мужу ея, бо
ботливостью матери.

Молодые супруги, съ такими различными характер
ненные неразрывно судьбою, стали изучать другъ друга
ніемъ невольнаго особеннаго смущенія. Въ самыхъ пыл
вахъ своего воображенія, Максимъ мечталъ о женщинѣ
скимъ выраженіемъ въ лицѣ; Флавія въ свою очередь
тала о мужѣ героѣ, съ мечемъ въ рукѣ.

Каждый изъ нихъ обманутъ былъ въ своихъ мечтані
симъ скоро свыкся съ дѣйствительностью и подчинился
азмомъ вліянію своей прекрасной жены. Но мадамъ Люск
скоро могла отстать отъ поэтическихъ мечтаній. Доброд
его сыновняя покорность, строгость его правилъ внуш
вольное уваженіе; но въ тоже время, она не могла не зам
онъ предурно ѣздилъ верхомъ, и что застѣнчивость его
ходила въ область неловкости; вскорѣ холодное уважен
съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ ироніи замѣнило въ ней

имя чувства. Чувствуя моральное превосходство мужа, она не могла, не давая себѣ въ томъ отчета, простить ему это превосходство, потому-что самолюбіе гораздо болѣе любитъ показывать примѣръ, чѣмъ слѣдовать ему. Несмотря на прямоту своего характера и веселость, молодая женщина старалась прикрыть насмѣшливое направленіе, которое въ ней развивалось, личиною пренебреженія къ самой себѣ и удивленія къ добродѣтели мужа. Все это не могло скрыться отъ опытнаго взгляда умной маркизы де Гордань. Едва она замѣтила тучу, предвѣщающую бурю, на горизонтѣ семейнаго быта, болѣе положительная опасность подтвердила ея опасеніе. Есть въ свѣтѣ люди, которые играютъ въ отношеніи къ женщинамъ роль хищныхъ птицъ: они смотрятъ на хорошенькую женщину, какъ на свою добычу. Шуази былъ изъ числа этихъ людей. До женитьбы Фланіи, бывая, какъ сосѣдъ, въ деревнѣ у ея отца, онъ не обращалъ на нее никакого вниманія; но таже самая дѣвушка сдѣлалась графинею де Люскуръ, — и онъ оцѣнилъ ее, какъ ювелиръ цѣнитъ обтесанный алмазъ. Для виконта графиня соединяла въ себѣ всѣ условія, могущія польстить самолюбію соблазнителя, и новый Донъ-Жуанъ рѣшился, во что бы то ни стало, превозмочь трудности предпріятія; планъ его былъ готовъ; оставалось найти случай.

Тотчасъ по пріѣздѣ провинціальнаго семейства въ Парижъ, онъ, не теряя времени, приступилъ къ дѣлу. Человѣкъ сорока лѣтъ мало имѣетъ надеждъ на успѣхъ, если расчитывать на сердечную страсть, отличительную и прекрасную принадлежность молодости, но зато безчисленные извороты женскаго самолюбія дѣлаютъ ему доступнымъ сердце женское.

И потому для достиженія своей цѣли онъ принялъ роль наперсника. Несмотря на бдительность тещи и пуританизмъ мужа, между нимъ и графиней Люскуръ завязалась дружба, которая вскорѣ перешла къ душевнымъ излiяніямъ. Годы Шуази, гибкость его ума, ласковыя благородныя манеры и въ особенности знаніе женскаго сердца, которое онъ изучилъ съ молодости, позволили ему стать твердою ногою на скользкомъ пути.

Подъ предлогомъ показать имъ Парижъ, онъ былъ у нихъ безвыходно, и мы видѣли, какими пожертвованіями онъ пріобрѣлъ право на званіе *друга дома*. Примѣняя правила военнаго искусства въ предполагаемой имъ осадѣ, онъ началъ съ того, что сталъ подкапывать и разрушать бастіоны, составляющіе оплотъ крѣпости; съ тещею легко было справиться; онъ нашелъ себѣ помощь въ духѣ независимости самой невѣстки. Мужъ одинъ стоялъ твердо; по-крайней-мѣрѣ такъ думала молодая женщина. Насчетъ Бопре предосторожности были излишнія: онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ

отцовъ, которые думаютъ, что разъ выдавъ дочь за-м
полнили всѣ отцовскія свои обязанности, и говорятъ: т
зятя.

Маневры Шуази во время вашего разсказа были та
что объясненія уже были излишни. Въ-замѣнъ словъ
были такъ восхитительны, что, не говоря о любви, он
зывался по своему произволу отъ даннаго ему права.
покровно проложенный имъ путь, онъ съ особенны
ствіемъ смотрѣлъ на успѣхъ наступательнаго своего
останавливался на каждомъ шагу, какъ путешественн
краснаго пейзажа.

Объявленный ему неожиданный отъѣздъ м-мъ Ла
другое направленіе медлительной системѣ Шуази: онъ
мѣнить первоначальный свой планъ; слѣдствіемъ этой
было письмо, при чтеніи котораго мадамъ Гордань пог
въ размышленія.

ГЛАВА V.

Маркиза внимательно изучала записку виконта; окон
она хотѣла бросить письмецо въ каминъ, но, подумавъ
режно спрятала.

— Это первая записка, подумала она: — она теперь н
удастся ли мнѣ такъ же удачно захватить другую. Этот
безжалостно настойчивъ. Неудача его ни минуты остан
жетъ; препятствія его только раздражаютъ. Что дѣлат
вомъ подозрѣніи, сынъ готовъ его вызвать на дуэль. Ду
шая той, въ которой погибъ отецъ его! Я чувствую, чт
живу этой печали. Бопре говорилъ мнѣ, что Шуази пре
рется на шпагахъ, а мой бѣдный Максимъ никогда н
фехтовальной залѣ. Флавія до сихъ поръ только кокетни
еще не ушло; пора остановить зло въ началѣ.

Возбудить въ сердцѣ невѣстки чувство долга, удалить
ски виконта, накинуть непроницаемую завѣсу на глаза с
три цѣли, которыхъ маркиза рѣшилась достигнуть. Отъ
юзника въ семействѣ своемъ, она обратилась къ Бопре:

— Между нами, какое ваше мнѣніе на-счетъ Шуази
она его.

— Шуази? прекрасный человѣкъ, отвѣчалъ Бопре: —
но добрый малый; я не могу имъ нахвалиться; у него
чудныя лошади, и я ими располагаю какъ хочу.

— Но характеръ его внушаетъ ли вамъ уваженіе?

— Разумѣется. Не иначе. Какъ не уважать человѣка, который предлагаетъ вамъ своихъ лошадей! Если бы вы видѣли его конюшню: это будуаръ; ясли мраморныя, стойла блестятъ какъ красное дерево этого стола.

— Я спрашиваю мнѣніе ваше на счетъ его характера, а не на-счетъ его лошадей, прервала маркиза съ досадой.

— Славный малый, говорю я вамъ; онъ обѣщалъ прислать мнѣ сегодня *Mario*, караковаго жеребца; я удивляюсь, что мнѣ его еще не привели.

Маркиза не могла удержать нетерпѣливаго движенія

— Отвѣчайте мнѣ серьёзно на мой вопросъ. Вы не могли не замѣтить, что Шуази волочится за вашей дочерью?

— Волочится? Да его почти никогда нѣтъ здѣсь.

— Не удивительно. Когда вы отправляетесь охотиться въ его лѣсахъ, онъ увѣренъ, что васъ здѣсь не найдетъ; я вамъ говорю, что частыя его посѣщенія даютъ поводъ къ различнымъ толкамъ. Флавія слишкомъ хороша, чтобы волокитство Шуази не обратило на нее вниманія; не далѣе какъ вчера на вечерѣ мадамъ д'Аго сдѣланы были на-счетъ дочери вашей самыя злыя замѣчанія.

— Шуази не любятъ оттого, что у него успѣхи въ свѣтѣ.

— Я не мѣшаю его успѣхамъ въ свѣтѣ, но не хочу, чтобы онъ послагалъ на нихъ въ нашемъ домѣ, сухо отвѣчала маркиза. — Однимъ словомъ, волокитство Шуази можетъ компрометировать Флавію; этого достаточно, чтобы принять мѣры къ устраненію этихъ неудовольствій отъ нашихъ дѣтей. Мы ѣдемъ послѣ-завтра въ деревню къ мадамъ де Селвъ. По возвращеніи нашемъ въ Парижъ, я надѣюсь, что вы дадите почувствовать виконту, что визиты его слишкомъ часты.

— Какъ быть? А я его вчера пригласилъ провести съ нами недѣли двѣ въ деревнѣ у мадамъ де Селвъ, отвѣчалъ Бопре.

— Вы его пригласили! я васъ въ этомъ узнаю.. Итакъ, мы не ѣдемъ.

— Не сердитесь, маркиза. Зачѣмъ намъ негодовать на Шуази болѣе, чѣмъ на другихъ, за то только, что дочь моя ему нравится; я васъ увѣряю, что онъ и не думаетъ о Флавіи. У него другое въ головѣ. Во-первыхъ, онъ женится; не говорю уже о молоденькой танцовщицѣ, отъ которой онъ съума сходитъ. Какъ вы хотите, чтобы онъ волочился за дочерью! Онъ зналъ ее малюткой; онъ любезенъ съ ней, какъ со всѣми женщинами; и, между нами, недурно было бы сыну вашему посовѣтовать брать въ этомъ отношеніи съ него при-

мѣръ; на-счетъ любезности, зять мой не первой силы. вчера говорила....

— Чтó она вамъ говорила? ..

— Ничего.... вздоръ; ну, и если бы дочь моя нако ла Шуази любезнѣе мужа, и въ томъ не вижу преступ. чемъ, я ручаюсь за нее какъ за себя, и глупыя свѣт не воспретятъ мнѣ принимать у себя пріятеля, съ кото комъ двадцать лѣтъ.

— У котораго такія прекрасныя лошади въ конюши презрительно маркиза.

— Посмотрите, вотъ ко мнѣ ведутъ одну изъ его ло чалъ радостно Бопре, подошедшій въ это время къ окну

Не теряя времени, Бопре взялъ шляпу, перчатки и х

— Вы позволяете? сказалъ онъ, обращаясь къ ма меня правило не заставлять лошадей долго ждать. Не вашу голову бреднями; повѣрьте мнѣ, въ наши годы н ставить полную свободу молодымъ людямъ: пусть раз какъ умѣютъ. Говорятъ, что не годится класть пальца м и деревомъ. Я послѣдовалъ этой пословицѣ: далъ себ мѣшаться въ супружескія отношенія моего зятя.

— *Эгоистъ!* подумала мадамъ де Гордань: удовлетв вкусъ къ охотѣ и верховой ѣздѣ, онъ и знать не хочетъ

Увидавъ, что нечего ей ждать помощи отъ г. Бопр осталась нѣсколько времени въ раздумьи, и наконецъ воп нату невѣстки.

Мадамъ де Люскуръ небрежно перелистывала журналъ тещи, она встала, чтобы уступить ей почетное мѣсто под.

— Сидите, любезное дитя, сказала маркиза, придвигая Отчего вы дома? Взгляните, какая чудная погода. На с проѣзда нѣтъ отъ множества экипажей.

— Сегодня воскресенье, отвѣчала холодно Флавія. — пошелъ въ церковь, а я осталась дома и провожу врем гличанка. Только вмѣсто библіи у меня газета. Это легкое чтеніе, и потому, когда вы отворили дверь, я хотѣ журналъ, полагая, что это былъ мужъ мой.

— Вы слишкомъ строго судите Максима, сказала ма онъ навѣрное не запрещаетъ вамъ заниматься чтеніемъ.

— Не дальше какъ вчера, сухо отвѣчала молодая женщ выбрала романъ Жоржа Санда; Максимъ, увидѣвъ книгу столѣ, отослалъ ее въ книжный магазинъ.

— Онъ дѣйствуетъ слишкомъ произвольно, сказала ма трудомъ улыбаясь: — но на вашемъ мѣстѣ я бы видѣла

поступкѣ доказательство не супружескаго деспотизма, а любви его къ вамъ. Избирая приличное для васъ чтеніе, онъ тѣмъ доказываетъ свое уваженіе къ вамъ. Развѣ вы это не такъ поняли?

— Я на все согласна: требуйте отъ меня, что́ хотите; я пожалуй, буду читать «Сказки дочери» Бульи.

— Я хотѣла съ вами посовѣтоваться на-счетъ нашего отъѣзда, сказала маркиза мягкимъ голосомъ.

— Я не вижу причины спрашивать моего совѣта на-счетъ вещи уже рѣшенной, холодно отвѣчала мадамъ Люскуръ.

— Итакъ, отъѣздъ нашъ вамъ не нравится?

— Напротивъ, я думаю съ величайшимъ удовольствіемъ о прелестяхъ деревни въ мартѣ мѣсяцѣ. Правда, что деревья не покрыты еще листьями, но зато снѣгъ лежитъ на поляхъ. Наслаждаешься деревенскими удовольствіями у камина. Я не понимаю людей, которые проводятъ время масляницы въ Парижѣ.

Зная, что Бопре пригласилъ Шуази провести съ ними двѣ недѣли въ деревнѣ, маркиза, приписывая сыну мысль, которая должна была понравиться невѣсткѣ, сказала ей улыбаясь:

— Какже вы сошлись съ Максимомъ? онъ хочетъ остаться въ Парижѣ, и этимъ вовсе не думалъ итти наперекоръ вашимъ желаніямъ.

— Мой долгъ повиноваться, сказала Флавія, въ свою очередь улыбаясь, обрадованная неожиданною развязкою.

Развеселивъ молодую женщину, маркиза рѣшилась наконецъ испытать сердце своей невѣстки, только слегка ужаленное жаломъ змѣи.

— Итакъ, дѣло рѣшено: мы остаемся въ Парижѣ; лѣтомъ мы успѣемъ побывать въ деревнѣ у вашей тетки, сказала маркиза. — Жаль было бы не побывать на сватьбѣ мадемуазель де Шенесо.

— Говорятъ, сватьба будетъ великолѣпная; вчера на вечерѣ у графини Аго только объ этомъ и говорили.

— Сколько сватебъ нынѣшней весной, сказала мадамъ Гордань равнодушно: — вчера мнѣ на многія изъ нихъ указали, въ томъ числѣ на сватьбу нашего друга Шуази. Вы слышали про нее?

Молодая женщина посмотрѣла недовѣрчиво на тещу, и судорожное движеніе губъ замѣнило улыбку.

— Шуази женится? спросила она почти дрожащимъ голосомъ: — на комъ?

— Не знаю, отвѣчала маркиза, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ волненія на лицѣ невѣстки. — Шуази говорилъ о своей женитьбѣ съ отцомъ вашимъ.

— Да, отвѣчала Флавія съ иронической улыбкой зель де *Виллемаръ*. Старая исторія.

— Новая ли это исторія, или старая, не знаю; жется, достовѣрна; всѣ его друзья радуются, что онъ силъ романъ и взялся за положительное.

— Я и забыла, продолжала маркиза: — что вы л ато я бы не выбрала этого слова, чтобы обозначить л ническую страсть. Всѣмъ извѣстно, что балетныя та бятъ болѣе положительное, чѣмъ идеальное.

— Итакъ, Шуази обличенъ въ страсти къ танцов графини, у которой отъ досады выступила краска на

— Танцуетъ ли она, или поетъ, навѣрное не знаю отецъ это разсказалъ. Слово страсть здѣсь не у мѣста. ковта не ощущаютъ страстей.

— Есть люди, которые никогда не жили и все-таи испытать страсти, рѣзко отвѣчала Флавія.

Маркиза поняла, къ кому адресовалась эта эпиграм

— Вы однако со мною согласны, что въ сердцѣ мо чувства и пылкости, чѣмъ въ душѣ рано состарѣвшей сорока лѣтъ пора думать о положительномъ.

— Вы хотите сказать, тридцати пяти лѣтъ, замѣт Люскуръ, съ трудомъ удерживая порывы дурного ея духа.

— Сорока пяти и болѣе Но онъ искусно умѣетъ ск и потому кажется моложе. Мадамъ д'Аго сказала мнѣ, ситъ корсетъ. Вы не замѣтили этого?

— Есть люди, которые такъ дурно сложены и такъ я бы имъ посовѣтовала слѣдовать этому примѣру.

Маркиза и на эту эпиграмму на-счетъ своего сына і вѣчала.

— Что́ ни дѣлай Шуази, продолжала она съ невозму днокровіемъ: — а должно сознаться, что онъ старѣетъ вчера еще смотрѣла со вниманіемъ. У него страшно м волосъ.

— У кого ихъ нѣтъ? сказала Флавія, нетерпѣливо по роскошные черные какъ смоль волосы. — Шуази умент благородны; будь я мужчина, я бы взяла его въ примѣр

— Такъ-какъ рѣшено, что мы не ѣдемъ въ дере Селвъ, продолжала она, стараясь дать разговору другое — я думаю, что приличіе требуетъ увѣдомить о томъ Если вы позволите, я ей напишу.

Недожидаясь отвѣта, М-me Люскуръ вышла изъ комнаты, хлопнувъ ребячески дверью.

Женщина гораздо болѣе защищаетъ свои фантазіи, чѣмъ свои чувства, и въ этомъ согласна съ общественнымъ мнѣніемъ, которое, слыша капризъ въ женщинѣ, строго преслѣдуетъ всякое истинное чувство. Посвященная таинствамъ женской моральной организаціи, маркиза ощутила невольное удовольствіе, замѣтивъ досаду нефетки.

— Если бы она его любила, подумала она: — то молчала бы въ разговорахъ о немъ; если бы она упрекала себя въ чемъ-нибудь, она была бы любезнѣе.

Въ это время лакей доложилъ о пріѣздѣ виконта Шуази.

ГЛАВА VI.

Свѣтскій человѣкъ ловко подошелъ къ мадамъ Гордань, не показывая виду, какъ мало ему нравилось оставаться наединѣ съ маркизою, чего онъ вовсе не ждалъ. Въ свою очередь, старая дама рѣшилась на поступокъ, рѣзкость котораго оправдывается иногда крайнею необходимостью.

— Нечего ждать отъ Бопре, подумала она, двусмысленно улыбаясь на привѣтствіе виконта. — Онъ промѣнялъ бы дочь свою за лошадь и продалъ бы душу свою за дикую козу. Говорить о томъ съ Флавіей опасно: это было бы лучшее средство склонить ее къ отчаянному поступку. Сынъ мой не долженъ ничего знать, потому-что съ правилами его и строгимъ воспитаніемъ вмѣшательство его было бы опасно и неумѣстно. Я могу и должна обратиться только къ нему самому.

— Я давно желала найти случай поговорить съ вами наединѣ, сказала маркиза, обращаясь къ Шуази.

И, не давъ ему кончить начатой имъ лицемѣрнымъ тономъ привѣтственной фразы, она продолжала:

Я хотѣла знать ваше мнѣніе на-счетъ одного обстоятельства, которое я, какъ провинціялка, какъ женщина съ предразсудками, боюсь осудить слишкомъ строго.

— Я слушаю со вниманіемъ, почтительно отвѣчалъ онъ: — но думаю, что требуя моего мнѣнія, вы дѣлаете мнѣ честь, слишкомъ много расчитывая на правильность моихъ сужденій.

— Какое ваше мнѣніе, продолжала маркиза: — о человѣкѣ, который, подъ личиной дружбы, употребляя во зло довѣріе семейства, которое его радушно принимаетъ, замышляетъ измѣну, тѣмъ болѣе гнусную, что она хладнокровно имъ обдумана.

— Обстоятельство, о которомъ вы говорите, т
ряется въ свѣтѣ, что для того, чтобы дать о [illegible]
[illegible] быть самому безупречнымъ. Къ несчастію,
не безгрѣшенъ, и рогоромъ мнѣ не къ лицу. [illegible]
вѣчать на вашъ вопросъ. Мнѣ тяжело самому [illegible]
ей отвѣсти, я себя не чувствую въ правѣ судить [illegible]
[illegible].

— Вы не поняли меня. Я хотѣла слышать
вѣдь, а вашу. Положимъ на-время, что человѣкъ,
[illegible], вы.

— Я?

— Не отрекайтесь, не заставляйте меня имѣть
вашемъ умѣ; я скорблю уже и о томъ, что вы дал
нѣваться въ благородствѣ вашего сердца. Я прис
дѣлу. Вы уже полъ-года волочитесь за м-мъ Люскур

— Какъ можете вы этому вѣрить....

— Слушайте. Я старая женщина, чуждая свѣ
вы же человѣкъ въ высшей степени искусный; межд
щество на вашей сторонѣ. Тѣмъ не менѣе, не сомн
комъ надѣяться на превосходство ваше. Во многихъ
щины не дряхлѣютъ и чрезвычайно смѣтливы. Пок
теченіи шести мѣсяцовъ вы стараетесь достигнуть
рѣдкимъ постоянствомъ. Поняла ли я васъ? Осмѣли
зать, что я ошиблась?...

Виконтъ понялъ, что отвѣчать ему отрицаніемъ
ловко и ни къ чему не повело бы; притомъ же сам
прещало ему разъигрывать передъ старухой роль ши
ганнаго при видѣ розокъ учителя.

— Если вы требуете отъ меня исповѣди, отвѣчал
голосомъ: — я согласенъ вамъ признаться, что я
Люскуръ.

— Она не можетъ васъ слышать, отвѣчала марки
страстное выраженіе вашего голоса неумѣстно; те
васъ просить отвѣчать на мой вопросъ, откровенно,
сердце, любите ли вы истинно мою невѣстку?

— Мнѣ кажется, что самая моя исповѣдь можетъ
ручательствомъ.

— Положимъ даже, что вы правду говорите, хот
сихъ поръ очень сомнѣвалась; въ такомъ случаѣ поз
мочь вамъ читать въ сердцѣ вашемъ. Забудьте на-вр
м-мъ Люскуръ, и поговоримъ объ этомъ обстоятель
то мы въ немъ не участники. Я понимаю страсть въ

рѣкѣ; молодость, неопытность его могутъ оправдать; но въ ваши годы, съ вашимъ знаніемъ свѣта, съ высокимъ вашимъ умомъ быть обманутымъ своими чувствами—непростительно. Вы не любите; во всемъ этомъ одно самолюбіе ваше играетъ роль; оно задѣто, а не сердце ваше. Если вѣрить городскимъ слухамъ, вамъ надоѣли успѣхи въ парижскомъ свѣтѣ; невѣстка моя молода и хороша; изъ глуши деревни, вступая въ свѣтъ, она показалась вамъ достойной развѣять на время однообразность вашихъ свѣтскихъ успѣховъ.

— А! маркиза! вскричалъ сорока-лѣтній волокита: — какую я въ вашихъ глазахъ играю жалкую роль.

— Поведеніе ваше мнѣ точно кажется жалкимъ, холодно замѣтила маркиза: — и самое искреннее желаніе мое убѣдить васъ въ правильности моего сужденія. Вы видите, что я поняла ваши намѣренія; объяснить вамъ въ свою очередь мои намѣренія было бы безполезно. Вы всегда во мнѣ найдете неутомимаго и бдительнаго противника; я мать, охраняющая честь сына; она сто разъ дороже для меня жизни. Съ этой минуты я считаю васъ врагомъ и предувѣдомляю, что я буду осторожна. Теперь будьте въ свою очередь откровенны, чего вы надѣетесь?

— Я слишкомъ много уважаю м-мъ Люскуръ, чтобы смѣть надѣяться.... сказалъ Виконтъ, не слишкомъ увѣреннымъ голосомъ.

— Итакъ, вы сознаетесь, что съ вашей стороны надежда на успѣхъ — обида для м-мъ Люскуръ. Чего же вы добиваетесь? Я никогда не предполагала найти въ васъ рыцарскаго самоотверженія въ любви.

Не отвѣчая на вопросъ, Шуазя принужденно улыбнулся.

— Вы видите сами, за какое вы взялись неправое дѣло. Я вамъ впрочемъ очень благодарна за мнѣніе ваше о моей невѣсткѣ. Я бы никогда не могла простить вамъ обиднаго на ея счетъ мнѣнія. М-мъ Люскуръ женщина съ умомъ, сердцемъ и благородствомъ; ея высокій разумъ замѣнитъ недостающую ей опытность. Я надѣюсь, что вы не приписываете мою откровенность опасеніямъ, на которыя бы она имѣла право негодовать; но вы знаете лучше моего, что свѣтскіе толки часто такъ неосновательны, что необходимо соблюдать самую строгую осторожность въ предъотвращеніе ихъ; мало того, что дѣйствительность неукоризненна, должно стараться не давать ни малѣйшаго повода къ злымъ сужденіямъ; однимъ словомъ, если бы я не боялась упрека въ педантизмѣ, я бы сказала, что жену Кесаря не должно подозрѣвать.

— Что̀ спорить съ женщиной, подумалъ виконтъ: — которая сравниваетъ своего сына съ Кесаремъ?

Маркиза замолчала, чтобы дать своему собесѣднику чать; послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, она продо тихимъ голосомъ и съ улыбкой, не лишенной еще н вости.

— Не правда ли, что проповѣдь моя была слишкомъ вамъ навѣрное надоѣла; вы не привыкли слышать подо Признайтесь, что въ эту минуту вы меня ненавидите. (смотря на преклонные мои годы, у меня своего рода кок хочу, чтобъ вы меня ненавидѣли. Неужели нѣтъ возможн ся намъ друзьями? Оттого, что я не вѣрю вашей страсти го еще не слѣдуетъ, чтобы я сомнѣвалась въ благородны чувствахъ. Одно ваше слово можетъ все измѣнить и совер успокоить. Слова этого я требую отъ васъ настоятельно. есть много женщинъ, которыя будутъ счастливы, сдѣлавш томъ вашихъ поклоненій. Докажите мнѣ, что я не ошибла что сердце ваше способно сочувствовать благородному по женіе старой женщины, я знаю, высоко не цѣнится и не платить вамъ равной цѣною за благородный вашъ пос посудите сами, вы сами сознаетесь, что не можете надѣя имость со стороны моей невѣстки; я вамъ предлагаю вы стыдомъ неудачи и достоинствомъ самопожертвованія. Е колебаться.

Въ продолженіи всего этого монолога Шуази въ до пуговицу на своемъ жилетѣ.

— Судьбой рѣшено, что старухи всегда будутъ пагуб носцамъ, сказалъ онъ про себя, въ бѣшенствѣ: — каждое почтенной шестидесятилѣтней дамы падаетъ мнѣ на г черепица на голову Пирра. Нужно сознаться, что я разби ву; остается мнѣ съ честью ретироваться.

— Не-даромъ, маркиза, сказалъ онъ: — вы расчи благородство моихъ чувствъ. Вы меня слишкомъ строг приписывая охотнѣе мое поведеніе холодному расчету, ч ченію страсти; но сознаваясь, что моя вина не менѣе важна права жаловаться. Сознаваясь въ моей винѣ, я готовъ ее Если я безъ успѣха противился чувству, болѣе истинному полагаете, я буду имѣть по-крайней-мѣрѣ довольно надъ ли, чтобы побѣдить его нынѣ, и успокоить васъ на-всег нусь вамъ исполнить всѣ ваши требованія, какія б были.

— Прекрасно, отвѣчала маркиза, придавая энергичес ченіе своимъ словамъ: — вы говорите, какъ слѣдуетъ че овѣку. Я рада видѣть, что не ошиблась въ васъ....

— Что́ вы мнѣ предписываете? сказалъ виконтъ, стараясь скрыть свое неудовольствіе подъ приличной улыбкой: — Изгнаніе? Назначьте мнѣ мѣсто. Я отсюда уѣду, куда вамъ угодно: въ Испанію, въ Германію, въ Англію. Требуете ли вы, чтобъ я заболѣлъ и отправился въ Гіеръ умереть со скуки?

— Я не сомнѣваюсь въ искуствѣ вашемъ разъигрывать различныя роли, сказала смѣясь м-мъ Гордань: — но вы такъ мало походите на чахоточнаго, что никого въ томъ не обманете. Впрочемъ я и сама не хочу разстроивать вашихъ дѣлъ и намѣреній. Я ничего особеннаго отъ васъ не требую; прошу васъ даже навѣщать насъ по прежнему; измѣненіе вашихъ привычекъ и поведенія можетъ быть замѣчено и перетолковано. Будьте увѣрены, любезный виконтъ, что то, что́ вамъ теперь кажется столь затруднительнымъ, будетъ для васъ современемъ предметомъ истиннаго внутренняго самодовольствія.

Шуази всталъ.

— Позвольте мнѣ, отвѣчалъ онъ, съ видомъ глубокаго уваженія: — если я когда-нибудь вздумаю жениться, предоставить вамъ выборъ моей невѣсты.

— Вы находите, что у меня счастливая рука? сказала смѣясь маркиза.

— Развѣ я стою этой насмѣшки?

— Я въ свою очередь не въ своемъ правѣ. Вы такъ благородно со мной поступили, что мнѣ жалко было бы васъ оскорбить словомъ; но вы должны простить мнѣ мою радость, потому-что вы сами тому причиною. Итакъ, обоюдное прощеніе и разстанемся друзьями.

Шуази наклонился къ рукѣ, которую протянула къ нему м-мъ Гордань, и прижалъ ее къ губамъ съ почтительною любезностію.

— До свиданія, сказала она привѣтливымъ голосомъ.

Поклонившись еще разъ, виконтъ вышелъ изъ комнаты; въ то самое время, какъ онъ отворилъ дверь, онъ увидѣлъ м-мъ Люскуръ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ заперъ дверь и быстро подошелъ къ графинѣ, которая стояла передъ нимъ, покрытая яркимъ румянцемъ; прежде нежели она успѣла сдѣлать малѣйшее сопротивленіе, онъ взялъ ея руку и вложилъ въ нее записочку.

Шуази, какъ человѣкъ опытный, не любилъ любовныхъ записокъ, но зналъ, что разъ написавши, опасно прекратить переписку, потому-что въ любви письма нравятся не качествомъ, а количествомъ.

М-мъ Люскуръ, пораженная нѣсколько времени дерзостью его, бросила наконецъ съ негодованіемъ записку на паркетъ. Шуази даже не нагнулся, чтобы поднять ее; но, удаляясь, съ неподражаемою

непринужденностью, онъ оглянулся у дверей и наконе самодовольно улыбаясь: онъ замѣтилъ, что графиня наст на записку.

Оставшись одна, Флавія отослала вошедшаго въ то и подняла письмецо и вошла въ комнату съ негодованіемъ.

— Чтó съ вами? спросила м-мъ Гордань: — вы меня вашимъ яркимъ румянцемъ и блестящими глазами.

— Я пришла вамъ сознаться въ проступкѣ моемъ; я в вы меня извините: я была за дверью и все слышала.

— И вы слышали не очень пріятныя для васъ рѣчи маркиза: — это васъ отъучитъ другой разъ подслушива

— Я узнала, что вы нѣжнѣйшая и снисходительнѣйш вѣчала м-мъ де Люскуръ, подъ вліяніемъ минутнаго увл

— Объ этомъ и рѣчь кончена, перебила М-мъ де Г нѣжнымъ участіемъ родной матери: — слава Богу, кажд исполнила дóлгъ свой, и я надѣюсь, что теперь и онъ долгъ свой; на этотъ разъ я вѣрю его слову.

— Вотъ вамъ въ томъ доказательство, сказала Флавія, отъ гнѣва голосомъ и вручая ей письмо виконта.

Маркиза вскочила съ креселъ, и лицо ея выразило въ и злость и радость.

— Онъ меня обманулъ, сказала она съ гнѣвомъ: — вы правда ли, осудили его, вы его презираете.

— Я его ненавижу, отвѣчала графиня съ негодованіем жетъ быть была и вѣтренна и легковѣрна, но никогда ис жденіемъ съ нимъ не давала ему права меня обидѣть; онъ заставилъ меня взять это письмо; онъ мнѣ первый разъ вы видите, что я письма не читала.

— Это уже второе письмо, сказала м-мъ де Гордань изъ кармана первую записочку: — и я должна сознаться, прочла.

Маркиза взяла письма и хотѣла бросить ихъ въ каминъ

— Если вы ихъ сожжете, сказала молодая женщина, о ея руку: — онъ подумаетъ, что я ихъ прочла.

— Вы правы, но не вамъ отдавать ихъ; я возьму это н

Съ этими словами, м-мъ де Гордань положила письма въ посадила графиню подлѣ себя, взяла ее за руки и долго го ней, давая ей материнскіе совѣты съ удивительнымъ крас женщины, говорящей о сердечномъ чувствѣ; краснорѣч маркизы увѣнчалось въ эту минуту полнымъ успѣхомъ.

— Поѣдемъ въ нашу деревню, сказала Флавія, подъ своихъ чувствъ. — Парижъ мнѣ ненавистенъ, жизнь въ

развлеченій и обмана. Мнѣ нужны покой и уединеніе; мнѣ кажется, что мнѣ тамъ хорошо, вдали отъ свѣтскаго вихря, въ кругу своихъ, между отцомъ, вами, Максимомъ, который меня истинно любитъ. Уѣдемъ отсюда, я васъ умоляю о томъ.

— Если вы этого требуете, мы поѣдемъ, сказала маркиза: — тѣмъ болѣе обрадованная, что это была ея постоянная мысль, которую она до того не смѣла высказать.

ГЛАВА VII.

Въ этотъ самый день Максимъ Люскуръ, вопреки регулярнымъ своимъ привычкамъ, заставилъ себя ждать къ обѣду. Онъ наконецъ пришелъ, подъ вліяніемъ назидательной проповѣди аббата Ликордера. Сѣвши за столъ, онъ, какъ всѣ односторонніе умы, старался передать своему семейству тѣ впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ самъ находился. Вопре слушалъ рѣчь зятя, съ терпѣніемъ человѣка, который ѣстъ съ апетитомъ; Флавія слушала съ нѣкоторымъ вниманіемъ; м-мъ де Гордонъ можетъ быть въ первый разъ смотрѣла на сына не съ обычною ей снисходительностью. Невольно увлеченная свѣтскими мыслями, которыя родились въ ея головѣ, вслѣдствіе событій послѣднихъ двухъ дней, маркиза почувствовала, какъ завѣса упала съ ея глазъ. Несмотря на материнское самолюбіе, она, до сихъ поръ ослѣпленная, невольно замѣтила, что длинный сюртукъ Максима, бѣлый его галстухъ, длинные и висячіе его волосы далеко не пристали свѣтскому человѣку; она поняла въ эту минуту, какъ много сынъ ея терялъ въ сравненіи съ блестящимъ виконтомъ де Шуази.

— Онъ никогда не кончитъ, подумала она. — Какая страсть къ спору, въ то время, какъ всѣ съ нимъ согласны. Ему бы слѣдовало быть любезнымъ съ женой, а онъ и не замѣчаетъ, какъ онъ ей надоѣдаетъ. Нужно сознаться, что онъ сегодня прескученъ! Правда, что матери ослѣплены любовью къ дѣтямъ; я никогда такъ не замѣчала, какъ теперь, какъ много недостаетъ моему бѣдному Максиму. Умъ его возвышенный, сердце доброе, характеръ его отличается прямотою, правила его непоколебимы, но наружная форма.... Если бы Максимъ соединялъ съ прекрасными его качествами тѣ свѣтскія достоинства, которыя Шуази такъ во зло употребляетъ, Флавія обожала бы его.

М-мъ де Гордонъ съ нетерпѣніемъ встала и тѣмъ прервала безконечную рѣчь сына.

На другой день, по приглашенію м-мъ де Гордань, пошелъ въ комнату матери.

— Мы вчера рѣшили, сказала она ему:—что вмѣст ѣхать въ М-мъ Селъ, мы уѣдемъ къ себѣ въ деревни баловъ устала; а мнѣ самой парижская жизнь не годит на дняхъ, а можетъ быть и сегодня.

— Нельзя ли сегодня отправиться? сказалъ Максим голосомъ: — мнѣ такъ хочется возвратиться въ нашъ ва вести нашу тихую и скромную жизнь. Парижскій ш согласуется съ моими вкусами и привычками, что я отсюда уѣхать.

— Ты долженъ однако остаться здѣсь еще нѣсколь

— Неужели я не ѣду съ вами? спросилъ изумленны

Ты забываешь нашу тяжбу.

— Но ее рѣшатъ не раньше, какъ черезъ шесть не

— Да; но въ промежуткахъ этого времени ты рять съ нашимъ адвокатомъ, видаться съ судьями. В симъ, что ты теперь управляешь нашими дѣлами. Те остаться въ Парижѣ, до рѣшенія суда.

— И я останусь, если вамъ это угодно, отвѣчалъ сынъ: — но я васъ увѣряю, что это будетъ для меня жертвованіе. Что я буду дѣлать здѣсь одинъ безъ васъ

— Неужели ты не найдешь возможности провести вольствіемъ?

— Я васъ увѣряю, что я чаще буду посѣщать пу библіотеку, чѣмъ свѣтскія гостиныя.

— Послушай, Максимъ, ты уже слишкомъ учен тебѣ сообщить придуманный мною планъ на-счетъ т тельнаго образованія; къ изученію этихъ новыхъ и дыхъ для тебя предметовъ, я надѣюсь, что ты прило стараніе.

— Вы знаете, любезная матушка, что вы мой ру всемъ.

— Я желала бы, чтобъ ты довершилъ свое воспита ченное во многихъ отношеніяхъ, изученіемъ верховой ѣ фехтованія, танцевъ....

— Фехтованіе, танцы? сказалъ Максимъ съ удивл

— Ты понимаешь, что́ я не хочу, чтобъ ты дралея танцовалъ на балахъ. Но всѣ эти упражненія, невинныя укрѣпляютъ здоровье, развиваютъ силы и придаютъ тѣла непринужденность, ловкость.

— Итакъ, вы находите, что я очень неловокъ? спросилъ молодой человѣкъ, кусая губы.

— Между неловкостью и непринужденными ловкими манерами много оттѣнковъ; и я тебѣ признаюсь, что я очень буду рада, когда увижу успѣхи твои на этомъ новомъ поприщѣ.

— Пусть другіе говорятъ, что я не обтесанъ и неловокъ, мнѣ все равно; но ваши сужденія для меня святы. И если это вамъ нравится, я вамъ обѣщаю чрезъ нѣсколько времени фехтовать, танцовать, по первому востребованію.

— Перейдемъ къ туалету твоему: гдѣ ты выбиралъ портного? онъ, кажется, взялъ мѣрку твоего платья съ Бопре.

— Я удивляюсь, любезная матушка; вы никогда такъ не занимались моимъ туалетомъ, какъ сегодня, отвѣчалъ Максимъ, посмотрѣвъ на сюртукъ свой, который отличался широкимъ покроемъ. Не сдѣлаться же мнѣ фатомъ.

— Дѣло не въ томъ, чтобы сдѣлаться фатомъ, но пріобрѣсти нѣкоторыя поверхностныя качества свѣтскаго человѣка, которыя необходимы для тебя. И я полагаю, что можно жить неукоризненно и носить платье краснваго покроя. Въ прежнія времена, молодой человѣкъ, при вступленіи въ свѣтъ, бралъ себѣ за-образецъ человѣка съ изящными свѣтскими манерами и старался ему подражать. Я не вижу, почему ты не послѣдовалъ бы ихъ примѣру? Изъ числа твоихъ знакомыхъ трое или четверо могутъ тебѣ на этотъ счетъ дать совѣты прекрасные. Напримѣръ Шуази. Я не говорю здѣсь о его характерѣ, который я не очень уважаю.

— Я васъ могу увѣрить, что Шуази дурно судятъ, отвѣчалъ наивно Максимъ: — что́ же касается до меня, онъ былъ всегда со мною любезенъ и въ высшей степени деликатенъ; не раздѣляя можетъ быть во многомъ моихъ мыслей, онъ ихъ тѣмъ не менѣе уважаетъ. Прошедшую пятницу, напримѣръ, за обѣдомъ, зная мои привычки, онъ заказалъ столъ постный. Я ему благодаренъ за это уваженіе къ моимъ убѣжденіямъ.

— Я желаю вообще, сказала маркиза:—чтобы въ наше отсутствіе ты посѣщалъ общество молодыхъ людей чаще прежняго. Однимъ словомъ, я хочу, чтобы по возвращеніи твоемъ къ намъ въ деревню, ты насъ удивилъ твоимъ превращеніемъ; это тѣмъ болѣе необходимо, что я увѣрена, что это чрезвычайно понравится Флавіи.

— Изъ всего этого я долженъ заключить, что и вы и жена моя находите меня далеко непривлекательнымъ, отвѣчалъ Максимъ, съ тайной досадой. Впрочемъ, я всегда старался вамъ нравиться и въ этомъ случаѣ употреблю всѣ старанія, чтобы исправить мои недостатки.

Маркиза замѣтила неудовольствіе сына, съ радостью тѣмъ съ безпокойствомъ.

— Онъ задѣтъ за-живое, подумала она: — я вижу лучшее воспитаніе ничто передъ затронутымъ самолюбі дай только Богъ, чтобъ онъ не зашелъ слишкомъ далеко

ГЛАВА VIII.

На другой день, м-мъ де Гордань съ невѣсткой, въ со г. Бопре, уѣхала изъ Парижа.

Нѣсколько часовъ спустя, Люскуръ пришелъ къ Шу

— Вы видите передъ собою круглаго сироту, сказалъ развязнѣе обыкновеннаго, потому-что совѣты матери уму его новое направленіе.

Узнавъ объ отъѣздѣ тещи и невѣстки, Шуази съ тр шелъ въ себя отъ удивленія.

— Вотъ бумаги, относительно извѣстнаго вамъ дѣла, к тушка поручила мнѣ вамъ передать, продолжалъ Люскур изъ кармана тщательно запечатанный пакетъ.

Шуази разорвалъ небрежно конвертъ. Между различ выми бумагами, онъ замѣтилъ пакетъ менѣе другихъ, н было написано немного дрожащею рукою: «Письма, читан «маркизою Гордань и отосланныя ею къ виконту де Шуаз «пойметъ, какъ смѣшна была бы дальнѣйшая переписка, «только на потѣху старухѣ».

Сорока-лѣтній волокита прочелъ два раза эту надпис бенѣніи.

— Позвольте положить эти бумаги ко мнѣ въ столъ, с Люскуру, стараясь прійти въ себя; и съ этимъ словомъ о въ спальню и, въ бѣшенствѣ сорвавъ печать съ насмѣшли ски, досталъ письма.... Держа ихъ въ рукѣ, онъ вз зеркало и лицо его такъ показалось ему смѣшнымъ, что с засмѣялся.

— Въ-самомъ-дѣлѣ пресмѣшно, сказалъ онъ про себ женѣ. Теща читаетъ письма. Мужъ мнѣ ихъ приноситъ, н вая, въ чемъ состоитъ порученіе. Нечего сказать, старая преумная женщина. Но какъ попали къ ней эти записки? Фиия ихъ отдала? — непонятно: — я о ней возъим высокое понятіе послѣ того, какъ она съ такой быстрото ловкостью закрыла ногой упавшее на полъ письмо. Итак женъ сознаться, что я разбитъ на-голову. Я воображаю,

руха надо мною смѣется. Но я еще и не думаю сдаваться. И не изъ такихъ отчаянныхъ сраженій случалось выходить побѣдителемъ.

По выходѣ Шуази изъ кабинета, Максимъ сообщилъ ему, что онъ принужденъ остаться въ Парижѣ по дѣламъ еще на два мѣсяца. Слова эти родили въ головѣ Шуази макіавелическую мысль.

— Старуха эта мой злой геній, подумалъ онъ: — она все видитъ, все понимаетъ; до тѣхъ поръ, пока Флавія останется подъ ея вліяніемъ, мнѣ никогда ничто не удастся; пора ей сложить съ себя власть. Графиня давно желаетъ освободиться отъ ея вліянія, остается имѣть на нашей сторонѣ мужа. Случай самый благопріятный. Безъотвѣтное послушаніе Люскура—неминуемое слѣдствіе его воспитанія. Въ два-три мѣсяца, мы постараемся его исправить. Сложивъ съ себя иго матери, онъ попадетъ подъ власть жены. Графиня, любя Парижъ, поселится въ немъ, а старуха будетъ жить въ деревнѣ. Съ того времени какъ мнѣ удастся удалить старуху и имѣть дѣло съ добродѣтелью жены и умомъ мужа, я заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ.

На другой день, обдумавъ планъ свой, Шуази явился къ графу Люскуру.

— Со вчерашняго дня я придумалъ очень мудрую вещь, сказалъ онъ ему: — ваше семейство уѣхало; что вамъ оставаться въ этомъ домѣ одному! вамъ это очень дорого обходится; да притомъ грустно жить въ комнатахъ, по отъѣздѣ любимыхъ особъ. Переѣзжайте попросту ко мнѣ; въ моей квартирѣ много комнатъ, и у васъ будетъ то преимущество, что вы не будете одни. Мои друзья Вилларе, Марсене и другіе далеко нескучная молодежь. Впрочемъ вы будете какъ у себя и отъ васъ будетъ зависѣть располагать собою какъ вамъ заблагоразсудится.

— Я увѣренъ, подумалъ Максимъ:—что мать моя и Шуази вдвоемъ это придумали къ успѣшнѣйшему моему свѣтскому воспитанію. Не вижу причинъ отказаться отъ такого любезнаго предложенія.

Люскуръ на другой день поселился у виконта. По странному стеченію обстоятельствъ, два непримиримые врага, маркиза и Шуази, набрали одинъ путь, хотя цѣли ихъ были крайне противоположны. Максимъ повиновался съ перваго раза данному ему направленію, потому-что послѣднія слова матери произвели на него впечатлѣніе, которое уже глубоко въ немъ вкоренилось, со времени отъѣзда семейства его. Самолюбіе его было обижено; онъ вообразилъ себѣ, что если любящая его мать находила въ немъ недостатки, то эти недостатки легко могли назваться пороками; эта мысль его тѣмъ болѣе огорчила, что онъ подумалъ, что и жена его быть можетъ одинаковаго съ ней мнѣнія.

— Я въ-самомъ-дѣлѣ предурно одѣтъ, сказалъ онъ взглянувъ въ зеркало.

На другой день, за завтракомъ, онъ сказалъ Шуазн душнымъ видомъ :

— Укажите мнѣ на вашего портного. Я своимъ недово

— Первый шагъ сдѣланъ, подумалъ Шуазн. — Мы если хотите, вмѣстѣ, я свезу васъ къ нему.

— Если вы такъ любезны, скажите мнѣ, гдѣ можно н шій манежъ? я хочу взять нѣсколько уроковъ верховой ѣз мнѣ было совѣстно рядомъ съ вами ѣхать по бульвару.

— Хорошо, мы проѣдемъ по улицѣ Каде.

— Не правда ли, Гризье, если я не ошибаюсь, лучшій ный учитель въ Парижѣ?

Послѣ этого вопроса, Шуазн нѣсколько времени не от

— Для меня необходимо, чтобы онъ зналъ при случ на шпагахъ; я не хочу походить на этихъ осторожныхъ с лей, которые, прежде нежели ухаживать за женою, освѣдо храбрости или трусости мужа.

Итакъ, съ перваго же дня началось превращеніе Люску тораго маркиза и виконтъ ждали такихъ противоположны ствій. Самолюбіе побудило его сдѣлать первый шагъ на вомъ поприщѣ; самолюбіе же измѣнило его во многомъ, и обращать вниманіе на то, что̀ до того считалъ недостойн Невольно сталъ онъ замѣчать съ особеннымъ удовольст наружности его придавали особенную прелесть ловкія щеголеватый покрой платья. Мало-по-малу усовершенство ского его образованія, общество молодыхъ людей, средм онъ постоянно жилъ, дали уму его другое направленіе и ригоризмъ домашняго его воспитанія.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, онъ очутился въ ложѣ, самъ не давая себѣ отчета, какъ онъ̀ туда попалъ. На во конта, что̀ его болѣе всего поражаетъ, «себя здѣсь видѣть», онъ, пародируя отвѣтъ венеціянскаго дожа.

Нѣсколько дней спустя, на балѣ, который давалъ Вил слѣдній представилъ его хорошенькой женщинѣ, которая его, вальсируетъ ли онъ?

Послѣ минутной борьбы самолюбія съ ригоризмомъ, п ло верхъ, и онъ пошелъ вальсировать. Восхищенный свои гомъ, онъ цѣлый день мечталъ о вальсѣ и о прекрасныхъ глазахъ вальсёрки. Тутъ же онъ вспомнилъ, что она ему быть у нея.

Сдѣланъ ли былъ имъ визитъ, продолжались ли послѣ того посѣщенія, послужило ли это въ пользу окончательнаго преобразованія добродѣтельнаго молодого человѣка, этого мы рѣшить не можемъ.

Люскуръ жилъ уже три мѣсяца у виконта и былъ съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Дѣло его было кончено; прошли три недѣли, а онъ и не думалъ ѣхать въ деревню и въ письмахъ къ матери и женѣ находилъ всегда предлогъ оставаться въ Парижѣ.

Въ одно утро, м-мъ де Гордань, получивъ по почтѣ раздушенное письмо сына, въ тотъ же вечеръ отвѣчала ему, что важныя семейныя обстоятельства требуютъ немедленнаго его возвращенія въ деревню.

ГЛАВА IX.

Въ одинъ прекрасный іюльскій день, почтовая карета быстро въѣхала на дворъ деревяннаго дома, гдѣ проходили въ это время маркиза съ невѣсткой. При видѣ Шуази, который первый вышелъ изъ кареты, обѣ женщины остолбенѣли отъ удивленія; за нимъ вышелъ Максимъ, котораго рѣшительно нельзя было узнать. Коротkій дорожный сюртукъ обрисовывалъ его талію; шейный черный платокъ завязанъ былъ съ рѣдкимъ искусствомъ; бѣлокурые волоса, завитые по послѣдней модѣ, обрисовывали высокій его лобъ; глаза его, прежде вялые, блестѣли яркимъ свѣтомъ. Молодой человѣкъ ловко прыгнулъ на-земь и бросился въ объятія матери, которую нѣжно поцаловалъ. Когда пришла очередь Флавіи, онъ такъ крѣпко прижалъ ее къ груди своей, что молодая женщина отступила, вся покраснѣвъ.

М-мъ де Гордань забыла присутствіе Шуази и жадно, съ материнскою нѣжностью, къ которой примѣшивался нѣкотораго рода страхъ, смотрѣла на сына, невольно любуясь имъ.

Въ продолженіи дня, Максимъ, къ удивленію своего семейства, говорилъ свободно, непринужденно, разсказывалъ парижскія новости, толковалъ о политикѣ, о литературѣ, коснулся модъ, конскихъ скачекъ. Слушая его, маркиза задумывалась; Флавія слушала его съ непривычнымъ ей вниманіемъ; Бопре, при каждой остроумной выходкѣ зятя, потиралъ себѣ руки съ довольнымъ видомъ. Шуази смотрѣлъ лукаво на присутствующихъ, въ полной надеждѣ, что они всѣ будутъ служить ему орудіемъ къ достиженію цѣли.

Послѣ обѣда, проливной дождь помѣшалъ гулянью; Бопре предложилъ виконту партію на бильярдѣ. Чрезъ нѣсколько времени Люскуру удалось выиграть у него двѣ партіи.

— Я вижу, сказалъ ему Бопре: — что вы даромъ не времени въ Парижѣ; вы пріобрѣли бы полное мое уваженіе умѣли драться на рапирахъ.

— Попробуемъ, сказалъ Люскуръ.

Тесть и зять надѣли маски, перчатки и взяли каждый р руку.

На этотъ разъ молодой человѣкъ былъ побѣжденъ ста летомъ, но, не-смотря на это, дрался съ такимъ искусст Бопре, снявъ маску, сказалъ своему противнику: послѣ сра луются. Тесть съ зятемъ дружески поцаловались.

— Недурно, продолжалъ Бопре: — въ три мѣсяца вы удивительные успѣхи. Честь вамъ и слава. Не находишь л твой мужъ перемѣнился къ лучшему и сдѣлался чрезвыча спросилъ Бопре, обращаясь къ дочери, которая съ любовь ла на пріятное лицо Люскура, оживленное румянцемъ.

Съ самого пріѣзда, Шуази обхожденіемъ съ маркизой кой ея далъ имъ замѣтить, что онъ проситъ забыть про вечеромъ глаза его искали въ глазахъ Флавіи участія, кот имѣлъ право требовать тому три мѣсяца. Молодая женщин всячески взгляда виконта.

Люскуръ, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ, съ ствомъ глядѣлъ на эту нѣмую, но выразительную сцену. день, взявъ сорока-лѣтняго волокиту въ сторону,

— Любезный другъ, сказалъ онъ ему, съ холодной у я такъ одолженъ вамъ за тѣ уроки, которые вы мнѣ дава не знаю чѣмъ изъявить вамъ мою благодарность.

— Вы смѣетесь, сказалъ Шуази: — вы мнѣ ничего не

— Болѣе чѣмъ вы думаете. Я вамъ одолженъ зорки домъ. Доказательствомъ тому служитъ то, что я вчера в сегодня утромъ замѣтилъ, что вы преслѣдуете мою жену которые не допускаются свѣтскими правилами.

— Змѣя, которую я согрѣлъ на груди моей, подумалъ

— Послушайте, сказалъ Люскуръ: — я согласенъ, что гу у васъ; сознайтесь, что уплата долга мнѣ не можетъ сердцу. Жена моя разсказала мнѣ нѣкоторыя обстоятель рыя мы постараемся забыть; и потому останемся друзья условіемъ, чтобы вы обратились съ вашей страстью къ др лѣе достойному предмету.

Немедленно по окончаніи непріятнаго для него разгов жемъ, Шуази встрѣтился съ тещей.

— У меня есть просьба къ вамъ, сказала она ему. Мо взять на себя исполнить нѣкоторыя порученія мои въ Пар

— Эти порученія, я полагаю, не требуютъ отлагательства? сухо спросилъ Шуази.

— Да. Я вамъ очень буду благодарна за исполненіе ихъ. Я забыла еще заявить вамъ всю мою признательность, продолжала маркиза: — вы говорили въ свѣтѣ, что хотите довершить воспитаніе графини Люскуръ. Видя невозможность въ томъ успѣть, вы рѣшились дать нѣсколько хорошихъ совѣтовъ сыну моему. Я надѣюсь, что вы имъ довольны; не правда ли, онъ сдѣлалъ большіе успѣхи? мнѣнія всѣхъ насъ на этотъ счетъ совершенно согласны; вы должны гордиться вашимъ ученикомъ.

— Ваши порученія исполнены будутъ завтра, сказалъ хладнокровно Шуази: — я намѣренъ сегодня же вечеромъ отправиться въ Парижъ; что же касается до признательности вашей, я сознаюсь, что вы мнѣ во многомъ одолжены.

— Объясните мнѣ вашу мысль; она должна быть чрезвычайно оригинальна.

— Я увѣренъ, что вы меня поймете, отвѣчалъ Шуази, подумавъ немного: — вотъ она: я давно уже потерялъ надежду нравиться графинѣ Люскуръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ, чтобы и другой питалъ надежду, по моему убѣжденію, несбыточную. Свѣтская опытность, которую пріобрѣлъ мужъ ея въ моемъ обществѣ, будетъ вамъ порукою, что сынъ вашъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ графинѣ удалитъ отъ нея обожателей, которые, подобно мнѣ, расчитывали бы на его неопытность.

БОРНЕО И САРАВАКСКІЙ РАДЖА МИСТЕРЪ БРУКЪ.

Посѣщеніе Англіи саравакскимъ раджею, или правителемъ, мистеромъ Брукомъ, принятымъ королевою, правительствомъ и всѣми значительными лицами Лондона съ знаками особеннаго уваженія, обратило вниманіе англичанъ и другихъ европейцевъ на островъ Борнео, между туземцами котораго отважный англичанинъ основалъ свое хотя странное, но мирное и прочное владычество. Во время пребыванія своего въ Лондонѣ раджа Брукъ сообщилъ множество разнообразныхъ свѣдѣній объ огромномъ индѣйскомъ островѣ, столь мало извѣстномъ въ Европѣ, и, конечно, никто не могъ собрать лучшихъ, полнѣйшихъ и основательнѣйшихъ данныхъ объ этой любопытной странѣ. Эти интересныя извѣстія собраны и
полнены однимъ изъ спутниковъ и друзей нашего
ченій, г. Ю Лоу *(Hugh Low)* и изложены въ се
недавно вышедшемъ въ свѣтъ въ Лондонѣ. Мы

нашимъ читателямъ извлеченіе изъ замѣчательнѣйшихъ и
го сочиненія, начавъ предварительно съ біографіи предпр
британца, который изъ искателя приключеній очутился ч
рѣдѣ маленькаго короля.

Брукъ родился 29 апрѣля 1803 г. въ Кумбъ Гровѣ, бл
онъ былъ второй сынъ Томаса Брука, долгое время сл
Остъ-Индской компаніи въ гражданскихъ должностяхъ.
Бруковъ весьма древняя, и одинъ изъ ихъ предковъ, сэр
Вейнерсъ (*Sir Robert Viners*), былъ лордомъ-меромъ Лон
царствованіе Карла II. Отецъ молодого Брука съ малолѣтс
назначалъ его въ военную службу Остъ-Индской компан
ему соотвѣтственное воспитаніе. Почти ребенкомъ отправи
герой въ Индію и началъ военную службу свою кадетомъ.
годы его дѣятельной жизни протекли въ Бенгаліи, гдѣ онъ
довольно-значительный постъ; впослѣдствіи же, когда во
бирманская война, отправился онъ съ полкомъ своимъ въ
Здѣсь, за блестящую его храбрость въ сраженіяхъ, удосто
объявленія публичной благодарности остъ-индскаго прави
но такъ-какъ онъ получилъ рану въ грудь, повредившую
для излеченія ея врачи признали необходимымъ воздухъ
то молодой герой долженъ былъ отправиться въ Европу.

Возвратясь подъ отеческій кровъ, онъ на-досугѣ сталъ
ниматься науками и довольно основательно изучилъ нѣкот
новѣйшихъ языковъ. Приготовившись такимъ образомъ, о
принялъ путешествіе по Франціи, Швейцаріи и Италіи, дос
ему много удовольствія и пользы.

Но время окончанія его отпуска приближалось, и надо
обратно спѣшить въ Индію; онъ сѣлъ на корабль, но подви
далеко впередъ, потому-что судно разбилось у острова Уайта
Это причинило ему такую невозвратную потерю времени, ч
онъ прибылъ въ Мадрасъ, то срокъ его отпуска давно уже п
и мѣсто его было уже занято другимъ. Для возвращенія по
го должно было начать продолжительную и непріятную пе
съ англійскимъ правительствомъ; Брукъ не хотѣлъ на это р
взялъ чистую отставку и собрался ѣхать въ Китай.

Это былъ самый рѣшительный шагъ молодыхъ лѣтъ Бр
скаясь въ это путешествіе, онъ впервые увидѣлъ острова
скаго архипелага, исполненные неописанной прелести и вм
въ себѣ самыя разнообразныя сокровища природы; тогда ж
у него въ сердцѣ непремѣнное желаніе посѣтить ихъ и насл
въ разныхъ отношеніяхъ. Эта мысль еще больше утверди
немъ, когда онъ познакомился въ Кантонѣ съ многоразл

произведеніями этого архипелага. Одушевленный твердою волею привести задуманное въ исполненіе, онъ возвратился въ Европу, нашелъ себѣ товарища, съ которымъ, вооруживъ на собственный счетъ корабль, пустился въ Китайское море; но многочисленныя, непредвидѣнныя и неодолимыя препятствія заставили Брука отказаться на этотъ разъ отъ успѣха своего предпріятія. Онъ призналъ невозможность дѣйствовать въ соединеніи съ компаньономъ и возвратился въ Европу выжидать другого, удобнѣйшаго случая.

Отецъ Брука скончался въ 1838 году, оставивъ сыну (старшій братъ Брука между тѣмъ умеръ) значительное состояніе. Въ октябрѣ того же года, восемь лѣтъ спустя, послѣ перваго своего путешествія въ Китай, нашъ искатель приключеній оставилъ опять Англію, на собственной яхтѣ «Ройялистъ», превосходной шкунѣ въ 142 тонна, снабженной отборнымъ экипажемъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ двадцати человѣкъ. Для испытанія людей и хода судна, онъ сдѣлалъ предварительную пробную поѣздку въ Средиземное море.

Прибывъ въ Сингапуръ и проживъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ, Брукъ рѣшился измѣнить первоначальный планъ своихъ изслѣдованій и ограничить первыя свои изысканія сѣверо-западнымъ берегомъ Борнео. Онъ зналъ, что часть острова, составляющая собственно Борнейское королевство, находится подъ управленіемъ раджи Муда Хассима, благороднаго, человѣколюбиваго и благосклоннаго къ англичанамъ правителя, который временно пребывалъ тогда въ Саравакѣ, куда принужденъ былъ удалиться по причинѣ возмущенія, вспыхнувшаго въ столицѣ его владѣній. Запасшись подарками, обезпечивавшими ему хорошій пріемъ раджи, поплылъ мистеръ Брукъ чрезъ Малакскій проливъ къ Борнео, въѣхалъ 15 августа 1839 г. въ устье рѣки Саравака и бросилъ якорь подлѣ самого города.

Раджа принялъ нашего путешественника необыкновенно благосклонно и вѣжливо. Вскорѣ убѣдился Брукъ, что возмущеніе, которое раджа считалъ въ началѣ неопаснымъ, достигло уже значительнаго развитія и что Муда Хассимъ очень радъ пребыванію при своемъ дворѣ такого гостя, дабы устрашить мятежниковъ видомъ дружескихъ своихъ сношеній съ англичанами. Раджа старался предупреждать всякое желаніе Брука и съ удовольствіемъ далъ ему позволеніе объѣхать часть его владѣній; этимъ воспользовался предпріимчивый путешественникъ для посѣщенія различныхъ даякскихъ племенъ, населяющихъ ту часть Борнео.

Возвратясь изъ экскурсіи въ Саравакъ, Брукъ имѣлъ частыя совѣщанія съ раджою о заведеніи торговыхъ сношеній между Сингапуромъ и Саравакомъ. Раджа желалъ этого всею душою, и скоро

Брукъ дружески простившись съ нимъ, поплылъ обратно в
пуръ съ письмами къ главнѣйшимъ тамошнимъ торговым
рамъ и спискомъ товаровъ, составляющихъ предметъ ввоза
саравакскихъ владѣній.

Въ августѣ 1840 года, мистеръ Брукъ совершилъ вторую
ку въ Саравакъ. Тамъ по-прежнему свирѣпствовала между
война, и Муда Хассимъ, видя, что онъ не можетъ предпринять
рѣшительнаго безъ помощи нашего англичанина, рѣшился
титься къ нему съ просьбою о пособіи. Послѣ многократны
жденій, Брукъ взялся за это дѣло и уговорилъ мятежнико
риться раджѣ, угрожая имъ, въ противномъ случаѣ, оруж
гличанъ; онъ обѣщалъ, впрочемъ, именемъ раджи, что бун
будутъ пощажены, и потомъ на-силу могъ убѣдить этого п
сдержать обѣщаніе, данное отъ его имени.

Между тѣмъ Муда Хассимъ, утомленный заботами пра
междоусобицею, рѣшился оставить верховную власть и пер
своему другу и союзнику. Договоръ былъ торжественно по
обѣими сторонами, и мистеръ Брукъ сѣлъ на саравакскій
24 сентября 1840 года.

Нѣсколько мѣсяцевъ протекло въ тяжелыхъ трудахъ но
жи, клонившихся къ утвержденію его власти. Но такъ-как
вакъ признаетъ себя данникомъ султана Борнео, или Бру
Брукъ, желая избѣгнуть всѣхъ возможныхъ предлоговъ къ
усобію, отправился вмѣстѣ съ Муда Хассимомъ въ столицу
гдѣ безъ особеннаго труда выхлопоталъ себѣ инвеституру.
тясь въ Саравакъ, онъ привелъ всѣ дѣла въ такой порядо
почелъ возможнымъ покинуть на-время свое владѣніе и с
въ Сингапуръ. О причинахъ этого путешествія онъ самъ г
въ своемъ дневникѣ: «Множество причинъ влекли меня въ
«пуръ, потому-что для добра, которое я намѣревался сдѣлать
«мнѣ было пріобрѣсти много новыхъ друзей. Теперешнее вр
«такой поѣзки самое благопріятное во всѣхъ отношеніяхъ. Д
«тому назадъ покинулъ я Сингапуръ и вмѣстѣ съ тѣмъ циви
«ванное общество; потомъ былъ постоянно далекъ отъ своег
«зованнаго міра и хотя служилъ человѣчеству въ мирѣ и по
«но душа тосковала во мракѣ непросвѣщенія.» 8 февраля 18
Брукъ пустился въ Сингапуръ.

Англо-китайская война между тѣмъ кончилась, и сэръ У
Паркеръ отрядилъ капитана Кеппеля съ кораблемъ *Дидона*,
кровительства англійской торговли и прекращенія морскихъ
никовъ въ Малакскомъ проливѣ. Берега Борнео находились в
дѣйствій капитана Кеппеля, и онъ, познакомившись въ Син

съ раджою Брукомъ, отвезъ его въ Саравакъ на Дидонѣ. Брукъ сталъ усердно помогать Кеппелю въ укрощеніи морскихъ разбойниковъ близъ Борнео; много добраго и славнаго сдѣлали они въ теченіи слишкомъ года, по августъ 1844 г., когда Кеппеля отозвали въ Англію. Вотъ что говоритъ по этому случаю мистеръ Брукъ въ своемъ дневникѣ: «Скучно и одиноко стало мнѣ послѣ отплытія Дидоны, потому-что капитанъ Кеппель былъ мнѣ истиннымъ товарищемъ и другомъ; мы совершенно сошлись въ планѣ уничтоженія морскихъ разбоевъ, и онъ до того усвоилъ идеи мои по этому предмету, что я едва надѣюсь, чтобы нашелся другой, который бы сталъ дѣйствовать съ такою рѣшительностью и энергіею. Храбрые моряки Дидоны, лучшей защиты и помощи, какъ отъ васъ, не желалъ бы я въ жизни!»

Вскорѣ послѣ отплытія Кеппеля прибыли для обозрѣнія острова Лабуана корабли *Самарангъ* и *Флегетонъ*; впослѣдствіи этотъ островъ былъ взятъ во владѣніе англичанами, которые устроиваютъ на немъ колонію.

Въ февралѣ 1845 года явился предъ Саравакомъ корабль *Дриверъ*, подъ командою капитана Бетьюна *(Bethune)*; онъ привезъ съ собою письмо, въ которомъ лордъ Абердинъ просилъ мистера Брука принять на себя званіе полномочнаго агента англійской королевы на цѣломъ полуостровѣ Борнео. Къ этому письму приложены были депеши къ Муда Хассиму и борнейскому султану, съ требованіями англійскаго правительства оказать зависящее со стороны этихъ владѣтелей содѣйствіе къ истребленію морскихъ разбойниковъ. Брукъ и Бетьюнъ немедля отправились въ столицу Борнео (Бруни), гдѣ, при громѣ орудій и посреди другихъ торжественностей, султанъ принялъ письмо англійскаго правительства. Онъ отвѣчалъ, что готовъ во всемъ содѣйствовать англичанамъ, что очень желаетъ видѣть ихъ вблизи себя и спрашивалъ, намѣрены ли они взять въ свое владѣніе островъ Лабуанъ?

Въ это время дошли до Брука слухи, что нѣкоторые изъ страшнѣйшихъ морскихъ разбойниковъ затѣваютъ недобрыя дѣла въ большомъ видѣ; тотчасъ же отправился онъ въ Сингапуръ для личнаго совѣщанія съ адмираломъ сэромъ Томасомъ Кокреномъ *(Sir Thomas Cochrane)*. Храбрый морякъ взялъ 7 кораблей и вмѣстѣ съ мистеромъ Брукомъ отправился къ Борнео, гдѣ, послѣ многихъ переговоровъ съ султаномъ и Муда Хассимомъ, напалъ на морскихъ разбойниковъ, которыхъ разбилъ на-голову, потерпѣвъ, впрочемъ, самъ чувствительныя потери. Все покорилось оружію англичанъ и другу ихъ Муда Хассиму; раджа Брукъ возвратился въ Саравакъ, какъ торжествующій побѣдитель.

Едва минули празднества тріумфа, какъ вдругъ открыло
султанъ, котораго всѣ считали слабоумнымъ и ничтожны
ловѣкомъ, измѣнилъ англичанамъ, старался имъ вредить и н
тайно умертвилъ Муда Хассима и прочихъ друзей англича
еще подкупилъ какого-то негодяя отравить или другимъ изв
скимъ образомъ убить Брука. Какъ-скоро вѣсть объ этой
дошла до сэра Кокрена, то адмиралъ ни мало не медля и несм
извинительное письмо султана, рѣшился его наказать.
ская эскадра тотчасъ приплыла къ Борнео и поднялась
до столицы султана, несмотря на баттареи и сильныя укр
защищавшія входъ въ рѣку; но, подойдя къ городу, увидѣ
онъ пустъ и султанъ со всѣми жителями бѣжалъ внутрь стр
дня черезъ два успокоенные жители стали вновь возвраща
городъ, и англійскій адмиралъ послалъ чрезъ градоначальник
прокламацію къ султану; въ ней напоминалъ онъ ему его
нія и полную зависимость его отъ воли адмирала, въ рукахъ
раго находятся всѣ средства къ наказанію измѣнника; прок
оканчивалась объявленіемъ, что при малѣйшей вторичной п
къ измѣнѣ или недоброжелательству противу англичанъ, су
вся его столица будутъ наказаны самымъ ужаснымъ образо
питанъ Мунди былъ оставленъ здѣсь сэромъ Кокреномъ для
нія предпринятыхъ распоряженій, согласно обстоятельствам

Мунди вмѣстѣ съ Брукомъ сдѣлали нѣсколько сильныхъ
стливыхъ демонстрацій противъ морскихъ разбойниковъ, пос
Брукъ, по порученію адмирала, отправился въ Бруни, усмир
покорныхъ и все привелъ въ порядокъ и спокойствіе. Возвр
обратно въ Саравакъ, онъ взялъ съ собой сына и остальное
ство несчастно погибшаго Муда Хассима.

Наконецъ, послѣ бѣгства, продолжавшагося болѣе одного м
султану было дозволено возвратиться въ Бруни. Отсюда написа
Бруку письмо, исполненное раскаянія и обѣщаній исправиться
вѣрнымъ слугою англичанъ. Подобное же письмо отправилъ
къ королевѣ Викторіи; но, несмотря на его покорность, анг
привели его въ такое положеніе, что онъ теперь султанъ бо
титулу, чѣмъ по дѣйствительной власти.

Разсказавъ странную карьеру авантюриста, твердо сидящ
перь на саравакскомъ престолѣ и сильно покровительствуема
гліею, займемся описаніемъ самого острова, театра бруковых
виговъ; здѣсь мы обратимъ особливое вниманіе на единств
богатства этой страны, еще такъ мало доступной и извѣстной
пейскимъ ученымъ и купцамъ, и равно интересной для пер
какъ и выгодной для послѣднихъ.

Названіе *Борнео* происходитъ отъ испорченнаго слова *Бурни*, или *Бруни*; такъ называется обширное владѣніе и городъ на сѣверо-западномъ берегу, куда впервые пристали португальцы въ 1511 году, послѣ завоеванія Малакки великимъ Албукеркомъ. Рѣдко, даже почти никогда не называютъ туземцы своего острова однимъ общимъ, такъ сказать, собирательнымъ именемъ; каждая часть его носитъ у нихъ названіе могущественнѣйшаго владѣнія, въ той сторонѣ лежащаго. Такъ, напримѣръ, яванцы назвали южную часть острова *Тана Баньярмассинъ*, по имени одного малайскаго, или, скорѣе, яванскаго владѣнія, лежащаго на югѣ Борнео. Впрочемъ природные туземцы, исключая малайцевъ, живущихъ по берегамъ, не имѣютъ никакого понятія о томъ, что родная ихъ страна составляетъ островъ. Береговые же жители изъ малайцевъ, часто бывающіе на морѣ, знаютъ это обстоятельство; они называютъ свой островъ *Каламантанъ*, прибавляя слово *Тана* (земля) или *Пуно* (островъ).

Несмотря на то, что этотъ огромный островъ извѣстенъ европейцамъ съ самого начала XVI столѣтія, прошло съ его открытія довольно времени, пока основались на немъ колоніи. Удивительно, какъ португальцы, испанцы, голландцы, такъ долго споривше за торговлю пряностями Молукскихъ острововъ, не обратили вниманія своего на Борнео, естественныя богатства котораго были имъ довольно извѣстны. Только въ 1747 году основали голландцы колонію на югѣ острова, въ Баньярѣ; впрочемъ, она уступлена въ 1810 году маршаломъ Дендельсомъ (*Daendels*), генералъ губернаторомъ нидерландской Индіи, въ пользу мѣстнаго султана, заплатившаго голландцамъ за зданія и укрѣпленія 50,000 испанскихъ долларовъ. Еще въ 1687 году бантамскій султанъ уговорилъ голландцевъ напасть на Суккадану, чтобъ возстановить тамъ владычество изгнаннаго султана *Гура Лаіа*. Въ 1778 году Бантамъ уступленъ голландцамъ самимъ султаномъ, и въ томъ же году построены крѣпость и зданія факторіи, въ цвѣтущемъ малайскомъ поселеніи Понтіанакѣ. Скоро новая колонія усилилась и завоевала сосѣднія могущественныя владѣнія Маммаду и Суккадану; но, подъ гнетомъ метрополіи, понтіанакская колонія стала приходить въ упадокъ, пока наконецъ голландцы отступились отъ нея, и она снова поднялась чрезъ свободную торговлю. Однакожь, съ 1823 года Голландія опять вступила въ свои права, какъ метрополія, и съ тѣхъ поръ понтіанакская колонія опять зависитъ отъ мѣръ, предпринимаемыхъ гагскимъ кабинетомъ.

Въ 1810 году, вскорѣ по продажѣ Баньяра, послалъ тамошній султанъ посольство къ графу Минто въ Малакку, съ предложеніемъ основать въ его владѣніяхъ англійскую колонію; и въ-самомъ-дѣлѣ, послѣ завладѣнія Явою въ 1811 году, основана факторія на Борнео.

Впрочемъ, при возвращеніи Явы голландцамъ отдана имъ и
ская фактерія. Сверхъ того находится еще голландское посе
западномъ берегу въ Самбасѣ, основанное въ 1823 году и
разбойничьяго гнѣзда, разореннаго въ 1812 году анг
эскадрою. Голландцы откупили монополію торговли у за
султана. Вотъ единственныя европейскія поселенія на Борне
не считать англійской колоніи въ Брунн, основанной во пре
тіи Баламбангана и вскорѣ покинутой, по причинѣ безпок
междоусобной войны. Всѣ попытки колонизаціи на Борнес
лись, и существующія по-нынѣ голландскія поселенія едва
муютъ, принося правительству ежегодный убытокъ и нич
вознагражденные расходы.

Въ 1773 году поселились англичане на Баламбангамѣ, о
лежащемъ близъ сѣвернаго берега Борнео; первый острова
чительною полосою земли на противоположномъ берегу бы
уступленъ сулусами; но чрезъ два года эти туземцы заста
гличанъ удалиться. Въ 1803 году заведена тамъ опять ко
опять вскорѣ оставлена. Кажется, насилія самихъ европейце
главною причиною всѣхъ этихъ неудачъ.

Самый очеркъ береговъ Борнео и точное положеніе его
и заливовъ намъ неизвѣстны; но въ этомъ отношеніи много
нится вслѣдствіе недавняго путешествія сэра Бельчерса (*Belchers*) на Самарангѣ, и съемокъ, производимыхъ нынѣ на сѣ
берегу Борнео, по порученію англійскаго адмиралтейства, а
томъ Гордономъ. Только восточный берегъ останется поку
слѣдованнымъ, но и то не на-долго, потому-что поселеніе ан
на Лабуанѣ скоро разъяснитъ и его положеніе.

Борнео заключаетъ въ своей обширной площади высокіе
хребты, обширныя озера, многоводныя рѣки и простран
вины. Цѣпь горъ перерѣзываетъ островъ отъ сѣверо-вос
юго-западу, постепенно понижаясь. По наблюденіямъ лей
Гордона, высочайшій пикъ находится на сѣверо-востокѣ, г
Балу возвышается на 14,000 футовъ; въ срединѣ острова ес
въ 8,000 и 9,000 футовъ вышины; но къ юго-востоку хребе
нимается едва отъ 2,000 до 4,000 футовъ.

Кина Балу, т. е. *Китайская вдова*, есть высочайшій по-н
вѣстный пикъ на Борнео. Названіе это получилъ онъ, по д
преданію, оттого, что въ незапамятныя времена жила на эт
женщина — духъ, невообразимой красоты; но смерть опр
была каждому, кто бы осмѣлился добраться до нея. Одинъ и
принцъ рѣшился на подвигъ, достигъ вершины горы и у
объятія красавицы; но неумолимая судьба не позволила

ладиться наградою за отважность; онъ поскользнулся и, упавъ въ ропасть, ушибся до смерти. Долго потомъ плакала одинокая красавица, плѣненная мужествомъ юноши. Съ тѣхъ поръ гора, свидѣтельница этихъ происшествій, прозвана, по своей обитательницѣ, *Вдовою итайца*.

Съ горнаго хребта Борнео изливаются многочисленныя рѣки, адающія въ море. Къ с. текутъ Бруни, Реянгъ, Саребасъ, Сакаанъ и Саравакъ; къ з. исполинскія Самбасъ и Понтіанакъ; къ ю. иноговодный Баньяръ; къ ю. в. Пассиръ, а къ с. в. Коти. Мы дѣсь вычислили главнѣйшіе потоки; но существуетъ безчисленное ножество меньшихъ рѣкъ и рѣчекъ, такъ-что Борнео есть одна въ богатѣйшихъ водою странъ на земномъ шарѣ. На разстояніи ежду Бруни и Саравакомъ вливаются въ море 20 значительныхъ ѣкъ, близь устьевъ которыхъ поселились торгующіе малайцы. Бо́льшая часть нѣсколько значительныхъ рѣкъ судоходна.

По сказаніямъ туземцевъ, внутри острова находятся весьма обширныя озера. Одно изъ нихъ, *Данау Малайю*, т. е. Малайское озеро, изъ котораго вытекаетъ Понтіанакъ, было посѣщено голландскою экспедиціею, высланною въ 1823 изъ Понтіонакской колоніи. Озеро имѣетъ 25 англійскихъ миль длины, 9 миль ширины и три ажени глубины и наполнено множествомъ превосходной рыбы. Посрединѣ озера лежатъ два острова, изъ которыхъ бо́льшій названъ ъ честь барона фонъ деръ Капелена, тогдашняго генералъ-губернатора Нидерландской Индіи. Отсюда течетъ также судоходный Сарраканъ, по берегамъ котораго отъ самого его истока процвѣтаютъ алайскія поселенія, и если бы не безпрерывныя междоусобицы, то о Сарракану развилась бы обширная торговля внутреннихъ странъ ъ Саравакомъ. Близь горы Кина Балу есть также большое озеро; рочемъ, на голландскихъ картахъ означены цѣлые ряды озеръ, посѣщонныхъ ни однимъ европейцемъ, и только извѣстныхъ по азсказанъ туземцевъ.

Почва острова по берегамъ вообще низкая и волнообразная, аймленная рамою мелкаго песку и поросшая красивыми казуаринами. Низкіе берега близь рѣчныхъ устьевъ подвержены частымъ водненіямъ и красуются многочисленными, полезными своимъ сомъ, нипаховыми пальмами и мангровыми деревьями, въ тѣни торыхъ витаетъ несчетное множество москитосовъ, недозволяющихъ человѣку провести ночь посреди этихъ низменностей.

Судя по положенію Борнео между островами, на которыхъ постоянно горятъ страшные вулканы, должно бы ожидать на немъ частыхъ илетрясеній и другихъ признаковъ опаснаго сосѣдства подземнаго ня. Однакожь, на всей извѣстной части Борнео не бываетъ никогда

землетрясеній и нѣтъ ни одной огнедышащей горы; дан молчитъ о существованіи этихъ признаковъ подземной сти въ древнія времена. Тогда-какъ на Борнео земля не своего вѣчнаго покоя и внутренній ея огонь не проявля кимъ явленіемъ, Филиппинскіе острова къ сѣверу, Ява многіе другіе постоянно трясутся и освѣщаются вулка огнемъ. Понынѣ жители западнаго берега Борнео помнят мое имъ дотолѣ зрѣлище, когда въ апрѣлѣ 1815 года за верженіе Томбороссkаго вулкана на островѣ Сумбавѣ и дѣйствіе на разстояніе 800 миль до Саравака. Близъ рѣки да есть теплый минеральный ключъ; кромѣ того есть еще два минеральныхъ источника и одинъ ключъ нефти недостаточно для доказательства присутствія здѣсь вулк силъ, понынѣ дѣйствующихъ.

Борнео, подобно Лабуану, изобилуетъ каменнымъ уг лежитъ здѣсь подъ самою почвою огромными, неистощи стами и послужитъ, вѣроятно, къ развитію пароходства по му Архипелагу. Здѣшній каменный уголь не уступает англійскому. Богатство каменнаго угля на Лабуанѣ было побудительныхъ причинъ для занятія этого острова англ

Послѣ каменнаго угля, минеральное царство на Борнео в сюрмою или антимоніемъ. Этотъ металлъ разсѣянъ здѣс но, по причинѣ полудикаго состоянія жителей и трудноС ній, разработывается только въ Саравакѣ. Впервые начал отсюда сюрму по основаніи голландской колоніи. Раджа, цѣнности этого продукта, охотно покупаемаго англичанам что саравакская руда гораздо чище европейской, сталъ п даяковъ и другія племена къ усиленной разработкѣ рудни талла еще недобытый запродавался европейцамъ, и вы торга для раджи заставили его забыть всякую умѣренност нецъ возникнулъ бунтъ, продолжавшійся еще во время мистера Брука въ Саравакъ. Во все продолженіе войны оставались въ бездѣйствіи, и только послѣ усмиренія мят разумными мѣрами Брука вновь началась разработка сюр

Сюрма встрѣчается здѣсь въ известнякѣ, лежащемъ на сти земли или на незначительной глубинѣ. Богатѣйшій при дится въ холмѣ *Бату Биди*, близъ западнаго рукава Сарав работывается малайцами; самыя же обширныя копи близъ китайской колоніи *Тун-донгъ*, вдоль того же рукава

Желѣзо находится также въ изобилія. Прежде дѣлали него китайцы ружья; но работа ихъ была очень плоха. Вс обработываетъ желѣзо племя *каянъ*, живущее внутри ост

оружіе, ими изготовляемое, добротою металла гораздо лучше опейскаго.

Олово недавно найдено въ наносной почвѣ *Сунта Даяка*, на в. мысѣ Саравака; оно совершенно подобно малакскому, и разработка его, чрезвычайно выгодная, даетъ немалые барыши горнымъ промышленникамъ.

Борнео изобилуетъ никелемъ, который встрѣчается въ оловянныхъ и золотыхъ пріискахъ; въ первыхъ оно попадается съ желѣзомъ и кобальтомъ. Впрочемъ, до сихъ поръ еще не занялись отдѣльною разработкою никеля.

Также и ртуть находится на Борнео, но, по не большому ея добыванію количеству, не составляетъ предмета вывоза.

Изъ благородныхъ металловъ Борнео преизобилуетъ золотомъ; серебра на востокѣ въ этихъ широтахъ вовсе не встрѣчается, хотя Китай и Японія весьма ими богаты. Золото находится въ известнякѣ, въ наносахъ и пескѣ рѣкъ, особливо на з. и ю. з. острова. Очень много въ Саравакѣ, Самбасѣ, Сангоро и Баньярѣ.

Въ прошломъ году ѣздилъ г. Лоу вмѣстѣ съ г. Брукомъ на золотые пріиски. Мѣсто разработки лежало мили на четыре отъ рѣки и состояло изъ известняковаго холма, футовъ въ 200 вышиною, покрытаго множествомъ небольшихъ дыръ, имѣющихъ часто до 40 футъ глубины. Работа состояла въ томъ, чтобы расширить эти дыры и проникнуть на ихъ дно, составлявшее постоянно небольшую пещеру, въ половину заваленную глиною, смѣшанною съ пескомъ. Количество этой глины бываетъ обыкновенно отъ 150 до 300 куб. футъ, и по промывкѣ его получается отъ 10 до 20 унцій чистаго золота. Эта разработка такъ выгодна, что все окрестное населеніе спѣшилось на нее, и на другія работы недостаетъ рукъ.

Интересный вопросъ, достойный изученія минералоговъ и геологовъ, — какимъ образомъ попало золото на дно этихъ странныхъ дыръ? Известнякъ горы не содержитъ въ себѣ и слѣдовъ золота; окружающая же холмъ наносная почва хотя и содержитъ золото, но не въ такой огромной пропорціи, какъ глина, наваленная на днѣ упомянутыхъ норъ.

Бо́льшая часть золота вымывается изъ глинисто-песчаныхъ насосовъ, и этою работою преимущественно занимаются китайцы, гораздо рѣже — малайцы. Въ одной части Саравака золото находится въ видѣ небольшихъ самородковъ. Малайцы промываютъ песокъ, называемый ими со дна рѣкъ, и заработываютъ гораздо больше, чѣмъ китайцы, промывающіе наносы; зато, находясь безпрерывно купаясь въ водѣ, малайскіе золотопромышленники страдаютъ часто ревматическими болями.

Алмазы Борнео стоятъ на-ряду съ лучшими индѣй
скими по величинѣ и красотѣ воды. Копи ихъ
Сангоро, Ландакѣ и Банъярмазинѣ; въ Саравакѣ же хот
ли, но мало нашли до сихъ поръ. Впрочемъ, нѣсколь
назадъ, одинъ старшина, Патинги Али, нашелъ въ Сара
обнажавшейся при низкомъ стояніи воды, разомъ нѣс
шихъ и прекрасныхъ камней. Малыхъ алмазныхъ прим
сего весьма много.

Знаменитыя ландакскія копи разработываются и
первыхъ временъ поселенія ихъ на островѣ; прімски ж
и Банъярѣ открыты въ новѣйшее время. По увѣренію
форда Рафльза (*Sir Stamford Raffles*), немногіе европ
могутъ похвалиться такими алмазами, какіе носили бат
во время процвѣтанія Батавіи, когда она была единстве
комъ для алмазовъ, находимыхъ на Борнео. Алмазы
здѣсь въ кварцовой породѣ, неглубоко подъ поверхно
впрочемъ, большіе камни здѣсь рѣдки, зато вода вообще с
Въ Ландакѣ и Сангоро попадаются, однакожъ, довольно
отъ 12 до 16 каратъ. Алмазъ магараджи матанскаго едва
огромный изъ всѣхъ извѣстныхъ; онъ неограненъ и вѣс
ратъ; при огранкѣ онъ потерялъ бы около половины в
его подобна яйцу съ зарубкою съ одной стороны. Ми
фурдъ (*Mr. Crawfurd*) цѣнитъ его въ 270 тысячъ фунто
говъ (1,750,000 руб. сер.) то есть 35 тысячъ фунтовъ д
скаго знаменитаго алмаза въ императорскомъ скиптрѣ и
фунтовъ дороже питтова брильянта. Одинъ знатокъ дра
камней увѣряетъ, что султанъ матанскій, выгнанный у
цами изъ своихъ владѣній, рѣдко кому показываетъ нас
мазъ и не выпускаетъ его никогда изъ рукъ; изъ опасен
бы европейцы не отняли у него послѣдняго остатка пр
тайствъ, онъ показываетъ своимъ могущественнымъ и ж
сѣдымъ пантіанакцамъ горный хрусталь, весьма похож
своею на настоящій алмазъ, но естественно, не имѣющій
ска, ни крѣпости, ни другихъ отличительныхъ свойствъ.

Часто находятся алмазы съ золотомъ въ песку на днѣ
давно простой работникъ нашелъ случайно въ горсти пес
маза и значительный золотой самородокъ. Промывка зол
скиванье алмазовъ на Борнео могли бы обогатить не од
прімчиваго человѣка, если бы только за это взяться съ
съ достаточнымъ капиталомъ, учредивъ надлежащій, стро
за рабочими.

Несмотря на близость Сіама и Бирмы, богатыхъ превосходными
шами и сапфирами, на Борнео не находится камней корундовой
ы. Аметисты и топазы попадаются здѣсь въ значительномъ
ствѣ, но только чрезвычайно мелкіе, такъ-что представляют-
въ видѣ ярко-блестящаго песку, который подмѣшиваютъ для
ка съ золотой песокъ. Впрочемъ, здѣшнія мѣста такъ мало изслѣ-
ны, что неизвѣстно, какіе драгоцѣнные камни могутъ быть от-
ты впослѣдствіи.

Вотъ очеркъ нашихъ свѣдѣній о минеральныхъ богатствахъ мало-
стнаго Борнео, въ которомъ откроется, вѣроятно, еще многое,
мы сейчасъ сказали. Мѣдь, говорятъ, находится въ землѣ дая-
въ и самбасовъ; но европейцы еще ея ни разу не видали въ цидѣ
. Между прочимъ встрѣчается на Борнео въ большомъ коли-
ствѣ отличная фарфоровая глина.

Обратимся теперь къ животному царству, населяющему Борнео.
Большихъ хищныхъ здѣсь весьма немного, зато малыя кишма-
тъ въ лѣсахъ и пустыняхъ. Тигръ, столь обыкновенный въ Ма-
кѣ, на Явѣ и Суматрѣ, здѣсь неизвѣстенъ. Слоны и носороги, гово-
ь, попадаются внутри острова; но ихъ не видалъ ни Брукъ, ни
внутрини, равно какъ и толстокожаго животнаго, похожаго на
ра, о которомъ слышали они отъ туземцевъ. Небольшой малай-
й медвѣдь (*Ursus malaganus*) попадается на з. берегу, но долженъ
ь гораздо обыкновеннѣе въ землѣ каяновъ, которые часто шьютъ
ды изъ его шкуръ. Это травоядное животное очень любитъ медъ
тъ за нимъ на вершины самыхъ высокихъ *тапанговъ*. Оленей
го, и виды ихъ весьма разнообразны; европейцы особенно охо-
ся за малайскимъ оленемъ (*Cervus equinus*), тощее мясо котораго
ятно для европейцевъ, но весьма уважается малайцами. Здѣсь
даются бѣлые олени, называемые королевскими (раджа-руза);
новенный же цвѣтъ здѣшнихъ оленей темно-бурый. На этомъ
ровѣ также много *паландоковъ*, самой мельчайшей породы оленей,
которой не выше пяти вершковъ. Они чрезвычайно красивы,
іозны и кротки, такъ-что составляютъ домашнее животное, со-
нное для удовольствія. Шкура ихъ покрыта густымъ, шелко-
мъ мѣхомъ; питаются они ягодами, листьями и больше всего
тъ почки листьевъ роскошной *Dillenia Speciosa*.

Удивительно, какъ до сихъ поръ даяки не истребили кабановъ, за
рыми они неутомимо охотятся, и которыхъ все-таки весьма мно-
Ихъ различаютъ двѣ породы: большую—длинноногую, съ бурою
стью, живущую вблизи морского берега, и малую—коротконогую
ущую внутри острова; послѣдняя есть, вѣроятно, одичавшая ки-
ая свинья. Мясо кабановъ считается у даяновъ деликатнымъ

кушаньемъ, и, дѣйствительно, оно жирно и вкусно, плоды, которыми кабаны любятъ питаться.

Мы уже сказали, что здѣсь нѣтъ тигровъ; но зато часто малорослый барсъ (*felis macrocelis*), мало пр кій и по малости своего роста неопасный для челов чаютъ весьма красивые виды тигровыхъ кошекъ. Ч баргу, нлыку (или нльту) и выдръ двухъ или трехъ вецъ, котораго здѣсь зовутъ *камалсанъ* — названіе съ нашимъ, и большой муравьѣдъ также обитаютъ в жество лисицъ и бѣлокъ, по большой части неизвѣс листамъ, и въ томъ числѣ одна большая черная и др (*Sciurus Refflesianus*), весьма обыкновенные и краси

Но если какими животными богатъ Борнео, такъ з здѣсь встрѣчаются рѣдчайшія и замѣчательнѣйшія из стоящій орангутангъ водится только на Борнео въ с лѣсахъ по берегамъ рѣкъ; его не встрѣтишь ни въ С Самбасѣ. Земля, лежащая за Понтіанакомъ, между рѣ и Батавіъ Лупаръ, составляетъ любимое мѣстопре удивительнаго животнаго, котораго извѣстны два вид *пан* и *міасъ рамби*. Первый больше ростомъ, съ дл стыми рыжими волосами и весьма широкими скулами. да живутъ въ однихъ лѣсахъ, но никогда не смѣшиваю бою. Разсказы объ ихъ огромномъ ростѣ, просто, ска зайдешь экземпляръ, ростъ котораго былъ бы выше пя головы до пятки. Онъ неповоротливъ и не скачетъ, под обезьянамъ, съ дерева на дерево, но лазитъ осторожно, ками за сучья. Онъ не строитъ себѣ хижинъ, какъ многіе, но живетъ какъ и другія большія обезьяны. Пи новенно плодами и часто опустошаетъ сады и сахарны даяковъ; впрочемъ, много ихъ бываетъ убито при этих ствахъ. Вотъ какой анекдотъ разсказывалъ однажды мн по этому случаю:

Орангутангъ повадился посѣщать сахарную плант даяка, который рѣшился подкараулить и убить вора. За съ пикою въ рукѣ и саблею за поясомъ, даякъ дождал торый спокойно расположился на срубленномъ пнѣ со тростникъ, и подкравшись, ударилъ его пикою въ спину хватился за саблю, потому-что раненый міасъ вступае венно въ отчаянный бой съ нападающимъ. Но такая п ность оказалась на этотъ разъ лишнею, потому-что как неная обезьяна оборотилась, чтобы кинуться на врага, ей попался не даякъ, а медвѣдь, шедшій, вѣроятно, съ м

о угоститься сахарнымъ тростникомъ. Полагая, что это-то и врагъ, его ранившій, міасъ съ остервенѣніемъ бросился на мед- и между ними завязался ужасный бой, конца котораго даянъ, тно, не дождался, полагая гораздо благоразумнѣе убраться ско- добру и здорову домой. На слѣдующее утро, возвратясь на побоища, онъ увидѣлъ убитаго міасомъ медвѣдя и немного ьше самого убійцу, издохшаго отъ потери крови изъ раны, на- ой пикою. При этомъ случаѣ медвѣдь оказалъ даяку немало- ю услугу, потому-что разсвирѣпѣвшій орангутангъ есть стра- врагъ особливо для полунагого человѣка, и нерѣдко видишь на о туземцевъ, изувѣченныхъ этими обезьянами.

угая замѣчательная обезьяна, чрезвычайно рѣдкая въ евро- ихъ музеумахъ, есть такъ называемая *долгоносая* (*Semnopit- nasicus*). Этотъ красивый звѣрь величиною мало чѣмъ усту- орангутангу, но гораздо красивѣе послѣдняго; онъ отличает- обыкновенно длиннымъ носомъ и хвостомъ, а также пушис- , мягкимъ мѣхомъ бланжеваго цвѣта, покрывающимъ все его ; голова соразмѣрно очень мала, и въ ней блестятъ маленькіе, но ающіе глазки; ротъ вооруженъ длинными и весьма острыми зу- ; питается плодами. Длинный мясистый носъ этихъ обезьянъ ъ въ себѣ хрящь незначительной величины; ноги и руки ко- , но мускулисты, и вообще длинноносая обезьяна сильнѣе

о самая красивая изъ всѣхъ обезьянъ острова есть, безспорно, *рукая*, *безхвостая*, *Вава* (*Hylohates*). Одно изъ этихъ животныхъ доставлено въ Лондонскій Зоологическій садъ, но скоро тамъ ло. Шерсть его сѣраго цвѣта; глаза же, руки и ноги смоляно- го; лицомъ эта обезьяна болѣе всѣхъ прочихъ подходитъ къ ѣку и въ этомъ отношеніи стоитъ далеко впереди орангутанга. питается плодами и насѣкомыми, очень смирна, и хотя можно ее ть совершенно ручною, но она никогда не проживетъ долго въ лѣ. Въ окрестностяхъ Саравака эти обезьяны водятся въ боль- ъ множествѣ, и по-утрамъ въ самомъ городѣ можно слышать крикъ, который чрезвычайно похожъ на звукъ, издаваемый во- льющеюся изъ бутылки.

ще замѣчательны — *моніетъ*, маленькая, красивая, долгохвос- обезьяна, сѣраго цвѣта, весьма ручная, веселая и забавная, и— (*innuus nemestrinus*), изъ породы павіановъ, большое, безоб- ое безхвостое животное. Есть еще множество другихъ родовъ и въ, по большой части неизвѣстныхъ натуралистамъ и ожидаю- ь еще изслѣдователя; даже и у туземцевъ многія изъ этихъ ьянъ не имѣютъ отличительнаго названія.

Такъ-какъ обезьяны приносятъ большой вредъ рис
харнымъ плантаціямъ, и притомъ мясо ихъ очень уваж
цами, то даяки ведутъ противъ этихъ животныхъ вѣч
убиваютъ ихъ, не разбирая ни породъ, ни ихъ правовъ.
томъ обезьяны водятся здѣсь въ несчетномъ множествѣ
рамъ, вдоль береговъ рѣкъ, сучья деревъ кишатъ э
ными.

Множество болотъ и жаркій климатъ, естественно, сп
размноженію амфибій и пресмыкающихся, и, въ-самомъ
нео можетъ похвастать огромностью и числомъ своихъ а
(*crocodilus biporcatus*) и змѣй. Рѣки западнаго берега
крокодилами, что тамъ весьма опасно ночевать на лодкѣ
ше ихъ въ рѣкѣ Самбасѣ; въ Саравакѣ жа хотя меньше,
число ихъ еще значительно. Полумухаметанскіе жители
ютъ множество повѣрій и предразсудковъ касательно
ныхъ животныхъ; вообще же здѣсь думаютъ, что крок
убить или поймать только помощію колдовства и закл
особый родъ колдуновъ, промышляющихъ этимъ волше
сломъ; ихъ зовутъ *дукунъ-буая*, т. е. врачъ корокодил

Биваки малайцевъ, котораго мы называемъ *игуана*,
имущественно въ рѣкахъ близь селеній, гдѣ воспитыва
нихъ птицъ, мясо которыхъ составляетъ для него люб
Онъ похожъ на аллигатора, но рѣдко бываетъ длиннѣе ше
Другой звѣрь, извѣстный подъ тѣмъ же самымъ назван
въ лѣсу на деревьяхъ, и мясо его составляетъ самое гас
кое блюдо даяковъ. Ящерицъ здѣсь также очень м
ревьяхъ, въ травѣ и разномъ хламѣ; изъ нихъ есть весьм
веденаго цвѣта, и множество видовъ, принадлежащихъ к
леоновъ.

Летучая ящерица (*Draco volans*), рѣдкій и безвредн
часто попадается на деревьяхъ, по-сосѣдству съ жилища
цевъ. Другая маленькая ящерица *хихакъ* живетъ въ
хорошо бѣгаетъ, не только по-стѣнамъ, но и по потол
тается мухами. Воспроизводительная жизненная сила въ
кахъ такъ сильна, что если они потеряютъ, напримѣръ,
либо случаю хвостъ, то черезъ нѣсколько недѣль онъ с
выростаетъ.

Изъ земныхъ черепахъ понынѣ достовѣрно извѣстны
одинъ изъ нихъ представляютъ животныя почти въ арш
ною. Они живутъ въ густыхъ, болотистыхъ лѣсахъ и пи
леніями; яйцы ихъ продолговаты, закруглены на ко

мою скорлупою, какъ крокодиловы, тогда-какъ скорлупа яицъ ных черепахъ обыкновенно мягка.

ѣшнія болота преизобилуютъ лягушками, квакань которыхъ тъ ночью покоя. Онѣ служатъ любимою пищею змѣямъ, во- ся въ тѣхъ же мѣстахъ. Бо́льшая часть здѣшнихъ змѣй еще вѣстна натуралистамъ. Всѣ ядовитые виды отличаются общимъ ительнымъ *тадонгъ*. Весьма часто попадаются здѣсь *капишон- индійская кобра*, по-малайски *улярь-тадонгъ*, красивая *солнеч- мѣя (Tortrix)*, у малайцевъ *тадонгъ магахари* и горная съ зо- тыми кольцами *тадонгъ хинхинмасъ (Dipsas dendrophila)*. та, поросшія мангровами, любимый пріютъ этихъ крайне ядови- ъ пресмыкающихся, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто надлежитъ толстой, короткой и неповоротливой, но смертельной ъ ядомъ, зеленой, молотоголовой эхиднѣ *(Trigonocephalus Wa-*). Еще есть много другихъ ядовитыхъ видовъ; но, несмотря на ое количество водящихся здѣсь змѣй, несчастія отъ ихъ уку- я случаются довольно рѣдко. Изъ этихъ змѣй ни одна не пре- одитъ длиною шести футовъ, тогда-какъ неядовит я, но ужас- своею силою, *пивоны*, или *боа*, здѣсь также нерѣдкіе, бываютъ ѣе четырнадцати футовъ и пожираютъ иногда цѣликомъ боль- животныхъ. Недавно на Борнео убита была боа, въ желудкѣ рой найденъ цѣлый трупъ оленя съ длинными рогами.

ело безвредныхъ змѣй далеко превосходитъ число ядовитыхъ. ду первымъ особенно замѣчательна прелестная *цвѣточная змѣя*, *улярь-бунга (Dryophis prasina)*, спина которой кажется обтя- темнозеленымъ бархатомъ, а брюхо золото-желтымъ атласомъ; красивое пресмыкающееся служитъ любимою игрушкою для йцевъ. Цвѣточная змѣя съ виду очень похожа на одну весьма ную, и случались примѣры, что люди, принявши послѣднюю за ую, поплатились за это жизнію. Во время перваго посѣщенія ака мистеромъ Брукомъ одинъ европеецъ чуть было не сдѣ- ся жертвою подобной ошибки.

Въ рѣкахъ и озерахъ Борнео и въ морѣ, его омывающемъ, водят- также водяные змѣи, и въ томъ числѣ есть весьма ядовитые, ные и красивые.

Насѣкомые кишмя-кишатъ на островѣ. Бабочки красуются цвѣ- , величиною и странными формами. Всевозможные роды клоп- , часто весьма красивые, но чрезвычайно вонючіе, и пауки, от- ающіеся самыми пестрыми цвѣтами, попадаются повсемѣстно; чемъ, красивыя краски, отличающія послѣднихъ животныхъ, заютъ мѣстѣ съ ихъ жизнію. Жуковъ мало, и только два или красивыхъ вида налетаютъ вечеромъ на свѣтъ горящаго тѣла.

Кузнечикамъ, сверчкамъ и саранчѣ нѣтъ числа; рощи, лѣса и доли ны оглашаются ихъ крикомъ или чиликаньемъ, смѣшивающимся с неопредѣленными звуками, издаваемыми милліонами другихъ нас комыхъ. Все это составляетъ странный и не очень пріятный ко церт.

Борнео—единственный островъ Индѣйскаго архипелага, на ко ромъ пчелы разводятся какъ домашнія животныя; впрочемъ, на не есть множество роевъ, живущихъ въ дикомъ состояніи.

Воды Борнео изобилуютъ рыбами, часто замѣчательныхъ фор и яркости цвѣтовъ. Многія отличаются своимъ вкусомъ; но туз цы почти никогда не ѣдятъ своей рыбы, предпочитая ей соленук вяленую. Рыба *помфретъ*, или *икань бавалъ*, доставляетъ огром количество икры, которая приготовляется подобно нашей паюсно составляетъ немаловажный предметъ торговли. Также на многоч сленныхъ рыбныхъ ловляхъ приготовляютъ особаго рода съѣсти продуктъ *блаханъ*, весьма высоко цѣнимый туземцами; онъ л лается изъ мяса нѣкоторыхъ сортовъ рыбы и раковъ, толченыхъ солью. Это гастрономическое малайское блюдо, по причинѣ свое сильнаго запаха, не очень нравится европейцамъ.

Жители Борнео ведутъ между прочимъ торгъ плесами акул трепанговъ, морскими улитками, черепахами, ихъ яйцами и крас выми раковинами. Множество устрицъ, морскихъ ежей и разл ныхъ вкусныхъ черепокожныхъ и молюсковъ употребляется зд въ пищу. Перламутровыя и жемчужныя раковины весьма изобильн и жемчужныя ловли близъ острова Сулу пользуются старинн извѣстностью. Если бы заняться съ знаніемъ дѣла устройство этихъ ловлей по сѣверному берегу Борнео, то можно бы извлечь и того значительныя выгоды. Сѣверо-американскіе китоловы доб ваютъ много спермацета, въ тихой водѣ у восточнаго берега.

На западѣ острова держатъ мало рогатаго скота, хотя домаш буйволы не рѣдки въ Баньярмазинѣ и Бруни; зато на востокѣ ско довольно. Дикихъ буйволовъ не слышно. Здѣшнія коровы индѣ ской породы даютъ мало молока, но оно очень вкусно и густо. Меж рѣками Тайонгъ, Баррамъ и Сангоро водятся дикіе быки *(Bos Soo diacus)*, называемые *бантингъ;* они очень злы и живутъ въ пустын ныхъ, недоступныхъ бамбуковыхъ лѣсахъ, питаясь молодыми от ростками бамбука. На сѣверѣ и югѣ много лошадей особой доброт жей, некрупной породы; но на западѣ ихъ нѣтъ вовсе. Этихъ лош дей употребляютъ здѣсь преимущественно для охоты за оленям Козъ много у каяновъ и приморскихъ даяковъ, какъ вообще у всѣх малайскихъ племенъ; но даякы изъ внутренностей острова не ѣдят козьяго мяса, по какому-то предразсудку, и потому не держатъ коз

Всего же болѣе уважается даяками свиное мясо, преимущественно отъ небольшихъ китайскихъ свиней. Китайскіе колонисты откармливаютъ также и ѣдятъ съ удовольствіемъ особую породу небольшихъ собакъ.

Малайскія кошки отличаются пестрыми хвостами, нисколько не похожими на нашихъ кошекъ.

Изъ живности держатъ малайцы утокъ и куръ, а даяки только послѣднихъ. Мистеръ Брукъ старался о разведеніи другихъ домашнихъ птицъ, и эта попытка въ отношеніи къ гусямъ удалась какъ нельзя лучше.

Климатъ Борнео весьма здоровъ для всѣхъ, кто не предается усиленнымъ и изнуряющимъ трудамъ. Дожди идутъ почти ежедневно, не только во время с.в. муссона, но и при ю.в., сопровождаемомъ хорошою погодою; при здѣшнемъ жаркомъ климатѣ, понятно, какъ сильно должна развиваться растительная жизнь. Лѣса одѣты вѣчною зеленью; берега моря и рѣки, долины и горы красуются покровомъ пышно развитыхъ разнообразныхъ растеній, блещущихъ красотою цвѣтовъ или многоразличнѣйшими отливами зелени листьевъ.

Впрочемъ, температура никогда не достигаетъ удручающаго европейскаго жара. Утромъ и вечеромъ термометръ стоитъ на 70°—72° Фаренгейта (17°—18° Реомюра), а въ самую жаркую пору дня, около 2 часовъ пополудни поднимается на 82° или 85° Фаренг. (23°—24° Реом.); рѣдко доходитъ до 92° Фаренг. (27° Реом.), и тогда жаръ гораздо сноснѣе, чѣмъ у насъ, потому-что сырость воздуха и безпрерывный вѣтерокъ пособляютъ человѣку переносить его. Грозы, какъ вообще подъ тропиками, часты и сильны.

Почву Саравака составляетъ слой плодороднѣйшаго чернозема до 1 фута толщиною, лежащаго на основаніи изъ желтой глины. Грунтъ особливо хорошъ для сахарнаго тростника, который здѣсь безъ всякаго ухода родится превосходно и не уступаетъ цейланскому; стебли превзобилуютъ богатымъ сокомъ и достигаютъ высоты 18 футовъ. Лучшая золото-желтая порода тростника вывезена изъ Китая, прочія произрастали дико въ здѣшнемъ краю. Корица, гвоздика и апельсины отлично ростутъ и зрѣютъ въ садахъ Саравака, и Брукъ развелъ тамъ же мушкатный орѣхъ; вообще климатъ и почва какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ развитію пряностей въ большомъ видѣ. Европейскія и китайскія огородныя овощи и нѣкоторыя свойственныя индѣйскому Архипелагу удивляютъ своею плодовитостью. Съѣдомый папоротникъ и камышевая капуста изъ *нибонговой пальмы* и даже изъ драгоцѣнной пальмы *арека катеху* услаждаютъ прихотливыхъ гастрономовъ; пальмы эти ростутъ у всѣхъ устьевъ рѣкъ. Саговая пальма *(Metroxylon)* составляетъ продуктами своими пред-

метъ немаловажной отпускной торговли; это дерево ростетъ на болотистой почвѣ, рѣдко достигаетъ высоты 30 футовъ и даетъ богатѣйшій сборъ саго на 7 или 8 году; самый плодъ созрѣваетъ въ теченіи двухъ лѣтъ. По внѣшнему виду весьма похожа на саговую пальма *гомути (arenga saccharifera)*, изъ которой даяки приготовляютъ свое пальмовое вино, а изъ луба и лиственныхъ жилъ вьютъ веревки. Но самая важная для Борнео пальма есть малорослая *ниповая (Nipa fruticans)*; она ростетъ по морскому берегу и по устьямъ рѣкъ въ несмѣтномъ количествѣ и употребляется на разныя цѣли: листья ея служатъ для покрышки хижинъ, стволъ даетъ сахаръ, а плоды уважаемое туземцами кушанье.

Здѣшнее камфарное дерево *(Dryobalanops Camphora)* попадается только на Борнео и Суматрѣ и даетъ камфору, неуступающую японской. Нынче въ Саравакѣ это дерево сдѣлалось рѣже; зато оно весьма обыкновенно на Лабуанѣ и составляетъ красу тамошнихъ лѣсовъ; прямой 90 футовой стволъ его вѣнчается густымъ покровомъ листьевъ прекраснаго зеленаго цвѣта.

Здѣсь ростетъ и знаменитая *гутта перча*, или *niamo (Icosandra Gutta Hookerii)*, доставляющая цвѣтную смолу того же имени, которая въ новѣйшее время начала употребляться на самыя многоразличныя издѣлія. Дерево достигаетъ роста въ 60 и 70 футовъ, при толщинѣ въ 2 и 4 фута. Несмотря на то, что оно ростетъ въ огромномъ числѣ въ лѣсахъ Борнео, Малакки и близьлежащихъ острововъ, неблагоразумное добываніе изъ него смолъ малайцами истребляетъ ежедневно запасъ этихъ полезныхъ растеній. Вмѣсто того, чтобы дѣлать въ корѣ дерева надрѣзы и собирать вытекающую изъ нихъ смолу, туземцы рубятъ цѣлое дерево и особливо находящуюся надъ корою густую жидкость, погубляютъ однимъ разомъ растеніе, которое въ продолженіи многихъ лѣтъ давало бы постоянную добычу(*). На Борнео находится нѣсколько видовъ дерева, дающаго смолу *гутта перчу*.

На этомъ же островѣ изрѣдка попадается и страшный упасъ антіаръ (*Upas toxicaria*(**). Лоу и Брукъ видѣли это дерево, называемое туземцами *бина*. О немъ разсказываютъ на островѣ множество баснословныхъ преданій, въ которыхъ едва сотая часть правда; несмотря на устрашающіе разсказы, европейцы легко убѣдились, что къ дереву можно безопасно подходить во всякое время, но что толь-

(*) Здѣсь не мѣсто входить въ описаніе свойствъ и употребленіе *гутта перчи*. Любопытные могутъ прочесть объ этомъ короткую, но довольно полную статью въ январскихъ книжкахъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1848 и 1849 годы.

(**) Упасъ и Антіаръ — древо смерти, воспѣтое Пушкинымъ.

ко сокъ, текущій изобильно изъ надрѣзовъ, составляетъ одинъ изъ сильнѣйшихъ ядовъ. Прямой, красивый стволъ имѣетъ футовъ 60 вышины и покрытъ бѣлою корою (*).

Борнео какъ и другіе острова этого архипелага, богатъ красивыми и душистыми цвѣтами; роскошные лѣса благоухаютъ *кананеами* (*uvaria*), *шампаками* (*michelia*), мелурами и ясминами. Подобно другимъ тропическимъ странамъ, островъ изобилуетъ прекрасными орхидеями (ятрышниками). По берегамъ рѣкъ, на солнечномъ припекѣ, красуются удивительныя формы *эпифитовъ*, покрывая обнаженные стволы гніющихъ древесныхъ стволовъ. *Целогинеи*, одни изъ красивѣйшихъ орхидей, восхищаютъ нѣжностью своихъ бѣлыхъ, оранжевыхъ и пестрыхъ цвѣтовъ, и упоительнымъ ароматомъ; здѣсь зовутъ ихъ *бунъга казиханъ*, или *милостивый цвѣтокъ*. Колоссальные и необыкновенные виды *ванды*, *дамскихъ башмачковъ* (*Cypripedium*), *дендробій* и *эрій* непохожи на виды, разводимые въ нашихъ садахъ. По берегамъ рѣкъ ростутъ различныя *Ixora* и *Pavetta* съ безподобными цвѣтками, у первыхъ переходящими всѣ оттѣнки оранжеваго до кармазиннаго, у вторыхъ ослѣпительно бѣлаго цвѣта.

Но замѣчательнѣйшими изъ туземныхъ растеній все-таки остаются многообразные *рододендроны*, развивающіеся здѣсь съ необыкновенною роскошью и своеобразіемъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающимся. Красивѣйшій и огромнѣйшій изъ нихъ названъ въ честь Брука и приноситъ колоссальные цвѣты всѣхъ оттѣнковъ, отъ золотисто-желтого до красноогненнаго.

Клододендроны ростутъ здѣсь кустами до 10 футовъ вышины и отличаются какъ яркими цвѣтами, такъ и благоуханіемъ. Прелестнѣйшіе *черноустники* (меластомацеи) покрываютъ всѣдѣ открытыя мѣста. Изъ вьющихся растеній новый родъ *Bauhinia*, *Hoya imperialis* съ огромными цвѣтами темнопурпуроваго цвѣта, посрединѣ бѣлыми, и тысячи странныхъ и красивыхъ чужеядныхъ растеній.

Весьма примѣчательны растенія Борнео *канны*, или *кружечныя*; на западномъ берегу, г. Лоу открылъ ихъ 8 видовъ. Кружки этихъ растеній могутъ содержать иногда до одной англійской пинты воды и, дѣйствительно, имѣютъ видъ настоящихъ кружекъ съ крышками; онѣ висятъ у середней жилки листа и составляютъ часть послѣдняго. Самый большой видъ, названный *Nepenthes Hookeriana*, имѣетъ кружку въ 9 дюймовъ длины.

(*) Изъ многочисленныхъ изслѣдованій извѣстно, что ядовитость сока Antiaris зависитъ отъ содержащагося въ немъ особаго растительнаго щелочнаго начала, называемаго *Стрихникомъ*.

Шесть видовъ этихъ растеній привезены въ Англію, но тамъ образуется кружекъ на ихъ листьяхъ.

Растительное царство на Борнео такъ богато, своеобразно и на изслѣдовано, что ботаническія экскурсіи по этому острову об щаютъ богатѣйшую жатву открытій.

В. Каменевъ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.

ДАВНЯЯ БЫЛЬ.

Въ прошломъ столѣтіи въ одномъ малороссійскомъ селѣ жи мужикъ по имени Никита, крѣпкій, здоровый, ростомъ въ косую жень, права крутого и неуступчиваго, но человѣкъ добрый и прав вый. Онъ любилъ старину, строго держался патріархальныхъ об чаевъ и былъ въ полномъ смыслѣ главой своего семейства: жена, ни дѣти не ступали шагу безъ его вѣдома и спросу. Кро участка земли, которую обработывали пять его сыновей, у н былъ хуторъ, съ мельницей и пчелами; ими онъ занимался сам сыновья соберутъ хлѣбъ, свезутъ на ярмарку, продадутъ и чес принесутъ выручку отцу, и всякая копейка, какую ни достанутъ семействѣ, поступала къ нему. А онъ какъ получитъ деньги, т часъ обдѣлитъ всѣхъ: тому на свитку, тому на обувъ, а женѣ на зяйство выдастъ. И потомъ, когда нужны деньги — идутъ къ не онъ выдавалъ не морщился. Такъ они жили много лѣтъ согласн зажиточно.... Стукнуло ему пятьдесятъ лѣтъ. Поѣхалъ онъ въ родъ и пробылъ тамъ два дня. Случилась ли тамъ съ нимъ ка исторія, или ничего особеннаго не случилось, только воротился с совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Сталъ онъ женѣ говорить, что ж много денегъ изводитъ, сталъ дѣтей корить, что мало заработы ютъ, сталъ жаловаться на крутыя времена и черные дни. Вотъ бывали сыновья на ярмаркѣ, продали хлѣбъ, воротились и, въ ясъ поклонившись отцу, счетомъ сдали ему выручку....

Отецъ поворчалъ на нихъ, зачѣмъ дешево продали, деньги раза пересчиталъ, чего прежде за нимъ не водилось, да и прити съ ними.

День, два, недѣля проходитъ — старикъ молчитъ; а деньги ну ны, да сказать ему не смѣютъ. Наконецъ попросили денегъ. Стари поморщился, однакожъ выдалъ, только такъ мало, что черезъ м сяцъ опять пришлось просить.

— Нема́ гро́шей, грозно отвѣчалъ старикъ, велѣлъ сыну запречь лошадь и уѣхалъ на свой хуторъ.

— Коли батька говоритъ нѣтъ, значитъ нѣтъ, рѣшили сыновья и стали съ горемъ перебиваться до новой выручки за хлѣбъ.

Только какъ отдали они старику новую выручку, такъ онъ выбранилъ ихъ вдвое крѣпче, зачѣмъ дешево сбыли хлѣбъ, а денегъ далъ вдвое меньше, чѣмъ въ прошломъ году. На третій годъ еще меньше, на четвертый еще меньше, а отговорка все одна: «времена тяжкія, нема́ гро́шей». Дѣти ужь и плохо вѣрили такому отвѣту, да противъ отца не пойдешь: повѣсятъ головы и замолчатъ, а на слѣдующій годъ опять несутъ отцу выручку. Вотъ жена такъ и пыталась не разъ спрашивать: «да куда же они дѣваются у тебя? вѣдь и прежде было не больше, а слава Богу хватало на все?»; пыталась она и упрашивать его и усовѣщивать, старикъ закричитъ, застучитъ костылемъ въ полъ, выбранитъ старуху и уѣдетъ на свой хуторъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и старикъ вовсе пересталъ давать денегъ своему семейству; какъ только попадетъ къ нему какая копейка — поминай какъ звали: словно въ воду канула! И ужь ничѣмъ не выпросишь! Разъ поѣхали сыновья въ городъ, и воротились безъ меньшого брата. Парень и отъ природы былъ простоватъ, да тутъ еще на-бѣду выпилъ, такъ и самъ не помнитъ, какимъ образомъ впутался въ уголовное дѣло; его задержали съ двумя какими-то бродягами; пошло слѣдствіе.... Бухнулись сыновья старику въ ноги, разсказали, въ чемъ дѣло, и стали просить денегъ на выручку брата. Старикъ долго разспрашивалъ подробности, долго думалъ, освѣдомился, сколько нужно денегъ, и наконецъ отвѣчалъ: «нема́ гро́шей». Бухнулась и старуха мать ему въ ноги, да напрасно: «нема́ гро́шей». Такъ и погибъ его меньшой сынъ... Изба у нихъ обвалилась, одежда доносилась, иногда приходилось голодать по суткамъ: старикъ будто не замѣчалъ ничего. Нечего дѣлать! чтобъ какъ-нибудь жить, сыновья стали обманывать его: выручатъ тысячу, а отдадутъ ему половину, остальные мутъ на расходъ..... Такъ жили они лѣтъ тридцать. Старику приближалось къ осьмидесяти годамъ; какъ ни былъ онъ крѣпокъ, однакожь, силы начали ему измѣнять. Онъ рѣдко выходилъ изъ хаты, только время отъ времени съѣздитъ на свой хуторъ верстъ за семь, а наконецъ онъ и совсѣмъ свалился. Съ каждымъ днемъ становилось ему хуже, и онъ самъ, крехтя и охая, не разъ говорилъ, что смертный часъ его пришелъ. Съ часу на часъ ждутъ сыновья, что вотъ позоветъ ихъ батька, благословитъ и скажетъ, гдѣ у него спрятаны деньги, которыхъ, по ихъ расчету, въ тридцать лѣтъ накопилось у него много... Того же ждала и старуха. Но старикъ молчалъ, только жа-

[illegible] на [illegible] въ груди, да на то, что сила совсѣмъ пропала: [illegible] [illegible], на [illegible] пошевелить не можетъ.... Прошелъ еще день и ст[illegible] [illegible] плохо: самъ онъ ужь подняться не могъ. Благ[illegible] [illegible] дѣтей, простился и съ старухой своей, а про деньги [illegible] [illegible]. Наконецъ старуха рѣшилась сама спросить, гдѣ у не[illegible] [illegible]. «Нема у меня грошей, какіе у меня гро́ши» сердито з[illegible] [illegible] и замолчалъ.... Къ вечеру стало ему еще хуже, [illegible] рѣшилась повторить вопросъ. Отвѣтъ былъ тотъ н[illegible] [illegible] его жена, онъ все стоялъ на своемъ. Мно[illegible] [illegible] которыхъ онъ уважалъ, тоже пробовали уговарива[illegible] [illegible] невѣроятно, чтобъ у него не было денегъ, говор[illegible] [illegible] же онъ ихъ унесетъ съ собой, пугали гнѣво[illegible] [illegible] Божіимъ, — старикъ сердито просилъ отстать о[illegible] [illegible] повторялъ: «не́ма у меня гро́шей».... Между тѣ[illegible] [illegible]; онъ уже не могъ самъ пошевелиться, сыно[illegible] [illegible] его съ боку на бокъ... Оставалась одна надежда на с[illegible] [illegible] И священникъ, исповѣдуя его, представилъ ему тяж[illegible] [illegible], который онъ возьметъ на душу свою, утаивъ отъ родны[illegible] [illegible] сокровище свое, оставивъ ихъ въ нищетѣ, тогда-какъ мож[illegible] [illegible] ихъ достаткомъ. Долго запирался старикъ; наконецъ, т[illegible] [illegible] увѣщаньями священника, онъ признался, что у него то[illegible] [illegible] деньги, и обѣщалъ сказать женѣ, гдѣ спрятано его сокровн[illegible] [illegible] священникъ ушелъ, обрадовавъ семейство этимъ извѣстіемъ. [illegible] проходитъ часъ, другой и третій — старикъ молчитъ; напра[illegible] [illegible] старуха сидитъ подлѣ него и смотритъ умильно и ободрительно [illegible] впалые угрюмые глаза, — старикъ молчитъ. Наконецъ [illegible] опять рѣшается заговорить первая:

— Касатикъ ты мой! говоритъ она. Скажи, чѣмъ прогнѣвали [illegible] тебя, грѣшные, что ты хочешь лишить наслѣдства родныхъ д[illegible] [illegible], а меня, жену свою, на старости лѣтъ пустить по-міру? [illegible] когда-то мы не выходили изъ твоего повиновенія. Сыновья [illegible] во всемъ тебя слушались, какъ слѣдуетъ по закону, да [illegible] никогда тебѣ не поперечила.... Вдругъ ты скупенекъ ст[illegible] началъ денежки приберегать, мало на прожитокъ давалъ.... Р[illegible] мы жаловались, шли противъ воли твоей.... Никогда! на то ты [illegible] му дому глава: курицу яйца не учатъ! Ну а теперь, коли ты с[illegible] говоришь, что послѣдній часъ твой пришелъ, такъ не лишай [illegible] свою вдову горемычную милости своей, не обидь сыновей св[illegible] кровныхъ....

— Нема у меня гро́шей, угрюмо и нерѣшительно отвѣчалъ [illegible] рикъ.

— Побойся Бога! восклицаетъ испуганная старуха. — Да вѣдь же ты самъ сказалъ отцу Прохору, что есть у тебя деньги.... Ты только скажи, касатикъ мой, продолжала она со всею нѣжностью, какая только могла выразиться въ ея дряблomъ, разбитомъ голосѣ: — ты только скажи мнѣ, сожительницѣ твоей вѣрной и послушной, гдѣ схоронилъ ихъ, чтобы не попали онѣ въ чужія недобрыя руки, непропали даромъ?... Или ты не вѣришь мнѣ, старухѣ, или боишься, что сыновья размотаютъ твое добро?... Я, старуха, какъ жила, такъ и буду жить — гдѣ ужь мнѣ на старости роскошничать? Сыновья твои парни честные, трезвые, да ужь и въ-лѣтахъ: вѣдь ужь старшему-то пятидесятый годокъ пошелъ.... Не размотаемъ мы, не прображничаемъ добро твое, а будемъ мы жить смирно да помнить тебя добромъ да свѣчи за тебя ставить.

— Ну, скажу, скажу, глухимъ голосомъ проговорилъ старикъ, который, казалось, былъ тронутъ. — Получите свои деньги! прибавилъ онъ съ сердцемъ.

— Ну, гдѣ же онѣ у тебя, касатикъ? спрашиваетъ старуха

Старикъ молчитъ!

Проходитъ опять нѣсколько часовъ глубокаго и мучительнаго молчанія. Только тяжелые громкіе вздохи и болѣзненныя вскрикиванья старика по-временамъ нарушаютъ его.

Испуганная выраженіемъ лица своего мужа, которое постепенно приняло совершенно земляной цвѣтъ, какой бываетъ у покойниковъ, старуха рѣшается возобновить свою рѣчь.

Но старикъ молчитъ, погруженный въ свои думы.

Иногда, будто выведенный изъ терпѣнья ея унылымъ упрашиваньемъ, онъ пробормочетъ злымъ, раздражительнымъ голосомъ: «скажу, скажу», но ничего больше не скажетъ, а развѣ застонетъ, вздохнетъ, попроситъ пить и потомъ плотно стиснетъ зубы, перекрестивъ ротъ худыми длинными пальцами....

По-временамъ, сыновья входили и выходили, смотрѣли на больного отца, перешептывались, вызывали старуху, разспрашивали ее, но мать не могла сообщить ничего утѣшительнаго сыновьямъ своимъ.

Такъ ночь прошла.

На утро все семейство обступило старика. Никто не говорилъ, но всѣ смотрѣли на него умоляющимъ и вопрошающимъ взоромъ...

— Запречь савку! вдругъ среди глубокаго молчанія звонко раздался повелительный голосъ старика.

Старшій сынъ вышелъ и черезъ полчаса пришелъ сказать, что лошадь готова, и спрашивалъ, куда и кому велитъ онъ ѣхать.

— Самъ поѣду! отрывисто и строго отвѣчалъ старикъ.

Всѣ невольно вздрогнули, когда онъ, поднявшись на своей кр
ти и поставивъ на полъ босыя ноги, вдругъ выпрямился во всю
ну своего огромнаго роста, который, при страшной худобѣ его т
казался теперь еще значительнѣе...

— Чоботы и кожухъ! закричалъ онъ.

Ему помогли одѣться, и онъ безъ чужой помощи вышелъ на д
и сѣлъ въ телѣгу... Старшій сынъ хотѣлъ сѣсть рядомъ съ ним
онъ вырвалъ у него возжи, толкнулъ его вонъ изъ телѣги и пое
по направленію къ хутору.

— Никого ненадо! сказалъ онъ повелительно, сдѣлавъ знак
кой, чтобъ за нимъ не слѣдовали...

Прошло нѣсколько часовъ въ тяжеломъ ожиданіи; старик
возвращался. Наконецъ, опасаясь за него, сыновья съ дядей К
мой рѣшились поѣхать на хуторъ. Подъѣзжая къ хутору, они
дѣли его лошадь, привязанную у пасѣки; но самого старика в
не было. Они вошли въ пасѣку—и всѣ разомъ вскрикнули, объ
удивленьемъ и ужасомъ: старикъ висѣлъ на перекладинѣ, мед
качаясь; ноги его, по-временамъ, задѣвали за корень дерева, к
рый онъ, вѣроятно, подставилъ, чтобъ удобнѣе — повѣситься

Старикъ повѣсился, повѣсился, можетъ быть, за одинъ ча
естественной смерти! Неизвѣстно, полюбовался ли онъ въ посл
разъ своимъ сокровищемъ, простился ли съ нимъ, — или какъ
ѣхалъ, такъ поскорѣй и надѣлъ веревку на свою шею, муч
страхомъ, чтобъ не выманили у него признанія, гдѣ хранится
Спустя пятнадцать лѣтъ, нашлось сокровище старика. Сынов
понемногу перевели пчелъ и пасѣку уничтожили. Когда стал
пахать ту землю, гдѣ прежде была пасѣка, вдругъ наткнули
что-то жосткое—глядь: камень въ землѣ; имъ стало подозрите
приняли камень: яма; вотъ они копать, копать, да и докопали
чугунчика, а въ чугунчикѣ-то все золото да серебро.... слиш
двадцать тысячъ накопилъ старикъ. Только не-впрокъ пошло д
скопленное старикомъ: сыновья при дѣлежѣ такъ передрались
одинъ тутъ же Богу душу отдалъ; — а другой недолго его
жилъ.

Происшествіе, разсказанное здѣсь, не выдумано. Вы услы
его въ Малороссіи отъ любого старожила. Оно разсказано и
извѣстнымъ артистомъ московской сцены М. С. Щепкинымъ,
жденцемъ Малороссіи.

Н. П.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ НОВОЙ ЗЕЛАНДІИ.

ЖУРНАЛЪ ОЧЕВИДЦА.

Гумбольдтъ справедливо замѣтилъ, что «человѣкъ съ дѣтства привыкаетъ къ противоположнымъ явленіямъ — движимости воды покоя земли. Свидѣтельство всѣхъ чувствъ укрѣпляетъ его въ той увѣренности. Но вздрогни солнце, и этой одной минуты было бы довольно, чтобы поставить вверхъ дномъ опытъ цѣлой жизни. Мгновенно обнаруживается какая-то невѣдомая сила: спокойствіе природы представляется мечтою, и мы чувствуемъ вокругъ себя лишь разрушительныхъ силъ. Каждый звукъ, малѣйшее движеніе воздуха возбуждаетъ вниманіе: не довѣряешься всего больше почвѣ, на которой стоишь. Животныя, и прежде всѣхъ свиньи и собаки, чувствуютъ этотъ страхъ. Оренокскіе аллигаторы, обыкновенно такіе же подвижные, какъ наши ящерицы, бѣгутъ отъ потрясенныхъ устъ рѣки и съ мычаньемъ прячутся въ лѣсахъ. Землетрясеніе представляется человѣку какою-то неопредѣленною вездѣ угрожающею опасностію. Можно отойти отъ волкана, можно избѣжать потока лавы; но когда трясется земля, бѣжать не куда: на всякомъ шагу встрѣчешь гибель».

Трудно согласить мнѣнія Гумбольдта и доктора Чуди о продолжительности чувства ужаса, производимаго первымъ ощущеніемъ землетрясенія. Первый говоритъ, что положеніе ума, котораго увѣренность въ незыблемости земли разрушена, временно и скоропроходяще, и если одно за другимъ послѣдуетъ нѣсколько трясеній, жители страны вовсе ихъ не боятся. Напротивъ, докторъ Чуди въ своемъ путешествіи въ Перу такъ описываетъ дѣйствіе землетрясенія на туземцевъ и иностранцевъ:

«Сколько бы кто ни пріучился къ этому явленію, невозможно преодолѣть производимаго имъ ужаса. Житель Лимы, съ дѣтства бывшій часто свидѣтелемъ этихъ судорогъ природы, пробудясь отъ удара, выбѣгаетъ на улицу съ воплемъ: *Misericordia!* Иностранецъ изъ сѣвера Европы, которому землетрясенія извѣстны только по описаніямъ, нетерпѣливо желаетъ самъ испытать колебаніе почвы подъ собою и собственными ушами слышать подземный гулъ, казавшійся ему баснословнымъ. Ему забавенъ страхъ ожиданія близкаго удара; но прежде чѣмъ желаніе его успѣло исполниться, онъ пораженъ ужасомъ и невольно самъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ».

Древніе писатели оставили намъ очень мало подробностей о землетрясеніяхъ; впрочемъ, дошедшее отъ Фукидида, за четыре вѣка

до христіанской эры, довольно подробное описаніе этого явленія
островѣ Эльбѣ, представляетъ нѣкоторыя характеристическія чер
землетрясенія въ Лиссабонѣ и въ Мессинѣ, случившихся чер
двадцать одно столѣтіе. Лиссабонское землетрясеніе 1 ноября 175
было страшною катастрофою: городъ почти весь былъ разрушен
въ пять минутъ, какъ продолжалось землетрясеніе, погибло ок
30,000 человѣкъ. Оно распространилось на разстоянія неимов
ныя: вдругъ взмутились рѣки Швейцаріи, безъ всякаго дождя,
Невшательскомъ озерѣ вода поднялась около двухъ футовъ в
обыкновеннаго уровня. Въ Портсмутѣ стоявшій на нѣсколь
якоряхъ корабль Госпоръ нѣсколько разъ зачерпнулъ носомъ и
мою внезапно и сильно взволнованную воду. Во рвахъ, котор
окруженъ замокъ Шербурнъ, въ Оксфордширѣ, обнаружился
вильный приливъ и отливъ. Въ свинцовыхъ рудникахъ въ Эд
работники на глубинѣ болѣе 600 футовъ замѣтили дрожаніе зем
отъ котораго вываливалось нѣсколько глыбъ изъ сводовъ. На
рахъ Швеціи и Норвегіи, въ каналахъ *La Haye* и ключахъ Тепл
въ Богеміи, были сдѣланы любопытныя наблюденія, доказываю
что эти мѣста подверглись вліянію землетрясенія, которое, на
пивъ внезапно среди прекраснаго дня, оставило на взрытой по
Португаліи слѣды своего ужаснаго могущества.

Гумбольдтъ говоритъ, что оно было чувствуемо въ Альпахъ
берегахъ Швеціи, на Антильскихъ островахъ, Антигоѣ, Барба
Мартиникѣ, на большихъ канадскихъ озерахъ, въ Турингѣ, на
верныхъ равнинахъ Германіи и въ маленькихъ прибрежныхъ
рахъ балтійскихъ; т. е., что оно распространилось по площади
700,000 миль, или по 12-й части всего земного шара.

Вотъ нѣсколько словъ изъ гумбольдтова описанія землетряс
26 марта 1812 года, разрушившаго городъ Каракасъ и погубивш
20,000 жителей въ Венецуэллѣ: «въ эту эпоху въ провинціи В
цуэллѣ была сильная засуха. Въ Каракасѣ и на 90 льё вокругъ
видѣли ни капли дождя за пять мѣсяцевъ до разрушенія столи
26 марта было необыкновенно жарко. Воздухъ былъ спокоен
небо ясно. Это былъ страстной четвергъ: бо́льшая часть насел
наполняла церкви. Ничто, казалось, не предвѣщало несчастій эт
дня. Первый ударъ почувствовался въ 4 часа и 7 минутъ. Онъ бы
такъ силенъ, что колокола церковные зазвенѣли, и продолжа
отъ 5 до 6 секундъ; вслѣдъ за нимъ наступилъ новый ударъ отъ
до 12 секундъ, въ продолженіи которыхъ земля будто кипѣла и
жидкость и постоянно колебалась. И когда уже думали, что оп
ность миновала, вдругъ послышался страшный подземный гу
Онъ походилъ на раскаты грома, но былъ сильнѣе и продолжите

нѣе того грохота, какой слышится подъ тропинками во время грозъ. За этимъ шумомъ началось перепендикулярное трясеніе отъ 3 до 4 секундъ, и смѣнилось волнообразнымъ движеніемъ, болѣе продолжительнымъ. Удары были въ противоположныхъ направленіяхъ, отъ сѣвера къ югу, и отъ востока къ западу. Ничто не могло устоять противъ этихъ ударовъ сверху внизъ и перекрестныхъ толчковъ. Городъ Каракасъ былъ разрушенъ до основанія. Отъ 9 до 10 тысячъ жителей были погребены подъ развалинами церквей и домовъ.... Ночь съ четверга на пятницу представляла самое раздирающее зрѣлище отчаянія и бѣдствія. На землѣ осѣлъ густой слой пыли, которая, поднявшись надъ развалинами, какъ туманъ омрачала воздухъ; не было слышно ни малѣйшаго удара, и никогда ночь не была такъ тиха и прекрасна. Почти полная луна озаряла округленныя зданія Силлы, и видъ яснаго неба разительно противорѣчилъ съ картиною земли, покрытой трупами и развалинами....»

Послѣ разрушеній, производимыхъ землетрясеніями, и ужаса, внушаемаго непривычнымъ колебаніемъ почвы, всего страшнѣе тотъ таинственный гулъ, которымъ обыкновенно сопровождаются эти явленія, и который, впрочемъ, не всегда слышенъ въ одно съ ними время, а иногда гораздо послѣ. Извѣстно много случаевъ, когда землетрясеніе было безъ этого шума, и, на-оборотъ, подземный шумъ былъ слышенъ въ продолженіи иногда цѣлаго мѣсяца безъ всякаго землетрясенія. Гумбольдтъ говоритъ, что сила глухого шума, сопровождающаго трясеніе земли, не увеличивается въ той степени, какъ сила ударовъ. Онъ увѣрился внимательнымъ изученіемъ разныхъ фазисовъ этого явленія въ Ріобамба (4 февраля 1797), одного изъ самыхъ страшныхъ явленій, о какихъ только упоминается въ физической исторіи земного шара, что главный ударъ не былъ сопровождаемъ никакимъ шумомъ. Страшные раскаты, которые были слышны подъ землею въ Квито и Ибаррѣ, раздались черезъ 18 или 20 минутъ *послѣ* катастрофы; но ихъ не было слышно ни въ Тагунтѣ, ни въ Гамбато, хотя эти города ближе къ центру, отъ котораго началось землетрясеніе. Черезъ четверть часа послѣ знаменитаго землетрясенія, разрушившаго Лиму (28 октября 1846), въ Трухильо раздался подземный громъ, но безъ всякаго удара. Тоже случилось чрезъ долгое время послѣ сильнаго землетрясенія въ Новой-Гренадѣ (16 ноября 1827), описаннаго Буссинго: въ долинѣ Каука подземный грохотъ повторялся нѣсколько разъ черезъ каждыя 30 секундъ, и также безъ ударовъ.

Шумъ этотъ бываетъ весьма разнообразенъ: это или грохотъ, или раскаты, или звучаніе будто разорванныхъ цѣпей; иногда онъ скачетъ, какъ молнія близкаго грома, иногда разсыпается съ тре-

скомъ, какъ-будто кремнистыя скалы ломаются другъ о друга
подземныхъ разсѣлинахъ. Извѣстно, что твердыя тѣла очень хо
шіе проводники звука, котораго волны въ сосудѣ изъ жженой гл
распространяются въ 10 или 12 разъ скорѣе, чѣмъ въ возду
такъ и подземный шумъ можетъ слышаться на огромныхъ разс
ніяхъ отъ мѣста его исхода, въ Каракасѣ, на равнинахъ Калоба
на берегахъ Рio-Апуре, одного изъ притоковъ Ореноко; т. е. на
столніи 1,300 квадратныхъ миріаметровъ былъ слышенъ страш
подземный шумъ, безъ ударовъ, въ то самое время, когда изъ
тера Санъ-Винцента, на Антильскихъ островахъ, вытекаетъ пот
лавы. По разстоянію, это можно сравнить, какъ если бы наверн
Везувія было слышно на сѣверѣ Франціи. Во время сильнаго из
женія Котопакси, въ 1744 г., подземный громъ слышенъ былъ
Гондѣ, на берегахъ Магдалины, между тѣмъ какъ разстоянія ме
этими двумя мѣстами 81 милліаметръ, а разницы въ уровнѣ
5,000 метровъ, и они раздѣлены колоссальными массами горъ Ка
Пасто и другихъ, множествомъ долинъ и ущелій. Очевидно, зв
передавался не воздухомъ, а распространялся въ землѣ на боль
глубинѣ. Во время землетрясенія въ Новой-Гренадѣ, въ апрѣлѣ 1
тѣже явленія повторялись въ Папаянѣ, Боготѣ, Санта-Мартѣ и
ракасѣ, гдѣ шумъ продолжался сряду 7 часовъ, безъ ударовъ.
Гаити, Ямайкѣ и на берегахъ озера Никарагуа.

Этотъ шумъ, или гулъ, хотя и безъ ударовъ, всегда произво
глубокое впечатлѣніе даже на тѣхъ, которые привыкли къ мѣ
часто подверженному землетрясеніямъ; съ какимъ-то смущени
ожидаютъ они того, что должно наступить послѣ этихъ внутрени
звуковъ. Таковы были *bramidos y truenos subteraneos* (мычан
подземный громъ) въ Гуанаксато, славномъ и богатомъ мекс
скомъ городѣ, расположенномъ вдалекѣ отъ всѣхъ дѣйствующ
вулкановъ. Звуки эти начались 9 марта 1784 года въ полночь и
должались болѣе мѣсяца. Отъ 13 до 16 января казалось, бу
подъ землею гроза; по-временамъ слышенъ былъ сухой и коро
трескъ молніи, разрѣшавшійся продолжительными раскатами о
леннаго грома. Шумъ уменьшался, также какъ усиливался, по
пенно. Онъ ограничивался небольшимъ пространствомъ; за
сколько миріаметровъ оттуда, на базальтовой почвѣ, онъ слыш
не былъ. Почти всѣ жители поражены были страхомъ, уходили
города, въ которомъ оставалось множество серебра, и только хр
рѣйшіе должны были возвращаться, чтобы защищать его отъ
бравшихся туда разбойниковъ. Во все продолженіе этого явленія
было чувствуемо ни одного удара ни на поверхности, ни въ сос

ихъ глубинахъ на 500 метровъ; ни до этого случая, ни послѣ въ Мексикѣ не слышали подобнаго шума.

Хотя ничего еще положительнаго неизвѣстно о свойствахъ и причинахъ землетрясеній; но многочисленныя наблюденія заставляютъ предполагать, что это явленіе тѣсно соединяется съ волканическимъ дѣйствіемъ. Гумбольдтъ говоритъ, что на краю двухъ кратеровъ, Пеяувія и Пичинха, близь Квито, онъ чувствовалъ періодическіе и очень правильные удары, предшествовавшіе каждый разъ за 20 или 30 секундъ изверженіемъ золы или воспламененнаго газа, и что сила этихъ ударовъ увеличивалась пропорціонально промежуткамъ времени отъ одного до другого, т. е. пропорціонально времени, въ которое сбирались газы. Изъ этого онъ заключаетъ, что дѣйствующіе волканы должно считать предохранительными клапанами для ихъ непосредственнаго сосѣдства, и мнѣніе это подтверждаютъ всѣ путешественники. Впрочемъ, сила ударовъ не всегда сильнѣе въ окружностяхъ дѣйствующихъ волкановъ, какъ доказываетъ разрушеніе Лиссабона, Каракаса, Лимы и столькихъ городовъ въ Калабріи, Сиріи и малой Азіи.

Землетрясенія обнаруживаются не всегда одинаково: колебанія земли бываютъ вертикальны, горизонтальны или круговращательны; иногда первые два вида движеній смѣшиваются. Вертикальное трясеніе въ Ріомба, въ 1797, раскрыло тамъ рудникъ; трупы множества погибшихъ были заброшены далеко за ручей Ликанъ, даже на холмъ Кулка, имѣющаго нѣсколько сотъ футовъ вышины. Обыкновенно трясеніе идетъ прямою или волнистою линіею отъ 4 до 5 пріометровъ въ минуту; иногда оно распространяется волною и составляетъ круги, въ которыхъ ударъ идетъ отъ центра къ окружности, но уменьшаясь силою.... Когда такіе круги сталкиваются и смѣшиваются другъ съ другомъ, тогда могутъ образоваться разныя системы пересѣкающихся волнъ.

Мы намѣрены теперь представить нашимъ читателямъ описаніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ недавнее землетрясеніе въ Новой-Зеландіи. Журналъ этотъ составленъ очевидцемъ и замѣчателенъ въ особенности съ точки зрѣнія ученой, представляя всѣ признаки явленія, замѣченные Гумбольдтомъ на другихъ точкахъ земли. Прибавимъ къ этому, что Новая-Зеландія по всей своей поверхности сохранила рѣдкія черты волканическихъ дѣйствій въ давнія времена, что гора Тангариро, о которой здѣсь говорится, можетъ почесться центромъ этихъ дѣйствій въ послѣднее время.

Петербургъ, 16 октября 1848.

Нынѣче утромъ, въ 2 часа безъ 20 минутъ, насъ разбудил ударъ землетрясенія, такой сильный и продолжительный, какого я когда еще здѣсь не чувствовали. Однакожь, этимъ только начал рядъ такихъ же потрясеній, повторявшихся съ небольшими пром жутками все утро и остальную часть дня. Домъ мой (къ счастію, р ревянный) шатался значительно, колокольчики звенѣли и часы ос новились. Около 40 секундъ качаніе было такъ сильно, что я едва мо держаться на ногахъ. Оно продолжалось около 3 или 4 минутъ. цѣлый часъ не было почти промежутка ни на одну минуту нел ударами; все утро, до 6 часовъ, они продолжали быстро повторять и колебаніе земли почти не уменьшалось. Мы боялись, что упад камины, но они устояли; однакожь, - такъ испортились, что пре прежная опасность, я вслѣдъ сломать ихъ. Сильный юго-восточн вѣтеръ съ проливнымъ дождемъ бушевалъ всю ночь. Тотчасъ слѣ перваго удара, я сталъ наблюдать барометръ: ртуть, бывшая канунѣ, въ 9 часовъ вечера, на 29 дюймахъ (домъ нашъ на 500 тахъ выше уровня залива) поднялась до 29,04. Утромъ она опус лась на 20,03, — измѣненіе очень незначительное.

Мы узнали, что въ городѣ развалилось много печей и еще бо растрескалось; кирпичныя строенія нѣсколько пострадали.

Бо́льшая часть ударовъ шла съ сѣвера или съ *NNE*; одинъ два по направленію нѣсколько болѣе къ *E* или *NE*, и я замѣт одинъ, который, казалось, шелъ съ двухъ различныхъ сторо встрѣтившись въ этой точкѣ.

Вторникъ, 17. Удары продолжались цѣлый день съ неправи ными промежутками. Въ 4 часа безъ 20 минутъ раздался ударъ с нѣе перваго. Я былъ тогда въ зданіи присутственныхъ мѣстъ: ст ніе потряслось и черезъ нѣсколько времени такъ закачалось, что не прикрѣпленное къ стѣнамъ, упало. Я принужденъ былъ держ ся. Сперва почувствовался мгновенный толчокъ, не слишкомъ с ный, на 4 или 5 секундъ; за тѣмъ сильный шумъ отъ сѣвера къ стоку, и наконецъ большой ударъ. Окна съ быстротою растворил съ камина облетѣли всѣ украшенія, бутылки свалились со ст Наибо́льшая сила удара длилась около минуты или нѣсколько ме Нашъ плотникъ, занимавшійся поправкою камина моего въ Кар послѣ сказалъ мнѣ, что дрожанье земли продолжалось 18 мину По всему берегу раздавались вопли и крики, которые давали зна разрушенія и ужасѣ, произведенныхъ этимъ ударомъ. Въ кабин своемъ я былъ занятъ до 4 часовъ. Войдя въ Судную Палату увидѣлъ, что печь въ ней совершенно осѣла, и только потому упала, что съ одной стороны ее поддерживала стѣна моего кабин

а съ другой стѣна комнаты актуаріуса. Тотчасъ послѣ этого я отправился въ госпиталь, прочно сдѣланный изъ кирпича и недавно оконченный; онъ не развалился, потому-что стѣны и кровля были на хорошихъ связяхъ; но кирпичныя части разсѣлись и растрескались въ своихъ направленіяхъ, такъ-что жить въ этомъ домѣ было невозможно: его должно будетъ сломать совершенно. Больныхъ тотчасъ перенесли въ другой казенный домъ. Сквозь зрительную трубку можно было замѣтить по направленію къ Те Аро, что всѣ кирпичныя строенія болѣе или менѣе потерпѣли. Земля была усѣяна разрушенными печами, которыя обыкновенно строятся здѣсь снаружи и опираются о стѣны домовъ; къ счастію, ихъ паденіе не сдѣлало никакого вреда обитателямъ деревянныхъ домовъ.

Я возвратился домой въ 6 часовъ и нашелъ, что печи еще болѣе потерпѣли, а въ библіотекѣ печь совершенно развалилась; удержалась одна только, которая, должно быть, обложена была досками и лучше скрѣплена, въ кухнѣ.

Среда, 18. Удары продолжались всю ночь и весь день; но ни одинъ не сдѣлалъ поврежденій въ тѣхъ домахъ, которые еще не были тронуты. Почва находилась постоянно въ движеніи и слышны были глухіе подземные звуки землетрясенія. Звуки эти были очень странны: они походили на шумъ обоза, катившагося въ тоннели, какимъ онъ слышится человѣку, стоящему у входа тоннели. Я слышалъ подобный шумъ отъ печей въ большомъ пароходѣ; только здѣшній не былъ такъ звученъ. Его можно сравнить съ отдаленнымъ громомъ или съ пушечными выстрѣлами; но онъ глуше и не имѣетъ точнаго сходства ни съ чѣмъ извѣстнымъ. Я замѣтилъ, что когда удары повторялись при сильномъ вѣтрѣ, тогда подземный шумъ не былъ слышенъ; его заглушалъ болѣе близкій шумъ вѣтра; когда же удары происходили въ тишь, имъ обыкновенно предшествовалъ или слѣдовалъ за ними сильный порывъ вѣтра.

Нынче я былъ въ Те-Аро. (Такъ называется торговая часть города.) По всему было замѣтно, что тамъ всего сильнѣе чувствовалось землятрясеніе. Всѣ большіе магазины, артиллерійскія кладовыя, церковь методистовъ и множество кирпичныхъ домовъ получили трещины во всю вышину. Кровли держались еще на стѣнахъ; но большія каменныя части, карнизы и прочее обвалились: все надобно разламывать. Часть магазина Фицъ-Герберта повалилась поперекъ улицы и задавила собою управителя казармъ и его двоихъ дѣтей. Дѣвочка 8 лѣтъ умерла подъ развалинами, осьмилѣтній мальчикъ умеръ вечеромъ. Тяжело раненый, отецъ былъ отнесенъ въ военный госпиталь и умеръ въ пятницу.

Весь этотъ день густое облако дыма носилось надъ городо точно-будто подложилъ кто-нибудь огня подъ хворостъ; но не бывшаго дождя хворостъ не горѣлъ бы. Я не замѣтилъ бы даже го обстоятельства, если бы вечеромъ не сказали мнѣ, что небо ло озарено, по направленію къ сѣверу, будто отблескомъ пож можетъ быть, въ это время происходило изверженіе кратера Танг ро, который отсюда въ 140 миляхъ.

Четвергъ, 19. Нынѣшнимъ утромъ, ровно въ 5 часовъ, былъ кой сильный ударъ, что его наибо́льшая сила длилась около мину но движеніе было значительное три съ половиною минуты, а вп ція продолжалась восемь минутъ. Онъ сдѣлалъ больше поврежде нежели всѣ прежніе удары вмѣстѣ, разрушилъ кирпичный фу ментъ, на которомъ стоялъ нашъ очагъ, окончательно развалилъ печи, штукатурка стѣнъ нижняго этажа облетѣла кусками; множе отдѣльныхъ вещей изломалось; окна раскрывались сами собою. этого времени удары стали повторяться, съ короткими проме ками, весь день и всю ночь.

Вечеромъ, почти до 9 съ половиною часовъ, къ югу и юго стоку небо имѣло видъ жолто-багровый; но я не думаю, чтобы явленіе происходило отъ изверженія волкана. Что-то подобное чилось мнѣ видѣть въ морѣ, когда небо было загромождено туч при сильномъ порывѣ вѣтра. Когда состояніе атмосферы благопр ствуетъ рефракціи, тогда солнечный свѣтъ можетъ быть ви долгое время послѣ заката, и, падая на густыя облака, давать этотъ видъ.

Пятница, 20. Удары продолжались всю ночь. Днемъ, каже они стали не такъ часты и сильны.

Те-Аро представляетъ однѣ развалины. Большой кирпичный газинъ Роде совершенно уничтоженъ; фасадъ церкви методис обрушился. Артиллерійскія кладовыя и многія большія зданія вратились въ груды камней: даже низенькая стѣна, которою о женъ дворъ Фицъ-Герберта, лежитъ на землѣ. Убытки владѣлы очень значительны. Послѣдній ударъ въ нѣкоторомъ отношеніи несъ и пользу: онъ повалилъ много стѣнъ, бывшихъ въ очень номъ состояніи. Въ городѣ, естественно, всѣ перепуганы продол тельностію всего этого. Нѣкоторые выѣзжаютъ на горы, считая бя тамъ въ бо́льшей безопасности; но я не нахожу это предполо ніе вѣроятнымъ. До сихъ поръ, всѣ деревянные дома цѣлы, а и ча кирпичныхъ зданій преимущественно зависитъ отъ ихъ непр ной постройки, въ которой слишкомъ расчитывали употребленіе с зей и извести.

Я узналъ, что въ среду приливъ и отливъ былъ гораздо сильнѣе обыкновеннаго. Несмотря на то, что теперь пора отлива, море выступило на набережную и вода вошла въ нижніе этажи иныхъ домовъ. Это обстоятельство, для объясненія котораго было бы достаточно продолженіе юго-восточнаго вѣтра, теперь произвело, однакожь, много страху.

Суббота, 21. Время прекрасно, барометръ высокъ, удары часты. Замѣчено, что они были чаще въ пору отлива. Впрочемъ, кажется, они не опасны и чуть ли не ослабѣваютъ.

Воскресенье, 22. Погода восхитительная; впрочемъ, удары все еще часъ отъ часу повторяются. Они длятся отъ 2 до 3 секундъ, и часто ихъ только слышишь, не чувствуя. Въ 4 часа ударъ былъ довольно силенъ (это почти время отлива). Нынче жители не такъ встревожены: хорошая погода возвращаетъ имъ спокойствіе.

Въ набережной замѣчено нѣсколько разсѣлинъ, на линіи прилива.

Понедѣльникъ, 21. Хорошая погода продолжается при свѣжемъ сѣверо западномъ вѣтрѣ. Удары довольно часты, — почти чрезъ каждые полчаса, но не сильны.

Въ послѣдней половинѣ сентября до 6 октября время было очень хорошо и сухо. Барометръ измѣнялся, въ первую половину мѣсяца отъ 29,42 до 29,80 съ сѣверо-западнымъ вѣтромъ (который обыкновенно понижаетъ его) и на 500 футовъ надъ уровнемъ моря. Онъ постепенно понижался съ 1 числа и вечеромъ 6 октября упалъ значительнѣе. Тогда настали дожди. Ниже всего доходилъ барометръ до 28,37 (около 724 миллиметровъ) вечеромъ 18 числа. Термометръ измѣнялся отъ 42 (5° 5) 15 до 66 (19°) 25 числа.

Кажется, очень небольшое число ударовъ шло съ противоположной стороны, т. е. съ *S. E. SSE.* Но должно замѣтить, что весьма легко ошибиться въ направленіи удара. По перемѣнѣ мѣстъ и движенію мебелей ничего нельзя заключить. Въ спальнѣ у меня комодъ стоялъ у стѣны на *NE*; онъ подвинулся на четыре или пять дюймовъ впередъ. Піано, бывшее у противоположной стѣны на *SE*, тоже подвинулось впередъ на такое же разстояніе, между тѣмъ какъ другія здѣсь же стоявшія мебли были опрокинуты. Что́ касается до шума, онъ идетъ достовѣрно съ *NNE*.

Изъ разсказовъ колонистовъ и туземцевъ о прежнихъ землетрясеніяхъ нельзя заключить, чтобы они усиливались. Въ пятилѣтнее мое пребываніе здѣсь я ежегодно насчитывалъ ихъ отъ двѣнадцати до двадцати, но они были такъ слабы, что не дѣлали никакого вреда и не тревожили жителей. Одинъ только разъ 4 и 5 декабря 1846 г., необыкновенное число ударовъ, именно восемь, повторялось въ продолженіи времени отъ 5 часовъ по полудни до 9 часовъ слѣдующаго

утра, в нѣкоторые изъ нихъ были очень сильны. Колонисты пр
выкли къ этимъ явленіямъ и больше не боятся ихъ.

Многіе изъ образованнѣйшихъ туземцевъ увѣряли, что нико
не видывали ничего подобнаго. По ихъ словамъ, удары бывали си
ные, но никогда въ такомъ количествѣ, и что въ Вангапуѣ и въ Т
ранаке были удары еще сильнѣе здѣшнихъ, такъ-что даже зем
проваливалась. Ихъ средства измѣрить продолжительность удар
очень неудовлетворительны: сильный ударъ не могъ дѣлать боль
го впечатлѣнія на людей, которые лежатъ на землѣ подъ тростни
выми шалашами; о силѣ ударовъ можно имѣть довольно точное п
нятіе только въ зданіяхъ, выстроенныхъ изъ дерева или изъ друг
матеріяловъ. Даже теперь, въ кирпичныхъ домахъ, мы получаем
землетрясенія болѣе разительное понятіе, нежели стоя на землѣ.

Я думаю, что нельзя сомнѣваться въ томъ, гдѣ находится цент
движенія: островъ этотъ покрытъ сѣтью волкановъ, постоянно дѣ
ствующихъ. Они начинаются въ Тангариро, конической горѣ окс
десяти тысячь футовъ вышиною; эту гору видно изъ Вангапу
изъ Кукова пролива; изъ нея постоянно вырываются клубы пар
дыма. Меня увѣряли, что зимою 1845 она извергала пламя. О
Тангариро цѣпь распространяется по направленію линіи озеръ, т
лыхъ ключей, разсѣлинъ, до залива Изобилія, гдѣ находится Бѣл
островъ, дѣйствующій волканъ, котораго кратеръ почти на уров
моря. Я самъ видѣлъ его. Отъ Тангариро Бѣлый островъ въ напр
вленіи почти на *NE*. Нѣкоторые ключи содержатъ воду до 216° те
пературы на поверхности. Одно озеро называется Рото-Магана (Р
то — озеро, Магана — горящее). Постоянно здѣсь слышится по
земный шумъ, отъ времени до времени раскрываются новыя раз
лины и дѣлаются большіе провалы. Въ 1846 году, въ одномъ и
такихъ проваловъ погибло болѣе пятидесяти человѣкъ. Таково но
мальное волканическое положеніе почвы: самое слабое увеличе
волканическаго дѣйствія объясняетъ все, что было сказано о пр
шедшей недѣлѣ. Если бы бывшіе здѣсь проливные дожди распр
странились къ сѣверу, то навѣрное волканическое дѣйствіе усилило
бы. Вся излишняя масса воды, переполнивъ обыкновенныя границ
и помѣщенія и перелившись въ разсѣлины и горячія жерла, долж
произвесть сильное противодѣйствіе относительной плотности
упругости воздуха и паровъ въ волканическихъ пустотахъ, а эт
измѣненія сами по себѣ были послѣдуемы чрезвычайными усиліям
газовъ выйти наружу. И если справедливо, что въ это время Танга
риро была въ дѣйствіи больше обыкновеннаго, то развѣ не доказы
ваетъ это, что ее можно считать предохранительнымъ клапаномъ?

Понедѣльникъ, 24. Вчера въ три часа по полудни былъ довольно сильный ударъ. Кромѣ этого не было значительныхъ потрясеній. Они слѣдовали другъ за другомъ, съ короткими промежутками, но были слабы. Ночью и все нынѣшнее утро они стали еще рѣже и слабѣе. Въ два часа утра былъ ударъ посильнѣе, длившійся нѣсколько секундъ; но вообще трясеніе стало такъ легко и рѣдко, что мы почитали все оконченнымъ. Однакожъ, въ два часа по полудни опять былъ такой сильный ударъ, какого мы еще не чувствовали; онъ былъ очень коротокъ, но надѣлалъ бы много вреда, если бы его не предупредило прежнее разрушеніе. За нимъ послѣдовали еще многіе довольно значительные удары, которые продолжались весь вечеръ. Успокоенные хорошею погодою и ослабленіемъ ударовъ, всѣ снова пришли въ волненіе.

Изъ Вангапуи были получены письма: тамъ чувствовали землетрясеніе въ понедѣльникъ, вторникъ и среду; но оно не сдѣлало никакого вреда. Кромѣ одной небольшой церкви изъ кирпича, въ Вангапуѣ всѣ зданія деревянныя, такъ-что нѣтъ средствъ сравнить силу землетрясенія тамошняго съ здѣшнимъ.

Въ эту минуту, какъ я пишу, чувствуется очень сильный ударъ (пять часовъ и три четверти). Движеніе волнистое и, кажется, идетъ снизу вверхъ: я чувствовалъ это очень ясно, стоя на террасѣ. Въ шесть часовъ безъ десяти минутъ — новый ударъ, сильнѣе предъидущаго.

Удары прошедшей недѣли были чувствуемы въ разныхъ мѣстахъ острова. Въ шесть часовъ безъ трехъ минутъ — опять ударъ. Три послѣдніе длились отъ трехъ до пяти секундъ каждый. Движеніе довольно сильно.

Шесть часовъ и одна минута — опять ударъ. Шесть часовъ съ половиною — опять сильный ударъ, продолжавшійся двадцать одну секунду.

Семь часовъ безъ двадцати минутъ — ударъ длился семь секундъ. Семь часовъ безъ четверти — ударъ на одну секунду.

Эти семь ударовъ записалъ я въ одинъ часъ, чтобы дать идею о нашемъ положеніи въ теченіи девяти дней. Замѣчательно, съ одной стороны, что сильные удары бываютъ всегда послѣ остановки, — съ другой, что послѣ сильнаго удара всегда слѣдуетъ нѣсколько слабѣйшихъ.

Никто не считалъ числа ударовъ въ цѣлый день; но, безъ сомнѣнія, ихъ было больше тысячи. Иногда между ними не было и минуты промежутка, иногда 2, 3, 4, 5 минутъ, и т. д., пока наконецъ въ часъ былъ одинъ или два удара. Дня три прошло совершенно покойно.

Вторникъ, 25. Послѣ вчерашняго удара въ два часа, докто Прендегастъ насчиталъ ихъ тридцать до семи часовъ. За тѣмъ о начали возобновляться черезъ каждыя семь или восемь минутъ; я сталъ считать ихъ около шести часовъ безъ четверти. Отъ дес часовъ до полуночи они были очень часты, около десяти въ ча Время стоитъ прекрасное. Очевидно, что состояніе атмосферы имѣетъ никакого вліянія на удары, и что они могутъ быть во в кое время, при всякомъ вѣтрѣ, въ бурю какъ и въ ведро. Баромет тоже ничего не показываетъ.

По-полудни. Удары очень слабые и не столько часты.

Въ нашемъ саду есть трещина, совершенно сверхестественная, четыре ярда длины, въ направленіи отъ *E. N E.* къ *O. S. O.*

Слѣдующій случай я привожу, какъ образчикъ свойствъ зем трясенія. Въ одномъ магазинѣ было много бочонковъ съ анчоуса они были уставлены одинъ подлѣ другого на пространствѣ оле квадратнаго ярда. На разстояніи четырехъ или пяти футовъ на к стоялъ бочонокъ, до половины налитый пивомъ. Этотъ бочон былъ поднятъ на воздухъ и поставленъ на бочонки съ анчоуса изъ которыхъ ни одинъ не былъ ни разбитъ, ни опрокинутъ. Ко баніе очевидно, распространяется, въ извѣстномъ направленіи и м нообразно, отчего и происходитъ это движеніе снизу вверхъ. Э должно быть понятно всѣмъ, кому случалось плавать въ морѣ время большого волненія: волны, набѣгая сзади, уносятъ плов впередъ и вмѣстѣ поднимаютъ вверхъ.

При нѣкоторыхъ ударахъ, движеніе бываетъ перекрестное и с провождается какимъ-то шумомъ подземнаго тренія. Одинъ ра послѣ удара стоявшее въ сосудѣ молоко получило круговое обращ ніе, и оттого сливки собрались въ срединѣ. Вчера при сильномъ уда я не замѣтилъ никакого особеннаго движенія на морѣ, хотя бы отъ берега очень недалеко, на террасѣ у зданія присутственны мѣстъ. Незначительные, приведенные мною факты не имѣютъ, м жетъ быть, никакой важности; но какъ я не знатокъ въ теоріи этих явленій, то мнѣ не хотѣлось опустить какое-нибудь обстоятельств изъ котораго можно бы было извлечь какое-нибудь полезное для н уки заключеніе.

P. S. 18 ноября, 1848. Со времени послѣдней записки въ моем журналѣ, 25 октября, не было ни одного дня безъ ударовъ, но он ничѣмъ не замѣчательны. Изъ всѣхъ ударовъ въ продолженіи пят недѣль четыре только были разрушительны, хотя ихъ бывало от пятнадцати въ часъ до ста пятидесяти въ сутки. Въ нынѣшнем мѣсяцѣ число ихъ измѣнялось отъ 3-и 4 до 7 и 8 въ день; можно бы сказать, что они сильнѣе послѣ дождя; но это непостоянно, и сдѣлал

изъ этого можно вывести общее заключеніе. Очень часто слышится еще шумъ, но безъ примѣтнаго движенія, и самые удары рѣдко можно было чувствовать внѣ дома. Впрочемъ, третьяго дня они были довольно ощутительны, и сидя на землѣ полчаса послѣ полудня, я насчитлаъ четыре явственные удара, сопровождавшіеся отдаленными раскатами и обыкновеннымъ подземнымъ грохотомъ.

Вообще удары не только ослабѣли, но и перемѣнили направленіе: теперь они идутъ отъ *E.* и даже отъ *E. S. E.* О направленіи ихъ я говорю по собственнымъ ощущеніямъ; но должно сказать, что въ этомъ отношеніи есть мнѣнія и совершенно противоположныя, и, судя по движенью мебелей и другихъ вещей, довольно трудно опредѣлить это направленіе. Впрочемъ, на открытомъ воздухѣ ухо можетъ служить почти вѣрнымъ указателемъ, и если покажется иной разъ, что звукъ идетъ въ направленіи противоположномъ движенію, то это явленіе, я думаю, можно объяснить отраженьемъ звука. Въ одно утро, когда удары были довольно часты, я слышалъ на открытомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ мой домъ, шумъ, какъ обыкновенно, отъ *NE.* Скоро мнѣ понадобилось итти къ работникамъ, которые распахивали землю, граничившую къ *SO* рядомъ холмовъ, и тогда звукъ, казалось мнѣ, шелъ отъ *SO.* Я сталъ подозрѣвать причину и слушалъ внимательно. Вскорѣ я замѣтилъ ясно, при слѣдующемъ ударѣ, что звукъ несся съ *NE* и послѣ какъ бы потерялся въ собственномъ отраженіи отъ холмовъ.

Говорятъ, что на югъ отъ Кукова пролива показывалось пламя на нѣкоторыхъ горахъ; но, кажется, это не подтвердилось. По моему мнѣнію, вѣроятнѣе, что прежнія жерла завалились, нежели, что открылись новыя. Говорятъ также, и это кажется болѣе достовѣрнымъ, что на равнинѣ Вайрау осѣла земля, и на этомъ мѣстѣ, прежде твердомъ, образовалось болото, между тѣмъ какъ бывшее вблизи болото высохло; по-крайней-мѣрѣ это явленіе согласно съ небольшимъ измѣненіемъ поверхности почвы, замѣченнымъ въ Веллингтонѣ, гдѣ одинъ край небольшого провалья сталъ на нѣсколько дюймовъ ниже другого края.

Ужасъ, царствовавшій въ первые десять дней, исчезъ, кажется, совершенно; кто только могъ достать работниковъ, принялся исправлять свои печи и строить ихъ попрочнѣе и сколько можно ниже; въ поврежденныхъ строеніяхъ вообще очень мало употребляли извести, и та была дурного качества. Я готовъ думать, что кирпичныя строенія не опасны, съ условіемъ, чтобы они были въ одинъ этажъ и хорошо скрѣплены, также, чтобы стѣны были не тоньше осьмнадцати дюймовъ и сложены изъ хорошаго матеріяла. Болѣе высокое зданіе было бы опасно, если оно не деревянное, потому-что послѣдніе

удары были такъ сильны, что могли бы разрушить половину Л
дона. Опытъ южной Америки доказываетъ, кажется, что силь
землетрясенія бываютъ не чаще трехъ разъ во сто лѣтъ: это п
граница памяти поколѣнія, и дѣйствительно, здѣшніе туземц
помнятъ ряда ударовъ, подобнаго испытаннаго нами теперь. Ост
ся жителямъ городовъ Новой-Зеландіи разсудить, лучше ли под
гаться опасности землетрясенія одинъ разъ въ тридцать три г
нежели разорительному пожару, который можетъ вспыхнуть
дневно. Дѣло другое въ деревняхъ, гдѣ домы на порядочномъ
стоянія одинъ отъ другого.

Заимствуемъ изъ ново-зеландской газеты, издаваемой правит
ствомъ, нѣкоторыя подробности, которыя могутъ послужить до
неніемъ къ этому журналу. Землетрясеніе простиралось, каж
отъ широты полуострова Банкса до широты Новаго-Плимута; с
шая сила его была въ Куковомъ проливѣ и оттуда по направл
NO и *SE*. Заключеніе это выводится изъ того, что зданія были
вреждены преимущественно по этимъ двумъ направленіямъ, и
удары сильнѣе чувствовались въ Нельсонѣ, нежели въ Ванга
едва были замѣтны въ заливѣ *Гауке*, и такой же силы были на
луостровѣ Банксѣ, какъ въ Вангапуѣ. Трещины, образовавшіяс
Веллингтонѣ, у устьевъ небольшихъ рѣчекъ на сѣверо-западѣ
Вайрау, были длинны и узки, вообще не больше являющихся п
долгой засухи. Черезъ восемь часовъ послѣ перваго удара 16 октя
въ приливъ и отливъ, море поднялось, въ Веллингтонѣ, на о
футъ выше обыкновеннаго; впрочемъ, это могло случиться и
сильнаго юго-восточнаго вѣтра, который дулъ 15 и 16; 19 и 20
ная заря показалась съ большимъ блескомъ на юго-востокѣ,
ничто не показывало какой-нибудь связи ея съ землетрясені
Вѣроятно, къ этой причинѣ должно отнести необыкновенный
неба, о которомъ говорится въ журналѣ. Кажется, землетряс
было менѣе чувствуемо на равнинахъ и на мѣстахъ съ скалисти
грунтомъ; его вовсе не было въ Отаку и въ Окленлѣ. До 21 ноя
на всей площади, гдѣ было землетрясеніе, не было еще слышн
о какомъ изверженіи. Надо замѣтить, что прошедшая зима б
чрезвычайно дождлива и почти вовсе безъ вѣтра, — обстоятельс
съ которыми, какъ говорятъ, связаны землетрясенія въ юж
Америкѣ. Убытки разнаго рода въ Веллингтонѣ не превышаютъ
надцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ очень
много, если взять въ соображеніе число ударовъ и силу нѣ
торыхъ изъ нихъ. Только три человѣка были убиты упавшими с
нами.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ИСЬМА ИНОГОРОДНАГО ПОДПИСЧИКА ВЪ РЕДАКЦІЮ СОВРЕМЕННИКА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

VIII.

Въ прошломъ моемъ письмѣ я такъ много наговорилъ въ началѣ остороннаго, что нынѣшнее рѣшаюсь начать прямо съ журналовъ.

Безъ предисловья, въ сей же часъ,
Я съ ними познакомлю васъ!

Октябрскіе журналы, съ страшнымъ запасомъ стихотвореній, особенно порадовали своимъ появленіемъ моего сосѣда, любителя стихотвореній, извѣстнаго уже моимъ читателямъ; но радость его была мнутная. Никто изъ общихъ нашихъ знакомыхъ мало того, что не глашался прослушать хотя страничку, но даже всѣ съ насмѣшкою клонялись отъ разговоровъ, касающихся до этихъ новыхъ цвѣтковъ усскаго Парнасса. Одинъ я поплатился за всѣхъ: прочитавъ мнѣ есять высокопарныхъ тирадъ, сосѣдъ объявилъ, что о каждомъ тихотвореніи я обязанъ дать вамъ отчетъ въ моемъ письмѣ, — въ ротивномъ случаѣ онъ грозилъ мнѣ мщеніемъ и грозною сатирою.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если собрать всѣ журнальныя стихотворенія за 849 годъ по октябрь мѣсяцъ, то ихъ не будетъ столько, сколько ыло поднесено мнѣ въ этомъ мѣсяцѣ тремя изъ нашихъ журналовъ, именно: «Библіотекою для Чтенія», «Москвитяниномъ» и «Сѣверымъ Обозрѣніемъ». И всѣ эти поэтическіе подарки не состояли, акъ обыкновенно бываетъ, изъ однихъ маленькихъ стишковъ «Къ ей» или изъ «Воспоминаній»; напротивъ того, рядомъ съ подобными стихами были произведенія капитальныя, то есть очень длинныя и не менѣе того высокопарныя. Всякому извѣстно, что въ послѣднія десять лѣтъ публика сдѣлалась чрезвычайно холодна къ стихотвореніямъ, а критика, не ограничиваясь холодностью, съ замѣтнымъ удовольствіемъ, преслѣдуетъ и поэтовъ и поэзію: каждое ораніе стиховъ какого-нибудь новаго писателя раждаетъ по три и по етыре забавныхъ рецензіи, и вслѣдъ за тѣмъ предается забвенію. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ композиторовъ, имѣвшій большую ан-

типатію къ духовымъ инструментамъ, говоря о значеніи какл
инструмента въ оркестрѣ, выразился такъ: «что касается до флей
то, по моему мнѣнію, хуже этого инструмента можетъ быть одно т
ко: двѣ флейты». Я могу сказать почти тоже о новыхъ произв
ніяхъ русской музы: «хуже журнальнаго стихотворенія можетъ бы
въ наше время, одна только вещь: болѣе длинное стихотвореніе».

Къ несчастію, поэмы, помѣщенныя въ «Библіотекѣ для Чте
и пятой книжкѣ «Сѣвернаго Обозрѣнія», одна другой длиннѣе
всегда готовъ хорошо отозваться о маленькомъ стихотвореніи: і
думать свѣтлую мысль и выразить ее въ сжатомъ и красивомъ
емѣ можетъ почти всякій изъ обыкновенныхъ людей; но пуска
на длинное произведеніе въ стихахъ, съ картинами природы, б
бою страстей и многочисленными лицами, можетъ только вел
поэтъ; да и тотъ не всегда выходитъ побѣдителемъ. Но обратимс
новымъ поэмамъ.

Названія ихъ очень странны. Поэма «Сѣвернаго Обозрѣнія»
зывается «Скіальфа» и взята изъ финскихъ преданій. «Библіо
для Чтенія» угостила насъ «Гвая Ллиромъ», этюдомъ изъ быта
сики. Скіальфа женщина; самъ авторъ называетъ ее *«дочерью
ста»*, хотя нравъ ея не женскій, потому-что эта дочь Фроста от
но свирѣпа и убиваетъ нѣсколькихъ человѣкъ въ теченіи пол
«Гвая Ллиръ» (слеза страсти), напротивъ того, мужчина съ женск
нравомъ. Посудите сами: Гвая Ллира хотятъ зажарить и съ
мексиканскіе жрецы; онъ это очень хорошо знаетъ, а между т
въ ожиданіи казни, цѣлый годъ пируетъ, смотритъ на луну
думаетъ о томъ, какъ бы навострить лыжи и скрыться отъ поч
телей солнца, одаренныхъ довольно странными понятіями въ
гастрономіи. Въ той и другой поэмѣ очень много картинъ приро
и природы, по всей вѣроятности, незнакомой обоимъ авторамъ, т
какъ сочинитель Скіальфы не бывалъ «на печальныхъ равни
страны Оссіана, надъ свинцовымъ моремъ», — а авторъ Гвая Л
никогда не видѣлъ «плодоносныхъ долинъ Мексики, съ бананами
анами, тропическими садами и порфирными Андами». Чтобы
ближе показать вамъ различіе между двумя поэмами, я долженъ
зать вамъ, что «Гвая Ллиръ» не кончена и будетъ продолжатьс
Скіальфа окончена, ибо изъ героевъ ея уже зарѣзаны всѣ тѣ, к
рымъ слѣдовало быть зарѣзанными. Принявъ въ соображеніе
послѣднее различіе, вы не позадумаетесь отдать Скіальфѣ пре
чтеніе и кромѣ того осудить автора Гвая Ллира за желаніе
должать поэму. Совсѣмъ тѣмъ нельзя не сознаться, что осно
идея этого послѣдняго сочиненія въ высшей степени обильна эф
томъ и поэзіею, и обильна ими до такой степени, что попадись

въ руки истиннаго поэта, и мы увидѣли бы произведеніе новое, смѣлое и увлекательное.

Вотъ въ чемъ дѣло: какъ въ сочиненіяхъ Прескотта, такъ и въ старинныхъ хроникахъ, относящихся къ исторіи древней Мексики, встрѣчаемъ мы слѣдующій разсказъ о религіозномъ обычаѣ народовъ, поклонявшихся солнцу. Каждый годъ, жрецы этого божества выбирали изъ народа одного юношу, соединяющаго въ себѣ всѣ достоинства физическія съ дарованіями нравственными, и, выбравъ такого феникса, падали передъ нимъ на колѣни и, стоя на колѣнахъ, объявляли ему, что онъ избранъ для жертвоприношенія, которое должно совершиться черезъ годъ послѣ выбора. Вслѣдъ за тѣмъ на феникса надѣвали платье, осыпанное драгоцѣнными камнями, и водили его на-показъ народу, который падалъ передъ нимъ ницъ и цаловалъ край его одежды. Великолѣпный дворецъ, съ садами и прочими прихотями, отдавался во владѣніе нареченной жертвѣ; каждый день угощали его роскошнымъ столомъ, къ которому могъ онъ приглашать кого ему вздумается; всѣ Дѣвы Солнца (красавицы изъ красавицъ, потому-что нельзя было быть уродливою, нося такое мистическое названіе), всѣ Дѣвы Солнца составляли гаремъ феникса, добиваясь его ласки, какъ величайшаго счастія. Когда проходилъ годъ, счастливца убивали всенародно и, кажется, ѣли; но этого я наверное не знаю.

Авторъ Гвая Лира остановилъ свой разсказъ на томъ мѣстѣ, когда его герою предстоитъ смерть. Годъ окончился, и мнѣ очень хочется узнать, что́ сдѣлалось съ его плѣнникомъ; стало быть поэма его возбуждаетъ нѣкоторый интересъ, хотя написана виршами вотъ такого рода:

Хвальво хронику кончалъ,
Въ ней авторъ такъ повѣствовалъ
Великій богъ — *Тескатлепокъ*
Въ удѣлъ *ацтекскому народу*
Далъ все — роскошную природу,
Богатство, славу, миръ, свободу,
Безсмертья только дать *не могъ*.

Конечно, *Тескатлепокъ* и *не могъ* — рифмы не совсѣмъ богатыя, но авторъ очень любитъ это варварское наименованіе мексиканскаго бога. Впрочемъ, это самое неудобопроизносимое слово во всей поэмѣ, а неудобопроизносимыя слова, какъ всему міру извѣстно, придаютъ мѣстный колоритъ всякому разсказу. Прибавьте къ этому слову слова: *ацтеки*, *монтецума*, *саванна*, *ліаны*, *тамъ-тамъ* и *бананы*, и вамъ, при нѣкоторой доброй волѣ, возможно будетъ на-время

переселиться въ южную Америку, безъ пособія Ферри или даровитаго туриста Пл. Чихачева.

Нельзя, однако, не призадуматься надъ обычаемъ, послуж канвою поэмѣ, и не прослѣдить, съ любопытствомъ, за видо ніями мысли о платѣ за короткія минуты наслажденія всѣмъ существованіемъ. Въ изложенномъ нами мексиканскомъ обы видимъ ли мы нѣчто сродное съ тысячами преданій о людяхъ шихъ свою душу адскимъ властямъ, для того только, чтобъ и всѣ земныя наслажденія. Во всѣ страны, во всѣ общества и эта мысль и послужила канвою для многихъ прекрасныхъ о Но вмѣсто того, чтобъ слѣдить за подобными отвлеченностя торопліось кончить съ Гвая Лліромъ и со Скіальфою. Читател статочно будетъ знать, что въ первой поэмѣ исполненіе далеко содержанія, а во второй и содержаніе и исполненіе равно плохи. то неестественно порывыстый и дробный размѣръ стиха, сое съ запутанностью выраженій, ставитъ стихотвореніе «Сѣверна зрѣнія» въ разрядъ тѣхъ эксцентрическихъ произведеній, ко можетъ быть, хороши въ руническихъ надписяхъ и въ кусках паруса, но рѣшительно не на своемъ мѣстѣ въ журналѣ и н бумагѣ. Вотъ начало Скіальфы.

«Багровый край солнца надъ лѣсомъ блестѣлъ
И тихо склоняясь скрывался за нимъ;
Вдали, на востокѣ, рядъ хижинъ чернѣлъ;
Окрестность молчала; подъ кровомъ своимъ
Вождь Финновъ сидѣлъ, и къ недвижной рукѣ,
Къ колѣну прижатой, склонившись щекой,
Онъ взоромъ безпечнымъ блуждалъ вдалекѣ.
Съ нимъ дочь молодая была. Не игрой
Она увлекалась; угрюма, мрачна,
На лукъ тетиву надѣвала она.
Ей лукъ былъ забавой; въ кремнистыхъ горахъ
Она съ нимъ любила бродить безъ людей.
Тамъ мѣткой стрѣлой съ высоты въ небесахъ
Разить Бедуиновъ воздушныхъ степей.
Съ суровой душою, *дочь Фроста подруга*
Всегда удалялась; безмолвно онѣ
Ея не терпѣли за мстительный духъ,
И съ радостью скрытой рѣзвились однѣ.»

Драма г. Мея, «Царская невѣста», помѣщенная въ № 18 М тянина, хотя и написана стихами, но не можетъ итти въ ср съ стихами послѣднихъ нумеровъ «Сѣвернаго Обозрѣнія» и «Б теки для Чтенія». Она читается легко, въ ней много сценъ жи

анимательныхъ; данныя, изъ которыхъ она почерпнута, характеры и трогательны.

Скучая вдовствомъ (такъ говоритъ г. Мей, въ своемъ послѣсловіи), царь Иванъ Грозный искалъ себѣ третьей супруги. Изъ всѣхъ городовъ свезли невѣстъ въ Александровскую слободу; ихъ было до двухъ тысячъ. Царь предпочелъ всѣмъ Марѳу Собакину, дочь купца новгородскаго. Но царская невѣста занемогла, начала худѣть, сохнуть и скончалась чрезъ мѣсяцъ послѣ сватьбы. Были подозрѣнія на бояръ, при чемъ многіе изъ нихъ были казнены, въ томъ числѣ одинъ изъ любимцевъ Іоанна, Григорій Грязной. Злобный клеветникъ, докторъ Бомелій предложилъ царю истреблять злоходѣевъ домъ.

По-видимому этотъ сюжетъ такъ и пышетъ драматизмомъ: лица, которыхъ упоминается въ драмѣ, сами просятся на сцену. Чего тутъ нѣтъ! и колоссальная фигура Іоанна Грознаго, и молодой опричникъ, любимецъ царя, и старый палачъ Малюта, и Собакинъ, представитель крамольной новгородской крови, и дѣвушка, изъ ничтожества возведенная на тронъ; но всѣ эти матеріялы неловко улеглись подъ рукою автора. Драма его интересна, какъ сознаніе нѣсколькихъ сценъ изъ старинной русской жизни; все же то, что въ ней имѣетъ нѣсколько драматизма, насквозь проникнуто общимъ мѣстомъ. Вотъ какъ дополнилъ г. Мей хронику и на чемъ основалъ онъ свою драму.

Опричникъ Грязной влюбленъ въ Марѳу Собакину, обрученную его пріятелю Лыкову. Отчаиваясь въ успѣхѣ, онъ проситъ доктора Бомелія дать ему порошокъ, который бы приворожилъ красавицу. Но у Грязнаго есть любовница Любаша, которая, замѣчая его охлажденіе, узнаетъ, кто ея соперница и обращается къ Бомелію, чтобъ сгубить разлучницу. Дѣло сдѣлано: порошки подмѣнены, и опричникъ, вмѣсто любовнаго порошка, поитъ свою возлюбленную ядовитымъ ядомъ. Въ это же самое время разстроивается и предполагаемый бракъ Лыкова: Государь выбралъ его невѣсту въ суженыя себѣ. И Лыковъ и самъ Грязной отказываются отъ своей любви; но бѣдная дѣвушка не выноситъ разлуки съ суженымъ. Подъ вліяніемъ своей тоски и зѣлья, даннаго чрезъ Любашу, Марѳа начинаетъ чахнуть и сходитъ съ ума. Поминутно и вездѣ мерещится ей прежній женихъ, Ваня Лыковъ,— и изъ сцены ея сумасшествія Мей съумѣлъ сдѣлать нѣчто трогательное, — хотя нельзя не признаться, что драматическія помѣшательства давно уже надоѣли до крайности. Стоитъ только вспомнить о пѣвицахъ и актрисахъ, неминуемо распускающихъ свои волосы въ концѣ каждой печальной драмы или оперы и являющихся на сцену, чтобъ угощать слушате-

лей трогательными монологами и пѣсенками, — и при такомъ воспо
минаніи вы вполнѣ постигнете, до какой степени избиты у насъ эт
патетическія сцены.

Пьеса оканчивается признаніемъ Грязнаго и Любаши и освобо
жденіемъ Лыкова, котораго-было оклеветали въ порчѣ царской не
вѣсты.

Драма не имѣетъ цѣлости и очень мало говоритъ нашему чу
ству. Раздробивъ разговоры и выставивъ множество лицъ, автор
не очертилъ рельефно ни одного характера. Вотъ главнѣйшіе нед
статки въ исполненіи. По замыслу, драма грѣшитъ тѣмъ, что осн
вана на страстяхъ и понятіяхъ, чуждыхъ настоящему обществ
Въ-самомъ-дѣлѣ, ни суевѣрныя сношенія любовниковъ съ нѣмцем
Бомеліемъ, ни любовь тогдашняго времени, ни нравы опричнико
не способны возбудить сочувствія въ читателѣ. Іоаннъ Грозный
его приближенные — великолѣпный сюжетъ для поэмы; для др
матическаго же представленія они не годятся, потому-что дра
непремѣнно должна затрогивать тѣ страсти, которыя еще живутъ
движутся въ душѣ зрителя.

Драмы изъ старой русской жизни потому невозможны, ч
жизнь эта уже не наша жизнь. Вслѣдствіе мощной реформы Петр
мы прожили десять столѣтій въ одно, и исторія до-петровскихъ вр
менъ для насъ древняя исторія. Всѣ общественныя отношенія изм
нились радикально, всѣ наши страсти, всѣ обычаи получили друг
развитіе, и общественная жизнь временъ Іоанна Грознаго теперь о
носится къ нашей жизни такъ, какъ жизнь германцевъ, описанны
Тацитомъ, относится къ жизни современниковъ Гёте и Шиллер
Мудрено ли послѣ этого, что наши драматурги не умѣютъ возсозда
персонажей старой Руси. На что имъ опираться при этомъ создані
если ихъ собственная натура не имѣетъ ничего общаго съ натурам
ихъ героевъ?

Упомянувъ о Германіи временъ Тацита, я имѣлъ въ виду сдѣла
одно сближеніе, которое поясниттъ мою мысль (я, впрочемъ, за нее н
стою и готовъ признать ее парадоксомъ). Вамъ извѣстна исторія ге
манца Арминія и популярность этой сказки Германіи. Въ то врем
когда германская литература обратилась къ изученію древностей сво
родины, десятки замѣчательныхъ писателей пытались изъ жизн
Арминія сдѣлать гигантскую драму, и король Лудовикъ баварскій, по
ставивъ въ Мюнхенѣ статую этого древняго воина, изъявилъ желані
чтобъ поэты его родины воспѣли славу перваго побѣдителя римлян
Нельзя не согласиться, что матеріалъ для разработки былъ удив
тельный. Во времена Августа, Германія принадлежала римлянам
туманная страна горъ и лѣсовъ, прославленная Тацитомъ въ не

большомъ описаніи, которое стоитъ пяти великихъ поэмъ, покорялась римскимъ проконсуламъ, и князья ея ѣздили въ столицу завоевателей съ изъявленіемъ покорности. Въ это время жилъ въ Римѣ князь воинственнаго племени херусковъ, по имени Арминій, пользовавшійся правами римскаго гражданина и милостями Августа. Подъ личиною римской цивилизаціи скрывалъ онъ горячую любовь къ своему родному краю, съ его туманами и болотами, воинами и вдохновенными жрицами, патріархальными добродѣтелями и дикими пороками. Арминій умѣлъ поддѣлаться къ римлянамъ, и познанія его были имъ полезны въ борьбѣ съ германскими племенами. Но жажда мщенія и любовь къ родинѣ не угасали въ суровомъ сынѣ лѣсовъ, который ждалъ только случая, чтобъ отплатить римлянамъ.

Онъ имѣлъ тайныя сношенія съ отдаленными племенами своихъ соотечественниковъ. Выбравъ время, онъ извѣстилъ римскихъ полководцевъ, что отдаленные народы, жившіе за Рейномъ, замышляютъ освободиться отъ римскаго оружія. Лучшіе легіоны, подъ начальствомъ проконсула Квинтилія Вара, двинулись на укрощеніе мятежа, а Арминію, въ знакъ лестнаго довѣрія отъ начальника, порученъ былъ арріергардъ. Извѣстна развязка этой исторіи. Невдалекѣ отъ истока р. Липпы, въ землѣ бруктеровъ (возлѣ нынѣшняго г. Детмольда), послѣ тягостнаго и долговременнаго марша чрезъ лѣса и болота, старые легіоны римскіе были атакованы въ лощинѣ, запертой со всѣхъ сторонъ горами и Тевтобургскимъ лѣсомъ. Арминій съ туземцами первый открылъ сраженіе. Три дня бились римляне, оказывая чудеса храбрости; легіонеры погибали, зарывая знамена своихъ легіоновъ; проконсулъ погибъ въ сѣчѣ впереди своихъ сѣдыхъ воиновъ, и, наконецъ, побѣда склонилась на сторону германцевъ. Когда Августъ узналъ объ этомъ пораженіи, онъ разодралъ свое платье и, обливаясь слезами, произносилъ въ отчаяніи: «Квинтилій Варъ, отдай мнѣ мои легіоны!».

Эта исторія, еще болѣе оживленная любовію Арминія къ дочери Сегеста, вождя каттовъ, и враждою между побѣдителемъ римлянъ и братомъ его Флавіемъ, по-видимому могла бы послужить канвою для драмы, но, несмотря на то, всѣ драмы, основанныя на подвигѣ Арминія (*), были плохи, несмотря на талантъ сочинителей. Причину этого неуспѣха я прямо отношу къ тому обстоятельству, что германцы временъ Тацита и нѣмцы временъ короля

(*) Нельзя не припомнить, что слабая трагедія Озерова «Димитрій Донской», самая исторія мамаева побоища, отношенія Димитрія къ Ордѣ имѣютъ много сходнаго съ драмами изъ жизни Арминія, битвою въ Тевтобургскомъ лѣсу и отношеніями Арминія къ Риму. Драматурги могутъ притти въ отчаяніе при мысли о томъ, что все великое, по большой части, сходно между собою.

Людовика не имѣли между собою ничего общаго, кромѣ поэтическ преданій. Чтобъ написать драму изъ жизни Арминія, надобно, что общественный бытъ, характеры и интересы того времени еще сли тизировали съ понятіями самого писателя. Чтобъ основать дра тическое представленіе на событіяхъ времени Грознаго, необходи чтобъ обычаи и понятія того времени были еще живы въ характе народа.

Повма — дѣло другое. Краткость ея и вольность изложенія все помогаютъ таланту со славою выпутаться изъ сюжета. Сказка Л монтова о купцѣ Калашниковѣ словно исчерпала все, что мо сказать о времени опричины. Попробуйте добавить къ ней нѣскол подробностей, и вы увидите, что не откуда будетъ придумать эт подробностей.

Но довольно о драмѣ г. Мея. Все-таки я признаю ее за пріят явленіе. Стихи гладки и звучны, языкъ чистъ, напыщенности капли. Изъ лицъ, удачно очерченныхъ, укажу на Малюту Скурат и старуху Сабурову.

Отъ стихотвореній перейдемъ къ бельлетристикѣ. Повѣсти «Б бліотеки для Чтенія», по прежнему, отличаются высокопарностію ложенія. Чтобъ показать вамъ, къ какому разряду принадлеж эти повѣсти, довольно будетъ указать на одну, самую незначительн но и самую характеристическую ихъ черту, а именно, на собствен имена героинь. Въ одной изъ нихъ, происходящей въ Москвѣ (*), г ное женское лицо называется *Магдалиною*, въ другой же (**) носитъ ультра-романическое имя *Лавиніи*. Не говоря уже о томъ, въ Москвѣ, Петербургѣ и на всемъ пространствѣ русскаго цар не встрѣтите вы десяти женщинъ съ именами Вероники, Магдал и Лавиніи, не упоминая о томъ, что изысканное женское им иностранный манеръ звучитъ нисколько не пріятнѣе обыкнов ныхъ и общеупотребительныхъ женскихъ собственныхъ именъ позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе. Въ сотняхъ старыхъ русск книгъ немудрено отыскать нѣсколько повѣстей и романовъ, гдѣ роини именуются Элоизами, Лавиніями и Темирами. Выберите та сочиненіе, прочтите его съ приличною зѣвотою, и вы убѣдитесь, ч по какому-то чудному закону необходимости, Элоиза, Лидія, Ла нія и Темира живутъ какою-то особенною жизнью, совершенно сходною съ жизнью нашихъ обыкновенныхъ дѣвушекъ, прозыв щихся Олиньками, Любиньками и Машами. Малѣйшее удаленіе натуры, ничтожное потворство сентиментальному побужденію, ч

(*) «*Бѣдняжка*» — повѣсть г. Павлова. Въ предъидущей повѣсти г. Пав героиня именуется *Веронікою*.

(**) «*Натурщица*», г. Яковлева.

замѣтный порывъ къ чему-то туманному неразлучно бываютъ слиты съ ложною идеею и напыщеннымъ колоритомъ всего произведенія.

Нельзя, однако, не замѣтить, что въ повѣсти Натурщица встрѣчаются сцены интересныя и написанныя довольно живымъ слогомъ.

«Сѣверное Обозрѣніе» съ своей стороны предлагаетъ читателямъ повѣсть, которую, не смотря на странное ея заглавіе: «Любовь въ Сералѣ, повѣсть въ одномъ сновидѣніи», можно назвать патріархальною повѣстью. Она до крайности напоминаетъ собою добродушную и наивную эпоху Благонамѣреннаго, Альціоны и Сѣверныхъ Цвѣтовъ. Если вамъ удавалось читать эти сборники двадцатыхъ годовъ, васъ, вѣроятно, поражало тамъ обиліе разсказовъ, оканчивающихся пробужденіемъ отъ сна. Рецептъ для составленія подобныхъ произведеній былъ слѣдующій: съ героемъ ихъ происходили самыя непонятныя событія, онъ попадалъ къ разбойникамъ или въ какую-то чудную землю, ему грозили страшныя опасности, являлись даже окровавленныя привидѣнія и лица давно умершія. Потомъ слѣдовала катастрофа, героя собирались рѣзать, или случалось съ нимъ что-нибудь необычайно пріятное. Въ то время, когда затронутый читатель съ нетерпѣніемъ откидывалъ послѣдній листокъ и съ жадностію бросался на послѣднія строки, онъ находилъ, что повѣсть оканчивалась такими словами:

«Я вскрикнулъ.... и проснулся. Солнце весело сіяло на зелени луговъ, роса начинала сохнуть, и птички радостнымъ щебетаніемъ привѣтствовали раждающееся утро...

«Итакъ это былъ сонъ!» скажетъ читатель. Такъ, любезные читатели и прелестныя мои читательницы. это былъ сонъ». И такъ далѣе, итакъ далѣе.

Повѣсть «Любовь въ Сералѣ», какъ я сказалъ уже, напомнила мнѣ эту эпоху невинныхъ литературныхъ хитростей. Въ ней описывается, какъ одинъ эллинистъ влюбился въ красавицу гречанку, украшеніе султанскаго гарема, и изъ любви къ ней принялъ мѣсто начальника бѣлыхъ евнуховъ. За тѣмъ слѣдуютъ сцены въ сералѣ и разговоръ съ султаномъ, который, по великодушію своему, отдаетъ гречанку ея обожателю. Эллинистъ вскрикиваетъ и просыпается. Авторъ не сказалъ только одного—въ какое время заснулъ эллинистъ, тотчасъ послѣ перваго свиданія съ гречанкою, или послѣ своего вступленія въ должность евнуха. Въ послѣднемъ случаѣ нельзя не пожалѣть бѣднаго ученаго.

Чтобы кончить съ «Сѣвернымъ Обозрѣніемъ», я скажу, что въ немъ довольно замѣчательны статьи въ отдѣлѣ Наукъ и Художествъ, и до крайности плохи статейки Смѣси, написанныя съ очевиднымъ

поползновеніемъ къ остроумію. Похожденія какого-то г-ща Серд
кина и его дамъ на излеровыхъ пиршествахъ почти напоминаю
собою знакомые вамъ фельетоны «Сына Отечества». Не дѣлая и
писокъ, въ подтвержденіе моихъ словъ, я вмѣняю себѣ въ обяз
ность предостеречь редакцію «Сѣвернаго Обозрѣнія» отъ помѣще
статей подобнаго рода. Смѣшное бросается въ глаза скорѣе серь
наго, и двѣ—три неудачно остроумныя статьи могутъ наложить на
лый журналъ пятно, которое не исчезнетъ даже подъ вліяніемъ
ятнаго впечатлѣнія отъ истинно хорошихъ статей. Въ этомъ отно
ніи журналъ похожъ на человѣка, явившагося въ гостиную безъ о
бенной охоты принимать живое участіе въ разговорѣ. Подобнаго
да гость можетъ сидѣть у камина, молчать, говорить мало, — вся
порядочный человѣкъ никогда его не осудитъ, особенно если д
происходитъ въ Петербургѣ, гдѣ «лѣность разговорная» развита
жду самыми умными людьми въ большой степени. Но если т
же господинъ вдругъ начнетъ отпускать бомо и натянутыя ост
ты, дѣло уже принимаетъ оборотъ не совсѣмъ для него выгодны

Въ «Отечественныхъ Запискахъ», кромѣ окончанія извѣсти
англійскаго романа «Дженни Эйръ», напечатанъ маленькій
манъ г-жи Т. Ч., подъ названіемъ «Тернистый Путь». Это не
манъ, а скорѣе, программа романа, и три четверти всего произв
нія написаны съ тѣмъ, чтобъ показать читателю, что сдѣлалось
героинями, портреты которыхъ набросаны въ первыхъ глава
Поэтому первыя главы милы, а все остальное безцвѣтно и скуч
вато. Особенно безцвѣтно и странно описаны отношенія супруг
Вирскихъ, которые поминутно ссорятся, наносятъ другъ другу, б
наказанно, величайшія оскорбленія и потомъ разомъ мирятся, и
это безъ всякаго основанія, а по щучьему велѣнью. Въ замѣнъ то
въ романѣ Тернистый Путь попадаются страницы живыя и свѣтл
какъ болтовня, подслушанная у какой-нибудь пятнадцатилѣт
черноглазой вертушки, передающей первый свой секретъ
страшными амплификаціями и предосторожностями и не помня
себя отъ восхищенія при мысли о томъ, что и у насъ-таки водя
секреты. Въ особенности первыя главы романа пробуждаютъ
васъ впечатлѣніе, похожее на впечатлѣніе отъ разсказовъ шал
ливой пенсіонерки, о какихъ-нибудь школьныхъ ужасахъ, въ ро
грознаго мщенія которой-нибудь подругѣ, уличенной въ пре
тельскихъ сношеніяхъ съ начальницами, иначе, въ фискальствѣ
избавлявшейся, черезъ несправедливую протекцію, отъ классны
наказаній и даже отъ *составленія сочиненій*, что́, какъ всему свѣту
вѣстно, въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ почитается верхо
трудности, геркулесовскими столпами женскаго образованія, и

corvée abominable, трудомъ, превышающимъ силы человѣческія. Г-жа Т. Ч. чрезвычайно любитъ героинь, только только-что вышедшихъ изъ дѣтства, и надо отдать ей справедливость, умѣетъ рисовать ихъ портреты; видно, что авторъ Тернистаго Пути имѣлъ много случаевъ наблюдать надъ этимъ переходнымъ возрастомъ, въ которомъ ребячество такъ умно, а начало страстей полно только чарующаго дѣтства. Трогательная фигура Мимишиной матери, старушки, безразумно преданной своей дочери, принадлежитъ тоже къ одной изъ лучшихъ фигуръ романа, и немудрено. Эта старуха такъ похожа на ребенка, со своимъ баловствомъ и робкимъ повиновеніемъ капризной Мимишѣ. Въ полной увѣренности, что читатели поблагодарятъ меня, я не могу устоять противъ желанія представить имъ выписку изъ первой главы Тернистаго Пути, содержащую въ себѣ приготовленія одной изъ миніатюрныхъ героинь романа къ первому выѣзду въ свѣтъ.

«Ниночка гуляетъ въ саду, посматривая по-временамъ на окна Глафиры Юрьевны. Въ рукахъ у нея давно-желанный «le Père Goriot». Она его очень-искусно похитила со столика Глафиры Юрьевны, принесла въ садъ, скрывъ подъ чернымъ тафтянымъ передникомъ, и теперь прінскивала мѣсто менѣе-видное изъ оконъ, чтобъ предаться запрещенному чтенію.

— Барышня, Нина Александровна! пожалуйте-съ къ маменькѣ! закричала горничная, отворивъ садовую калитку.

— Ахъ, Боже мой! ахъ. Дуняша! воскликнула Ниночка, блѣднѣя.

— Что это вы, барышня?

— Ничего, ничего! Ниночка спрятала «Goriot» подъ передникъ: — Гдѣ маменька?

— Въ гостиной-съ.

Лицо Ниночки вмигъ просвѣтлѣло.

— Слава Богу! сказала она, подпрыгнувъ на одномъ мѣстѣ. — Дуняша, душенька, отнеси эту книгу въ спальню и положи на столъ гамъ, чтобъ никто не видѣлъ. Зачѣмъ это зоветъ маменька, не знаешь?

— Да ужь пожалуйте-съ.

— Иду, иду! Что, маменька, сердится?

— Не замѣтила что-то-съ.

— Зачѣмъ же бы это?... Скажи Евгенію Семенычу, что пора урокъ давать.

И Ниночка вбѣжала въ гостиную.

— Вы звали, мамаша?

— Да; знаешь зачѣмъ?

— Вѣрно, потому.... что.... что я еще не брала урока.

Глафира Юрьевна улыбнулась и отрицательно покачала головою.

— Нѣтъ?... такъ зачѣмъ же, мамаша?

— А вотъ зачѣмъ: черезъ недѣлю въ нашемъ городѣ балъ....

— Ну, мамашенька!

— Мы тамъ будемъ, Ниночка. Это твой первый выѣздъ; я считаю выѣздами тѣхъ вечеровъ, на которые я почти принужде была тебя брать. Ты ребенкомъ была еще, а теперь ты взрос дѣвица!

— Ахъ, мамаша!

Ниночка поцаловала у ней руку.

— А какое же платье будетъ?

— Бѣлое, Ниночка.

— Да, мамаша, бѣлое, тарлатановое, со складочками?

— Хорошо; пусть и со складочками.

— Нина Александровна, пожалуйте на урокъ; Евгеній Семены дожидаются, проговорила Дуняша, показавшись въ дверяхъ.

— Сейчасъ. Тамъ черезъ недѣлю, мамашенька?

— Иди же, Ниночка. Не заставляй ожидать себя.

— Мамашенька, только тарлатановое, со складочками! тверди она, уходя и оборачивая назадъ свою головку.

Евгеній Семеновичъ давно уже перечинилъ карандаши, положи два бѣлые листа на столъ, порылся съ минуту въ тетради моделей вынулъ нѣсколько пейзажей.

— Я бы хотѣла лучше рисовать головки, сказала Ниночка, погл живая рукою свои волосы.

— Вѣдь вы начали видъ Saint-Cloud.

— Мнѣ надоѣлъ Saint-Cloud.

— Какъ вы непостоянны!

Евгеній Семеновичъ подвинулъ къ ней начатый пейзажъ; Ниноч улыбнулась и съ видимою лѣнью принялась за работу. Евгеній Се новичъ сталъ тушевать плащъ какого-то трубадура. Черезъ пять и нутъ онъ поднялъ голову: Ниночка не рисовала. Ея темные гл устремились задумчиво вдаль, и тонкая улыбка пробѣжала по ро вымъ губкамъ. Она была прехорошенькая. Бѣлокурые волосы, зач санные гладко и спускавшіеся двумя локонами за уши, удивитель шли къ этому нѣжному, почти дѣтскому личику. Евгеній Семенович гораздо-охотнѣе рисовалъ бы ее, нежели своего трубадура.

— Вы никогда не кончите Saint-Cloud, сказалъ онъ, смѣясь.

— Очень можетъ быть, отвѣчала Ниночка съ разстановкою.

— Вотъ прекрасно! я шучу!

— А я говорю серьёзно.

— Я что-то не понимаю васъ; вы сегодня загадочны, вы о чем то думаете.

— Можетъ быть.... Послушайте, Евгеній Семенычъ, порисуйте з меня.

— Какъ можно! въ этомъ пейзажѣ и такъ мало вашей работы.

— Будьте добренькимъ, когда васъ просятъ, Евгеній Семенычъ, M Eugène! прибавила она понизивъ голосъ и сложивъ руки съ мольбою

— Да вы-то что́ будете дѣлать? спросилъ онъ, подвигая къ себѣ бумагу и нагибаясь, чтобы скрыть легкую краску, выступившую на щекахъ.

— Я буду думать, мечтать.... Ахъ, вы не знаете какъ весело!

— Что́ же такое?

— Во-первыхъ, сказала она таинственно: я ѣду на балъ.

— И это васъ такъ тѣшитъ? вѣдь вы не разъ бывали на вечерахъ.

— Эти вечера. Богъ знаетъ что́. Вотъ балъ — другое дѣло! Не забудьте, что это первый балъ, что послѣ него я стану выѣзжать.

— То-есть стану восхищать?

— О, я этого не думаю!

— Напрасно!

— Я разсержусь. Я совсѣмъ не то хотѣла вамъ сказать. У меня будетъ бѣлое тарлатановое платье со складочками. Не знаю только, что́ бы на голову надѣть. Я бы хотѣла какой-нибудь темный цвѣтокъ или зелень; мамаша вѣрно захочетъ, чтобы я надѣла букетъ розъ или васильковъ: вотъ будетъ досадно! Только ужь лучше бы васильки, а не розы.

Всю недѣлю Ниночка была необыкновенно-весела. Разъ десять въ день бѣгала она къ Дуняшѣ смотрѣть ея работу и находила, что она шьетъ ужасно-медленно.

— Ахъ, Дуняша! будетъ ли готово?

— А зачѣмъ прежде не сказали?

— Я тебѣ подарю что нибудь.

— Покорно благодаримъ-съ. Кажется, можно для васъ постараться и безъ этого, Нина Александровна.

— То-то будетъ весело, Дуняша!

Насталъ желанный вечеръ. Ниночка напѣвала мазурку, одѣваясь, и смѣялась, слушая лесть Дуняши. На столѣ стояли бѣлые атласные башмачки, маленькіе, кокетливые. Ниночка любовалась ими, осматривала со всѣхъ сторонъ и не могла ими натѣшиться. Вотъ она нагнулась, стала надѣвать ихъ; башмаки узки; ножка Ниночки не входитъ... Ниночка начинаетъ сердиться. Однако она сдѣлала страшное усиліе, потянула башмачокъ, ножка вошла, но ей больно, ей нестерпимо-больно!

— Дуняша, какъ ты думаешь, они разносятся?

— Не знаю-съ.

— Лишь бы я могла танцовать въ нихъ! Ниночка съ трудомъ встала со стула. — Очень-можно! сказала она, прихрамывая.

Ей захотѣлось сдѣлать па мазурки: па вышло не совсѣмъ удачно, но она была имъ довольна.

— Я даже могу танцовать балетъ, сказала она, быстро повернувшись на самыхъ носкахъ. Кракъ! кракъ!... и башмакъ лопнулъ. Ниночка съ отчаяніемъ опустилась на стулъ и закрыла глаза. Часы пробили девять, а балъ назначенъ ровно въ восемь.... Ниночка заплакала. И въ-самомъ-дѣлѣ ужасно! всѣ лучшіе кавалеры будутъ уже имѣть

дамъ, и ей прійдется танцовать Богъ-знаетъ съ кѣмъ, или не тан
вать вовсе. Глафира Юрьевна надѣваетъ беретъ съ райскою птице
лошади давно ждутъ у подъѣзда. Нинночка отерла слезы, взглану
на Дуняшу, которая тщательно заштопывала башмакъ, и вскрикну
отъ радости. Все было прекрасно поправлено. Тарлатановое плат
со складочками довершило ея восторгъ; она улыбнулась зеркалу, п
правила зеленую вѣтку, прикрѣпленную за ухомъ къ свѣтлымъ во
самъ, съ забавною важностью присѣла передъ Дуняшею и побѣжа
къ Глафирѣ Юрьевнѣ, которая уже цѣлый часъ посылала своему тр
мо́ самые умильные взгляды и не могла надивиться своей величестве
ной осанкѣ и яркости красокъ райской птицы, качавшейся во в
стороны отъ малѣйшаго движенія ея головы. Черезъ пять мину
шумно заперлись ворота за каретой, быстро уносившей Нинночку
Глафиру Юрьевну къ дому Благороднаго Собранія.»

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочитавши это мѣсто, я, по об
кновенію, пустился строить въ своей головѣ парадоксы и психол
гическія умозрѣнія. Результатомъ этихъ разсужденій было закл
ченіе о томъ, что въ цѣломъ свѣтѣ однѣ только женщины обладаю
тайною, на которой основана наука разговаривать. Болтовня Нинно
ки, переданная намъ авторомъ Тернистаго Пути, чрезвычайно ми
а между тѣмъ не подлежитъ никакому разбору, не выдерживаетъ
малѣйшей схоластической критики, не основывается ни на одно
изъ источниковъ всякаго разговора, то есть ни на обиліи свѣдѣні
ни на остроуміи, ни на новыхъ идеяхъ. Чтобъ принимать участіе в
умномъ разговорѣ, всякій мужчина долженъ скрывать, подъ весел
и беззаботною личиною, столько эрудиціи, столько оригинальности
столько свѣдѣній разнообразныхъ до безконечности! тогда-как
женщинѣ достаточно только симпатичнаго характера и душевной ве
селости. Кому изъ насъ не случалось съ жаднымъ любопытствомъ
возбужденною веселостью слушать по часамъ какой-нибудь разска
о поѣздкѣ въ англійскій магазинъ, или о старухѣ въ зеленомъ бархат
номъ платьѣ, зачесавшей волосы *à la chinoise* и т. под.? Слуша
подобныя рѣчи, мы незамѣтно забываемъ наши любимыя темы
о психологическихъ тонкостяхъ, о политическихъ событіяхъ и
другихъ подобныхъ пустякахъ, — и сами начинаемъ болтать и
сплетничать, — только наша мужская болтовня выходитъ такъ
безцвѣтна. Я знаю отличныхъ молодыхъ людей, денди и богачей,
клявшихся всенародно, что во всемъ Петербургѣ только три чело-
вѣка умѣютъ вести разговоръ, и что въ сложности этимъ тремъ раз-
скащикамъ около двухъ сотъ лѣтъ отъ роду! Когда я, въ качествѣ
иногороднаго человѣка, изъявилъ свой ужасъ при такомъ отчаян-
номъ признаніи, молодые мои пріятели сообщили мнѣ, что, по ихъ
мнѣнію, однѣ только женщины инстинктомъ постигаютъ науку раз-

говора, при чемъ осыпали горькими и самыми обидными насмѣшками всю мужскую половину свѣтскаго петербургскаго народонаселенія.

Въ свѣтѣ есть двѣ науки, для которыхъ стоитъ устроить публичныя каѳедры во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только сходится нѣсколько человѣкъ,—двѣ науки важныя, глубокія, которыхъ высокаго значенія не хочетъ признать близорукій свѣтъ. Одна изъ нихъ должна называться наукою супружеской жизни. Въ-самомъ-дѣлѣ, для того, чтобъ радостно и безмятежно пройти цѣлую жизнь объ-руку съ выбранною нами женщиною, для того, чтобъ сохранить свою любовь отъ обмана и охлажденія, для того, чтобъ слить два разума, два сердца и два существованія на вѣчныя времена въ одно неразрывное цѣлое,— для этой необъятно трудной задачи не нужны ли человѣку свѣдѣнія глубокія, упорство несказанное, способность почти геніяльная, за которую можно дать полъ жизни приготовленій и добросовѣстнаго наученія? Объ этой наукѣ я намѣренъ поговорить когда-нибудь при случаѣ.

Другая наука должна занимать насъ въ настоящее время, и именно наука разговора, безъ которой вянутъ драгоцѣннѣйшіе интересы нашего сердца, ослабѣваютъ и умаляются наши общественныя отношенія. Я сказалъ уже, что большой части женщинъ не нужна эта тяжелая наука: женщина во всемъ находитъ силу: въ учености, слагчая ея угловатости, въ ограниченности свѣдѣній, добровольно въ томъ признаваясь, въ ложныхъ идеяхъ, защищая ихъ оригинальнымъ образомъ, въ ничтожности предмета, сообщая ему живость и воспріимчивость своей натуры. Наука разговора, также, какъ и наука супружеской жизни, должна преподаваться однимъ мужчинамъ, и должно признаться, мы вполнѣ заслужили, чтобъ насъ гоняли на эти лекціи, взыскивали съ насъ за невниманіе и дѣлали намъ экзаменъ. Мы до-того уронили разговорное искусство, что даже боимся о немъ подумать; мы сами выронили изъ своихъ рукъ могущественное орудіе свѣтскаго вліянія и должны еще благодарить Аллаха за то, что женщины его подняли и стараются имъ пользоваться, по мѣрѣ своихъ силъ и своего поверхностнаго образованія.

Замѣчая въ себѣ сегодня нѣсколько угрюмое направленіе, спѣшу перейти къ статьямъ нѣсколько болѣе серьёзнаго содержанія. Хотѣлось бы мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», по предмету полемики между философами Рида и Галля въ Эдинборгѣ, но я опасаюсь, чтобы читатели, при самомъ началѣ моихъ разглагольствованій, не захлопнули книги съ негодованіемъ и зѣвотою. А между тѣмъ говорить о бельлетристикѣ больше не хочется. Въ 17 № Москвитянина есть, правду сказать,

повѣсть г-на Сумарокова «Ночь на Иванов день», показавшаяся мнѣ маленькимъ подражаніемъ «Запискамъ Охотника», да есть еще четыре стихотворенія; но объ этихъ статьяхъ я не въ состояніи распространяться.

Лучше поговоримъ о путешествіяхъ. Нынѣшній годъ необыкновенно богатъ статьями русскихъ туристовъ. Въ той же книжкѣ «Москвитянина», гдѣ помѣщены означенныя повѣсти и стихотворенія, окончено «Путешествіе въ Персію», князя Салтыкова. Совѣтую вамъ прочесть эту статью, интересную и по содержанію, и по направленію, и по разсказу, чисто русскому, отчасти насмѣшливому, и чрезвычайно простому. Вообще я чрезвычайно люблю русскихъ путешественниковъ.

Славная вещь — путешествіе! «Путешествіе! — вотъ мой идеалъ!» говорятъ наши любезные пріятели, сопровождая свои слова тяжелымъ вздохомъ. Всѣ разсыпаются въ похвалахъ путешествію, завидуютъ людямъ, искрестившимъ Европу, Азію и Америку; всѣ собираются «чуть-чуть поправивши свои финансы», проѣхаться куда-нибудь вдаль; а между тѣмъ, эти почтенные туристы *en herbe*, ужасно бы переконфузились, еслибъ кто-нибудь сказалъ имъ: «я вамъ открою кредитъ, о деньгахъ не безпокойтесь, только поѣзжайте скорѣе, куда вамъ угодно: въ Персію, въ Индію, въ Грецію въ Италію, въ Бразилію!» Такое вѣжливое предложеніе рискуетъ быть принято съ ужасомъ. «Какъ?» подумаетъ нашъ любитель путевыхъ впечатлѣній: — «неужто мнѣ ѣхать въ Азію и Америку? бросить мой кабинетъ, который я самъ отдѣлывалъ, разстаться съ службой, гдѣ я жду повышенія, передать въ чужія руки мой абонементъ на оперу и поразить ужасомъ всѣхъ моихъ родственниковъ! Конечно, въ Бразиліи недурно (и мысль его начинаетъ порхать между лианами, бананами, бамбуками и золотистосмуглыми красавицами), но, съ другой стороны, дороги плохи, усталость предстоитъ страшная, я уже облѣнился, да кромѣ того я столько читалъ о тамошнихъ змѣяхъ и москитосахъ».

Такое колебаніе извинительно еще при обдумываніи поѣздки въ Бразилію, пожалуй даже въ Персію и Турцію: но попробуйте предложить тому же дилетанту хотя поѣздку въ ближайшій къ намъ уголокъ Европы, онъ такъ заколеблется и призадумается. И тотъ же любитель путешествій, за минуту передъ тѣмъ вопіявшій о безпрактичности своей сидячей и однообразной жизни, вынесетъ всѣ средства, чтобъ отпугнуть отъ себя малѣйшій случай разсѣяться и обогатиться новыми впечатлѣніями. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы этотъ чистопетербургскій господинъ зараженъ былъ лѣнью и равнодушіемъ: чуть случится ему побывать въ Люблинѣ, Брашу или

Финляндіи, онъ какъ угорѣлый обѣгаетъ улицы незнакомыхъ ему городковъ и смотритъ на новые предметы съ жадностью англичанина, пріѣхавшаго въ столицу Имана Маскатскаго. Проѣхавши двѣсти верстъ по петербургскому шоссе, нашъ туристъ въ душѣ испытываетъ сладкія мгновенія; онъ готовъ признать себя счастливымъ, еслибъ не одна мысль — «я вѣдь только въ двухъ стахъ верстахъ отъ города»—не обливала холодною водою его живое воображеніе. Все его веселитъ и тѣшитъ: и четырехугольныя, высокія башни гермейстеровъ, и университетскіе города, и хорошенькія женщины, бросающіяся въ глаза на каждомъ шагу. Воротясь въ столицу, ему сильно хочется поговорить о своей поѣздкѣ, о бурѣ на пароходѣ, о развалинахъ Маріенбурга, взорваннаго шведскимъ геросмъ Вульфомъ, о чудной долинѣ, по которой течетъ Аа; но онъ не смѣетъ, потому-что въ гостиной рядомъ съ нимъ сидитъ господинъ, служившій при турецкомъ посольствѣ. Бѣдный петербургскій житель сознаетъ, что всякое путешествіе чрезвычайно возвысило бы его физическія и умственныя силы, знаетъ, что ничто его не держитъ въ городѣ, чувствуетъ, что сидячая жизнь составляетъ его несчастіе — и, зная все это, продолжаетъ сидѣть дома и читать иностранныхъ туристовъ, развалясь передъ каминомъ.

Все это не очень утѣшительно, особенно для меня, потому-что я до крайности люблю русскихъ путешественниковъ и за маленькое письмецо подобнаго странника готовъ отдать два тома настоящаго нѣмецкаго туриста, готоваго доканать васъ описаніями пластовъ земли, окаменѣлостей и ботаническихъ рѣдкостей. Я совершенно чуждъ патріотическаго фразерства, но не могу не сказать, что русскій человѣкъ будто созданъ на то, чтобы ему путешествовать, и много путешествовать. Характеръ русскаго человѣка, несмотря на врожденную въ каждомъ изъ насъ насмѣшливость, заключаетъ въ себѣ много элементовъ, возбуждающихъ симпатію и ее же воспринимающихъ. Поэтому-то въ насъ нѣтъ ни обидныхъ предразсудковъ, ни исключительности, ни нетерпимости. Старые наши воины, дѣлавшіе шведскія и французскія кампаніи, единогласно утверждаютъ, что чуть оканчивались военныя дѣйствія, всякая международная ненависть разомъ исчезала между нашими и чужими войсками. Кульневъ и Давыдовъ, прославившіеся въ финляндскую кампанію, отзывались о шведахъ съ отличною похвалою; всякому извѣстенъ анекдотъ о князѣ Багратіонѣ, громко заявлявшемъ свою похвалу французской колоннѣ, которая, подъ градомъ картечи, не сбившись съ ноги, шла на нашу батарею. Въ 15 году войска всей Европы были въ Парижѣ; но всѣхъ этихъ войскъ только одно пользовалось симпатіею побѣж-

денныхъ: нужно ли сказывать, какому народу принадлежало это войско?

Подобнаго рода симпатическая способность необходима для каждаго путешественника, если только онъ желаетъ, окончивъ свою поѣздку, вывезти съ собою что-нибудь поинтереснѣе номенклатуры большихъ городовъ и сухихъ статистическихъ подробностей. «Всѣ образованные люди соотечественники между собою»; эта истина по видимому ясна какъ день, а между тѣмъ не всегда бываетъ справедлива. Путешествуютъ и описываютъ свои путешествія одни образованные люди, и, несмотря на то, въ ихъ сочиненіяхъ поминутно просвѣчиваютъ національныя заблужденія каждаго. Англичанинъ тутъ какъ тутъ съ своимъ чванствомъ и нетерпимостью, съ презрѣніемъ ко всякому народу, веселящемуся въ воскресенье и не имѣющему Палаты лордовъ; — американецъ не дастъ себѣ даже труда презирать Старый Свѣтъ: Европа для него ничтожна и жалка; нѣмецкій же ученый хуже англичанина, хуже американца, потому-что онъ сухъ и полонъ отчаянныхъ умозрѣній.

Французы (то есть образованная часть націи) болѣе другихъ путешественниковъ имѣютъ терпимости, или, лучше сказать, самая ихъ нетерпимость въ дѣлѣ чужихъ интересовъ и обычаевъ значительно сглаживается подъ вліяніемъ ихъ живого и быстро увлекающагося національнаго характера. Несмотря на то, я предпочитаю ихъ остроумнымъ путевымъ впечатлѣніямъ простые и чуть-чуть насмѣшливые разсказы туристовъ изъ монхъ соотечественниковъ.

Путешествіе князя Салтыкова написано до-крайности простымъ и живымъ слогомъ, безъ малѣйшихъ ученыхъ претензій, безъ статистическихъ подробностей, даже безъ преувеличенныхъ насмѣшекъ надъ глубокомысленными и наивными мусульманами,— насмѣшекъ, которыми бываетъ напичкано всякое путешествіе по востоку. Видно, что по временамъ длиннобородые обитатели Тегерана поведеніемъ своимъ расшевеливаютъ русскую натуру путешественника и сами напрашиваются на шуточку; но все это такъ кстати и такъ просто разсказано, что, читая статью, можно подумать, что слушаешь разсказни близкаго пріятеля, только-что вернувшагося издалека и передающаго вамъ то, что его больше поразило. Въ статьѣ г. Салтыкова всякій читатель найдетъ что-нибудь по себѣ: и подробности шахской аудіенціи, и знакомство съ прекрасными персіянками, которыя, къ досадѣ путешественника, оказываются далеко непрекрасными, и замѣчанія о лганьѣ тамошней прислуги, за которую былъ удаленъ княземъ его тавризскій феррашъ Абдулъ, и портретъ министра гаджи-мирзы-Агаси, котораго политика состоитъ въ томъ, что въ присутствіи русскихъ онъ осыпаетъ (заочно) бранью всѣхъ англи-

нъ (и, по всей вѣроятности *et vice versa*), прибавляя, что Персія нгличанъ не боится, и что даже если Англія покоритъ Персію, то нъ поѣдетъ въ Россію и поселится въ Кизлярѣ (мурза-агаси не наетъ другихъ русскихъ городовъ кромѣ Петербурга, Тифлиса и изляра). Иногда, по словамъ князя Салтыкова, мудрый министръ ускается въ разсужденіе о географіи, при чемъ разсказываетъ, что Персія состоитъ изъ семи царствъ, соединенныхъ подъ одинъ скиетръ, въ томъ числѣ Грузія и Арменія, что Иранъ и Московія, слѣдствіе необычайной международной дружбы, составляютъ почти дно общее государство, что Шахчи и Урусъ Падиша нечто иное, акъ родные братья, а онъ, гаджи мирза, одинаково служитъ обоимъ готовъ положить голову за обоихъ падишаховъ.

Подробности, переданныя авторомъ на-счетъ тегеранскихъ женщинъ, несмотря на свою бѣглость и краткость, весьма интересны и оказываютъ въ немъ весьма похвальный и понятный дилетанизмъ.

Отъ Персіи я перешагнулъ къ Китаю, благодаря статьѣ, подъ азваніемъ: «Разсказы кяхтинскаго старожила», помѣщенной въ омъ же нумерѣ Москвитянина, — статьѣ, способной разбудить иметитъ даже въ только-что пообѣдавшемъ читателѣ: такъ много оворится въ ней о разныхъ кушаньяхъ.

Не слѣдуетъ, однако же, думать, чтобы въ названной мною атьѣ не было ничего занимательнаго, кромѣ описанія разныхъ кушаньевъ. Много интересныхъ и очень характеристическихъ подробостей подмѣчено старожиломъ и разсказано весьма недурно. Такъ, впримѣръ, въ его разсказахъ находимъ мы замѣтку объ одномъ гранномъ обычаѣ, о которомъ умалчиваютъ всѣ извѣстные мнѣ утешественники.

«Въ этотъ важный день (въ фонарный праздникъ) Богдыханъ ъ Пекинѣ оказываетъ народу щедрыя милости. Ему подаютъ спиокъ приговоренныхъ къ казни, и онъ, послѣ торжественной молиы о томъ, чтобы на слѣдующій годъ не имѣть въ царствѣ своемъ реступниковъ, приказываетъ завязать себѣ глаза, и вычеркиваетъ ъ списка наудачу имена тѣхъ, которыхъ, такимъ образомъ, проидѣніе спасаетъ отъ казни».

Вотъ еще одна черта изъ частной жизни, еще болѣе интересная:

«Во время званаго обѣда, хозяинъ не садится почти никогда заголъ, — потому вопервыхъ, что занятъ подчиваньемъ гостей, и отому, что онъ заранѣе порядочно пообѣдалъ, что и слышно вседа по его громкимъ отрыжкамъ. Этимъ доказываетъ онъ, что житъ въ довольствѣ».

Эти забавныя описанія вполнѣ объясняютъ намъ причину, по которой съ идеей о жизни китайцевъ сливается столько умори тельныхъ мыслей, и почему всѣ даже панегирическіе отзывы о небесно имперіи проникнуты какимъ-то каррикатурнымъ колоритомъ. Надо признаться, что, относительно Китая, вполнѣ подтверждается мысл о непостоянствѣ славы и человѣческихъ похвалъ. Давно ли, кажет ся, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, философы и моралисты пред ставляли намъ Китай въ видѣ какого-то волшебнаго Эльдорадо страны, гдѣ царствуетъ философія и откуда изгнано все зло. Про чтите статейки Дидро и его разговоры съ путешественниками, бы шими въ Китаѣ, припомните Вольтера и аббата Рейналя, съ наслаж деніемъ восхвалявшихъ эту дивную сторону, чуждую европейскихъ пороковъ и предразсудковъ. Всѣ эти сильные умы отъ души вѣрил тому, что́ писали, не думая о томъ, что гораздо прежде нихъ вели кій Тацитъ, неограниченный властитель желѣзнаго языка, возвы сившій исторію до поэзіи и эпиграмму до неотразимаго приговора прославлялъ суровые нравы германцевъ съ цѣлью кольнуть своихъ безнравственныхъ и изнѣженныхъ соотечественниковъ.

Теперь никто не прославляетъ Китая, прежнее Эльдорадо исчезл безъ возврата, разобрано на водевили и оперы въ родѣ Бронзовог Коня.

Никто не хочетъ удивляться Китаю, туристы осыпаютъ его на смѣшками, англичане громятъ пушками его берега, забираютъ го рода, не теряя ни одного солдата и несмотря на заступничество Сы няго Бога, «истребляющаго милліоны рыжихъ варваровъ», отра вляютъ опіумомъ всѣхъ подданныхъ богдыхана! *Sic transit gloria mundi!...*

Кстати о Китаѣ: разсказъ «Москвитянина» припомнилъ мнѣ чре вычайно милый анекдотъ, слышанный мною отъ одного англича нина. Кажется, онъ былъ помѣщенъ когда-то въ англійскихъ жур налахъ, но во всякомъ случаѣ едва ли извѣстенъ нашей публикѣ.

Въ то время, когда Великобританія начинала уже догадываться о неминуемости скораго разрыва съ небесною имперіею и заготов ляла уже военные корабли для экспедиціи, въ Лондонѣ жилъ нѣкто лордъ Виллоуби, хвастовшійся отличнымъ знаніемъ китайскаго языка и китайскихъ нравовъ. Благородный лордъ нѣсколько разъ разска зывалъ, что черезъ продолжительныя свои путешествія онъ пріобрѣлъ въ Кантонѣ и Пекинѣ множество друзей между туземцами, ко торые даже ведутъ съ нимъ переписку и приглашаютъ его къ новой поѣздкѣ въ Китай, обѣщая встрѣтить его съ распростертыми объ ятіями. Слухъ о китаизмѣ лорда Виллоуби дошелъ до министерства, которое нуждалось въ человѣкѣ, способномъ доставить правительству

секретныя свѣдѣнія о военныхъ силахъ, финансахъ и администраціи небесной имперіи. Это деликатное порученіе предложено было нашему лорду, который принялъ его съ благодарностію.

Дѣйствительно, хитрый политикъ имѣлъ обширныя связи въ Китаѣ. При первой его просьбѣ, тамошнія власти позволили ему переѣхать за черту, которой никогда не переступала европейская нога, и поселиться невдалекѣ отъ Пекина. Для прикрытія настоящей цѣли его странствованія, коварному лорду дано было какое-то оффиціяльное порученіе на-счетъ торговли. Обрадовавшись радушному пріему китайцевъ, Виллоуби написалъ, чтобъ о немъ не безпокоились, и что ожидаемыя свѣдѣнія онъ не преминетъ доставить въ наискорѣйшемъ времени.

Между тѣмъ любезность и радушіе узкоглазаго народа начинали становиться отчасти докучными. Не успѣлъ Виллоуби поселиться на выбранномъ имъ мѣстѣ, какъ въ ту же минуту, въ сопровожденіи блистательной свиты, явился къ нему главный мандаринъ города, отвѣсилъ ему тысячу поклоновъ, прижалъ его сто разъ къ своему сердцу и объявилъ, что не допуститъ благороднаго путника жить въ домѣ какого-нибудь пролетарія, а предлагаетъ ему собственный свой домъ, свой столъ, все свое богатство и себя самого. Лордъ призадумался, опасаясь коварства; но не было возможности сомнѣваться: фигура сановника была такъ глупа, глаза его такъ малы, брюхо такъ толсто, что онъ казался благороднѣйшимъ человѣкомъ. Увидѣвъ, что англичанинъ колеблется, губернаторъ далъ знакъ, и вся свита принялась умолять лорда не отвергать предлагаемаго гостепріимства. Одни падали ницъ, другіе кланялись ему ежесекундно, третіе, поднявъ пальцы кверху, трогательно глядѣли на него и готовы были зарыдать отъ волненія и душевной доброты. Виллоуби согласился, и тутъ-то начались его несчастія.

Долгая дорога и докучливыя любезности его утомили, къ тому же дѣло шло къ ночи. Переѣхавши въ домъ мандарина, нашъ лордъ попросилъ указать свою спальню и лечь на постель. Но едва началъ онъ засыпать, какъ подъ окномъ его послышался трескъ, пальба и шипѣніе, смѣшанное съ воемъ пѣвцовъ и гвалтомъ отвратительной музыки. Подбѣжавъ къ окну, испуганный политикъ увидѣлъ, что улица была въ огнѣ. Въ честь его давался всѣмъ городомъ концертъ и фейерверкъ. Опасаясь обидѣть народъ своимъ невниманіемъ, полусонный лордъ, въ сопровожденіи хозяина, долженъ былъ выйти на улицу и до самого разсвѣта любоваться разноцвѣтными огнями, слушать страшную музыку и благодарить по-одиночкѣ каждаго изъ участниковъ сюрприза. Спать уже было нѣкогда. Въ пріемной залѣ ожидали измученнаго гостя депутаты отъ ученаго сословія города.

Послѣ первыхъ, чрезвычайно длинныхъ, привѣтствій, старшій изъ нихъ, до крайности похожій на кота, сталъ посреди комнаты и произнесъ рѣчь, содержаніемъ которой было... какъ бы вы думали что?.. «Взглядъ на исторію Небесной Имперіи, отъ ея основанія до нашего времени». Рѣчь была безпокойна, но заключеніе ея было еще горьше: великій ученый умолялъ иностранца отвѣчать ему подобною же рѣчью, въ отношеніи къ англійской исторіи. Но обѣденная пора спасла лорда отъ этой напасти, и рѣчь его была отложена до слѣдующаго дня. Съ тоскою въ сердцѣ, съ слипающимися глазами, нашъ политикъ отпустилъ отъ себя ученыхъ, переодѣлся и бросился къ обѣденному столу, потому-что голодъ начиналъ его мучить.

Столъ былъ украшенъ присутствіемъ всей аристократіи и тянулся до ночи, а совсѣмъ тѣмъ, къ крайней своей досадѣ, милордъ всталъ изъ-за стола съ тощимъ желудкомъ. Не говоря о томъ, что нѣкоторыя кушанья, какъ-то: улитки, слизняки, соусъ изъ кленовыхъ почекъ, отваръ изъ душистыхъ цвѣтовъ, и кромѣ того нѣкоторыя блюда (*) могли возбудить одно отвращеніе въ европейцѣ; всѣ, безъ исключенія, издѣлія мандаринской кухни были такъ утонченны, что англичанинъ, привыкшій къ росбифу, пуддингу и большимъ рыбамъ, становился еще голоднѣе. Поминутно подаваемый крѣпкій чай еще болѣе разстроилъ нервы британца: чуть дождавшись конца, онъ всталъ изъ-за стола съ жестокою головною болью и хотѣлъ удалиться, когда хозяинъ пригласилъ его въ театръ, давая ему тонко замѣтить, что всякій отказъ или тонкое уклоненіе будетъ имъ принято за великое несчастіе, за осквернеіе его дома, за ругательство надъ гостепріимствомъ его соотечественниковъ.

Спектакль былъ очень длиненъ, хотя и заключался въ томъ, что всѣ актеры цѣлый вечеръ съ усердіемъ тузили другъ друга палками по спинѣ и другимъ частямъ тѣла. Мысль о предстоящемъ отдыхѣ придала бодрости англійскому дипломату; и, наконецъ, желанная минута настала; съ наслажденіемъ растянулся онъ на своей постели, стараясь не думать о мучившемъ его голодѣ. Но только-что сонъ началъ къ нему подкрадываться, какъ бѣдному лорду пришлось снова вскочить съ постели, въ ужасѣ и недоумѣніи. Необычайно дикіе звуки, въ которыхъ слышалась и музыка, и хрипѣніе, и стукотня, слышались уже не на улицѣ, не подъ окнами, а надъ самымъ ухомъ британца. То былъ бой стѣнныхъ часовъ, бой, сопровождаемый всѣми чудесами китайской механики и продолжавшійся ровно три четверти часа, при чемъ дверцы часовъ поминутно растворялись съ

(*) Китайцы ѣдятъ собакъ, мышей и ящерицъ, а крысы и червяки считаются у нихъ лакомствомъ.

хлопаньемъ, представляя изумленнымъ взорамъ безконечную процессію драконовъ, мандариновъ, тигровъ, бонзъ и, наконецъ, самого синяго духа, хранителя Небесной имперіи. Слѣдующая за тѣмъ четверть часа прошла довольно спокойно, и бой начался снова. Благородный лордъ рвалъ на себѣ волосы съ отчаянія.

Прошло еще нѣсколько дней съ депутаціями мандариновъ и ученыхъ, съ прогулками и рѣчами, спектаклями и угощеніями. Обѣды, по-прежнему, состояли изъ вареныхъ собакъ и соуса изъ кленовыхъ почекъ, а по ночамъ снова били часы, трещали фейерверки и раздавались серенады. Въ довершеніе бѣды, главный мандаринъ и все его семейство ни на минуту не оставляли своего гостя, докучая ему своими любезностями и церемоніями. Нѣсколько разъ лордъ Виллоуби подозрѣвалъ своего хозяина въ обдуманномъ намѣреніи его мучить, но подозрѣнія эти ничѣмъ не подтверждались. Мандаринъ даже похудѣлъ вслѣдствіе своего ревностнаго гостепріимства; но лицо его было также добродушно-глупо, глаза по-прежнему не выражали ни малѣйшей хитрости; онъ увѣрялъ, что любитъ своего гостя выше всего на свѣтѣ и непремѣнно умретъ съ отчаянья при разставаньи.

Наконецъ эта жизнь сдѣлалась невыносима англичанину. Лихорадка его мучила, голодъ терзалъ его внутренности, въ нѣсколько дней онъ высохъ какъ спичка и ослабѣлъ отъ постоянной безсонницы. Какъ-то изъ разговора своихъ хозяевъ узналъ онъ, что въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города (дѣло происходило въ Фу-чу-фу) находится другой городъ, въ отдаленнѣйшемъ уголку котораго дозволено временное жительство которой-то изъ европейскихъ миссій. Сердце его забилось отъ радости; дождавшись ночи, нашъ лордъ отправился въ свою комнату и черезъ минуту вышелъ оттуда, сказавши, что желаетъ прогуляться по саду. Къ изумленію и радости, мандаринъ не пошелъ провожать его. Ночь была лунная; недалеко отъ сада тянулась большая дорога.

Дрожа отъ нетерпѣнія, лордъ подошелъ къ воротамъ, которыя отдѣляли садъ отъ дороги. О, радость! ворота, противъ всѣхъ правилъ, не были замкнуты. Нашъ политикъ оглянулся еще разъ и кинулся бѣжать по дорогѣ. Въ шелестѣ всякой вѣтки слышалась ему погоня, въ каждомъ деревѣ видѣлъ онъ мандарина и его семейство, шумъ вѣтра казался ему серенадою съ фейерверкомъ. Забывъ достоинство члена Верхней палаты, британскій аристократъ бѣжалъ не переводя духа. На всѣхъ заставахъ пропускали его безпрепятственно, и даже какой-то китаецъ разсказалъ ему, гдѣ найти европейскую миссію. Передъ разсвѣтомъ прибылъ онъ въ обѣтованный уголокъ, не помня себя отъ утомленія и осыпая проклятіями хитрыхъ гражданъ Небесной имперіи, и даже не ложась спать, написалъ въ Анг.

письмо, въ которомъ торжественно отказывался отъ возложеннаго на него порученія.

Затѣмъ онъ съѣлъ почти полпуда рябиновъ и спалъ трое сутокъ не просыпаясь.

Рядомъ съ названными мною статьями, «Москвитянинъ» представилъ нѣсколько статеекъ довольно замѣчательныхъ, только въ другомъ родѣ. Одна изъ нихъ называется «Пальто» и выписывается здѣсь безъ всякихъ комментарій. Такая вещь говоритъ сама за себя.

«Не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, явился въ Москвѣ въ первый разъ *пальто*. Оно пріѣхало прямо изъ Парижа на извощикѣ. Не смотря на это, господинъ, который носилъ его на плечахъ своихъ считали за дикаго, и не смотря на это, безобразная, нестатная одежда, въ родѣ Китайской шкуры или шкуры гиппопотама, вошла въ моду: явилась какая-то необходимость въ пальто, годномъ безъ разбору на всякій станъ, на всѣ возрасты, на всѣ званія и состоянія: кому по чресла, кому по колѣно, явилась необходимость въ одеждѣ — *много кармановъ да нечего класть*. Для робкихъ, боявшихся облечь себя мѣшкомъ, придуманъ былъ спортукъ-пальто и пальто-спортукъ. И вотъ всѣ носятъ пальто, пальто-сакъ.

Ѣду покупать готовое пальто, примѣриваю.

— Безподобно! — говоритъ портной, осматривая меня.

— Помилуй, — говорю я, смотрясь въ зеркало, — это чортъ знаетъ что!

— Безподобно, — повторяетъ портной: — застегнитесь.

— Помилуй, карманы на самой стяжкѣ стана, въ нихъ нельзя ничего положить.

— О, эти только для рукъ.

— Только для рукъ! прятать руки отъ холода! да тутъ и руки не просунешь.

— Вотъ еще карманы.

— У самыхъ плечъ, — это для чего же?

— Это такъ ужъ шьется.

— Куда же я положу платокъ?

— А, платокъ можно положить вотъ въ эти карманы.

— Гдѣ? въ складкахъ подола? рука недостанетъ, надо приподнимать полу. Ну, скажи пожалуйста, для чего эти мелкіе карманы?

— Но такъ шьютъ, это мода.

— Зачѣмъ же слѣдовать глупой модѣ?

— Нельзя: кто жъ будетъ носить не по модѣ?

— А боковаго, внутренняго кармана, сердечнаго моего кармана нѣтъ?

— Какъ нѣтъ, — есть.

— Господи! вмѣсто горизонтальнаго перпендикулярное отверстіе въ карманъ, подъ подкладку: да это выломишь руку, какимъ образомъ [illegible] въ карманъ?

— О, ничего, вотъ видите — это очень удобно.

— Да, я вижу, что во всѣ эти карманы надо ходить чужой рукой.

— Что жъ, не угодно купить?

— Нѣтъ, я такаго уродливаго пальто не куплю.

— Но вѣдь вы спрашивали пальто, — какое же другое бываетъ пальто? Вы лучше моихъ пальто нигдѣ не найдете. Посмотрите, какая матерія, какой шовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, матерія — какъ кожа, шовъ — какъ кованый. Нельзя не купить въ пользу индустріи.»

Не менѣе интересны слѣдующіе два анекдота:

1) «Одинъ записной грамматикъ, замѣтивъ хорошенькую дѣвушку подлѣ бѣлокураго парика и вставныхъ челюстей, спросилъ: кто это такіе?

— Это будущій супругъ, а это будущая супруга.

— Стало быть, замѣтилъ грамматикъ, будущее совершенное женится на будущемъ несовершенномъ.»

2) «Во время случившейся грозы, ученый эллинистъ расчихался и кстати упомянулъ къ свѣденію, что древніе Греки приписывали грозу чиханію отца боговъ.

— Какъ же счастливы были древніе Греки, сказала одна дама, — что Юпитеръ не нюхалъ табаку!»

Кажется мнѣ, что эти два анекдота тоже не нуждаются въ комментаріяхъ.

Да, я было забылъ сообщить вамъ, что въ семнадцатомъ нумерѣ «Москвитянина» помѣщена *Васантазена*, древне-индѣйская драма, переведенная съ санскритскаго господиномъ Коссовичемъ. Грѣшно встрѣтить холодностью труды подобнаго рода, но да простятъ меня Сива и Вишну, я вооружусь безстыдствомъ и признаюсь вамъ, что не имѣлъ силы одолѣть этой древней-индѣйской драмы, въ которой дѣйствующія лица носятъ имена *Майтрея*, *Стхаварака*, *Варддхаманака*, *Самстханака* и *Чурнавриддхи*. Я бы совѣтовалъ кому-нибудь прочесть вслухъ эту драму: если онъ не прикуситъ своего языка, выговаривая подобныя названія, то драма можетъ читаться. Итакъ, я не читалъ драмы, переведенной съ санскритскаго, и не буду читать ее. Пусть Дэвы (боги) вооружатся противъ меня всею своею свирѣпостью, пускай Питри (тѣни праотцевъ) отъ меня отступятся, пусть Ракши (чудовища) и всѣ злыя существа Магабгараты грозятъ мнѣ мщеніемъ, пусть самъ Камадэва (богъ любви) явитъ мнѣ злѣйшія свои немилости, — я все-таки не могу одолѣть «Вазантазены», древне-индѣйской драмы, переведенной съ санскритскаго г-мъ Коссовичемъ.

Теперь остается упомянуть объ одной статьѣ «Библіотеки для Чтенія», посвященной біографіи извѣстнаго художника Ватто, Ватто, живописца пудреныхъ дамъ, миѳологическихъ красавицъ и пастушекъ съ овечками на голубыхъ лентахъ, веселыхъ пировъ посреди садовой лужайки, между фонтанами и мраморными статуями, подъ деревьями, ровно остриженными и подымающимися вверхъ въ видѣ зеленыхъ куполовъ, и любовныхъ сценъ посреди роскошнаго будуара съ витою мебелью, овальными зеркалами и расписными плафонами. Блестящій, граціозный и причудливый талантъ Ватто умѣлъ возвысить фальшивую манеру до обаятельной прелести; да иначе и быть не могло: Ватто олицетворилъ эстетическую сторону вѣка Регента и Людовика XV, также какъ Вольтеръ изображалъ собою умственную сторону того вѣка, обильнаго злымъ и добромъ, чудной поэзіею и отрицаніемъ всякой поэзіи, безумными наслажденіями и пастушескими идиліями, рыцарскими подвигами и шарлатанскими продѣлками, — того вѣка, гдѣ Сенъ Жерменъ сталкивался съ Франклиномъ, Жанъ Жакъ Русо съ герцогомъ Ришльё, кардиналъ Дюбуа съ послѣдними представителями католическаго фанатизма. Когда подумаешь о второй половинѣ осьмнадцатаго столѣтія и тогдашней жизни, голова кружится, и глазамъ представляется какой-то дивный, поразительный маскарадъ, напоминающій собою послѣдній праздникъ передъ великимъ постомъ, маскарадъ, въ которомъ можно было найти все: и блескъ обстановки, и остроуміе, достигшее высшей точки, и чувство, пробивающееся подъ легкимъ обращеніемъ, и гордое довѣріе къ своимъ силамъ, и поклоненіе красотѣ, и нравы древнихъ аѳинянъ съ прибавленіемъ неслыханныхъ ими удовольствій. Регентъ, прозванный первымъ рыцаремъ и первымъ повѣсою Франціи, прощающій пойманнаго заговорщика и приглашающій его на одну изъ своихъ палеройяльскихъ оргій, графиня де Шатле, владычица моды, изучающая философію Ньютона и награждающая автора Эдипа своей любовью, кардиналъ Берни, льстецъ въ душѣ, поклонникъ музъ и грацій,— развалины временъ Людовика XIV, новые витязи взбалмошнаго времени регентства: всѣ эти люди вдохновляли Ватто, ихъ похожденія давали пищу его таланту, ихъ деньги поддерживали его послѣдователей. Волокита Ришльё заказывалъ себѣ пастушковъ съ барашками, кардиналъ Дюбуа покупалъ у него самыя нескромныя изъ миѳологическихъ картинъ, суровыя девотки, помнящія еще времена г-жи Мантенонъ, любили картины, изображающія веселые пиры посреди цвѣтовъ, между стрижеными аллеями. Все перепуталось, все смѣшалось, и все было необыкновенно граціозно, и посреди этой баснословной жизни, заволочившійся и закружившійся міръ не пони-

шлялъ о бурѣ, которая собиралась на горизонтѣ и разразилась кровью, безпорядками и рядомъ колоссальныхъ баталій.

Вотъ какое общество было выражено въ картинахъ Ватто, вотъ какого рода люди служили ему оригиналами. Никто, кромѣ его, не былъ въ состояніи создать что-нибудь цѣлое изъ пестрыхъ и безконечныхъ сценъ одуряющаго карнавала, прозваннаго осмнадцатымъ столѣтіемъ. Никто, кромѣ его, не умѣлъ рисовать пошлѣйшихъ идиллическихъ сценъ и возвышаться до геніальности, въ самыхъ этихъ сценахъ передавая жизнь, направленіе, физіогномію того времени. Поэтому оцѣнка его таланта должна тѣсно сливаться съ изображеніемъ нравовъ современнаго ему общества: забудьте на минуту характеръ Регентства, вѣка Людовика XV — и произведенія Ватто покажутся вамъ мечтами подгулявшаго празднолюбца! Потому-то мнѣ ужасно досадно было видѣть, въ статьѣ г-на Мацкевича, такъ много біографическихъ подробностей и такъ мало картинъ тогдашняго общества. На что мнѣ знать, что Антонъ Ватто родился въ Валансьеннѣ, началъ свое поприще рисованіемъ декорацій, въ Англіи заразился сплиномъ и умеръ, проведя жизнь отмѣнно скучно. Въ немъ не было шика XVIII столѣтія, но въ немъ было что-то больше: онъ служилъ зеркаломъ этому армидину вѣку, и не принимая участія въ его интересахъ и наслажденіяхъ, передалъ намъ всѣ эти интересы и наслажденія. Не знаю, принадлежитъ ли статья о Ватто къ оригинальнымъ статьямъ Библіотеки для Чтенія, или переведена, по обыкновенію, безъ означенія источника, откуда она заимствована, но во всякомъ случаѣ, она едва ли удовлетворитъ людей, интересующихся исторіею живописи, и читателей, желавшихъ узнать что-нибудь новое объ общественной жизни XVIII столѣтія.

Въ октябрской же книжкѣ Библіотеки для Чтенія есть статья о «Пророкѣ» Мейербера, очень длинная, но чуждая особенныхъ музыкальныхъ хитросплетеній. Между прочимъ, нѣкоторые изъ лучшихъ мотивовъ оперы помѣщены нотами посреди текста. Это очень хорошо придумано и непремѣнно понравилось бы нашимъ деревенскимъ дамамъ, если бы горькій опытъ не убѣдилъ меня въ томъ, что у нашихъ молодыхъ дамъ рояли и пьянино стоятъ только для украшенія комнаты и не раскрываются никогда. Ни просьбы мужа, ни увѣщанія дилетанта-сосѣда нисколько не помогаютъ въ этомъ дѣлѣ, и красивый рояль постоянно стоитъ съ замкнутыми клавишами, а играть на немъ почитается лишнею и крайне утомительною роскошью. Впрочемъ, я говорю только о своихъ сосѣдахъ; въ другихъ уѣздахъ, можетъ быть, музыка процвѣтаетъ и прославляется.

II.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— *Ангелика Каталани.* — Въ Парижѣ, три мѣсяца тому назадъ, умерла, пораженная холерой, одна изъ знаменитѣйшихъ пѣвицъ девятнадцатаго столѣтія. Кто не слыхалъ имени Каталани, этой дивной сирены, услаждавшей досуги государей священнаго союза во время долгихъ конгрессовъ? Вотъ нѣкоторыя черты изъ жизни этой неподражаемой пѣвицы.

Ангелика Каталани родилась въ Сенигаліи, маленькомъ городкѣ въ Папскихъ владѣніяхъ, въ октябрѣ 1779 года. Отецъ ея, человѣкъ почтенный, занималъ должность мирнаго судьи и съ трудомъ воспитывалъ семью, состоявшую изъ четырехъ дѣвочекъ и двухъ мальчиковъ. Чтобы пополнить скудное жалованье, которое ему давала его должность, отецъ будущей «примадонны» торговалъ алмазами; соединеніе этихъ двухъ занятій было чрезвычайно естественно въ такой странѣ, гдѣ еще и нынѣ находится самая большая ярмарка Италіи. Однако же, чтобы облегчить бремя, черезъ-чуръ тяжелое, г. Каталани принужденъ былъ помѣстить дочь свою Ангелику въ монастырь Святой-Лючіи, недалеко отъ Сенигаліи; чтобы дочь его приняли въ заведеніе, преимущественно назначенное для воспитанія благородныхъ дѣвушекъ, г. Каталани долженъ былъ выставить на видъ родство свое, нѣсколько далекое, съ домомъ Мастаи, котораго въ настоящее время знаменитый и достопочтенный представитель есть Пій IX.

Въ этомъ монастырѣ Ангелика Каталани получила первыя понятія въ музыкѣ. Итальянскій монастырь въ концѣ XVIII столѣтія былъ нечто иное, какъ консерваторія, гдѣ единственными занятіями были — молитва, музыка и любовь; *pregare, amare e cantare*, какъ сказалъ одинъ теологъ, эти три различныхъ слова выражаютъ одно и тоже желаніе. И въ-самомъ-дѣлѣ, въ монастырѣ Святой-Лючіи много пѣли. По воскресеньямъ и большимъ праздникамъ монахини и послушницы оглашали своды капеллы своими благочестивыми гимнами. Скоро, среди этихъ свѣжихъ и дѣвственныхъ голосовъ, замѣтили голосъ Ангелики Каталани, котораго звукъ, обширность и гибкость уже удивляли ея подругъ. Монахини, желая извлечь пользу изъ такихъ рѣдкихъ способностей, заставляли ее пѣть небольшія соло, которыя скоро привлекли толпу слушателей. — «Пойдемте слушать *la maravigliosa Angelica*», говорили окрестные жители въ

торжественные дни, и толпа осаждала двери капеллы. Успѣхи Ангелики, нѣсколько мірскіе, оскорбили людей набожныхъ, и епископъ, вѣроятно не любившій музыки, приказалъ начальницѣ исключить солу молодой послушницы. Начальница монастыря святой Лючіи не раздѣляла однакожь принциповъ Ангелики Андилли, и не хотѣла лишиться успѣшнаго средства, приносившаго выгоду и бѣднымъ и истинно-благочестивымъ. Она употребила хитрость и помѣстила Ангелику Каталани сзади другихъ послушницъ. Молодыя дѣвушки скрывали такимъ образомъ свою подругу отъ взоровъ любопытныхъ и умѣряли звонкость голоса, которому суждено было впослѣдствіи изумлять всю Европу. Слушатели поднимались на цыпочки, чтобы увидѣть лицо дѣвочки, ихъ очаровывавшей. Душевное волненіе дошло даже до энтузіазма въ день какого-то большого праздника, когда Ангелика, одѣтая въ платье бѣлое, какъ ея душа, пропѣла *Ave Maria Stella:* всѣ хотѣли видѣть и обнять *la virginella*, которую Богъ такъ щедро одарилъ.

M-lle Каталани оставалась въ монастырѣ до четырнадцати лѣтъ. Отецъ ея, несмотря на всеобщія убѣжденія, не рѣшался обратить талантъ Ангелики къ цѣли мірской. Его благочестіе и занимаемая имъ должность заставляли его смотрѣть недружелюбно на все, что только касалось театра. Наконецъ, побѣжденный слезами дочери и просьбами всего семейства, г. Каталани согласился послать Ангелику во Францію, чтобы брать уроки у Маркези, самаго знаменитаго въ то время сопраниста Италіи.

Маркези былъ именно такой учитель, какой нуженъ былъ для Ангелики Каталани, чтобы приготовить ее къ славной судьбѣ. Одаренный прекрасною наружностію и сильнымъ необыкновенно гибкимъ голосомъ меццо-сопрано, этотъ пѣвецъ въ особенности отличался блескомъ и великолѣпіемъ вокализаціи. Онъ родился въ Миланѣ 1755 года, а 1774 дебютировалъ въ Римѣ съ большимъ успѣхомъ въ женской роли; потомъ онъ объѣздилъ всю Италію и посѣтилъ первыя столицы Европы, всѣхъ увлекая своимъ пѣніемъ. Когда онъ въ первый разъ пѣлъ въ Вѣнѣ, то произвелъ такой восторгъ, что всѣ придворныя дамы хотѣли имѣть его портретъ для медальоновъ. Онѣ носили эти медальоны на самой груди, какъ *чистѣйшій (castissima)* образъ, небезпокоившій безопасности мужей, не возбуждавшій ревности любовниковъ.

Извѣстно вліяніе кастратовъ на искусство пѣнія, и музыкальная революція, заставившая ихъ на-всегда исчезнуть съ итальянской сцены. У этихъ необыкновенныхъ существъ, жертвъ заблужденія человѣческаго ума, было что-то странное и болѣзненное какъ въ характерѣ, такъ и въ темпераментѣ. Напримѣръ

Маркези любилъ исполнять мужскія роли, въ которыхъ могъ надѣвать позолоченный шлемъ, украшенный красными или бѣлыми перьями; на сцену онъ любилъ сходить съ холма, съ высоты котораго могъ воскликнуть: *Dove son io?* (гдѣ я?) Онъ требовалъ, чтобы труба издавала нѣсколько рѣзкихъ звуковъ, такъ, чтобы онъ могъ сказать: *Odi lo squillo della tromba guerriera?* (Слышишь ли звукъ трубы воинской?)

Послѣ этого онъ подходилъ къ рампѣ и непремѣнно пѣлъ рондо, состоящее изъ двухъ противоположныхъ движеній, въ которомъ онъ проклиналъ плачевную судьбу, *la cruda sorte*, выпуская цѣлый потокъ гаммъ и *волатинъ*, одну другой быстрѣе, которыя волновались и сверкали какъ перья и блестки его шлема. Рондо, написанное для него Сарти въ операѣ *Achile in Sciro*,

Mia speranza, io pur vorrei,
(Моя надежда! и я хотѣлъ бы....)

прошло по всей Европѣ. Маркези пѣлъ его всюдѣ и вклеивалъ его во всѣ произведенія: это былъ его конекъ, или, какъ говорятъ итальянцы, *aria di baule*, походная, путевая арія. Маркези былъ пѣвецъ блестящій, но холодный и вкуса сомнительнаго; у него не было ни трогательности Гваданьи, ни удивительнаго стиля Паккіаротти. Всѣмъ сердцемъ преданный австрійскому дому, онъ никогда не хотѣлъ пѣть передъ Наполеономъ. Въ началѣ 1806 года онъ оставилъ театръ и удалился въ Миланъ, свою родину, гдѣ и умеръ въ 1829 г., семидесяти двухъ лѣтъ, оставивъ прекрасное состояніе, изъ котораго всегда дѣлалъ благородное употребленіе.

Ангелика Каталани училась у него два года. Маркези научилъ ее умѣрять необыкновенную легкость ея обширнаго и блестящаго голоса; онъ украсилъ память ея множествомъ *gorgheggi*, одинъ другого сложнѣе, и также пріохотилъ ее, къ несчастію, къ блеску и вздору итальянской вокализаціи. Между тѣмъ, какъ юная Ангелика готовилась завоевать себѣ чудную славу, она имѣла случай слышать во Флоренціи знаменитую пѣвицу, вѣроятно, Габріэлли, которая произвела на нее глубокое впечатлѣніе. Пораженная голосомъ и талантомъ виртуозки, Ангелика залилась слезами и сказала съ восхитительною наивностью: «Боже мой! Боже мой! я никогда не достигну такого совершенства!» Пѣвица, бывшая тогда въ славѣ, захотѣла видѣть молодую дѣвушку, такъ сильно ей польстившую. Она заставила Ангелику пѣть. Послѣ пѣнія она обняла ее съ нѣжностію и сказала: «Успокойтесь, дитя мое, чрезъ нѣсколько лѣтъ вы меня превзойдете, и тогда придетъ моя очередь оплакивать ваши успѣхи».

M-lle Каталани дебютировала на театрѣ Фениче, въ Венеціи, въ 1795 году, въ оперѣ Николини. Тогда ей было шестнадцать лѣтъ. Высокій ростъ, стройность, превосходныя, бѣлыя какъ алебастръ плечи, лебединая шея, большіе глаза, голубые, нѣжные, влажные, *pietosi*, *et a mover parchi (скромные и на движенія скупые)*, черты благородныя и прекрасныя, — все это дѣлало изъ молодой пѣвицы восхитительную женщину. У нея былъ голосъ сопрано; она брала почти три октавы, отъ нижняго *la* до высшаго *fa*; всѣ ея ноты были чрезвычайно ровны и безпримѣрно гибки. Понятно, что, обладая такими средствами, Каталани нетрудно было привлечь къ себѣ сердца всѣхъ итальянцевъ; успѣхъ ея въ Венеціи былъ поразителенъ: окруженная своимъ семействомъ и Маркези, который хотѣлъ ободрить первые шаги ея, Ангелика была принята съ восторгомъ, и слава ея какъ молнія пронеслась по всей Европѣ.

Всѣ біографіи г-жи Каталани утверждаютъ, что послѣ своихъ дебютовъ (по однѣмъ — въ Венеціи, по другимъ — въ Миланѣ) молодая пѣвица посѣтила главные города Италіи и вездѣ была принимаема съ торжествомъ, и что только черезъ нѣсколько лѣтъ была она ангажирована на итальянскій театръ въ Лиссабонѣ, куда и отправилась въ 1801 году. Сама же Каталани всегда говорила своимъ дѣтямъ, что ей едва минуло семнадцать лѣтъ, когда она пріѣхала ко двору португальскому: слѣдовательно, родившись въ 1779, она оставила Италію въ 1796, т. е. почти тотчасъ послѣ своего появленія на театрѣ Фениче, въ Венеціи. Это послѣднее свидѣтельство тѣмъ болѣе кажется намъ правдоподобнымъ, что m-lle Каталани находилась прежде при капеллѣ принца-регента, большого любителя музыки, какъ вообще всѣ изъ дома Браганцскаго, отъ его знаменитаго основателя до императора дона Педро. Если что могло заставить г. Каталани увезти дочь свою Ангелику далеко отъ ея родной страны и поспѣшно отвлечь ее отъ шумной и опасной славы на драматическомъ поприщѣ, то это, вѣроятно, безпокойство совѣсти. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что Ангелика, участвовавшая сначала въ хорѣ капеллы португальскаго короля, рѣшилась явиться на театрѣ, потому-что жалованья, получаемаго ею, какъ частною пѣвицею, было недостаточно для многочисленной семьи, которой она была единственною опорою.

Въ числѣ итальянскихъ пѣвцовъ, находившихся въ 1799 году на итальянскомъ театрѣ въ Лиссабонѣ, была Гаффорини, удивительный контральтъ, и Кресчентини, послѣдній превосходный сопранистъ Италіи. Добродѣтель и красота Ангелики, окруженной такими артистами, засіяли съ бо́льшимъ блескомъ. Примѣръ и совѣты Кресчентини были особенно благодѣтельны для молодой пѣвицы. Подъ руковод-

ствомъ этого учителя, Каталани научилась лучше произносить слова и исправила даже нѣкоторые недостатки своей дивной вокализаціи. Въ продолженіи шести лѣтъ Ангелика была идоломъ всего Лиссабона. Скромность ея манеръ, ея тихое благочестіе и рѣдкая доброта сердца заставляли любить ее всякаго, кто только приближался къ ней. Регентъ обращался съ нею, какъ бы съ своею дочерью.

Когда генералъ Ланнъ былъ посланъ, въ качествѣ посланника, изъ Франціи въ Португалію, то при немъ состоялъ молодой французскій офицеръ, которому суждено было имѣть большое вліяніе на судьбу знаменитой пѣвицы. Г. де Валабрегъ, гусарскій капитанъ, былъ человѣкъ любезный, обладавшій прекрасными манерами. Пріятная наружность, живой умъ, а особенно его изящный мундиръ произвели живое впечатлѣніе на Ангелику, которую де Валабрегъ часто встрѣчалъ въ гостиной французскаго посланника. Скоро де Валабрегъ самъ сталъ раздѣлять внушенныя имъ чувства и, понявъ, что голосъ пѣвицы могъ сдѣлаться источникомъ большого богатства, онъ просилъ ея руки. Семейство и многочисленные друзья Ангелики смотрѣли съ крайнимъ неудовольствіемъ на это соединеніе. На всѣ замѣчанія, дѣлаемыя ей съ цѣлью заставить ее отказаться отъ этого брака, она отвѣчала, опустивъ глаза: «*Ma che bell' offiziale!*» *(Какой прекрасный офицеръ!)*

Прекрасный офицеръ овладѣлъ-таки ею: онъ обвѣнчался съ Ангеликою въ придворной капеллѣ, подъ покровительствомъ принца-регента и генерала Ланна. Г-жа де Валабрегъ, всегда сохранявшая свое фамильное имя, оставила Лиссабонъ въ началѣ 1806 года. Она заключила выгодный для себя контрактъ съ итальянскимъ театромъ въ Лондонѣ. Прежде поѣхала она въ Мадридъ, гдѣ дала нѣсколько концертовъ, принесшихъ ей значительныя суммы; потомъ проѣзжая черезъ Францію, она прибыла въ Парижъ въ первыхъ числахъ іюня 1806 года. Слава ея уже донеслась до Парижа, и тогдашніе журналы возвѣстили о ея пріѣздѣ такъ, что возбудили всеобщее любопытство. Каталани дала въ оперѣ три концерта, которые привлекли довольно многочисленную публику. Цѣна за мѣста была утроена: билетъ въ партеръ стоилъ 9 франковъ, балконъ—30 франковъ. Въ первомъ концертѣ, 22 іюля, она пропѣла двѣ аріи Чимарозы и арію изъ *Семирамиды* Порто-Галло: *Son regina;* во второй разъ, 11 августа, выбрала арію изъ *Bucanali di Roma*, сочиненія Николини, арію изъ *Заиры* Порто-Галло и опять арію изъ *Семирамиды* того же композитора. Въ третьемъ концертѣ, данномъ 3-го сентября, г-жа Каталани пропѣла, кромѣ предъидущихъ пьесъ, арію Пиччини: *Se il ciel mi divide.* Обширность, сила и блескъ ея голоса, богатство ея вокали-

зиціи и наконецъ красота ея лица и стройность стана, — все это возбудило всеобщій восторгъ и удивленіе. Развѣ только появленіе Паганини могло произвесть такой эффектъ, какой произвело появленіе Каталани. Однако же, парижская критика сдѣлала ей нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній.

Наполеонъ также слышалъ Каталани и, желая удержать въ своей столицѣ пѣвицу, которая могла бы разсѣять умы отъ важныхъ занятій, онъ потребовалъ ее въ Тюльери. Бѣдная женщина никогда не видѣла вблизи этого ужаснаго виртуоза войны, которая наполняла Европу звукомъ его *фіоритуръ*; представляясь ему, она дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Куда вы отправляетесь? сказалъ ей Наполеонъ своимъ повелительнымъ голосомъ.

— Въ Лондонъ, государь.

— Вамъ слѣдуетъ остаться въ Парижѣ; вамъ хорошо заплатятъ и лучше оцѣнятъ вашъ талантъ. Прощайте.

И пѣвица удалилась полуживая, не осмѣлившись сказать Наполеону, что ей невозможно нарушить контракта, заключеннаго съ англійскимъ посланникомъ еще въ Португаліи. Еслибъ Наполеонъ узналъ объ этомъ обстоятельствѣ, то онъ наложилъ бы *эмбарго* на прекрасную пѣвицу, на которую смотрѣлъ бы какъ на хорошій военный призъ. Тѣмъ не менѣе Каталани должна была безъ паспорта бѣжать изъ Франціи. Она въ Марле тайно сѣла на корабль, кончившій размѣнъ плѣнныхъ, и заплатила за перевозъ 150 лундоровъ. Свиданіе съ императоромъ произвело на пѣвицу такое впечатлѣніе, что она потомъ часто говорила, будто во всю жизнь не испытывала болѣе сильнаго смущенія, какъ во время разговора съ Наполеономъ.

Каталани пріѣхала въ Лондонъ въ декабрѣ 1806 года. Расположеніе англичанъ къ музыкѣ и итальянскимъ артистамъ относится къ довольно отдаленному времени. Съ XVI вѣка, игроки на лютнѣ, пѣвцы мадригаловъ и канцонеттъ участвовали во всѣхъ празднествахъ, дававшихся въ честь королевы Елисаветы. Итальянская опера существуетъ въ Лондонѣ съ начала XVIII вѣка и на этомъ театрѣ блистали одинъ за другимъ всѣ знаменитѣйшіе пѣвцы Италіи, которыхъ школы Неаполя, Рима, Болоньи и Венеціи воспитывали для забавы *варваровъ*. Тамъ возгарались горонческія борьбы между Каретини и Фаринелли, Фаустиной и Куццони, Марра и Банти, Беллингтонъ и Грассини, Тоди и Марра, — восхитительныя борьбы, которыя возобновились и въ наше время между Пастою и Малибранъ, Джени Линдъ и Альбони. Политическія партіи примѣшивались къ этимъ дуэлямъ, поддерживая одного или другого изъ бойцовъ. Такъ, напримѣръ, тори съ восторгомъ аплодировали хроматическимъ гаммамъ и огнен-

нымъ, блестящимъ трелямъ Марри, между тѣмъ, какъ важное и патетическое пѣніе Тоди возбуждало энтузіазмъ знатоковъ. Это соперничество такъ далеко зашло въ первой половинѣ XVIII вѣка, что каждая партія хотѣла, какъ въ настоящее время, имѣть свой собственный итальянскій театръ. Гендель дирижировалъ придворнымъ театромъ, гдѣ давались его произведенія, превосходно исполняемыя Сенезино; Буononчини же, съ помощію Фаринелли, привлекалъ толпы народа въ оппозиціонный театръ; Гендель, несмотря на превосходство своего генія, палъ въ этой ожесточенной борьбѣ и потерялъ въ ней все свое состояніе.

Ни одна изъ пѣвицъ не имѣла въ Лондонѣ такого успѣха, какъ Каталани. Появленіе этой знаменитой женщины въ городѣ, гдѣ перебывали всѣ замѣчательнѣйшіе артисты XVIII столѣтія, было рѣшительно народнымъ событіемъ. Каталани была идоломъ Англіи въ продолженіи осьми лѣтъ. Принятая высшимъ аристократическимъ кругомъ, цѣнившимъ то, что она устояла противъ приглашеній Наполеона, ласкаемая тори, превозносимая вигами, она держала всѣ націи подъ очарованіемъ своихъ хроматическихъ гаммъ и упоительныхъ *gorgheggi*. Когда въ Лондонѣ кончался сезонъ увеселеній, Каталани ѣздила по Англіи, вездѣ давая концерты, приносившіе ей большія деньги. Имя ея, напечатанное на афишѣ, было непреодолимымъ талисманомъ, привлекавшимъ толпы народа въ самые маленькіе городки британскаго государства. Даже Ирландія, бѣдная Ирландія, продавала свои рубища, чтобы только услышать чудесную сирену, которой *i ramp di gole*, *молніи горла*, помрачали умы и обворожали сердца.

Вліяніе, производимое Каталани на англійскую публику было такъ могущественно и такъ общее, что правительство, въ своей борьбѣ съ Наполеономъ, не разъ прибѣгало къ таланту пѣвицы, чтобы умѣрять порывы національнаго духа.

Г-жа Каталани прибыла въ Парижъ въ 1814 году, вмѣстѣ съ союзниками, чтобы также участвовать въ общемъ торжествѣ. 4-го февраля 1815 года она дала концертъ въ пользу бѣдныхъ, въ оперѣ, гдѣ успѣхи ея были также блестящи, какъ и въ 1806. Во время ста дней она удалилась изъ Парижа въ Гентъ съ Людовикомъ XVIII, котораго знала еще въ Англіи. Домъ ея былъ мѣстомъ сходбища самыхъ знатныхъ эмигрантовъ. Послѣ своей поѣздки въ Голландію и Бельгію, она возвратилась въ Парижъ во время второй реставраціи. Тогда Людовикъ XVIII, желая вознаградить привязанность Каталани къ законному дѣлу, далъ ей привилегію на Итальянскій театръ и вспоможеніе въ 160,000 франковъ. Предпріятіе это было для пѣвицы источникомъ всевозможныхъ огорченій. Каталани, совершенно подчинявшаяся безпокойному уму мужа сво-

его, старавшагося удалить со сцены Итальянскаго театра всѣхъ артистовъ, которыхъ таланты могли набросить тѣнь на славу его жены, принуждена была отказаться отъ несчастной дирекціи, потерявъ 500,000 франковъ. Чтобы исправить этотъ уронъ, она предприняла большое путешествіе по сѣверу. Каталани посѣтила Данемаркъ, Швецію, съ тріумфомъ объѣхала всю Германію, давая концерты, приносившіе ей большія выгоды. Среди энтузіазма, вездѣ ею возбуждаемаго, среди яркаго блеска, которымъ она ослѣпляла толпу, нѣмецкая критика наморщила брови и вздумала судить пѣвицу на основаніи тяжеловѣсныхъ принциповъ суровой эстетики. Это значило подвергнуть арабески Рафаэля критикѣ *чистаго разума* Канта. Несмотря на замѣчательную статью, появившуюся въ *Лейпцигской музыкальной газетѣ*, несмотря на пріемъ, болѣе нежели холодный, сдѣланный ей въ Мюнхенѣ, Каталани оставила Германію, унося съ собою богатую жатву славы и червонцевъ.

Въ 1817 г, она поѣхала въ Венецію. Не станемъ слѣдить далѣе за нашею путешественницею, посѣтившею всѣ отдаленные уголки Европы. Скажемъ только, что въ 1823 году она, черезъ Польшу, пріѣхала въ Россію, гдѣ Императоръ Александръ принялъ ее съ особенною милостію. Въ послѣдній разъ пѣла она въ публикѣ въ 1828 г. въ концертѣ, даннomъ въ Дублинѣ.

Восхищая и увлекая цѣлую Европу въ продолженіи почти полустолѣтія, Каталани наконецъ удалилась въ прекрасное помѣстье, въ окрестностяхъ Флоренціи, гдѣ протекли послѣдніе годы ея жизни среди богатства и всеобщаго уваженія. Въ прелестномъ своемъ уединеніи, она продолжала ежедневно заниматься музыкою, которую страстно любила. Она пѣла для собственнаго удовольствія и для удовольствія своихъ друзей, а въ особенности для несчастныхъ, прибѣгавшихъ къ чарамъ ея голоса. Флорентинскіе ученики гуляя близь холма, на вершинѣ котораго стоялъ ея домъ, слышали раскаты этого несравненнаго голоса. Распространеніе холеры по Италіи заставило Каталани искать убѣжища въ Парижѣ, въ кругу дѣтей; бичъ, котораго она страшилась, и который, быть можетъ, обошелъ бы ее во Флоренціи, внезапно поразилъ ее въ Парижѣ, 12 іюня 1849 г., на шестьдесятъ девятомъ году жизни.

За нѣсколько дней до смерти, къ Каталани, сидѣвшей въ гостиной, явилась женщина, не сказавшая лакею своего имени. Поклонившись пѣвицѣ, она сказала: «Я пришла воздать долгъ величайшей пѣвицѣ нашего времени и благороднѣйшей изъ женщинъ; благословите меня — я Дженни Линдъ». Каталани, тронутая до слезъ, долго прижимала къ сердцу достойную соперницу.

Каталани не была большою музыкантшей. Воспитаніе ея было такъ небрежно, что она не могла съ-разу прочесть самую простую пьесу. Она не играла ни на какомъ инструментѣ, и ей постоянно нуженъ былъ кто-нибудь для акомпанимента. На театрѣ Каталани не имѣла большого успѣха: сцена дѣлала ее робкою, у нея не доставало ни естественности, ни одушевленія. Въ ея голосѣ, звучномъ и текучемъ, не было ни порывовъ страсти, ни комическаго блеска. Каталани была, въ полномъ смыслѣ слова, пѣвица комнатная, *da camera*; она воспроизводила *искусство для искусства*, заботилась лишь о томъ, чтобы очаровать и удивить своихъ слушателей. Репертуаръ ея не очень былъ разнообразенъ, не былъ и строгъ по выбору пьесъ: весь онъ состоялъ изъ дюжины каватинъ, которыя она пѣла всегда и вездѣ. Въ особенности любила она слѣдующія вещи: *Son regina*, изъ *Семирамиды* Порто-Галло, которую онъ написалъ для нея въ Лиссабонѣ,—арію *Delle trombe*, изъ оперы *Три Султанши*,—варіяціи Роде и *Nel cor più non mi sento*, изъ *Molinara* Пезіелло. Въ Парижѣ она нѣсколько разъ пѣла роль графини изъ *Женитьбы Фигаро*; но съ Моцартомъ она была еще менѣе знакома, чѣмъ съ Пиччини и другими великими маэстро старой итальянской школы. Каталани не приняла участія въ революціи, произведенной Россини; ея неполное образованіе и нерасположеніе къ сценической игрѣ не позволили ей участвовать въ возобновленіи драматической музыки.

Вокализація Каталани была, дѣйствительно, чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Среди самыхъ тонкихъ украшеній, которыми она пользовалась съ рѣдкимъ изяществомъ, особенно замѣчательна легкость, съ которою она дѣлала хроматическія гаммы, передавая каждую ноту трелью, блестѣвшею какъ лучшій алмазъ. Она была поразительно-эффектна въ контрастахъ: за величавымъ, надменнымъ звукомъ у нея вдругъ являлось *mezza-voce* (полъ-голоса) самое таинственное. Величайшимъ недостаткомъ, въ которомъ только можно упрекнуть ея богатую и роскошную вокализацію, было нервическое движеніе, напечатлѣвавшееся на подбородкѣ: отъ этого Каталани никогда не могла исправиться. Это движеніе, непріятное для глазъ, сдѣлалось такъ обыкновенно въ наше время, что его замѣчаютъ у лучшихъ артистовъ, такъ, напримѣръ, у г-жи Угальдъ (*Opéra-Comique*) и г. Маріо.

Одаренная счастливымъ инстинктомъ, обладая голосомъ сопрано, самымъ обширнымъ, самымъ звучнымъ и гибкимъ, какой когда-либо существовалъ, прекрасная райская птичка, прекрасная Каталани была, скорѣе, чудомъ природы, чѣмъ произведеніемъ искусства. Она *играла* голосомъ какъ Паганини на скрипкѣ, но не обладала его огненнымъ, фантастическимъ геніемъ. Сладкогласная сирена, она

увлекала всѣхъ; о пѣніи ея можно сказать тоже, что̀ сказалъ кто-то о діалектикѣ софистовъ: «Она вертится около сердца, но никогда не попадетъ въ него».

— *Театральныя и музыкальныя новости во Франціи, Англіи, Бельгіи и Германіи.* — Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы представили читателямъ разсужденія Жюль-Жанена по поводу закрытія и открытія оперы. На этотъ разъ выступаетъ Берліозъ и, трактуя о музыкѣ, даетъ ей нѣсколько жосткихъ совѣтовъ. «Вы страдаете, говоритъ онъ, но, — позвольте, сударыня, кто же этому виною? что̀ изъ васъ вышло, взгляните:

«Блѣдная, сморщенная, вы стали расписывать себѣ лицо синимъ, бѣлымъ и краснымъ цвѣтомъ: точь-въ-точь дикарка. Скоро вы будете мазать себя рѣсницы и продѣвать въ носъ золотыя кольца. Талантъ вашъ тоже переродился: вы не поете, а *орете*. Что̀ это за привычка драть голосъ на каждой нотѣ, какъ собака, лающая на луну! останавливаться съ воплемъ на каждомъ предпослѣднемъ тактѣ мелодическаго періода, каковъ бы ни былъ слогъ, на которомъ онъ покоится, смыслъ пьесы, движеніе цѣлаго и намѣреніе композитора? Что̀ это за вольности позволяете вы себѣ съ самыми лучшими текстами, выкидывая верхнія и нижнія ноты и втискивая мелодію въ пять-шесть среднихъ нотъ вашего голоса, которыя вы раздуваете во всю силу легкихъ, отчего новѣйшее пѣніе и мелодія выходятъ похожими на жалкія пѣсни пригородныхъ потаскушекъ и кабачныхъ орфеевъ! Скажите, кто далъ право вашимъ пѣвцамъ рубить мелодію и дѣлать стихи 14-ти футовъ длины, уничтожая элизіи, чтобы чаще переводить духъ? на какомъ языкѣ поете вы? что̀ это: Овернь или Нижняя Бретань? клермонцы и кэмперцы отнѣкиваются. У васъ чахотка что̀ ли, что вы не можете извлечь изъ груди малѣйшей быстрой мелодической фразы, безъ того, чтобы не отдыхать?... и проч., и проч.

Бѣдная музыка! по дѣломъ тебѣ. Но музыка, чувствуя всю вину свою, рѣшается возражать. Войдите въ ея бѣдственное положеніе: республика обложила оперу таксами и податями. Сапожнику не говорятъ: пріятель, ты сдѣлалъ 10 паръ сапогъ, одна изъ нихъ моя; а Опера должна выносить все это.— Помогите, помогите, дайте денегъ. «Нельзя, республикѣ теперь не до музыки; у нея слабы нервы, надо ихъ укрѣпить; она больна, страдаетъ: ну, до музыки ли тутъ?» Между тѣмъ Лаблашъ и Зонтагъ, какъ бы подразнивая парижскую публику, путешествуютъ по Англіи и, въ сообществѣ Тальберга, кокетливо перепархиваютъ отъ одного города къ другому. Теперь они въ Глазговѣ; концертъ въ пользу бѣдныхъ этого города далъ чистаго барыша 11,000 франковъ. Въ Парижѣ, Большая Опера, слушая со слезами на глазахъ упреки Берліоза, даетъ балетъ *La filleule des Fées*, и

поджидая Віардо, готовится къ возобновленію *Пророка*. Да и то сказать: приговоры Берліоза слишкомъ строги Не угодно ли вамъ, почтенный *фантастическій драматикъ*, заглянуть вечеркомъ въ залу Комической Оперы и навострить ваше строгое ухо: даютъ фантастико-драматическую оперу «*La fée aux Roses*». Извѣстно, что всякая фантасмагорія, отвлеченная отъ своей обстановки, отъ превращеній, волшебствъ, декорацій и танцевъ, есть галиматья; но галиматья, разъигрывающаяся передъ нашими глазами, очень милая галиматья.

Магикъ Атальмукъ совсѣмъ не такой страшный чародѣй, какъ это кажется съ перваго взгляда: несмотря на всю свою науку, онъ не можетъ заставить Нерилу полюбить себя. Нерила — невольница, купленная волшебникомъ, которую онъ старается изолировать отъ всего міра. Да и трудно полюбить человѣка съ такимъ страшнымъ басомъ, каковъ у этого Атальмука. Чѣмъ повелѣвать элементами, вы бы постарались пріобрѣсть голосъ нѣжнаго тенора, и тогда все пошло бы благополучно. Легко сказать: тенора! да тогда опера окончилась бы на первой сценѣ, а передъ нами еще цѣлыхъ три акта. Нерила въ-заперти въ кабинетѣ волшебника, съ двумя своими пріятельницами и сосѣдками. Въ отсутствіи Атальмука, она разсматриваетъ книги своего владыки и читаетъ на-удачу заклинаніе, которое приводитъ въ движеніе весь кабинетъ: метлы, стулья, столы, горшки цвѣтовъ, — все это начинаетъ пляску, которую унимаетъ возвратившійся волшебникъ. Начинается объясненіе. Въ комической оперѣ басы не женятся; баритонъ можетъ, пожалуй, заключить бракъ по расчету, но басъ обреченъ на вѣчную холостую жизнь. Атальмукъ спрашиваетъ, что́ ему дѣлать, чтобы понравиться своей невольницѣ? Будьте любезны, отвѣчаетъ Нерила; въ отвѣтъ чародѣй беретъ контра-*fa* и подписываетъ этимъ свой приговоръ.

Нерила не любитъ Атальмука, но зато обожаетъ цвѣты и.... и, быть можетъ, какого-то тенора, котораго она слышала издали, и котораго грудное *до* служитъ ручательствомъ за всѣ качества души, ума и сердца. Желая быть любезнымъ, Атальмукъ предлагаетъ Нерилѣ переселить ее въ царство розъ и посвящаетъ ее въ волшебницу розъ. Обѣ ея пріятельницы получаютъ также подарки: гордая Гюльнара производится въ султанши, а другая, Кадожа, болѣе скромная, въ садовницы волшебнаго сада съ садовникомъ по своему выбору. Задняя часть сцены открывается, и, при помощи декораторовъ и машинистовъ гг. Канбона и Тьерри, — всякій получаетъ свое. Но предусмотрительный волшебникъ далъ Нерилѣ царство розъ на одномъ условіи: ей формально запрещено тамъ влюбляться; въ противномъ случаѣ она будетъ превращена въ страшнаго урода. Это нехорошо,

потому-что оказывается, что теноръ съ грудным *до* никто иной, какъ принцъ, за котораго должна выйти за-мужъ Гюльнара. Опять-таки не хорошо: вы понимаете, если Гюльнара выйдетъ за-мужъ за этого принца, то.... ну, да развѣ вы никогда не бывали въ оперѣ? Однако, изъ одного бреда во время сна оказывается, что принцъ не любитъ Гюльнары и, что идолъ его души — Нерила. Сцена оживляется, принцъ разбуженъ, и Нерила, забывъ угрозы Атальмука, дѣлаетъ роковое признаніе. Еще хуже и даже какъ нельзя болѣе худо: Нерила превращается въ старую отвратительную вѣдьму. Разумѣется, это происходитъ при блескѣ молній и колебаніи земли. Царство розъ исчезаетъ: вы въ нѣдрахъ земли. Быть отвратительной старухой — положеніе ужасное; но Атальмукъ великодушенъ: если ты найдешь охотника поцаловать тебя, говоритъ онъ Нерилѣ: — то будешь возвращена въ прежнее состояніе. *Nota bene*: охотникъ долженъ быть непремѣнно молодой человѣкъ и не знать твоей исторіи. Какъ быть? принцъ подозрѣваетъ невѣсту свою, султаншу Гюльнару, въ невѣрности. Кадижа даетъ Нерилѣ букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ, который имѣетъ способность покраснѣть, если тотъ, въ рукахъ котораго онъ находится, невѣренъ. Нерила предлагаетъ принцу этотъ букетъ за поцалуй: она принимаетъ прежній видъ, букетъ въ рукахъ Гюльнары становится пурпуровымъ, принцъ въ восторгѣ, Атальмукъ въ отчаяніи, кордебалетъ начинаетъ танцы, статисты идутъ въ процессіи, музыка гремитъ — обратимся къ ней.

Увертюра написана отчетливо, инструментована умно и учено, хотя *allegro* и ѣдетъ не много врозь. За тѣмъ хорошенькія мелодіи, эффектные *morceaux d'ensemble*. Вообще, композиторъ ваялся слишкомъ серьёзно за свой сюжетъ и не обработалъ его съ той насмѣшливой улыбкой и ироническою легкостью, которая болѣе прилична волшебствамъ этого рода. Въ музыкѣ недостаетъ той улыбки, которая говоритъ слушателю: пожалуйста, не вѣрьте слишкомъ тому, что передъ вами происходитъ; это фантасмагорія.

Но кто же авторъ либретто и музыки, спросите вы? Публика требуетъ ихъ имена. Является режиссеръ и объявляетъ, что либретто сочинено гг. *Скрибомъ* и *Сенъ-Жоржемъ*, а музыка — г. *Галеви*. Ну, такъ и есть: авторъ *Жидовки* и трехъ четвертей *Людовика* не могъ забыться вполнѣ въ комической оперѣ.

Парижская Академія Художествъ занимается также музыкой, но менѣе удачно, чѣмъ Комическая Опера. На годичномъ засѣданіи ея, происходившемъ 6 октября, было исполнено два произведенія римскихъ пансіонеровъ академіи: увертюра г. *Гастинеля* и кантата *Антоніо* г. Каана. *Andante* увертюры заключаетъ въ себѣ широкія

мелодія, но *presto* — жалкое подражаніе инструментальному стилю Россини. Кантата, по общему отзыву журналовъ, очень плоха. Въ заключеніе всего, музыкальный міръ понесъ страшную потерю: извѣстный піанистъ Фредерикъ Шопенъ умеръ въ Парижѣ 17 октября, въ два часа утра. Шопену было тридцать девять лѣтъ; онъ умеръ въ объятіяхъ своего ученика отъ грудной болѣзни. Шопенъ былъ достойно названъ Оріолемъ піанистовъ.

Отъ музыки перейдемъ къ театрамъ драматическимъ.

Французская Комедія вдовствуетъ: г-жа *Анаисъ*, одна изъ лучшихъ актрисъ, улетѣла въ Брюссель и пожинаетъ тамъ лавры, не помышляя о возвращеніи домой. Успѣхъ ея въ Бельгіи — громадный. Недавно она играла въ прекрасной піесѣ г-жи Бэвръ — *La suite d'un bal masqué* и миленькой пословицѣ Мюссé — *Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée*. Журналы объявляютъ для слѣдующихъ ея дебютовъ: *L'Ecole des Vieillards*, *Valérie*, *Les préventions*, *un Caprice*, *Le secret du Ménage*. Извѣстно, что публика не пустила г-жу Анаисъ, когда она пожелала сойти преждевременно со сцены Французской Комедіи. Нынѣ подобное желаніе овладѣло г-жею *Рашель*. Чѣмъ кончится дѣло — неизвѣстно: покамѣстъ оно остановилось, какъ явствуетъ изъ двухъ писемъ, помѣщенныхъ въ *Journal des Débats* г-жею Рашель и комитетомъ Французской Комедіи, на той точкѣ, что дирекція театра объявила представленіе *Adrienne Lecouvreur* съ г-жею Рашель, въ то время, какъ послѣдняя извѣщаетъ, что она не будетъ болѣе играть на сценѣ этого театра. Чтобы понять запутанность этихъ отношеній, должно знать, что сюжеты Французской Комедіи вмѣстѣ съ тѣмъ общники и, получая извѣстный дивидентъ съ доходовъ, имѣютъ право, по выходѣ въ отставку, при соблюденіи извѣстныхъ условій и формальностей, на капиталъ въ 50,000 франковъ.

— *Новый балетъ La filleule des Fées*. Кажется, теперь волшебство и волшебницы *à l'ordre du jour*. Комическая Опера даетъ намъ *Fée aux Roses*, Опера — *La filleule des Fées*. И тутъ и тамъ превращенія, фантасмагоріи. Но къ дѣлу! когда-то на одной фермѣ въ Провансѣ родилась дѣвочка Изора. День ея крестинъ — день празднества и ликованія для всего околодка. Дѣвушки и молодые люди предаются удовольствію пляски; голова селенія раздаетъ дѣтямъ конфекты. Въ то время, какъ это происходитъ, пожилые родственники начинаютъ обѣдать. Являются двѣ старухи и просятъ милостыни: ихъ сажаютъ за столъ; за ними является третья старуха и требуетъ того же, но такъ-какъ съ нею число сидящихъ за столомъ было бы 13-ть, то ей отказываютъ. Старуха настаиваетъ — ее гонятъ: брань и драка. Старуха уходитъ взбѣшонная. Читатель

уже догадался, что двѣ первыя старухи благодѣтельныя феи, а третья — фея духа противорѣчія.

Провансальцы и провансалки, повеселившись, расходятся по домамъ; наступаетъ ночь. Кругомъ тишина. Изора спитъ въ люлькѣ; кормилица ея тоже засыпаетъ. Двѣ старухи, оставшись однѣ, начинаютъ дѣлать заклинанія. По ихъ знаку, являются со всѣхъ сторонъ толпы старухъ, подобныхъ имъ. Только-что всѣ собрались, какъ вдругъ лохмотья, морщины, горбы исчезаютъ, и передъ вами толпа волшебницъ. Каждая изъ этихъ почтенныхъ особъ даетъ свой подарокъ новорожденной. На-бѣду, является черная фея: добрые генія бѣгутъ, и облако возвѣщаетъ: «Страшитесь! она получитъ мой подарокъ, когда ей минетъ 15 лѣтъ!» Этимъ кончается прологъ. За нимъ слѣдуютъ 3 акта страшной галиматьи, гдѣ все перемѣшано: фантасмагорія съ дѣйствительностью, волшебныя превращенія, рядъ новыхъ галатей. Истина извѣстная, что содержаніе балета не разсказывается. Декораціи — превосходны, Изора — Карлотта Гризи. Аленъ — Перро, принцъ — Птица, три фен — Тальони, Эмаро и Маркѣ, музыку сочинилъ г. Адольфъ Аданъ: чего же больше? Балетъ имѣлъ успѣхъ громадный.

— *Итальянская опера въ Парижѣ.* — Вопросъ о существованіи Итальянской оперы въ Парижѣ рѣшенъ окончательно Ронкони: онъ начнетъ представленія съ 1-го ноября. Труппа состоитъ изъ Лаблаша, Ронкони, Моріани, Морелли и г-жъ Персіани, Ронкони, Барбіери-Нини и Розетти. Кромѣ того, парижская публика услышитъ впервые тенора Люкеза, знакомую намъ г-жу Ангри и двухъ дебютантокъ Джулію Фодоръ и Вэру. Первая—родственница знаменитой Фодоръ-Мэнвіель, а вторая уже составила себѣ нѣкоторую репутацію въ парижскихъ салонахъ. Директоромъ остается по-прежнему Ронкони; представленія начнутся съ *Монтекки и Капулетти*—Беллини, для дебюта Ангри и возвращенія Персіани.

Окончимъ обзоръ театральныхъ извѣстій некрологомъ. Изъ Лейпцига пишутъ:

«Г-жа Софія Шрёдеръ, знаменитѣйшая изъ трагическихъ актрисъ Германіи, умерла въ Раудницѣ, близъ нашего города, осьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду».

Г-жа *Шрёдеръ* родилась въ Падерборнѣ 10 августа 1765 года; она была дочь извѣстнаго актера Бюргера и дебютировала впервые 14 лѣтъ въ Прагѣ, въ операхъ Диттерсдорфа — *Le petit chaperon rouge*. Три года спустя, она вышла за-мужъ за г. Шрёдера, который удостоился впослѣдствіи названія германскаго Тальмы. Съ нимъ она пріѣхала въ Парижъ и, въ продолженіи пяти лѣтъ, изучала великихъ артистовъ французскаго театра; потомъ возвратилась въ Германію

и была ангажирована на театръ Императорскаго Замка въ Вѣнѣ. Здѣсь-то составила она себѣ репутацію великой трагической актрисы. Успѣхъ ея въ роляхъ *Медеи*, *Федры*, *Меропы*, *Сафо*, *леди Макбетъ* и *Жанны Монфоконъ* распространился по всей Германіи: всѣ значительные города жаждали ее видѣть. Императоръ Францъ I-й удостоилъ г-жу Шрёдеръ почета, котораго не имѣлъ ни одинъ изъ германскихъ драматическихъ артистовъ: онъ велѣлъ нарисовать эту великую актрису въ разныхъ сценахъ всѣхъ ея главныхъ ролей и помѣстилъ эту коллекцію портретовъ въ императорскій вѣнскій музей, — для изученія молодымъ артистамъ.

Г-жа Шрёдеръ умерла на рукахъ единственной своей дочери, извѣстной пѣвицы Шрёеръ-Девріентъ.

— *Некрологи Массара и Ришома*. — Франція лишилась недавно двухъ замѣчательнѣйшихъ своихъ гравёровъ. Одинъ — г. Урбенъ Массаръ, авторъ *св. Цециліи*, *Гиппократа* и *Сабинокъ*, созданія котораго отличались постоянно чистотою рисунка и тонкостью рѣзца; другой — г. Ришомъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ европейскихъ гравёровъ. Теодоръ Ришомъ, членъ института, умеръ въ Парижѣ, 22 сентября н. с., шестидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду. Ришомъ — ученикъ Реньо. Съ раннихъ лѣтъ рисунокъ его началъ принимать тотъ характеръ, который необходимъ для воспроизведенія картинъ Рафаэля — любимаго предмета этого артиста. Въ 1806 году г. Ришомъ получилъ первую награду за гравюру, представленную имъ на конкурсъ. Но талантъ его развился преимущественно въ Римѣ, въ присутствіи художественныхъ созданій Рафаэля, къ которому онъ особенно пристрастился. Возвратясь въ 1812 г., онъ издалъ, годъ спустя, *Лоретскую Богородицу*, въ 1814 г. *Адама и Еву*, за тѣмъ *Пять Святыхъ* и, наконецъ, *Великое Святое Семейство*, — всѣ четыре картины Рафаэля. *Нептунъ и Амфитрида* Джуліо Романо появилась вскорѣ потомъ, а въ 1820 г. фреска Рафаэля — *Торжество Галатеи*, довершила европейскую репутацію гравёра. Всѣ великіе артисты того времени пожелали видѣть картины свои, имъ воспроизведенныя. Жераръ поручалъ ему гравировку нѣсколькихъ своихъ произведеній. Въ 1845 г. Ришомъ издалъ свой *chef d'oeuvre* — знаменитый портретъ Рафаэля. Съ тѣхъ поръ силы его начали гаснуть. Ришомъ былъ членомъ академій: парижской, берлинской и петербургской.

— *Фрески XIII столѣтія*. — Въ Поатье, въ церкви св. Радегонды, подъ цементомъ, покрывавшимъ арку хоровъ, найдены превосходныя фрески XIII столѣтія; онѣ были вѣрно скальпированы г. Ивоннѣ, которому поручена ихъ реставрація, подъ руководствомъ аббатовъ Обера и Манара.

— *Большой конкурсъ живописи.* — На этотъ годъ Академія предложила сюжетомъ, *для* соисканія премій, *Улиса, узнаваемаго кормилицей своей Евриклеей*, — сцену, которая останется вѣчно-свѣжею съ тѣхъ поръ, какъ ее изобразилъ старикъ Гомеръ. Улиссъ возвращается въ свой дворецъ въ одеждѣ бѣдняка и не открывается своей супругѣ Пенелопѣ, которая, *для* соблюденія правилъ гостепріимства, поручаетъ его попеченіямъ людей. Тронутая тонкимъ замѣчаніемъ супруга, она призываетъ старуху Евриклею, кормилицу Улисса, и повелѣваетъ ей омыть незнакомцу ноги. Старуха принимается за дѣло, какъ вдругъ узнаетъ царя Итаки, по ранѣ на колѣнѣ, полученной имъ въ молодости. Тазъ летитъ изъ рукъ Евриклеи, вода разливается, и она уже готова сообщить свое открытіе королевѣ, сидящей поодаль, но Улиссъ закрываетъ ей ротъ рукою и приказываетъ молчать, объявляя, что его присутствіе на Итакѣ должно быть тайнымъ. Сюжетъ простой, драматическій и удобно входящій въ раму картины.

Картина Гуссе́ самая лучшая изъ десяти, представленныхъ на конкурсъ. Передній планъ занятъ Улиссомъ и Евриклеей — группой очень естественной, но которой недостаетъ полноты и свободы. Нѣсколько вдали Пенелопа, погруженная въ глубокія думы, не о томъ, что́ происходитъ передъ нею, но объ Улиссѣ, который, быть можетъ, уже не существуетъ. Эта фигура — главная точка картины, обработана хорошо, хотя всей картинѣ недостаетъ чистоты рисунка, болѣе широкаго исполненія и болѣе гармоніи въ цѣломъ. Въ картинѣ г. Пильса много истины, хотя пантоминѣ главной группы недостаетъ благородства, и Пенелопа его принимаетъ слишкомъ большое участіе въ томъ, что́ происходитъ между Евриклеей и Улиссомъ. Исполненіе искусно, хотя не мѣшало бы болѣе индивидуальности. Г. Шазель — искусный практикъ, но ему предстоитъ теперь возбудить тѣ струны души, которыя должны придать его созданіямъ жизнь. Тоже должно сказать о картинѣ Бодри. Боясь барельефа, этотъ артистъ помѣстилъ Улисса *en face* въ ракурси. Мысль эта неудачна: она придаетъ группѣ Улисса съ кормилицей какую-то неестественную натянутость. Колоритъ хорошъ.

Въ картинѣ г. Буржро́, рту Улисса придано такое выраженіе, какъ-будто онъ говоритъ своей кормилицѣ: *тш!!*, что́ производитъ самое странное впечатлѣніе. Г. Буланжѐ придалъ своей картинѣ какой-то яркій, азіятскій колоритъ, въ которомъ болѣе изысканности, чѣмъ истины; его Евриклея болѣе похожа на сѣверную старуху чѣмъ на жительницу Итаки. Девятую картину, г. Моро, французскій критикъ упрекаетъ въ театральности. Вообще, впечатлѣніе конкурса

было довольно невыгодно, и нашъ критикъ, оцѣнивъ всѣ картины, глубокомысленно изрекаетъ съ поэтомъ.

«Felix qui deligit auream mediocritatem!»

— *Реставрація и украшеніе Лувра.* — Работы около Лувра, вслѣдствіе послѣдняго рѣшенія Національнаго Собранія, немедленно начнутся. Ломка казенныхъ зданій уже опредѣлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ уравнены тѣ мѣстности, которыя препятствуютъ видѣть фундаментъ Лувра. Пьедесталъ герцога орлеанскаго будетъ сломанъ, а на мѣсто его возсоздадутъ большой фонтанъ *des Innocents*, работы Жанъ-Гужона.

— *Музей Торвальдсена.* — Въ Копенгагенѣ находится обширный музей, посвященный единственно произведеніямъ Торвальдсена. Онъ неподалеку отъ дворца Христіансборга и построенъ въ египетскомъ стилѣ. Зданіе состоитъ изъ двухъ галлерей и двадцати одной комнаты, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ по статуѣ или группѣ Торвальдсена съ барельефами. Стѣны окрашены темной краской, что рельефно выказываетъ бѣлизну мрамора, освѣщеннаго сверху; потолки росписаны въ стилѣ Геркуланума. На двухъ оконечностяхъ музея находятся двѣ огромныя и высокія залы, заключающія въ себѣ: первая — модели Христа и двѣнадцати апостоловъ, изваянныхъ Торвальдсеномъ для Копенгагенскаго собора, а вторая — всѣ колоссальныя произведенія датскаго скульптора. Тутъ видите вы громадную статую Понятовскаго на конѣ, вылитую изъ бронзы,— копію монумента Максимиліана Баварскаго, огромныя формы находящагося въ Римѣ мавзолея Пія VII, гигантскія фигуры Коперника и Гуттенберга и наконецъ гробницу, на которой возвышается задумчивая статуя принца Евгенія съ саблей на сердцѣ. Подъ карнизомъ расположена монументальная *фриза* — торжество Александра, которая была заказана Наполеономъ для дворца римскаго короля и исполнена на мраморѣ въ Квиринале. Въ этой залѣ происходилъ 8-го октября аукціонъ копій съ нѣкоторыхъ произведеній Торвальдсена. Опишемъ здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя были пріобрѣтены г. Бланомъ для французскихъ національныхъ коллекцій, и о которыхъ онъ подробно говоритъ въ своемъ рапортѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Мраморы показались ему довольно слабыми, и потому онъ не счелъ нужнымъ ихъ торговать; изъ алебастровыхъ моделей достались Франціи:

Меркурій, собирающійся убить Аргуса. Вообще, Торвальдсенъ не зналъ смѣлаго и безпокойнаго искусства новѣйшихъ временъ: онъ былъ строгій, чистый классикъ, позволявшій себѣ движеніе въ из-

вѣстныхъ границахъ. Но въ *Меркуріи* онъ избралъ сюжетъ, въ которомъ фигура приготовляется къ движенію, не совершая его, и такимъ образомъ могъ изваять статую нѣжно, обозначить мускулы не корча ихъ, сохранить спокойствіе и величіе чертъ и нахмурить лицо, чтобы придать ему выраженіе, которое отрицаетъ ясность древняго искусства.

Венера, *Геба* и *стоящій Ганимедъ* — также замѣчательныя произведенія. *Геба* особенно обращаетъ на себя вниманіе прелестью и наивностью позы: на ней аѳинская туника, въ которой являлась Аспазія передъ ареопагомъ.

Кони статуй Понятовскаго и Максимиліана и нѣсколько барельефовъ. Торвальдсенъ отличался особенно въ этомъ родѣ скульптуры, классическомъ, строгомъ, условномъ. Въ его скандинавской головѣ расположеніе линій и группъ господствовало постоянно надъ вдохновеніемъ.

Проходя по внутреннему двору музея, можно замѣтить въ сторонѣ клочекъ дерна, обложеннаго чернымъ мраморомъ: то могила виновника всѣхъ великихъ произведеній, собранныхъ въ музеѣ.

— *Картина XIII-го вѣка*. Въ Парижѣ, въ Капеллѣ Людовика св., открыли недавно любопытную картину на золотомъ фонѣ, работа которой относится къ XIII столѣтію. Написанная на стѣнѣ, безъ подготовленія грунта, красками самыми чувствительными и легко портящимися, эта картина сохранила до сихъ поръ всю свою свѣжесть, что̀ особенно замѣчательно потому, что она находится въ нижней часовнѣ на сырой стѣнѣ и была покрыта тремя слоями известковой штукатурки, которую надобно было отмывать водою. Картина изображаетъ Благовѣщеніе: ангелъ подноситъ лилію Богородицѣ, держащей въ рукахъ книгу. Фигуры величиною въ 4 фута. Въ медальонѣ, находящемся наверху, изображена Богородица съ младенцемъ Іисусомъ на колѣняхъ, и два кадящихъ ангела. Трудно опредѣлить, какъ была написана эта картина. Никакія краски кромѣ масляныхъ не въ состояніи сохраниться при условіяхъ картины; но какъ повѣрить, чтобы картина XIII-го вѣка могла быть написана этими красками, когда изобрѣтеніе ихъ приписывается обыкновенно Іоанну Брюжскому? Правда, монахъ Ѳеофилъ и Ченнино-Ченнини, два писателя XII и XIII столѣтій, указываютъ положительно на *средство писать на стѣнѣ на маслѣ*. Министръ внутреннихъ дѣлъ, пораженный важностью открытія, поручилъ извѣстному химику Дюма изслѣдовать химически краски, употребленныя при писаніи картины.

— *Монументъ Гюи-Кокилю*. — Открытіе статуи Гюи-Кокилю происходило въ Десизѣ 23 сентября, при большомъ стеченіи народа

и участіи всѣхъ мѣстныхъ властей. Гг. Дюпень и Мануэль произнесли по похвальному слову, въ честь своего знаменитаго соотечественника; г. Пти де ля Фоссъ, ніэврскій префектъ, собирался сдѣлать тоже самое, какъ вдругъ грянулъ дождь и разогналъ ораторовъ и слушателей. Праздникъ окончился банкетами.

Въ настоящее время города Франціи занимаются *à qui mieux mieux* отыскиваніемъ разныхъ своихъ знаменитыхъ согражданъ прошедшихъ временъ и сооруженіемъ имъ монументовъ. Бѣдные города! видно, они не дошли до вывода гоголева «Ревизора» объ опасности монументовъ и заборовъ! Какъ бы то ни было, Гюи-Кокиль родился въ Десизѣ въ 1523 году, учился правамъ въ университетахъ Падуанскомъ и Орлеанскомъ и записался въ адвокаты въ Парижѣ и Нѣверѣ. Это былъ адвокатъ безкорыстный: защищалъ невинность безденежно и отдавалъ десятину бѣднымъ. Онъ былъ депутатомъ на Штатахъ въ Орлеанѣ (1560) и Блуа (1576 и 1588). Генрихъ IV предлагалъ ему мѣсто въ государственномъ совѣтѣ; но скромный юрисконсультъ отказался, предпочитая заниматься единственно правовѣдѣніемъ и литературой. Онъ умеръ 11 марта 1603 года. Сочиненія его, собранныя послѣ смерти, составляютъ два тома *in folio*. Сквозь туманъ вѣковъ степень великости людей неясно видна, а монументъ все-таки украшеніе для города: никто въ накладѣ не остается!

— *Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ.* — Въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ было прочтено два мемуара о первоначальномъ обученіи и о преступленіяхъ; въ нихъ доказывалось, что преступленія развиваются по мѣрѣ развитія успѣховъ просвѣщенія. Важныя сомнѣнія возникли на-счетъ статистическихъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ этимъ печальнымъ выводамъ. Кузенъ, Моро-де-Жонесъ, Вильермѣ возстали одинъ за другимъ противъ автора мемуара и, отдавая справедливость его воззрѣнію, показали, что еслибъ даже это и было справедливо, все-таки эта причина недостаточна для охужденія обученія.

Въ слѣдующемъ засѣданіи г. Жиро сообщилъ Академіи важный оффиціяльный документъ объ обученіи, формально опровергающій выводы автора мемуара. Этотъ документъ—экстрактъ изъ отчета объ уголовномъ судопроизводствѣ въ теченіи трехъ лѣтъ, 1845—1847. Среднимъ числомъ, въ продолженіи этихъ трехъ лѣтъ, половина (52 на 100) преступниковъ не умѣла вовсе читать и писать, одна треть читала и писала кое-какъ, 3 на 100 получали нѣкоторое образованіе и только 2 на 100 были вполнѣ образованы. Изъ 7,309 каторжниковъ — 4,331 вовсе не умѣли читать и писать, 2,139 писали

и читали кое-какъ, 719 умѣли читать и писать, 120 получили нѣкоторое образованіе, и между ними не было 2-хъ на 100, которые были бы вполнѣ образованы. Въ исправительныхъ домахъ просвѣщеніе между заключенными находится въ тѣхъ же самыхъ пропорціяхъ.

На этомъ засѣданіи присутствовали Кузень, Моро-де-Жонѣсъ и лордъ Брумъ; каждый изъ нихъ сказалъ по рѣчи въ пользу развитія просвѣщенія и обученія.

— *Предложеніе Общества Исторіи Франціи.* — Общество Исторіи Франціи предложило министру публичнаго обученія основать на свой счетъ награду для тѣхъ воспитанниковъ, которые удостоятся полученія на общемъ конкурсѣ премія за Исторію Франціи. Министръ принялъ предложеніе Общества. Новая награда будетъ разлана впервые въ 1850 году и будетъ состоять изъ десяти томовъ изданій Общества. На каждомъ томѣ надпись: *Награда, основанная Обществомъ Исторіи Франціи, съ дозволенія министра публичнаго обученія.*

— *Каналъ между Марной и Рейномъ.* Каналъ между Марной и Рейномъ былъ задуманъ съ двойной цѣлью: для учрежденія на территоріи Франціи большого торговаго пути сообщенія отъ запада къ востоку, воспользовавшись теченіемъ Сены, Марны и всѣми каналами, находящимися, прямо или косвенно, въ системѣ этихъ рѣкъ; для уменьшенія до 820 километровъ разстоянія между Гавромъ и Страсбургомъ, которое, при существующихъ водяныхъ путяхъ сообщенія, составляетъ около 1,500 километровъ, и для соединенія между собою и съ центромъ государства промышленныхъ и плодоносныхъ странъ, орошаемыхъ Мёзой, Мозелемъ, Мёртой, Саррой и Рейномъ. Съ точки зрѣнія торговли, каналъ между Рейномъ и Марной въ сущности рукавъ Рейна, проходящій по французской территоріи. Этотъ рукавъ идетъ отъ Страсбурга къ Гавру, а посредствомъ канала между Эной и Марной, къ Сен-Валарй, Кале и Дюнкирхену. Это —открытая конкурренція съ транзитными линіями Бельгіи и Голландіи. Кромѣ всего этого, каналъ, о которомъ идетъ рѣчь, — часть обширнѣйшей изъ системъ водяного сообщенія Европы; ибо онъ соединяется, посредствомъ рейнской долины, съ каналомъ Людовика, вырытымъ баварскимъ королемъ, который открываетъ сообщеніе съ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Вмѣсто того, чтобы итти по теченію рѣкъ или продолжать ихъ, какъ обыкновенные каналы, онъ пересѣкаетъ ихъ, принимаетъ ихъ продукты, передаетъ свои и образуетъ между рѣками полезную связь. Такъ этотъ каналъ идетъ отъ Марны къ Мёзѣ, отъ Мёзы къ Мозелю, отъ Мозеля къ Саррѣ, отъ Сарры къ Рейну и пересѣкаетъ девять судоходныхъ путей. До

сихъ поръ эти рѣки мало приносили пользы французской территоріи, ими орошаемой, такъ-какъ теченіе ихъ направлено къ границѣ; но, благодаря каналу между Марной и Рейномъ, всѣ эти рѣки получатъ общую, мощную связь.

Но транзитная важность канала рѣшительно исчезаетъ передъ великимъ значеніемъ его, какъ пути внутренняго сообщенія. Транспорты по направленію этого канала и страсбургской желѣзной дороги доходятъ въ настоящее время до семидесяти шести тысячъ тоннъ. Кромѣ того, страсбургская желѣзная дорога и новый каналъ будутъ распространять въ сѣверо-восточныхъ департаментахъ каменный уголь. Каналъ между Марной и Рейномъ значительно увеличитъ цѣнность обширныхъ лѣсовъ, государственныхъ и частныхъ, расположенныхъ на сѣверо-востокѣ. Эти лѣса раскинуты на пространствѣ милліона гектаровъ и приносятъ въ настоящее время четырнадцать милліоновъ дохода. Въ заключеніе, должно замѣтить, что въ системѣ новаго канала расположены всѣ значительнѣйшія промышленныя заведенія Франціи. Онъ проходитъ по четыремъ департаментамъ: Марнскому, Мёзскому, Мёртскому и Нижне-рейнскому; длина его 314,896 метровъ, не считая рукава, который отходитъ отъ Гудленкура на 3,250 метровъ. Общее наклоненіе 741 метръ, 49 центиметровъ; оно вознаграждается 180 шлюзами.

Весь каналъ будетъ стоить семьдесятъ пять милліоновъ франковъ. По настоящее время открыта для торговли часть его между Витри-лё-Франсуа и Лонвилемъ; остальное будетъ окончено въ 1850 году.

— *Осушка Гарлемскаго озера.* Вся территорія Голландіи — произведеніе искусства и побѣда человѣка надъ природой. Одну изъ монументальнѣйшихъ побѣдъ такого рода представляетъ осушка Гарлемскаго озера, расположеннаго между Амстердамомъ, Лейденомъ и Гарлемомъ, которая скоро будетъ приведена къ окончанію. Исторія этого озера довольно занимательна: въ 1531 году, на огромномъ пространствѣ, занимаемомъ этимъ озеромъ, были три деревушки и четыре маленькихъ озера: воды, движеніемъ вѣтровъ, начали мало-по-малу раскапывать береговыя земли, и отъ 1591 года до 1647 озера соединились и залили деревушки. Разлитіе водъ все увеличивалось болѣе и болѣе: въ 1617 году нѣсколько особъ, соединившись, предложили Голландскимъ Штатамъ принять на себя осушку озера. Отвѣта не было. Въ 1643 году одинъ строитель мельницъ представилъ подробный проэктъ осушки озера; въ тоже время появился проэктъ Вириса. Оба проэкта клонились къ тому, чтобы обвести озеро плотиной и построить на немъ рядъ мѣльницъ, которыя переливали бы мало-

по-малу его воды черезъ особый каналъ въ море. Вопросъ остался нерѣшеннымъ до 1819 года, когда король Вильгельмъ I-й поручилъ осушку озера барону фонъ Лейдену, Рёмеру и Реннлёру. Баронъ фонъ Лейденъ написалъ обширное сочиненіе по этому предмету, въ которомъ воспользовался всѣми новѣйшими открытіями гидравлики. Лейденъ хотѣлъ употребить двигателемъ паръ; съ своей стороны, инспекторъ гидравлическихъ работъ, Ментцъ, предлагалъ соединить паръ съ дѣйствіемъ вѣтра. Пока шли эти разсужденія, въ ноябрѣ 1836 года ураганъ перебросилъ воды озера за плотины до Амстердама; въ декабрѣ того же года наводненіе повторилось сильнѣе: округъ Лейденъ и часть города были залиты водою. Король назначилъ коммиссію для скорѣйшаго приступленія къ осушкѣ. Первый шагъ къ ней былъ уже приведенъ въ исполненіе: Катвикскій каналъ былъ вырытъ въ 1806 году, для стока водъ *польдеровъ*, которымъ недостаточны засыпанные пескомъ рукава Рейна. Коммиссія рѣшила построить плотину и употребить двигателями соединенныя силы пара и вѣтра. Съ 1840 года плотину начали сооружать. Черпальная машина была сооружена двумя англичанами, гг. Гиббсомъ и Дэнсомъ. Представьте себѣ двѣ концентрическія башни: внутренняя — паровикъ въ 3 м. 66 діаметра, и внѣшняя, сложенная изъ кирпича, — опора цилиндрамъ маховъ водяныхъ насосовъ, расположенныхъ въ наружномъ концентрическомъ каналѣ. Одна оконечность маховъ прикрѣплена къ вѣтвямъ паровыхъ клапановъ, посредствомъ огромнаго литаго снаряда въ сорокъ четыре тысячи килограммовъ. Такимъ образомъ движеніе парового клапана соотвѣтствуетъ движенію насосовъ, которые переливаютъ воду изъ озера въ каналъ. Эта колоссальная машина вычерпываетъ въ часъ отъ двадцати семи до двадцати осьми тысячь метровъ. Средняя глубина озера четыре метра; поверхность — сто восемьдесятъ одинъ милліонъ метровъ; стало быть, масса воды составляетъ семь сотъ двадцать четыре милліона кубическихъ метровъ.

— *Торговое движеніе во Франціи въ теченіи 1848 года.* — Нѣтъ сомнѣнія, что торговое движеніе Франціи, въ теченіи прошедшаго года, претерпѣло уронъ, но, тѣмъ не менѣе, количество обмѣна съ колоніями и иностранными государствами представляетъ сумму въ 1,390 милліоновъ, т. е. 26% менѣе, чѣмъ въ 1847 г. Здѣсь должно замѣтить, что 1847 годъ былъ годомъ исключительнымъ: ввозъ огромнаго количества хлѣба, по причинѣ неурожая, вызвалъ въ свою очередь большой вывозъ противоцѣнностей. Этотъ фактъ очевиденъ, если обратить вниманіе на отчеты таможенъ. Движеніе 1847 года пре-

въ	95 мил.	движеніе	1846 г
—	163 —	—	1845 —
—	210 —	—	1844 —
—	335 —	—	1843 —

Неурожай усилилъ дѣятельность обмѣна; политическія движенія уменьшили значительность внутреннихъ рынковъ, но усилили вывозъ. Вотъ объясненіе явленія, по которому въ 1848 году цыфра вывоза гораздо выше цыфры привоза. Это очевидно изъ слѣдующей сравнительной таблицы:

Года.	Привозъ.	Вывозъ.
1843	845 мил.	687 мил.
1844	867 —	790 —
1845	856 —	848 —
1846	920 —	852 —
1847	975 —	891 —
1848	556 —	833 —

Съ 1827 по 1836 г. средняя цыфра цѣнности обмѣна — 1,001 мил., а съ 1837 по 1846 — 1,489 мил.

Вотъ таблица движенія французской торговли въ нѣкоторыя замѣчательныя эпохи:

Года.	Ввозъ.	Вывозъ.	Итогъ.
1716	71 мил.	118 мил.	189 мил.
1787	459 —	528 —	997 —
1792	929 —	802 —	1,731 —
съ 1801 по 1810 средн. цыфра	406 —	359 —	765 —
1815	199 —	422 —	621 —
съ 1816 по 1826 средн.	339 —	487 —	826 —
съ 1827 по 1836	—	—	1,001 —
съ 1837 по 1846	—	—	1,489 —
1848	559 —	833 —	1,390 —

— *Механическая дѣятельность Англіи.* — Въ теченіи года, съ 31-го января 1848 г., по 31 января 1849 г., изъ Англіи вывезено машинъ на сумму 20,441,550 фр., а именно:

Въ Россію	на	5,317,800 фр.
— Испанію	—	2,453,550 —
— Италію	—	2,089,025 —
— ганзейскіе города	—	1,453,200 —
— Францію, Голландію, Турцію, Египетъ, Яву, Бразилію и Мексику	—	3,533,050 —
и въ 29 другихъ странъ	—	5,594,825 —
	Итого	20,441,550 фр.

— *Машина для складыванія журналовъ.* — Промышленность сдѣлала новый успѣхъ: посредствомъ простого и остроумнаго механизма, складываніе журналовъ, производившееся до сихъ поръ отъ руки, будетъ совершаться посредствомъ машины, которая, при помощи одного человѣка, можетъ сложить 2,000 листовъ въ часъ.

Это изобрѣтеніе принадлежитъ г. Ипполиту Маримони, молодому механику въ мастерскихъ г. Гаво. Журналы, понявъ важность его, поспѣшили заказать себѣ нѣсколько этихъ новыхъ машинъ.

— *Нѣсколько фактовъ нравственной статистики Франціи.* — Съ нѣкотораго времени въ общинѣ Грильонъ (деп. Воклюзскій) обнаружились частые пожары, сопровождавшіеся обстоятельствами довольно подозрительными. На гумнѣ одного зажиточнаго фермера стояло 13 копенъ соломы: въ теченіи двухъ недѣль всѣ онѣ сгорѣли по одной въ день. Пожаръ обнаруживался обыкновенно въ три часа по полудни; огонь вспыхивалъ внутри копны, охватывалъ верхъ и въ минуту поглощалъ все. Такая наглость обратила на себя вниманіе правительства. Во время слѣдствія 14-ти лѣтняя дочь фермера явилась къ прокурору и объявила, что открыла все дѣло. Въ тоже время она вручила ему трубку, сильно набитую порохомъ, съ двумя зажигательными спичками на оконечности, которую будто бы нашла подъ одной изъ оставшихся копенъ. Дѣвушку допросили и, обыскивая избу фермера, нашли тамъ остатки дерева, изъ котораго была сдѣлана трубка, нѣкоторое количество пороха, одинаковаго съ тѣмъ, который находился въ трубкѣ, коробку спичекъ во 100 штукъ, изъ которыхъ недоставало двухъ, и слѣды запачканныхъ чѣмъ-то пальцевъ на полу. Дѣвушкѣ сдѣланъ строгій допросъ: сначала она отпѣкивалась, но потомъ принуждена была признаться, что была виновницею пожаровъ. Каждый день въ три часа, говорила она, что-то непреодолимое влекло меня на гумно; почти въ безпамятствѣ я зажигала спички въ трубкѣ и падала неподалеку въ обморокъ. Доктора признали дѣвушку въ совершенно нормальномъ положеніи.

— *Новыя водолазныя лодки.* — Ничего не можетъ быть проще прибора, выдуманнаго инженеромъ Каве для производства всякаго рода подводныхъ работъ.

Представьте себѣ обыкновенную лодку, на одномъ концѣ которой устроена камера, изъ листового желѣза, и въ этой камерѣ дверь и небольшія круглыя окна. Въ одной половинѣ камеры устроенъ обыкновенный полъ, а въ другой сдѣланъ родъ бездоннаго колодца (изъ листового же желѣза), глубина котораго можетъ быть увеличена по произволу, потому-что онъ состоитъ изъ частей, надвигающихся другъ на друга.

Положимъ, что на какомъ-либо мѣстѣ рѣки или озера нужно поднять со дна камень, пушку или произвести какую-нибудь каменную работу. Упомянутую выше лодку подводятъ къ сказанному мѣсту, и работники, запасшись всѣми нужными инструментами, входятъ въ камеру. Тогда запираютъ двери и окна камеры и помощію паровой машины накачиваютъ сгнетательнымъ насосомъ въ камеру воздухъ, который упругостію своею выдавливаетъ воду, находящуюся въ колодцѣ, и заставляетъ ее безпрерывно понижаться, пока она наконецъ достигнетъ до нижняго края колодца, который опущенъ предварительно на самое дно рѣки, гдѣ нужно работать. Тогда дно рѣки, находящееся подъ колодцемъ какъ бы подъ колпакомъ, осушается само собою, и работники, спустившись тогда черезъ колодецъ по веревочной лѣстницѣ, производятъ на днѣ требуемую работу.

Легко представить себѣ всѣ удобства подобнаго снаряда. Всѣ нужные матеріялы и орудія находятся у работниковъ подъ руками, мѣста имъ довольно, свѣту также; а если послѣдняго мало, можно зажечь свѣчи и пожалуй хоть лампы. Постоянно продолжающееся медленное нагнетаніе свѣжаго воздуха сверху препятствуетъ водѣ протекать въ колодецъ и мѣшать занятіямъ рабочихъ, которые, дыша постоянно освѣжаемымъ воздухомъ, не чувствуютъ никакого непріятнаго ощущенія и могутъ безъ всякаго труда оставаться внутри прибора въ теченіи цѣлыхъ дней.

Если бы понадобилось кому-либо войти вновь или выйти изъ колодца, то нѣтъ никакой надобности прерывать для этого работу и возобновлять операцію накачиванія воздуха. Мы уже сказали, что камера раздѣлена на два отдѣленія, изъ которыхъ одно составляетъ колодецъ, а другое — какъ бы переднюю; сперва выходятъ изъ колодца въ переднюю, причемъ теряется весьма мало воздуха, а уже потомъ изъ передней въ-наружу, тоже съ незначительною потерею, которая мгновенно вознаграждается непрерывнымъ дѣйствіемъ сгнетательнаго прибора. Тоже самое происходитъ (только въ обратномъ порядкѣ), когда входятъ съ-наружи въ колодецъ во время работъ.

Колодецъ устроивается изъ нѣсколькихъ коробокъ, которыя надвигаются одна на другую и, раздвигаясь помощію блоковъ, могутъ достигнуть краемъ до желаемой глубины. Посредствомъ особеннаго прибора, устроеннаго на-подобіе цыферблатовъ электрическаго телеграфа, учреждается разговорное сообщеніе между палубою водолазной лодки и людьми, работающими внутри колодца.

Мы ничего не можемъ сказать объ экономическихъ выгодахъ такихъ лодокъ; но достовѣрно то, что подводныя работы производятся помощію ихъ чрезвычайно удобно и допускаютъ такія дѣйствія, которыя были невозможны при прежнихъ способахъ. Та-

кія лодки были нынѣ употреблены въ Парижѣ, для извлеченія изъ воды Аньерскаго моста, разрушеннаго во время послѣднихъ безпокойствъ.

Всякій, наблюдавшій эту работу, убѣдился, что ничего не можетъ быть проще, легче, экономнѣе и удобнѣе.

— *Легкій способъ дѣлать дерево весьма прочнымъ.* — Дерево теряетъ свою естественную крѣпость и гніетъ преимущественно отъ двухъ причинъ: отъ броженія собственнаго древеснаго сока, разлагающаго мало-по-малу древесину и обращающаго дерево въ рыхлую, губчатую массу, и отъ червоточины, разрушающей механически. Надобно при этомъ замѣтить, что присутствіе червей обусловливается присутствіемъ самого сока, ихъ привлекающаго, и съ уничтоженіемъ сока истребляются и черви.

Въ разныя времена было предлагаемо безчисленное множество способовъ къ охраненію дерева и къ лишенію его естественной влаги; но почти всѣ эти способы хлопотливы и дороги, хотя не всегда удачны, а многіе не соединяютъ въ себѣ условій, необходимыхъ для практическаго примѣненія. Сообщаемое нынѣ средство отличается, напротивъ, своею дешевизною и простотою, доставляя весьма прочный матеріялъ для построекъ и для столярной работы. Оно повѣрено многолѣтнимъ опытомъ надъ однимъ изъ самыхъ непрочныхъ видовъ строеваго лѣса—надъ сосною, произрастающею въ песчаныхъ ландахъ южной Франціи. Эта сосна до-того подвержена червоточинѣ, что дерево, срубленное еще за нѣсколько мѣсяцевъ, часто оказывается негоднымъ къ употребленію, и вообще тамошній лѣсъ не выдерживаетъ никогда долѣе десяти лѣтъ. Несмотря на такую непрочность матеріяла, доски обработанныя изъ этого сосноваго лѣса способомъ, который мы сейчасъ опишемъ, остались невредимыми въ теченіи семнадцати лѣтъ, то есть, съ того времени, какъ былъ сдѣланъ первый опытъ, и въ нихъ не появилось новой червоточины, исключая той, которая существовала уже при срубкѣ и распиливаньи.

Ажельскій булочникъ г. Боде замѣтилъ, что дрова, предварительно хорошенько высушенныя, никогда не подвергаются червоточинѣ: это подало ему мысль сильно просушивать лѣсъ, назначенный для столярной работы. Для этой цѣли онъ употреблялъ свою хлѣбную печь, по вынутіи изъ ней хлѣбовъ, и оставлялъ въ ней доски до тѣхъ поръ, пока онѣ нагрѣвались до-того, что до нихъ нельзя было дотронуться рукою. При этомъ необходимъ сухой жаръ отъ 70° до 80° Реомюра, то есть, температура близкая къ кипѣнію воды, и доска въ дюймъ толщиною, оставаясь въ такомъ сухомъ жару около часа, готова. Разумѣется, что если доска толще, то необходимо болѣе пре-

мени для того, чтобы жаръ проникнулъ ее совершенно насквозь. Если доска въ печи покоробится, то стоитъ положить ее плашмя, для того, чтобы она опять выпрямилась.

Боде пробовалъ обработывать такимъ же образомъ разныя другія породы лѣса, но способъ его оказался вполнѣ удовлетворительнымъ только надъ сосновымъ деревомъ, которое послѣ такой короткой, но энергической просушки оказывается плотнѣе, однороднѣе и крѣпче, такъ-что столяры сначала не хотѣли вѣрить, чтобы это было сосновое дерево. Медленная просушка, при низшей степени жара, вовсе не даетъ такихъ благопріятныхъ результатовъ, и тогда получается тотъ видъ, который обыкновенно называется у мастеровъ сухимъ лѣсомъ, и который далеко уступаетъ въ качествахъ лѣсу, обработанному способомъ г. Боде.

Конечно, есть много другихъ способовъ дѣлать дерево еще болѣе прочнымъ; но ни одинъ способъ не можетъ поспорить въ простотѣ и дешевизнѣ съ сейчасъ описаннымъ.

— *Электрическое освѣщеніе.* — Давно извѣстно, что Леонъ Фуко *(Foucault)* примѣнилъ свѣтъ, происходящій отъ раскаленія угля гальваническимъ токомъ, къ освѣщенію такъ называемаго солнечнаго микроскопа; но этимъ и ограничивалось практическое примѣненіе упомянутаго свѣта, потому-что онъ продолжался кратковременно, стоилъ дорого и былъ весьма неудобенъ для манипуляцій. Такъ-какъ заостренные угли сгарали безпрерывно, то ихъ нужно было поминутно сближать между собою, что было очень затруднительно и хлопотливо; да и самые угли, быстро сгорѣвъ, угасали, и свѣтъ прекращался. Гальваническій приборъ, состоявшій изъ многихъ сотенъ паръ, стоилъ чрезвычайно дорого, да и приготовленіе угля, весьма хлопотливое, обходилось не дешево.

Г. Фуко началъ съ того, что придумалъ значительное усовершенствованіе бунзеновой электрической батареи, сдѣлавшее ее несравненно лучшею, дешевѣйшею и требующею для дѣйствія гораздо мѣньшихъ издержекъ. Прежніе дорогіе угли онъ замѣнилъ дешевыми, получаемыми изъ готовыхъ ретортъ. Но главное дѣло состоитъ въ томъ, что онъ придумалъ механизмъ, поддерживающій постоянно раскаленные угли въ надлежащемъ другъ отъ друга отдаленіи, безъ всякаго пособія со стороны производителя опыта. Этотъ остроумно придуманный механизмъ дѣйствуетъ помощію стальной полоски, согнутой въ дугу и намагниченной тѣмъ же самымъ электричествомъ, которое раскаляетъ уголь. Неоднократные опыты, произведенные въ присутствіи многочисленной публики и членовъ Парижской Академіи Наукъ, вполнѣ доказали важность открытія сдѣланнаго г. Фуко.

Но вотъ что́ странно: въ то самое время, какъ г. Фукó, окончивъ свои предварительные опыты и приготовленія, собирался сообщить ихъ Академіи, англичане Стэтъ и Петри, каждый отдѣльно другъ отъ друга, но оба одновременно, разрѣшили ту же самую задачу, которую съ своей стороны разрѣшилъ г. Фукó. Въ то самое время, какъ Фукó, послѣ трехлѣтнихъ независимыхъ изысканій, нашелъ рѣшеніе вопроса, Стэтъ въ Англіи, а Петри во Франціи просили о выдачѣ имъ привилегій, на сдѣланное ими тоже самое открытіе, и получили ихъ. Коммиссія Парижской Академіи Наукъ убѣдилась въ истинѣ, что три человѣка, вовсе незнакомые между собою и ничего не знавшіе другъ о другѣ, въ одно и тоже время, въ разныхъ мѣстахъ, разрѣшили одинъ и тотъ же вопросъ почти одинáковымъ образомъ, такъ-что одно открытіе было сдѣлано разомъ въ трехъ мѣстахъ.

Но это еще не все. Бывшій петербургскій житель Лемольтъ, основатель галереи *Физіонотипа* и *Дѣтскаго театра*, занимался рѣшеніемъ вопроса объ электрическомъ освѣщеніи одновременно съ гг. Стэтомъ, Петри и Фуко и совершенно отъ нихъ независимо. Лишь только успѣлъ Стэтъ взять свою привилегію, какъ и Лемольтъ явился съ своимъ открытіемъ, которое, впрочемъ, кажется, превосходитъ открытія его соперниковъ. Опыты, произведенные имъ въ присутствіи принца Альберта и особенно наряженной коммиссіи, доказали, что Лемольтъ рѣшилъ вопросъ гораздо совершеннѣе и несравненно лучше, чѣмъ всѣ прочіе. Вмѣсто двухчасового свѣта, недостигнутаго еще ни однимъ изъ упомянутыхъ трехъ физиковъ, Лемольтъ показалъ коммиссіи электрическую лампу, которая горѣла шесть часовъ сряду. Несмотря на привилегію Стэта, такъ-какъ способъ Лемольта признанъ гораздо совершеннѣйшимъ, и ему выдана въ Англіи полная привилегія.

— *Способъ увеличивать силу свѣта при газовомъ освѣщеніи.* — Г. Хючени придумалъ особаго рода колпачки, которые привѣшиваются посредствомъ крючка надъ вертикальною стеклянною трубкою, обыкновенно помѣщаемою на газовыхъ рожкахъ. Колпачекъ состоитъ изъ раздутаго и съ одной стороны закрытаго цилиндра, въ два и три четверти вершка вышиною и шириною, назначеннаго для увеличенія силы свѣта при газовомъ освѣщеніи. Если такой колпачекъ навѣсить надъ стеклянною трубочкою, обнимающею пламя газоваго рожка, такъ-чтобы колпачекъ отстоялъ отъ верхняго края трубки на одинъ вершокъ, то, въ нѣсколько секундъ, количество свѣта, издаваемаго пламенемъ, усилится на одну треть; количество же сожигаемаго газа не только не увеличится, но даже значительно уменьшится, какъ то подтверждаютъ фотометрическіе опыты г. Герцога.

Явленіе это можно объяснить слѣдующимъ образомъ.

При употребленіи одной стеклянной трубки безъ колпачка, воздухъ движется на этой трубкѣ съ бо́льшею скоростью и тѣмъ охлаждаетъ пламя, такъ-что часть углерода пламени, неуспѣвшая сгорѣть, улетаетъ въ видѣ копоти и садится на потолкѣ и стѣнахъ. Колпачекъ, замедляя теченіе воздуха по трубкѣ, даетъ ему время нагрѣваться; такой сильно нагрѣтый воздухъ неохлаждаетъ пламени, и углеродъ послѣдняго, сгорая совершенно, доставляетъ значительное усиленіе свѣта (*Le Technologiste № 111*, стр. 331).

— *Обращеніе морской воды въ прѣсную.* — Въ англійской газетѣ *Times* напечатано, что въ минувшемъ іюнѣ три военныя судна — *Arrogant* 46 пушечное, *Plumper* 11 пушечное и *Renard* 11 пушечное, вышли въ море, будучи снабжены кухнями съ новымъ перегонныхъ снарядомъ г. Гранта, превращающимъ морскую воду въ прѣсную. Теперь въ англійскихъ морскихъ арсеналахъ изготовляются грантовы приборы для самыхъ большихъ судовъ военнаго флота, какъ парусныхъ, такъ и паровыхъ. Эти приборы устроиваются въ такомъ совершенствѣ, что въ продолженія времени, нужнаго для варенія пищи экипажу, тѣмъ же самымъ кухоннымъ огнемъ перегоняетъ столько морской воды, что на каждаго человѣка достается по полуведру въ день. Моряки предпочитаютъ эту перегнанную воду той, которая запасается въ гавани. Перегнанная морская вода переходитъ изъ конденсатора въ водоемъ, гдѣ принимаетъ температуру окружающаго моря. Такъ-какъ перегнанная вода безвкусна, по причинѣ отсутствія въ ней атмосфернаго воздуха, то въ водоемахъ она вновь насыщается воздухомъ, безъ всякаго химическаго средства или механическаго устройства, а единственно отъ движенія, сообщаемаго ей качкою корабля, для чего достаточно нѣсколькихъ часовъ времени.

Нынѣ г. Кронъ занимается, на 72 пушечномъ кораблѣ *Illustrius*, произведеніемъ ряда опытовъ, надъ результатами пропущенія сквозь перегнанную морскую воду электрическаго тока, помощію простого, самодѣйствующаго гальваническаго снаряда. Эти опыты указываютъ, что сказаннымъ средствомъ можно придать упомянутой водѣ вкусъ самой пріятной ключевой.

— *Или пуфъ, или геніяльное открытіе.* — Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ англійскаго журнала «*Spectactor*» мы прочитали слѣдующее извѣстіе, которое сообщаемъ нашимъ читателямъ, воздерживаясь отъ всякихъ замѣчаній и заключеній. За что́ купили, за то и продаемъ.

Какой-то графъ Вердинскій сообщилъ англійскому *Горному Журналу (Minning Journal)* описаніе удобнаго, дешеваго и весьма дѣй-

ствительнаго способа обращать горѣніе или, лучше сказать, вспышки взрывчатой хлопчатой бумаги въ движущую силу. Но это еще не довольно. Онъ присовокупляетъ, что, занимаясь опытами по упомянутому предмету, ему удалось сдѣлать другое, гораздо удивительнѣйшее, открытіе, именно — *начало быстраго движенія безъ всякаго двигателя*. Вотъ собственныя слова графа:

«Я устроиваю локомотивъ для обыкновеннаго шоссе, приводимый въ движеніе слѣдующимъ образомъ: небольшія количества взрывчатой хлопчатой бумаги сожигаются послѣдовательно въ мѣдномъ цилиндрѣ, имѣющемъ стѣнки въ $^1/_4$ дюйма толщины и діаметръ въ 13 дюймовъ. Всякая вспышка раждаетъ силу, достаточную для поднятія поршня. Мѣдный цилиндръ даетъ газамъ нужный просторъ и обращаетъ силу ихъ въ постоянное давленіе. Посредствомъ крана можно выпускать по произволу столько газу, сколько нужно для произведенія давленія въ 30,60 и 120 фунтовъ на квадратный дюймъ, а теплота разгорѣченнаго металла сохраняетъ первоначальное напряженіе газовъ, и чѣмъ долѣе дѣйствуетъ машина, тѣмъ меньше нужно горючаго матеріяла. Мои опыты были весьма успѣшны съ машиною въ $2^1/_2$ силы. Но, что всего важнѣе, при этомъ я открылъ, что движеніе экипажа по желѣзнымъ дорогамъ можетъ быть производимо безъ машинъ, паровъ, огня, воды, воздуха и животной силы.

Это или геній или сумасшедшій!

— *Усовершенствованіе свѣчнаго производства*. — Мы уже сообщали нашимъ читателямъ объ усовершенствованіи, сдѣланномъ въ салотопенномъ и стеариновомъ производствѣ бельгійскимъ фабрикантомъ г. Шанжи, предлагавшимъ продать секретъ свой за 150 тысячъ франковъ Нынѣ тотъ же Шанжи предлагаетъ за добавочную плату изобрѣтенный имъ механическій способъ выдѣлывать свѣчи въ произвольномъ количествѣ, такъ-что снарядъ, вырабатывающій теперь, примѣрно, по *сту* свѣчей въ день, можетъ служить, безъ малѣйшей перемѣны, для выдѣлки *ста тысячъ* свѣчей въ тоже самое время. Снарядъ Шанжи представляетъ еще ту выгоду, что, при немъ, вся прочая, довольно дорогая утварь, употребляемая нынѣ на свѣчныхъ фабрикахъ, дѣлается ненужною и замѣняется одною только формою для каждой величины выдѣлываемыхъ свѣчъ, какое бы количество ихъ ни потребовалось.

Самъ г. Шанжи описываетъ свою обработку сала слѣдующимъ образомъ:

Сало, сортированное на два разряда, поступаетъ въ снарядъ, въ которомъ оно измельчается для облегченія плавки и падаетъ, по мѣрѣ надобности, въ котелъ, приводимый въ движеніе для ускоренія

процесса плавленія. Въ растопленное сало прибавляется вещество, составляющее секретъ изобрѣтателя, и оно за тѣмъ переливается въ особые новоизобрѣтенные приборы, въ которыхъ, отстоявшись часовъ 12, переходитъ въ очистительные чаны. Послѣдняя операція весьма проста и, производясь механически, требуетъ только одного работника: вся рафинировка совершается въ опредѣленное за-ранѣе время, котораго нельзя ни замедлить, ни ускорить.

Изъ очистительныхъ чановъ сало переходитъ въ раздѣлительный приборъ, гдѣ и остается около трехъ дней. Здѣсь опять довольно одного работника для надзора за ходомъ дѣла. При этой операціи, олеинъ выходитъ столь чистымъ, что можетъ поступать прямо въ продажу, безъ дальнѣйшаго очищенія. Стеаринъ изъ раздѣлительнаго прибора идетъ на приготовленіе свѣчей.

Составъ, употребляемый г. Шанжи, и всѣ нужные для производства приборы, составляютъ его исключительный секретъ, и онъ готовъ показать на опытѣ все превосходство своей методы, дающей сто на сто чистаго барыша.

Въ сношенія съ г. Шанжи можно войти чрезъ департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, которому изобрѣтатель письменно сообщилъ свои условія.

— *Отливка предметовъ изъ гипса.* — Отливка изъ гипса какъ анатомическихъ препаратовъ, такъ и художественныхъ предметовъ представляла до сихъ поръ важное неудобство въ томъ, что частицы гипса пристаютъ къ предметамъ, въ которыхъ отливаются выпуклыя формы, и тѣмъ препятствуютъ чистотѣ и точности гипсовыхъ слѣпковъ. Это неудобство особенно ощутительно при сниманіи слѣпковъ съ восковыхъ моделей или съ настоящихъ анатомическихъ препаратовъ. Нынѣ модельщикъ Парижскаго Естественно-историческаго музеума, г. Сталь, многими опытами и долговременною практикою, убѣдился, что упомянутое неудобство устраняется, если восковые и мягкіе натуральные предметы, предъ сниманіемъ слѣпковъ, мочить нѣсколько часовъ въ растворѣ хлористаго цинка.

Академія Художествъ и Общество поощренія національной промышленности одобряютъ способъ г. Сталя, который подробно описанъ въ *Bulletin de la Société d'Encouragement pour l'Industrie nationale*.

— *Средство, помощію электричества, предохранять паровые котлы отъ взрывовъ.* — Г. Дуннъ придумалъ способъ примѣнить электричество къ предохраненію паровыхъ котловъ отъ взрыва. Это совершается присоединеніемъ простого электрическаго снаряда къ паровому котлу, чрезъ дѣйствіе котораго мгновенно обнаруживается степень давленія паровъ. Къ котлу придѣлывается обыкновенная,

стеклянная трубка со ртутью; расширеніе послѣдней отъ возвышенія температуры, усиливающей давленіе пара, поднимаетъ рычажокъ, образующій электрическій токъ, и вслѣдствіе того начинается звонъ, обращающій вниманіе на чрезмѣрное давленіе въ котлѣ.

— *Пуфы американскихъ журналовъ о Калифорніи.* — Американскіе журналы наполнены самыми гиперболическими разсказами о минеральныхъ богатствахъ Калифорніи. Что калифорнскіе золотые пріиски чрезвычайно богаты, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но всякій разсудительный и знающій человѣкъ невольно улыбнется, читая статьи американскихъ газетъ, написанныя съ цѣлію возбудить въ самой высшей степени общее любопытство, и безъ того уже обращенное на новый Эльдорадо. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ послѣднихъ полученныхъ нумеромъ «*New-Iork Herald*» пишутъ о множествѣ найденныхъ самородковъ по 8, 10 и даже 25 фунтовъ вѣсомъ. Таже газета увѣряетъ, будто бы открыты въ Калифорніи еще два серебряные рудника и четыре мѣстонахожденія ртути, самыя богатѣйшія въ цѣломъ свѣтѣ; но эти открытія содержатся въ-тайнѣ, потому-что недостаетъ рукъ для разработки. Но не только благородные металлы, а еще всякаго рода драгоцѣнные камни изобилуютъ въ Калифорніи, по словамъ «*New-Iork Herald*». Увѣряютъ, что одинъ работникъ нашелъ въ долинѣ Сакраменто алмазъ въ куриное яйцо и предлагалъ продать его генералу Валлехо (*Vallego*) за 180,000 долларовъ, или 250,000 рублей серебромъ! Находятъ также множество изумрудовъ, но рудокопы не знаютъ еще настоящей ихъ цѣны.

Мы позабыли еще сказать, что таже газета надѣляетъ Калифорнію несмѣтнымъ изобиліемъ платины.

Громки бубны за горами!

— *Кладъ, найденный на кораблѣ.* — Карлстонъ, судно въ 240 тоннъ, находящееся теперь въ Лондонѣ, было недавно куплено тремя промышленниками для перевозки каменнаго угля изъ Ньюкестля; но, по неизвѣстной причинѣ, эти промышленники задумали сбыть это судно съ рукъ. Новые покупщики, осматривая внутренность, заключили по звуку, что одинъ изъ бимсовъ сгнилъ, и потому предложили вынуть его и осмотрѣть. Но каково было общее удивленіе, когда, по вынутіи бимса, вмѣсто предполагаемой гнили, найдено углубленіе, заключавшее въ себѣ мѣшки съ испанскими піастрами, суммою слишкомъ на сто тысячъ рублей серебромъ! По справкѣ оказалось, что это судно лѣтъ за 15 тому назадъ употреблено было для торга неграми и захвачено въ-расплохъ, такъ-что спасшійся бѣгствомъ капитанъ не успѣлъ захватить съ собою спрятаннаго сокровища. Съ

тѣхъ поръ никто не подозрѣвалъ существованія на этомъ кораблѣ клада, найденнаго совсѣмъ неожиданно.

— *Скачки на Марсовомъ полѣ.* — Несмотря на неблагопріятную погоду, скачки на Марсовомъ полѣ состоялись 8 октября. Проливной дождь разогналъ всѣхъ любопытныхъ, въ центрѣ поля было только нѣсколько экипажей. За исключеніемъ павильона президента республики, въ которомъ находился министръ торговли съ нѣсколькими лицами, и павильона Жокей-клоба, все было пусто.

Бѣгъ начался призомъ въ 1,500 фр., назначеннымъ министромъ торговли жеребцамъ и кобыламъ 3-хъ лѣтъ и болѣе, родившимся и выѣзженнымъ во Франціи и записаннымъ во французскую Стёд-Бёкъ *(Stud-Boock)*. Право участія въ бѣгѣ стоило 100 фр.; дистанція — 2,000 метровъ. Изъ девяти записанныхъ лошадей состязались восемь: призъ остался за *Аброй*, кобылой г. д'Эдувиля.

За тѣмъ открылся бѣгъ на призъ національныхъ заводовъ въ 4,000 франковъ для четырехъ-лѣтнихъ кровныхъ жеребцовъ и кобылъ. Право бѣга — 400 фр.; дистанція — 4,000 метровъ безъ перебѣжки. Изъ пяти записанныхъ лошадей бѣжали три: призъ получила *Серенада* г. Бово, но его сильно оспоривалъ *Дулькамера* Картера.

Третій призъ *Омніумъ* въ 4,000 фр. для франц. лошадей; право бѣга — 300 фр.; дистанція — 2,400 метровъ. Записана была 21 лошадь, 8 отказались. Между девятью оставшимися завязался сильный бой, и только при послѣднемъ поворотѣ *Эксперіансъ* г. Картера перегналъ *Люиса* г. Бово.

Четвертый призъ *Осенній* въ 1,000 фр. для жеребцовъ и кобылъ трехъ-лѣтнихъ. Дистанція — одинъ кругъ съ тремя перебѣжками; бѣжало шесть лошадей. Въ первый разъ обогнала всѣхъ *Магнезія* г. Бове и, недалеко за нею, *Навтилъ* г. Альбретта; во второй взялъ верхъ *Навтилъ*, въ третій *Гольбейнъ Филли* г. Франса оставилъ за собою и *Магнезію* и *Навтила;* въ четвертый разъ призъ окончательно остался за *Навтиломъ*.

На соисканіе приза Сенъ-Ложе въ 6,000 франковъ явилось 17 лошадей; бѣжало только три: *Лордъ-Вагсъ* выигралъ, ко, перебѣжавъ цѣль, грянулся и изнохъ отъ усилія. Жокей не былъ раненъ.

— *Необыкновенный метеоръ.* —27 сентября, въ 4 часа пополудни, въ Кастера-Вердузанѣ было замѣчено необыкновенное метеорологическое явленіе: опрокинутая радуга, которая появилась не противъ солнца, какъ обыкновенно, а на одной сторонѣ съ нимъ.

Этотъ феноменъ называется метеорологами *антеліей* и происходитъ тогда, когда наблюдатель находится между солнцемъ и облакомъ, производящимъ рефракцію свѣта.

— *Атмосферическій феноменъ.* — 20 октября страшный вихрь опустошилъ мѣстечки Дувръ, Деливрандъ и Вьё-Люкъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, этотъ атмосферическій феноменъ образовался около Бали и пошелъ оттуда по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Въ Дуврѣ онъ сорвалъ соломенную крышу, въ Деливрандѣ пострадали всѣ соломенныя крыши и находившіяся на площади лавки. Запряженная карета была поднята силою вихря и нѣсколько разъ перевернута. Нѣсколько лошадей были ранены.

— *Садовникъ Ротшильда.* — Съ нѣкотораго времени любители садоводства восхищаются истинно удивительными произведеніями садовника г. Кокильяра. Этотъ искусный практикъ достигъ, совокупленіемъ растеній одинаковыхъ семействъ, сочетанія самыхъ различныхъ породъ, посредствомъ травянистой приправки. Такъ на кустѣ розановъ рода *the jaune* растетъ клубника, перемѣшивающая свои фрукты съ цвѣтами куста. Эти два растенія, принадлежащія къ отряду *rosacées* въ отдѣлѣ травянистомъ и древесномъ, привиты на одномъ шиповникѣ и растутъ превосходно. Также успѣшно соединяетъ онъ клубнику рода *queen Wittoria* съ вишнею рода *Reine Hortense* и рододендронъ съ ацалеей. Но болѣе всего возбуждаютъ любопытство любителей превосходныя кисти виногдрада *perle blanche*, перемѣшаннаго съ *nis noir*. Чтобы достичь этого результата, г. Кокильяръ, садовникъ Ротшильда, прививаетъ эти различные сорты на самой вѣткѣ кисти и располагаетъ ихъ такъ, чтобы они составляли самые разнообразные оттѣнки цвѣтовъ. Всѣ эти продукты замѣчательны вмѣстѣ съ тѣмъ какъ артистическія произведенія.

— *Мелкія замѣтки.* — На одной изъ лондонскихъ фабрикъ, занимающихся обработкою гутта-перчи, выдѣлана на-дняхъ изъ этого матеріяла цѣльная водопроводная труба, въ 135 саженъ длиною! Она назначена для одного помѣщика въ Уэрвикширскомъ графствѣ, который намѣренъ, помощію ея, провести воду изъ садового пруда въ свой господскій домъ.

— Общество поощренія ремеслъ и искусствъ производило недавно опыты тушенія пожаровъ по способу, изобрѣтенному г. Годеномъ (*Gaudin*) и давшему неожиданно благопріятные результаты. Все дѣло состоитъ въ томъ, что въ воду, наливаемую въ пожарныя бочки, нужно бросать нѣсколько солянокислой извести, которая, по своей чрезвычайной растворимости, почти мгновенно распускается въ водѣ. Вода, содержащая эту соль въ растворѣ, превосходно тушитъ огонь, и дерево, политое ею, нескоро вновь загорается.

При этомъ случаѣ не мѣшаетъ вспомнить объ англичанинѣ Филипсѣ, который, также въ нынѣшнемъ году, выдумалъ и испытывалъ свой новый способъ тушенія пожаровъ. Г. Филипсъ устроилъ при-

боръ, отдѣляющій въ желаемый моментъ огромное количество углекислаго газа, направляемаго металлическою трубкою на горящія тѣла, которыя отъ этого немедленно тухнутъ. Журналы разсыпаются въ похвалахъ способу г. Филипса

Дай Богъ, чтобы хотя одинъ изъ этихъ способовъ оказался дѣйствительно удобопримѣнимымъ на практикѣ.

— Много было писано о томъ, какъ сдѣлать дерево и различныя ткани несгараемыми. Съ этою цѣлію предлагаемы были многія средства, но преимущественно растворимое стекло, соль, состоящая изъ кремнекислаго кали, и фосфорнокислыя соли; однакожь, при продолжительномъ дѣйствіи жара, средства эти оказывались недостаточными.

Нынѣ г. Смитъ многочисленными опытами убѣдился, что лучшее предохранительное отъ дѣйствія огня вещество есть сѣрнокислый амміакъ, который позволяетъ дереву или ткани, имъ напитаннымъ, обугливаться, но не горѣть. Г. Смитъ утверждаетъ, что если выстроить домъ изъ лѣса, пропитаннаго сѣрнокислымъ амміакомъ, то въ такомъ домѣ можно будетъ разводить огонь на полу, безъ малѣйшей опасности для зданія: обгоритъ поверхностно только то мѣсто, гдѣ разложится огонь.

Мы не видѣли опытовъ Смита, но, читая подробное описаніе и объясненіе этого способа, не можемъ не согласиться, что способъ Смита чрезвычайно національенъ и составляетъ дѣйствительно важное открытіе.

— По увѣренію Купера, смѣсь изъ 16 ч. мѣди, 1 ч. цинка и 7 ч. платины даетъ сплавокъ, такъ похожій на золото 64 пробы, или 16-ти кратное, что можетъ вполнѣ замѣнить его для всѣхъ галантерейныхъ издѣлій, обходясь притомъ несравненно дешевле. Онъ весьма ковокъ и тягучь, если въ немъ нѣтъ ни малѣйшей примѣси желѣза; на воздухѣ и въ водѣ не измѣняется и не тускнѣетъ и даже противостоитъ дѣйствію крѣпкой водки, если она только употребляется въ холодномъ состояніи. Для составленія этого замѣчательнаго сплава (о которомъ извѣстная газета *Berliner Gewerb. Industr. und Handelsblatt* отзывается чрезвычайно выгодно) сперва плавятъ мѣдь съ платиною, покрывъ ихъ угольнымъ порошкомъ съ примѣсью буры; сплавленную же массу вынимаютъ изъ огня и, помѣшивая, прибавляютъ въ тигель цинку.

— Постановленіемъ сѣверо-американскаго правительства добыча золота въ Калифорніи дозволена только однимъ гражданамъ Союза; иностранцамъ же она запрещена подъ опасеніемъ взысканія съ нихъ денежнаго штрафа. Впрочемъ, въ Калифорніи смѣются надъ этимъ

постановленіемъ, потому-что нѣтъ рѣшительно никого, кто бы имѣлъ надзоръ за приведеніемъ его въ исполненіе.

— Извѣстный инженеръ Робертъ Стефенсонъ отправленъ англійскимъ правительствомъ въ Египетъ для изслѣдованія на мѣстѣ, есть ли возможность провести желѣзную дорогу по Суэзскому перешейку и соединить такимъ образомъ Средиземное море съ Индѣйскимъ.

— Въ Парижѣ недавно начали приготовлять разные предметы изъ просвѣчивающей слоновой кости, которые, будучи погружены въ горячую воду или молоко, размягчаются и дѣлаются гибкими наподобіе толстой кожи. Такимъ образомъ фабрикуютъ искуственные рожки, соски и другія вещи. Для этого кладутъ предметы, выточенные изъ слоновой кости, въ весьма крѣпкую фосфорную кислоту и держатъ ихъ въ этой жидкости, пока онѣ не примутъ полупрозрачнаго вида; послѣ того вынимаютъ, обмываютъ водою, на-сухо обтираютъ полотенцемъ, и вещь готова.

Предметы, обработанные этимъ способомъ, такъ гибки, что кажутся сдѣланными изъ кожи; на воздухѣ они твердѣютъ, но отъ дѣйствія горячихъ жидкостей вновь получаютъ прежнюю гибкость. И другія кислоты, — преимущественно соляная и уксусная, — дѣйствуютъ на кость подобно фосфорной, только не такъ скоро и совершенно.

— Нынѣ показывается въ Лондонѣ публично машина, изобрѣтенная г. Пети, разсмотрѣнная и одобренная Королевскимъ Обществомъ для споспѣшествованія успѣхамъ наукъ. Она обѣщаетъ сдѣлать коренной переворотъ въ типографскомъ искусствѣ, изготовляя самодѣйствующимъ механизмомъ типографскіе шрифты не изъ обыкновеннаго *гарта*, а изъ мѣди. Помощію этой машины, можно изъ мѣдной проволоки изготовить до 36,000 литеръ въ сутки, вовсе не расплавляя металла, а только однимъ механическимъ давленіемъ стальныхъ матрицъ и пуансоновъ. Приготовленный такимъ образомъ шрифтъ необыкновенно вѣренъ, красивъ и, по увѣренію лондонскихъ типографщиковъ, во сто разъ прочнѣе гартоваго.

— Нѣкоторыя дирекціи англійскихъ желѣзныхъ дорогъ выдумали новую систему застрахованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ, на этихъ дорогахъ. Пассажиръ, ѣдущій въ первокласномъ вагонѣ, приплачиваетъ пять пенни (7½ коп. сер.) къ цѣнѣ за мѣсто, и тѣмъ пріобрѣтаетъ право на вознагражденіе въ 1,000 фунтовъ стерлинговъ (около 6,500 р. сер.), если случится, что онъ пострадаетъ отъ несчастнаго приключенія, случившагося во время того поѣзда. При меньшей платѣ, вознагражденіе уменьшается въ

соразмѣрности. Если пассажиръ будетъ убитъ, то слѣдующая ему премія выдается его наслѣдникамъ.

— Восемь лѣтъ тому назадъ, одинъ этампскій негоціантъ, пользовавшійся огромнымъ кредитомъ, объявилъ себя банкротомъ. Кредиторы дали ему 15 лѣтъ на окончательный срокъ уплаты процентовъ и капитала, но впослѣдствіи потребовали немедленной уплаты $^3/_5$ долга, что́ и было произведено. Съ тѣхъ поръ семейство негоціанта (онъ, жена и четыре дочери) жило въ уединеніи, поддерживаемое бабушкой, очень богатой женщиной. Вдругъ бабушка, отецъ и мать умираютъ отъ холеры: дѣти остаются обладателями состоянія, котораго оказывается болѣе милліона франковъ. Тотчасъ явилась толпа претендентовъ на руки дочерей банкрота; и онѣ могли бы преспокойно наслаждаться своимъ богатствомъ; но возстановленіе чести отца казалось имъ важнѣе всего. И точно, весь долгъ былъ уплаченъ ими сполна. На днях Этампъ принялъ праздничный видъ: толпы народа стояли у главной церкви и привѣтствовали громкими кликами карету, изъ которой вышли четыре прекрасныя собою дѣвушки: то были дочери негоціанта, честь котораго была возстановлена; онѣ шли соединиться бракомъ съ четырьмя избранными ихъ сердца.

— Послѣ одного изъ представленій *Fée aux Roses* двое обычныхъ посѣтителей оркестра шли около полуночи по улицѣ Вивьень. У дома № 28 одинъ изъ нихъ наткнулся на какой-то предметъ, лежавшій на тротуарѣ. Оказалось, что это былъ ребенокъ въ корзинкѣ. Театралы внесли его въ неподалеку находившійся модный магазинъ, гдѣ онъ былъ встрѣченъ нѣжными попеченіями всѣхъ швеекъ. Дитя начало улыбаться. Швеи рѣшили усыновить ребенка и стали думать о томъ, какое бы дать ему имя. «Чего же лучше?» сказалъ одинъ изъ театраловъ—«назовемъ его *Fée aux Roses*». Дѣвицы возстали противъ этого, и дитя получило имя *petit Ange*, подъ которымъ оно и было записано на другой день въ мерію.

— Въ Клавзолѣ умеръ недавно г. Декруа 95 лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ послѣ себя 103 человѣка дѣтей, внучатъ и правнуковъ.

III.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Октябрь 1849.

1) Холостякъ, *комедія въ трехъ дѣйствіяхъ*, Ив. Тургенева.

Четырнадцатаго октября происходилъ въ Александрынскомъ театрѣ спектакль, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ: шелъ бенефисъ одного изъ любимѣйшихъ артистовъ какъ московской, такъ и петер-

бургской публики — М. С. Щепкина, и въ бенефисъ этотъ давалась въ первый разъ новая русская комедія *Холостякъ*, соч. И С. Тургенева. Талантъ г. Тургенева хорошо извѣстенъ читателямъ Современника. До 1847 года г. Тургеневъ, начавшій свое поприще стихами, не имѣлъ опредѣленной физіономіи, какъ писатель, и можно сказать, что извѣстность его въ литературѣ началась съ «Записокъ Охотника», появившихся въ 1847 году въ «Современникѣ». Въ нихъ талантъ его опредѣлился рѣзко. Въ прошломъ году г. Тургеневъ попробовалъ свой многосторонній талантъ въ комедіи, и опытъ былъ удаченъ; съ той поры онъ постоянно пишетъ комедіи, и кромѣ напечатанныхъ уже и извѣстныхъ публикѣ пьесъ «Гдѣ тонко, тамъ и рвется» и «Холостякъ», намъ извѣстны еще двѣ комедіи г. Тургенева, изъ которыхъ одна, подъ названіемъ «Завтракъ у Предводителя», скоро будетъ дана, какъ мы слышали, на Александрынскомъ театрѣ. Наконецъ пятое, недавнее произведеніе г. Тургенева, комедія въ пяти актахъ «Студентъ», уже обѣщано авторомъ редакціи «Современника», и мы скоро надѣемся представить эту комедію нашимъ читателямъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что комедія есть настоящій родъ г. Тургенева, что талантъ его собственно всего лучше проявляется въ комедіяхъ. Мы думаемъ, что талантъ г. Тургенева такого рода, что онъ можетъ примѣниться до извѣстной степени ко всякому роду: хотѣлось ему писать разсказы, онъ писалъ разсказы, и чѣмъ же хуже проявлялся его прекрасный талантъ въ «Запискахъ Охотника», чѣмъ въ комедіяхъ? вздумалось писать комедіи, и онъ пишетъ комедіи, и комедіи его нравятся; даже, когда г. Тургеневу приходила, бывало, охота писать стихи, талантъ его и тутъ не терялся совсѣмъ, а иногда даже проявлялся блистательно. Въ этой многосторонности таланта г. Тургенева, по нашему мнѣнію, скрывается и слабая сторона его, о которой поговоримъ при случаѣ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что г. Тургеневъ столько же способенъ къ комедіи, сколько и къ разсказу или роману, и если онъ рѣшился писать комедіи, а не разсказы и повѣсти, то тутъ мы видимъ одно преимущество: русская повѣсть еще имѣетъ на своей сторонѣ нѣсколько дарованій, а хорошія комедіи, какъ извѣстно всѣмъ, появляются у насъ такъ рѣдко.

Въ прошлой книжкѣ Современника въ «Письмѣ о русской журналистикѣ» было сказано подробно о литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ «Холостяка»; поэтому намъ остается сказать теперь только о сценической сторонѣ комедіи и о томъ, какъ выполнили ее артисты.

Главный недостатокъ, много повредившій полному успѣху комедіи и замѣченный всѣми — растянутость, недостатокъ почти всѣ-

бѣжный въ каждомъ первомъ произведеніи для сцены, и за который, слѣдовательно, нельзя винить автора. Въ первомъ актѣ почти нѣтъ ничего лишняго, но второй утомилъ зрителей. Начинается онъ монологомъ, въ которомъ Вилицкій высказываетъ свое колебаніе: жениться на Машѣ ему уже не хочется послѣ того, какъ свѣтскій другъ его фонъ Фонкъ нашелъ и Машу и все семейство ея слишкомъ недостойными великой чести породниться съ Вилицкимъ; отказаться и страшно и совѣстно. Приходитъ фонъ Фонкъ съ грекомъ Созоменосомъ (лицо, замѣтимъ мимоходомъ, на сценѣ совершенно лишнее, чего не кажется въ чтеніи), и Вилицкій, прося его совѣта въ своемъ затруднительномъ положеніи, опять отчасти пересказываетъ то, что уже высказалъ въ первомъ своемъ монологѣ. Первый актъ начинается монологомъ слуги, развалившагося въ барскихъ креслахъ, второй кончается тѣмъ, что слуга ложится на господскій диванъ отдохнуть, съ соотвѣтствующими прибаутками. Эти двѣ сцены произвели непріятное впечатлѣніе, напомнивъ Осипа (въ «Ревизорѣ»). Мы увѣрены, что авторъ совершенно не расчитывалъ посмѣшить ими, а помѣстилъ ихъ потому, что такъ дѣйствительно бываетъ въ жизни; и въ чтеніи онѣ проходятъ совершенно незамѣтно; но авторъ не расчелъ, что на сценѣ ихъ будетъ произносить актеръ, и какъ подобную роль въ десять словъ нельзя дать хорошему актеру, то слѣдовательно плохой актеръ; что онъ, пожалуй, вообразитъ, что собственно отъ его роли зависитъ успѣхъ или паденіе всей пьесы, и постарается, чтобъ роль вышла какъ можно поэффектнѣе. Такимъ образомъ изъ мимолетныхъ десятка словъ выйдетъ нѣчто торжественное, на чемъ зритель поневолѣ пріостановитъ свое вниманіе, хотя пріостановить тутъ его вниманіе авторъ не желалъ, да и причины не было. Избѣжаніе подобныхъ непріятностей, часто обращаемыхъ поверхностными судьями въ вину самой пьесѣ, пріобрѣтается только знаніемъ сцены, и часто даже той сцены въ особенности, гдѣ играется ваша пьеса. Сдѣлаемъ еще слѣдующее замѣчаніе; оно, пожалуй, ничтожно, но показываетъ, какъ долженъ быть остороженъ иногда авторъ, пишущій для сцены. У г. Тургенева часто попадаются нѣсколько тривіяльныя фамиліи. — Гдѣ вы остановились? «Въ домѣ Блинниковой». Съ кѣмъ вы пріѣхали? «Съ купцомъ Сивопятовымъ» и т. п. Изъ этого выходитъ вотъ что́: актеръ, встрѣтивъ въ своей роли подобную фамилію (особенно, если роль незначительна и досталась плохому актеру), чаще всего думаетъ, что авторъ вставилъ ее съ намѣреніемъ разсмѣшить; поэтому онъ произноситъ ее съ особеннымъ ударе-ніемъ, — раскъ хохочетъ, а образованный зритель, не вникнувъ въ дѣло, сожалѣетъ, что авторъ прибѣгаетъ къ такой избитой манерѣ

остроумія! Конечно, подобные мелочные промахи могли бы легко быть предупреждены при личномъ присутствіи автора на репетиціяхъ пьесы, но г. Тургенева въ Петербургѣ нѣтъ. Обращаясь къ главному недостатку пьесы — растянутости, замѣтимъ еще, что третій актъ начинается разсказомъ, въ которомъ Мошкинъ передаетъ своему другу Шпундику то, что́ уже извѣстно зрителю изъ втораго акта; да и самая роль Мошкина (Щепкинъ) не чужда длиннотъ и повтореній, которыя нѣсколько ослабляютъ производимое ею впечатлѣніе.

Вотъ причины, по которымъ «Холостякъ» не имѣлъ того полнаго и блестящаго успѣха, котораго заслуживалъ по драматическому содержанію своему и по прекрасному его развитію.

Напрасно стали бы мы искать ихъ въ равнодушіи публики къ комедіи благородной и тонкой, въ неумѣньи оцѣнить тихое и искусное развитіе событія, не бросающагося въ глаза, но поразительнаго по своей естественности; нѣтъ, публика съ живымъ интересомъ и удовольствіемъ слѣдила за ходомъ пьесы, и все хорошее было замѣчено и одобрено громкими рукоплесканіями; жаркіе толки и споры о новой комедіи можно было слышать въ партерѣ и въ коридорахъ театра, но окончаніи пьесы, какихъ не услышите послѣ десятка новыхъ самыхъ эффектныхъ французскимъ водевилей. Ясно, что сочувствіе къ русской комедіи въ публикѣ существуетъ: явись настоящая русская комедія— и не увидишь, какъ по... тятъ со сцены, чтобъ уже никогда не возвратиться, жалкіе передѣлки и подражанія, безцвѣтныя и безличныя, натянутые фарсы, и т. п. Еще болѣе порадовало насъ сочувствіе къ русской комедіи въ нашихъ актерахъ, — сочувствіе, котораго нельзя было не замѣтить въ представленіе «Холостяка». Ни тѣни той самоувѣренной небрежности, которая встрѣчается при исполненіи фарсовъ и водевилей, незамѣтили мы при исполненіи «Холостяка». Артисты видимо принялись за дѣло съ уваженіемъ, подобающимъ русской комедіи, и исполнили его превосходно. Особенно поразилъ насъ г. Максимовъ, игравшій роль Вилицкаго, весьма трудную и представляющую много поводовъ къ фарсамъ, до которыхъ г. Максимовъ большой охотникъ въ водевиляхъ. Но ни одного фарса, къ радости и удивленію многихъ, не выкинулъ здѣсь г. Максимовъ, доказавъ тѣмъ, что можетъ, если захочетъ, обходиться и безъ фарсовъ. Онъ игралъ просто и естественно. Борьба мелкаго самолюбія съ остатками порядочнаго чувства, еще сохранившагося въ душѣ Вилицкаго, была передана имъ прекрасно въ первомъ актѣ; также хорошо былъ произнесенъ начальный монологъ второго акта. Можно находить въ его игрѣ недостатки; но намъ кажется, что трудно сыграть лучше эту роль,

столь понятную въ чтеніи и столь трудную, даже мѣстами невозможную для полной передачи на сценѣ; мудрено дать вполнѣ уразумѣть и прослѣдить зрителю, неприготовленному чтеніемъ пьесы, внутреннюю мелкую драму, обнаруживающуюся обыкновенно во внѣшности чуть замѣтными случайными признаками да игрой физіономіи, какъ и сдѣлано у автора. Подобные характеры лучше улегаются въ повѣсти. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ г. Максимовъ исполнилъ свою роль хорошо.

Г. Мартыновъ исполнилъ роль Шпундика съ искусствомъ и успѣхомъ тѣмъ болѣе замѣчательными, что роль его одна изъ самыхъ незначительныхъ.

Г. Каратыгинъ 2-й прекрасно сыгралъ роль фонъ Фонка, франта и резонёра, гнушающагося бѣдностью и презирающаго низшій кругъ, откуда онъ самъ недавно выскочилъ. Презрительныя улыбки, ужимки и гримасы, подниманіе плечь, сатирическое подергиваніе носа и всей физіономіи, безпрестанное охорашиваніе собственной особы, которая ежеминутно боится замараться отъ прикосновенія окружающихъ ее плебеевъ, — все это было въ игрѣ г. Каратыгина и производило непритворный смѣхъ.

Г-жа Самойлова 2-я вѣрно передала роль простой русской дѣвушки Маши, а г-жа Линская неподражаемо хорошо выполнила роль Катерины Савишны Пряжкиной, вдовы и кумушки пожилыхъ лѣтъ. Разсказъ о знакомствѣ съ генеральшей Бондавдиной вышелъ у ней художественно вѣренъ. У г-жи Линской талантъ самобытный и оригинальный, особенно поражающій естественностію, по которой она не можетъ быть сравнена ни съ кѣмъ, кромѣ г. Мартынова; на сценѣ она какъ-будто дома, и въ голосѣ ея часто звучатъ ноты, которыя вдругъ переносятъ васъ въ дѣйствительную жизнь, напоминая вамъ множество сценъ и фразъ, Богъ знаетъ когда и гдѣ видѣнныхъ и слышанныхъ. Это признакъ таланта первостепеннаго.

Наконецъ мы дошли до самого бенефиціанта, игравшаго главную роль старика Мошкина, влюбленнаго, безъ собственнаго вѣдома, въ свою воспитанницу и сватающаго ее за другого. Роль эта, какъ ни трудна она, совершенно по силамъ и въ духѣ таланта Щепкина. Весь третій актъ съ самого того мѣста, гдѣ начинаются опасенія старика за участь своей воспитанницы, былъ торжествомъ Щепкина.... рукоплесканія не умолкали, и этотъ актъ, отдѣльно взятый, имѣлъ огромный успѣхъ.

Заключимъ нашу статью благодарностью бенефиціанту за то, что онъ подарилъ публику въ свой бенефисъ новой русской комедіей, и вмѣстѣ съ тѣмъ не забудемъ поблагодарить просвѣщенную дирекцію театровъ, давшую ему средства поставить на сцену эту комедію.

2) Отсталые люди или предразсудки противъ науки и искусства, *комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи*. П. Г.

Въ деревню, къ своей матери, пріѣзжаетъ кончившій курсъ въ московскомъ университетѣ лекарь Черешневъ. Мать въ восторгѣ, но родственники знать его не хотятъ: «ты осрамилъ нашъ родъ» — говорятъ они ему — «ты сдѣлался фершеломъ!» Особенно горячится дядя Черешнева Мардасовъ (Мартыновъ), явившійся на сцену въ охотничьихъ сапогахъ и венгеркѣ, съ арапникомъ въ рукѣ. Во время самаго жаркаго монолога о посрамленіи своего рода, вдругъ онъ пріостанавливается, ужасъ выражается на его лицѣ: «батюшки! Свирѣпъ мой воетъ!» кричитъ онъ отчаяннымъ, плачущимъ голосомъ и сломя-голову бѣжитъ вонъ. Можете себѣ представить, каковъ тутъ Мартыновъ! Между тѣмъ Черешневъ, обдумавъ свое положеніе, начинаетъ выдавать себя за мота, картежника, пьяницу и отрекается отъ своего лекарскаго званія, говоря, что онъ пошутилъ. Когда Мардасовъ возвратился и узналъ все это, радость его перешла всѣ границы; онъ обнимаетъ племянника, предлагаетъ тутъ же «сразиться въ картишки» и яркими красками описываетъ ему сцену травли, представляя въ одно время голосомъ и движеніями и собакъ, и лошадей, и восторженнаго охотника, и обреченнаго гибели зайца. Мартыновъ туть очень хорошъ. Нужно замѣтить, что эта сцена цѣликомъ взята изъ другой пьесы (мы забыли ея названіе), гдѣ она и полнѣе и лучше, и гдѣ выполнялъ ее Щепкинъ, который хорошъ въ ней по своему. Во время этого разсказа приходятъ сказать, что лошадь сшибла молодого Перепелкина (одного изъ гостей Черешневой). Мать и отецъ его бросаются изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ вносятъ на сцену молодого человѣка, съ переломленной ногой. Черешневъ помогъ ему, и это, кажется, убѣдило присутствующихъ, что званіе лекаря — полезное и непостыдное званіе. Такова мораль пьесы, направленной, какъ видитъ читатель, на предразсудокъ, уже несуществующій. Кто знаетъ дѣло ближе, тотъ не станетъ утверждать, чтобъ кто-нибудь сталъ гнушаться званіемъ лекаря. Многіе помѣщики даже душевно желаютъ, чтобъ дѣти ихъ сдѣлались лекарями. Молодые доктора, пріѣзжающіе въ провинціяльные города, внушаютъ нѣчто въ родѣ зависти не однимъ бьющимся изъ куска хлѣба. Замѣтимъ еще, что герои пьесы принадлежатъ къ среднему дворянству и по роду и по состоянію. Впрочемъ, еслибъ они принадлежали къ высшему кругу и были очень богаты, — тогда пьеса еще менѣе выиграла бы въ естественности... Распространяемся объ этомъ потому, что разбираемая пьеса есть лучшій образчикъ неудачной сатиры, бьющей по воздуху и происходящей отъ

неумѣнья авторовъ подмѣтить истинно смѣшную сторону въ обществѣ, соединеннаго съ желаніемъ поострить на-счетъ ближняго. Любо поглядѣть, съ какимъ жаромъ, какъ глубокомысленно авторы разныхъ психологическихъ (особенно психологическихъ) повѣстей *бичуютъ* пороки и предразсудки — несуществующіе! А между тѣмъ сколько дѣйствительно смѣшного совершается каждую минуту вокругъ насъ, и какъ мало стоитъ подмѣтить это смѣшное! Для этого нужно только быть наравнѣ съ своимъ временемъ. Это, конечно, немного, — не то, чтобы смотрѣть въ будущее и читать въ немъ, — но что̀ немного для васъ, почтенный читатель, то можетъ быть очень и очень много для автора «Отсталыхъ Людей».

Но я позабылъ сказать, что̀ было самаго лучшаго въ этой пьесѣ: это г. Рословскій, игравшій роль идіота, пріѣхавшаго въ гости къ Черешневымъ. Тупое выраженіе лица и всей фигуры, идіотская неподвижность и безжизненность глазъ, полныхъ постояннаго и чуткаго, но безплоднаго вниманія, ровный, однообразный голосъ, безъ малѣйшихъ пониженій или повышеній, самый костюмъ и прическа, — все это было соединено г. Рословскимъ такъ искусно, что изъ его пустой и ничтожной роли въ десять словъ вышла лучшая роль пьесы. Жена у этого идіота страшная тараторка; онъ молчаливъ. Иногда жена въ потокѣ безконечныхъ своихъ разсказовъ упомянетъ вскользь имя мужа, сошлется на его свидѣтельство, скажетъ что-нибудь о немъ: чутко насторожитъ онъ уши, приподниметъ немного вѣчно наклоненную на одинъ бокъ голову, произнесетъ какъ автоматъ: «*точно такъ, да-съ; въ этомъ должно отдать мнѣ* (или *ей*) *полную справедливость*», и опять замолчитъ, и опять слушаетъ съ тупымъ вниманіемъ, настороживъ глаза и уши. Иногда онъ собьется, хочетъ сказать что-то кромѣ своей обычной фразы — другое, новое; жена поправитъ его. «Да! скажетъ онъ, тотчасъ отступившись отъ начатой фразы, хотя бы на половинѣ ея. «Да!» повторитъ онъ, значительно кивая головой и тараща тупые глаза; за тѣмъ онъ слово-въ-слово повторитъ, что̀ сказала жена, — прибавитъ: «*въ этомъ должно отдать мнѣ полную справедливость*», и замолчитъ со спокойною совѣстію, съ достоинствомъ. Г. Рословскій весьма рѣдко появляется на сценѣ, и всегда въ роляхъ ничтожныхъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что у него есть талантъ: онъ доказалъ это ролью идіота Перепелкина, по которой плохая пьеса «Отсталые люди» долго останется въ памяти тѣхъ любителей театра, которые, любуясь Мартыновымъ и другими *признанными* талантами, въ тоже время умѣютъ замѣтить хорошее и въ актерѣ, непользующемся авторитетомъ. Онъ игралъ превосходно, — *въ этомъ должно отдать ему полную справедливость.*

Что́ касается до насъ, то мы весьма желали бы, чтобъ г. Рословскій нашелъ случай попробовать свои силы въ какой-нибудь порядочной роли.

3) Старое время. *Небылица въ лицахъ, въ четырехъ дѣйствіяхъ.* «Небылица въ лицахъ» по всей вѣроятности сдѣлана изъ повѣсти—изъ какой? этого я не помню: изъ чьей?—тоже непомню, но думаю, что изъ повѣсти г. Кукольника. По-крайней-мѣрѣ содержаніе пьесы, завязка, развязка и вся обстановка удивительно напоминаютъ повѣсти г. Кукольника. Дѣйствіе первое — *магистратская дума и немецкая любовь.* Засѣдаютъ купцы въ думѣ, входитъ товарищъ ихъ Андрей Александрычъ Ковригинъ (Григорьевъ 2); онъ весьма мраченъ, отрывисто разсказываетъ, что дочь его испорчена цыганкой, и дума расходится. Дѣйствіе второе: *благодѣтельный человѣкъ и цыганскій таборъ.* Приходитъ въ таборъ Ковригинъ, шепчется съ какой-то цыганкой и узнаетъ отъ нея, что единственное средство спасти его дочь — это выдать ее за нѣмца. И вотъ старикъ купецъ бросается искать жениха нѣмца. Дѣйствіе третіе: *сватовство на скорую руку.* Старику попадается капитанъ бутырскаго полка Вильгельмъ Иванычъ Фонъ (Мартыновъ), и онъ въ полчаса сосватываетъ ему свою дочь. Дѣйствіе четвертое: *Донось.* Цыганка, давая совѣтъ старику взять жениха нѣмца, имѣла въ виду совсѣмъ не Фона; когда же узнала, что женихомъ сдѣлался Фонъ, поднялась кутерьма. Цыганка и нянька Ковригиной пришли къ Андрею Евстафьичу Бычкову, дьячку и секретарю магистрата, человѣку опытному и политичному, который посовѣтовалъ набрать оружіе тихое и кроткое, какъ сама невинность, именно донось. Доносецъ былъ состряпанъ весьма ловко и скоро, однакожь, не пошелъ въ-прокъ: — когда готовились пустить его въ ходъ, жениха и невѣсту, уже обвѣнчанные, выходятъ изъ церкви. Увидавъ, что уже поздно поправлять дѣло, сочинитель доноса подскакиваетъ къ своему клеврету, беретъ у него донось и разрываетъ его на мелкія части; послѣ этого онъ идетъ на встрѣчу новобрачныхъ съ распростертыми объятіями и отъ души поздравляетъ ихъ. Его приглашаютъ на сватьбу. Вотъ бѣглый очеркъ содержанія пьесы. Въ цѣломъ она очень длинна, первые два акта весьма скучны, третій и четвертый поживѣе. Пьеса не имѣла большого успѣха, но и нельзя сказать, чтобъ вовсе не понравилась публикѣ, чему обязана она въ особенности игрѣ гг. Мартынова, Петрова и Григорьева 2-го и г-жи Линской.

Роль подьячаго Бычкова, пересыпанную перлами старинаго русскаго языка — *дондеже, понеже, поелику, бяху, паки, абіе* — была съиграна г. Петровымъ весьма удовлетворительно. Вообще г. Петровъ актеръ не безъ таланта. Только не можетъ онъ до сей поры выработать и проявить чего-нибудь *собственно своего.* Здѣсь и

не говоримъ о той оригинальности, которая заключается въ ролях, достающихся на долю г. Петрова: эти роли (подъячихъ, исправниковъ, помѣщиковъ въ родѣ Добчинскаго) оригинальны потому, что бо́льшею частію исключительны; но ту же самую оригинальность сообщитъ имъ и всякой другой актеръ съ дарованіемъ. Намъ кажется, что г. Петровъ могъ бы сдѣлать нѣчто лучше: наложить на роль печать собственной личности. Но, можетъ быть, онъ до сей поры неподалъ на роль, которая дала бы средство развернуться вполнѣ его таланту; а какая это должна быть роль, актеру часто и самому неизвѣстно: это почти всегда дѣло случая. Г. Мартыновъ и г. Григорьевъ 2-й очень хороши были въ сценѣ сватовства, а г-жа Линская прекрасно сыграла роль купеческой дочки.

Мы не успѣли посмотрѣть бенефиса г-жи Гусевой, и потому двѣ данныя въ тотъ бенефисъ оригинальныя пьесы: 1) «Камиллъ римскій докторъ» и 2) «Лоскутница съ толкучаго», должны подождать нашего отзыва до слѣдующей книжки. Скажемъ здѣсь, въ заключеніе нѣсколько словъ, о томъ, что́ теперь всего сильнѣе волнуетъ и радуетъ любителей театральныхъ зрѣлищъ. Гризи и Маріо привели въ восторгъ петербургскую публику. Иначе и быть не могло. Больше уже не можетъ Петербургъ восторгаться, аплодировать, вызывать. Гризи великая артистка. Надобно видѣть ее въ Нормѣ....

Мудрено хвалить Гризи. Бывшая въ старыхъ нашихъ повѣствованіяхъ въ большой чести фраза: *описать ее* (конечно, героиню) *пятью словъ на языкѣ человѣческомъ*, какъ нельзя лучше примѣняется къ Гризи. Въ настоящее время мы не находимъ ничего сказать о ней, какъ развѣ повторить слова книгопродавца Лисенкова объ изданной имъ «Иліадѣ», которыя теперь повторяются при каждой публикаціи о ней: «Старикъ, отрокъ, мужъ и юноша — всѣ найдутъ въ ней отраду въ горести, утѣшеніе въ утратѣ», и такъ далѣе и такъ далѣе.... Да, Гризи точно доставитъ наслажденіе всякому. Она наполнитъ не выразимымъ наслажденіемъ душу мягкую, благородную, склонную къ нѣжнымъ чувствамъ, и растрогаетъ человѣка безчувственнаго, каменнаго, не пролившаго во всю жизнь ни одной слезы...

Есть у насъ писатель, хорошо знающій музыку и увлекательно умѣющій писать о ней, какъ и обо всемъ, о чемъ вздумается ему писать,—писатель, съ которымъ публика всегда охотно встрѣчалась въ нашемъ журналѣ, и съ которымъ, конечно, не безъ удовольствія встрѣтится она еще и въ этой книжкѣ: можетъ быть, онъ найдетъ краски, которыми съумѣетъ дать понятіе о Гризи тѣмъ, кто не видѣлъ и не можетъ увидѣть ее. Мы надѣемся скоро напечатать его статью о нынѣшней нашей Итальянской оперѣ. До сихъ поръ мы видѣли Гризи въ *Семирамидѣ* и *Нормѣ*, Маріо въ *Пуританахъ* (съ Фрез[illegible]) и въ *Лючіи* (съ Корбари).

HF
50
S695
n.s
v.18:
1849

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE